

**ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ И АКТУАЛЬНОЕ
В РАЗВИТИИ ЯЗЫКА: КАТЕГОРИИ,
ФАКТОРЫ, МЕХАНИЗМЫ**

XVIII Международная конференция
Школы-Семинара имени Л.М. Скрелиной

Сборник статей

Москва
МГПУ
Языки Народов Мира
2017

УДК 81`01
ББК 81.0я43
Ф94

Редакционная коллегия:

Л.Г. Викулова, доктор филол. наук, профессор (ответственный редактор)
Е.Г. Тарева, доктор пед. наук, профессор
О.В. Вострикова, кандидат филол. наук, доцент
И.В. Макарова, с.н.с., доцент

Ф94 **Фундаментальное и актуальное в развитии языка: категории, факторы, механизмы:** Сборник статей. Материалы XVIII Международной конференции Школы-Семинара имени Л. М. Скрелиной (Москва, 13–16 сентября 2017 г.). – М.: МГПУ; Языки Народов Мира, 2017. – 388 с.

ISBN 978-5-9909990-4-6

Сборник содержит материалы XVIII Международной конференции научной Школы-Семинара имени профессора Л. М. Скрелиной. В сборнике отражены проблемы, традиционно находящиеся в центре внимания научной Школы: фундаментальное и актуальное в развитии языка, человек как субъект языка и речи, психомеханизмы языка и речи, обеспечивающие рождение слова и формирование предложения; актуальные проблемы общего и романского языкознания.

Сборник адресован преподавателям, аспирантам, магистрантам, специализирующимся в области общего и романского языкознания, методики преподавания французского и других романских языков.

УДК 81`01
ББК 81.0я43

ISBN 978-5-9909990-4-6

© Коллектив авторов, 2017
© МГПУ, 2017

Оглавление

STANOVAIA LYDIA A. LOUISE M. SKRELINA ET SA CONCEPTION FONCTIONNELLE DE L'HISTOIRE DE LA LANGUE FRANÇAISE.....	7
ВОПРОСЫ ОБЩЕГО И РОМАНСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ	11
БЕЙН Е.И. ДИАХРОНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В СВЕТЕ ТЕОРИИ ПСИХОСИСТЕМАТИКИ.....	11
БОРБОТЬКО Л.А. КОММУНИКАТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ АУДИТОРИИ В РАМКАХ ТЕАТРАЛЬНОГО ДИСКУРСА.....	17
БОРИСОВА Е.С. ЭВОЛЮЦИЯ СЛОВА <i>BRAVO</i> В ИТАЛЬЯНСКОМ ЯЗЫКЕ.....	23
БОРОВИКОВА Н.В. КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ СЕМАТИКИ ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО-АНТРОПОНИМА В КАНАДСКОМ ВАРИАНТЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА.....	28
БУРЧИНСКИЙ В.Н. ВЫРАЖЕНИЕ ОГРАНИЧЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ.....	32
ВАСИЛЬЕВА Е.Г. 'МЯГКАЯ СИЛА' КОРОЛЕВСКОГО ПОРТРЕТА В ПРОСТРАНСТВЕ СЕМИОТИКИ.....	41
ВИКУЛОВА Л.Г., СЕРЕБРЕННИКОВА Е. Ф., МИХАЙЛОВА С.В. ДИАХРОНИЧЕСКАЯ ЭТНОСЕМИОМЕТРИЯ ЛЕКСЕМЫ <i>SALON</i>	47
ВОСТРИКОВА О.В. СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ ЭТНОСЕМИОМЕТРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЛЕКСЕМ <i>ИДЕНТИЧНОСТЬ / IDENTITY</i>	53
ВЫШЕНСКАЯ Ю.П. АЛЛИТЕРАЦИЯ КАК СТРУКТУРНАЯ И ДЕКОРАТИВНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СТИЛЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ СЛОВЕСНОСТИ)	55
ГАГАРИНА Л.С. ЭКСПЛИЦИТНОСТЬ И ИМПЛИЦИТНОСТЬ В ПСИХОСИСТЕМАТИКЕ	61
ГЕРАСИМОВА С.А. ФРАНЦУЗСКИЙ ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ТЕРМИН <i>ПРЕДИСЛОВИЕ</i> В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЕКЦИИ	65
ГРИГОРЬЕВА Е.Я. КРЕОЛИЗОВАННЫЕ ТЕКСТЫ КАК ИСТОЧНИК ЛИНГВОКУЛЬТУРОВЕДЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ	71
ГОРБУНОВ Ю. И. ТЕЗАУРУСНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ТЕРМИНОЛОГИИ В ЛИНГВИСТИКЕ И ЛИНГВОДИДАКТИКЕ	78
GRINEV S.V. ON LEXICAL ASPECTS OF LANGUAGE EVOLUTION.....	84
ДИАСАМИДЗЕ Л.Я., ДИАСАМИДЗЕ В.Г. К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ <i>ТЕКСТ</i> ЖАНРА «АНЕКДОТ»	87
ДУБНЯКОВА О.А., РАЙСКИНА В.А. МОРФОСИНТАКСИЧЕСКИЕ ТИПЫ НОМИНАЦИИ ПЕРСОНАЖНЫХ ЛИЦ.....	91

ЗАГРЯЗКИНА Т.Ю. ЯЗЫК И КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ГАСТРОНОМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА.....	98
ЗЕМЛЯНСКАЯ И.С. СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ТЕРМИНОЛОГИИ ПРЕДМЕТНОЙ СФЕРЫ НАЛОГОВОГО ПРАВА РОССИИ И ФРАНЦИИ.....	105
ЕГОРОВА О.С. КОММУНИКАТИВНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ ДВУХКОМПОНЕНТНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ.....	110
ILINSKI KIRILL DE LA CHAUVE-SOURIS ET DES PARTIES DU DISCOURS.....	114
ИЛЬИНА Т.П. О ВАРИАТИВНОСТИ В ДИАХРОНИИ.....	121
КАСЬЯНОВА Н.Б. МУЗЫКАЛЬНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ КАК ОСНОВА ДИСКУРСА В ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ МУЗЫКА.....	126
КЛЕЙМЕНОВА Н.М., АБАКАРОВА Н.Г. TOLERANCE КАК ФОРС-СЛОВО ФРАНЦУЗОВ	130
КОРОЛЕНКО О.И. ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛЯТИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ ФРАНЦУЗСКОЙ АКАДЕМИИ В XVII ВЕКЕ....	137
КРУГОВЕЦ В.С. ЧУВСТВА И ЭМОЦИИ В ЛИРИЧЕСКИХ ТРАГЕДИЯХ Ф. КИНО И Ж.Б. ЛЮЛЛИ.....	142
КУЗНЕЦОВА Т.Я. КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА: ТЕОРИИ ВЗАИМОСВЯЗИ ЯЗЫКА И СОЗНАНИЯ	147
КУЛАГИНА О.А. ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ДИССОНАНСА В РОМАНЕ Ф. ЛАРУИ «ГОД СРЕДИ ФРАНЦУЗОВ»	151
КУЛЕШОВА А.В. ИЗМЕНЕНИЯ СТРУКТУРЫ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ	155
ЛУКИНА А.Е. ДИАТОПИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ.....	162
ЛЫКОВА Н.Н. ПРОЯВЛЕНИЯ УСТНОЙ РЕЧИ В РАННИХ ФРАНЦУЗСКИХ ПРАВОВЫХ ДОКУМЕНТАХ.....	169
МАНУХИНА А.О. ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О САКРАЛЬНОМ В ДОКУМЕНТАХ ПЕРВОГО КРЕСТОВОГО ПОХОДА.....	176
МИХАЙЛОВА Е.Н., КОЛТУНОВА С.В. ИСПАНСКИЕ ГРАММАТИКИ ЗОЛОТОГО ВЕКА В СВЕТЕ ПРИНЦИПА АНТРОПОЦЕНТРИЗМА	181
НЕВЕЖИНА Е.А. ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА В АРЕАЛЕ ВАЛЛОНИЯ-БРЮССЕЛЬ	188
НОВОСЕЛОВА Н.В. К ВОПРОСУ О ФАКТОРАХ РАЗВИТИЯ БЕЗЛИЧНОЙ КОНСТРУКЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ	192
ОВЧИННИКОВА Г.В. СЕМАНТИЧЕСКАЯ ТРАНСПЛАНТАЦИЯ КОНВЕРСИВОВ С ЯДЕРНОЙ СЕМОЙ ЦВЕТ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ.....	196
ПОЛИКАРПОВА Т.Д. СИНТАГМЫ <i>SOUS+ИМЯ, AU-DESSOUS DE+ИМЯ, EN DESSOUS DE+ИМЯ</i> В ВЫРАЖЕНИИ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ.....	199
ПОЛЯКОВА Н.В. КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТОВ ФРАНЦУЗСКОЙ ПЕЧАТНОЙ РЕКЛАМЫ.....	203

ПОЛЯНСКАЯ Л.П. ПРЕДЛОЖЕНИЕ БЕЗ ФИНИТНОГО ГЛАГОЛА ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ.....	207
РАЗУМОВА Л.В. ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КВЕБЕКСКОГО РАЗГОВОРНОГО В ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ XIX ВЕКА.....	214
РЯНСКАЯ Э.М. ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ СХОДНЫХ ЯЗЫКОВЫХ ЯВЛЕНИЙ В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ.....	219
САЛИКОВА О.В. К ВОПРОСУ О ПРЕДИКАТИВНОСТИ СУБСТАНТИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ.....	225
СЕМИНА И. А. ДИНАМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ФРАНЦУЗСКИХ ШИРОКОЗНАЧНЫХ АНТРОПОНИМОВ В ДИСКУРСЕ.....	229
СКУРАТОВ И.В. ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМОВ	235
СЛАСТНИКОВА Т.В. СЕМАНТИКА ОБОБЩЕНИЯ ФРАНЦУЗСКОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ	238
СМИРНОВА В.А. ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНЕЙ В РОМАНЕ ГИ ДЕ МОПАССАНА «МИЛЫЙ ДРУГ»	243
СТАНОВАЯ Л.А. ГРАММАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ ВИДА В РУСЛЕ ФОРМИРОВАНИЯ И ЭВОЛЮЦИИ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА.....	249
СУСЛОВА О.Е. РОД И ПОЛ: К ВОПРОСУ О СРЕДНЕМ РОДЕ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ.....	258
SOUTET OLIVIER PROPOSITION POUR UNE DESCRIPTION SYSTEMATIQUE DU VERBE <i>AVOIR</i>	263
ТЕРЕБИХИНА И.Ю. КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ВЕРТИКАЛЬНОГО КОНТЕКСТА, ВКЛЮЧАЮЩЕГО ЧУЖУЮ РЕЧЬ.....	269
ТУРБИНА О.А. ПРИНЦИПЫ РЕЧЕВОГО СЕМИОЗИСА	274
ТЮРИНА Т.В. НИДЕРЛАНДСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ЛЕКСИЧЕСКОМ СОСТАВЕ БЕЛЬГИЙСКОГО ВАРИАНТА ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА	281
ХОХЛОВА Н.П. НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОНЯТИЙНОГО ОБРАЗА ТЕРМИНА	287
ШЕЛУХОВА Е.В. К ВОПРОСУ О СПОСОБАХ АКТУАЛИЗАЦИИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО В СТАРОФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ	291
ШКОЛЬНИКОВА О.Ю. ЭВОЛЮЦИЯ ФРАНЦУЗСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В ТРАНСКУЛЬТУРНОМ И НАДНАЦИОНАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ	295
ЯКОВЛЕВА Е.В. СТРУКТУРА КАТЕГОРИИ ЛИЦА	297
ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ.....	302
БАБИЧ Е.В. КАТЕГОРИЯ ТЕАТРАЛЬНОСТИ В ЛИТЕРАТУРНО- ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ	302
ВОСКНАРЕВ А.Е. DU CÔTÉ DE CHEZ PROUST : DU VÉGÉTAL À L'ÉSTHÉTIQUE.....	307

ДОРОГАЙКИНА Е.М. ЖАНР БЕСТИАРИЯ КАК СПОСОБ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЗООМОРФНОЙ КАРТИНЫ МИРА.....	311
КАРПОВА А.В. МОТИВ СНА КАК КОМПОЗИЦИОННЫЙ ЭЛЕМЕНТ РОМАНОВ Ж. ГРАКА.....	318
КИРНОЗЕ З.И., КАШЛЯВИК К.Ю. ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР ФРАНСУА МОРИАКА.....	321
ПЕСКОВА Е.А. СОЗДАНИЕ ОБРАЗА ПРЕЦИОЗНИЦ В ПРОИЗВЕДЕНИИ Ж.-Б. МОЛЬЕРА «СМЕШНЫЕ ЖЕМАННИЦЫ».....	324
ТИМАШЕВА О.В. СЮЖЕТ И КОМПОЗИЦИЯ КАК ПРИЕМЫ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ.....	327
ВОПРОСЫ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА.....	332
АНДРУХ А.О. ИННОВАЦИИ В ПРОВЕДЕНИИ МОНИТОРИНГА ИНОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВОГО ВУЗА.....	332
ВОСКРЕСЕНСКАЯ М.С. ФУНКЦИИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ В ОБУЧЕНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ (В ОБЛАСТИ ПРАВА) КОММУНИКАЦИИ ЧЕРЕЗ МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ.....	336
ГЛУХОВА Ю.Н. К ВОПРОСУ О МЕСТЕ КУЛЬТУРЫ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ.....	341
ГОЛОВЧАНСКАЯ И.И. ХОД И РЕЗУЛЬТАТЫ ОПЫТНО-ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ РАБОТЫ ПО ФОРМИРОВАНИЮ ФОНОСТИЛИСТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ УЧИТЕЛЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА.....	345
КОЗАРЕНКО О.М. РОЛЬ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ИЗМЕНЕНИИ МИРОВОЗЗРЕНИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА.....	353
МУРАТОВА О.А. РОЛЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ПРИ ПОДГОТОВКЕ СТУДЕНТОВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ВУЗА К УЧАСТИЮ В ГЛОБАЛЬНОМ ВИРТУАЛЬНОМ ИНОЯЗЫЧНОМ ОБЩЕНИИ.....	357
SMIRNOVA M A. LE METODOLOGIE TRADIZIONALI NELLA FORMAZIONE DI ITALIANISTI: VERSO UN APPRENDIMENTO INTEGRATO DELLE LS.....	362
ТАРЕВА Е.Г. ПРЕПОДАВАНИЕ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ УЧЕНОМУ И ПРЕПОДАВАТЕЛЮ-ПРАКТИКУ.....	366
ЧЕРКАШИНА Е.И. ПОДГОТОВКА БУДУЩИХ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА К ПРОЕКТИРОВАНИЮ ЛИНГВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ.....	373
ШУМЕЙКО Т.Н. К ВОПРОСУ О СУЩНОСТНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА.....	380
АВТОРСКАЯ СПРАВКА.....	383

Stanovaïa Lydia A.
Louise M. Skrélina et sa conception fonctionnelle
de l'histoire de la langue française

Tout en étant immuable dans sa fonction, la langue, phénomène très complexe, se trouve en évolution continue, parce que cette dernière est la condition essentielle de tout fonctionnement.

Louise M. Skrélina [Skrélina 1972: 306].

L.M. Skrélina (1930-2004) a travaillé dans le domaine de l'histoire de la langue française pendant toute sa vie, à commencer par la thèse du doctorat (Sur l'histoire de pronoms démonstratifs français. Expression de la catégorie de la personne par les pronoms démonstratifs en français de IXe-XVIIe siècles, Léninegrad, 1955), réalisée sous la direction de M.A. Borodina.

L.M. Skrélina a exposé sa conception théorique et méthodologique de l'histoire de la langue française dans un nombre impressionnant d'ouvrages (la bibliographie à consulter dans: Stanovaïa 2012), dont indiquons, en particulier, trois manuels destinés à la formation professionnelle supérieure:

Notions sur l'histoire de la langue française. – Minsk, 1965, 117 p. (en français);

Histoire de la langue française. – Moscou, 1972, 310 p. (en français);

Histoire de la langue française. – Moscou, 2001, 463 p.; 2005, 2e-ème éd. revue et corr.; 2013; 2014; 2015; 2016, 3e-ème éd. revue et corr. (en russe, en collaboration avec L.A. Stanovaïa).

Dès dans son premier grand ouvrage de 1965, L.M. Skrélina a exposé des idées de la linguistique structurale et fonctionnelle appliquées à la linguistique diachronique. Par conséquent, la description de l'histoire de la langue française est conçue et présentée comme l'évolution du système qui déroule selon les lois internes, parmi lesquelles celle de l'économie linguistique est considérée comme la plus importante. C'est ici qu'apparaissent, pour la première fois, l'image tridimensionnelle d'un cube servant de schéma pour illustrer la notion d'un système, ou sous-système, et la notion de la «diachronie des synchronies».

Dans les ouvrages ultérieurs, la conception théorique et méthodologique de L.M. Skrélina trouvera sa description et l'argumentation de la façon beaucoup plus nette et beaucoup plus compétente. Mais, partout, des idées de la linguistique structurale et fonctionnelle, affinées dans le cadre de la psychomécanique de G. Guillaume, y trouveront toujours une place considérable.

Exposons, très en bref, les notions et les idées les plus importantes, à notre avis, de la conception fonctionnelle et structurale de l'évolution du français, présentée dans les ouvrages de L.M. Skrélina.

1) La dichotomie «langue : parole (discours)».

La dichotomie «langue : parole (discours)» est conçue valable tant pour la linguistique synchronique que pour la linguistique diachronique. L'histoire d'une langue est considérée comme l'étude de son évolution en tant qu'évolution de la parole et de la langue.

La langue «n'est pas un simple dépôt de mots et de leurs formes, c'est un système où les éléments s'organisent selon leur position et selon leurs oppositions avec d'autres éléments» [Skrélina 1972: 14]. Tout changement de la langue se prépare et se passe dans la parole parce que «la parole est le fonctionnement de la langue à des fins communicatifs» [Skrélina 1972: 15].

La langue n'est pas un organisme homogène, ses aspects phonique, grammatical et lexical forment chacun un système à part qui évolue selon ses propres lois. L'évolution de chaque système peut se réaliser par des changements quantitatifs dans la parole et des changements qualitatifs dans la langue.

Dans une étude synchronique, l'analyse des rapports systématiques entre les éléments aide à comprendre le mécanisme de fonctionnement d'une langue. Dans une étude diachronique, la distinction entre langue et parole aide à comprendre le mécanisme de changement linguistique.

Quand on étudie les changements isolés des sons ou des formes - c'est le cas de la tradition, ou école néo-grammairienne, on constate leurs modifications régulières et/ou irrégulières, et ces régularités établies restent sans explication comme de simples constatations. Par conséquent, l'histoire d'une langue se présente comme un ensemble de faits décrits et classés chronologiquement. Par contre, quand on cherche à établir les causes internes des changements linguistiques, on s'adresse à la notion de système, d'harmonie et d'interdépendance entre les éléments du système.

2) L'évolution linguistique comme la «diachronie des synchronies».

Un état de la langue (ou coupe synchronique) est envisagé comme un système des systèmes quand le fonctionnement et l'évolution d'un système exerce son influence sur ceux de tous les autres. Les systèmes partiels ou particuliers d'un état de la langue constituent un système général qui représentent, au cours de l'évolution, le point d'arrivée du système précédent et le point de départ du système suivant. Par conséquent, en étudiant des systèmes généraux et partiels des coupes synchroniques, on étudie l'histoire d'une langue comme la «diachronie des synchronies».

En étudiant des formes et des emplois à travers les siècles, on passe en revue leur évolution, l'apparition des éléments nouveaux et la disparition des éléments vieillissants. L'analyse des faits isolés permet d'établir des rapports

fonctionnels entre les éléments et de reconstruire le système d'une coupe synchronique. Comparant les systèmes synchroniques successifs, on déduit des changements qualitatifs que subit le système. La comparaison des systèmes dans le cadre de la «diachronie des synchronies», fait voir les «points faibles» des systèmes analysés et les transformations subies et/ou en cours.

3) La langue en tant que système dynamique.

La langue est considérée comme un système dynamique qui se transforme sous l'influence des facteurs internes dont l'économie, la pression du système, la solidarité dynamiques des éléments du système, la tendance du système vers la symétrie et l'équilibre, la tendance vers la cohérence des signifiées et des signifiants.

Le système général d'une langue, aussi bien que ses systèmes partiels ou particuliers (sous-systèmes) doivent être économiques et symétriques. «La symétrie se traduit dans les oppositions qui sont marquées par des signes corrélatifs <...> L'économie se traduit en économie de marque dans les oppositions, quand le maximum d'oppositions significatives est exprimé avec le minimum de traits distinctifs» [Skréline 1972: 138].

L'économie est la force motrice de l'organisation du système. C'est l'économie qui régit l'évolution d'une langue vers l'équilibre nécessaire entre le signifiant et le signifié dans la structure d'un signe linguistique. Les changements du système, sa restructuration passent de sorte que le minimum de signes distinctifs serve à traduire le maximum de valeurs fonctionnelles.

Tout changement intervenu dans le domaine de la parole est considéré sous l'aspect qualitatif (changement de sens, changement de forme) et sous l'aspect quantitatif (comme la concurrence de formes nouvelles vs formes vieilles, exprimée en chiffres qui indiquent la fréquence de telle ou telle forme. Mais, le sort de formes concurrentes ne dépend pas toujours de leur fréquence: seul le système et les circonstances de son évolution peuvent servir d'explication aux changements linguistiques.

A. Martinet a remarqué à ce sujet le suivant: «Les difficultés qu'on éprouve à identifier les circonstances qui ont pu influencer sur la genèse d'un changement linguistique ne sauraient détourner les chercheurs d'une analyse explicative: il convient simplement de toujours donner la priorité à cet aspect de la causalité des phénomènes qui ne fait intervenir que la langue en cause et le cadre permanent, psychique et physiologique, de toute économie linguistique <... > [Martinet 1966: 217].

Les particularités de changements linguistiques se découvrent par suite d'une analyse des rapports qui existent entre les éléments d'un système. Ces rapports sont des oppositions qui servent à différencier les unités à tous les niveaux de langue : phonèmes, morphèmes, mots, groupes de mots.

4) La stabilité et l'évolution de la langue comme paradoxe et contradiction dialectique.

La stabilité de la langue est conforme à sa fonction de servir comme moyen, ou outil de la communication: tout changement brusque, brisant la compréhension mutuelle, est exclu. Les changements de la langue se produisent lentement et successivement.

En même temps, la langue «tout en restant identique à elle-même pour servir de moyen de communication dans la société, perd son identité. La stabilité et l'évolution, l'immobilité et le mouvement caractérisent ainsi une langue, cet instrument de communication entre les gens» [Skréline 1972: 7].

Références

- Скрелина Л.М., Становая Л.А. История французского языка. – М.: Высшая школа, 2001 (1 изд.), 2005 (2 изд.); Юрайт, 2013, 2014, 2015, 2016, (3 изд.).
Martinet A. Éléments de linguistique générale. – 6-ème éd. - Paris: Armand Colin, 1966.
Skréline L.M. Notions sur l'histoire de la langue française. – Минск: Мн. ГПИИЯ, 1965.
Skréline L.M. Histoire de la langue française. – М.: Высшая школа, 1972.
Stanovaia L.A. Биография Л.М. Скрелиной, библиография трудов Л.М. Скрелиной // ROMANICA PETROPOLITANA II / Отв. ред. А. Б. Черняк. – СПб.: Нестор-История, 2012. С.3-34.

ВОПРОСЫ ОБЩЕГО И РОМАНСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

БЕЙН Е.И.

ДИАХРОНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В СВЕТЕ ТЕОРИИ ПСИХОСИСТЕМАТИКИ

(ИЗ ОПЫТА ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКИ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)

Abstract: The great explanatory power of the theory of psycho-systematics allows to take a fresh look at the problems connected with analytical tendencies to view and word restructuring, as well as to answer a number of questions concerning certain parts of speech in the French language and the system on the whole.

Keywords: flexion, analytism, grammaticalization, incidence, subduction, kineticism, functional equivalent.

В работах представителей школы психосистематики язык рассматривается как сложное динамическое построение, анализ элементов которого позволяет увидеть не только процесс мыслительной деятельности человека, но и его результат. В теории психосистематики язык — это нечто постоянное, существующее виртуально до момента речи. Речь появляется в момент говорения, когда происходит актуализация виртуального (языкового) материала. В речи слово оформляется как языковая единица. Операция оформления слова при переходе от языка к речи развертывается в оперативном времени. Если рассматривать становление языковых явлений в диахроническом плане, то здесь соотношение язык / речь выглядит следующим образом: любое изменение начинается в речи, чтобы затем стать фактом языка, т.е. войти в систему [Скрелина 2001: 24]. Понятие языка как системы виртуальных знаков и речи как актуализации системных связей очень важно, поскольку позволяет проследить, как происходило изменение форм, каков механизм изменения существующих и формирования новых языковых единиц и грамматических форм, какие языковые факторы участвуют в языковом движении. Анализ на уровне означаемых, предлагаемый последователями теории Г. Гийома, помогает понять глубинные причины языковых изменений.

Начиная с поздней латыни происходит постепенное изменение структуры слова. Латинское флективное слово, где информация о грамматическом значении слова следует за информацией о его

лексическом значении, превращается в романское аналитическое слово, где носители информации (грамматической и лексической) меняются местами. Постепенность реорганизации заключается в поэтапности процесса: от свободного синтаксического построения, которое рождается в процессе речи, к аналитической конструкции (переходный этап), а затем к аналитическому слову. Так операция появления новой формы для слова выглядит в историческом (диахроническом) плане.

Операция же построения слова в синхронном плане как для флективного, так и для аналитического слова, выглядит одинаково. Она была детально описана Р. Валеном [Valin 1965: 71-78]. Использование методики векторного анализа позволило получить наглядное представление о тех процессах, которые происходят в сознании на доречевом уровне. На первом этапе генезиса представления о слове в лингвистическом сознании формируется идея семиологической единицы, т.е. понятие. В результате движения мысли от общего к частному (именно по этому пути движется мысль при рождении понятия) рождается представление о значении, или *материальном* означаемом слова. На втором этапе генезиса представления мысль движется по восходящей линии от частного к общему, понятие включается в категорию ему подобных, на этом этапе появляется представление о грамматическом означаемом слова, происходит его категоризация. На уровне представления нет разницы между флективным и аналитическим словом. Процесс, происходивший в сознании человека, говорившего на латыни, и человека, говорившего на старофранцузском языке (как, впрочем, и на любом другом), совершенно одинаков. Это – универсалия. И лишь при переходе от плана представления к плану выражения, т.е. к речи, когда означаемое получает оформление в виде означающего, можно увидеть отличия. Внешняя форма является лишь способом выражения означаемого. В психосистематике грамматическое значение слова включает векторные формы, которые собственно и формируют это значение, присоединяясь последовательно и линейно к лексическому значению [Guillaume 1971: 141]. На наш взгляд, при сравнении флективного и аналитического слова следует обратить внимание на количество векторных форм, от которых зависит объем грамматического значения. У флективного слова объем грамматического значения шире, чем у аналитического. Для примера можно использовать латинское имя существительное: его грамматическое значение включает, наряду с другими, векторную форму падежа, которая указывает на его функцию в речи. В старофранцузском языке этот объем сужается, поскольку количество падежей уменьшается, а затем эта векторная форма и вовсе исчезает.

Для интерпретации языковых фактов, связанных с изменением способа выражения означаемого, появлением и закреплением во

французском языке аналитического слова (во всех классах слов) вполне подходит идея подводимости, или субдукции, высказанная одним из представителей школы психосистематики Ж. Муанье [Moignet 1974: 245]. Этот механизм, лежащий в основе системного преобразования языковых единиц, определил ту форму означающего, которая пришла на смену латинскому флективному слову. Идея заключается в том, что общий семантический объем слова не статичен, а подвижен. Соотношение между лексическим и грамматическим значением в общем семантическом объеме слова меняется: иногда в пользу грамматического значения, и тогда мы говорим о грамматикализации лексической единицы или, используя терминологию психосистематики, о его субдукции (служебной подводимости). Процесс этот носит поэтапный (эволюционный) характер. Конечным этапом этого процесса является полная грамматикализация слова, когда оно из предикативного (знаменательного) превращается в служебное. Посмотрим, каким образом процесс субдукции определил формирование той или иной части речи. Начало этого процесса приходится еще на период предыстории французского языка (до IX века). В системе имени существительного на смену исчезнувшим латинским падежным формам, которые принадлежали языку и употреблялись в речи в готовом виде, пришли сочетания имени существительного с указательным местоимением *ille* и предлогами (*a, de*), постепенно изменившими свой статус и ставшими нефлективными средствами передачи грамматического значения.

Реструктуризацию глагольных форм также можно интерпретировать с позиций психосистематики. Субдукции подвергаются глаголы *habere, estre* в составе свободных синтаксических конструкций, включающих один из этих глаголов и причастие прошедшее. Эти перифразы пришли на смену исчезнувшему латинскому перфекту. Глаголы *habere* и *estre* движутся по пути понижения знаменательности, синтаксическая конструкция превращается в аналитически связанную, а затем в морфологизованную аналитическую форму, где вышеназванные глаголы (*habere, estre*) выражают грамматические категории смыслового глагола (причастие прошедшее). В качестве наивысшей точки субдукции, или служебной подводимости, можно привести пример грамматикализации форм настоящего времени глагола *habere*. Из вспомогательных, личные формы глагола *habere* в составе синтаксической конструкции [*habere* + инфинитив], выражающей будущее время в романский период, превращаются в окончания (*-ai, -as, -a, -ons, -ez, -ont*) в старофранцузском языке. Изменения, происходящие с глаголами *habere, estre* в составе синтаксической конструкции, способствуют ее стяжению и, следовательно, более ранней актуализации в оперативном времени.

Морфологизованные аналитические формы входят в парадигму глагольного спряжения наряду с флективными формами.

Механизм субдукции объясняет многие процессы, проходящие в классе наречий. Многие наречия обладают полнотой лексического значения, что роднит их с именами существительными, например, *de main, toujours* выполняют в предложении функцию одного из его членов, т.е. им свойственны все характеристики знаменательной части речи (формальные, функциональные, дистрибутивные и семантические). Другие же (и эта группа довольно многочисленна) совмещают функции знаменательного и служебного слова, т.е. обладают служебной подводимостью: *devant, apres, avant*, или становятся частью союзного выражения, вследствие сдвига в членении предложения в старофранцузском языке: *lorsque (lorsque), apres que, maintenant que*. Этой трансформации есть объяснение: совсем немного союзов было унаследовано французским языком из латыни, что и привело к появлению французских сложных союзов, которые заполнили эту языковую лагуну. Кстати, сдвиг в членении предложения также соответствует идее кинетизма не только в значении слова, но и значении более сложной единицы – предложения.

Перспективным является использование идей психосистематики при описании системы частей речи, процесса формирования отдельных частей речи и их взаимодействия. Здесь важно вспомнить о механизме, который определяет все эти процессы и носит название *инциденция*. В системе частей речи закрепленный механизм инциденции устанавливает соотношения между элементами этой системы, что позволяет их противопоставление [Скрелина 2009: 171-175]. В предложении же этот закрепленный механизм инциденции выражается во взаимосвязях слов. Изменение характера инциденции свидетельствует об изменении статуса той или иной части речи, и тогда речь идет уже о функциональном эквиваленте этой части речи. Это очень важно для рассмотрения некоторых явлений в диахронии, когда происходит становление частей речи. Именно механизм инциденции лежит в основе формирования классов слов. Согласно идее Г. Гийома, формальное означаемое слова, его грамматическое значение автономно, и оно стремится выразить себя иными средствами, чем те, которые закреплены за ним в языке. Любой функциональный эквивалент части речи потенциально может стать этой частью речи, т.е. морфологизироваться, войти в парадигму форм. В таком случае вполне уместно использование гийомовской идеи о *дискурсивных* (создаются в процессе речи) и *окончательных*, т.е. системных, частях речи [Guillaume 1973: 226]. Дискурсивная единица может превратиться в языковую. И это не противоречит основополагающему принципу истории языка, о

котором говорилось выше: все изменения начинаются в речи, чтобы затем закрепиться в языке.

Использование идей психосистематики позволяет интерпретировать возможности взаимообмена и взаимоперехода между частями речи, а также объяснить происхождение и дальнейшее развитие той или иной части речи. Например, большинство французских наречий появилось в поздней латыни, т.е. в романский период. Из классической латыни старофранцузский язык унаследовал небольшое количество форм: *sic*, *bene* и других, имеющих самое общее значение. Основным способом образования наречий был лексико-синтаксический [Бейн 1984: 19]. В данном случае можно использовать гийомовскую идею о дискурсивных и системных частях речи. Дискурсивные наречия имеют все характеристики (кроме, пожалуй, формально-классификационного показателя, позволяющего идентифицировать их как окончательные наречия), свойственные наречиям языковым, которые не создаются в процессе речи, а употребляются в 'готовом' виде. На глубинном уровне это можно объяснить, используя идею об оперативном времени, т.е. временного пространства, в пределах которого разворачиваются операции оформления слов, их актуализация, рождается фраза [Скрелина 2009: 36].

Для актуализации дискурсивных наречий требуется больше времени, чем для языкового. Но идея движения — лейтмотив теории психосистематики — заключается в том, что оперативное время для актуализации дискурсивных наречий сокращается. Из свободных синтаксических построений они переходят в разряд грамматизованных, а затем и морфологизованных, т.е. языковых. Именно такой путь прошли почти все наречия французского языка, включая такой большой класс слов, как наречия на *-ment*. Появившись в речи как функциональные эквиваленты наречия (лат. *obstinatamente*), эти формы вошли в систему языка. Оперативное время для актуализации функциональных эквивалентов наречия сокращается по мере их грамматизации и морфологизации. Кстати, и в системе наречий появляются, а затем утверждаются формы с препозитивным, нефлективным выражением грамматического значения. Это относится к предлогам в составе наречий. Наречные сочетания, построенные по модели [Prep+N], очень многочисленны в период формирования наречия как класса слов, они конкурируют с формами на *-ment*. Это вполне вписывается в процесс реструктуризации слова, который охватывает весь романский период и продолжается в старофранцузском языке.

Формирование слова как части речи завершается в момент закрепления за ним формального показателя, классифицирующей морфемы, которая на доречевом уровне указывала бы на категориальную принадлежность этого слова. В рамках теории

психосистематики это можно продемонстрировать на примере наречий с показателем **-S**. Эта морфема может быть этимологической, т.е. ее имеют наречия латинского происхождения. Но для иллюстрации использования идей психосистематики хотелось бы остановиться на природе **-S** неэтимологического. Присоединение **-S** неэтимологического традиционно объясняется в рамках младограмматической традиции механистически, как реакция на исчезновение слишком коротких слов, которая имеет место в старофранцузский период. Слишком короткие слова исчезают, и язык использует различные средства для их поддержания, в данном случае удлинение [Доза 1956: 312]. Однако **-S** неэтимологическое присоединяется к исконным наречиям, которые оканчиваются на гласный (*tempre, sempre*), и его присоединение не способствует удлинению слова, так как не дает лишнего слога. Следовательно, речь здесь идет не о механистической традиции в удлинении слова, а психосистематической операции категориального оформления наречия с помощью морфемы **-S**, имеющей двойную силу – указание на дифференцирующий и классифицирующий признаки.

Все идеи, разрабатываемые в трудах Г. Гийома и представителей школы психосистематики, основаны на принципе движения, принципе динамической солидарности, и это является определяющим в методике анализа языковых явлений, предложенной гийомистами. Эта методика позволяет объяснить многие процессы, происходившие в языке на самых первых этапах его существования, и определившие его современное состояние. Благодаря теории Г. Гийома, можно понять причины, механизм и особенности развития как отдельных классов слов, так и системы языка в целом.

Литература

- Бейн Е.И. Формирование класса наречий в истории французского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05. – Л., 1984.
Доза А. История французского языка. – М.: Изд. иностр. лит., 1956.
Скрелина Л.М., Становая Л.А. История французского языка. – М.: Высшая школа, 2001.
Скрелина Л.М. Школа Гийома: психосистематика: учеб. пособие. – М.: Высшая школа, 2009.
Guillaume G. Leçons de linguistique, Série B. – Québec: Les PUL, 1971.
Guillaume G. Leçons de linguistique, Série C. – Québec: Les PUL, 1973.
Moignet G. Etudes de psycho-systématique française. – Paris: Klincksieck, 1974.
Valin R. Petite introduction à psychomécanique du langage. – Québec: Les PUL, 1965.

БОРБОТЬКО Л.А.
КОММУНИКАТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ АУДИТОРИИ В РАМКАХ
ТЕАТРАЛЬНОГО ДИСКУРСА

Abstract: Theatrical communication involves a number of participants, albeit directed strictly at the audience as recipient. The communication can be referred to as unavoidable, while every spectator agrees to his silent role. The article focuses on various types of audience emphasizing their specific features.

Key words: theatrical communication, types of audience, silent participant.

Поход в театр – это всегда коммуникация. Театральная коммуникация, осуществляемая театральным коллективом и зрителем в рамках коммуникативного пространства, представляет собой типовой «коммуникативный акт» – взаимодействие, шаги коммуникантов навстречу друг другу [Клюев 2002: 14]. Однако в рамках театральной коммуникации имеет место вербальная 'однонаправленность', поскольку за непосредственную реализацию коммуникации несет ответственность именно театральная труппа. Зрителю же достается, в основном, молчаливая роль. С точки зрения В.Н. Бабаяна [2008: 93], театральная аудитория представляет собой один из типов молчащего наблюдателя в силу ярко выраженной условности дискурса – содержание реплик заранее известно актерам, а в некоторых случаях известно и зрителям.

В то же время, театральная коммуникация представляет собой, в терминологии Е.В. Клюева, ожидаемый коммуникативный акт, объявленный адресантом в рамках специфических эпитекстовых жанров (например, в афише, театральной программе, анонсах, рецензиях и т.п.). Как подчеркивает ученый, данный тип коммуникативного акта относится к разряду тех, «уклониться от которых можно только 'не явившись'» [Клюев 2002: 101]. Спектакль, представляемый на театральной сцене, включен в репертуар театра и объявлен заранее, что отражено в театральных афишах и на сайтах театров. Зритель чаще всего осознанно выбирает спектакль, на который собирается пойти. Возможно, он даже знает содержание представления, прочитав предварительно текст пьесы, краткое содержание, рецензии критиков или отзывы зрителей, уже посмотревших этот спектакль. В итоге, справедливо сделать вывод, что случайного зрителя на сегодня почти не осталось – приходит зритель, который точно знает, что он хочет увидеть.

Зритель смотрит произведение, представленное на театральной сцене, привлекая все имеющиеся ресурсы: интеллектуальные, эмоциональные, духовные и др. Данный факт делает его равноправным участником коммуникативного процесса. На зрительскую аудиторию

оказывается сильнейшее эмоциональное, эстетическое, психологическое и ценностное воздействие со стороны актеров, играющих на театральной сцене. Имеет место то, что М.Б. Ямпольский [2012: 41] метко обозначил как «навязывание зрителю зрения». При этом «объективатором успеха» [Иванова 2014] является именно зритель.

В то же время, задача театральной труппы – не просто воздействовать, но работать со зрителем, что представляет собой одну из основополагающих составляющих в развитии современного театра. Режиссер такого театра, склонный к экспериментам, сам формирует своего зрителя, выстраивая зачастую своеобразную образовательную программу для подготовки к восприятию демонстрируемой на сцене постановки. Один из способов – проводить встречи со зрителями либо *до*, либо *после* спектакля, «не просто встречу для галочки, а тщательно спланированную и внутренне организованную, с профессиональным модератором, который готов к разговору, а не лавирует в своих незнаниях» [Маликов 2015: 34].

Зритель выступает как множественный наблюдатель за происходящим на сцене. Важно отметить, что зрительская аудитория не является однородной, поскольку восприятие воплощенного на театральной сцене действия может варьироваться в зависимости от различных факторов. В частности, возраст зрителей является важным демографическим фактором, обуславливающим особенности зрительского восприятия и реакции. Например, существуют детские спектакли, направленные на развитие воображения, эрудиции, вкуса, нравственных душевных качеств ребенка. Иначе говоря, особенности зрительского восприятия происходящего на сцене во многом обусловлены жизненной стратегией конкретного зрителя. Следовательно, успех или неуспех театрального представления зависит не только от профессионализма и одаренности драматурга, режиссера-постановщика и актеров, но и от различных имплицитных факторов, влияющих на зрительскую аудиторию.

В контексте театрального дискурса важно отметить, что адресат всегда многолик. С одной стороны, речь идет о множественности зрителей в зале, однако, с другой стороны, стоит выделить отдельные группы адресатов, исходя из особенностей зрительской рецепции [Борботько, Горбик 2017]. Большую часть аудитории занимает зритель-обыватель, который в определенной мере лишен возможности активного действия, поскольку его личная активность заключается в сознательном желании прийти в театр. В ходе спектакля он становится «соучастником» действия (термин С.В. Денисенко). Обладая подобной личностно пассивной ролью, но будучи активной частью коллектива, зритель оказывается вовлеченным в театральное действие.

Особую часть зрительской аудитории занимают поклонники того или иного актера, занятого в представлении. При посещении театра их выбор спектакля зачастую зависит не от репутации драматурга, положительных рецензий в специализированных изданиях или любви к театру как виду искусства. Они идут в театр 'на актера', а при его появлении на сцене (даже если это происходит в середине действия) приветствуют кумира громкими аплодисментами. В силу того, что сегодняшнее поколение зрителей отличается подготовленностью, осведомленностью, то многие склонны ходить и 'на режиссера' в том числе. По выражению современного режиссера театра и кино А. Житинкина: «Наконец-то Константин Сергеевич, он нас сейчас слышит, радуется; он говорил о том, что, конечно, режиссерский театр – это театр будущего, и он наступит. И мне приятно, что это случилось» [<http://www.svoboda.org/a/24201236.html>].

Часто поклонники посещают один и тот же спектакль много раз, фактически зная его наизусть. Поведенческий кодекс поклонников также обязует их преподнести своему кумиру цветы в конце представления. Безусловно, поддержка, одобрение и даже обожание, исходящее от присутствующих в зале поклонников, во многом возвышает профессию актера. Руководство театра нередко пользуется любовью поклонников к тому или иному актеру. Так, убыточный спектакль может привлечь внимание большого количества зрителей, если их кумира вводят в актерский состав. Таким образом, на первый план выходит аксологический аспект в восприятии идентичности актера и его игры на сцене [Zheltukhina, Vikulova, Serebrennikova, Gerasimova, Vorbotko 2016].

Зрители-поклонники склонны формировать малые группы, «объединяющие небольшое количество людей, знающих друг друга и взаимодействующих между собой» [Виколова, Шарунов 2008: 150]. Согласно Р. Мертону, участники коммуникации в малых группах характеризуются тем, что «осознают свою принадлежность к группе и считаются ее членами с точки зрения других людей» [Там же]. Так создаются фан-клубы, сообщества в социальных сетях. Согласно выделяемым Л.Г. Викуловой и А.И. Шаруновым [2008] типам малых групп, *фан-клуб* является неформальной группой (по интересам), поскольку имеет установленную структуру и систему взаимоотношений: четкое разграничение обязанностей и зон ответственности при подготовке к мероприятиям, активность в социальных сетях и пр. В группе допустимы неформальные отношения, что предполагает общий досуг, наблюдается стремление к *имиджевой идентичности*, которая поддерживается атрибутикой (футболки, бейсболки, ручки, блокноты и др.), ритуальными лозунгами и кричалками.

Справедливо отметить, что коммуникация в малой группе выполняет информативную функцию (осуществляется обмен информацией), а также функции, направленные на поддержание отношений в группе (обеспечение согласованных действий, складывание особой культуры в группе). Речевое поведение членов малой группы специфично: наблюдается речевая однородность и преобладание оценочных и характеризующих слов [Там же].

По характеру и форме организации деятельности *фан-клуб* изначально представляет собой ассоциацию, поскольку взаимоотношения между отдельными участниками определяются лично значимыми целями – в данном случае, симпатия к конкретному артисту. В то же время, с течением времени при условии постоянного функционирования и развития *фан-клуб* способен эволюционировать до коллектива – малой группы высокого уровня, характеризующейся сплоченностью, ответственностью за результаты совместной деятельности, единством ценностной ориентации. Примером может служить 'армия Луны': клуб, организованный поклонниками актеров, выступающих на сцене театра Луны под руководством С.Б. Проханова. Члены подобных групп принимают активное участие в театральной жизни, не пропускают спектакли с участием любимых артистов. Часто их деятельность выходит за границы реального общения в Интернет-пространство. Поклонники делятся впечатлениями в рамках чатов и форумов, оставляют комментарии. В некоторых случаях результатом их деятельности становятся отзывы на те или иные спектакли. Режиссер С.Б. Проханов привлекает 'армию Луны' к непосредственной работе над улучшением качества репертуара. После просмотра спектакля 'армейцы' оставляют отзывы, публикуют рецензии. Они подробно высказывают свое мнение об увиденном: игра актеров, замена исполнителя определенной роли на другого, хронотоп спектакля (не кажется ли представление затянутым), красочность декораций, общая атмосфера в театре. Своеобразной 'платой' за работу становятся билеты на премьеры, творческие вечера, бенефисы, приглашения на закрытые мероприятия с участием любимых артистов, репетиции спектаклей.

Таким образом, можно выделить следующие признаки малой группы, примером которой является группа театральных поклонников:

- *контактность*: каждый член группы имеет возможность регулярно общаться с другими членами коллектива, воспринимать и оценивать друг друга, обмениваться информацией;

- *целостность*: члены группы воспринимаются как единое целое в силу социальной и психологической общности, схожести взглядов, суждений, действий;

– *стабильность состава*. Данный признак малой группы не принципиален для фан-клуба, если речь идет не о его идейных вдохновителях, людях, исполняющих основные организаторские функции;

– *устойчивость взаимодействия*, обеспечиваемая взаимным положительным подкреплением активности, направленной на успех группы в целом. Каждый участник фан-клуба обязательно вносит лепту в развитие объединения, в закрепление позиций;

– *наличие внутренней структуры*, включающей систему неформальных ролей и статусов, нормы и правила поведения, а также механизм социального контроля;

– *удовлетворение личных запросов* через принадлежность к группе. Фан-клуб представляет собой объединение людей схожих взглядов, предпочтений, интересов, следовательно, их деятельность в рамках клуба руководствуется исключительно подобными личными факторами.

Таким образом, *фан-клуб* – это малая группа, члены которой находятся в непосредственном личном общении, объединены общей социальной деятельностью, связанной с интересующей их сферой и направленной на определенную личность, что является основополагающим фактором для возникновения эмоциональных отношений, групповых норм и групповых процессов.

В театральном зале может присутствовать зритель-специалист, например, критик, посещающий театр с целью написать рецензию, а также автор (если пьеса инсценирована при жизни), «который больше заинтересован реакцией зрительного зала, нежели собственно представлением, находится в тревожном ожидании вызова или оствистания» [Денисенко 2008: 73].

Критик представляет собой тип посвященного зрителя. В силу того, что «спектакль, содержащий знаки, принадлежащие к разным кодам, может быть понят полностью только при знании всех этих кодов» [Орлова 2012: 66], критики составляют пласт зрителей, обладающих специальным знанием, необходимым для декодирования постановки. Тем не менее, множественность кодов может также способствовать пониманию спектакля теми, кто всеми кодами не обладает.

Театральные критики, рецензирующие увиденное ими на театральной сцене, входят в дискурсивное экспертное сообщество. Вместе с тем следует отметить, что работа театральных критиков внутри экспертного сообщества является сугубо индивидуальной, поскольку каждая из рецензий представляет собой личное видение того или иного автора.

В качестве вывода подчеркнем, что зритель, приходящий в театр, принадлежит к той или иной группе, характеризующейся наличием специфических качеств и признаков: зритель-обыватель (самая многочисленная группа, включающая представителей разного возраста, социальной позиции, интеллектуального уровня), зритель-поклонник, зритель-специалист (театральные критики, драматурги, режиссеры, актеры и пр.). Вне зависимости от типа и 'молчаливого' статуса зритель является обязательным и неотъемлемым элементом театральной коммуникации, непосредственным адресатом передаваемой информации. Впечатления от увиденного на театральной сцене зависят, безусловно, от профессионализма театральной труппы, но зритель во многом сам ответственен за возможность избежать разочарования. Собственное любопытство, желание узнать о пьесе, постановке, излюбленных режиссерских приемах позволит выбрать спектакль по душе, а значит, театральная коммуникация в подобном случае может считаться успешной.

Литература

- Бабаян В.Н. Диалог в триаде с молчаливым наблюдателем. – Ярославль: РИЦ МУБиНТ, 2008.
- Борботко Л.А., Горбик А.А. Афиша в коммуникативном пространстве театрального дискурса // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2017. – № 1 (25). – С. 90-96.
- Викулова Л.Г. Шарунов А.И. Основы теории коммуникации: практикум. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Восток – Запад, 2008.
- Денисенко С.В. Пушкинские тексты на театральной сцене в XIX веке. – СПб.: Нестор-История, 2010.
- Иванова Н.С. О некоторых актуальных словесных объективаторах концепта «успех» в современном русском и болгарском языках // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2014. – № 4 (16). – С.89-94.
- Клюев Р.В. Речевая коммуникация. – М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2002.
- Маликов А. С. Проблематика современного сценического искусства: взгляд со стороны и изнутри // Искусство и культура. – 2015. – № 1(17). – С. 33–36.
- Радио Свобода. – URL: <http://www.svoboda.org/a/24201236.html>, свободный (дата обращения 20.01.17).
- Орлова Т.Д. Театральная критика в системе художественной коммуникации // Веснік БДУ. – Сер. 4. – 2012. – № 2. – С. 66–69.
- Ямпольский М. Наблюдатель. Очерки истории видения. – СПб.: Мастерская СЕАНС, 2012.
- Zheltukhina M.R., Vikulova L.G., Serebrennikova E.F., Gerasimova S.A., Borbotko L.A. Identity as an element of human and language universes: Axiological aspect // International Journal of Environmental and Science Education. –2016. – Vol. 11. – Issue 17. – P. 10413-10422.

БОРИСОВА Е.С.

ЭВОЛЮЦИЯ СЛОВА *BRAVO* В ИТАЛЬЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

(ОТ ЛАТЫНИ ДО НАШИХ ДНЕЙ)

Abstract: The article studies the evolution of the Italian word *bravo* from Latin to the contemporary Italian language and its various definitions regarding their historical modifications. The research is based on materials from etymological, historical and explanatory dictionaries. The study aims to establish causes of contradictories in meanings of the word and set phrases that include it as well as to suggest appropriate translations of the famous Italian word *bravo* with not always positive connotations.

Key-words: *bravo*, etymology, evolution of the Italian, positive and negative connotations.

Предметом нашего диахронического анализа является итальянское слово *bravo*. Материалом послужили данные различных итальянских словарей: этимологических, толковых, энциклопедических, а также научно-популярное исследование итальянского лингвиста Дж. Патота [Patota 2016].

Анализ эволюции слов, объективирующих в языке определенные концепты, имеющие социально-культурный характер «касается выявления их 'внутренней формы', собственно лингвистических параметров существования в языке, ассоциативных возможностей, а также дискурсивного потенциала» [Серебrenникова 2011: 49]. Опираясь на семиометрию как способ аксиологического анализа [Викулова, Серебrenникова 2011: 41-49; Кулагина 2012: 102-107], попытаемся проследить историю происхождения и распространения этой известной восклицательной формы похвалы и затронуть проблему функционирования слова *bravo* в современном итальянском языке.

По данным этимологических словарей, лексема восходит к латинскому слову BARBARUS – *иностранец* и его греческому эквиваленту Βαρβαροζ [bàrbaros] – *иностранец, нецивилизованный*. Этим словом греки и римляне называли того, кто не принадлежал к греческому роду и греческой цивилизации, поскольку, во-первых, он считался грубым и некультурным, а во-вторых – жестоким и свирепым. Именно эти значения перешли в вульгарную латынь, причем вариант *bravo* использовался в народной латыни, а вариант *barbaro* представлен в течение многих веков в письменных латинских текстах и, следовательно, в древние итальянские тексты это слово пришло именно из письменных источников [Patota 2016: 36-37].

Скорее всего, именно с этой этимологией связано устаревшее значение прилагательного *bravo*, характеризующего диких и свирепых животных: *Ognun lo fugge come fera brava* (Pulci), а также к диким и необжитым местам: *l'isola è forte di sito, per essere quasi tutta costa brava* (Sassetti) [Treccani]. Однако, как отмечает Дж. Патота, такое значение

лексемы пришло в итальянский язык из испанского и португальского языков.

По всей видимости варвары отличались не только жестокостью, но и *смелостью, храбростью и отвагой*. Именно это значение прошло через века и его можно встретить в итальянских текстах с XIV по XX вв., например, у писателя, поэта и драматурга Ф. Берни XVI в. (Francesco Berni: 1497/8-1535): *giovineti che mostravan aver sì bravo core* [Treccani] = *парни, показавшие свое храброе сердце*. У знаменитого поэта и писателя XIX в. Дж. Кардуччи (Giosuè Carducci: 1835-1907): *gli epici canti del tuo popol bravo* [Treccani] = *эпические песни отважного народа*. Это значение разъясняет также смысл современной итальянской поговорки: *tutti son bravi quando il nemico fugge* = *когда враг бежит, все храбры*.

Проследим эволюцию лексемы *bravo* от латыни до ее современного состояния:

BARBARU(M) > 1)*BARBRU > 2) *BABRU > 3) *BRABU > 4) *bravu > bravo:

- 1) синкопа заударной гласной BARBARU(M) > *BARBRU;
- 2) сложность произношения стечения согласных *rbr* приводит к утрате первой *r*: *BARBRU > *BABRU;
- 3) метатеза согласных *b* и *r* облегчила произношение: *BABRU > *BRABU;
- 4) вследствие спонтизации смычной губной интервокальной согласной *b* образовалась форма *bravu;
- 5) и, наконец, конечная *u* > *o*, так же, как и в LACU(M) > lago, LUPU(M) > lupo, AMICU(M) > amico.

Интересно, что преобразования этого слова из вульгарной латыни до его современного облика произошли сначала в кастильском, где с 1030 г. в употребление вошла лексема *bravo*. Затем со второй половины XI в. в провансальском стала фиксироваться форма *brau*, в португальском *bravo* фиксируется с 1124 г., в каталанском с 1284 г. – *brau*. Хотя и существует гипотеза проникновения *bravo* в италороманский ареал через провансальский (*brau* > *bravo*), мы придерживаемся гипотезы, что оно преобразовалось из *BRABU на территории современной Италии, поскольку именно здесь это слово использовалось по отношению к людям, а не только характеризовало животных (в значении *свирепый*), растения (в значении *дикий*) и землю (в значении *невозделанный*), как в вышеупомянутых неолатинских языках.

Разграничить негативное и позитивное значения в слове *bravo* довольно сложно. Действительно, в некоторых случаях оно может относиться к *дикому, жестокому, свирепому* одушевленному лицу, а в иных – к *отважному, дерзкому или храброму*. Например, в гимне 1311 г. Анонимного Генуэзца [Genovese 1994: 29-34], посвященному христианской мученице Лючии, которую зверски пытал римский

император Диоклециан, *omibravi* – это жестокие палачи. Однако в памятниках на территории современной Италии *bravo* может характеризовать и животных. В сиенском *Эзоне на вольгаре* (*Esopo volgarizzato*) 1325 г. речь идет о двух быках – одном диком, другом домашнем. Домашний бык пахал как должно, а дикий сопротивлялся:

Due buoi; l'uno bravo, e l'altro domato. Il bravo brigava pur di sciogliersi dal gioco co' piè e con le corna [TLIO].

Уже в XIV в. *bravo* могло передавать в текстах различные значения. Например, в 26 главе первой книги дидактическо-энциклопедической поэмы *Dittamondo*, начатой флорентийским поэтом Ф. дельи Уберти (Fazio degli Uberti: 1305-1367) около 1345 г., встречается словосочетание *bravi africani*, которое могло тройко характеризовать африканские народы до их подчинения Риму: 1) жестокие и свирепые, 2) отважные, дерзкие, храбрые и 3) дикие, неприрученные: *Apresso questo, i gran Cartaginesi / per voler d'Annibal, che si partio, / domandâr pace e fu tal ch'io la 'ntesi: / però che tutti sotto al regno mio / vennero gli African, ch'eran sì bravi: / seguitâr loro e fenno al mio disio.*

Таким образом, понять, какое именно значение вкладывалось в это слово в литературе на вольгаре, когда речь шла о людях, не всегда просто: жестокость, свирепость, безрассудная храбрость и дерзкая отвага, сопровождающиеся дикостью и необузданностью нравов, – все эти оттенки могли 'входить' в одну лексему. Однозначная интерпретация возможна в случае широко известного Евангельского сюжета, приведенного в гимне 1377 г. и рассказывающего о Страстях Христовых: Понтий Пилат обращается к беснующейся толпе, требующей распятия Христа, со словами: *Çente dura, perché site cusì brava?* = *О, люди, почему вы так жестоки?*

Если же речь шла о животных, то об их отваге, естественно, речи не было: подчеркивалась их *дикость* и *свирепость*. Если описывалось море, то оно было *бушующим* и *вселяющим ужас*: *Bachaneixi e unde brave / chi conturban nostra nave* [Genovese 1994: 261-262].

Обращение к истории происхождения слова *bravo* проливает свет на его функционирование в романе *Обрученные* А. Мандзони (Alessandro Manzoni: 1785-1873) в значении *наемные убийцы*. Также становится понятной дефиниция однокоренного слова *bravata* = *провокационная наглая речь* или *рискованный дерзкий поступок*. Оказывается, некоторые современные словосочетания, включающие это слово, исторически обусловлены и используются, когда речь идет о преступлениях, хулиганстве и безудержных вакханалиях. Например, *notte brava* = *лихая ночь* или *azioni bravi* = *наглое поведение*, *espressioni bravi* = *дерзкие слова*.

Это значение присутствует и в некоторых фразеологических выражениях:

- *bravo a parole* = храбрый на словах;
- *fare il bravo*:
 - 1) *храбриться* (или на словах, или на деле): *ha voluto fare il bravo uscendo con questo terraccio senza ombrello* = он не побоялся выйти без зонта в такой ливень;
 - 2) *вести себя нахально, дерзить*: *ora fai tanto il bravo, ma ti vedremo alla prova* – это сейчас ты такой смелый, посмотрим, каков ты на деле; *Oh, io non vi ho qui condotto per fare il bravo. Parlate con civiltà* (Goldoni) = Я привел Вас сюда не для дерзостей. Выражайтесь прилично;
- *alla brava* = уверенно, смело, небрежно, быстро, не прилагая больших усилий: *portare il cappello alla brava* – носить шляпу набекрень, *una lettera buttata giù alla brava* – небрежно набросанное письмо [GD].

Синонимичное значение содержится в предложном сочетании *da bravo*, где прилагательное теряет собственное значение и поэтому не переводится, а предлог *da* передает оптативное значение:

- *da bravo, dimmelo!* = ну давай, смелее, говори!;
- *da bravo, accompagna mi a casa* = ну, пожалуйста, проводи же меня домой;
- *da bravi, datemi una mano a spostare il tavolo* = ну, давайте, помогите мне передвинуть стол.

Таким образом, известная во всем мире восклицательная форма одобрения *bravo!* имеет, как ни странно, связь с варварскими обычаями древности. В значении похвалы это слово начинает фиксироваться только в первой половине XVII в. в текстах на неаполитанском диалекте: в 1621 г. у Дж. Ч. Кортесе (Giulio Cesare Cortese: 1570-1640) в *Путешествии на Парнас (Viaggio in Parnaso)* – 1 пример, в 1632 г. у Дж. Б. Базиле (Giovanni Battista Basile: 1566-1632) в *Сказке сказок, или забаве для малых ребят (Lo cunto de li cunti ovvero lo trattenimento per peccerilli)* – 6 примеров, в комедиях и музыкальных либретто это восклицание появляется в 1694 г. у Л. Сергарди (Ludivico Sergardi: 1660-1726) в *Сатирах (Satire)*. В широкое употребление это восклицание входит благодаря известному венецианскому драматургу К. Гольдони (Carlo Goldoni: 1707-1793), в произведениях которого появляется также и антифрастическое (порицательное) значение слова *bravo*.

Обратившись к *Словарю итальянизмов во французском, английском и немецком языках (DEFIT)*, можно проследить распространение восклицания *bravo!* в европейских языках: в немецком оно появляется с 1715, во французском – с 1738, в английском – с 1761, в испанском – с 1761, в русском – с 1764, в шведском – с 1784, в португальском – с 1789, в румынском – с 1799. Джузеппе Патота насчитывает 39 языков, в которых слово *bravo* используется в этом широко известном значении [Patota 2016: 109].

Итак, были проанализированы исторические особенности возникновения и распространения слова *bravo*, которые объясняют многообразие его значений в современном итальянском языке. Они не всегда связаны с положительной оценкой, известной во всем мире благодаря распространенному театральному восклицанию *bravo!*. Довольно много фразеологических выражений с этим словом сохранили связь с его первоначальным значением *смелый, отважный, храбрый*, а также *дикий и дерзкий*.

Литература

- Викулова Л.Г., Серебrenникова Е.Ф. Семиметрия как способ аксиологического анализа //Лингвистика и аксиология: этносемиметрия ценностных смыслов: коллективная монография. – М.: Тезаурус, 2011. – С. 41-49.
- Кулагина О.А. Этносемиметрический анализ слова *étranger* (диахронический аспект) // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2012. – № 2 (10). – С. 44-48.
- Серебrenникова Е.Ф. Диахроническая семиметрия французского слова *la valeur* // Лингвистика и аксиология. Этносемиметрия ценностных смыслов. – М.: Тезаурус, 2011. – С. 49-57.
- GD – Grande Dizionario Hoepli Italiano di Aldo Gabrielli. – Hoepli, 2011. – URL: <http://dizionari.repubblica.it/italiano.php> (свободный доступ).
- Dizionario di italianismi in francese, inglese e tedesco, a cura di H. Stammerjohann. – URL: www.italianismi.org (свободный доступ).
- Dizionario Etimologico della Lingua Italiana, a cura di M.Cortelazzo e P. Zolli, 5 voll. – Bologna: Zanichelli, 1979. – URL: <http://www.etimo.it/?term=bravo&find=Cerca>.
- Genovese Anonimo Rime e ritmi latini, a cura di J.Nicolas. – Bologna: Commissione per i testi di lingua, 1994.
- Grande Dizionario della Lingua Italiana, diretto da S.Battaglia (poi da G. Bàrberi Squarotti), 21 vol. – Torino: UTET, 1961-2002.
- Lessico Etimologico Italiano, diretto da M. Pfister (poi da W.Schweickard). – Wiesbaden: Reichert, 1979.
- Patota G. Bravo! – Bologna: Il Mulino, 2016.
- Tesoro della Lingua Italiana delle Origini (TLIO), diretto da P. Beltrami (poi da L.Leonardi). – Firenze: 1997 (prima pubblicazione). – URL: <http://tlio.oiv.cnr.it/TLIO/> (свободный доступ).
- Vocabolario Treccani, diretto da A. Duro (poi da R. Simone e P. Finesi) – Roma, 1997. – URL: <http://www.treccani.it/vocabolario> (свободный доступ).

БОРОВИКОВА Н.В.
**КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ СЕМАНТИКИ ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО-
АНТРОПОНИМА В КАНАДСКОМ ВАРИАНТЕ
ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА**

Abstract: The article considers the proper name in French Canadian. The author attempts to identify specific features of the studied names determined by peculiar conditions of their functioning in Canada. The goal is achieved by applying cognitive research to the world picture of Canadians, their consciousness and identity. It is shown that the meaning of the anthroponym in French Canadian is formed on the basis of information about a person's origin and nationality. The study is based on the idea of the binary tensor of language and speech, developed in the theory of psychosemantic.

Key-words: proper name, anthroponym, French Canadian, meaning, psychosemantic.

В настоящее время, период бурного развития коммуникации, на первый план выходят проблемы, которые касаются человека как субъекта коммуникативного процесса. В процессе коммуникативной деятельности одной из самых важных становится проблема идентификации/самоидентификации субъекта. При этом в качестве основного средства на первый план выходит имя собственное-антропоним, которое с давних пор является предметом глубокого и обстоятельного изучения в нашей стране и за рубежом. В последнее время ученые все чаще проявляют интерес к когнитивным аспектам интересующего нас объекта.

В данной статье на примере имени собственного-антропонима в канадском варианте французского языка (франко-канадском языке) делается попытка показать, что языковая картина мира, самосознание и самоидентификация субъекта коммуникации влияют не только на семантику имени, но и на целостное восприятие имени как феномена. Имя исследуется через призму его информативности как идентификатора конкретного носителя и как лексической единицы (слова) конкретного языка.

Имя собственное-антропоним – сложный феномен. Полное его понимание может быть осуществлено только при исследовании всего процесса его формирования и функционирования в языке, при актуализации и в речи. Такой комплексный подход позволяет реализовать применение теории психосистематики, разработанной Г. Гийомом и развитой в трудах Л.М. Скрелиной и ее учеников [Гийом 2004, Скрелина 2009]. Сделаем акцент на самой начальной стадии – формировании значения имени собственного-антропонима на уровне языка.

На уровне языка имя собственное-антропоним, как и любое слово, формируется как единица, готовая выйти в речь. В теории

психосистематики разработана оперативная программа бинарного тензора для того, чтобы объяснить, как это происходит (см. рис.).

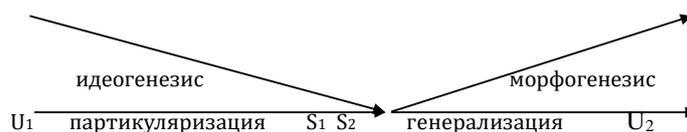

Рис. Схема бинарного тензора [Скрелина 2009: 161–162]

Бинарный тензор включает тензор партикуляризации, представляющий операцию идеогенезиса (формирования семантемы, которая выделяется из поля мыслимой всеобщности), и тензор генерализации, изображающий операцию морфогенезиса (образование формы, в которой частная семантема включается в поле общей категоризации) [Скрелина 2009: 160]. Для имени собственного-антропонима возможно рассматривать эту же оперативную программу, что мы уже показывали в своих работах на материале современного французского языка [Боровикова 2015]). Семантема при этом может формироваться из таких сем, как 'названный данным именем', 'одушевленный', 'человек', 'человек мужского/женского пола' и т.п.

Попытаемся определить, что входит в значение имени собственного-антропонима во франко-канадском языке, какие признаки, выделившиеся из поля мыслимой всеобщности жителей Канады, являются ведущими и влияют на восприятие самого имени и его носителя. Чтобы иметь возможность решить поставленные задачи, необходимо прежде всего изучить условия, в которых формировался канадский вариант французского языка. Это позволит определить основные факторы, повлиявшие на восприятие носителями рассматриваемого языка окружающей действительности, в том числе других участников коммуникативного процесса.

Общее представление о франкоговорящих жителях Канады выражено в следующем определении: «Франко-канадцы – народ в Канаде (пров. Квебек, часть пров. Онтарио и Нью-Брансуик; ок. 7,2 млн человек, 1992). Живут также в США (св. 2 млн человек). Говорят на канадском варианте французского языка. Верующие – в основном католики» [БЭС: <http>]. Данное определение охватывает три признака, по которым может осуществляться идентификация/самоидентификация: территориальная, языковая и религиозная принадлежность.

При рассмотрении территориальной принадлежности невозможно обойти стороной природные, исторические, политические, экономические и прочие факторы, участвующие в формировании

картины мира жителей какого-либо региона. А.И. Черкасов в качестве важных факторов выделил: 300 лет обособленного развития, специфическую североамериканскую природную среду, политическую, экономическую, культурную изоляцию от Франции. Эти факторы позволили франко-канадцам сложиться как «аутентично канадская нация» [Черкасов: <http>]. О.В. Устинова показала, что в Канаде билингвизм, бикультурализм и мультикультурализм являются инструментами национальной интеграции и выступают в качестве индикатора национальной идентичности. По мнению исследователя, концепты *национальная идентичность, северность, родина, религия* являются основными компонентами языковой картины мира франко-канадцев как представителей единого этноса [Устинова 2016].

Языковая принадлежность также имеет некоторые особенности для жителей Канады. Ученые считают, что современный французский язык Канады сложился под влиянием лингвистических, социально-исторических, пространственных, временных и таких лингвокультурологических факторов, как: 1) национальный состав первопереселенцев (основная часть иммигрантов Новой Франции были выходцами с северо-запада (34%) и запада Франции (29 %) [Кругляк 2015: 52]); 2) начало формирования в эпоху дореволюционной Франции (некоторая архаичность канадского варианта французского языка); 3) влияние речи духовенства, которое в большинстве своем вышло из крестьян и привнесло в преподавание языка черты народной речи. В квебекском варианте французского языка сосуществуют общезападные, англо-канадские, индейские и национально-специфические черты [Гордеева, Мысова 2015].

Таким образом, можем обозначить происхождение переселенцев, их национальную идентичность и принадлежность к той или иной религии в качестве основных факторов, влияющих на восприятие жителей Канады друг друга и представителей иных общностей. Следовательно, они должны каким-то образом находить отражение в семантике имен собственных-антропонимов и дополнять традиционные для любых имен семы *названный данным именем, одушевленный, человек, человек мужского/женского пола*. Это предположение частично подтверждается в исследованиях и списках-классификациях имен собственных-антропонимов, имеющих хождение на территории французской Канады.

Например, А.И. Черкасов заметил, что в Квебеке принято делить фамилии на «коренные фамилии» (типичные для европейской Франции) (Tremblay, Gagnon, Côté, Roy) и нетипичные для европейской Франции (Johnson, Ryan, Rowan, Harvey, Burns). При этом «коренные фамилии» могут быть классифицированы как французские/нефранцузские и фамилии с четко/нечетко прослеживаемой историей.

На результаты исследования при этом оказывают влияние: качество регистрации переселенцев, четкой/нечеткой территориальной окраской фамилии на территории Франции, взаимовлиянием национальных культур и языков переселенцев [Черкасов: [http](#)].

Исследователь этимологии франко-канадских имен М. Пикар выделяет следующие группы фамилий:

- 1) французские фамилии без изменений: Benoît, Bernard, Bertrand, Denis, Dubois, Dufour, Dupuis, Fontaine, Fournier, Gauthier, Girard, Lacroix, Lambert, Leclerc, Lefebvre, Marchand, Martin, Ménard, Mercier, Moreau, Morin, Pelletier, Perron, Picard, Poirier, Renaud, Richard, Robert, Rousseau, Roy, Séguin, Vincent;
- 2) фамилии-новообразования французского происхождения (например, от прозвища): Gagnon Gagné от прозвища земледельцев;
- 3) фамилии с точной этимологией: Vaillancourt от Robert Vaillancourt (1665 г.), Trépanier от Romain Trépanier (около 1655 г.) [Picard 2007].

Списки имен на канадских франкоязычных сайтах содержат обязательное указание на национальную или территориальную принадлежность имени (около 40 национальностей): Yoanni (еврейское), Hans (немецкое), Judicaël, Jodic (бретонское), Makis, Markus (греческое), Elina (скандинавское), Shawnee (ирландское), Julienne, Lauren (латинское), Laurianne (англо-саксонское), Divine (германское), Nine (испанское) [Babycenter: [http](#)].

Мы не нашли, к сожалению, подтверждения тому, что религиозная принадлежность имени собственного-антропонима осознается жителями французской Канады в процессе идентификации носителей какого-либо имени. Однако такой возможности не следует исключать, поскольку религиозность входит в число наиболее важных концептов, формирующих картину мира франко-канадцев.

Таким образом, видим, что антропонимы, как фамилии, так и имена воспринимаются жителями франкоязычных территорий Канады через призму их происхождения, национальной принадлежности и постоянным стремлением к самоидентификации. Это обусловлено в первую очередь традиционно многонациональным этническим составом населения, проживающего на рассматриваемых территориях.

Литература

Боровикова Н.В. Референция имени собственного-антропонима: общее и частное. – Saarbrücken: LAP Lambert, 2015.

Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики / пер. с фр. – М.: УРСС, 2004.

Гордеева Н.Г., Мысова Д.И. Лексические особенности французского языка в странах Франкофонии // Вопросы лингводидактики и межкультурной коммуникации. –

Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева. – 2015. – С. 233–238.

Кругляк Е.Е. Особенности лексики французского языка Канады // Вестник ОГПУ. Гуманитарные исследования. – 2015. – № 3(7). – С. 50–53.

Скрелина Л.М. Школа Гийома: психосистематика. – М.: Высшая школа, 2009.

Устинова О.В. Отражение языковой картины мира в лексической системе канадских вариантов французского и английского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – М., 2016.

БЭС – Франко-канадцы // Большой Энциклопедический словарь. – Режим доступа: http://enc-dic.com/enc_big/Franko-Kanadcy-64335.html (дата обращения: 16.11.2016).

Черкасов А.И. Этнокультурная мозаика и межэтнические отношения в Канаде. – Режим доступа: <http://www.niworld.ru/Statei/cherkasov.htm>, свободный (дата обращения: 16.11.2016).

Babycenter. – URL:<http://www.babycenter.ca> (Date of the access: 16.11.2016).

Picard M. Les noms de famille du Canada français: origine et évolution // Glottopol. Revue de sociolinguistique en ligne. – 2007. – № 9. P. 6–18. – URL:http://glottopol.univ-rouen.fr/telecharger/numero_9/gp19_01picard.pdf (Date of the access: 21.10.2017).

БУРЧИНСКИЙ В.Н.

ВЫРАЖЕНИЕ ОГРАНИЧЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Abstract: The article considers a particular manifestation of the restriction category in modern French language. The actual restriction is connected with exclusion of an element from group and realised in a simple sentence and a composite sentence. Variants of exclusion realisations, connection with explicit or implicit negation and basic means of its expression are analysed.

Key-words: restriction, exclusion, content of notion, volume of notion, negation.

В основе категоризации действительности, классификации предметов и явлений, их систематизации, формирования концептов лежат психологические и мыслительные процессы, тесно связанные с речевой деятельностью. В логике ограничение может затрагивать понятия, суждения и отношения между суждениями. В языке категория ограничения реализуется в слове, а также в простом и сложном предложениях.

Понятие является одной из основных познавательных форм, характерной для интеллектуальной деятельности человека, той универсальной единицей, без которой мышление как таковое невозможно. В результате логических операций порождаются новые понятия, иногда с использованием уже существующих. Из понятий формируются суждения, при помощи которых в сознании фиксируются наличие или отсутствие у определенного объекта некоторого признака, различные состояния объекта, отношения между объектами. Операции над высказываниями (суждениями) позволяют составлять новые высказывания путем соединения более простых.

Важнейшими логическими характеристиками понятия считаются содержание и объем. *Содержание понятия* — это совокупность существенных и отличительных признаков предмета, качества или множества однородных предметов, отраженных в этом понятии. *Объемом понятия* называется множество обобщенных в нем предметов. Например, под объемом понятия *язык* подразумевается множество всех языков, существовавших и существующих в мире. Если родовое понятие *язык* обозначить символом *A*, то *Aa*, *Ab*, *Ac* и т.д. будут обозначать видовые понятия (русский, английский, немецкий, французский и т.д.).

Существует *закон обратного отношения между содержанием и объемом понятия*: чем шире объем, тем проще его содержание, и наоборот. Отсюда существование *родовых* (гиперонимы) и *видовых* понятий (гипонимы). Так, содержание понятия *французский язык* шире содержания понятия *язык* в том смысле, что оно содержит больше отличительных признаков, чем содержание второго. Однако объем второго понятия шире первого. Содержание и объем понятия могут изменяться в результате операций *обобщения и ограничения*.

Обобщение понятий — логическая операция, посредством которой в результате исключения видового признака получается другое понятие более широкого объема, но менее конкретного содержания, что обычно соответствует и переходу на более высокую ступень абстракции. При последовательном отвлечении от понятия *Аbc* одного за другим признаков каждый раз соответственно будет осуществляться переход ко все более общим понятиям *Аbc*, *Аb*, *А* (*современный французский язык* → *французский язык* → *язык*).

Ограничение понятия называется логическая операция, состоящая в прибавлении к содержанию понятия нового признака, наличие которого в содержании понятия сужает его объем. При этом исходное понятие будет родовым, а в результате его ограничения получается видовое понятие. От общего понятия *A* через ограничение мы переходим постепенно к понятиям *Ab*, *Аbc*, *Аbcd* и т.д.

Ограничение предполагает увеличение содержания понятия и может быть осуществлено: 1) путем подстановки вместо видового признака понятия его видоизменения, например, *преподаватель истории* и *преподаватель современной истории*; 2) путем присоединения к содержанию понятия признака, который является видовым в соподчиненном понятии, например, *преподаватель истории* и *преподаватель истории и географии* [1].

Операции *обобщения и ограничения* (*сложение и вычитание*) оформляются с помощью различных средств языка. Использование этих средств в конкретном языке представляет лингвистический интерес. В данном исследовании нас интересует операция *ограничения* и способы ее реализации во французском языке.

Ограничение понятия может осуществляться как в парадигматическом, так и синтагматическом планах.

1. На *парадигматической* оси можно выделить следующие основные реализации:

- замена гиперонима гипонимом; если в определенном контексте требуется уточнение, то слово *x* может быть заменено на слово *y*, которое входит в значение слова *x*; так, например, такие отношения существуют между: именами – *fleur/rose*; действиями – *regarder/observer*;
- замены в результате словообразовательных процессов: имена – *maison/maisonnette*; действия – *faire/refaire*; возвратность – *lever/selever*;
- детерминация (разные этапы актуализации, например, в понимании Г. Гийома): имя – *table/une table/la table*; глагол – *infinitif/subjonctif/indicatif*.

2. На *синтагматической* оси, где слова могут сосуществовать в одной позиции высказывания, вступая в определенные взаимосвязи, выделяют следующие типы отношений:

- отношения принадлежности (часть–целое) или отношения зависимости; показателями зависимости может быть предлог *de*, глагол *avoir* или посессивы: *le chapeau de l'homme, un chapeau d'homme*;
- отношения квалификации; каждый раз, когда слово привносит семантическое уточнение другому слову, создается подкласс, который имеет характеристикой это уточнение: *elle a des yeux bleus, une main forte, le train direct, une veste chaude* и т.д.
- отношения между актантами и сирконстантами; когда слова (или группы слов) участвуют в описании какого-либо *действия*, можно говорить о том, что они ограничивают проявление данного действия связями с определенными *актантами*: ***Pierre achète des roses à sa sœur*** или его реализацию во времени, в пространстве, в способе действия, т.е. связями с определенными *сирконстантами*: ***Lundi Pierre arrive par avion à Paris.***

В реальных речевых ситуациях различные типы описанных отношений могут пересекаться и взаимодействовать друг с другом [2].

Наиболее часто ограничение понятия реализуется на уровне суждения, в предложении. Его направленность может сосредоточиться преимущественно либо на *содержании*, либо на *объеме* понятия. Сравним несколько примеров:

- (1) *Собрались преподаватели, преподаватели истории.*
- (2) *Собрались преподаватели, кроме преподавателей истории.*
- (3) *Собрались преподаватели, кроме Иванова, Петрова и Сидорова.*

В первом предложении определяющим является содержание; во втором примере подчеркивается изменение объема понятия, хотя и содержание понятия *преподаватели* также имплицитно подвергается ограничению за счет количественного вычитания из него *преподавателей истории*; в третьем примере осуществляется чисто количественное ограничение понятия за счет вычитания из него трех единиц.

Рассмотрим проявление категории ограничения, связанное с *исключением* элемента из группы, реализующееся в современном французском языке в *простом предложении*.

Будем опираться на логические понятия *исключающего* и *выделяющего* суждений. *Исключающее (изъемлющее) суждение* — «суждение, в котором сказуемое утверждает обо всем подлежащем за исключением известных определенных случаев (...), например, «Все планеты, за исключением Венеры и Меркурия, находятся вне земной орбиты». Множество *планеты* ограничивается за счет вычитания из него Венеры и Меркурия — реализуется процесс *исключение*. Исключением 'наоборот' можно считать *выделяющее суждение* — «такое суждение, которое отображает тот факт, что признак присущ только данному предмету и не принадлежит всем прочим предметам (например, «Только человеческому мозгу присуща вторая сигнальная система»)» [3].

Ограничение реализуется как в *исключающих*, так и *выделяющих* суждениях. Приведем примеры потенциально возможных вариантов реализации исключения (ограничения).

(1) *Все студенты группы, кроме Иванова, читают эту книгу.*

(2) *В нашей группе только Иванов читает эту книгу.*

Важно отметить, что исключение всегда подразумевает *эксплицитное* или *имплицитное отрицание*. В примере 1 — Иванов *не* читает, в примере 2 — вся группа *не* читает (имплицитное отрицание).

Примеры с *эксплицитным отрицанием*:

(3) *Из всей группы только Иванов не выполнил домашнее задание.*

(4) *Задание не выполнили все, кроме Иванова.*

Математически оба варианта представляют собой один и тот же результат: один элемент вычитается (исключается) из всего множества, тем самым множество ограничивается. Различие заключается в том, что в одном случае положительным свойством обладает большинство элементов, а в другом случае — один элемент: *Все (не) сделали, кроме ... Только один (не) сделал, ...*

Приведем соответствующие французские примеры [4]:

(1a) *Je suis content de tous, **excepté** de vous* (Le Petit Robert); *Il y a remède à tout, mon enfant, **hormis** à la mort* (Mérimée).

(2a) *D'ailleurs, de quoi sais-je parler, **hormis** des livres et de l'amour?* (Montherlant); *Elle **n'**aurait de bonheur **qu'**auprès de moi* (Las Cases).

(3a) ***Sans** le beau-père, ils étaient sept tous les jours à table* (Brunot).

(4a) *Nous ne pourrons donc pas vous recevoir, **sauf** Marcel* (Bazin); *Aucun visage sur qui reposer ses yeux, dans cette foule, **hors** celui d'Anne...* (Mauriac).

Для выражения этих отношений французский язык использует различные средства.

Предлоги: *excepté, fors, hormis, hors, sans, sauf; à l'exception de, à l'exclusion de, à part, si ce n'est; abstraction faite de, compte non tenu de; nonobstant; à moins de, en dehors de* и др. Например, предлог *excepté* (перед существительным): *Il y a tout dans ce jeune homme, disaient les vieux officiers goguenards, **excepté** de la jeunesse* (Stendhal); (перед инфинитивом с *de* или *à*): *On leur permet tout **excepté** de ne pas réussir* (Le Petit Robert).

Fors: *Indépendant de tout, **fors** de Dieu* (Chateaubriand).

À l'exception de: *Son visage entier fut enveloppé de lumière, **à l'exception du front*** (Green).

À l'exclusion de: *Cultiver un don **à l'exclusion** des autres* (Le Petit Robert).

À moins de (действие ограничивается условием): *Nous viendrons **à moins d'un imprévu**. Il n'acceptera pas **à moins d'une** augmentation (...)* (Le Petit Robert).

En dehors de: *Elle ne supportait aucune lecture, **en dehors des** romans policiers* (F. Mauriac); ***En dehors de** toi, personne ne sait rien* (Le Petit Robert).

À part: *Personne n'a voulu rester **à part** moi* (Le Petit Robert); ***À part** lui nous ne connaissons personne dans ce voisinage* (Maurois).

Sous réserve, à la réserve de (vieilli): *C'est fort bien en gros et **sous réserve** de quelques objections. Il toucha tout le monde, **à la réserve de** la Reine, qui demeura inflexible* (Robert).

Malgré: ***Malgré** la chaîne et les boucles d'oreilles, sa toilette était presque simple* (Musset).

En dépit de: Nous l'apprécions **en dépit de** certains défauts (Robert).

Sans: *Ce triste et fier honneur m'émeut **sans** m'ébranler. **Sans** le beau-père, ils étaient sept tous les jours à table* (Brunot).

Наречия: *exclusivement, seulement, uniquement, à l'écart, en dehors, à part, toutefois* и др.

Seulement (вводит ограничение, смягчение, подчеркивая существование только одного исключяющего фактора): *C'est une bonne voiture, **seulement** elle coûte cher* (Le Petit Robert).

Uniquement (исключая другое): *Le but, le succès nécessaire comptait **uniquement** à ses yeux* (Chardonne); (ограничивая данное от всего остального): *Il se proposera **uniquement** de la rendre heureuse* (Chardonne).

Exclusivement: (исключая все остальное): *Il voit **exclusivement** les films comiques. Lire **exclusivement** des romans policiers* (Le Petit Robert).

Sinon: *Un examen superficiel ne suffisait pas pour établir l'heure de la mort, **sinon** très approximativement* (Simenon).

Существительные (включая достаточно специфические): *exclusion, exception, rejet; élimination, suppression; expulsion; refoulement; extraction; enlèvement* и др.

Ограничимся следующими примерами: *La circulation est difficile, exception faite du dimanche. Tout le monde sans exception, sans aucune exception* (Le Petit Robert).

Глаголы: *exclure, excepter; faire abstraction de; négliger, ne pas tenir compte de; éliminer, laisser de côté, mettre de côté; mettre à part; chasser, écarter, rejeter, repousser; enlever, ôter, sortir; dégager; détacher, prélever, prendre, tirer; isoler; arracher, retirer* и др.

Несколько примеров с *excepter*: *Si l'on excepte deux ou trois époques lumineuses et de très courte durée <...> en général les littératures vivent dans la décadence* (Benda); *Les clabauderies des autres journaux sont honteuses (j'excepte naturellement le Journal de Genève)* (Gide).

Ограничительный оборот *ne... que* (синонимичный *seulement*) в самостоятельном употреблении ограничивает проявление действия данной связью, имплицитно отрицательную связь со всеми другими элементами: *Elle n'aurait de bonheur qu'auprès de moi* (Las Cases). *Ne... que* может функционировать также подобно предлогам типа *sauf*, выражая исключение. Для этого необходимо, чтобы была представлена группа предметов или предмет, часть из которого исключается: *Visiter le château de la Quart fourche dont il ne restera bientôt plus que des ruines, et son grand parc délaissé où l'été fastueux s'éployait à l'aventure* (Gide); отрицание из группы предметов может быть представлено эксплицитно: *En cet instant, il n'y avait point d'autres personnes visibles, en cette partie de la rue, qu'elle et lui* (Leblanc). Аналогично сочетание с некоторыми средствами отрицания, которые несут в себе обобщающее значение, представляя группу, из которой происходит исключение: ... *rien n'était joie pour l'un que ce qu'il goûtait avec l'autre* (Gide); *Non, aucun autre issue possible pour lui que l'amour d'une Marie* (Mauriac). Во всех приведенных примерах *que* эквивалентно *sauf*.

Отметим существующие во французском языке связи между выделенными четырьмя вариантами реализации исключения, наличием эксплицитного или имплицитного отрицания и используемыми средствами исключения. Выявлены следующие основные случаи.

1. Отрицание представлено только имплицитно:

а) группа элементов, из которой производится исключение, в предложении эксплицитно выражена: *Tous furent découverts, excepté trois d'entre eux* (Le Petit Robert); исключение осуществляется при помощи предлогов-исключения (*excepté, fors, hormis, hors, sauf* и др.); отрицание относится к исключаемому элементу (*все – да, трое – нет*); (вариант 1);

б) группа элементов, из которой производится исключение, в предложении не выражена: *Elle n'aurait de bonheur qu'auprès de moi* (Las Cases), исключение осуществляется при помощи *ne... que*; отрицание относится к группе (*со всеми – нет, со мной – да*); (вариант 2);

2. Отрицание представлено эксплицитно (*ne... pas, ne... point*), относится к группе; группа элементов, из которой производится

исключение, эксплицитно выражена; исключение реализуется при помощи варианта 4:

а) ограничительного оборота *ne... que*: *En cet instant, il n'y avait **point** d'autres personnes visibles, en cette partie de la rue, **qu'elle et lui*** (Leblanc);

б) предлогов исключения (*excepté, fors, hormis, hors, sauf* и др.): элемент, не подвергающийся отрицанию, исключается из группы: *Nous **ne** pourrons donc **pas** vous recevoir, **sauf** Marcel* (Bazin); *Je **n'ai pas** de mémoire, **sauf** pour ce qui vient de vous* (Mauriac); частным случаем можно считать выражение отрицания при помощи предлога *sans*, заменяющего *ne... pas*: *Sans amis (j'étais trop pauvre pour en avoir), **sans** relations (**sauf** quelques fraîches relations d'affaires), je ne recevais jamais de visite* (Bazin) → *je n'avais pas de relations, **sauf**...*

3. Отрицание представлено эксплицитно, относится к исключаемому элементу; группа элементов, из которой производится исключение, эксплицитно выражена; предлог *sans* одновременно реализует функции исключения и отрицания, вариант (3): ***Sans** le beau-père, ils étaient sept tous les jours à table* (Brunot).

4. При использовании отрицательных грамматических конструкций с *rien, nul, personne* исключение осуществляется из неопределенного (при отсутствии уточнителей) ничем не ограниченного множества, вариант (4): *...ici on **ne** voit **personne, sauf** le patron et sa mère...* (Arland); ***Hormis** son alliance et sa bague de fiançailles, notre mère semble **n'avoir rien** conservé d'autre* (Bazin); ***Nul, sinon** moi, n'y pénètre* (Barrès). В случае неопределенных отрицательных прилагательных, группа объектов, из которой производится исключение, всегда упоминается: *Elle **ne** supportait **aucune** lecture, **en dehors** des romans policiers* (Mauriac).

Исключение в сложном предложении. Два высказывания об окружающей действительности могут связываться между собой таким образом, что существование одного из них зависит от существования другого и наоборот. Эта связь является результатом мысли, строящей смысловые отношения между предметами, свойствами и действиями, поэтому она и называется *логической*.

Однако эта логико-концептуальная связь определяется самим языком, зависит от значения и от способа выражения высказываний и, таким образом, образует категории языка, реализации которых могут быть различными в зависимости от особенностей контекста и ситуации коммуникации. Существует три уровня формирования логических связей: *когнитивный* – уровень логико-языковых категорий; *языковой*, на котором отношения уточняются за счет смысла формальных показателей; *речевой*, определяемый контекстом и ситуацией коммуникации.

На языковом уровне формальными показателями могут служить: грамматические элементы (союзы, коннекторы, связки), лексические

единицы (имплицитно интегрирующие логические связи), некоторые конструкции предложений, иногда обычные знаки пунктуации.

Когда исключаются не предметы (одушевленные и неодушевленные), а действия или состояния, *предлоги* (*excepté, fors, hormis, hors, sans, sauf; à l'exception de, à l'exclusion de, à part*) переходят в *сложные союзы* за счет добавления элементов *que, si, quand, lorsque...* : *Nous avons eu beau temps, excepté qu'il a un peu plu vers midi* (Robert); *Il a tout sacrifié, si ce n'est qu'il a voulu garder ce souvenir de ses parents* (Brunot); *Ignorant tout du monde, hors que s'y brassaient d'obscures affaires* (Châteaubriant); *Ne faites pas cela sans qu'il soit averti* (Le Petit Robert); *Pas un jour sans que j'aille à la mer* (Le Clézio); *Les deux femmes n'obtinrent rien de lui, sinon qu'il s'en allât.* (Boylesve); *Tout s'est bien passé, sauf qu'il a fait très mauvais temps* (Le Petit Robert); *J'irai chez vous, à moins que vous ne sortiez* (Le Petit Robert).

Если проводить аналогию с простыми предложениями, можно заметить, что в сложных предложениях реализуются практически исключительно вариант(1), когда из группы положительных действий исключается одно с имплицитным отрицательным значением: *Tout s'est bien passé, sauf qu'il a fait très mauvais temps* (Le Petit Robert), и, вариант(4), когда из группы отрицательных действий с эксплицитным отрицанием (действий, не происходящих ни в каких обстоятельствах) исключается одно, получающее положительную реализацию: *Les jeunes filles ne ferment jamais les yeux dans aucun pays, (...) excepté quand elles sont en quête d'un mari ou d'un titre* (Bataille).

В сложном предложении исключение может также осуществляться при помощи других союзов, для которых функция выражения исключения не является первичной. Например, при помощи союза *mais*. Так, в предложении *Il aime la musique, mais il n'aime pas le jazz* в семантическую область *музыка* входит *джаз*, который исключается из этой области; эта область ограничивается. Исключение носит явный характер, являясь фактически вычитанием объема значения гипонима (*jazz*) из гиперонима (*musique*). Еще пример: *La nuit est venue. Les fenêtres se sont allumées un peu partout mais non pas dans cette maison* (Alain-Fournier).

Исключение может носить более скрытый характер. Для реализации такого ограничения-исключения необходимо наличие двух высказываний, имеющих как минимум один общий конституирующий элемент. Эти два высказывания связаны таким образом, что одно из них (обычно второе, ограничивающее высказывание) отрицает утверждение (обычно имплицитное), которое могло бы быть одним из следствий другого высказывания (базовое высказывание). А так как отрицание относится только к одному из возможных следствий базового высказывания, а не ко всему высказыванию, можно говорить об операции исключения (а не о противопоставлении). Например: *Il est intelligent mais timide*. Общий конституирующий элемент: характеристика субъекта. Имплицитным

высказыванием, возможным следствием из базового, является предположение, что поскольку он умен (положительное качество), он также и активен (положительное качество). Однако в приведенном предложении положительная характеристика подвергается ограничению, из положительных качеств одно исключается. Особенность данного вида связи заключается в том, что ограничивающее высказывание семантически связано с имплицитным, а не с базовым высказыванием. Аналогичные предложения: *Il est un bon sportif, mais il ne sait pas nager. Il est un bon professeur, mais il ne sait pas corriger*. Примеры из художественной литературы: *Il est très gentil, mais il n'a aucune énergie* (Maurois); *Jenny, la fille de la châtelaine, qui était admirable, mais folle et toujours enfermée* (Alain-Fournier).

В зависимости от того, как соединяются базовое и ограничивающее высказывания, можно различать *простое ограничение* и *уступительное ограничение*. В первом случае формальный показатель стоит перед ограничивающим высказыванием (*Il est intelligent mais timide*), а во втором – перед базовым (*Bien qu'il soit intelligent, il est timide*).

В придаточном предложении может сообщаться факт, который должен бы послужить препятствием реализации действия (состояния), содержащегося в главном, тем самым ограничивается реализация этого факта: *Bien que le temps fût beau et frais, des orages d'une grande violence éclataient brusquement* (Maurois) [5].

Исключение может также реализоваться в предложениях, вводимых при помощи *cependant, néanmoins, pourtant, seulement, quand même, tout de même, nonobstant, toutefois, toujours, malgré*: *Il est encore très-jeune, et néanmoins il est fort sage. Quoiqu'il soit habile, il a pourtant fait une grande faute. Il vous regarde avec confiance, sans naïveté toutefois* (Romaines).

Речевые реализации ограничения многообразны и требуют отдельного более подробного исследования.

Ссылки

1. См. подробнее: Формальная логика / Под ред.: Чухахин И.Я., Бродский И.Н. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1977; Свинцов В.И. Логика: учебник для вузов. – М.: Высш. шк., 1987; Ивин А.А. Логика: учеб. пособие. Изд. 2-е. – М.: Знание, 1998.
2. Cf. Charaudeau P. Grammaire du sens et de l'expression. – Paris: Hachette, 1994. – P. 49–60.
3. Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. – М.: Наука, 1975. – С. 103, 213.
4. Зд. и далее представлены примеры из следующих источников: Trésor de la Langue Française informatisé TLFi, Atilf CNRS, Université Nancy 2, [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://atilf.atilf.fr> (дата обращения 24.01.2014); Pechoin D. Thesaurus Larousse. Des Idées Aux Mots, Des Mots Aux Idées. – Paris: Larousse. 1997; Le Grand Robert de la langue française, version électronique, 2-ème édition. – Paris: Le Robert, 2005; Le Petit Robert de la langue française, Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française, Version électronique. – Paris: Le Robert, 2012; Brunot F. La Pensée et la Langue. – Paris: Masson, 1936.
5. Реферовская Е.А., Васильева А.К. Теоретическая грамматика французского языка. Ч. 2. – М.: Просвещение, 1983. – С. 247.

ВАСИЛЬЕВА Е.Г.
**'МЯГКАЯ СИЛА' КОРОЛЕВСКОГО ПОРТРЕТА В ПРОСТРАНСТВЕ
СЕМИОТИКИ**

Abstract: The article aims at examining the royal portrait as an object of semiotics performing representative and communicative functions. Visual semes are interpreted as signs representing and providing certain pragmatic guidelines and effects. By means of it, the portrait of a monarch acquires the force of 'soft power'. The author carries out the analysis of the portrait of François I, king of France, painted by Jean Clouet.

Key words: soft power; portrait; image of power; semiotics; signs of power.

Un bon portrait m'apparaît toujours comme une biographie dramatisée.
Charles Baudelaire. *Curiosités esthétiques*. 1868.

В настоящее время все чаще говорят о смене эпохи идеологий эпохой в идеологии [Горбатова 2016: 3]. В современной лингвистике, как и в других областях знаний, интерес ученых направлен на изучение взаимодействия вербального и невербального в семиотическом пространстве и свидетельствует о парадигмальном характере многих языковедческих исследований.

Образы власти являются специфическим историко-культурным феноменом [Васильева 2011: 40-46; Викулова, Васильева 2015: 58; Zheltukhina, Vikulova, Slyshkin, Vasileva 2016: 7195-7205]. Особый интерес в этом плане представляет образ короля и королевской власти, запечатленный на портрете. Портретный жанр имеет не только эстетическую, но и социальную функцию, выступая в качестве художественной речи. Официальный королевский портрет был традиционным заказом в начале XVI века. Это свидетельствует о том, что монархи и их окружение понимали, что портрет может являться инструментом 'мягкой силы', а именно: оказывать положительное воздействие на сознание и поведение людей на него смотрящих, вызывая чувства симпатии и привлекательности. 'Мягкая сила', в данном случае королевского портрета, как и социально-политические манипуляции в целом, относится к коммуникативно-символическому аспекту власти [Ермаков 2013: 223].

Интересно рассмотреть потенциал 'мягкой силы' как одной из дискурсивных технологий, обладающих семиотической привлекательностью и когнитивной мощью [Якоба 2014: 65] на примере известного портрета Франциска I Валуа, выполненного придворным художником Жаном Клуэ.

Как отмечают исследователи, в XVI веке, в силу разных и друг друга дополняющих стратегий, было создано много изображений Франциска I, что свидетельствовало о небывалом прежде интересе к внешнему облику правителя, чью прекрасную выправку постоянно прославляли. Именно в эпоху Возрождения появляется

государственный портрет (le portrait d'État), задуманный специально, чтобы представлять выдающихся лиц в их официальном облачении, чаще всего на поясных или погрудных портретах. В эпоху Возрождения портрет становится важным политическим инструментом, видоизменяемым в зависимости от публики и желаемой символической и идеологической ценности [Lambert: http].

На портрете французский монарх предстает перед нами тридцатилетним, полным опыта и энергии правителем. Жан Клуэ здесь впервые отказывается от традиции камерного, небольшого погрудного портрета и показывает модель по пояс, в пышном ренессансном одеянии. Возможными датами создания портрета считаются годы с 1525 по 1530. Это период особенно бурной деятельности короля.

С самого начала своего правления молодой монарх покрыл себя воинской славой, одержав победу при Мариньяно. Это была война с Италией, начатая еще в 1494 г. Карлом VIII и продолженная затем Людовиком XII [Скрелина, Становая 2001: 294]. Вместе с этим он был галантным кавалером, страстным любителем охоты, тонким ценителем искусств. Неслучайно итальянский гуманист Бальтазар Кастильоне еще до начала правления Франциска говорил о том, что герцог Ангулемский является воплощением придворной культуры. Его правление (1515-1547) ознаменовано расцветом французского Возрождения. Сам же король воплотил в себе черты рыцаря эпохи Возрождения. Принято считать, что именно правление Франциска I открыло эпоху абсолютизма во Франции.

Образы короля составляют иконический и символический нарратив длительного процесса, связанного с легитимацией власти, которая стремится прославить монархию. Считается, что как таковой королевский портрет в полном смысле слова появляется во времена правления Франциска I. Именно в эту эпоху развивается печатное дело и появляются новые средства, позволяющие распространить в довольно широких размерах и сделать более доступными для других изображения короля. Таким образом, Франциск I является одним из наиболее часто представленных в искусстве великих монархов XVI в., при этом до сих пор легко узнаваемых: широкие плечи, импозантность, короткие волосы, борода, длинный нос (черта, достойная хвалы в те времена) и головной убор с белым страусиным пером стали теми специфическими элементами, по которым идентифицировали короля эпохи Ренессанса. Такая персонализация королевского образа была новшеством в истории Франции, и она стала возможной благодаря многочисленным репликам этого изображения. Возможно, это является удачным следствием коммуникативной программы, задуманной королем. Возможно, это символ искусства пропаганды, которое в эпоху Возрождения активно развивается в силу все большего

распространения письменности и изображения. Портрет монарха – это и знак триумфа гуманистической культуры, которая делает возможной индивидуализацию королевской истории. Королевская власть отражается в изображении, которое создает и постоянно обновляет ее авторитет. Таким образом, портреты Франциска I раскрывают подъем абсолютизма королевской власти.

Как указывает Н. Макиавелли, «люди в целом судят больше на взгляд, чем на ощупь, ибо видеть дано всякому, а притронуться – нет. Каждый видит, чем ты кажешься, мало кто понимает, что ты есть на самом деле, и эти немногие не решатся выступить против мнения большинства, на стороне которого защищающее его величие государство, так что в действиях всех людей, а в особенности государей, кои никому не подсудны, смотрят на результат» [Макиавелли 2014: 69-70]. В этой связи, справедливо утверждение И.А. Якоба о том, что «мягкая сила» является коммуникативным ресурсом смыслопроизводства, а ненавязчивая привлекательность, которая реализуется посредством дискурса как транслятора, и имиджа как персонифицированного образца для подражания, может использоваться как способ эффективного коммуникативного воздействия, внушающий запланированный образ мысли и поведения» [Якоба 2014: 65-73].

Перед зрителем предстает идеальный образ человека той эпохи: высокий, крепкого телосложения правитель. Говоря о внешности мужчины, Мишель де Монтень отмечает черты, соответствующие гармоническому идеалу: «Красота мужчины проявляется прежде всего в красоте роста» [Montaigne 1931: 60-62].

В XVI веке королевское величие росло, отражаясь в растущей роскоши, сложных ритуалах двора и все большей театрализации событий повседневной жизни короля [Метивье 2005: 59-60]. Портрет Франциска I характеризуется «помпезной декоративностью и типичными для портретов маньеристического стиля пропорциями – несколько расширенными плечами, контрастирующими с небольшой головой на удлинённой шее. Образ короля *gentilhomme* и рыцаря с горделивой осанкой наделен изяществом и утонченностью, не встречающейся в других портретах Жана Клуэ [Мальцева 1978: 86].

На картине практически отсутствуют атрибуты королевской власти за исключением короны, которая представлена в декоре – драгоценной дамаской ткани. Корона является знаком верховной власти, которым не может быть наделено лицо, не имеющее соответствующего социального статуса [Санников 2014: 383]. Ее присутствие на портрете не может быть случайным: как отмечает М. Пастуро «Всё сказано в слове и словом» («*Tout est dit dans le nom et parle nom*»), подчеркивая важность обращения к этимологии при изучении символов [Pastoureau 2004: 15]. Так, слово *couronne* восходит к слову *corne*,

выражая ту же самую идею – идею возвышения, могущества, свечения. И корона, и рог возвышаются над головой и являются инсигнией власти и света [Chevalier, Gheerbrant 2008: 303]. Изображение короны отдельно от короля соответствует антропоцентрической идее эпохи Возрождения, когда человек становится центром, величественным и высшим началом жизни, и является коммуникативным актом, показывающим, что природное тело короля следует отличать от его политического тела (терминология Э. Х. Канторович) [Канторович 2015: 503].

Портрет Франциска I соответствует главной инновации государственного портрета эпохи Возрождения, а именно – король направляет свой взгляд на зрителя. Неизвестно, когда точно был создан портрет: во время пленения короля в Испании или же по его возвращении во Францию. В любом случае, целью создания портрета Франциска I является стремление показать присутствие монарха при дворе во всем его могуществе. Действительно, изображение монарха нельзя рассматривать вне значащего политического контекста. Таким образом, фигура короля обретает идентифицирующую и легитимирующую ценность [Lambert: [http](http://)].

Зрителя прежде всего поражает роскошь королевского одеяния – символа власти, который оставляет впечатление мощного и в какой-то степени наводящего страх присутствия, усиливающегося за счет пышности одежды. Таким образом реализуется прагматический аспект данного семиотического акта. Жан Клуэ тщательно и реалистично прорисовывает благородные ткани: зритель может различить и шелк, и сатин, и бархат, т.е. сами ткани здесь символизируют царственность, придавая наряду короля статус инсигнии (знака власти). Художник выбирает поистине парадный наряд, чтобы подчеркнуть величие модели. В повседневной жизни Франциск I носил, главным образом, одежду подбитую мехом и закрывающую тело до самых ног. Но такую одежду носили и стражи правосудия, и служащие финансовых ведомств, следовательно, она не могла соответствовать величию короля. Другую знаковую составляющую акта облачения Франциска I обретает цвет: черный, белый и коричневый. Это личные цвета короля, хотя в обычной жизни он носил одежду самых разных цветов, но со временем все чаще черного цвета под влиянием испанской моды. Вероятно, утверждение королевского величия было желанием самого Франциска I: могучего телосложения, облаченный в яркий наряд, король вступает в невербальную коммуникацию не только со своими подданными, но и со своим главным соперником – Карлом V, который отличался маленьким ростом и носил одежду черного цвета. Тем самым французский монарх совершает семиотический акт, принимая пышное королевское облачение. Его портрет добавляет культурный престиж двору Франции, что необходимо для увековечивания политического образа короля.

Интересно отметить, что лишь после несчастного случая, когда раскаленная головешка обожгла ему лицо, Франциск I начал носить короткие волосы и бороду. Тем самым он ввел новую моду, пришедшую из Италии, которую охотно копировали придворные. Важно отметить, что XVI век во Франции отмечен италиянизацией общества, что было итогом итальянских войн. Ей в значительной степени также способствовали династические браки французских королей с итальянскими принцессами из дома Медичи. Во Францию приглашались декораторы и парфюмеры, портные и ювелиры, садовники и скульпторы. По всему королевству начали строить роскошные здания, в их украшении участвовали итальянские мастера. Так, в 1516 г. Франциск I пригласил великого Леонардо да Винчи в свой замок Клу близ Амбуаза [Скрелина, Становая 2001: 295].

По примеру английского короля Генриха VIII, монарх ввел налог на бороду для духовенства, вынуждая тем самым небогатых монахов бриться. Это напоминает эпоху правления Меровингов, когда в числе предметных символов власти сакраментальное значение имели длинные волосы представителей королевской династии, отчего все правители данного рода получили имя «длинноволосых королей» (*reges crinitos*) [Санников 2011: 129].

На груди у короля орденовая цепь со знаком Святого Михаила – редкий и престижный знак отличия, символ преданности королю, верности монархии. Следует отметить, что орден Святого Михаила – это первый во Франции рыцарский орден, учрежденный королем Людовиком XI в 1469 году в Амбуазском замке. Учредить этот орден ему завещал Карл VII, который поместил Святого Архангела Михаила, считавшегося покровителем Франции, на своей хоругви. На знаке ордена изображен Архангел Михаил на скале, которая, в свою очередь, символизирует сакральное место ордена – священную гору Мон-Сен-Мишель. Людовик XI тем самым доверил покровительство Франции Святому Михаилу, а не Святому Дионисию, поскольку в то время англичане занимали Париж. Святой Михаил смог победить змия, воплощавшего зло, пришедшее с моря (как и англичане). Считается, что рыцарский орден был учрежден в ответ на создание Филиппом Добрым ордена Золотого руна. Цепь состоит из золотых раковин гребешков, а на медальоне изображен Святой Михаил, поражающий мечом змия.

На сагуме (короткий военный плащ, накидка) можно увидеть *савойский узел* – горизонтальную восьмерку, символизирующую любовь и верность, а также фиксирование, закрепление. Неслучайно моряки отмечают, что савойский узел легко развязывается, такова его особенность, но если его затянуть, то развязать его практически невозможно. Савойский узел являлся символом семейной идентичности: матерью Франциска I была принцесса Луиза Савойская.

Через небольшие прорези на рукавах камзола из шелкового бархата в полоску видна безупречно белая рубашка из тонкой ткани: благодаря прогрессу в ткацком деле отныне было важно показать качество и белизну рубашек.

Рука монарха, покоящаяся на эфесе шпаги с золотой головкой, – это тоже коммуникативный акт, показывающий зрителю, что перед ним – удачливый полководец. В целом, справедливо утверждение Н.Л. Мальцевой о том, что портреты Жана Клуэ – это исторические документы XVI века [Мальцева 1978: 82].

Все детали портрета французского короля, начиная с фона, внешнего облика, роскошного облачения, декора в одежде, заканчивая шпагой, драгоценностями, являются символическими, демонстрируя власть и могущество монарха. Несомненно, портрет оказывается 'мягкой силой', воздействующей на смотрящего и внушающей представление о величии правителя и государства, которым он управляет.

Таким образом, изучение 'мягкой силы' на примере портрета французского короля Франциска I позволило рассмотреть прагматическое измерение семиозиса власти.

Литература

- Васильева Е. Г. Французская антропонимическая система в раннем Средневековье (династия Меровингов) // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2011. – № 2 (8). – С. 40-46.
- Викулова Л. Г., Васильева Е. Г. Выбор имени как инструмент укрепления династической власти в раннем Средневековье (Франция, V-X вв.) // Верхневолжский филологический вестник: научный журнал. – 2015. – №2. – С. 58-64.
- Горбатова О.В. Диалог в пространстве визуальной культуры (на примере анимации и кинематографа): дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 – Краснодар, 2016.
- Ермаков Ю.А. «Мягкая сила» социально-политических манипуляций человеком // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. – 2013. – №4 (119). – С. 215-225.
- Канторович Э. Х. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии. - Изд. 2-е, испр. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2015.
- Макиавелли Н. Государь / пер. с итал. М. Юсима. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014.
- Мальцева Н. Л. Французский карандашный портрет XVI века. – М.: Искусство, 1978.
- Метивье Ю. Франция в XVI-XVIII вв.: от Франциска I до Людовика XV. – М.: АСТ: Астрель, 2005.
- Санников С.В. Образы королевской власти эпохи Великого переселения народов западноевропейской историографии VI века: монография. – Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2011.
- Санников С. В. Семиозис власти в семантическом типе культуры: методологические пролегомены //СХОЛАН(СХОЛЭ). Философское антиковедение и классическая традиция.– Т. 8. – Вып. 2. – Новосибирск: Новосибирский НИУ, 2014. – С. 378-398.
- Скрелина Л.М., Становая Л. А. История французского языка : учебник. – М. : Высшая школа, 2001.
- Якоба И.А. «Мягкая сила» в современной политике и дискурсивной технологии// Социологические исследования. – 2014. – №12 (368). – С. 65-73.
- Chevalier J., Gheerbrant A. Dictionnaire des symboles. Mythes, rêves, coutumes, gestes, formes, figures, couleurs, nombres. – Paris: Robert Laffont/ Jupiter, 2008.

Lambert A.-S. Les portraits de François Ier à la Renaissance, symbole de la révolution dialectique humaniste? – URL: http://classes.bnf.fr/rendezvous/pdf/FP_Portrait.pdf, свободный (Date of the access: 19.02.2017).

Montaigne M. de. Essais. – T.2. – Paris: Éditions Fernand Roches, 1931.

Pastoureau M. Une histoire symbolique du Moyen Âge occidental. – Paris: Éditions du Seuil, 2004.

Zheltukhina M.R. Vikulova L.G.; Slyshkin G.G., Vasileva E.G. Naming as Instrument of Strengthening of the Dynastic Power in the early middle Ages (France, England, Vth –XIth Centuries) //INTERNATIONAL JOURNAL OF ENVIRONMENTAL & SCIENCE EDUCATION. –2016. – VOL. 11. – NO. 14. – P.7195-7205.

ВИКУЛОВА Л.Г., СЕРЕБРЕННИКОВА Е. Ф., МИХАЙЛОВА С.В. ДИАХРОНИЧЕСКАЯ ЭТНОСЕМИОМЕТРИЯ ЛЕКСЕМЫ *SALON*

Abstract: The article reviews the evolution of the French lexeme *salon*. Special consideration is given to the linguo-cognitive mechanism of causation, which is the cornerstone of semiotic transformations of the lexeme in speech, lexicalized on a phased basis. Arguments are brought forward in support of a conceptual, axiological essence of this mechanism of word evolution, which is able to foster a conceptual link developing through the history of language. The research is based on ethnosemiometric data as one of the diachronic analysis methods.

Keywords: ethnosemiometrics, diachronic analysis, lexeme *salon*.

Предметом нашего анализа являются показатели диахронической трансформации французской лексемы *salon* на основе семиометрии. Выбор данного слова в качестве объекта семиометрии обусловлен: 1) его характером 'ключевого' слова для аксиосферы человека, для художественного дискурса и, как следствие, его значимостью для понимания состояния общества XVII века и антропологической мысли в целом; 2) явной концептуальной трансформацией знака, прослеживаемой от начальной номинации одного из помещений в доме до знака социально значимого средоточия культуры и, наконец, современного знака-аксиологемы – средства мелиоративной или пейоративной номинации учреждения, мероприятия, события, собрания, нацеленного на обсуждение и продвижение передового опыта практически во всех сферах жизни общества. Полагаем, что каждый из концептуальных признаков, ассоциированных со структурой знания и оценки, стоящей за исходным итальянским («престижным» для момента заимствования) знаком *salone* (самый большой, главный зал, обустроенность и предназначенность для приема, представления и общения; развлечение, статусность хозяев, избранность гостей, изысканное общение, утонченность и др.) послужил мотивирующей основой для линий развития потенциала знака в истории языка и общества, а основными механизмами трансформаций явились метонимия и метафора. При определении семиометрии слова *salon* мы опирались,

прежде всего, на данные различных словарей – этимологических, толковых, энциклопедических.

В дискурсивной практике XVII века исторически значимым становится литературный *салон* как прагматически и социокультурно значимое *коммуникативное пространство*, где обсуждались вопросы языка и литературы, стиль сочинений литераторов. Там знакомились с новыми литературными жанрами *до* публикации, оценивая их совершенства, их филологическую и эстетическую значимость [Fumaroli 1996; Михайлова 2011]. Салон предпросветительской эпохи был «общественно-бытовой лабораторией» и «идеалом речи культурного высшего общества», при этом «оценка литературного достоинства слова, светская доброкачественность слова обусловлены всем социально-бытовым контекстом его употребления, картиной ассоциированных с ним предметов» [Виноградов 1982: 157, 173-174].

Локализация интеллектуальной жизни общества того времени в определенном пространстве представлено индексальным словом *salon*. Этот «пространственный идентификатор» (по Л.Р. Дускаевой [2004]), обозначал то место, где «обычный сословный аристократизм становился явно недостаточным для его существования. Культурная элита, аристократизм своеобразно понимаемого ума, когда литераторы и артисты, ученые и философы, выходцы из нижних слоев, вставляли почти на одну ступень с великосветской знатью, – вот что выражало новые веяния времени» [Тарасов 2009: 79].

Сама лексема *salon* может рассматриваться как «культурно значимая» [Яковлева 1994: 79]. Это бытийное пространство для избранного общества стало знаковым для раскрытия маскулинной и фемининной идентичности. В салоне человек предстает прежде всего как лицо публичное, а его приватная жизнь отступает на второй план.

Обратимся к последовательной этносемиотрии лексемы, выделяя значения, актуализируемые в репрезентативных словарных контекстах, которые следует рассматривать как диахронические показатели её трансформации [Этносемиотрия 2008: 445-459; Кулагина 2011: 107-108].

Слово *salon* пришло из итальянской культуры во французский язык около 1650 года (ит. *salone*, аугментатив от *sala*, большая комната). Итальянский этимон означал *главное помещение* в доме: *stanza principale della casa* [Dizionario etimologico 2007: 866].

Исторический словарь французского языка отмечает следующие этапы развития значения слова [Dictionnaire historique 2006: 3366–3367].

1. Изначально лексема по своему значению близка к этимону и обозначала *комнату* в квартире, доме и даже дворце (*Salon carré du Louvre*), предназначенную для приема посетителей (*pièce d'un appartement, d'une maison meublée et aménagée pour recevoir des visiteurs*).

Расширение значения лексемы для обозначения собраний в семейном и дружеском кругу (*se réunir en famille ou entre amis*) наблюдаем в выражении *salon de compagnie* – место, где собирались члены семьи или друзья. Однако это выражение довольно быстро вышло из употребления.

2. Расширение значения слова наблюдаем в выражениях *salon de feuillage* (1678) и *salon de treillage* (1691), использовавшихся для обозначения пространства, покрытого зеленью, в саду, создающее приятную атмосферу для пребывания. На смену этим выражениям пришло *salon de verdure*, широко использовавшееся в XVII–XVIII веках.

3. В середине XVIII века (1750) лексема *salon* принимает новое оценочное значение, соотносясь с местом, где проходили перманентные прижизненные выставки работ художников: *exposition périodique des ouvrages d'artistes vivants*. Это значение обязано метонимическому переносу, поскольку в период с 1737 по 1848 годы в *Salon carré* (Квадратный салон) Лувра первоначально проходили официальные выставки современного искусства во Франции, в которых принимали участие до 3000-4000 художников.

4. Собрание писателей, художников, политиков, которое, особенно в XVII–XVIII веках, проходило в доме выдающейся дамы и определяло значительным образом воспитание хороших манер и литературных вкусов в XVII веке, распространение философских идей в XVIII веке (*réunion de personnalités des lettres, des arts et de la politique qui, particulièrement au XVIIe et XVIIIe siècles se tenait chez une femme distinguée; les salons eurent une influence capitale, au XVIIe siècle, sur l'évolution des manières et du goût littéraire et, au XVIIIe, – sur la diffusion des idées philosophiques*); выражения *faire salon*, *tenir salon* употребляются в значении *принимать гостей* или *собираться, чтобы побеседовать*. Хозяйка салона и ее гости получили особую оценочную номинацию в истории этого периода: *femme d'esprit / homme d'esprit*.

5. Место для организации определенного вида деятельности, занятий: музыкальный, чайный, парикмахерский, выставочный и пр. салон (*lieu où l'on s'adonne à une occupation particulière: salon de musique, de thé, de coiffure, d'exposition etc.*) – место, где создавалась красота и изысканность, или красота проявлялась в роде определенного занятия, манере общения и интерьере.

6. Светское общество (*société mondaine*); значение лексемы в качестве атрибутивного дополнения варьируется: *предназначенный для светской публики* (например, *œuvres de salon*), *свойственный высшему обществу и*, по расширению смысла – *притворный* (*conversation, mœurs de salon*), *поверхностный, лишенный серьезности* (*science de salon*).

Важно отметить приятную атмосферу, тесные межличностные отношения, поддерживаемые в рамках данного локуса. Подчеркнем

ведущую роль образованной женщины в организации салона, важность беседы как основного вида деятельности участников салона и значение салонной коммуникации для французского социума. Семантические компоненты лексемы, имеющие негативную окраску, свидетельствуют о девальвации ценностей, присущих периоду расцвета салонной культуры (XVII–XVIII вв.) и охарактеризованных как *стратегия притворства (stratégie du paraître)* [Элиас 2002: 119–125].

Однако следует указать, что в конце XVII века лексема *salon* употреблялась лишь в первом из приведенных выше значений, фиксация же полной парадигмы значений отмечается в конце XIX века, о чем свидетельствуют этимологическое исследование Ф. Бара [Bar 1969: 1-7]. До этого времени топографическое понимание *salon* как части жилого помещения не применялось в характеристике рода деятельности. В приглашениях на дамские вечера топография дома не рассматривалась: в воспоминаниях, описывавших званые вечера, чаще упоминались слова *ruelle* (альков, где высокопоставленные дамы принимали приглашенных), *cabinet* (кабинет), *chambre* (спальня, покои, будуар).

Таким образом, расширение семантики слова за счет появления значения *собрание светского общества* произошло *post factum*. Полагаем, что именно коммуникативная практика участников салонного общения способствовала амплификации смысла и закреплению в дальнейшей социолингвистической традиции понимания *salon* как собрания влиятельных и авторитетных особ, определяющих развитие общества и культуры: «On se réunit surtout pour se distraire, on organise des jeux de société, des excursions, des bals, des représentations théâtrales d'amateurs. Mais en même temps dans les salons, on fait de la poésie: on improvise des rondeaux, des énigmes en vers, des 'métamorphoses'; on compose de petits poèmes, on discute des questions de littérature et de langue» [Skréline 1972: 273]. В силу вышеизложенного, считаем возможным использовать устоявшийся термин *salon (салон)* по отношению к собраниям образованного круга лиц высокого социального статуса в доме знатной дамы.

Ученые отмечают, что в означенный период салон стал необходимой частью аристократического быта, где этикет имел огромное значение [Леонов 2011; Мацих 2012; Storer 2011]. Салон становится местом, где важны коммуникативные условности, жесткий ритуал, высокий уровень языкового табуирования общения. В салонах собирались лучшие умы эпохи – литераторы, политики, юристы, ученые, – метко определяемые как «аристократия словесности» (*aristocratie des lettres*) [Le Petit Larousse 2001: 83]. Полагаем, что данное понятие шире, чем сословная атрибуция, поскольку оно относится, в равной мере, к лицам, не являвшимся аристократами по рождению, но вполне соответствовавшим значению древнегреческого этимона (<

αριστενζ – лучший + κρατοζ – власть; букв. *власть лучших*) [Словарь иностранных слов 1988: 51]. Предлагаем рассматривать французское салонное общество конца XVII в. как *культурную аристократию*.

В салоне беседы протекали в условиях внешнего наблюдения со стороны присутствующих и были обусловлены статусными отношениями собеседников, ограничиваясь рамками действующих в этом социуме стандартов поверхностного видения – *stratégie du paraître*. Коммуникативное взаимодействие осуществлялось в рамках социально-статусного места – салона, а устойчивое участие в общении способствовало сохранению единства коммуникативного пространства между посетителями салона и поддержанию социальной иерархии в целом, так называемого *promotion sociale*, по определению Л. Бели [Bély 2009: 460] и Д. Хааз-Дюбоск [Haase-Dubosc 2010].

Понимание лексемы *salon* как локуса (лат. *locus*, место), связанного с определенным видом деятельности связано с утверждением места проведения официальных выставок изобразительных искусств в период 1737–1838 гг. в Квадратном салоне Лувра (*Salon carré du Louvre*). *Salon* как название периодических, первоначально официальных выставок современного искусства во Франции, которые устраивались в Париже с 1699 г. и размещались в Луаре, сначала в Большой галерее, а в 1737–1848 гг. в так называемом *Квадратном салоне* [Художественная энциклопедия: <http>]. Жюри салона, начиная с эпохи империи Наполеона I (1804–1815), как правило, поддерживало рутинное академическое искусство, часто рассчитанное на обывательские вкусы. Отсюда появление деривата *salonnier* (салонный) как нарицательное обозначение внешней красоты и банальности, поведения человека – *snobisme salonnier*, *conversations salonnières*. В XIX веке субстантивированное ироничное значение стало определять того, кто любит светскую жизнь и часто посещает салоны: *Qui aime les mondanités, qui fréquente les salons*. Так, в 1867 г. зафиксировано следующее значение лексемы *salonnier* – критик, посещающий Салон, какую-нибудь художественную выставку (*critique d'art qui rend compte d'un Salon, d'une exposition artistique*). В XX веке субстантивированная лексема *salonnière* стала обозначать служащую, которая помогала клиентам выбирать товар в домах моды – *employée d'une maison de haute couture qui reçoit les clientes au salon et les assiste dans leur choix*. В начале XX века лексема *salonnier* определяет служащего в мужской парикмахерской и выступает синонимом выражению *coiffeur pour hommes* [Dictionnaire historique 2006: 3367].

Таким образом, семиметрия слова *salon* показывает, что в своей семантике лексема включает и развивает следующие основные компоненты: идею ограниченного и отграниченного от остального мира пространства, предназначенного для организации какого-либо

рода деятельности, а также, вследствие метонимического переноса, общество, собирающееся в этом пространстве. Важно отметить приятную атмосферу, тесные межличностные отношения, поддерживаемые в рамках данного локуса.

Литература

- Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв.: учеб. для филол. фак. ун-тов. – 3-е изд. – М.: Высш. шк., 1982.
- Дускаева Л.Р. Диалогическая природа газетно-речевых жанров: монография. – Пермь: Пермск. гос. ун-т, 2004.
- Кулагина О.А. Этносемиотрический анализ слова *étranger* (диахронический аспект) // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2012. – № 2 (10). – С. 44-48.
- Леонов М.М. Патронат и протектирование: российские салоны второй половины XIX–начала XX вв.: автореф. дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.02. – Самара, 2011.
- Мащих Л.А. Всемирная история женщин [Электронный ресурс]: лекции из цикла программы «Academia». – Режим доступа: <http://www.youtube.com/watch?v=pzdDip8Gvgo>; <http://www.youtube.com/watch?v=doJRtnokk5s&feature=relmfu> (дата обращения 20.06.2012).
- Михайлова С.В. Литературный салон XVII века как фактор паратопии // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2011. – № 1 (7). – С. 108-113.
- Словарь иностранных слов / Гл. ред. Ф.Н. Петрова. – 15-е изд., испр. – М.: Рус.яз., 1988.
- Тарасов Б.Н. «Мыслящий тростник»: Жизнь и творчество Паскаля в восприятии русских философов и писателей. – 2-е изд. – М.: Языки славянск. культур, 2009.
- Художественная энциклопедия [Electronic resource] – Режим доступа: http://eslovar.com.ua/hudojestvennaya_entsiklopediya/page/salon.3135/ (дата обращения 15.01.2017).
- Элиас Н. Придворное общество: Исследования по социологии короля и придворной аристократии / Пер. с нем. А.П. Кухтенкова [и др.]. – М.: Языки славянской культуры, 2002.
- Этносемиотрия ценностных смыслов: колл. монография. – Иркутск: ИГЛУ, 2008.
- Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). – М.: Гнозис, 1994.
- Var F. Sur le mot «salon» // *Le français moderne* / Sous la direction de G. Antoine. – 1969. – Т. XXXVII. – № 1. – P. 1–7.
- Bély L. La France au XVIIe siècle. Puissance de l'État, contrôle de la société. – Paris: PUF, 2009.
- CNRTL – Centre National des Ressources Textuelles et Lexicales [Electronic resource] – URL: <http://www.cnrtl.fr>.
- Dizionario etimologico. – Genova: Edizione Aggiornata, 2007.
- Dictionnaire historique de la langue française / Sous la direction d'A. Rey. – En 3 t. – Paris: Robert, 2006.
- Fumaroli M. *Otium, convivium, sermo*: la conversation comme «lieu commun» des lettrés // *Le loisir lettré à l'âge classique: Éssais réunis par M. Fumaroli, Ph.-J. Salazar et E. Bury*. – Genève, 1996. – P. 29-52.
- Haase-Dubosc D. Intellectuelles, femmes d'esprit et femmes savantes au XVIIe siècle // *CLIO. Histoire, femmes et sociétés*. – 2010. – №13. – P. 43–67.
- Le Petit Larousse illustré: dictionnaire. – Paris: Larousse, 2001.
- Skréлина L.M. Histoire de la langue française. – М.: Vysshaya Schkola, 1972.
- Storer M.E. Un épisode littéraire de la fin du XVIIe siècle: La mode des contes de fées (1685–1700). – Paris: Champion, 1928. – Genève: Slatkine Reprints, 1972 (réédition: Genève: Slatkine Reprints, 2011).

ВОСТРИКОВА О.В.
СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ ЭТНОСЕМИОМЕТРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
ЛЕКСЕМ ИДЕНТИЧНОСТЬ / IDENTITY

Abstract: The term *identity* is a modern key unit for a number of disciplines primarily social humanities. Having cognate equivalents in European languages, its status of an international word is distinguished by dissimilar periods of entering lexis and nonetheless resulting in similar semantic structures. The study case of the English and Russian noun-equivalents *identity* sets grounds to presumption of a certain suchlike etymological group of international words.

Keywords: identity; international word; term; semantic structure.

Термин *идентичность* приобрел международный междисциплинарный преимущественно социально-гуманитарный характер. Это является прямым следствием процесса глобализации и межкультурной интеграции [Жукова, Лебедько, Прошина, Юзефович 2013: 3-4]. Так или иначе, когнаты термина *идентичность* существуют в большинстве европейских языков. В каждом из них в силу повышенного интереса к выражаемому им универсальному межкультурному концепту он достаточно частотен (входит в 10 000 наиболее употребительных единиц), насколько может быть частотен термин. Также их общей чертой является морфологическая гибридность: лексемы-производные происходят от латинского корня *identicus* (тот же, одинаковый) с помощью собственных суффиксов языков, образующих абстрактные существительные [Zheltukhina, Vikulova, Serebrennikova, Gerasimova, Vorbotko 2016: 10413-10422].

Междисциплинарный характер термина обусловлен тем, что его общее основополагающее содержание позволяет применять его в разных отраслях, добавляя в каждом случае конкретные признаки, принципиально значимые для научной сферы.

Как многократно было отмечено, концепт *идентичность* универсально подразумевает конверсивные составляющие элементы: индивидуальность, уникальность, с одной стороны, и общность, тождественность, с другой, соответственно выделяемые в значениях репрезентирующей его основной лексемы. Это свойство отражается в терминологических значениях [Гребенюк 2013].

Разноязычные эквиваленты-когнаты со значением *идентичность*, несмотря на семантические аналогии, интернационализмами не являются в силу временных различий. Обратимся к этносемиометрическому анализу лексемы *identity* в диахроническом аспекте [Кулагина 2012].

Так, в английском языке *identity* существует со второй половины XVI века, является ассимилированным заимствованием из среднефранцузского. Исходное значение заимствования – *одинаковость, тождественность*. Значение *индивидуальность* появляется в конце XVI века. В XIX в. появляются терминологические значения (по порядку

фиксации – математическое, логическое, философское, психологическое значения). Со временем внутри каждой терминосистемы развивается полисемия термина [OED: http]. Производное прилагательное *identical* возникает в XVII в. в терминологическом логическом значении. В качестве атрибута чаще выступает существительное. В толковых словарях выделяется в основном математическое терминологическое значение.

В русском языке *идентичность* вслед за формой адъектива *идентический* (позже – *идентичный*) фиксируется во второй половине XIX в. Корень заимствуется из французского языка, словообразующие суффиксы как у прилагательного, так и существительного – собственно русские. Первичное значение заимствования – *одинаковость, тождественность, соответствие* [Черных 1999: 336], однако существительное, видимо, этимологически производно от прилагательного и узואльно – вторично. Номинальная лексема в толковых словарях регулярно имеет помету *книжн.* Вследствие различных лексикографических принципов русскоязычное существительное не сопровождается терминологическими значениями, но имеет таковые в специализированных словарях по психологии, социологии, межкультурной коммуникации. Вероятно, вследствие более позднего заимствования и существования к тому времени иных терминов, его семантическая структура менее развита и не включает терминологических (прежде всего – технических) значений, характерных для английского аналога.

Сопоставительный этносемиотрический анализ лексем *идентичность / identity* позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на этимологические различия, когнаты со временем способны развивать аналогичные терминологические значения, которые можно рассматривать как интернациональные.

Литература

Жукова И.Н., Лебедько М.Г., Прошина З.Г., Юзефович Н.Г. Словарь терминов межкультурной коммуникации. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2013.

Кулагина О.А. Этносемиотрический анализ слова *étranger* (диахронический аспект) // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2012. – № 2 (10). – С. 44-48.

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 1. А-П. 3-е изд.– М.Ж Русский язык, 1999.

Гребенюк М.Н. Концепт «идентичность» в дискурсе гуманитарного знания // Аналитика культурологии. – 2013. – Вып. 26. – С. 2-7.

OED – The Oxford English dictionary. – URL: <http://www.oed.com/identity> (Date of the access: 07.03.2017).

Oxford English Living Dictionaries. – URL: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/identity>, свободный (Date of the access: 12.02.2017).

Zheltukhina M.R., Vikulova L.G., Serebrennikova E.F., Gerasimova S.A., Borbotko L.A. Identity as an element of human and language universes: Axiological aspect // International Journal of Environmental and Science Education. – 2016. – Vol. 11. – Issue 17. – P. 10413-10422.

ВЫШЕНСКАЯ Ю.П.

**АЛЛИТЕРАЦИЯ КАК СТРУКТУРНАЯ И ДЕКОРАТИВНАЯ
ХАРАКТЕРИСТИКА СТИЛЯ**

(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ СЛОВЕСНОСТИ)

Abstract: The article deals with the matter of the belles-lettres style during the cultural misbalanced-state period. The period coincides with the Middle Ages epoch transition into the Renaissance epoch. The problem is considered by means of the «diachrony of synchronies» principle combined with the one of aspective stylistic features study. Alliteration is presented as an instance of specific processes observed in the sphere of the verse theory and historical stylistics.

Key-words: discourse, style, stylistics, belles-lettres, text, verse

Историческая стилистика, относительно недавно выделившаяся в самостоятельное лингвистическое направление, занимается изучением «стиля и языка отдельных литературных памятников письменности, отдельных авторов, жанров или направлений в определенные исторические эпохи», иначе «стилистикой языка и стилистикой речи на оси времени» [Скрелина 1995: 8].

Особенность исторической стилистики, как отмечает Л.М. Скрелина, заключается в присущей ей возможности комбинирования подходов. Принцип «диахронии синхроний», что предполагает использование данных внешней истории языка, составляет основу первого из них. Второй подход обращен к поаспектному изучению определенной группы стилистических примет-характеристик как на синхронном срезе, так и на последовательных срезах, посредством сравнения особенностей их применения на конкретном этапе [там же].

Иллюстративный материал для анализа особенностей стиля художественного стихотворного текста предоставляют тексты английской словесности эпоха перехода Средневековья к Возрождению, периода 'неравновесного' состояния, проявления которого много- и разнообразны.

Тексты сохранившихся до наших дней письменных памятников, являют собой разновидность текстового элемента предложенной Е.А. Гончаровой модели «текст – стиль – дискурс», стабильность которого определяется стилем, выполняющим роль связующего элемента. Ситуативность стиля обуславливает обращение исследователя к фактам внешней истории, поскольку пути формирования модуса формулирования (художественного) текста во многом определяются особенностями социо-культурной ситуации, оказывающей влияние на специфику языкового материала, принципы его отбора и комбинации.

Особенности организации стихотворной речи рассматриваются авторами античных риторик [см., например: Дионисий Галикарнасский 1978: 199]. Теория стиха и поэтического стиля с тех давних времен заметно обогатилась. В современной теории стиха под стихотворной речью понимают «речь, организованную в своем звучании» [Томашевский 2008: 29].

Отличие стихотворной и прозаической речи заключается в наличии у стиха целенаправленно создаваемого автором особого ритма согласно некой, обычно канонизированной модели, который сопровождает все воспроизведение стиха [Тарлинская 1975: 5]. Правила организации стиха определяются метром, рядом чередования сильных и слабых слоговых позиций, иначе – главной моделью, которая образует основу ритмической организации стихотворного текста.

В историко-литературном плане, как отмечается в работах Б.В. Томашевского, наблюдается неразрывная связь понятий стиха и метра. В рамках отдельно взятой школы метр тождественен норме, подчиняющей себе стихотворную речь. Метрическим мерам присущи как текучесть, так и преемственность. Текучесть находит проявление в исчезновении одних метров и канонизации других. Преемственность тождественна традициям, которые «спаивают известный род поэзии в одно представление – поэтическую речь» [Томашевский 2008: 30]. Традиции, как указывает М.Г. Тарлинская, составляют один аспект специфической природы метра и ритма. Другой находится в непосредственной зависимости от структуры языка [Тарлинская 1975: 6].

Отмеченный двойственный характер метра и ритма раскрывается в трудах Б.В. Томашевского как в большей или меньшей степени соответствие нормы естественным возможностям языка, сковывание выразительного потенциала речи или, напротив, ее раскрытия. Статус доминанты метрической системы определяется законами метрического равновесия, силой традиции и поэтическим воспитанием литературной аудитории. Проявление этих законов заключается в одновременном содействии и противодействии друг другу, развитие самой метрической системы направляется по их равнодействию [Томашевский 2008: 31].

Непосредственное отношение к задачам стиля имеют введенные Б.В. Томашевским понятия *ритмического импульса* и *ритмических приемов*, иначе – закон и звуковые средства человеческой речи, посредством которых этот закон воплощается.

Авторы могут быть отличны в своем отношении к ритмическому импульсу, однако еще большей степени «многообразность» достигает в отношении ритмических средств и их использованию, в силу «далеко не однообразности» языковой функции и воздействия на реципиента (литературную аудиторию) средств звучания. Прием звучания,

посредством которого ритмический импульс получает реализацию, определяется целью воздействия, т.е. задачей стиля. Дополнительным условием выступает тип языкового мышления автора, которым осуществляется «различный характер отношения поэта к звуковым средствам речи, а также условия воспроизведения художественного произведения» [там же: 44].

Рассматриваемый период времени характеризуется широким спектром культурных практик. Наличие четко прослеживающихся связей средневековых научных и литературных текстов с предшествующими и с последующими эпохами одновременно доказывает несостоятельность сложившейся традиции воспринимать Средневековье как исключительно отличное от Античности и от Возрождения. Тем обуславливается необходимость отказа от нее, что помогает также избежать упрощенного взгляда на процесс развития лингвистических идей [Косарик 2013: 52; Peradotto 1997: 24]. Лингвистические идеи совместно с существующими традициями оказывают непосредственное влияние на процессы, в рамках которых создается модус формулирования текстов художественных произведений.

Отмеченные черты общетеоретического характера наблюдаются в сложившейся в английской версификации ситуации, обладающей также своими этнокультурными чертами. Законы древнеанглийской поэзии сохраняются, трансформируются согласно языковому материалу, изменившемуся со времен предшествующего Норманнскому завоеванию периода, и используются в сочетании со сложившимися европейскими (французскими и итальянскими) поэтическими образцами, принесенными с континента на Британские острова.

Преемственность эпических традиций наблюдается, прежде всего, в использовании элементов эпического или «коллективного» стиля (термин Р. Менендеса Пидалья, введенный для испанского и французского эпоса) в письменной поэзии.

В качестве существенного элемента «коллективного» стиля В.П. Григорьев выделяет повтор, в функциональной характеристике которого заключается его стилистическая природа. Повтор – способ передачи информации, при этом индивидуальное чувство (мысль) выявляется посредством задействования минимума языковых средств. В силу естественного существования в ритме, в напеве, в музыке повтор считают прямым показателем поэзии. При выделении из хоровой или индивидуальной песни ритмическое ударение остается в стихотворении, поэтому наличие ритмического ударения во многих исследованиях выделяется как одна из наиболее существенных в наборе характеристик старинной народной песни.

Ритм в стихотворении усиливает ударные места, имеющие непосредственное отношение к реализации замысла поэта, что можно

считать отправной точкой истории рифмы как значимого элемента строки [Григорьев 1975: 33-34]. Аналоги этому феномену в дорифменной поэзии отсутствуют. Однако некоторые исследователи [например: Baum 1961] полагают таковым феноменом *англо-саксонскую аллитерацию*.

Аллитерация как ведущий структурный прием древнеанглийской поэзии с наступлением Средневековья предается забвению, но интерес к нему возобновляется с середины XIV века, начала «аллитеративного Возрождения» (Alliterative Revival). Этим термином обозначается процесс возникновения неожиданного интереса к метрической форме древнеанглийского аллитеративного стиха, влияние которого отличалось продолжительностью и мощностью [Williams 1970: 107].

О масштабах аллитеративного Возрождения можно судить по географии литературной активности, характеризующей XIV век, включающий все, без исключения, графства Англии. О значимости этого явления можно судить на основании появления во второй половине XIV века ряда поэм, объем которых варьируется от нескольких сотен до нескольких тысяч строк, написанных размером, во многом схожим с аллитеративным размером эпических поэм «Beowulf» и «Cunewulf».

Собственно возрожденческий характер этого процесса проявляется в приятии структурой художественного текста вызванной из забвения метрической модели не в первоизданном, а в серьезно изменившемся виде. На практике это означает утрату аллитерацией статуса структурного приема с последующей заменой на статус декоративной детали, охотно используемой представителями определенных поэтических кругов. Наибольшую популярность обрела модель с аллитерирующими согласными в каждом третьем слоге каждой половины строки. Альтернативная модель представлена сквозной аллитерацией в нескольких следующих друг за другом строках. Отмеченный тип модели имел также и географическую привязанность, поскольку является характерной стилевой приметой аллитеративных поэм, написанных на северном и северо-западном центральном диалектах.

Наибольшей художественной ценностью обладают аллитеративные поэмы из сборника «Nero Aх», скомпилированного в XVIII веке знаменитым любителем старины и коллекционером сэром Робертом Коттоном. Рукописные тексты поэм сопровождаются миниатюрами высокого технического и художественного уровня исполнения, иллюстрирующими эпизоды некоторых поэм («The Pearl», «Purity (Cleanness)», «Patience» и «Sir Gawain and the Green Knight») [Baugh 1967: 232 - 233].

Как пишет А. Бо, согласно сложившейся в Европе практике, Дж. Чосер, которому как выдающемуся писателю, надлежало сыграть важную роль в создании родного английского языка, формировавшейся на нем литературы и стиля образующих ее произведений, не оценил эти

поэмы по достоинству. Это объяснимо его принадлежностью к королевскому двору и придворным кругам, чьи эстетические вкусы и предпочтения испытывали большое влияние французской культуры, поклонником и приверженцем которой был и сам поэт. В исследованиях творческого наследия Дж. Чосера отмечается присущее ему глубокое безразличие к английскому литературному наследию в сочетании со столь же глубоким пиететом к представителям французской и латинской литературы. Поиски собственного стиля (французского) периода ранних произведений ориентированы на творчество и стилистические находки и образцы современных ему французских поэтов, а также классических авторов. Путешествие в Италию и знакомство с творчеством великого флорентинца, автора «*La Divina Commedia*», но в особенности некоторых поэм Дж. Боккаччо, также вносят вклад в развитие стиля Дж. Чосера. Поэма «*The House of Fame*» знаменует начало так называемого его итальянского периода. Тем не менее, на протяжении всего творческого пути поэт оставался верным французской поэзии, полной аллегорических видений, с присущими ей условностями, обогатив перенятый им французский стилистический опыт итальянским.

Художественный стиль Дж. Чосера – причудливый сплав французских, итальянских и англо-саксонских традиций, во всем своем блеске в представленный в поэме «*The Canterbury Tales*», который получает кристаллизацию в английской фазе творчества поэта [Baugh 1967: 252, Bliss 1962: 35 - 36]. Общеизвестно, что Дж. Чосер является изобретателем английского пятистопного размера, созданного им по образцу французской либо итальянской континентальных моделей. Тем не менее, в первоначальном виде перенос в английскую поэзию ни французского *decasyllable*, ни итальянского размера *en decasyllabo* был невозможен, в силу того, что эти размеры, согласно английским представлениям, считались аритмичными, а потому подверглись некоторым преобразованиям. Выделенные модели, наряду с латинской, – источник регулярного чередования ударных и безударных слогов, характерной черты поэзии Дж. Чосера и всех прочих произведений, созданных в Англии того периода («*Orms*», «*The Poema Morale*») [Bliss 1962: 35-36].

Существование во времена Дж. Чосера аллитеративной (традиционной модифицированной) и рифмованной (инновационной) традиций оказывало влияние на статус аллитерации и рифмы в поэтических произведениях. Приверженцы рифмованной традиции создавали свои произведения с использованием конечной рифмы (*end-rhyme*), аллитеративным элементам в рифмованном узоре отводилась исключительно орнаментально-декоративное назначение. Той же линии в отношении рифмы придерживались последователи аллитеративной традиции. Фонетические модели, в свою очередь,

оказывали влияние на образцы синтаксической природы, которые при этом находились в глубокой зависимости от авторских предпочтений.

Конечная рифма (*end-rhyme*) – просодическая модель, в рамках которой слоги рифмуются в каждой строчке стиха с фиксированным числом слогов. Разновидность этой модели представлена рифмованием слогов в каждом синтаксическом комплексе внутри строчки. В полной развитой структурной форме конечные рифмы наличествуют в единственной поэме «The Riming Poem» [Lester 1996: 107].

Податливость английских флексий к рифмованию стимулировала развитие модели конечных рифм, широко использовавшейся в традиционной сфере своего применения – формулах типа *food and god (wise and good)*. Введением моды на рифмование французские поэты, появившиеся на Британских островах после Норманнского завоевания, способствовали распространению этого феномена в литературной поэтической среде [Lester 1996: 109].

Более длинные рифмованные поэмы написаны куплетами, длина строчек которых варьировалась. В их число входят наиболее ранние рифмованные поэмы «The Owl and the Nightingale», «Cursor Mundi»; «Chronicle» Р. Глостера, басни «The Fox and the Wolf», а также рыцарские романы «King Horn» и «Havelok». Куплетная форма характерна также и для рыцарских романов в стихах, появившихся в более позднее время. Однако большинство произведений, образующих цикл из 23 поэм, написанных в XIV веке на восточно-центральном диалекте, рифмуются по принципу *tail-rhyme* – строфы, построенной на чередовании четырех- и трехударных строк со сложной системой рифмовки [Смирницкая 2001: 327], что предполагает связывание ряда куплетов отдельными строчками, основанными на одной рифме.

Декоративное использование аллитерации в рифмованных стихах расширяется в дальнейшем выполнением ею дополнительной стилистической нагрузки. Так, в «Mystery Plays», аллитерация способствует созданию эффекта торжественности формальной речи священнослужителя. Прямо противоположный эффект достигается в речи Ирода в пьесе «The Slaughter of the Innocents», исполненной угроз и проклятий.

С течением времени стилистическая нагруженность аллитерации увеличивается. Во второй половине XIV века, как отмечалось выше, аллитерация вновь обретает статус структурного приема. Так, в поэмах аллитеративного Возрождения, этот прием выступает формирующей основой модели стиха по аналогии с конечной рифмой в рифмованных поэмах, фундаментальные признаки древнеанглийской аллитерации при этом сохраняются.

Процессы формирования модуса формулирования текстов художественной английской словесности периода пребывания средневековой культурой в состоянии неравновесности испытывают

влияние характерных для того периода времени тенденций. Языковые средства, используемые для осуществления ритмических импульсов стихотворных текстов, подвергаются значительной трансформации в силу объективных законов развития языка. Самые ритмические импульсы, регулирующие аранжировку стихотворного текста, также находятся в состоянии переосмысления, обновления уже сформировавшихся принципов его организации, а также расширения путём введения инновационных вариантов.

Литература

- Григорьев В. П. Становление языка испанской национальной литературы (к постановке проблемы стилистики жанра как ведущей категории в познании особенностей начального периода развития языка литературы). – Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1975.
- Дионисий Галикарнасский. О соединении слов // Античные риторика. – М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1978. – С. 167 – 222.
- Косарик М. А. Социолингвистическая проблематика в ранних португальских сочинениях о языке. – М.: МАКСПресс, 2013.
- Скрелина Л.М., Кузнецова Т.Я. Очерки по исторической стилистике французского языка. – СПб. – Архангельск: Изд-во Поморского международного пед. университета, 1995.
- Смирницкая О.А. Среднеанглийский ямб и французские заимствования: условия взаимодействия // Язык, литература, эпос (к 100-летию со дня рождения академика В. М. Жирмунского). – СПб.: Наука, 2001. – С. 324-332.
- Тарлинская М. Г. Структура и эволюция английского стиха: автореф. дис. ... д-ра. филол. наук: 10.02.04. – М., 1975.
- Томашевский Б.В. Проблема стихотворного ритма // Б.В. Томашевский. Избранные работы о стихе. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: ИЦ «Академия», 2008. – С. 24-53.
- Baugh A. Literary History of England. – New York & London: Appleton-Century – Crofts, Inc., 1967.
- Baum P. F. Chaucer's Verse. – Durham, N.C.: Duke University Press, 1961.
- Bliss A. J. The Appreciation of Old English Metre // English and Medieval Studies. – London: George Allen & UNWJN LTD., 1962. – P. 27-41.
- Lester G. A. The Language of Old and Middle English Poetry. – London: Macmillan Press LTD, 1996.
- Peradotto J. Homer, Parry and the Meaning of Tradition // Hommage à Milman Parry. Le Style. Formulaire de L'Épopée Homérique et la Théorie de l'Oralité Poétique. – Amsterdam: Éditeur, 1997. – P. 23 - 33.
- Williams D.J. Alliterative Poetry in the XIV-th and XV-th centuries // History of Literature in the English language. - Vol I. The Middle Ages. – London: Sphere Books, 1970. – P. 107-159.

ГАГАРИНА Л.С.

ЭКСПЛИЦИТНОСТЬ И ИМПЛИЦИТНОСТЬ В ПСИХОСИСТЕМАТИКЕ

Résumé. L'article porte sur le problème de l'explicite et de l'implicite dans l'énoncé. On étudie le lien de l'implicite avec l'expressivité de l'énoncé à l'exemple du contexte vertical, une unité superphrastique conceptuelle, sémantique et structurelle, qui contient le discours indirect libre comme moyen de traduire le discours d'autrui. On identifie les facteurs qui déterminent la présence dans le texte des phénomènes de la syntaxe expressive désignant les informations implicites.

Mots clé. l'explicite et de l'implicite, la syntaxe expressive, le contexte vertical.

Термины *эксплицитность* и *имплицитность* имеют весьма широкое распространение в лингвистике. Трактовка этих понятий

сопряжена с толкованием философского термина *экспликация* (от лат. *explicatio* – разъяснение), определяемого как уточнение понятий и утверждений естественного и научного языка с помощью средств символической логики [Философская энциклопедия: [http](http://)].

В традиционной лингвистике термином *эксплицитный* обозначают то, что имеет свое собственное, полное непосредственное словесное выражение в тексте. Эксплицитное содержание высказывания – это то, что сказано «открытым текстом». Эксплицитность проясняет *силу* высказывания, или то, «как (в единственном смысле...) его надо воспринимать» [Остин 1986: 70]. Напротив, термином *имплицитный* обозначают то, что не имеет непосредственного словесного выражения в тексте, но подразумевается в эксплицитном. Имеется в виду, поясняет В.З. Демьянков, что говорящий что-то «недовложил» в свою речь, которую, тем не менее, адресат способен понять и «доинтерпретировать» [Демьянков 2006: 36]. Имплицитное содержание высказывания (подтекст) постигается на основе эксплицитного, при помощи контекста или фоновых знаний. Иными словами, имплицитность представляет собой «экономный способ отображения внелингвистического содержания, при котором в результате прочной ассоциативной связи элементов ситуации «название только одного из элементов является достаточным для того, чтобы представить всю ситуацию» [Кулаева: [http](http://)].

Таким образом, эксплицитное (явное) и имплицитное (не явное) – есть две в некотором смысле противоположные формы выражения мысли. В семиотическом плане данное противопоставление (эксплицитность vs имплицитность) объясняется асимметрическим дуализмом языкового знака. Согласно концепции Ф. де Соссюра о двойственной природе языковых единиц, единицы языка представляют собой двусторонние сущности: у них есть означающее (или план выражения) и означаемое (или план содержания). Означающее знака всегда материально, оно имеет физическое выражение: это либо цепочка звуков в устной речи, либо последовательность букв на письме, выстроенных в определенном порядке. Означаемое знака – это содержание, которое в языке стоит за этой цепочкой звуков или букв. Языковой знак закрепляет определенное означаемое за определенным означающим. Факт несоответствия в отношении означаемого к означающему и представляет собой лингвистическую имплицитность [Турбина, Салтыкова 2012: 52].

В современной лингвистике особый интерес вызывает проблема эксплицитности/имплицитности высказывания применительно к принципам и особенностям организации текстов различных стилей и жанров. Главным вопросом является связь имплицитности высказывания с его экспрессивностью (выразительностью).

Ответ на этот вопрос мы находим у основоположника теории психосистематики Г. Гийома, представляющего любой рече-языковой акт (высказывание) в виде следующей формулы [Гийом 2004: 87]:

$$\text{выражение (экспрессия)} + \text{выразительность (экспрессивность)} = 1,$$

где выражение – это обращение к устоявшемуся аспекту (собственные средства языка), а выразительность – это обращение к неустоявшемуся, импровизационному аспекту (собственные средства рече-языкового акта).

Г. Гийом подчеркивает важность этой формулы для понимания того, что происходит в синтаксисе, и указывает на следующую закономерность: «Синтаксис пользуется тем, что выразительность теряет в пользу выражения, которое вытесняет почти все. Напротив, синтаксис страдает от того, что выразительность растет в ущерб выражению» [Там же: 88], противопоставляя тем самым синтаксис выражения и синтаксис выразительности (экспрессивный синтаксис). Синтаксис выражения предусматривает строгий грамматический порядок слов, соответствие языковой норме. Синтаксис выразительности допускает многочисленные отклонения от нормы (эллипсис, парцелляция и др.). Именно синтаксические экспрессивные средства указывают на наличие в тексте имплицитной информации. Таким образом, синтаксическая имплицитность, обусловленная коммуникативным намерением говорящего субъекта, способствует повышению выразительности высказывания, его эмотивности.

Проиллюстрируем данный тезис на примере вертикального контекста речи как особого концептуально-семантического и структурного типа СФЕ, содержащего несобственно-прямую речь как способ передачи чужого словесно оформленного высказывания. Идея вертикального контекста, основанная на теории концептуальной схемы предложения Л.М. Скрединой [Скредина 1980] и предусматривающая применение методики векторного анализа Г. Гийома [Гийом 2004], разработана Т.Я. Кузнецовой [Кузнецова 2007].

Присутствие несобственно-прямой речи в составе вертикального контекста речи определяет наличие в тексте двух субъектов высказывания: передающего (вводящий контекст) и говорящего (предложения несобственно-прямой речи). Совмещение двух субъектных планов, их особое взаимодействие, взаимопроникновение, оказывает существенное влияние на семантико-синтаксическую организацию вертикального контекста речи (порядок слов, тождество референции, коммуникативная связность, субъективная модальность).

Усиление влияния говорящего субъекта обуславливается степенью отдаленности предиката речи вводящего контекста от прототипа глаголов говорения *dire / parler* либо имплицитным способом выражения субъекта или объекта речи вводящего предложения. В первом случае усиление плана говорящего субъекта

находит выражение, прежде всего, в изменении порядка слов и синтаксической структуры предложений вертикального контекста речи (сегментация, презентативы, эллипсис и другие явления экспрессивного синтаксиса французского языка). Во втором случае усиление роли говорящего субъекта проявляется в преобладании вторичных способов выражения предикатов в предложениях несобственно-прямой речи, что усложняет семантико-синтаксическую структуру контекста и выражается разнохарактерностью синтаксических структур (эмфаза, эллипсис, обособление и др.). Тождество референции создается преимущественно косвенными способами (ассоциативная анафорическая связь; субституция опорного слова объектным местоимением), что приводит к изменению синтаксической функции элементов тождества референции. Наблюдается отсутствие строгих закономерностей в синтаксической организации коммуникативной связности контекста, обусловленное влиянием говорящего субъекта, его коммуникативной интенцией.

Указанные наблюдения, выявленные в ходе лингвистического анализа образцов вертикального контекста речи, свидетельствуют о том, что любое отклонение от синтаксической нормы в сторону несоблюдаемого, неустоявшегося, импровизационного, приводит к повышению эффективности коммуникативного воздействия, в том числе имплицитного, и усилению выразительности (экспрессивности) высказывания.

Литература

Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики / Общ. ред., послесл. и коммент. Л.М. Скредлиной. – 2-е изд., испр. – М.: Едиториал УРСС, 2004.

Демьянков В.З. О техниках понимания имплицитности речи // Семантико-дискурсивные исследования языка: Эксплицитность / имплицитность выражения смыслов: Материалы междунар. науч. конф. / Под ред. С.С. Ваулиной. – Калининград: Изд-во Российского гос. ун-та им. И. Канта, 2006. – С. 34–52.

Кузнецова Т.Я. Вертикальный контекст как вид сверхфразового единства во французском языке (когнитивный аспект): Монография. – Архангельск: Изд-во Архангельского гос. тех. ун-та, 2007.

Кулаева О.А. Эксплицитность и имплицитность высказывания // Вестник. Наука и практика. Zwiastować. Nauki i praktyki. – URL: конференция.com.ua, свободный (дата обращения 07.03.2017).

Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов / Сост. и вступ. ст. И.М. Кобозевой и В.З. Демьянкова. Общ. ред. Б.Ю. Городецкого. – М. Прогресс, 1986. – С. 22–130.

Скредлина Л.М. О концептуальной схеме предложения // Проблемы синтаксиса простого предложения: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Л.М. Скредлина. – Л.: Изд-во ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1980. – С. 61–71.

Турбина О.А., Салтыкова М.С. Принципы организации рекламного слогана // Вестник ЮУрГУ. – 2012. – № 2. – С. 50–54.

Философская энциклопедия. – URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/1404, свободный. – Дата обращения 23.02.2017.

ГЕРАСИМОВА С.А.
ФРАНЦУЗСКИЙ ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ТЕРМИН ПРЕДИСЛОВИЕ В
ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЕКЦИИ

Abstract: The paper deals with the issue of the status of the Preface text genre, widely used in linguistics, literary studies, textual criticism, book publishing industry and other fields of knowledge. Etymological analysis of the term's historical projection indicates the designation of the elucidative text, preceding the main text of the book. The Preface is communicative and informative unit that fosters a deeper reading of the main text of the work.

Key-words: preface, introduction, introductory speech, text periphery, term, prospective education, contract of communication.

XVI век – период образования французской нации и создания французского общенационального языка. Французский язык становится национальным, государственным, а также объектом изучения. Внимание гуманистов к окружающей действительности, их желание всему дать свое объяснение способствовали обновлению филологического знания. На смену комментаторской культуре текстовости пришло ренессансное свободомыслие, которое раздвинуло горизонты и включило в сферу текстовости метод филологической критики текста [Михайлова 2000: 13].

Начиная с XVII века характерной чертой социокультурной ситуации во Франции является формирование салонной диалоговой культуры. Прежде чем представить новое произведение широкой публике, существовала практика его устного прочтения и обсуждения в литературных салонах французской аристократии, которые способствовали формированию языковых и литературных вкусов общества [Moуen Age 1989: 256; Михайлова 2011: 108-113; Викулова, Михайлова 2012: 29-37].

Можно предположить, что появление авторского предисловия к тому или иному произведению было не случайно, поскольку оно являлось стратегическим подходом писателя к его презентации, непосредственно адресованного посетителям таких салонов. Эффект, производимый вставкой, дополнением (*ajouts*), к которым можно отнести предисловие как вторичный текст, сравним с эффектом, производимым практикой чтения вслух, идущей со времен Античности. Думаем, что предисловие в какой-то степени служит осуществлению данной практики устного обращения автора к читателю.

Отношения иерархии, заключающиеся в предшествовании предисловия основному тексту произведения, удачно определяются французским термином, используемом в дискурсивной семантике *ajout* (*вставка, дополнение*) (*фр. ajouter – добавлять, прибавлять*) [Dictionnaire des Sciences du Langage 2004: 22]. Термин *ajout* отражает эффект дополнения, добавления, восполнения и расширения пространственно-

временных параметров основного текста, подчеркивая своим семантическим значением подчиненность и зависимость от основного высказывания. Этимология лексемы *ajout* предусматривает хронологический аспект, присутствующий в семантике данного слова «до или после, по отношению к основному высказыванию» (*un avant ou un après, par rapport à un élément premier qui sert de référence*), и, как следствие, вторичность жанров, представленных этой лексемой [Combe 2002: 19-20].

Вопрос о статусе типа текста *предисловие* до сих пор остается открытым. Термин *Предисловие* используется широко в лингвистике, литературоведении, текстологии, книжном деле и других областях знания. В каждом новом употреблении важным оказывается тот или иной аспект предисловия, и отсюда разные определения: текст пояснительного характера, метатекст и т.д. Во французском языке термин *Préface* определяется как «*texte placé en tête d'un livre pour le présenter au lecteur (syn. introduction)*» [Larousse 1989: 1482]. А термин *Introduction* трактуется как «*texte explicatif placé en tête d'un ouvrage: L'introduction explique la conception de l'ouvrage et en donne le plan (syn. préface [moins importante])*» [там же: 976].

Обратимся к определению, которое, на наш взгляд, является наиболее общим и подчеркивает комментирующий характер предисловия. Предисловие (*Préface*) определяется как текст пояснительного, критического характера, который предваряет какое-либо произведение. Это предуведомление читателей о том, что им надо принять во внимание, читая, изучая или просматривая книгу. В предисловии сообщается, что представляет собой произведение по характеру, жанру и цели, объясняются критерии выбора материала. Предисловие может быть написано как самим автором, так и редактором или иным лицом, в частности, составителем, переводчиком или издателем [Литературный энциклопедический словарь 1987: 303]. Основной целью предисловий является устранение при прочтении произведений «прагматических помех», к которым следует отнести характер и объем тезауруса современного читателя, особенности самого лингвистического материала. Предисловие коррелирует с фоновыми знаниями современного (для автора предисловия) читателя, нейтрализует или компенсирует возможные прагматические помехи при прочтении основного текста произведения [Викулова 2012: 67; Zheltukhina, Vikulova, Serebrennikova, Gerasimova, Borbotko 2016].

Исследования ученых в области периферии текста говорят об особом интересе к предисловию и введению. Поднимается ряд вопросов, таких как: способствуют ли хорошее предисловие и введение большому числу продаж книг; являются ли они обязательными для представления автора и произведения; каким образом влияют на восприятие читателя; является ли анализ, представленный в предисловии и введении, опорой

для общего понимания произведения (Pré-textes). Анализируя предисловие, введение и другие предваряющие чтение тексты, относимые обычно к явлениям второго порядка – так называемой «внекнижности» (*hors livre*), французский ученый Ж. Деррида отмечает их специфическую роль – предварять основной текст издания, представлять его читателю, сделать его зрительно *осязаемым* (*visible*), прежде чем он будет *читабельным* (*lisible*) [Derrida 1972: 15]. Данные перефирийные текстовые элементы характеризуются как некоторой независимостью от собственно текста произведения, так и тесно связаны с ним. В зависимости от месторасположения периферийных элементов они могут обладать проспективной или ретроспективной направленностью [Гальперин 2016: 58]. Можем говорить о проспективном характере такого периферийного элемента, как предисловие.

Интерес представляет отношение к данному жанру не только как к собственно тексту произведения и/или издания, но и как к термину. Во французском языке для обозначения данного предтекстового образования существует ряд лексических единиц. В частности, французский ученый Ж. Женетт пишет, что данное периферийное образование может обозначаться терминами: *préface*, *introduction*, *avant-propos*, *prologue*, *note*, *notice*, *avis*, *avant-dire*, *au lecteur*, *avertissement*, *préambule*, *discours préliminaire*, *exorde*, *proème* и др. [Genette 1987: 164]. Отмечается, что термин *préface* является наиболее частотным для номинации текстов, предваряющих основное произведение. Семантический анализ названных лексических единиц показывает, что в перечисленном ряду выделяются две синонимические подгруппы [Lagousse 1989]. В одной из них термин *préface* является доминантой синонимического ряда, а его синонимами выступают такие лексические единицы, как *avant-propos*, *avertissement*, *avis*, *notice*, *introduction*, *préambule*. Доминантой другого синонимического ряда выступает термин *introduction*, синонимы которого будут *avant-propos*, *exorde*, *préambule*, *préface*, *prologue*, *discours préliminaire*. Обладая эмоционально-оценочной нейтральностью, термины *préface* и *introduction* находятся в привилегированном положении по сравнению с другими членами ряда, так как выражают основной смысл, общий для синонимов в каждой из подгрупп.

Анализируемые материалы показывают, что французские писатели и ученые XVI-XVIII веков используют различные термины для обозначения предисловий. В частности, Агриппа д'Обинье, Жан де Лафонтен, Жан Расин и др. предпочитают термин *Préface*. Многие авторы предпочитают термин *Avertissement*, как, например, Пьер Корнель. Ряд писателей используют в качестве заголовка обращение «*Au(x) lecteur(s)*», например, Иохим дю Белле, Франсуа Рабле. Предисловие Жана Даламбера, написанное к «Энциклопедии, или

Толковому словарю наук, искусств и ремесел» (*Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers*) было названо *Discours préliminaire*. Однако предпочтение отдается термину *Préface*.

Этимологический анализ этого ключевого термина показывает, что он берет свое начало от лат. *praefatio* (<praefari), обозначающего текстовое образование, которое предшествует основному тексту произведения. Термин датируется приблизительно 1300 годом [Чернигова 2006: 47]. Это позволяет предположить, что авторское предисловие как структурный элемент периферии произведения является уже устоявшимся образованием к началу XVI века.

Вместе с тем отметим, что издательские предисловие рассматриваемого периода еще не получили должного распространения. Только около 1550 года появились особые страницы, отражающие *l'état-civil du livre* (социальный статус книги), что было обусловлено распространением печатных книг и требованием торговли. На титульном листе книги появляются следующие элементы: название, имя автора, имя издателя, год издания. Понятие *édition* по данным словарей определяется как: *impression, publication d'un ouvrage, d'un livre, action par laquelle on se met au jour*, появилось уже в конце XVII века. Понятие *éditeur* фиксируется словарями лишь с XVIII века, а появление проспективных элементов издательского дискурса отмечено значительно позднее:

- (1732) *Personne (homme de lettres, érudit) qui fait paraître un texte ; (fin XVIII). Personne ou société qui assure la publication et la mise en vente (d'ouvrages imprimés)* [Le Nouveau Petit Robert 2003: 836].

Исходя из этого, можно предположить, что такие виды издательского паратекста, как предисловие, введение или вступительная статья издателя, нехарактерны для произведений периода XVI-XVII вв., а впервые появляются только к середине XVIII века.

Отметим, что наиболее частотным для номинации текстов, предворяющих основной текст произведений учебного характера является термин *avant-propos* [CNRTL: [http](http://)]. Но лишь во второй половине XX в. его употребление закрепляется в учебных изданиях. Исследованные нами тексты *avant-propos* к учебным изданиям показали, что при обозначении жанра методического аппарата учебного издания авторы используют такие термины, как *Методическая записка, Введение, Предисловие, От автора / От авторов / От редактора*. Однако предпочтение отдается двум терминам – *методическая записка* и *предисловие*.

Обращение к словарям и корпусу французских текстов показывает, что узусальное употребление термина *avant-propos* зафиксировано в 1556 году и обозначает *краткое введение в начале книги (Courte introduction placée en tête d'un écrit d'une certaine longueur (livre ou ouvrage)), написанное автором для разъяснения своего замысла и содержания работы (pour en*

faire connaître le contenu et le dessein poursuivi) [там же]. Так же как предисловие и введение, данный жанр носит ярко выраженный проспективный характер. Проспективная ориентация такого типа текста заложена в семантике термина, определяющего жанр текста. Интенциональность данного текста проявляется в том, чтобы ознакомить с содержанием книги и намерениями автора.

Внеположенность предисловия и введения, которые оказываются не только коммуникативными, но и информативными образованиями, способствующими более глубокому прочтению основного текста произведения, служит прежде всего для того, чтобы сначала привлечь внимание, а затем вообще в чем-то убедить читателя [Эко 2004: 126]. Вторичные речевые жанры – предисловие и/или введение способствуют не только презентации основного текста произведения читателю, но являются способом и местом размышления автора или издателя над основным текстом произведения и служат его более глубокому прочтению. Издательское предисловие (*Préface*), сопровождающее современные издания, является элементом научно-вспомогательного аппарата издания.

Несмотря на то, что термины *Préface* (Предисловие) и *Introduction* (Вступительная статья, Введение) во французских словарях обозначены как синонимы, в издательской практике *Предисловие*, являющееся служебным, вспомогательным текстом и частью издания, отличается от *Введения*, представляющего собой часть основного текста произведения. Введение – это начальная часть или глава произведения автора, в которой чаще всего определяются исходные понятия, основные термины, обобщаются теории, литературные и документальные источники, обосновывается постановка и разработка темы.

Объем авторских предисловий периода XVI-XVIII вв. вариативен и представлен либо несколькими строками как, например, у Ф. Рабле (69 печ. зн.), либо 10-11 страницами у И. дю Белле (2780 печ. зн.). Интересна в этом плане *Discours préliminaire* (*Вступительная речь*) Ж. Даламбера, написанная к первому тому Энциклопедии XVIII века, объем которой составляет 40 285 слов (200 268 печ. зн.). Заметим, что такой объем сам по себе говорит о грандиозности планов по написанию будущего многотомного труда Энциклопедии. В первых строках *Вступительной речи* авторы Энциклопедии амбициозно заявляют о том, что решили воспользоваться собственными знаниями и знаниями других выдающихся людей своего времени, чтобы создать книгу, в которой заключались бы все книги, представить картину усилий человеческого ума за все предыдущие века и во всех отраслях знания, начиная с самых отдаленных времен и заканчивая настоящим временем (XVIII веком) [D' Alembert: [http](http://)]:

• *L'OUVRAGE dont nous donnons aujourd'hui le premier volume, a deux objets: comme Encyclopédie, il doit exposer autant qu'il est possible, l'ordre &*

l'enchaînement des connoissances humaines: comme Dictionnaire raisonné des Sciences, des Arts & des Métiers, il doit contenir sur chaque Science & sur chaque Art, soit libéral, soit mécanique, les principes généraux qui en sont la base, & les détails les plus essentiels, qui en font le corps & la substance.

Во французской теории дискурса утвердились понятия *contrat de communication* (контракт общения), *contrat de lecture* (контракт чтения) как своеобразное соглашение, принимаемое партнерами коммуникативного акта, включающее такие составные, которые позволяют осуществиться коммуникативному акту, а именно: учет коммуникантов, их интенций, коммуникативной ситуации. Автор словарной статьи, посвященной понятию *contrat de communication*, П. Шародо указывает на его связь с проблемой дискурсивных жанров. Можно говорить о наличии различных типов жанров коммуникативных соглашений, как, например, рекламного, информационного, жанра интервью, теледебатов и т.п. [Charaudeau 2002: 138-141]. Думаем, что жанр *préface, introduction, avant-propos, discours préliminaire* вполне можно отнести к *contrat de communication* и *contrat de lecture*.

Предполагается, что, следуя этому соглашению (*contrat de lecture*), читатель признает авторитет писателя и согласен принять во внимание данное информационно-коммуникативное сообщение создателя произведения или издателя, и не должен быть обманут в своих ожиданиях относительно выбираемого (приобретаемого) для чтения произведения. Предисловие и введение, как составная часть паратекста и проспективное образование, участвуют в формировании данных ожиданий (*horizons d'attente*). Интересной представляется точка зрения Натали Пьегэ-Гро, которая определяет «горизонт ожидания» как «знание читателем правил игры» в связи с его культурным и литературным опытом (*un ensemble de règles du jeu que le lecteur est censé reconnaître*) [Piégay-Gros 2002: 232-233]. Данное понятие, по мнению французского ученого, позволяет определить степень допустимой новизны произведения с точки зрения автора и принятию или отказу этой новизны читателем.

Таким образом, можно говорить о том, что суть предисловия заключается как в установлении диалогических отношений с потенциальным читателем, так и в информировании и трансляции читателю культурных норм, знаний, ценностей понимание которых способствовало бы более глубокому прочтению основного текста художественного или научного произведения анализируемой эпохи.

Литература

Викулова Л.Г. Издательский дискурс в системе общения «Автор – Издатель – Читатель» // Вестник ИГЛУ. Серия «Филология». – 2012.– № 2.(18). – С. 63-68.

Викулова Л.Г., Михайлова С.В. Прагматика Моралите французской литературной сказки // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». – 2012. – № 1. – С. 29-37.

Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / отв. ред. Г.В. Степанов. – 9-е изд. – М.: URSS, 2016.

Литературный энциклопедический словарь / под ред. В. М. Кожевникова. – М.: Сов. энциклопедия, 1987. – 752 с.

Михайлова Е.Н. Грамматическая традиция французского Возрождения (класс имен): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10. 02. 05. – СПб., 2000.

Михайлова С.В. Литературный салон XVII века как фактор паратопии // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. –2011. – № 1 (7). – С. 108-113.

Чернигова И.В. Коммуникативный потенциал паратекста французских художественных произведений XVI-XVII веков (на материале авторских и издательских предисловий): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05. – Иркутск, 2006.

Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / пер. с итал. В. Г. Резник и А. Г. Погоняйло. – СПб.: Симпозиум, 2004.

Charaudeau P. Contrat de communication / P. Charaudeau // Dictionnaire d'Analyse du Discours. – Paris: Editions du Seuil, 2002. – P. 138-141.

CNRTL – Centre national de ressources textuelles et lexicales. – URL: <http://www.cnrtl.fr/lexicographie> (Date of the access: 10.01.2017).

Combe D. L'ajout en rhétorique et en poétique // Figures d'ajout: phrase, texte, écriture. – Paris: Presse Sorbonne Nouvelle, 2002. – P. 15-27.

D' Alembert J.R. Discours préliminaire // Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. Texte établi par Diderot et d' Alembert, 1751, T. 1. – P. Xiv. – URL: https://fr.wikisource.org/wiki/Encyclopédie/1re_édition/Discours_préliminaire. – (Date of the access 06.01.2017).

Derrida J. La dissémination // Hors Livre. – Paris: Le Seuil, 1972. – P. 9-67.

Dictionnaire des Sciences du Langage / sous la dir. de F. Neveu. – Paris: Armand Colin, 2004.

Genette G. Seuils. – Paris: Seuil, 1987.

Larousse P. Dictionnaire de la Langue Francaise. – Paris: Larousse, 1989.

Le Nouveau Petit Robert. Dictionnaire Alphabétique et Analogique de la Langue Française. – Paris: Le Robert, 2003.

Moyen Age: XVI-e siècle: livre du professeur / A. Armand. – Paris: Hatier, 1989.

Piégay-Gros N. Le lecteur: textes choisis et présentés par N. Piégay-Gros. – Paris: G F Flammarion, 2002.

Zheltukhina M.R., Vikulova L.G., Serebrennikova E.F., Gerasimova S.A., Borbotko L.A. Identity as an element of human and language universes: Axiological aspect // International Journal of Environmental and Science Education. –2016. – Vol. 11. – Issue 17. – P. 10413-10422.

ГРИГОРЬЕВА Е.Я

КРЕОЛИЗОВАННЫЕ ТЕКСТЫ КАК ИСТОЧНИК ЛИНГВОКУЛЬТУРОВЕДЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ

Abstract: The article discusses the use of creolized texts as a source linguo-culturological information in foreign language learning. The article provides guidelines for working with creolized texts on the example of foreign language comics. The comic is viewed as an authentic academic text with a great didactic potential. The paper displays stages of work with comic texts and models of tasks to it.

Key words: creolized text, comics, stages of work with comics, exercises to comics.

В связи с изменениями, происходящими в настоящее время в образовании, пересматриваются как содержание, так и методы обучения иностранным языкам. Современная теория обучения иностранным языкам рассматривает текст как основной компонент содержания обучения, являющийся единицей и результатом общения. Сущность текста и потенциал его использования в методике обучения иностранным языкам исследовались во многих научных работах (Ф. де Соссюр, Н. Хомский, Э. Сепир, Т.И. Рязанцева, И.Р. Гальперин, Е.С. Кубрякова, Л.В. Сахарный, М.М. Бахтин и др.)

Одним из инновационных научных понятий теории и методики обучения, получившим распространение в связи развитием семиотики и информационных технологий является «креолизованный текст», фактура которого состоит из двух негетерогенных частей: вербальной и невербальной [Сорокин 1990: 6, 181-186]. В связи с этим исследования креолизованных текстов приобретают особое значение, так как направленные на достижение поставленных педагогических целей, они включают в себя не только традиционные учебники, но и действия и речь учителя, а также мультимедийные тексты и технически опосредованное межкультурное общение. За последние годы в рамках современной лингвистики интерес к невербальным средствам коммуникации значительно возрос, что отмечается в большинстве исследований, посвященных не традиционной лингвистике текста, а лингвистике семиотически осложненного, видеовербального, составного, поликодового, креолизованного текста.

Креолизованный текст – это не просто удобная форма передачи информации, а принципиально новый способ и подход к ее усвоению. Поиск и разработка типологии учебных материалов на основе поликодовых медиатекстов может стать инновационным компонентом содержания обучения межкультурному иноязычному общению при изучении иностранных языков.

Креолизованный текст – это текст, фактура которого состоит из двух разнородных частей: вербальной (языковой/речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык). Примеры креолизованных текстов — тексты рекламы, комиксы, афиши, плакаты.

В креолизованных (и семиотически обогащенных) текстах иллюстративно-визуальный ряд имеет решающее значение в восприятии текста. От его наличия или отсутствия зависит содержательное восприятие текста. Например, если один и тот же текст набрать латинским и готическим шрифтом, их интерпретация будет различной. Так, в Германии готический шрифт зачастую ассоциируется с нацизмом, что может повлечь за собой соответствующие ассоциации при

прочтении нейтрального текста. В креолизованных текстах вербальный и визуальный компоненты состоят в неразрывной связи. При удалении одного из компонентов оставшийся компонент либо перестает передавать информацию, либо делает это неполноценно, либо интерпретируется иначе. Классическим примером креолизованного текста является сказка А. де Сент-Экзюпери «Маленький принц», где вербальный текст и авторские рисунки составляют единое неделимое целое [Викулова, Герасимова, Макарова, Есина 2016].

Креолизация – это «комбинирование средств разных семиотических систем в комплексе, отвечающем условию текстуальности» [Бернацкая 2000]. К средствам креолизации вербальных текстов относятся изобразительные компоненты, соседствующие с вербальными и оказывающие существенное влияние на интерпретацию текста, а также все технические моменты оформления текста, влияющие на его смысл [Фофин 2011]. Среди них следует назвать: шрифт, цвет, фон текста (цветной или иллюстрированный), средства орфографии, пунктуации и словообразования, иконические печатные символы (пиктограммы, идеограммы и т.п.), графическое оформление вербального текста (в виде фигуры, в столбик и т.п.), кернинг, интерлиньяж. Полный спектр средств креолизации еще не выделен и не описан.

Первоначальное значение слова *креолизация* — «процесс образования новых этнических групп путем смешения кровей нескольких контактирующих этносов» [Сорокин, Тарасов 1990]. Как известно, первоначально креолами (от фр. *créole*; исп. *criollo* и порт. *crioulo*; лат. *creare* ‘создавать, возвращать’) называли детей смешанных браков испанских и португальских поселенцев и местных жителей, родившихся в Латинской Америке. Позднее креолами стали называть всех потомков европейских переселенцев на территориях колоний в Северной и Южной Америках. Процесс взаимодействия нескольких этносов на одной территории неизбежно ведет к взаимодействию их национальных языков. Отсюда происходит второе, узколингвистическое значение термина: креолизация – «процесс формирования нового языка (смешанного по лексике и грамматике) в результате взаимодействия нескольких языков» [Яценко 1999: 8] процесс, следующий за *пиджинизацией*. Соответственно, креолизованными (креольскими) называют языки, возникшие в результате смешения нескольких языков [Сорокин, Тарасов 1990: 180-186].

Для обозначения «текстов с полной креолизацией» в трактовке Е.Е. Анисимовой, т.е. тех текстов, в которых вербальный и невербальный компоненты являются органическими частями единой монолитной композиции, предлагается более узкий, метафорический и динамический термин *креолизованный текст*, введенный в науку Ю.А. Сорокиным и Е.Ф. Тарасовым и используемый в настоящее время

исследователями данного феномена (Е.Е. Анисимова, Н.С. Валгина, А.А. Бернацкая, М.Б. Ворошилова и др.). Для креолизованных текстов характерны те же категории, что и для традиционных гомогенных вербальных текстов. Убедительно доказано, что основными текстоформирующими свойствами креолизованных (как и обычных) текстов являются цельность и связность, проявляющиеся на различных языковых уровнях [Анисимова 2003; Чигаев 2010].

Использование креолизованных текстов в методическом плане и их внедрение в процесс обучения иностранным языкам с целью совершенствования лингвосоциокультурной компетентности и повышения информационной и коммуникативной культуры являются необходимыми и актуальными в современном языковом образовании. В качестве одного из видов креолизованного текста, имеющего методическое значение при обучении иностранному языку, выступает *комикс*. Комикс является своеобразным источником культуры, который гармонично сочетает в себе черты национального характера, ценности и традиции, культурные реалии, разговорный язык, быт народа. Комикс как явление культуры обладает страноведческими сведениями в различных областях: повседневной жизни (еда, одежда, национальные праздники и др.); условиях жизни (уровень жизни, условия проживания и др.); межличностных отношениях (в семье, на улице, в транспорте, на работе и др.); области основных духовных ценностей; невербального общения и невербальных средств коммуникации.

Комикс обладает большими возможностями для применения в обучении иностранным языкам на старшей ступени, когда у учащихся уже сформированы необходимые навыки и умения для восприятия иноязычных аутентичных текстов. На этом этапе комиксы могут использоваться и для совершенствования языковых навыков и развития речевых умений, и для формирования всевозможных компетенций (межкультурной, прагматической, дискурсивной и т.д.). Комикс привлекателен для учащихся благодаря наличию иллюстраций. Во-первых, это облегчает понимание вербального компонента, во-вторых, вызывает интерес у школьников, побуждая их к чтению и мотивируя к изучению иностранного языка, в-третьих, наличие картинок придает изучению языка непринужденный характер. Так, иллюстрации в образовательном процессе не только активизируют мыслительную деятельность учащихся, но и придают обучению эмоциональную составляющую: «то, что вызывает эмоциональное сопереживание – запоминается и осмысливается лучше, чем нейтральное, индифферентное» [Зимняя 2001].

Более того, наличие иллюстраций, создающих определенную визуальную ситуацию, способствует более эффективному усвоению изучаемых явлений, формированию устойчивых навыков и умений.

Иноязычные комиксы могут быть успешно интегрированы в образовательный процесс практически на каждом этапе обучения. Отбор комиксов для учебного процесса осуществляется в соответствии с языковым, речевым и жизненным опытом учащихся, а также возрастными интересами; с точки зрения коммуникативно-познавательной и социокультурной ценности комиксов и их страноведческого наполнения, ориентации на познание особенностей другой культуры.

Так как комикс является аутентичным текстом, совершенно естественно, что в нем встречается фоновая лексика, культурные реалии, разговорные выражения и другие языковые особенности, затрудняющие понимание комикса для не носителей языка. Одним из действенных способов облегчение понимания при чтении иноязычного текста является введение комментария, цель которого – снятие трудностей, возникающих при знакомстве с тем или иным языковым материалом, достижение его более полного понимания путем сообщения страноведческой и культурологической информации, исторических фактов, восполнение фоновых знаний.

На старшем этапе обучения работа над иноязычным комиксом носит комплексный характер и состоит из 4 этапов: предтекстовый, текстовый, послетекстовый, творческий.

I. Предтекстовый этап. На этом этапе осуществляется стимулирование мотивации учащихся к работе с текстом комикса; предвосхищение возможных трудностей языкового, речевого и социокультурного характера и их снятие с помощью различных приемов, включая предтекстовый лингвокультурологический комментарий, семантизацию лексики; обобщение ранее полученных знаний по теме.

II. Текстовый этап. Рассматривая текст как источник иноязычной культуры, цель данного этапа состоит в формировании у учащихся особой «картины мира», свойственной носителю языка. Текстовый этап включает следующие подэтапы: предъявление текста комикса, чтение, комментарий, контроль понимания.

Предъявление текста комикса. На этом этапе происходит стимулирование внимания, мышления, восприятия; формирование прогностических умений (прогнозирование содержания комикса с опорой на заголовок, рисунок, знания и жизненный опыт учащихся). Осуществляется первичное знакомство с текстом комикса и чтение с пониманием основного содержания (ознакомительное чтение). Знакомство с комиксом может также осуществляться путем восстановления предварительно нарушенной последовательности кадров комикса. При этом может проводиться индивидуальная, парная

или групповая работа, которая контролируется учителем. После прочтения следует комментарий.

Комментарий. На этом этапе осуществляется обогащение фоновыми и страноведческими знаниями, а также развитие у учащихся интереса к межкультурным сопоставлениям.

Посредством комментария учащиеся познают явления иностранной культуры, содержащиеся в тексте комикса. Через призму другой культуры они оценивают свою родную культуру, при этом появляется способность смотреть на поступки и события с позиции другой культуры, сопереживать, понимать чувства и эмоции представителей других культур.

Чтение текста комикса (изучающее, поисковое чтение). С целью полного понимания текста комикса дается установка на определенный вид чтения (чтение вслух или про себя) и на выполнение различных притекстовых упражнений.

Контроль понимания. Используя приемы контроля, такие как вопросно-ответная форма работы, учитель проверяет, насколько полно учащиеся поняли текст, учитывая национально-маркированную лексику, реалии и другие языковые и речевые особенности, сложные для восприятия не носителями языка.

III. Послетекстовый этап. Текст комикса используется в качестве основы и опоры для выполнения упражнений, направленных на формирование аспектных навыков, а также развитие умений репродуктивного плана, репродуктивно-продуктивного и продуктивного. Послетекстовый этап подразделяется на следующие подэтапы: подэтап тренировки, продуктивный подэтап, подэтап контроля.

Подэтап тренировки. Целями данного этапа являются формирование языковых навыков и речевых умений. Осуществляется выполнение подготовительных/тренировочных упражнений, а также упражнений на расширение социокультурных знаний, воспитание толерантного отношения к иноязычной культуре, развитие речевого этикета, формирование умений невербального поведения, воспроизведение типичных ситуаций межкультурного общения.

Продуктивный подэтап направлен на создание коммуникативных ситуаций и совершенствование навыков межкультурного общения. В данном случае используются различные ролевые игры и стимулирование ситуаций общения, в основу которых положен сюжет или ситуация комикса.

Подэтап контроля. Цель этапа – осуществить а) проверку усвоения полученных знаний учащимися; б) контроль действий рецептивного и продуктивного характера; в) диагностику пробелов.

IV. Творческий этап. Комикс имеет широкие возможности для развития творческих способностей учащихся. Учащимся может быть

предложена проектная работа, связанная с созданием своего собственного комикса. Работа проходит в нескольких группах по 2-4 человека. Сначала следует предложить им выбрать тему комикса, описать главных героев, разработать сюжет. Комикс может быть нарисован от руки, либо создан с помощью специальных Интернет-сервисов, таких как, например, Pixton.com (<http://www.pixton.com/fr/for-fun>).

Готовые комиксы изучаются и обсуждаются в классе. Можно использовать различные формы работы в зависимости от того, какие цели ставит учитель (чтение комиксов с дальнейшим обсуждением, ответами на вопросы; описание персонажей, ситуаций, места действия; инсценирование комиксов или разыгрывание аналогичных ситуаций и т.д.) Такой формат работы позволяет мотивировать учащихся к изучению иностранного языка, стимулировать их творческое мышление, развивать умения устной и письменной речи.

Итак, хотелось бы еще раз отметить, что иноязычный комикс обладает огромным дидактическим потенциалом, является прекрасным средством обучения иностранным языкам и познания другой лингвокультуры. Благодаря богатому лексическому и тематическому наполнению комикса, он может быть успешно интегрирован в образовательный процесс на каждом этапе обучения. Кроме того, иноязычный комикс отражает интересы современной молодежи, чем мотивирует учащихся к изучению языка, стимулирует их познавательную активность, делает процесс обучения интереснее и результативнее.

Литература

- Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов): Учеб. пособие для студ. фак. иностр. яз. вузов. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. — С. 8- 15.
- Бернацкая А.А. К проблеме «креолизации» текста: история и современное состояние // Речевое общение: Специализированный вестник / Под ред. А.П. Сковородникова. Вып. 3 (11). — Красноярск: Красноярский университет, 2000. — С. 134-140.
- Викулова Л.Г., Герасимова С.А., Макарова И.В., Есина А.В. Философская сказка *Маленький принц* как культурный феномен: к вопросу о литературной репутации. читательской и зрительской рецепции // *Crede Experto*: транспорт, общество, образование, язык. – 2016. – № 2. – С. 99–110.
- Григорьева Е.Я., Резникова А.И. Педагогическая целесообразность использования комикса на занятиях по французскому языку. – Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2014. – № 2. – С. 89-94.
- Григорьева Е.Я. Текст в лингвокультурологическом рассмотрении в школьных учебниках по французскому языку // *Лингвострановедение: методы анализа, технология обучения. Сб. научных трудов.* – М.: МГИМО, 2014. – С. 167-177.
- Зимняя И.А. Лингвopsихология речевой деятельности. – М.: МПСИ, Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001.
- Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // *Оптимизация речевого воздействия.* – 1990. – № 2. – С. 180-186.
- Чигаев Д. П. Способы креолизации современного рекламного текста: автореф. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – М., 2010.
- Фофин А.И. Вербальный компонент в совмещенном пространстве изображения и слова (на примере афиш Тулуз-Лотрека) // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2011. – № 1 (7). – С. 108-113.
- Яценко Н. Е. Толковый словарь обществоведческих терминов. — СПб.: Лань, 1999.

ГОРБУНОВ Ю. И.

ТЕЗАУРУСНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ТЕРМИНОЛОГИИ В ЛИНГВИСТИКЕ И ЛИНГВОДИДАКТИКЕ

Abstract: The given report deals with a technology modeling thesaurus of the linguistic terminology semantics. The metalanguage of French linguistics, English morphology and morphosyntax, cognitive linguistics and text linguistics is linguistically studied in thesaurus modeling perspective. The possibility of thesaurus usage as a linguodidactic tool of formation of intending linguists' professional competence is under current research.

Key words: thesaurus, French linguistics, sociolinguistics, morphology, morphosyntax, cognitive linguistics, text linguistics.

В предметной области (ПО) французской лингвистики наблюдается множество направлений, каждое из которых отличается своей специфической терминологией. В различных лингвистических теориях даются нередко разные классификации, определения, излагаются различные объяснения лингвистических закономерностей, иногда одно и то же явление получает различные терминологические обозначения. Каждое новое направление отличается своим метадialectом. Авторский метаязык характеризует функциональную грамматику А. Мартине [Martinet 1970], теорию психосистематики Г. Гийома [Guillaume 1919; 1929; 1964], психологическое направление в грамматике французского языка Ж. Дамурета и Э. Пишона [Damourette et Pichon 1927-1950], семантический структурализм в трудах Ж. Гугенейма [Gougenheim 1966] и Л. Теньера [Tesnière 1976], асемантический структурализм в грамматике Дюбуа [Dubois 1965] и т.д.

Сложившаяся во французской лингвистике научная картина невольно побуждает обратиться к исследованию французской лингвистической терминологии с целью ее систематизации, классификации и изучения ее информационно-семиотической и синергетической природы. Эффективное исследование французской лингвистической терминологии представляется возможным на базе информационно-семиотической и синергетической теории, которая выявляет особенности терминологии как знаковой системы, определяет характеристики лингвистических терминов-знаков в содержательном и функциональном планах с учетом синергетических механизмов, которые происходят в процессе эволюции и становления метаязыка французской лингвистики [см.: Пиотровский 1999; 2006]. Решение данной проблемы лежит в русле тезаурусного моделирования [см.: Горбунов Ю.И. 2004].

Разработка французско-русского лингвистического тезауруса как модели метаязыка французской лингвистики, отражающей информационно-семиотическую природу французской лингвистической терминологии, опирается на принципы, которые

учитывают семиотические и лингвистические особенности функционирования лингвистических терминов. В семиотическом аспекте французская лингвистическая терминология характеризуется следующими свойствами.

1. Французский лингвистический термин представляет собой элементарный или усложненный знак, который в пределах ПО французской лингвистики воплощает в своем означаемом некоторое лингвистическое понятие. Французский лингвистический термин является элементарной семиотической единицей, входящей в состав французской лингвистической терминосистемы. Основным признаком французского лингвистического термина является включение его десигната в терминопole французской лингвистики.

2. Терминопole французской лингвистики соответствует семантическому пространству, которое представляет собой аналог французской лингвистики как особой ПО и включает совокупность семантических областей общелингвистических, грамматических, фонетико-фонологических и лексикологических терминов.

3. Семантические области французских лингвистических терминов делятся на семантические поля, каждое из которых отражает семантику отдельного термина и его семантическую ценность.

4. Семантическая ценность французского лингвистического термина представляет собой 'пучок' семантических отношений, которые связывают лингвистические термины в единую терминосистему и образуют структуру французо-русского лингвистического тезауруса в виде древа семантической сети.

В лингвистическом аспекте адекватное исследование информационно-семиотической природы французской лингвистической терминологии требует построения тезаурусной модели французской лингвистики с применением лингвистической технологии, которая предполагает:

– определение лингвистической терминосистемы методом отбора лингвистических терминов из корпуса научно-лингвистических текстов по французской лингвистике;

– определение терминопole французской лингвистики методом компонентного анализа дефиниций французских лингвистических терминов по лексикографическим источникам;

– разработку новой модели тезаурусной словарной статьи, которая отражает семантическое поле отдельного лингвистического термина с указанием его семантической значимости, включающей не только традиционные семантические отношения – гиперо-гипонимические, меронимические, но и специфические семантические отношения, присущие исключительно лингвистическим терминам в пределах исследуемой ПО французской лингвистики.

Французско-русский лингвистический тезаурус является обучающим по своему характеру и имеет явную практическую направленность. В процессе работы со словарем-тезаурусом у студентов вырабатываются профессиональные знания, умения и навыки, которые в целом составляют содержание «Тезауруса лингвиста». «Тезаурус лингвиста» следует понимать как комплекс лингвистических знаний специалиста о языке, его фонетическом и грамматическом строе, грамматических категориях, функциях, формах, о грамматических средствах в системе и функционировании, о связи языка с мышлением и культурой народа. При этом специалист-лингвист должен обладать совокупностью умений, которые ему позволяют оперировать лингвистическими знаниями в профессиональной деятельности, осмысливать конкретные языковые явления, с которыми приходится встречаться на практике. К компонентам моделируемой на тезаурусной основе лингвистической компетенции относятся также знание различных концепций описания системы французского языка, знание правил функционирования языковых единиц в речи, умение анализировать языковые и коммуникативно-речевые единицы разных уровней, сравнивая и сопоставляя их.

Тезаурусное моделирование ПО французской лингвистики послужило толчком для исследования других направлений современной лингвистики на материале французского и английского языков, предпринятых в последнее время на кафедре теории и практики перевода Тольяттинского государственного университета. Так, в частности Е.Ю. Сенницкая использует тезаурусный подход при моделировании ПО французской социолингвистики [Сенницкая 2014]. Суть этого подхода состоит в том, что тезаурусная модель строится на принципах асимметричности, антирефлексивности и транзитивности. В данной работе французская социолингвистика моделируется с помощью особой семантической сети, структура которой позволяет учитывать не только традиционные – гиперо-гипонимические отношения, но и новые – специфические для терминополья французской социолингвистики семантические отношения, как-то: отношения корреляции, эквивалентности, объекта и его свойства, объекта и процесса и др. Е.Ю. Сенницкая рассматривает французские социолингвистические термины в аспекте их семантической значимости, которая представляет собой 'пучок' семантических отношений социолингвистического термина, поскольку они определяют место и статус термина в пределах социолингвистической терминосистемы. Что касается информационно-семиотической природы французской социолингвистической терминологии, то она представлена в виде тезаурусной модели метаязыка французской социолингвистики и составляет когнитивную основу информационной

базы обучающего лингвистического автомата (ОЛА) «Тезаурис лингвиста», которое рассматривается как средство оптимизации преподавания теории французского языка – французской лингвистики.

Из числа подобных работ на материале английского языка заслуживает внимания исследование Е.Ю. Горбунова. Прежде всего – опыт тезаурисного моделирования терминопольа *Parts of speech* (части речи) ПО «Английская морфология и морфосинтаксис», где подробно рассматривается специфика синергетических механизмов интенционалов терминов [Горбунов Е.Ю. 2007]. В этой работе показаны два семиотических подхода к построению лингвистических классификационных моделей: формальный, ориентирующийся на означающее терминологического знака (ТЗ), и понятийно-функциональный, опирающийся на его означаемое. Первый, т. е. формальный подход, оправдывает себя при моделировании грамматических систем языков синтетического (флективно-агглютинативного) 'покроя'. Применительно к 'мягкой' системе ПО «Английская морфология и морфосинтаксис» эффективнее использовать второй подход, опирающийся на компонентный анализ. Только он позволяет выявить лексические примитивы в языке аналитического строя, определяющие положение рассматриваемой лексической единицы в терминологической системе. Компонентный анализ интенционалов терминов для обозначения частей речи схемы по П. Мэтьюзу, построенной по формальному критерию и классификационной модели, построенной, исходя из функционального и частично понятийного критериев, в версии схемы Р. Траска, позволил выявить синергетические расхождения между наборами примитивов. В качестве иллюстрации исследователь сопоставляет интенционалы трех терминов из сравниваемых таксономий, а именно *Pronoun* (местоимение), *Adverb* (наречие) и *Conjunction* (союз).

В конечном итоге исследователь приходит к выводу о том, что выявление, систематизация и унификация глубинных синергетических механизмов исследуемой ПО возможны только при компонентном анализе интенционалов моделируемых терминов с выделением набора примитивов, выступающего в качестве доказательно-экспериментального инструмента упорядочения слабо структурируемых грамматических объектов с нечетко-множественной природой. Такой семиотико-синергетический подход позволяет ослабить сложности, связанные с моделированием 'мягких' грамматических систем, которые характерны для лингвистики, равно как и для других гуманитарных ПО, а также минимизировать информационные потери.

В лингвистическом аспекте проведены также исследования метаязыка английской когнитивной лингвистики [Ведерникова 2013], англоязычной лингвистики текста [Жучкова 2016]. В исследовании

Ю.В. Ведерниковой основное внимание сконцентрировано на описании принципов организации тезауруса английской терминологии когнитивной лингвистики, к которым отнесены ориентация и адресация тезауруса, его функциональная характеристика и уровень языка, отраженный в описании терминов. Тщательно разработанная автором структура словаря способствует систематизации терминосистемы ПО «Когнитивная лингвистика». В работе Ю.В. Ведерниковой впервые исследована английская когнитивно-лингвистическая терминология и построен тезаурус английской когнитивной лингвистики. Он представляет собой сложную информационно-семиотическую модель, включающую терминопле и терминосистему английской когнитивной лингвистики, которая может быть использована в качестве лингводидактического инструмента формирования лингвистической компетентности студентов-лингвистов.

В свою очередь, И.И. Жучкова выдвигает гипотезу о том, что терминология ПО «Англоязычная лингвистика текста» может быть также систематизирована и унифицирована с помощью методики тезаурусного моделирования, которая обеспечивает распознавание взаимосвязей между терминами. В результате сравнительного анализа структуры и содержания словарных статей различных современных лексикографических источников по лингвистической терминологии и лингвистике текста, применив метод компонентного анализа словарных дефиниций, ей удалось построить тезаурусную модель ПО «Англоязычная лингвистика текста». Практическая значимость данного исследования состоит в том, что опыт тезаурусного моделирования дает возможность:

1) создать такой тип словаря, тезауруса и указателя, который как комплекс лингвистических знаний может стать вспомогательным средством для глубокого изучения и усвоения не только терминологии, но и самой предметной области в процессе профессиональной подготовки специалистов;

2) получить формализованную и детальную сравнительно-сопоставительную картину английской и русской терминологии современной лингвистики текста;

3) использовать модели, полученные в результате исследования, для систематизации других разделов языкознания;

4) внедрить в лексикографическую практику опыт тезаурусного моделирования при составлении терминологических словарей на материале различных языков.

Кроме того, внимание уделяется рассмотрению особенностей тезаурусного моделирования терминологии. Приводится ряд преимуществ компьютерной реализации моделируемого словаря-тезауруса, одним из которых является возможность его организации в виде гипертекстового документа. В конечном итоге моделируется с помощью тезауруса нечетко структурированная система терминологии

ПО «Англоязычная лингвистика текста» с ориентиром на знаковую природу термина. С помощью применения методики компонентного анализа значений проводится компонентное описание объемов интенционалов терминов рассматриваемой ПО с целью выявления и упорядочения глубинных расхождений в их денотатах.

Все эти работы, несомненно, имеют явную практическую направленность: их последовательное внедрение в учебный процесс в составе ОЛА «Тезаурус лингвиста» способствует эффективному формированию профессиональной компетентности будущих бакалавров лингвистики. Несомненна также теоретическая значимость указанных работ, поскольку результаты исследования французской и английской лингвистической терминологии свидетельствуют о новых достижениях в изучении информационно-семиотической природы метаязыка современных направлений зарубежного языкознания.

Литература

Ведерникова Ю.В. Тезаурусное моделирование английской терминологии когнитивной лингвистики: автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Самара: Поволжск. гос. соц.-гум. академия, 2013.

Горбунов Ю.И. Тезаурусное моделирование французской грамматической терминологии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2004.

Горбунов Е.Ю. Тезаурусное моделирование английских грамматических терминов морфологии и морфосинтаксиса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2007.

Жучкова И.И. Тезаурусное моделирование англоязычной лингвистической терминологии: предметная область «Лингвистика текста»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Самара: Самарск. гос. соц.-пед. ун-т, 2016.

Пиотровский Р.Г. Лингвистический автомат (в исследовании и непрерывном образовании). – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1999.

Пиотровский Р.Г. Лингвистическая синергетика: исходные положения, первые результаты, перспективы. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006.

Сенницкая Е.Ю. Лингвистическое конструирование тезауруса французской социолингвистической терминологии // Социология. Журнал Российской социологической ассоциации / Под. ред. В.И. Добренкова. – М.: МГУ им. М.В.Ломоносова. – 2014. – Вып. 1(3). – С. 144-157.

Damourette et Pichon. Essai de grammaire de la langue française. Des mots à la pensée: en 7 vol. – Tome premier. – Paris: D'Artrey, 1927-1950.

Dubois J. Grammaire structurale du français. Nom et pronom. – Paris: Larousse, 1965.

Gougenheim G. Système grammatical de la langue française. – Paris: Louvain-La-Neuve, 1966.

Guillaume G. Le problème de l'article et sa solution dans la langue française. – Paris: Hachette, 1919.

Guillaume G. Temps et verbe. – Paris: Champion, 1929.

Guillaume G. Langage et science du langage. – Paris: Librairie Nizet; Québec: Presses de l'Université Laval, 1964.

Martinet A. Éléments de linguistique générale. – Paris: Armand Colin, 1970.

Tesnière L. Éléments de syntaxe structurale: 3-e éd. – Paris: Klincksieck, 1976.

GRINEV S.V.
ON LEXICAL ASPECTS OF LANGUAGE EVOLUTION

Abstract: Objective factors determining leading language transformations, main factors of lexical system evolution, and a role of certain semantic processes in reflecting general changes in mentality are under discussion. The main presumed causes of general historical quantitative and qualitative changes of lexical system are stage transitions in evolution of human mind. Polysemy, synonymy and hyponymy play the most important role in these changes.

Key-words: vocabulary evolution, polysemy, synonymy, hyponymy.

In this presentation (paper) we are going to access the following points:

1. The objective factors determining the leading language transformations
2. The main factors of lexical system evolution, and
3. The role of certain semantic processes in reflecting the general changes in mentality.

1. As the objective factors determining the leading language transformations we perceive the following:

- getting progressively more acquainted with the surrounding world;
- the need to understand, reflect and remember the facts of the surrounding world;
- the need to communicate the mastered ideas obtained as the result of cognition;
- the need to represent and codify the results of knowledge growth and evolution of mind and culture.

2. The main factors of lexical system evolution.

Recent research in evolution of vocabulary resulted in revealing tendency towards its not only quantitative development but also qualitative changes as well. This was found while investigating history and the present state of various terminologies. Firstly in the process of finding criteria for distinguishing terms from ordinary words it was found that they denote quite different ideas, namely concepts and notions. The difference between concepts and notions was already established earlier in the 1950-s by the Russian logicians, notion defined as sensory-direct generalised image of objects and phenomena of reality that is preserved and reproduced in memory while concept is an idea which separates objects of a certain class according to their specific features. Notions are perceptually vivid images of reality; they are also fragmentary; some properties are represented vividly, others very vaguely, and still others are absent completely, they often contain unimportant characteristics. Concepts are strictly defined ideas having all and only essential characteristics. Concepts are denoted by terms, i.e. special lexemes with a strictly defined meaning while ordinary words denote notions. Difference between notions and concepts was defined in logic while in

psychology and philosophy it was shown that notions and concepts correspond to different stages of evolution of thinking and consciousness.

In the Russian philosophy of today there is a tendency to differentiate between the two main levels of cognition, reason and intellect. Reason is an ordinary everyday "commonsense" form of thinking, while intellect is scientific reflection, the highest level of rational cognition, which is first of all characterised by the logical operation of abstract concepts and conscious investigation of their own nature, i.e. self-reflection [Философия... 2002: 411-412].

Next it was established that there are various types of special lexical units besides terms proper [Кузьмин 1962, Grinev 1996; Гринев 2017]. In particular in studies of the process of transition from everyday vocabulary to terminology there was noticed an intermediate layer of professional words denoting special notions, while the extreme level of development of scientific disciplines is reflected in nomens – names of unique concepts. Thus we may presume that the main causes of general historical quantitative and qualitative changes of lexical system are stage transitions in evolution of human mind.

3. The role of certain semantic processes in reflecting the general changes in mentality.

Investigating historical changes in development of general and individual vocabulary resulted in revealing the role of some semantic processes in evolution of human mentality. The most important role in this evolution plays **polysemy**. Its character changes with the advancement of consciousness. Initially polysemy takes shape of semantic over-generalisation (overextension of meaning) which is characteristic for proto-words of children and the early man and expressed in summarization of many, often quite different, ideas within the boundaries of one broad meaning. According to L. Reskorla the younger the child and the smaller the volume of his vocabulary, the larger the proportion of over-generalised words [Reskorla 1980]. With the growth of vocabulary the rate of overextension lessens and simultaneously with the growth of the number of words their meaning specialises.

On the next stage of mental evolution polysemy takes the form of semantic syncretism – broad polysemy which is characteristic of tribal languages in middle ages. Judging by the word meanings the notions they named had a fuzzy character. The Old English word *mōd* had a very wide original meaning that included the following senses: *mind, thought, feeling, heart, soul, spirit, inclination, view, anger, fierce courage, stoutness, pride, passionate grief, disposition, humour, temper* and *state of mind* and the majority of words were polysemic. In many cases we can observe the absence of stable borders in the meaning of an old word: *dōm* – judgement, decree, law, command, power, dignity, free will, choice; this seems to be the norm for the old languages in general.

The absence in old languages of many words denoting modern notions and the vagueness in the meaning of existing words, sometimes quite alien

combinations of notions comprising meanings of old words, combine to indicate the existence of quite a different picture of the world as seen by early man. The alien character of the meanings of words during this period creates a situation where in many cases there is no guarantee that we fully understand them. In dealing with old texts there is always the danger of unconsciously substituting and foisting modern categories of thinking on their contents.

The next period of mind evolution witnesses further specialising of common words and at the same time a large number of specialised professional words appear alongside with appearance of trades. The number of such words with the meanings unknown outside of particular professions exceeds the number of common words.

This tendency of the growth of the number words with the special meaning continues in the next period characterised by forming of terminologies with the precise borders of meanings of terms.

Thus, evolution of human reasoning and cognition, at least at the plane of declarative knowledge (the picture of the world) is implemented by elimination of the original overextension of the initial rather fuzzy, broad notions. With the deeper understanding of the surrounding world new words appear to reduce the original over-generalisation and semantic syncretism of the earlier stages and also to reflect more exact notions and then precisely defined concepts. Nevertheless even nowadays many words are polysemic which is noticed when analysing their dictionary definitions. For example in the «Longman dictionary of English language and culture» we find such definitions as: *witness* – «someone who tells in a court of law what they saw happen or what they know about a person» – where it is evident that we are dealing with two different types of witnesses.

The role of synonymy in evolution of mind, cognition and culture is twofold. Firstly, it is the function of notifying of the ideas that are most important for the given time, because due to the well-known law of lexical attraction the most important for a specific time notions attract the greatest number of synonyms. Secondly, even more important is the function of elaboration of knowledge when in the process of cognition and exploration of ideas we are getting deep insight in their character and discover their varieties when the existing synonyms become names of these varieties.

For example in the Russian medical terminology the former synonyms *желтуха*, *болезнь Боткина* and *гепатит* with advancement of knowledge on the character of this disease were discriminated with the first two lexemes becoming names of its varieties while the last one remained the sole general name of this disease. Often the earlier synonyms, such as *одежда* – *одеяние* – *одеяло*, *чин* – *ордер* – *орден* – *акведук* – *водовод* – *водопровод* started to be used to separate the ideas that became substantially different.

The role of **hyponymy** is ordering of progressive understanding of the world by structuring the lexical picture of the world. With emergence and

development of sciences there is a change in relation of notions and concepts in favour of the latter while development of technology is reflected in changing of relation between natural and artificial objects when the latter prevail.

The role of the recently discovered semantic phenomenon of **paronymy** is limiting of usage of variants in naming new concepts. If at the earlier stages such variants may have been used to name related notions and concepts (*одежда – одеяло*) nowadays usage of words similar in pronunciation may result in difficulties and mistakes in professional communication.

In conclusion it should be emphasised that elaboration and specialisation of our knowledge as the result of cognition and mental evolution is reflected in specialising of meaning of the words, eliminating polysemy by using synonyms for names of newly found varieties of ideas and ordering of knowledge by establishing hyponymic relations in vocabulary. At the same time the considered semantic processes not only reflect and consolidate the results of cognition but also serve as means of discovering and ordering of new knowledge.

Bibliographic references

- Гринев С.В. Сопоставительное терминоведение: современное состояние // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2017. – № 1 (25). – С. 68-75.
- Кузьмин Н.П. К вопросу о сущности термина // Вестник ЛГУ. 1962. – Т. 20. – №.4. – С. 136-146.
- Философия: Учебное пособие для высших учебных заведений. – Ростов н/Д: Феникс, 2002.
- Grinev S.V. Terminology and Nomenclature in Russian Terminology Science // Terminologie und Nomenclature. Город: Peter Lang AG, 1996. – P.25-42.
- Rescorla L. Over extensions in early language development // Journal of child language. – 1980. - Vol. 7. – No. 2. – P. 321-335.

ДИАСАМИДЗЕ Л.Я., ДИАСАМИДЗЕ В.Г.

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ ТЕКСТ ЖАНРА «АНЕКДОТ»

Abstract: Jokes are related to a special kind of oral folk art. Their difference lies in their specific imagery, brevity, severity and relevance only within a certain time frame. Beyond this framework the genre is no longer perceived to be an actual joke. It starts to need an appropriate preface and commentary. Text interpretation refers to the process of its perception, therefore, typological interpretation should mean perception of the text in terms of its typology. It is absolutely clear that a text belonging to the genre of joke has its own inherent specific traits.

Keywords: typological interpretation, text, genre of joke, specific traits, oral folk art.

Как и любой другой текст, короткий юмористический текст может бытовать как в устной, так и в письменной форме, однако его отличительной чертой, как фольклорного текста, является устная

форма его воспроизведения. Это объясняется ситуационной особенностью его циркуляции в неформальной обстановке, а также тем, что текст жанра транслирует ценности, относящиеся, скорее, к бытовому уровню сознания 'народных масс'. Жанр анекдота предписывает соответствующие жесткие рамки в плане выражения, а также в плане содержания.

Проблема определения текста вообще и, в частности, применительно к исследованию такого типа текста, как *анекдот*, с одной стороны, является по сию пору предметом изучения нескольких дисциплин и, в первую очередь, лингвистики текста, как подчеркивает в своей работе, посвященной парадигматике и синтагматике текста Р.А. Комахидзе. С другой стороны, жанрово-текстуальная характеристика различных типов текста интересует литературоведение, а также психолингвистику как науку, изучающую воздействие текста на его адресата или реципиента [Комахидзе 1995 4-5].

Вместе с тем, проблема определения текста и его типологии далека от разрешения и даже более того, попыткам ученых однозначно определить понятие текста и его основных категорий препятствует терминологический хаос [Там же: 13-14]. Разработка текст-лингвистической модели обязательно предполагает определение принципов типологизации текста, как указывает М.А. Гвенцадзе [1986: 4-5]. Необходимо подчеркнуть, что тексты жанра *анекдот* обладают своей спецификой, а именно, тем, что к этому текстовому континууму принадлежат тексты с двойной формой существования – как письменной, так и устной, а также со своей особой сферой функционирования, предполагающей неформальный тип отношений коммуникантов.

Вслед за Д.З. Гоциридзе [1988: 4], полагаем, что единицы устной словесности также обладают текстовым статусом, и, как письменные тексты, являются носителями культуры и коллективного сознания. Это тип текстов, рассчитанных на многократное воспроизведение, которые традиционно относят к фольклору [Рождественский 1979: 19].

При этом воспроизведение текста жанра анекдот, как и любого текста, тесно связано с функционированием явления, преследующего определенную цель [Комахидзе 1995: 53-57], а именно – передающих определенную концептуальную информацию, послание, именуемое нами месседжем. Тип информации, передаваемый жанром анекдот, принципиально иной формы, нежели другого устного сообщения (доклад, молва). Текстуальное пространство жанра анекдот подвержено искусственному отбору политического и идеологического порядка.

Особенностью воспроизведения текста жанра *анекдот* является его относительное свободное воспроизведение за счет невербальных способов коммуникации (интонационные, мимические, язык жестов и пр.) – то, что обычно называют репродуцированием или, скорее,

ретранслированием услышанного ранее варианта. Здесь возникает вопрос о вариативности текста указанного жанра. Как показал материал, в различных письменных источниках репродуцирование текстов происходит с высокой долей точности.

С этой точки зрения тексты жанра *анекдот* могут быть отнесены к *необращаемым* текстам, согласно терминологии Д.З. Гоциридзе [1988: 82], выделяющего категорию обращаемости текстов. Необращаемые тексты ориентированы на передачу информации, моноадресатны и направлены на «индивидуальное потребление информации», при этом явление носит не абсолютный, но относительный характер».

Особенность репродукции текста жанра *анекдот* состоит также в том, что он представляет собой масс-мессидж, предназначенный для массовой аудитории, независимо от ее социальной, интеллектуальной и, зачастую, национальной принадлежности. Особенно ярко это видно на примере так называемых 'бродячих анекдотов'. В то же время, этот жанр, за исключением текстов, содержащих идеологический посыл, транслируется в основном не по каналам масс-медиа, а в ситуациях близкого, доверительного общения, они «моноадресатны» (термин Д.З. Гоциридзе), будучи предназначены на «индивидуальное потребление информации» [Там же] в силу специфики целей своего воздействия, а именно: привести адресата в состояние благодушного веселья. Согласитесь, чем 'массовее' адресат, тем более невыполнима задача массовой установки, учитывая хотя бы тот момент, что интеллектуальный уровень аудитории обратно пропорционален ее численности. Жанровое содержание текста анекдота к тому же предпологает не отображение реальных фактов непосредственной действительности, а карнавально перевернутую, по Бахтину, систему ценностей, а также обязательное сходство фоновых знаний, что аргіогі сужает канал действия этого жанра. Таким образом, подчеркивая мысль, высказанную Р.А. Комахидзе о том, что «само понятие «текст» продолжает оставаться предметом острых научных дискуссий», тем не менее, примем следующее определение, данное ученым в теоретической части исследования «Парадигматика и синтагматика текста»: «Текст представляется нам, как своеобразная система, единица коммуникации, обладающая относительным единством (целостностью) и относительной автономией (отдельностью) [Комахидзе 1995: 128, 134]. Основные характеристики текста, такие как когерентность (связность), цельность, модальность и др. присущи текстам исследуемого жанра. В силу своего эмоционального воздействия, тексты этого жанра обладают и супплетивной (дополнительной) характеристикой, а именно, –способностью быть эффективным средством и инструментом влияния и воздействия на

реципиента, что само по себе входит в сферу изучения других смежных наук – социолингвистики и психолингвистики.

Фольклорный текст, как и текст художественный, является продуктом определенного культурно обусловленного социума и это позволяет согласиться с таким определением текста, которое рассматривает его в плоскости межкультурной коммуникации и межкультурных контактов: «... текст представляет собой культурно-исторический феномен, который функционирует в определенной национальной среде, отражает присущие данной лингвокультурной общности стереотипы и элементы массовой культуры, содержит большой объем фоновой информации, которая ориентирована на определенного слушателя и требует прагматической адаптации при функционировании в межкультурной среде [Доборджинидзе 2008: 157].

Как известно, текст осмысливается в функционально-типологических категориях, в значительной мере зависящих от участия коммуникантов в его создании или восприятии.

Автор текста или, в нашем случае, передающий анекдот, транслирует текст, обладающий устойчивой типологической характеристикой, а именно: зачины, стереотипные герои, легко перечисляемые в закрытом списке ситуации [См., например: http://diction.chat.ru/tir_text.html].

Текст анекдота является по своей сути и назначению коммуникативной единицей «в квадрате», так как он репрезентирует коммуникацию стереотипных героев в типовой ситуации; парадоксальность коллизии является мотивирующим фактором в его трансляции.

Этимологический экскурс слова текст (textus lat.) – сплетение, структура, связанное изложение) приближает к пониманию его основной характеристики – связности, как основной предпосылки целостности текста. Как замечает Н.С. Валгина, в любом случае текст представляет собой объединенную по смыслу последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность. Единицу, обладающую такими свойствами, автор причисляет к коммуникативным единицам высшего уровня, обладающим характеристикой законченного информационного и структурного целого [Валгина: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook029/01/part-002.htm>].

В отличие от художественных текстов, рассчитанных на многократное восприятие и декодирование, текстообразование жанра *анекдот* осуществляется по специфическим законам этого жанра, диктуемым основной целью – сообщением новой информации. Вслед за Н.С. Валгиной, полагаем целесообразным разграничение информативности текста от его информационной насыщенности. Последняя является абсолютным показателем качества текста, а информативность – относительным, поскольку информационные свойства текста жанра – новизна, прагматичность, в значительной мере зависят от реципиента. Это означает, что реципиент, или

потенциальный слушатель, должен обладать рекреативной компетенцией, иными словами, чувством юмора, необходимыми фоновыми знаниями и, что не менее важно, должен присутствовать момент первичности поступающей информации. В случае повтора информации, с точки зрения прагматики текста, информативность презентуемого текста равна нулю и вызывает коммуникативный сбой. При этом практически любой адресат может не соответствовать ориентации адресанта, предъявляющего текст, как минимум, по трем вышеперечисленным причинам.

В случае же соответствия ожиданиям транслятора текста, какими особенностями должна обладать информативность текста? В соответствии с теорией текста, последний обладает следующими характеристиками: 1. Избыточной или свернутой информацией. 2. Напряженностью и ненапряженностью. 3. Логичностью, жесткой последовательностью.

В связи с этим нам предстоит выяснить, какова специфика текстового материала жанра *анекдот*, иными словами, какова особенность его информационного фонда, в том числе.

Литература

- Гоциридзе Д.З., Квезерели-Копадзе М. Коммуникативная организация единиц текста. – М.: МЦСП Ветеран Отчизны, 2000.
- Гоциридзе Д.З. Принципы типологической интерпретации фразовых текстов. – Тбилиси: ТГУ, 1988.
- Гвенцадзе М.А. Коммуникативная лингвистика и типология текста. – Тбилиси: Ганатлеба, 1986.
- Доборджинидзе Д. Функционирование художественного текста в межкультурной среде// Русск. яз.: система и функционирование. – Батуми: МАПРЯЛ, 2008. – С. 256 – 264.
- Комахидзе Р.А. Парадигматика и синтагматика текста. – Тбилиси: ТГУ, 1995.
- Доборджинидзе Д. Функционирование художественного текста в межкультурной среде// Русск. яз.: система и функционирование. – Батуми: МАПРЯЛ, 2008. – С. 256 – 264.
- Рождественский Ю.В. Введение в общую филологию. – М.: Высш. школа, 1979.
- Валгина Н.С. Теория текста. Электронная версия. – Режим доступа: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook029/01/part-002.htm>.

ДУБНЯКОВА О.А., РАЙСКИНА В.А.

МОРФОСИНТАКСИЧЕСКИЕ ТИПЫ НОМИНАЦИИ ПЕРСОНАЖНЫХ ЛИЦ

(НА МАТЕРИАЛЕ СТАРОФРАНЦУЗСКОГО РЫЦАРСКОГО РОМАНА)

Abstract: The article studies the medieval author's conception of personality, expressed through nomination in chivalric romance «*Queste del Saint Graal*». Its actuality consists in integrated approach to analysis and understanding of the individual's description in terms of modern anthropological linguistics reorientation and in examination of nomination as a medieval portrait actualization. Nomination analysis allows exploring the features of the person perception and helps restore the stages of the personality formation in culture.

Key-words: chivalric romance, nomination, artistic communication, morpho-syntactic categories, person.

Диахронический художественный текст как объект лингвистического исследования представляет единственную возможность для воссоздания лингвокультурной картины мира прошлых эпох. Через анализ номинации исследуется восприятие личности, изучаются моральные и аксиологические концепты, входящие в представление о средневековом человеке. Реконструкция системы образов культуры французского Средневековья представляет особую важность, так как старофранцузский период считается моментом зарождения французского национального языка, с ним связано формирование французской письменной литературной традиции.

В качестве объекта исследования выбрано электронное издание анонимного романа 1215-1220 гг. «Поиски Святого Грааля» (*Queste del Saint Graal*), опубликованное в электронном компьютерном корпусе BFM в проекте GRAAL [Райскина, Дубнякова 2015: 146]. Традиционно авторство этого романа приписывают английскому священнослужителю времен правления Генриха II В. Мапу (лат. Gualterus Map). Однако, например, французский медиевист М. Зинк в своем лекционном курсе «Que cherchaient les quêteurs du Graal» отметил, что В. Мап не может являться автором рассматриваемого романа даже потому, что автор умер в 1209 г., т.е. за 6 лет до начала написания романа. Тем не менее, М. Зинк не исключает причастность Мапа к созданию самого замысла романа и первоначальным наброскам. Вместе с тем настоящим автором «Поисков Святого Грааля» ученый считает канцлера Генриха II, близкого ко двору Т. Бекета, и, очевидно, знакомого с В. Мапом. Поэтому цикл, к которому относится роман, М. Зинк называет «Cycle du Pseudo-Map» [Zink 1992: 186].

Рассматриваемый роман относится к сравнительно позднему периоду в формировании жанра, и поэтому является образцовым романом в прозе, который содержит все маркеры жанра, а также показывает начинающийся переход между феодально-рыцарской картиной мира и христианским мировоззрением. В период XI-XIII вв. наиболее обширный бретонский романский цикл, который заложили основы картины королевского двора, а также этической категории идеального рыцаря. Бретонский цикл, к которому относится исследуемый роман, явился наиболее продуктивным в связи с тем, что бретонская традиция оказалась наиболее актуальной с социополитической сторон. Так, по выражению литературоведа И.С. Мальского, художественные произведения об обществе «братства рыцарей без страха и упрёка во главе с идеальным королем» вызывали интерес у средневекового общества феодальной Франции [Мальский 2015: 60].

Из трех средневековых культурных архетипов старофранцузской литературы (клерикальный, рыцарский и городской), выделенный Т.Г. Игнатъевой, рассматриваемый роман относится к клерикальному и рыцарскому архетипам [Игнатъева 2001: 88-105]. К такому выводу мы приходим по результатам контент-анализа лексем, относящихся к определяющим топосам. Так, для архетипа клерикальной культуры авторские интенции выражаются через основные культурные топосы, к которым стоит относить веру и любовь к Богу. По запросу лексем семантического поля *вера* было выявлено 76 употреблений однокоренных лексем глагола *croire* (запрос вида [word="croi*"], в том числе существительного *creance* (19 употреблений). Также частотность показали однокоренные лексемы существительного *foi* (запрос вида [word="foi.*"] – 46 употреблений). В архетипе рыцарской культуры авторская картина мира выражается через топосы храбрости, мудрости и жизненного опыта [Виноградова, Викулова 2013]. Были проанализированы лексемы семантических полей *честь* (*honneur*) – 44 употребления (запрос вида [word="honor*"]), *гордость* (*fierté*) – 40 употреблений (запрос вида [word="fier*"]) и *преданность* (*loyauté*) – 25 употреблений (запрос вида [word="loi*"]). Из результатов контент-анализа следует, что, относясь к литературе позднего Средневековья, роман «Поиски Святого Грааля», хотя и принадлежит в большей степени к архетипу рыцарской культуры, но, тем не менее, не лишен характерных топосов клерикального архетипа.

Выбор в качестве объекта исследования персонажного лица согласуется с тем, что определяющим признаком художественного текста является ориентация на персонажа, который является субъектом действительности, способным ее отражать. Медиевист А.Я. Гуревич вводит принцип исторического антропоцентризма, согласно которому анализ социума определенного периода производится на базе исследования сохранившихся артефактов, которые характеризуют картину мира, поведение и систему ценностей эпохи [Гуревич 2005: 23]. Поясним, что термин «персонажное лицо» используется вместо термина *герой*, вслед за Т.Г. Игнатъевой, для определения лингвистической природы исконно литературоведческого понятия *персонаж*. Персонажное лицо представляет собой смысловую опору и «семантическую доминанту» старофранцузского рыцарского романа [Игнатъева 2001: 143].

Мы рассматриваем процесс номинации как с позиции формальной грамматики, так и с позиции когнитивной лингвистики, так как для того, чтобы адекватно назвать персонаж, необходимо предварительно осознать его и выделить наиболее значимые черты. Анализ номинации персонажей романа производился на основе структурно-функционального разделения персонажных лиц на циклические

(циклообразующие герои Бретонского цикла), событийные (главные действующие лица – рыцари) и коллективные (обобщенно-неопределенная группа второстепенных героев) [Игнатъева 2013: 10-11].

Средства и способы номинаций этих категорий мы разграничили по морфо-синтаксическому признаку. Мы выделили *однословные* номинации, в составе которых представлено одно значимое слово, например, имя собственное ([Np]), имя нарицательное, означающее титул ([Na-титул]) или качественная характеристика в форме имени прилагательного ([A]). *Двухсловные* номинации разделены на *аппозитивные*, в составе которых две равнозначные характеристики, например имя нарицательное в сочетании с именем собственным ([Na+Np]: *rois Artus*), и на *атрибутивные* (состоящие из означаемое и означающее ([Na+A]: *biaux chevaliers*). Наконец, в составе *многословных* номинаций представлены вариативные синтаксические структуры с тремя и более значимыми лексемами.

По результатам анализа номинации персонажных лиц был выявлен ряд тенденций, наиболее общая из которых – аксиологическое позиционирование [Финогенко 2012: 288], т.е. выделение характеристик персонажа, согласно которым он может быть оценен как положительный или отрицательный. При этом похвала встречается гораздо чаще, так как воспевание великолепия и добродетели отвечает установке автора, направленной на повышение морального уровня общества и стремления к душевной красоте. Корпусный анализ показал, что производные от прилагательного *beau* (хороший), хотя и семантически обедненного, но, тем не менее, наиболее часто прилагательного с положительным значением, имеют частотность 113 (запрос вида [word="bia*"]) [Райскина, Дубнякова 2015: 129]. В то же время на производные от прилагательного *mauvais* (плохой) приходится всего 42 словоупотребления (запрос вида [word="mauv*"]). Таким образом, стремление авторов подчеркнуть положительную лаудативную оценку своих героев является характерной особенностью текста.

Анализ по формальному грамматическому признаку показал, что наиболее частотными являются однословные номинации (82%), далее следуют двухсловные (14%) и многословные (4%). Доминирование *однословной* номинации связано с рядом факторов, которые зависят от категории персонажных лиц. Так, для циклических персонажных лиц куртуазного универсума известность средневековому читателю персонажей из других художественных текстов объясняет употребление однословных безоценочных номинаций [Np] и [Na-титул], которые не содержат морального или физического портретирования. Для категории циклических библейских персонажей употребление однословной номинаций [Np] может быть связано с авторской скромностью (*humilité*), которая проявляется в невозможности дать

собственную характеристику значимым персонажам. Для лиц событийных, т.е. знатных рыцарей Круглого стола, используются однословные номинации [Np] после интродуктивной номинации персонажного лица. Распространено обращение *sire* и *seignor*, а также *la reine* и *dame*, что связано с высоким статусом основных героев, а также принятыми в Средневековье ритуалами обращения к знатым персонам. В наименованиях лиц коллективных весомая доля приходится на номинации в форме местоимений *cil*, *autre* и *tuit*, так как данный класс персонажей включает обобщенно-неопределенных персонажей, не имеющих имен.

В составе *двухсловных* номинаций *лиц циклических* куртуазного универсума наиболее распространено обращение по титулу [Na-титул+Np] (*le roi artus*, *la reine Guenievre*). В номинациях персонажных лиц куртуазной группы наибольшую частотность показали структуры аппозитивного типа (76%) [Np+Na-титул] *le roi artus*. Атрибутивная номинация для короля Артура *rois crestiens* единична, но значительна: через данную номинацию автор приписывает персонажу (который является циклообразующей фигурой куртуазного романа) восприятие себя как христианского короля, что позволяет автору подчеркнуть значимость религиозного смысла произведения. Структуры атрибутивного типа (24%) используются исключительно в номинациях персонажных лиц библейской группы, в частности отмечены положительные моральные характеристики *hauz*, *douz*, *biau*, *sainte*, *glorieuse*, *gentix*. Данная тенденция объясняется, с одной стороны, нормативным употреблением феодальной терминологии и титулатуры для первой группы персонажей, и, с другой стороны, субъективным авторским восприятием второй группы персонажей, которых автор наделяет квалификативными признаками. *Многословные* номинации наименее распространены и представлены структурами, которые содержат качественную положительную характеристику (*Biau pere Jhesu crist*, *la beneoite virge Marie*) и родственное отношение (*la glorieuse mere Dieu*, *Salemons li filz le roi David*), при этом для персонажного лица Евы отмечена особая роль материнства в номинациях *Eve la premiere mere* и *vostre mere la reine Eve*. Мы выявили частотность притяжательного местоимения в номинации *monseignor le roi artus*, что определяется важностью идеи принадлежности к определенному вассалу или королевскому дому. Наконец, для циклических лиц была отмечена структура [Np+A-SUP] с прилагательным в суперлативе, выражающим мудрость (*Salemons li plus sages*), силу (*Sanson Fortin li plus forz*), красоту (*Absalon li plus biax hons dou siecle*) и благородство происхождения (*Joseph d'Arimacie li gentix chevaliers*).

Персонажи класса *лиц событийных* служат основными объектами авторского аксиологического позиционирования [Финогенко 2012:

289]. В составе *однословной* номинации превалирует структура [Np] (97%), название персонажного лица исключительно по возрасту (*l'enfant*) и характерному качеству (*preudome*) выявлено в единичных случаях. *Двухсловные* номинации аппозитивного типа для событийного персонажного лица более частотны (87%), чем атрибутивные модели (13%). Это связано, в первую очередь, с тем, что в состав аппозитивных моделей номинации входит структура [POS+Na-обращение+Np] (например, *messires Galaad*), которая является нормативной для рассматриваемого литературного жанра (50%). В состав менее распространенных аппозитивных структур входят имя собственное в сочетании с титулом (*sire chevaliers*), отношением родства (*li frere Galaad*), топонимом (*Lancelot dou (del) Lac*), а также оценочной положительной (*preudome Galaad*) и цветовой (*Helains li Blans*) характеристиками. Атрибутивные двухсловные номинации наиболее оценочны, в них выражаются такие моральные качества, как доброта (*bons chevaliers*), честность (*Frans chevaliers*), святость (*cest saint chevalier*), избранность (*le chevalier desirré*).

Анализ *многословных* номинаций показал, что одна и та же структура повторяется крайне редко: либо она представлена в тексте в единичном случае, либо является устойчивой для определенного персонажа, (например, для рыцаря Ланселота используется устойчивая номинация «*Ланселот, более твердый, чем камень, более горький, чем дерево, более нагой, чем фиговое дерево*»). Отмечено 'нанизывание', т.е. перечисление до четырех различных обобщенных характеристик (например, *messires Lancelot del Lac, li plus biaux chevaliers et li miedres et li plus gracieus, et li plus desirrez*). Частотно использование в качестве номинации указательного местоимения *cil* в сочетании с подчиненным предложением (*cil qui metra afin les aventures de la G[ra]nt Bretagne*). Были отмечены также характеристики внешнего вида (*i. chevalier aunes armes vermeilles sanz espee et sanz escu*) и отрицательные моральные характеристики (*serjanz mauvés et desloiaux*).

В класс *коллективных* персонажных лиц входят все прочие действующие лица романа. Анализ показал, что класс коллективных лиц отличается как наибольшим количеством употреблений номинаций (почти 2000 единиц), так и вариативностью форм наименования (всего около 150 видов номинаций). Это дает возможность предположить, что литературный портрет наиболее полно представлен для второстепенных героев: они не определены фабулой и неизвестны средневековому читателю, поэтому их введение в повествовательный план отличается многообразием средств портретирования и выражения авторской характеристики.

Наиболее очевидная тенденция – отсутствие *однословной* номинации по имени собственному, связанное с неопределенной и обобщенной

природой рассматриваемой категории. В отличие от двух других групп, в составе номинаций лиц коллективных отмечено преобладание атрибутивных двухсловных структур, в которые входят оценочные квалификативные характеристики истинного воина (*li verais chevaliers*), ищущего приключения (*li chevalier erranz*), величия (*grant compaignie*), блаженства (*boneuré chevalier*), принадлежности к земному и плотскому (*charnel compaignie*) и внешности (*li blans chevaliers*). В аппозитивных номинациях наблюдается закономерное использование лексических антонимов с сочинительной соединительной связью (*li un et li autre, li privé et li estrange, li fol et li sage, li grant et li petit*). Можно предположить, что такая форма номинации сохранилась в письменности с традиции устного бытования текстов и чтения вслух для большого количества разнородной аудитории, так как отражает эпическую манеру зачитывания текста. Наиболее ярко авторская оценка представлена в многословных номинациях коллективных персонажных лиц. Среди положительных характеристик отмечены почтенный возраст и связанная с ним мудрость (*.i. hermite vielz hons et anciens*). Среди отрицательных качеств выделяется вероотступничество (*un crestien mauvés et faus*). Кроме того, закономерна тенденция 'портретирования', т.е. создания физического описания лица коллективного в рамках одной единицы номинации. Так, в номинациях встретились указания на церковную одежду (*un home revestuz en semblance d'evesque*). Обнаружены также и гендерные различия в создании портрета героя. Ценные психологические и духовные качества гендерно детерминированы: для мужских персонажей положительная номинация включает такие качества, как добродетель, доблесть, мудрость и верность, а для женских персонажей ценностью считалось целомудрие и чистота.

Итак, среди морфо-синтаксических способов номинации персонажных лиц наиболее употребительными являются однословные безоценочные номинации, описывающие имя собственное, титул и обращение, а также двухсловные аппозитивные номинативные структуры, содержащие указания на титул и атрибутивные структуры, содержащие моральные, физические и статусные признаки. Исходя из того, что положительная мелиоративная характеристика героев превалирует над негативной оценкой, приходим к выводу, что для средневекового автора важным было создать эталон рыцаря-христианина, персонажа, который показывает читателю положительные моральные черты и добродетели. Анализ выявил, что наиболее важными категориями являются верность и преданность королю, вера и святость, благородство происхождения, мудрость и физическое совершенство.

Литература

Виноградова М.В., Викулова Л.Г. Статус рыцарства в средневековой Франции: социолингвистический аспект // Гуманитарные научные исследования. – 2013. – № 7. – Режим доступа: <http://human.snauka.ru/2013/07/3544>, свободный (дата обращения 26.02.2017).

Гуревич А.Я. Индивид и социум на средневековом Западе. – М.: (РОССПЭН), 2005.

Игнатъева Т.Г. Номинация персонажей в старофранцузском художественном тексте: монография. – Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 2013.

Игнатъева Т.Г. Семиотика жанра (диахронический аспект) // Универсум языка и личности: сборник статей по материалам научной конференции с международным участием (МГПУ, 24–26 сентября 2009 г.) / Отв. ред. Л.Г. Викулова. – М.: МГПУ, 2009. – С. 57-61.

Игнатъева Т.Г. Типология старофранцузского текста: монография. – Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 2001.

Мальский И.С. Бретонская ветвь романов Круглого стола и ее связь с христианской апокрифической литературой // Vox Medii Aevi. – 2015. – № 1 (12). – С. 58-71.

Райскина В.А., Дубнякова О.А. Анализ индикационно-поисковых возможностей проекта GRAAL в корпусе «Labasedufrancaismédiéval» // Альманах современной науки и образования. – 2015. – № 12 (102). – С. 128-132.

Райскина В.А., Дубнякова О.А. Современные методы корпусной лингвистики при анализе текста (на примере корпуса BFM) // Актуальные вопросы современной науки: сборник научных трудов. / Под общ. ред. С.С. Чернова. – Новосибирск: ЦРНС. – 2015. – Вып. 40. – С. 146-154.

Финогенко О.В. Репрезентация авторских интенций в старофранцузском художественно тексте (гендерный аспект) // Вестник Красноярского гос. пед. ун-та им. В.П. Астафьева. – 2012. – № 1. – С. 288-292.

BFM-QSG – Queste del saint Graal, édité par Ch. Marchello-Nizia et A. Lavrentiev. – Lyon: Equipe BFM, 2013. Publié en ligne par la Base de français médiéval, Dernière révision le 2013-07-19. – URL:http://catalog.bfm-corpus.org/qgraal_cm, свободный (date of the access: 20.02.2017).

Zink M. Littérature française du Moyen Age. – Paris: PUF, 1992.

ЗАГРЯЗКИНА Т.Ю.

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ГАСТРОНОМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Abstract: The article analyses French gastronomic discourse which is an important part of everyday culture. The author distinguishes verbalization of meanings of narrative texts, both oral (stories, impressions, memories) and written (cookery expert writings, reference cookery literature, cookery books, fiction). An important feature of French cuisine culture and language is the dichotomy of ordinary and festival. This dichotomy is historically inconsistent.

Key words: everyday life, French cuisine, narrative texts, ordinary, festival.

Взаимосвязи языка и общества были одной из тем, на которые Л.М. Скредина всегда обращала большое внимание. В статье рассматривается один из аспектов этой проблемы, относящийся к языку и культуре повседневности – французский гастрономический дискурс. К. Леви-Строс полагал, что кухня является знаковой системой, в которой закодированы смыслы, позволяющие обозначить часть того, чем является общество [Леви-Строс 2000]. Многие из этих смыслов хорошо

просматриваются в контексте нарративных текстов – устных (рассказы, впечатления, воспоминания) и письменных – произведений великих кулинаров и референтной кулинарной литературы, обычных поваренных книг, художественной литературы, туристического дискурса и даже учебных текстов – сейчас ни один учебник французского языка не обходится без раздела о кухне.

По мнению М. де Серто, кухня – это центральное место культуры повседневности [Serreau 1994: 221]. Границы повседневности четко не определены, хотя считается, что ее антитезой как рутинного и обыденного феномена является эксклюзивное, праздничное. Эти понятия взаимосвязаны и изменчивы, что и будет показано в статье. Несмотря на то что некоторые референтные кулинарные книги датируются более ранним периодом, гастрономия, по мнению М. де Серто, оформилась в «теоретический код» кулинарной практики в конце XVIII в. и активно укреплялась в этой функции весь XIX век [там же]. Писатель и журналист А. Гримо де ля Реньер, кулинары А. Карем, А. Брийя-Саварен, О. Эскофье поставили французскую кухню так высоко, что сами же, а за ними и все остальные, стали считать ее «высокой» и «великой» кухней» (*haute cuisine, grande cuisine*). В текстах этих авторов явно просматриваются важнейшие культурологические дихотомии. Начнем с противопоставления *свой* (маркированный положительно) / *чужой* (сниженный). Так, А. Брийя-Саварен называл себя «гастрономом-патриотом» и писал, что понятие гурманства может быть выражено только французским словом: «Гурманство нельзя обозначить ни латинским *gula*, ни английским *gluttony*, ни немецким *lusterheit*; мы советуем тем, кто захочет перевести эту книгу на иностранные языки, сохранить французское слово и поменять только артикль» [Brillat-Savarin s.d.: 139].

В гастрономических текстах просвечивает и установочный миф, и пантеон героев. Для того чтобы обосновать свою легитимность в мире кулинарии, каждое новое поколение апеллирует к референтным точкам, которые находятся в далеком или близком прошлом. Ср. у А. Карема:

«...если я не знал [каких-либо] великих кулинаров прошлого [из аристократических домов], то слышал о них от их учеников, которых знал лично» [Cagète 1842: 10]. Е. Ниньон, в свою очередь, ссылается уже на А. Карема: «Карем, настоящий французский гений, создатель нашей кухни, вдохнул в нее душу по своему образу, украсил ее ... поэзией, доброжелательностью, элегантностью, ...достойной дворца тысячи и одной ночи» [Nignon 1993: 11-12]; и на А. Брийя-Саварена: «Брийя-Саварен предпочитал открытие нового блюда открытию новой звезды. ... я нахожу, что он не ошибся» [Op.cit.: 14].

В текстах выявляется устойчивая мифологема «золотого века» кулинарии – это конец Старого режима, когда кухня аристократов достигла своего расцвета и стала синонимом эксклюзива. У Карема

читаем: «Гурманы королевской крови, принцы Конде, д'Орлеан, де Субиз были известны тем, что оказывали кухне честь, ... каждый день французская кухня приобретала новый блеск ... Дома высокой аристократии, духовенства, финансистов, членов парламента также имели знаменитых поваров. ... хороший кулинар ценился очень высоко; он покидал один дом только для того, чтобы войти в другой, еще более известный». Эти и другие описания воспроизводят идею необыкновенного и праздничного: «священный огонь французской кухни», «настоящее счастье [гурманов]», «роскошные ужины» и, наконец, «необыкновенные праздники» [Cagême 1842: 5-6]. Отмечается и рубеж между мифологизированным прошлым и обыденным настоящим, имеющий четкую временную локализацию – французская революция: «Революция все это разрушила; блестящие сеньоры эмигрировала, те, кто им служил, последовали за ними или разошлись» [Ibid.]. Вместо блеска – экономия, вместо изысканности – упрощение, соответствующее вкусам новой клиентуры – буржуазии. Однако упрощение было относительным, и вкусовые предпочтения новой клиентуры очень быстро переориентировались на высокие – эксклюзивные, авторские – образцы, которые сформировала старая клиентура – аристократия. Таким образом, стиль высокой кухни получил широкое распространение и стал восприниматься как стиль французской кухни вообще.

Между тем высокая кухня – лишь один из типов французской кухни. Долгое время он формировался в противопоставлении региональной кухне (*cuisine régionale*) как обработанный образец противопоставляется 'отсталой', традиционной и провинциальной стихии. Вот отрывок из романа Бальзака «Кузен Понс»: «Понс грустил по кремам, которые он едал! Не крем, а поэма! по белому соусу — не соус, а произведение искусства! по птице с трюфелями, — пальчики оближешь! И больше всего — по знаменитым рейнским карпам, *которые кушают только в Париже* [выделено нами. – Т.З.] и — ах, с какой приправой! Бывали дни, когда Понс громко вздыхал: "О Софи!" — вспоминая повариху графа Попино. Прохожий, услышав его вздохи, подумал бы, что он грустит о предмете своей любви, но он вздыхал по более редкому предмету — по жирному карпу! И по подливе в соуснике, прозрачной на вид, жирной на вкус, по подливе, достойной Монтионовской премии. От воспоминаний о съеденных обедах Понс заметно худел, ибо его снедала желудочная тоска» [Бальзак 1959 : 30].

Заимствованная у аристократии и распространенная буржуазной культурой, высокая кухня связана с хорошими манерами, кодификацией и мерой, в то время как региональная кухня, восходящая к крестьянской патриархальной культуре, ассоциируется с иными – раблезианскими – принципами: избытком, непосредственностью, стихией. Между тем в XIX веке региональную кухню постигла та же судьба, что и

региональную речь – они стали синонимом отсталости и невежества. В XX же веке, напротив, они повысили статус и стали восприниматься как особые региональные ценности. Сложился образ «утраченного кулинарного рая», и местные жители получили ареол хранителей особого знания и обычных, неэлитарных, ценностей [Poulain 1997: 22]. Сформировались и новые функции региональной кухни: идентифицирующая и коммерческая. Региональная кухня передвинулась из обыденного меню в меню особое, ритуальную трапезу, демонстрирующую привязанность к своему региону.

Таким образом, региональная кухня, когда-то обыденная, изменяет вектор развития и развивается в том же – эксклюзивном – направлении, что и высокая кухня. Она тоже становится кухней праздника, но праздника не элитарно-аристократического, а общедоступного, семейного. Региональная кухня связана с ранним детством, материнским миром, долгим процессом приготовления блюд. Этот процесс трудно осуществить в современной жизни, в мир детства уже не вернуться, но как приятно вспоминать то благословенное время. Ностальгия по дому, детству, своим близким, по праздничному столу сквозит во многих воспоминаниях: «По воскресеньям моя бабушка готовила шоколадный суп, потом делали омлет с ветчиной, салат, масло, паштет, все было на столе!» [Certeau 1994: 266]. Старшие члены семей являются не только хранителями рецептов, но и символом упорядоченного времени, когда вся семья по праздникам собиралась вокруг стола.

Вместе с тем сложность в приготовлении блюд высокой или региональной кухни не могла не вызвать к жизни противоположную тенденцию – демократизацию и дерегионализацию блюд и кулинарных практик, стремление усилить обыденный, непраздничный, аспект еды. Тенденция к упрощению нашла свое наиболее полное выражение в «Новой кухне» (*Nouvelle cuisine*) – в кулинарном направлении, зародившемся во Франции в 70-е гг. XX в. Название «Новая кухня» переключается с названиями художественных направлений – «Новая литературная критика», «Новый роман», «Новая волна», и это не случайно: развитие направления происходило в русле поисков нового, свойственных французской культуре второй половины XX в.

«Новая кухня» стремилась удовлетворить потребности новой публики, людей, придерживающихся не претенциозного, а демократического и здорового образа жизни, включающего новые стандарты здоровья и красоты, в том числе желание не набирать в весе. Родившись во Франции, «Новая кухня» быстро распространилась в других странах. Однако специалисты отметили частичное снижение качества и привлекательности новых простых блюд. Настоящим, гарантированным брендом в стране и за рубежом остается все же 'старая' кухня, кухня праздника и эксклюзива.

Повседневная кухня (*cuisine quotidienne*) – еще одна очень важная ипостась французской кухни. В этой области тоже есть свои бренды и поваренные книги, отличающиеся как содержанием, так и языком. За приемами повседневной рутинной кухни стоят незаметные, но устойчивые повседневные практики, традиции и находки 'простых' потребителей. Утрата кулинарных традиций является одной из наиболее распространенных тем разговоров за едой представителей старшего и среднего поколения. Среди изменений информанты отмечают:

1) исчезновение уважения к еде, в частности к хлебу;

2) нарушение ролевой организации в семье: доступ детей к еде, самообслуживание за столом, в то время как раньше продуктами распоряжалась мать, она же распределяла пищу, при этом лучшие куски доставались отцу (он же работает!). При всем при этом женщина имела больше возможностей проявить свои качества хозяйки; 3) изменение отношений город – деревня: «Раньше все ели по-разному, сейчас все едят одинаково»; «Теперь в деревне едят так же хорошо, как в городе» [Brumeton-Governatori 1980: 367].

Оценка этих изменений противоречива: с одной стороны, информанты соглашаются, что блюда стали разнообразнее, с другой – о старой еде вспоминают с ностальгией. С ностальгией вспоминают и о том, что для многих именно еда была пределом мечтаний: «Вам будет смешно, но я мечтала, что когда выйду замуж, буду готовить себе омлеты с картошкой, десерты из риса. Боже мой, наемся досыта». Современные блюда эти информанты характеризуют как слишком 'изошренные' [там же]. Интересно, что увеличение и доступность сладостей, которые должно было бы восприниматься положительно, вызывает у них чувство обиды: ведь их так не баловали, в день первого причастия они получали по два кусочка сахара, шоколадные конфеты ели только на Рождество.

Все это подтверждает, что водоразделом между прошлым и настоящим является наличие/отсутствие дихотомии *будни / праздник*. Если вслед за М.М. Бахтиным считать, что эта дихотомия является признаком народной традиции [Бахтин 1990], оплакивается ее угасание под влиянием современного мира. На фоне скудных, простых блюд и продуктов прошлого яркие вкрапления, приуроченные к праздникам – кусочки сахара, шоколадные конфеты, мясные блюда, воспринимаются ярче. Более разнообразная пища нашего времени должна сама по себе быть праздником, однако на фоне кулинарного изобилия ее ценность стирается: мясо, яйца, десерты сейчас входят в обыденный рацион. Постоянный праздник теряет ценность и превращается в будни.

Обезличивание кухни вызывает желание добавить в нее хотя бы элемент праздника: производители дают продуктам наименования, напоминающие детство, каникулы, доброе старое время. Так,

'индустриальный' конфитюр имеет 'деревенское' название « La Bonne Maman », никак не отражающее качество и способ его приготовления. Мотивированность наименований блюд составляет особую тему, важность которой подчеркивал еще А. Карем: «Блюда французской кухни носят самые благородные имена Франции: королевы, дофина, Артуа, Кондэ, д'Орлеан, Мазарини, Ришелье, Кольбера. К этим знаменитым и очень французским именам можно добавить: по-лионски, по-бордолезски, по-провансальски...». Карем отмечает и заимствованные названия, свидетельствующие о связях с другими странами – династических, исторических, культурных: «испанский соус», «немецкий соус» [Carême 1842: 12-13].

Рассматривая этот вопрос уже в наше время, М. де Серто связал его с социальным, в частности гендерным, аспектом. В изданиях для домашнего пользования фамилия автора скрыта, и книга подписывается одним только именем – как правило, женским (тетушка Адель, бабушка Мадлен). Этот прием обыгрывает связь кухни и семейной памяти, воссоздает атмосферу счастливого детства, когда ребенок мог быть свидетелем действий матери или бабушки на кухне. Книги высокой кухни, написанные мужчинами, подписываются по-иному – полным именем с указанием всех регалий и достижений кулинара: *Raymond Olivier*, *Paul Bocuse* и др. Мужчины описывают кухню «больших дней и больших шеф-поваров, сложные, утонченные, дорогостоящие, необыкновенные блюда для праздников и пиров». Именно эти блюда привлекают иностранцев. М. де Серто отмечает, что такие рецепты относятся к жизни элиты, финансовым потокам, расходам, выгоде, успеху, власти – иными словами, эксклюзивной сфере [Certeau 1994: 304]. Действующие лица этой сферы известны, узнаваемы, они имеют звонкие фамилии – как правило, мужские.

Женщины – авторы обычных поваренных книг – имеют только имя, потому что обращаются к семейному кругу, рассказывают о частной жизни. Правда, это всего лишь коммерческий прием – 'простые' поваренные книги также имеют спрос и хорошо продаются. Бестселлер повседневной кухни «*La véritable cuisine des familles, comprenant 1000 recettes et 500 menus, par Tante Marie*», подписанный женским именем *Тетушка Мари*, регулярно переиздавался с 1913 г. до конца XX в. Уже давно нет ни этой 'тетушки', ни истинных составителей книги, возможно, мужчин, но гендерные особенности коллективных представлений оказываются жизнеспособными.

Важно, что в обычных поваренных книгах названия блюд прозрачны и описательны – «кролик под горчицей», «шоколадный торт» и т. д. Так же просто называются и блюда домашней кухни: «телятина тушенная с морковью». Коммуникация автора блюда или рецепта с потребителем ничем не затруднена, интимна и максимально прозрачна.

Иное дело меню ресторанов и рецепты высокой кухни. Они содержат наименования, созданные по другому принципу – не объяснить, а затемнить смысл, не упростить понимание, а превратить его в сложный и интригующий процесс и этим подтвердить свой элитарный статус и установить дистанции (*телятина а-ля великий Конде, тюрбо по-королевски*) [Certeau 1994: 311]. Чем выше уровень ресторана, тем более помпезными и таинственными являются названия блюд. Они не дают информации, а побуждают к разгадыванию значения, что не всегда можно сделать самостоятельно. Эта особенность гастрономического дискурса восходит еще к столу аристократов, и круг замыкается.

В заключение отметим, что одним из важных смыслов, заложенных в культуре и языке французской кухни, является дихотомия *обыденного* и *праздничного*. Эта дихотомия не является раз и навсегда данной, а представляет собой неустойчивое равновесие двух ее компонентов, зависящее от типа кухни, исторического периода, социальных условий. Идея праздника – «родовая особенность» высокой французской кухни. Высокая кухня, которая часто (и ошибочно) отождествляется с французской кухней вообще, является частью праздничной традиции, повседневная соответственно повседневной, при этом региональная кухня, когда-то повседневная, в настоящее время становится праздничной. Новая кухня – скорее повседневная, чем праздничная. Все эти общие характеристики исторически и социально изменчивы и противоречивы.

Такая игра противоречий является важным, если не самым важным, источником развития языка и культуры повседневности и еще одним подтверждением взаимосвязей человека и общества, которые всегда подчеркивала Л.М. Скредина.

Литература

- Бальзак О. де. Кузен Понс / пер. с фр. – М.: Художественная литература, 1959.
- Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. – М.: Художественная литература, 1990.
- Леви-Строс К. Мифологии: в 4-х т. Т. 2. От меда к пеплу; Т. 3. Происхождение застольных обычаев / пер. с фр. – М.: Университетская книга, 2000.
- Brillat-Savarin J.A. Physiologie du goût ou Méditations de gastronomie transcendante. – Paris : Sauterlet, s.d.
- Brumeton-Governatori A. Le changement des habitudes alimentaires depuis le début du siècle. Perception et enseignement // Ethnologie française. – 1980. - Т. 10. – № 4. – P. 367-378.
- Carême A. Le maître d'hôtel français, traités de menus à servir à Paris, à S. Pétersbourg, à Londres et à Vienne. – Paris: Firmin Didot, 1842.
- Carême A. Le cuisinier parisien ou l'art de la cuisine française au XIX s. – Paris: Chez l'Editeur, rue Thérèse, 1842.
- Certeau M. de. L'invention du quotidien: En 2 vol. V. 2. Habiter, cuisiner. – Paris: Gallimard, 1994.
- Nignon E. Eloges de la cuisine française. – Paris, 1993 (1-re éd. 1933).
- Poulain J.-P. Goût du terroir et tourisme vert à l'heure de l'Europe // Ethnologie française. – 1997. - Т. 27. – № 1. – P. 18-23.

ЗЕМЛЯНСКАЯ И.С.
СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ТЕРМИНОЛОГИИ
ПРЕДМЕТНОЙ СФЕРЫ НАЛОГОВОГО ПРАВА РОССИИ И ФРАНЦИИ

Abstract: The article compares the terms reflecting the generic concept of «tax» in the tax legislation of Russia and France. A scheme of their possible contextual equivalents in the translation is presented. The study is accompanied by a characteristic of the modern tax system of Russia and France.

Key-words: tax, tax code, contextual equivalent.

Сопоставительный анализ налоговой терминологии в современном русском и французском языках в представленной работе будет проведен на основании аутентичных текстов налогового законодательства Российской Федерации и Франции. В России Налоговый кодекс Российской Федерации (НК РФ) является основным нормативно-правовым актом, регулирующим отечественное налоговое законодательство. НК РФ состоит из двух частей. Первая часть НК РФ, вступившая в силу с 1 января 1999 года, является общей частью и содержит:

- общие понятия, термины, принципы и правила налогообложения;
- нормы, предполагающие ответственность за неисполнение законодательства, перечень мер воздействия на нарушителей законодательства;
- компетенции различных субъектов налоговых отношений;
- права и обязанности всех без исключения участников налоговых отношений.

Вторая часть НК РФ, вступившая в силу с 1 января 2001 года, является специальной или особенной частью и регламентирует: допустимые и прямо установленные налоги, пошлины и сборы с описанием порядка их исчисления и уплаты; сроки уплаты налогов, сборов и пошлин; специальные налоговые режимы; льготы и т.д.

Создание Налогового кодекса Франции (Code général des impôts ou CGI) было сопряжено с принятием четырех Декретов и одного Постановления от 6 апреля 1950 года. Краткое содержание «Code général des impôts» представлено в Таблице 1.

В соответствии с п. 1. статьи 8 НК РФ под налогом понимается обязательный, индивидуально безвозмездный платеж, взимаемый с организаций и физических лиц в форме отчуждения принадлежащих им на праве собственности, хозяйственного ведения или оперативного управления денежных средств в целях финансового обеспечения деятельности государства и (или) муниципальных образований. [Налоговый кодекс: http]

В п. 2. статьи 8 НК РФ указывается, что сбором является обязательный взнос, взимаемый с организаций и физических лиц, уплата которого является одним из условий совершения в отношении

плательщиков сборов государственными органами, органами местного самоуправления, иными уполномоченными органами и должностными лицами юридически значимых действий, включая предоставление определенных прав или выдачу разрешений (лицензий), либо уплата которого обусловлена осуществлением в пределах территории, на которой введен сбор, отдельных видов предпринимательской деятельности.

В п. 1. статьи 12 НК РФ указывается, что в Российской Федерации устанавливаются следующие виды налогов и сборов: федеральные, региональные и местные. В соответствии со статьей 13 НК РФ к федеральным налогам и сборам относятся:

- 1) налог на добавленную стоимость;
- 2) акцизы;
- 3) налог на доходы физических лиц;
- 4) налог на прибыль организаций;
- 5) налог на добычу полезных ископаемых;
- 6) водный налог;
- 7) сборы за пользование объектами животного мира и за пользование объектами водных биологических ресурсов;
- 8) государственная пошлина.

Таблица 1

Краткое содержание Налогового кодекса Франции (*Code général des impôts*) по состоянию на 08.04.2017 г. (Составлено и переведено автором по материалам *Code général des impôts*)

La courte structure du Code général des impôts	Перевод на русский язык
Livre premier: Assiette et liquidation de l'impôt	Книга первая: Налогооблагаемая база и расчет налога
Première Partie: Impôts d'État	Часть первая: государственные налоги
Titre premier: Impôts directs et taxes assimilées	Документ первый: прямые налоги и аналогичные прямым налоги (включает 4 главы)
Titre II: Taxes sur le chiffre d'affaires et taxes assimilées	Документ второй: налог с оборота и аналогичные налоги (включает 22 главы)
Titre II bis: Dispositions communes aux impôts directs et aux taxes sur le chiffre d'affaires	Документ второй bis: общие положения по прямым налогам и налогам с оборота (включает 4 главы)
Titre III: Contributions indirectes et taxes diverses	Документ третий: косвенные налоги и сборы (включает 4 главы)
Titre IV: Enregistrement, publicité foncière. Impôt de solidarité sur la fortune, timbre	Документ четвертый: Регистрация, сделки с недвижимостью. Общий налог на имущество, гербовые сборы. (включает 4 главы)
Titre V: Dispositions communes aux titres I, II et IV	Документ пятый: общие положения к документам I, II и V (состоит из одной главы)
Deuxième Partie: Impositions perçues au profit des collectivités locales et de divers organismes	Часть вторая: налоги, взимаемые с местных коллективных организаций и других организаций

Titre premier: Impositions communales	Документ первый: налогообложение коммун (включает 4 главы)
Titre II: Impositions départementales	Документ второй: налогообложение в департаментах (включает 2 главы)
Titre 0-II bis: Imposition perçues au profit de la métropole de Lyon	Документ 0-II bis: налоги, взимаемые в городе Лион (включает 2 главы)
Titre II bis: Impositions perçues au profit des régions et de la collectivité territoriale de Corse	Документ второй bis: налоги, взимаемые в районах и коллективными территориальными органами о-ва Корсика. (включает 3 главы)
Titre III: Impositions perçues au profit de certains établissements publics et d'organismes divers	Документ третий: налоги, взимаемые в пользу некоторых государственных учреждений, и различных организаций. (включает 4 главы)
Troisième partie: Dispositions communes aux première et deuxième parties	Часть третья: общие положения к первой и второй частям
Livre II: Recouvrement de l'impôt	Книга вторая: Сбор налогов (состоит из четырех глав)

Статьей 14 НК РФ установлены следующие региональные налоги:

- 1) налог на имущество организаций;
- 2) налог на игорный бизнес;
- 3) транспортный налог.

В статье 15 НК РФ указывается, что местными налогами и сборами являются:

- 1) земельный налог;
- 2) налог на имущество физических лиц;
- 3) торговый сбор [там же].

Кроме перечисленных федеральных, региональных и местных налогов и сборов, налоговым законодательством России, в частности статьей 18 НК РФ, предусмотрено применение специальных налоговых режимов, которые могут предусматривать особый порядок определения элементов налогообложения, а также освобождение от обязанности по уплате отдельных налогов и сборов, предусмотренных статьями 13, 14 и 15 НК РФ. К специальным налоговым режимам относятся:

- 1) система налогообложения для сельскохозяйственных товаропроизводителей (единый сельскохозяйственный налог);
- 2) упрощенная система налогообложения;
- 3) система налогообложения в виде единого налога на вмененный доход для отдельных видов деятельности;
- 4) система налогообложения при выполнении соглашений о разделе продукции;
- 5) патентная система налогообложения.

Таким образом, в НК РФ система налоговых платежей представлена такими основными терминами как налог и сбор. Однако, в соответствии с приведенными выше статьями НК РФ, к налогам и

сборам относятся и такие термины как акцизы и пошлина. Проведенное изучение норм НК РФ позволяет сделать вывод, что терминологическое обозначение *налоги и сборы* используется как родовое, при этом предпочтение при установлении различных видов налогов и сборов, применяемых на территории России, отдается такому видовому терминологическому обозначению как *налог*.

Во французском налоговом праве используются такие термины, как:

1) *Impôt* (m) – налог, «*Prélèvement effectué d'autorité et à titre définitif sur les ressources ou sur les biens des individus ou des collectivités, et payé en argent pour subvenir aux dépenses d'intérêt général de l'État ou des collectivités locales*».

2) *Taxe* (f) – налог, пошлина, «*Prélèvement à caractère fiscal, destiné à alimenter la trésorerie de l'État, d'une collectivité locale ou d'un établissement public administratif en contrepartie d'un service rendu aux administrés*».

3) *Contribution* (f) – налог, взнос, «*Part que chacun apporte à une dépense commune, et en particulier aux dépenses de l'État ou des collectivités publiques (au pluriel surtout)*». Синонимами данного налогового термина являются: *droit; imposition; taxe*.

4) *Prélèvement* (m) – налог, отчисление, «*Prélèvements obligatoires, ensemble des charges fiscales et sociales grevant les contribuables*».

5) *Cotisation* (f) – отчисление, взнос, «*Contribution des salariés et/ou de leurs employeurs versée aux différents organismes qui assurent la protection sociale (la Sécurité sociale, l'assurance chômage, etc.)*». Синонимом «*cotisation*» выступает, в частности, «*contribution*».

6) *Redevance* (f) – налог, сбор, плата, «*Somme due en contrepartie de l'utilisation d'un service public: Payer la redevance de la télévision*».

7) *Droit* (m) – налог, сбор, «*impôt, taxe: Payer des droits sur les alcools*».

8) *Participation* (f) – налог, взнос, «*contribution*» [Définitions: <https://>].

Во французском налоговом праве, так же, как и в русском налоговом праве, термин *impôt* (налог) является родовым.

Термин *налог* во Франции был определен благодаря судебной практике, в частности, судебным решением Государственного совета «Национального союза авиаперевозчиков» от 21 ноября 1958 года. В этом решении было указано пять следующих характеристик, определяющих экономический термин *налог*:

- налог взимается в денежной форме;
- устанавливается государством;
- имеет постоянный характер взимания;
- поступления по налогам направляются на государственные цели;
- налог имеет безвозмездный характер.

Например, к налогам относятся: *l'impôt sur le revenu* (налог на доход), *la taxe foncière* (земельный налог), *l'impôt sur les sociétés* (налог на

прибыль организаций). Интересно, что, несмотря на использование в названии *taxe (la taxe foncière)* рассматривается как налог.

Использование в названии налогового платежа *taxe*, как правило, связано с оказанием государственных услуг [Quelle-est la différence: https].

Среди направлений налоговой политики Франции на 2017 год выделим, прежде всего, снижение подоходного налога для частных лиц и меры финансовой поддержки государством создания рабочих мест. Кроме того, размер собранного в 2017 году налога на прибыль корпораций, который выплачивается в несколько траншей, планируется увеличить на 530 млн за счет переноса одного из траншей с 2018 года на 2017 год [Impôts 2017: http].

В соответствии с «Основными направлениями налоговой политики Российской Федерации на 2016 год и на плановый период 2017 и 2018 годов» предусматривается недопущение увеличения налоговой нагрузки на экономику. Планируется дальнейшее применение мер налогового стимулирования инвестиций, проведения антикризисных налоговых мер, а также дальнейшее повышение эффективности системы налогового администрирования. Кроме того, в указанном документе указывается, что налоговая политика РФ должна отвечать современным глобальным вызовам, среди которых, прежде всего, санкции, введенные против России, и низкие цены на нефть [Основные направления: http].

Проведенное исследование позволяет также сделать вывод, что в основных нормативно-правовых актах, регулирующих налоговое законодательство как России, так и Франции, термины налогообложения используются как средство формализации языка для специальных целей и способствуют установлению и развитию юридического дискурса.

Литература

Налоговый кодекс РФ (НК РФ) последняя редакция. НК РФ 2017 часть 1, часть 2. // <https://www.nalogovyy-kodeks.ru> (дата обращения 10.04.2017).

Основные направления налоговой политики Российской Федерации на 2016 год и на плановый период 2017 и 2018 годов // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_183748/ (дата обращения 11.04.2017).

Code général des impôts // <https://www.legifrance.gouv.fr/> (дата обращения 09.04.2017)

Définitions: fiscalité-Dictionnaire de français Larousse // <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/fiscalite/33867> (дата обращения 09.04.2017).

Impôts 2017: les principales mesures fiscales susceptible d'avoir un effet sur votre budget // http://votreargent.lexpress.fr/impots/impots-2017-les-principales-mesures-fiscales-susceptibles-d-avoir-un-effet-sur-votre-budget_1862684.html (дата обращения 14.04.2017).

Quelle-est la différence entre taxe, impôt et redevance ? // <https://www.>

ЕГОРОВА О.С.

**КОММУНИКАТИВНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ ДВУХКОМПОНЕНТНЫХ
ПРЕДЛОЖЕНИЙ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ**

Abstract: The article is dedicated to the problems of the French sentence communicative organization in the aspect of the actual division theory. It includes a classification of communicative syntactic types (variants) of the French two-component sentence, the former reflecting peculiarities of communicative (theme-rheme) structure and syntactic structure interrelation.

Key-words: actual (communicative) division of the sentence, theme, rheme, general-informative type, particular-informative type.

Современная лингвистика признает, что полное и адекватное описание такой сложнейшей, многоаспектной синтаксической единицы, как предложение, невозможно без учета его важнейшего аспекта – актуального (тема-рематического) членения. Л.М. Скрелина подчеркивала в свое время, что «определение темы и ремы в предложении помогает глубже понять выразительные, экспрессивные свойства речи» [Скрелина 1999: 97]. Как отмечают исследователи, представляя собой универсальное языковое явление, присущее любому предложению, актуальное членение отражает логическое движение человеческой мысли от известного (данного) к неизвестному (новому), устанавливает тема-рематические отношения между синтаксическими компонентами и тем самым предопределяет в конечном итоге не только основное содержание (смысл), но и формальное построение предложения [Гак 2000; Егорова 2014; Ковтунова 2002; Матезиус 1967; Распопов 2009; Реферовская 2007; Слюсарева 1981; Шевякова 1980 и др.].

Согласно теории коммуникативного (актуального) синтаксиса, в зависимости от конкретной речевой ситуации и конкретного коммуникативного задания, предложение может иметь различный смысл, следовательно, образовывать различные коммуникативные варианты, каждый из которых характеризуется определенной общей коммуникативной направленностью, определенным составом темы и составом ремы и определенными формально-грамматическими показателями. Вполне очевидно, что выявление закономерностей формирования предложения (высказывания) с учетом его коммуникативно-прагматических характеристик и построение типологии, включающей парадигму коммуникативных вариантов (типов), т.е. основные схемы реализации актуального членения, – один из ключевых вопросов современной лингвистики, имеющих как теоретическое, так и практическое значение. С одной стороны, данная коммуникативно-синтаксическая типология позволяет наиболее полно раскрыть особенности функционирования синтаксического механизма того или иного языка в сфере порождения речевого высказывания и, с

другой стороны, предоставляет коммуникантам возможность выбора необходимого варианта, адекватно отражающего цель высказывания [Егорова 2012].

Вопрос о типологии предложения в свете теории актуального членения относится к одному из важнейших, но еще недостаточно разработанных в романистике вопросов коммуникативного синтаксиса. Сложность построения, в частности, на материале французского языка, типологии предложения, отражающей характер взаимодействия его коммуникативной (тема-рематической) и синтаксической структур, связывается обычно с особенностями его грамматического строя: свойственный французскому языку прямой порядок слов, ограничивает, на первый взгляд, возможности коммуникативной вариативности французского предложения. Подобное утверждение, однако, может быть признано справедливым лишь отчасти. В тех случаях, когда невозможна прямая перестановка слов в предложении, французский язык использует другие эффективные средства, отличающиеся ярко выраженной коммуникативной направленностью (А.Л. Афанасьева, Ш. Балли, В.Г. Гак, А.К. Васильева, Е.А. Реферовская, Н.А. Шигаревская и др.). Так, специальные синтаксические конструкции с выделительными оборотами рематизируют неглагольный член предложения; расчлененные предложения с репризой и антиципацией выделяют в качестве ремы глагольную часть. Пассивные, инфинитивные, безличные и неопределенно-личные конструкции позволяют реорганизовать предложение таким образом, чтобы слово, выполняющее функцию ремы, могло быть помещено в ударную конечную позицию. Кроме того, даже такие предложения, как ядерные конструкции, могут дать достаточное разнообразие коммуникативных вариантов и без использования вышеназванных коммуникативно маркированных средств, а лишь путем перераспределения компонентов предложения между составом темы и составом ремы и/или изменения их последовательности.

Как свидетельствует фактический материал, внутри распространенной во французском языке трехчленной конструкции [подлежащее-сказуемое-дополнение] могут быть реализованы не менее шести коммуникативно-синтаксических вариантов (типов); внутри конструкции [подлежащее-сказуемое-обстоятельство] – не менее десяти коммуникативно-синтаксических вариантов (типов). Что касается двухкомпонентных предложений, включающих подлежащее (S) и сказуемое (V), они могут образовывать не менее пяти коммуникативно-синтаксических вариантов (типов), три из которых являются общеинформативными предложениями-высказываниями, а два – частноинформативными предложениями-высказываниями.

Коммуникативно-синтаксические типы $(S+V)^R$, $(V+S)^R$ и $(S^T+V)^R$ представляют собой общеинформативные высказывания, отвечающие на предельно широкий вопрос (общий диктальный вопрос, по терминологии Ш. Балли): «Что случилось?», «Что происходит?».

Варианты $(S+V)^R$ и $(V+S)^R$ заключают целиком «новое»; ни один из компонентов предложения не задан предшествующим контекстом. Тема оказывается иплицитной, являясь производной ситуационно-семантической супертемы сферхфразового единства. С точки зрения смыслового контекста, данные типы являются так называемыми «линейными» построениями [Егорова 2015: 149]. Формальным показателем этих коммуникативных вариантов является неопределенный артикль перед существительным-подлежащим, отражающий низкую степень индивидуализованности субъекта. Ср.: *Une locomotive soufflait* (Chateauneu). *Une pluie fine tombait* (Perec). *Vint un agent en uniforme* (Chateauneu). *Paraît un quatrième personnage* (Bazin).

Данные варианты отличаются не только последовательностью, но также и семантикой синтаксических компонентов. Так, в варианте $(S+V)^R$ сказуемое выражено, как правило, экзистенциальными глаголами со значениями проявления, присутствия, нахождения и т.д. Данный вариант предложения употребляется часто в описаниях природы и ситуации, являясь нечто вроде фона, на котором разворачивается основное действие. Напротив, вариант $(V+S)^R$, сказуемое которого выражается семантически сильными глаголами (чаще всего глаголами движения), отражает динамику происходящих событий, фактов.

Общеинформативный тип $(S^T+V)^R$ отличается от вышеназванных коммуникативно-синтаксических типов тем, что подлежащее представляет собой нечто данное, известное из левого контекста. Тема, таким образом, представлена в самом предложении, но выступает здесь в новом качестве, образуя со сказуемым комплексную тему. О моноремности данного типа свидетельствует характер его логической связи с предшествующими предложениями. Как и любое общеинформативное (моноремное) высказывание, оно образует в контексте 'линейную' тема-рематическую цепочку. Ср.: *La radio cesse* (Duras), *Le pianiste jouait* (Dabit), *Mais M-me de Galais ne parut pas* (Fournier).

Частноинформативные типы S^T+V^R и V^T+S^R представляют собой рематически расчлененные высказывания, отвечают на частичный диктальный вопрос, относящийся соответственно к сказуемому и к подлежащему. В отличие от общеинформативных типов, данные частноинформативные типы образуют с предшествующими предложениями 'цепную' тема-рематическую связь, при которой рема предшествующего предложения становится темой последующего предложения [Егорова 2015: 148].

В типе S^T+V^R подлежащее обозначает конкретное лицо или предмет, заданные предшествующим контекстом, и, отличаясь достаточно высокой степенью индивидуализованности, выражается существительными с определенным артиклем, именами собственными, личными местоимениями. Сказуемое является носителем наиболее важной, актуальной информации и выражено обычно глаголами с процессуальным значением. Ср.: *Vidal / s'était calmé* (Gamarra). *Je / sursaute* (Bazin). *Zazie / proteste* (Queneau).

Основной характеристикой частноинформативного типа V^T+S^R является семантическая ослабленность глагола-сказуемого, представляющего собой скорее отправной пункт высказывания, связующее звено с предшествующими предложениями. Все внимание сосредоточено на подлежащем, заключающем основную, актуальную информацию. Подлежащее-рема данного типа может быть как *новым*, так и *данным*. Ср.: *Restait / un danger* (Lesbre), *Restait / Louis* (Sartre), *Roulent / les étrangers* (Chateauneu).

В заключение отметим, что рассмотренные выше коммуникативные варианты двухкомпонентных предложений, характеризующиеся определенным актуальным членением, определенным общим коммуникативным значением, определенными формальными показателями темы и ремы, определенным лексическим значением составных компонентов, а также определенной линейной структурой, представляют собой систему наиболее продуктивных в современном французском языке коммуникативно-синтаксических типов, предоставляющую возможность выбора необходимого варианта высказывания, способного наиболее точно передать цель сообщения.

Литература

Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. Пер. с франц. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1955.

Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. – М.: Добросвет, 2000.

Егорова О.С. Актуальные проблемы коммуникативного синтаксиса // Ярославский педагогический вестник. – 2014. – Т. 1. – № 4. – С. 116-119.

Егорова О.С. Контекст как средство определения тема-рематической структуры предложения // Человек. Язык. Время: Материалы XVII конференции Школы-семинара им. Л.М. Скредлиной с международным участием. – Москва: МГПУ; Языки народов мира; ТЕЗАРУРУС, 2015. – С. 146-150.

Егорова О.С. Структурно-функциональная типология предложения в русском и французском языках // Ярославский педагогический вестник. – 2012. – Т. 1. – № 1. – С. 167-174.

Ковтунова И.И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. – М.: УРСС, 2002.

Матезиус В. О так называемом актуальном членении предложения // Пражский лингвистический кружок: Сборник статей. – М.: Прогресс, 1967. – С. 239-245.

Распопов И.П. Актуальное членение предложения: На материале простого повествования преимущественно в монологической речи. – Изд. 2-е. – М.: URSS. 2009.

- Реферовская Е. А. Коммуникативная структура текста в лексико-грамматическом аспекте. – М.: URSS, 2007.
- Скрелина Л. М. Лекции по теоретической грамматике французского языка. Часть. II. – СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 1999.
- Слюсарева Н.А. Проблемы функционального синтаксиса современного английского языка. – М.: Наука, 1981.
- Шевякова В.Е. Современный английский язык: Порядок слов, актуальное членение, интонация. – М.: Наука, 1980.

ILINSKI KIRILL DE LA CHAUVE-SOURIS ET DES PARTIES DU DISCOURS

Abstract: The article regards parts of speech as prototypical categories which presupposes recognition of unequal status of members within a category and fuzzy borderlines among different categories.

Keywords: parts of speech, prototype, noun, adverb.

Il est parfois curieux de constater à quel point un exemple devenu un véritable symbole de telle ou telle théorie linguistique est susceptible, une fois examiné de plus près, de mettre en question cette même théorie. Ainsi, on a souvent évoqué les célèbres « sièges » de l'analyse sémique en faisant remarquer qu'une chaise, qui se distingue normalement du fauteuil par l'absence d'accoudoirs, peut dans certains cas en être pourvue sans pour autant se transformer en fauteuil (*chaise d'enfant, chaise électrique*), ou qu'un tabouret peut avoir un dossier sans devenir une chaise (*tabouret de bar*). Ces exceptions, gênantes pour l'analyse sémique, trouvent parfaitement leur place dans la sémantique du prototype qui prend en charge non seulement les exemplaires (proto)typiques de la catégorie, mais aussi ses exemplaires marginaux, tout en établissant une hiérarchie entre eux en termes d'appartenance à la catégorie.

L'exemple phare de la sémantique du prototype est la catégorie « oiseau » appelée à illustrer les thèses majeures de la version classique de cette théorie. Rappelons-en brièvement celles qui nous paraissent les plus importantes pour la suite de cet exposé :

- a) la catégorie a une structure interne prototypique ;
- b) le degré de représentativité d'un exemplaire correspond à son degré d'appartenance à la catégorie ;
- c) l'appartenance à une catégorie s'effectue sur la base du degré de similarité avec le prototype ;
- d) les frontières des catégories sont floues [Kleiber 2004].

Ainsi, selon la célèbre enquête de E. Rosch [1975], la catégorie « oiseau » se construit autour du prototype « rouge-gorge » (qui, dans la version française, cède la place au moineau), suivi de près par « aigle », puis par « poule »,

« canard » et « oie », ensuite par « pingouin » et « pélican » (auxquels ont ajoutés volontiers « autruche »). La poule, par exemple, est un moins bon représentant de la catégorie « oiseau » que l'aigle, et donc – conformément au point c) – « moins oiseau » que l'aigle et, a fortiori, que le rouge-gorge. Le pingouin, en toute logique, est « encore moins oiseau » que la poule.

Mais cette liste – réitérée par des générations entières d'adeptes de la sémantique du prototype – ne s'arrête pas là. On y trouve également la chauve-souris dont l'appartenance à la catégorie est problématique, mais dont l'exclusion n'est pas aussi catégorique qu'elle pourrait l'être, à cause de son aptitude à voler (le rôle de la chauve-souris consiste à illustrer le principe de frontières floues des catégories). A la fin de la liste on voit apparaître la vache qui ne manifeste aucune ressemblance avec le prototype et qui représente – enfin – un concept totalement exclu de la catégorie « oiseau ».

Ceux qui ont enseigné la sémantique du prototype savent que cette analyse se heurte systématiquement à une certaine réticence intellectuelle de la part des étudiants. Naturellement, ce n'est pas le vénérable ruminant qui est en cause : la non-appartenance de la vache à la catégorie « oiseau » fait l'unanimité. Ce qui est beaucoup moins facilement accepté, c'est le statut incertain de la chauve-souris que les étudiants ont tendance à exclure nettement de la catégorie « oiseau » sans autre forme de procès. A l'intérieur même de la catégorie, les formules du genre « X est plus/moins oiseau que Y » peuvent également susciter quelques doutes.

Cette réticence rejoint la critique aussi vigoureuse que justifiée à laquelle l'exemple « oiseau » a été soumis par A. Wierzbicka [1996] : selon l'intuition « parfaitement nette » des usagers de langue, la chauve-souris n'est absolument pas un oiseau, tandis que l'autruche, au contraire, est un oiseau, même s'il s'agit d'un oiseau étrange et atypique [ibid.: 204].

Nous avons l'impression qu'au-delà des enjeux majeurs de la sémantique du prototype, l'exemple « oiseau » est simplement mal choisi. Le sens de la plupart des mots correspond à une catégorie plus ou moins intuitive (à condition de ne pas abuser de la lecture des dictionnaires). Or, le mot *oiseau* est quasi-terminologique : la connaissance de la catégorie « oiseau » fait partie de nos compétences zoologiques « minimales » obtenues notamment à l'école : nous savons que la chauve-souris n'est pas un oiseau (ni, d'ailleurs, un rongeur, malgré son nom), que l'autruche et le pingouin, au contraire, sont des oiseaux malgré toutes leurs particularités, que la baleine n'est pas un poisson, etc. C'est un savoir binaire qui n'accepte pas de gradation dans l'appartenance à la catégorie, car, même il s'agit de mots d'origine commune, leur sens a été validé par les zoologues dans le cadre de la catégorisation du monde animal qui n'est nullement prototypique mais se fonde, au contraire, sur le principe de conditions nécessaires et suffisantes (d'ailleurs, pour « oiseau », la définition des conditions auxquelles répondent tous les représentants de la catégorie ne pose aucun problème : tout oiseau a un bec et des ailes, et – si ces

deux conditions de suffisent pas comme dans le cas du griffon – tous les oiseaux sont ovipares).

Naturellement, tout cela ne met pas en cause la force explicative de la sémantique du prototype ; simplement, l'approche prototypique est, nous semble-t-il, d'autant plus efficace que la catégorie analysée est intuitive, spontanée, pour ainsi dire « non-apprise ». Nous pensons qu'un exemple parfait d'une telle catégorie est fourni, dans un domaine très éloigné des catalogues de zoologie, par les parties du discours.

Nous ne saurions trop insister sur la différence qui oppose les catégories du type « oiseau » aux catégories comme « substantif », « adverbe », « préposition », etc., telles qu'elles existent – précisons-le – intuitivement dans l'esprit du sujet parlant. En effet, même si un enfant en bas âge peut croire qu'une chauve-souris est un oiseau, cette erreur sera corrigée à l'école. Dans le cas des parties du discours, la situation est totalement différente : ce sont des catégories qui apparaissent naturellement et intuitivement au moment où l'enfant commence à produire des phrases grammaticales. A cet âge, l'enfant ne connaît pas encore le nom de ces catégories, mais ce sont déjà des mots qui forment des paradigmes dans sa conscience linguistique ; or l'existence de paradigmes suppose une catégorisation. Soulignons qu'il s'agit de catégories parfaitement naturelles et qui se construisent - on va revenir sur ce point - en tant que catégories prototypiques. Arrivé au collège, l'enfant sera confronté aux parties du discours en version « scolaire », ce qui lui permettra de mettre des noms aux catégories – *substantif, adjectif*, etc., mais ce qui, en même temps, ne manquera pas de créer une coexistence parfois contradictoire des catégories intuitives et prototypiques qu'il manipule déjà depuis longtemps sans difficulté, et des catégories scolaires, imposées, « à apprendre », que les manuels ont tendance à présenter comme fondées sur des conditions nécessaires et suffisantes. Ajoutons qu'il s'agit de catégories encore imparfaitement définies au niveau de la recherche linguistique et de l'enseignement universitaire, et à plus forte raison mal maîtrisées par l'enseignement scolaire. Dès lors, il s'installe une sorte de double catégorisation où les catégories naturelles et prototypiques qui permettent à l'enfant d'utiliser correctement les parties du discours dans la phrase coexistent avec les catégories scolaires construites selon le principe des conditions nécessaires et suffisantes.

Heureusement, cette catégorisation scolaire a très peu d'impact sur le fonctionnement de la catégorisation intuitive : quelles que soient les carences et les contradictions de la catégorisation « savante » des mots en parties du discours, les natifs ne se trompent pratiquement jamais sur le choix de la partie du discours à employer. D'ailleurs, la catégorisation scolaire est vite oubliée : à l'université, les étudiants qui ont choisi un parcours en Lettres doivent faire un effort considérable pour retrouver le peu de connaissances sur les parties du discours qu'il leur reste depuis le collège.

En ce qui concerne l'application des principes de la sémantique du prototype à l'étude des parties du discours, l'état des lieux est assez contradictoire. Dès le début, la conception prototypique des parties du discours a été plus ou moins monopolisée par la linguistique cognitive [Langacker, 1987 ; Ross, 1973 ; Кубрякова, 2004, Болдырев, 2006]. En toute logique, les linguistes cognitivistes se sont surtout intéressés au côté sémantique des parties du discours, avant tout en tant qu'outil de conceptualisation du monde. A notre connaissance, peu d'auteurs ont appliqué les principes de la sémantique du prototype aux parties du discours au sens traditionnel du terme, en tant qu'unités servant surtout à produire la chaîne discursive (« parties orationis ») et étudiées sous leurs aspects sémantique, morphologique et syntaxique (notons quand même l'excellent ouvrage de Jan Goes consacré à l'étude des adjectifs : 1999).

Or, il nous semble qu'une telle approche pourrait donner des résultats intéressants. Si les assertions du type « tel oiseau est plus / moins oiseau qu'un autre » paraissent intellectuellement suspectes, la conception des parties du discours selon laquelle tel substantif est « plus / moins substantif » qu'un autre correspond à la perception intuitive d'une réalité linguistique.

En effet, au sein d'une partie du discours il est souvent aisé de distinguer un groupe de mots qui pourraient être considérés comme prototype. Si l'on accepte le principe même de distinction des parties du discours selon trois critères, ce groupe de mots présentera la convergence la plus complète des critères sémantique, morphologique et syntaxique caractéristiques de la partie du discours en question. Si l'on insiste sur la nécessité de dégager un critère unique, il est clair qu'un tel critère ne peut être que syntaxique (pour des raisons qui ont été souvent évoquées, ni le critère sémantique, ni le critère morphologique ne peuvent prétendre à ce statut) ; dans ce cas, le prototype d'une partie du discours sera représenté par les mots qui figurent dans toutes les fonctions reconnues comme typiques de la partie du discours en question, et ne figurent pas dans les fonctions associées aux autres parties du discours. Dans le cas où un mot présentera des écarts par rapport à ce schéma « idéal » (soit multicritériel, soit fonctionnel) de la partie du discours, il sera reconnu comme un moins bon représentant de la partie du discours. Ce qui nous semble très important, c'est que cette approche mène, en toute logique, à l'idée si chère à la sémantique du prototype (et si imparfaitement illustrée par l'exemple « chauve-souris ») selon laquelle les frontières des catégories sont floues : au fur et à mesure que les caractéristiques de telle ou telle partie du discours s'affaiblissent, les mots concernés peuvent se rapprocher d'une autre partie du discours : dès lors, il est facile d'imaginer des zones d'interférence entre différentes parties du discours qui correspondront aux mots présentant des caractéristiques mixtes, c'est-à-dire aux « plus mauvais » représentants des deux catégories en question.

Pour illustrer cette approche, nous allons étudier la zone d'interférence qui s'installe entre les substantifs et les adverbes français.

Le prototype de la catégorie nominale est représenté, sans nul doute, par la sous-catégorie des substantifs concrets nombrables :

sémantiquement, ils renvoient à des référents « substantiels » ;

morphologiquement, ils possèdent un genre et varient en nombre ;

syntactiquement, d'une part, ils sont capables de recevoir une expansion (adjectifs, compléments du nom, subordinées relatives) dans le cadre d'un groupe nominal ; d'autre part, ils s'attachent (dans le vocabulaire de la psychomécanique du langage, se rendent directement incidents) aux différents types de déterminants pour former un syntagme nominal qui, à son tour, est destiné à remplir dans la phrase les fonctions typiquement nominales : sujet, complément d'objet direct, attribut, ou être introduit par une préposition pour former un syntagme prépositionnel.

Si l'on confronte à ces caractéristiques prototypiques un mot comme *nuit*, on verra que son comportement est légèrement différent :

sémantiquement, il est capable de renvoyer à un référent « substantiel » (*une fenêtre ouverte sur la nuit*), mais, dans la plupart de ses emplois, il indique un fragment de temps ; or, le temps n'est pas substantiel : ce n'est pas de la matière mais un attribut de la matière ;

morphologiquement, il possède un genre et varie en nombre, à l'instar des substantifs prototypiques ;

syntactiquement, il présente toutes les caractéristiques des substantifs prototypiques, à l'exception d'une particularité : les syntagmes nominaux formés par le substantif *nuit* sont susceptibles de remplir la fonction circonstancielle sans faire appel à la préposition (*La nuit, tous les chats sont gris*). Notons que l'emploi prépositionnel reste également possible : *à la nuit, dans la nuit, pendant la nuit, durant la nuit, de nuit, au cours de la nuit*, etc. [Ilinski 2012]. Dans ce dernier cas, le mot *nuit* se comporte syntactiquement comme un « vrai » substantif. Mais la possibilité des emplois circonstanciels non-prépositionnels, atypiques pour le substantif, le rapproche de la catégorie des adverbes.

On voit donc que, sémantiquement et surtout syntactiquement, le substantif *nuit* est un moins bon représentant de la catégorie que les substantifs prototypiques ; en d'autres termes, il est « moins substantif » ; on pourrait dire aussi que, tout en restant un substantif pour la plupart de ses caractéristiques, il est un peu « plus adverbe » que les représentants prototypiques de la catégorie nominale.

Si l'on se tourne maintenant vers la catégorie des adverbes, il y a toutes les raisons de croire que le prototype de cette catégorie est représenté par les adverbes de manière.

Sémantiquement, ils renvoient à une « propriété de propriété », c'est-à-dire une propriété portant sur une autre propriété (généralement verbale) et incapable de représentation autonome.

Morphologiquement, ils sont invariables.

Syntaxiquement, ils remplissent dans la phrase la fonction de complément adverbial essentiel ou circonstanciel. Ils ne peuvent être ni sujet, ni complément d'objet direct, ni régime d'une préposition ; notons que leur comportement syntaxique très dépendant est parfaitement conforme à leur sémantisme constitué de modalités susceptibles d'être observées par rapport à une action.

Comparés aux adverbes de manière, les adverbes de temps présentent des spécificités qui les éloignent de noyau prototypique.

Sémantiquement, ils se situent dans le domaine temporel. Comme l'action verbale se déroule dans le temps, ce domaine se rattache naturellement au verbe. Mais cela n'implique pas que le sens des adverbes de temps soit impensable en dehors d'un verbe ; contrairement aux adverbes de manière, ils ont la particularité d'être déictiques ou anaphoriques : ils « situent les faits dans la durée par rapport au moment de la parole ou à un autre repère » [Grevisse 2007: 1431] ; cette forme d'ancrage sémantique leur confère une certaine indépendance par rapport au verbe. Par exemple, les adverbes de manière *vite* ou *lentement* ne peuvent pas être pensés séparément du verbe, tandis que les adverbes de temps *maintenant*, *autrefois*, *bientôt*, *récemment*, etc., qui se rattachent à la situation énonciative, sont susceptibles de représentation mentale autonome.

Morphologiquement, comme tous les adverbes, ils sont invariables.

Syntaxiquement, ils remplissent bien la fonction de complément circonstanciel en construction directe (donc, une fonction essentiellement adverbiale), mais, contrairement aux adverbes prototypiques, ils peuvent également être introduits par une préposition : à partir de maintenant, pour bientôt, depuis très récemment, etc., en d'autres termes se comporter comme des équivalents fonctionnels du syntagme nominal. Cette possibilité les éloigne du noyau de la catégorie adverbiale : on peut dire, dans les termes de la catégorisation prototypique, qu'ils sont « moins adverbes » que les adverbes de manière. En même temps, ils se rapprochent de la catégorie nominale dans la mesure où, sémantiquement, leur côté déictique / anaphorique les rend moins dépendants du verbe, et où, syntaxiquement, ils acceptent des emplois prépositionnels normalement réservés aux syntagmes nominaux.

A mi-chemin entre les catégories nominale et adverbiale, on trouve les mots *aujourd'hui*, *hier*, *demain*, *avant-hier*, *après-demain*.

Sémantiquement, ils sont à la jonction des adverbes (puisqu'ils renvoient à un fragment de temps, donc à une notion ontologiquement non-substantielle et naturellement rattachée au verbe), des substantifs (puisque le temps reçoit souvent une représentation nominale, cf. *jour* ou *journée* qui

nomment d'une autre manière le même fragment temporel) et des pronoms (puisqu'ils sont obligatoirement déictiques).

Morphologiquement, ils sont invariables comme les adverbes.

C'est surtout du côté de la syntaxe qu'ils font preuve d'une bifonctionnalité presque parfaite. A l'instar des adverbes (mais aussi des substantifs comme *nuit*), ils remplissent la fonction circonstancielle sans préposition. A l'instar des substantifs (mais aussi des adverbes comme *maintenant*), ils ont la possibilité d'être introduits par une préposition (depuis hier, pour demain, à partir d'aujourd'hui). Mais, par rapport aux adverbes du type *maintenant*, ils vont beaucoup plus loin dans leur « substantivité » puisqu'ils sont parfaitement capables de remplir également la fonction de sujet (Quel que soit demain, demain sera autre chose : F. Cavanna) et de complément d'objet direct (Vous avez aujourd'hui et cinq jours encore pour vous présenter : J. Perry). Dans certains cas, ils peuvent même, exceptionnellement, être introduits par un déterminant et obtenir une expansion : *Le vierge, le vivace et le bel aujourd'hui* (S. Mallarmé) ; *Demain, pour eux aussi, c'était loin, ça n'avait pas beaucoup de sens un demain comme ça* (L.-F. Céline).

On peut dire que les mots de cette sous-catégorie jouent précisément le rôle que la chauve-souris a tant de mal à jouer dans l'exemple « oiseau ». Autant il est difficile de concevoir la chauve-souris comme « un peu oiseau mais plutôt autre chose », autant il est facile de reconnaître que les mots comme *hier* ou *demain* appartiennent à la fois à la périphérie de la catégorie nominale et à celle de la catégorie adverbiale : ils sont à la fois « un peu substantifs » et « un peu adverbes » ; cette formule reflète bien leur position parmi « les plus mauvais représentants » des deux catégories.

Dans certains cas l'étymologie témoigne du statut « frontalier » de ces mots. L'exemple le plus connu est celui d'*aujourd'hui* : *hui* < *hodie* < *hoc die* signifiait déjà « en ce jour » ; ensuite son statut adverbial est renforcé à travers la création du syntagme prépositionnel *au jour d'hui* (ce qui signifie qu'à un certain moment *hui* était considéré comme « pas suffisamment adverbe ») : démarche qui a été renouvelée dans le français parlé pour aboutir à l'expression *au jour d'aujourd'hui*. A l'inverse, dans un cas très proche, le syntagme nominal *le lendemain* se construit avec le substantif *lendemain* qui contient déjà, historiquement, un article défini ; malgré cette accumulation d'articles, il garde une prédilection marquée pour un emploi circonstanciel plutôt adverbial (sans préposition : *le lendemain*) que proprement nominal (avec préposition : *au lendemain*).

Littérature

Goes J. L'adjectif. – Paris: Editions J. Duculot, 1999.

Grevisse M. Le Bon Usage. – Paris: Editions J. Duculot, 13e édition, 2007.

Ilinski K. La nuit, toutes les prépositions sont incolores? // La synonymie: PUPS, 2012. – P. 103-117.

Kleiber G. La sémantique du prototype. –Paris: PUF, 2004.

- Langacker R.W. Foundations of Cognitive Grammar. Vol. 1/ – Stanford: Stanford University Press, 1987.
- Ross J. Nouniness // Three Dimensions of Linguistic Theory / O. Fujimura (ed.). – Tokyo. –1973. – P. 137-258.
- Rosch Heider E. Cognitive representation of semantic categories // Journal of Experimental Psychology. – 1975. – № 104. – P. 573-605.
- Болдырев Н.Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – № 2. – С. 5-22.
- Вежицкая А. Язык. Культура. Познание /Пер. с англ., отв. ред. М.А. Кронгауз, вступ. ст. Е.В. Падучевой. — М.: Русские словари, 1996.
- Кубрякова Е.С. Язык и знание. – М.: Языки славянской культуры, 2004.

ИЛЬИНА Т.П.
О ВАРИАТИВНОСТИ В ДИАХРОНИИ

(НА МАТЕРИАЛЕ СОЧЕТАНИЙ СО ЗНАЧЕНИЕМ ОБРАЗА ДЕЙСТВИЯ
ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ XVII-XXI ВВ.)

Abstract: The present paper focuses on tracing implementation variations of the adverbial phrase *de + (une) manière /façon + adjectif* from the time of their emergence until present day French. The aim of this study is to analyse structural-semantic and pragmatic properties of the recorded variations, in order to reveal factors which have triggered their subsequent implementation in French written speech, and to outline stages of their transformation into specific adverbial constructions with the meaning of manner. The adverbial phrases in question are also tackled from a grammaticalisation and lexicalisation perspective.

Key words: *language change, grammaticalisation, adverbial phrases of manner de + (une) manière /façon + adj., transformation stages.*

Вариативность (вариантность) признана современной лингвистикой фундаментальной, универсальной категорией языка, составляющей его онтологическую сущность и обеспечивающей выполнение им своих функций [Солнцев 1990 : 80-81]. Изучение вариативности в самых разных ее проявлениях занимает значительное место в исследованиях современных языков. Что касается исторических исследований, то изучение вариативности в диахронии играет не менее важную роль, поскольку тесно связано с другим фундаментальным свойством языка – изменчивостью. Изучение вариативности в диахронии позволяет не только проследить условия возникновения вариантов, факторы, влияющие на изменения в их функционировании, но и попытаться объяснить причины преобразований в той или иной языковой подсистеме.

Настоящее исследование посвящено изучению грамматической изменчивости во французском языке XVII-XXI вв. на материале адвербиальных сочетаний со значением образа действия, построенных по модели *de + (une) manière/ façon + adj.* Исследование опирается на большой корпус примеров (более 500 случаев употребления),

собранных путем автоматической и ручной обработки письменных текстов различной функционально-стилистической направленности.

Значение образа действия, в силу дискуссионного характера его языкового статуса, а также разнообразия языковых структур его выражающих, не перестает привлекать внимание лингвистов [Flaux, Moline 2009: 3-14]. Адвербиальные сочетания, включающие существительные *manière* и *façon*, занимают в ряду этих структур заметное место; их отдельные свойства становились предметом изучения в современном французском языке [Balibar-Mrabti 1980: 1-20; Fuchs 2007: 97-113; Léard 1998: 45-55]. В то же время в аспекте диахронии данные структуры изучены пока недостаточно, хотя их возникновение и последующие преобразования имеют непосредственное отношение ко многим дискуссионным вопросам исторических преобразований в языке.

Существительные *manière* и *façon*, составляющие важную в семантическом отношении часть указанных сочетаний, получили к началу XVII в. достаточно широкое распространение во французском языке, употребляясь с различными оттенками значений в разных структурах, о чем свидетельствуют примеры, представленные в словаре Ж. Нико. Что касается адвербиальных сочетаний, то обращает на себя внимание вариативность предлогов, с которыми могли комбинироваться данные существительные, выполняя в предложении функцию обстоятельства: наряду с предлогом *de* в словаре даются примеры с предлогами *en* (так, латинское *quomodo* переведено *en quelle maniere*) и *par* (*par cette maniere*) [Nicot 1606: 392]. Словари конца XVII в. отражают уже уменьшение вариативности предлогов, при этом конструкции с предлогом *en* получают известную специализацию, употребляясь преимущественно с местоименными прилагательными: *aucun* (*en aucune façon*), *nul* (*en nulle façon*), *quelque* (*en quelque façon que ce soit*), *tout* (*en toute maniere*) [Dictionnaire 1694: 429; Furetiere 1690]; конструкции же с качественными прилагательными оформляются только предлогом *de*, что и представлено в собранном нами корпусе примеров.

Основной языковой единицей для выражения значения образа действия начиная со старофранцузского периода служит наречие на *-ment*. В то же время по мере развития и усложнения письменнo-литературного языка возникает необходимость в расширении спектра средств для выражения всё более тонких оттенков значения образа действия. Эта прагматическая необходимость и привела к возникновению указанных сочетаний, в которых существительные *manière* и *façon* используются в качестве опорных слов в синтаксических структурах, выполняющих в предложении функцию обстоятельства образа действия.

Анализ собранных примеров показывает, что при возникновении подобных сочетаний их использование не было связано с отсутствием в

языке соответствующего наречия. Так, конструкция со словом *manière* позволяла подчеркнуть не только характеристику самого действия (состояния), но и эксплицитно связать ее с субъектом, поскольку слово *manière* обозначало в тот период, согласно словарю А. Фюретьера, «caractère que chacun a en particulier pour agir, pour parler, ou pour faire les choses» [Furetiere 1690]. Не случайно поэтому в качестве меняющегося компонента структуры часто используются прилагательные со значением оценки: *agréable, touchante, ridicule, indécente, galante, dégoûtante, singulière* и т.п. Оценка тесным образом связана с отношением говорящего к фактам объективной действительности. Говорящий (пишущий), употребляя такое сочетание, более явно выражал свое отношение одновременно и к субъекту, и к совершаемому им действию.

Enfin se voyant tout nu au sortir d'un bain, il imite les postures d'un lutteur, et par le défaut d'habitude, il les fait de mauvaise grâce, et il s'agite d'une manière ridicule [La Bruyère 1880].

On les voit assis, leur robe relevée jusqu'aux genoux et d'une manière indécente [La Bruyère 1880].

Слово *façon*, этимология которого непосредственно связана с понятием действия, было ориентировано в большей степени не на субъект, а на характеристику как самого процесса, так и его результата: [...] *c'est qu'heroine et heroique se prononcent d'une façon toute contraire* [Vaugelas 1880: 52].

Таким образом, возникновение и закрепление в речевой практике подобных структур вполне объяснимо: оно связано не столько с недостатком возможностей у наречия, сколько именно с прагматическими потребностями говорящих расширить спектр языковых средств для выражения необходимых смыслов.

С точки зрения грамматической системы французского языка, такие единицы также вполне оправданы, так как отвечают требованиям анализа, находятся в общей логике движения французского языка в сторону усиления аналитических тенденций.

Достаточно широкому распространению в дальнейшем указанных сочетаний во французском языке классического периода способствовало и то, что используемое в них прилагательное могло быть распространено и осложнено дополнительными смыслами:

[...] *j'ose dire que la phrase auroit été arrangée d'une manière plus favorable à la clarté grammaticale* [...] [Beauzée 1767].

Quoi que faible, je repris mes fonctions champêtres, mais d'une manière proportionnée à mes forces [Rousseau 1889].

J'ai dit que j'avais apporté des livres; j'en fis usage, mais d'une manière moins propre à m'instruire qu'à m'accabler [Rousseau 1889].

Во второй половине XIX в. наряду с рассмотренными конструкциями в текстах начинают окказионально появляться сочетания без неопределенного артикля. Речь идет о примерах научного стиля речи:

Mais il faudra admettre alors qu'une habitude contractée peut devenir héréditaire, et qu'elle le devient de façon assez régulière pour assurer une évolution [Bergson].

В XX в. количество примеров с существительными без артикля *une* постепенно увеличивается, достигая к концу XX-началу XXI в. подавляющего большинства (86 % всех примеров нашей выборки, относящихся к этому периоду) во всех функциональных стилях письменной речи.

Il y avait réfléchi une bonne partie de la nuit, mais cela revenait sans cesse de manière à la fois inquiétante et excitante [Musso 2016: 151].

Incapable de compromission, elle continuerait à énoncer, de façon droite, fatale, ce que lui dictait sa croyance [Schmitt 2013: 192].

[...] soit en termes d'un processus qui a pris en compte, de manière consciente ou non, l'intérêt public [Siouffi 2011: 25].

Et en effet, si pour une phrase écrite donnée on peut souvent imaginer plusieurs contenus virtuellement réalisables, celui qui parle n'en a qu'un en tête et s'efforce de l'exprimer de façon claire et univoque [Ritaud-Hutinet 2011: 93].

Одним из вопросов, возникающих в связи с появлением и распространением в речи конструкций без артикля, является вопрос о роли в них артикля *une*. Проблемы французского артикля, в частности нулевого, решаются учеными по-разному, в соответствии с их общетеоретическими подходами, что дает основания для весьма разнообразных трактовок [Скрелина, Становая 2012: 168-178].

В сочетании *d'une manière/ façon + adj* артикль служит показателем антиэкстензии, сужения объема понятия *façon/manière*, чему способствует использование прилагательного. Благодаря артиклю, абстрактные существительные *manière/ façon* приобретают способность к обозначению отдельного, дискретного акта, сохраняя, несмотря на косвенную функцию, выраженную предлогом, грамматические показатели субстантивности. С утратой артикля эти показатели исчезают, артикль объединяется с предлогом в неразрывное целое. Неупотребление артикля приводит к изменениям в синтактико-семантических связях внутри словосочетания, которые схематично можно представить следующим образом: [[d'[[une façon] étrange]]] > [[de façon] étrange]].

С точки зрения речевой деятельности, в этом преобразовании можно видеть тенденцию к экономии языковых средств, а с позиций системы языка, это – процесс усиления *грамматизации*, в ходе которой свободное словосочетание превращается в служебный элемент, в преморфологическую единицу, функционально эквивалентную наречной морфеме *-ment*. Таким образом, можно сделать вывод о том, что процесс грамматизации языковых единиц продолжается и в современном французском языке, при этом он может проходить в своем развитии несколько этапов. Следует ли считать в данном случае

структуру с артиклем и структуру без артикля разными языковыми единицами или вариантами одной и той же единицы? Мы склоняемся к последнему в связи с тем, что первичная функция языковой единицы – выражение в составе предложения обстоятельства образа действия – остается неизменной.

В то же время, в процессе исторических преобразований, некоторые из сочетаний, обладавших, в силу лексического наполнения модели, особыми семантическими свойствами, прошли в своей эволюции и этап лексикализации, который превратил их в полностью устойчивые единицы (например, *de toute façon, d'une certaine manière* и некоторые другие). Параллельно, грамматическая функция таких сочетаний также менялась: из синтаксических единиц, входящих в состав предложения в качестве обстоятельств образа действия, они превратились в коннекторы, т.е. языковые единицы, функция которых состоит в выражении на уровне текста или речевого акта всевозможного рода отношений - логико-семантических, структурных, иллокутивных, существующих между соединенными с их помощью предикативными компонентами, выраженными имплицитно или эксплицитно. Изменение первичной функции подобных сочетаний позволяет, на наш взгляд, говорить в таком случае о квалификации их в качестве новых языковых единиц.

Литература

- Скрелина Л.М., Становая Л.А. Теоретическая грамматика французского языка. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2012.
- Солнцев В.М. Вариантность // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 80-81.
- Balibar-Mrabti A. Une liste d'extensions lexicales pour les opérateurs *manière* et *façon* // *Linguisticae Investigationes*. - 1980. - Vol. IV (1). - P. 1-20.
- Beauzée N. Grammaire générale. – Paris: L'imprimerie De J. Barbou, 1767. – Режим доступа: https://books.google.ru/books/about/grammaire_générale.html
- Bergson H. L'évolution créatrice. – Режим доступа: https://fr.wikisource.org/wiki/evolution_creatrice.
- Dictionnaire de l'Académie Française. – Paris, 1694. – Режим доступа: <https://artfl.atilf.fr/ACADEMIE/PREMIERE/fr.html>
- Flaux N., Moline E. De la manière // *Langages*. – 2009. - № 175. - P. 3-14.
- Fuchs C. Relations de synonymie entre polysèmes : le réseau *comme-manière-façon* // *Le Français moderne*. – 2007. - № 75(1). - P. 97-113.
- Furetière A. Dictionnaire universel, contenant généralement tous les mots françois tant vieux que modernes. – Режим доступа: <http://www.gallica.bnf.fr>.
- La Bruyère J. Les Caractères. – Paris: Flammarion, 1880. – Режим доступа: https://fr.wikisource.org/wiki/Les_Caracteres.
- Léard J.-M. Façon et manière : noms abstraits et intégration des prédicats comme arguments // *Travaux de linguistique*. – 1998. - № 36. - P. 45-55.
- Musso G. Sauve-moi. – Paris: Pocket, 2016.
- Nicot J. Tresor de la langue francoyse, tant ancienne que moderne. – Режим доступа: <http://www.artfl.atilf.fr/dictionnaires/TLFNicot/search.form.html>

- Ritaud-Hutinet Ch. Prosodie et variation du sens / Variétés, Variations & Formes du Français. – Paris : Editions de l'Ecole Polytechnique, 2011. – P. 93-109.
- Rousseau J.-J. Les Confessions. – Paris : Launette, 1889/ –Режим доступа: https://fr.wikisource.org/wiki/Les_Confessions.
- Schmitt E. La femme au miroir. – Paris: Albin Michel, 2013.
- Siouffi G. Les variantes ont-elles une normativité? / Variétés, Variations & Formes du Français. – Paris: Editions de l'Ecole Polytechnique, 2011. – P. 13-30.
- Vaugelas Cl. Remarques sur la langue françoise. – Paris: Librairie Boudru, 1880. – Режим доступа: <https://www.archive.org/details/remarques>

КАСЬЯНОВА Н.Б.

**МУЗЫКАЛЬНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ КАК ОСНОВА ДИСКУРСА
В ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ МУЗЫКА**

Abstract: The article deals with the creative activity in the subject field 'music' as a part of musical communication, the need for musical composition study from the point of view of semiotics, linguistics and other sciences. It describes the additional discursive elements with which the composer maintains successful communication, improving the reception of the musical text. The conclusion is that the musical composition does not exist isolated, because it is the basis of the musical discourse.

Key-words: musical communication, musical discourse, musical-communicative event, peritext, epitext.

Процесс творческой деятельности в предметной области *музыка*, приводящий к написанию текста, является частью музыкального дискурса, так как именно дискурс, помимо текста, «включает также разворачивающиеся во времени процессы его создания и понимания» [Кибрик 2003: 4]. В настоящее время изучение музыкального произведения как культурного феномена вышло за пределы собственно музыкальных дисциплин [Холопова 2004: 25], в частности, в область лингвистики [Быканова 2014; Викулова, Шевченко 2016; Седых, Быканова 2016], семантики, которая «складывается в системе музыкального языка, генетически определяемого системой вербального языка» [Тараева 2013: 9]. По мнению ученых-музыковедов, «исследование музыкального языка предполагает сопоставление его с другими языковыми системами» [Денисов 2004: 47]. Лингвисты рассматривают с коммуникативной и семиотической точки зрения музыкальные композиции, используемые в рекламе [Степанов 2010: 99].

Тот факт, что исполнение музыки создает коммуникативную ситуацию между автором, исполнителем и слушателем, предполагает использование дискурсивного подхода, который «дает возможность выйти за рамки чисто музыковедческого изучения музыкального произведения <...> в формат его изучения как модели коммуникации» [Черемисин 2004: 4-5]. При этом музыкальная коммуникация может

рассматриваться в русле семиотики коммуникации, включающей такие проблемы, как исследование «дискурсивных макроструктур формулирования и когнитивной 'обработки' информации, а также ее моделирующего функционального потенциала в коммуникативных процессах» [Викулова, Серебренникова 2014: 56].

По мнению Т. ван Дейка, дискурс как сложное единство языковой формы, значения и действия характеризуется «с помощью понятия коммуникативного события» [Дейк 2000: 121-122]. Данное понятие в предметной области *музыка* получило название *музыкально-коммуникативное событие*, которое определяется как «единство музыкально-коммуникативной ситуации и музыкального дискурса, содержащего в снятом виде все константы музыкальной коммуникации: генерирование, трансляцию и усвоение музыкальных ценностей» [Черемисин 2004: 12]. Через указанные константы реализуется музыкальный дискурс, в виде контакта, как в направлении от композитора к исполнителю и слушателю, так и в обратном направлении [Там же: 16].

В центре музыкального дискурса находится то сообщение, которое композитор продуцирует в виде текста (ноты, нотные ремарки, предисловия и комментарии к сочинению и его частям, как это встречается, например, у О. Мессиана в «Каталоге птиц»). Именно вокруг текста, по поводу его создания и исполнения возникает *коммуникативное событие*. При этом сообщение, передаваемое в виде знаков, в особенности, невербальных, является поликодовым [Викулова, Макарова 2016]. Поскольку цель получателей информации – понимание сообщения и эмоциональная реакция на него, то для успешного функционирования музыкального дискурса необходимо декодирование этого сообщения. Таким образом, музыкальная коммуникация «оперирует не только звуками, нотами, знаками <...>, но и всецело связана с иным материалом – с механизмами кодирования и декодирования музыкального смысла композиторского произведения, не сводимого к первым» [Якупов 2016: 28].

Механизм кодирования и декодирования смысла произведения 'запускается' в коммуникативной цепочке 'автор (адресант) – исполнитель (адресат 1) – слушатель (адресат 2). Здесь важной представляется роль исполнителя музыкального произведения, который фактически является *терциарным адресатом* [Вяткина 2012: 92], т.е. тем посредником, который интерпретирует текст для конечного адресата – слушателя. Именно от того, сколько 'слоев' поликодового сообщения исполнителю удастся расшифровать, в первую очередь зависит успешность дальнейшей музыкальной коммуникации. Для этого музыканту необходимо обладать богатыми фоновыми знаниями, широкой эрудицией. Слушателю как получателю информации также

требуется немалая эрудиция. Думается, что композитор, в особенности, такой новатор, как, например, О. Мессиа́н, понимает, что фоновые знания современников недостаточны для восприятия его музыкального языка. Отметим, что, поскольку главной характеристикой любого языка является «стабильность и изменчивость в одно и то же время» [Скрелина, Становая 2013: 14], то «изменчивость» музыкального языка, которая ложится в основу новаторства, может стать препятствием для понимания всего сочинения.

В этом случае композитор использует модели музыкальной коммуникации дополнительные дискурсивные возможности. К подобным дискурсивным возможностям мы относим следующие элементы.

I. Перитекст.

1. Программные заглавия, отражающие основную идею сочинения («Времена года» А. Вивальди, «Пение птиц» Э. Денисова).

2. Поясняющие подзаголовки («Баба-Яга», «Старый замок» и др. пьесы из фортепианного цикла «Картинки с выставки» М. Мусоргского, «По прочтении Василия Шукшина» – подзаголовок к симфонии-действию В. Гаврилина «Перезвоны»).

3. Обозначение жанра произведения (фортепианный цикл «Каталог птиц» О. Мессиа́на, где заглавие содержит указание на новаторский для музыкального произведения жанр – каталог).

4. Развернутые авторские программы или предисловия к своим сочинениям (новаторская программа к «Фантастической симфонии» Г. Берлиоза, предисловие к «Пробуждению птиц» О. Мессиа́на, раскрывающее содержание произведения).

5. Нотные ремарки (в нотах А. Скрябина ремарки фактически являются программой, 'ключом' к его произведениям, многочисленные ремарки К. Дебюсси направлены на совершенствование технического и образного исполнения его музыки [Быканова 2014: 78]. Нотные ремарки обычно обращены только к *терциарному адресату*).

II. Эпитекст.

1. Статьи композиторов о своих произведениях или своем творческом кредо в специализированных или неспециализированных изданиях (очерк Р. Шумана, предшествовавший появлению фортепианного цикла «Карнавал» и фактически объясняющий его содержание, заметки и статьи Н.А. Римского-Корсакова об эстетике и форме музыкального произведения, статьи Д. Шостаковича, Э. Денисова).

2. Интервью композиторов (цикл интервью О. Мессиа́на, данный музыковеду К. Самюэлю и вышедший в виде книги, в котором композитором даны подробные разъяснения всех основных направлений своего творчества, в особенности, новаторских и сложных для понимания).

3. Фильмы с участием композиторов (несколько короткометражных фильмов о творчестве О. Мессиана, в которых композитор остановился на содержании некоторых произведений и объяснил суть своего новаторства).

Музыковеды относят подобные элементы к проявлениям *конвенциональной семантики*, т.е. семантики, непосредственной музыкальным языком и образующейся через фиксацию внетекстовых связей, формирование которой «связано с взаимодействием музыки с другими семантическими системами. <...> Эта семантика позволяет расширить смысловое пространство музыкального текста» [Денисов 2004: 49]. Таким образом, дискурсивные элементы, включающие *конвенциональную семантику*, становятся важной частью сообщения, передаваемого композитором своим адресатам.

При этом музыкальное произведение остается центром музыкальной коммуникации, так как его понимание является главной задачей коммуникации, модель построения которой может служить следующей цели – «умение воздействовать на коммуникативные потоки, <...> управлять процессами распространения и потребления музыки в обществе» [Якупов 1995: 3]. Включение композиторами дополнительных дискурсивных возможностей с использованием *конвенциональной семантики* в модель музыкальной коммуникации вносит необходимые уточнения в понимание произведения, улучшает восприятие основного сообщения (музыкального текста). Таким образом, музыкальное произведение функционирует не само по себе, как отдельно взятый культурный феномен, а является основой музыкального дискурса.

Литература

Быканова М.С. Языковая личность музыканта в этнокультурном аспекте (на материале дискурсивных манифестаций А.Н. Скрябина и К. Дебюсси): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Белгород, 2014.

Викулова Л.Г. Книготорговый каталог в диалоге издателя и потенциального читателя: к вопросу о культуре чтения / Л.Г. Викулова, И.В. Макарова // Диалог культур. Культура диалога: в поисках передовых социокультурных практик : материалы Первой междунар. конф. (М., 14–16 апр. 2016 г.)/под общ. ред. Е.Г. Таревой, Л.Г. Викуловой. – М. : МГПУ; Языки народов мира, 2016. – С. 104–108.

Викулова Л.Г., Серебренникова Е.Ф. Структуры моделирования ценностных ориентиров дискурса социальной реальности в массмедийном коммуникативном пространстве // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2014. – № 2 (14). – С. 55–63.

Викулова Л.Г., Шевченко Н.Л. К вопросу о музыкальной репутации Ж.Б. Люлли и зрительской рецепции в жанре рецензии на музыкальный диск // Научный Вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Сер. «Современные лингвистические и методико-дидактические исследования». – 2016. – № 3 (31). – С. 32–40.

Вяткина А.А. Адресат французского журнала для детей раннего возраста «Pipi» // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2012. – № 2 (10). – С. 90–94.

Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. – Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртене, 2000.

Денисов А.В. Семантика музыкального языка – лингвистический аспект проблемы // Семантика музыкального языка: матер. научной междунар. конфер. – М.: РАМ им. Гнесиных, 2004. – С. 46–51.

Кибрик А.А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе. автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. – М., 2003.

Седых А.П., Быканова М.С. Языковая личность музыканта: Александр Скрябин, Клод Дебюсси: монография. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ БелГУ 2016.

Скрелина Л.М., Становая Л.А. История французского языка : учеб. для бакалавров. – 3-е изд. – М.: Юрайт, 2013.

Степанов В.Н. Семиотические коды в рекламном тексте // Иностранные языки в высшей школе – 2010 – № 2. – С. 92–100.

Тараева Г.Р. Семантика музыкального языка: конвенции, традиции, интерпретации: автореф. дис. ... д-ра искусствовед : 17.00.02. – Ростов-на-Дону, 2013.

Холопова В.Н. Интерпретация знаков Ч. Пирса в теории музыкального содержания // Семантика музыкального языка: матер. научной междунар. конфер. – М.: РАМ им. Гнесиных, 2004. – С. 25–30.

Черемисин А.М. Музыкально-коммуникативное событие: факторы формирования музыкального дискурса. Автореф. дис. ... канд. философ. наук: 24.00.01. – Тамбов, 2004.

Якупов А.Н. Музыкальная коммуникация (история, теория, практика управления): автореф. дис. ... д-ра искусствовед : 17.00.02. – М., 1995.

Якупов А.Н. Коммуникативные средства музыки, способы ее воспроизведения и каналы восприятия (историко-аналитический аспект). – Режим доступа: http://elibrary.ru/download/elibrary_26064747_33677956.pdf (дата обращения: 26.02.2017).

КЛЕЙМЕНОВА Н.М., АБАКАРОВА Н.Г. TOLERANCE КАК ФОРС-СЛОВО ФРАНЦУЗОВ

Résumé: Les linguistes ont depuis longtemps souligné le fait, que certains mots sont pour les locuteurs natifs plus importants que les autres. Chaque langue possède des unités lexicales qui font surgir chez les représentant de la même nation les associations tout à fait prédictibles, les idées et les émotions qui les unissent. Ce sont les mots qui font appel à la conscience collective, qui sont accessibles aux membres de la même société et peuvent représenter des lacunes linguistiques pour les natifs des autres langues. Nous avons choisi comme sujet de nos réflexions le mot tolérance qui est non seulement d'une actualité croissante dans le monde globalisé et intolérant, souffrant d'une saturation excessive d'information et du manque de compréhension, mais encore représentant la notion très française vu ses origines latines et une brave pléiade d'humanistes qui ont plaidé pour elles de siècle en siècle.

Mots-clés: tolérance, mot-force, Autrui, lieu de force.

Лингвистами давно отмечено, что не все слова обладают для носителей языка одинаковой силой. В каждом языке существует целый ряд лексических единиц, вызывающий у всех его носителей определенные ассоциации, общие мысли и эмоции. Это слова, апеллирующие к коллективному сознанию, понятные и близкие членам одного сообщества и представляющие языковые лакуны для говорящих

на других языках [Базылев 2009]. Так, например, русское слово *душа* может быть легко переведено на иностранный язык, но при переводе многочисленных устойчивых выражений придется прибегать к другим словам. Например, во французских переводах часто будет фигурировать слово *сердце*. Некоторая языковая и ментальная лакунарность, несимметричность в переводе на иностранные языки всех значений определенных слов наводит на мысль об их особом месте в языке. В отечественной традиции чаще всего подобные слова принято называть концептами, являющимися, по словам Ю.С. Степанова, «сгутками культуры в сознании человека», тем, «в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [Степанов 2004, с.43].

Т.Ю. Загряжская [2015: 17] указывает, что во французской лингвистической традиции эквивалентом концепта выступает термин *место памяти* или его предшественник *форс-слово* (сильное слово). Разбирая историю *форс-слова*, Т.Ю. Загряжская ссылается на труды А. Мейе и Л. Февра, которые подчеркивали особую эмоциональную силу и изменчивость сильных слов, необходимость существования у них богатой палитры значений и длительной истории.

Размышляя над значением французского слова *tolérance* (*толерантность*) и его неравнозначности для носителей русского и французского языков, мы встретили во французском учебнике для иностранцев такое предложение: *Les gendarmes ont expliqué aux enfants la notion de tolérance* [Antier 2015: 115]. Это предложение, данное ученикам исключительно для преодоления грамматической трудности, показывает, насколько органично для француза понятие толерантности, насколько важно, чтобы официальные представители государства прививали это важное понятие юным гражданам. Если мы просто, следуя всем правилам перевода, представим русский эквивалент этого предложения: «Полицейские объяснили детям значение толерантности», он вызовет у носителя русского языка неоднозначные реакции: от иронии до недоумения. Именно этот простой эксперимент покажет некоторую лакунарность или, по крайней мере, другие особенности лексической сочетаемости слова *толерантность* для русских и, вероятно, для носителей других языков.

Мы можем констатировать, что толерантность на сегодняшний момент не является общечеловеческой ценностью. Общее информационное пространство, стоящие перед всеми людьми экологические и экономические проблемы, возможность в рекордно короткие сроки оказаться на другом конце земного шара – вот только некоторые из многочисленных факторов, которые должны были бы объединить людей и позволить осознать свое единство, необходимость одних духовно-нравственных ценностей. Глобализация могла бы

привести к победе над бедностью, болезнями, голодом многих тысяч людей, положить конец войнам и террористическим актам.

Многие ученые задумываются над тем, почему это не происходит, почему, наоборот, люди не чувствуют духовного родства с другими народами и часто утрачивают свою идентичность. Смешение народов и культур, скопление жителей в мегаполисах, по убеждению многих философов, лингвистов, социологов, имеют самые печальные последствия: многие лишаются традиций, ценностей, забывают свои истоки и, оторванные от корней, заменяют моральные ценности сугубо материальными [Викулова, Серебренникова 2014; Диалог культур 2016].

В этих условиях потери моральной опоры и погони за 'мировыми стандартами', материальными благами, у беднейших социальных групп возникает острое чувство несправедливости, еще более болезненное в экономически развитых странах, где мигранты утрачивают иллюзии, быстро достигая социального 'потолка'. Коренные жители благополучных в экономическом отношении регионов, в свою очередь, сталкиваются с необходимостью терпеть не всегда желаемое соседство многочисленных представителей других культур. Постоянное вынужденное общение людей, исповедующих разные религии, говорящих на разных языках, поддерживающих разные традиции, делает терпимое, уважительное отношение к иному, непохожему не абстрактной ценностью, а насущной необходимостью [Кулагина 2012].

Л.В. Баева [2009] видит два основания для формирования принципа толерантности. Во-первых, это обращение к имеющимся в истории человечества классическим учениям, утверждающим ценность толерантности, открытости, раскрытие их достоинств и эффективности. Во-вторых, это поиск и обоснование единства мира ключевых ценностей различных народов, несмотря на частные особенности между ними. Толерантность, по мнению философа, предполагает признание за Другим ценности, равной себе, благожелательное отношение к присутствию Другого, его мнению, готовность к диалогу, понимание того, что существуют различные пути, ведущие к истине. Духовная и интеллектуальная элита должна предпринять определенные усилия, чтобы сформировать общественное сознание в духе толерантности, т.е. не пассивного допущения любой формы поведения, вплоть до насилия, а сознательного принятия иных ценностей, если они не покушаются на свободу других людей.

Французская научная литература всегда обращена к истории. Для известного историка Э. Ренана принципиально важным критерием принадлежности к одной нации было переживание общего прошлого. «Да, прошлое и история — вот наши опоры», — говорил В. Гюго. По замечаниям Т.Ю. Загряскиной, словосочетание *место памяти*, особенно

часто используемое французскими лингвистами, находится в корреляции с *местами силы и сильными словами*. Многие языки, такие как русский, немецкий, английский, описывая этимологию слова *толерантность* ссылаются на его французское происхождение [Загряжкина 2015; Загряжкина 2016].

История французского слова *tolérance* начинается, по общему мнению этимологических и толковых французских словарей, в 1361 году. Слово происходит от латинского существительного *tolerantia*, восходящего к глаголу *tolerare* (терпеть), причем изначально его смысл был не абстрактно-широким, а имел узкую религиозную направленность. Согласно словарю Малый Робер, в XVI веке, когда это слово получило широкое распространение во Франции, оно обозначало «снисходительное отношение к тем догмам религии, которые Церковь не считает главными» [Robert 2005: 2262]. В своей монографии, посвященной толерантности, Л.В. Баева поясняет, что понятие *толерантность* появляется в XVI веке во Франции, когда вышло множество законов о терпимости и когда французские протестанты – гугеноты – получили права и уступки на свободное проявление религиозной жизни. Его появление было обусловлено эпохой религиозных войн и стало проявлением компромисса, на который вынуждены были согласиться католики и протестанты. Это была спасительная реакция общества зарождающихся гражданских республик на тридцатилетний период кровавых религиозных войн. Жесткое противостояние и стремление навязать «другому» неистинную систему религиозных ценностей оборачивались неисчислимыми потерями всех сторон, и европейцы пришли к пониманию того, что конфессиональная однородность как внутри одной страны, так и в отношениях между государствами не является столь принципиальной [Баева 2009:9].

Изученные нами толковые словари поясняют, что основной семантической составляющей толерантности этого времени было именно «снисходительное» «терпимое» отношение, некое «допущение», «разрешение», т.е. пассивное невмешательство в том случае, если не нарушаются основополагающие догматы, «ограниченное послабление по определенному пункту». Идея толерантности, созревшая как насущная необходимость на религиозном уровне, начинает постепенно распространяться и на другие сферы жизни. В XVI веке, по указанию Словаря культуры А. Рэя [Rey 2015:1424], *толерантность* уже рассматривается как принятие другого образа мыслей и действий, отличающихся от собственных. В качестве синонимов словарь дает *понимание, снисходительность*.

Эпоха Просвещения, символизирующая освобождение сознания от жестких догматов, очень много сделала для продвижения идей

толерантности. Благодаря выдающимся ученым XVII-XVIII веков толерантность становится ценностью, способствующей миру и согласию. Наиболее страстным защитником религиозной толерантности, по мнению многих философов, был Вольтер. Его трактат «О веротерпимости» (другой перевод: «О толерантности»), вышедший в 1763 году, является критикой догматизма, предрассудков и религиозной нетерпимости. Написанное по поводу казни протестанта Ж. Каласа, обыкновенного торговца из Тулузы, несправедливо обвиненного в убийстве своего сына-католика, это произведение, которое сегодняшней читатель назвал бы открытым письмом, страстно призывает задуматься о необходимости проявлять толерантность: «Каждый законодатель, исповедующий какую-либо религию и признающий права совести, должен быть веротерпим». Несмотря на отсутствие достаточных доказательств, Калас был четвертован. Великому писателю удалось добиться посмертной реабилитации казненного. «Трактат о толерантности» вновь стал бестселлером во Франции после убийства карикатуристов сатирического журнала «Charlie Hebdo» исламскими фанатиками. Представитель французского издательства Gallimard заявил журналистам, что уже продано 120 000 экземпляров книги, и издательство решило напечатать новый тираж.

Выдающийся деятель французского Просвещения Ж.-Ж. Руссо, выступая с критикой религиозного фанатизма, также пришел к идее гражданской, культурной толерантности. Он ратовал за отделение института церкви от государства и подчеркивал равенство и равноправие всех граждан. Кроме того, благодаря идеализации так называемых 'варваров' Африки, Австралии и Америки, находящихся, по общему господствующему в то время мнению, на низшей ступени развития, Руссо намного опередил свое время, осуждая европоцентризм. По мнению французского просветителя, именно так называемые 'варварские общества', не знающие частной собственности, более проникнуты идеей равенства.

Примечательно, что дата выхода основных произведений Руссо («Новая Элоиза» 1761 г., «Эмиль, или о воспитании», «Общественный договор» 1762 г.) почти совпадает с расширением семантики слова *толерантность*. Согласно словарю А. Рэя, с 1763 года толерантность уже рассматривается «как уважение свободы другого» в отношении не только религиозных, но также философских и политических воззрений. Здесь видна активная позиция человека, исповедующего толерантность, впервые появляется столь важная для французского менталитета семантическая составляющая *свобода*, заменяющая *снисхождение*.

Формирование нравственных принципов толерантности проходило постепенно и было глубоко связано с историей страны (особенно религии и философии, имеющих ярко выраженную этическую

направленность). В своей замечательной речи на закрытии Конгресса мира 24 августа 1849 года в Париже В. Гюго сказал: «Бог на место идеи возмездия, фанатизма и войны ставит идею примирения, терпимости и мира; и благодаря ему, по его воле, благодаря прогрессу, который он ниспосылает и которым он управляет, именно сейчас — перед лицом роковой даты 24 августа — не только англичане и французы, итальянцы и немцы, европейцы и американцы, но и те, кого называли папистами, и те, кого называли гугенотами, заверяют, что все они – братья». Гюго называет прогресс божественным делом и выражает уверенность, что именно благодаря прогрессу мир возможен: «в эти дни смут и жестоких распрей идея мира во всем мире поражает и смущает людей почти так же, как их поразило и смутило бы, если б идеальное и невозможное вдруг стало бы реальностью. Что касается меня, смиренного и незаметного участника этого великого дела девятнадцатого века, я мирюсь с этой косностью умов» [Гюго 1849]. В речи писателя для нас важны два факта: его стремление ко всеобщему братству посредством свободы и терпимости, а также борьба с «косностью умов».

Интересно, что словарь Рея приводит в пример произведение XIX века А. де Мюссе, где толерантность стоит наравне с умом: «Он проявил себя как умный и толерантный человек». Для словаря Малый Робер толерантность тоже уподобляется уму: быть толерантным – значит иметь *широкий ум* [Le Petit Robert 2005]. Словарь Лексис [Lexis 2014] также приравнивает толерантность к *широте взглядов*. С течением времени семантика слова толерантность принимает все более «активный» характер: толковые словари дают определение толерантности как *уважение свободы, действия по принятию чужих воззрений*.

В XX веке межэтническая, межкультурная толерантность, тесно связанная с политикой и идеологией, временно отодвигает на задний план религиозную толерантность. Две страшных войны, отметившие этот век, показали ценность толерантности как превентивной меры, дающей в будущем шанс, что новых кровопролитий можно будет избежать. По инициативе французов Жана Моне и Робера Шумана, «отцов Европы», зарождается идея реального объединения европейских государств.

Однако идея *европоцентризма* уже к концу XX века показала свою несостоятельность. Неожиданно с новой силой разгораются религиозные войны, инициированные 'правоверными' исламистами. Традиции ислама используются бизнесменами и политиками для разжигания конфликтов и для оправдания насилия. Л.В. Баева поясняет, что «за темой хиджаба и арабо-мусульманской идентичности скрывается экономический конфликт» [Баева 2009:102]. В качестве примера она приводит ситуацию во Франции. В первые десятилетия после Второй мировой войны, когда Франция переживала

экономический подъем и остро нуждалась в дешевой рабочей силе, страна охотно принимала алжирцев, тунисцев, марокканцев и других выходцев из французских колоний. А когда экономический бум закончился, безработица ударила в первую очередь по этим чужакам. Сами французы признают, что иммигрантам сегодня почти невозможно повысить свой социальный статус. Дети и внуки иммигрантов, чувствуя себя людьми второго сорта, часто склонны к экстремальным формам поведения. Волна этнических терактов, периодически вспыхивающих в европейских странах, говорит о том, что проблемы третьего мира по-прежнему актуальны [Радченко 2009]. Эти проблемы сменили место проявления, теперь они неотъемлемая часть истории новейшего времени всех континентов.

Для современной эпохи глобализации характерны как нивелирование культурных отличий, потеря национальной идентичности, так и все больший разрыв между беднейшими и богатейшими. Терпимость, толерантность, уважение мнения другого становятся единственным упованием на выживание в «пестром котле народов», который представляет собой современная Европа. Мы выражаем надежду, что историческая традиция французской Толерантности, чья сила для французов не менее ощутима, чем Свобода, Равенство и Братство, поможет им с достоинством выходить из возникающих кризисов и разрешать конфликты мирным путем.

Литература

- Баева Л.В. Толерантность: идея, образы, персоналии. – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2009.
- Базылев В.Н. Россия и Запад: диалог на фоне переводов // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2009. – № 2 (4). – С. 68-74.
- Будагов Р. А. Развитие французской политической терминологии в XVIII веке. – М.: Добросвет, 2002.
- Викулова Л.Г., Серебренникова Е.Ф. Структуры моделирования ценностных ориентиров дискурса социальной реальности в масс-медийном коммуникативном пространстве // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2014. – №2 (14). – С. 55-63.
- Вольтер Трактат о веротерпимости. – URL: http://www.antimilitary.narod.ru/antology/voltaire/voltaire_calas.htm, свободный (дата обращения 10.04.2017).
- Гюго В. Речи на конгрессе мира в Париже (1849 г.). – URL:http://antimilitary.narod.ru/antology/hugo/hugo_1849_kongress.htm., свободный (дата обращения 14.04.2017).
- Диалог культур. Культура диалога: в поисках передовых социогуманитарных практик : материалы Первой междунар. конф. (М., 14–16 апр. 2016 г.) / [под общ. ред. Е.Г. Таревой, Л.Г. Викуловой]. – М. : МГПУ; Языки народов мира, 2016.
- Загряжкина Т.Ю. Термины культуры в диалоге научных школ и культур // Диалог культур. Культура диалога: в поисках передовых социогуманитарных практик : материалы Первой междунар. конф. (М., 14–16 апр. 2016 г.) / [под общ. ред. Е.Г. Таревой, Л.Г. Викуловой]. – М. : МГПУ; Языки народов мира, 2016. – С. 210-214.
- Загряжкина Т.Ю. Франция и франкофония: язык, общество, культура. – М: Издательство Московского Университета, 2015.

Кулагина О.А. Языковое портретирование «чужого» как способ передачи этнокультурного диссонанса во французском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05: защищена 12.11.2012. – М., 2012.

Радченко О.А. Исследование агрессивного дискурса: проблемы и перспективы // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2009. – № 1 (3). – С. 60-66.

Ренан Э.Э. Что такое нация? // Ренан Э. Собрание сочинений в 12-ти томах. Т.6. – Киев, 1902. – С.87-101.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. – М.: Академический проект, 2004.

Antier M. Alter Ego+4. Methode de francais. – Paris: Hachette, 2015.

Lexis. Dictionnaire de la langue française. – Paris: Larousse, 2014.

Picoche J. Dictionnaire étymologique de la langue française. – Paris: Le Robert, 1971.

Rey A. Dictionnaire culturel en langue française. – Paris: Robert, 2015.

Le Petit Robert. – Paris: Robert, 2005.

КОРОЛЕНКО О.И.

ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛЯТИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ ФРАНЦУЗСКОЙ АКАДЕМИИ В XVII ВЕКЕ

Abstract: The article is devoted to regulatory documents that guided the work of the French Academy in the XVIIth century. Those documents were Patent Letter and the Statute of the Academy.

Key-words: regulatory documents, the French Academy, patent letter, statute.

Первым письменным государственным документом стал *патент*, или *жалованная грамота* (*Lettres Pattents pour l'établissement de l'Académie Française*) об учреждении Французской Академии, подписанная Людовиком XIII в январе 1635 г. Следует отметить, что зарегистрирована в парламенте жалованная грамота была только через два года, 10 июля 1637 г. Как отмечает Л.Г. Викулова [2015: 71-72], парламент опасался создания органа, способного проводить политику культурного абсолютизма.

Король говорит о том, что французский язык нуждается в совершенствовании и укреплении. Вначале было некоторое пренебрежение языком, но власть надеялась, что современные ученые могут сделать его *самым совершенным* (*la plus parfaite*) и установить определенные правила, которые сделают французский язык *не только элегантным, но и будут использовать для наук и искусства* (*non seulement élégant, mai scapable de traiter tout les arts et toutes les sciences*):

** la langue françoise jusqu'à présent n'a que trop senti la négligence de ceux qui l'eussent pu rendre la plus parfaite des modernes, est plus capable que jamais de le devenir, vu le nombre des personnes qui ont une connoissance particulière des avantages qu' elle possède, et de ceux qui s'y peuvent encore ajouter, que, pour en établir des règles certaines, il avait ordonné une assemblée, dont les propositions l' avait satisfait; si bien que pour les exécuter et pour rendre le langage françois non seulement élégant, mais*

capable de traiter tout les arts et toutes les sciences
<...>[http://www.academie-francaise.fr/sites/academie-francaise.fr/files/statuts_af_0.pdf].

В документе король определил название учреждения (*L'ACADÉMIE FRANÇOISE*), его местонахождение (*ville de Paris*) и количество членов Французской Академии (*quarante personnes*):

**Voulons qu'elles se continuent désormais en notre ville de Paris, sous le nom de l'ACADÉMIE FRANÇOISE; que notredit cousin s'en puisse dire et nommer le chef et protecteur; que le nombre en soit limité à quarante personnes*[там же].

Следующим регламентирующим документом является Устав Французской Академии (*Status et règlement de l'Académie Française*) от 22 февраля 1635 г., подписанный кардиналом Ришелье, состоящий из 50 статей. За исключением нескольких статей данный устав действует до сих пор. Его прагматическая составляющая состоит в том, что Академия должна была выполнить поручение власти: создать словарь, который будет ориентиром для тех, кто будет писать и говорить на французском языке.

В статье II Устава прописано, что у Французской Академии будет печать, на одной стороне печати из голубого воска будет представлен портрет кардинала Ришелье с надписью по кругу «Арман, Кардинал, герцог де Ришелье, попечитель Французской Академии, основанной в 1635 году». На оборотной стороне печати представлена корона из лавровых ветвей со словами «К бессмертию»:

** L'Académie aura un sceau duquel seront scellés en cire bleue tous les actes qui s'expédieront par son ordre, dans lequel la figure de Monseigneur le Cardinal, duc de Richelieu, sera gravée, avec ces mots à l'entour : Armand, Cardinal, duc de Richelieu, Protecteur de l'Académie française établie l'an 1635 ; et un contre-sceau où sera représentée une couronne de laurier, avec ce mot : À l'Immortalité ; desquels sceaux l'empreinte ne pourra jamais être changée pour quelque occasion que ce soit.*

Статья III определяет структуру учреждения:

**Il y aura trois officiers, un directeur, un chancelier et un secrétaire, dont les deux premiers seront élus de deux mois en deux mois, et l'autre ne changera point* [там же].

Статья IV определяет порядок голосования (*élection*) при выборах директора или канцлера (хранителя печати):

**Pour procéder à cette élection, l'on mettra dans une boîte autant de ballottes blanches qu'il y aura d'académiciens à Paris, entre lesquelles il y en aura deux marquées, l'une d'un point noir et l'autre de deux, dont celle-là désignera le directeur et celle-ci le chancelier* [http://www.academie-francaise.fr/sites/academie-francaise.fr/files/statuts_af_0.pdf].

Статья VII определяет наличие кворума для голосования (не менее 20 присутствующих) и обязанности секретаря Академии,

который обязан регистрировать все документы и предъявлять их кому-либо только с согласия общего собрания Академии:

**Le secrétaire sera élu par les suffrages des académiciens assemblés au nombre de vingt pour le moins. Il recueillera les résolutions de toutes les assemblées et en tiendra registre. Il signera tous les actes qui seront accordés par l'Académie, et gardera tous les titres et pièces concernant son institution, sa fonction et ses intérêts, dont il ne communiquera rien à personne sans la permission de la Compagnie* [там же].

Статья XIII указывает на то, что если один из академик совершит поступок, который недостойн порядочного человека, он будет исключен или отстранен, в зависимости от степени его вины:

**Si un des académiciens fait quelque action indigne d'un homme d'honneur, il sera interdit ou destitué selon l'importance de sa faute* [там же].

Статья XVII определяет дни и время, когда будут проходить заседания Французской Академии. Заседания будут проходить каждый понедельник (**tous les lundis**), в два часа (**à deux heures après midi**):

**Les assemblées ordinaires se feront tous les lundis aux lieux qui seront jugés les plus commodes par les directeurs, jusqu'à ce qu'il ait plu au Roi d'en donner un, et commenceront à deux heures après midi précisément* [там же].

Согласимся с мнением М.Н. Михновой [2015] в том, что Французская Академия придерживалась пуристической позиции в языке, как показывает статья XXIII: запрет на использование технических терминов и двусмысленных выражений соответствует принципам чистоты и ясности, сформулированным Франсуа Малербом, поэтом и литературным критиком:

**L'on prendra garde qu'il ne soit employé dans les ouvrages qui seront publiés sous le nom de l'Académie ou d'un particulier, en qualité d'académicien, aucun terme libertin ou licencieux et qui puisse être équivoque ou mal interprété.*

Отмечается, что Ф. Малерб находит язык перенасыщенным лишними элементами и призывает очистить язык от них [Скрелина, Становая 2013: 407]. Нужно было предпринять следующие шаги:

- язык следует очистить от архаизмов в лексике и грамматике;
- из языка следует убрать заимствования.

Таким образом, задачи, которые ставит Ф. Малерб перед поэтом или писателем, заключаются в строгом отборе языковых средств. В следовании литературным образцам, в подчинении языка правилам [Скрелина, Становая 2013: 407].

В статье XXV отмечается, что в качестве источника нормы были предложены произведения лучших авторов (*les meilleurs auteurs de la langue française*), которые могут служить примером:

** Les meilleurs auteurs de la langue française seront distribués aux académiciens pour observer tant les dictionnaires que les phrases qui peuvent servir*

de règles générales et en faire rapport à la Compagnie, qui jugera de leur travail et s'en servira aux occasions [там же].

Фактически впервые в данной статье подчеркивается значимость собственных писателей, которые уже были известны в обществе. Таким образом, академики должны были брать пример именно из произведений современных авторов. Н.А. Безменова [1991: 117] подчеркивает: «Отсюда все большая ориентация на языковые авторитеты в области философии, литературы, религии и т.д.». Отмечается, что ученые-пуристы также выводят на первый план практику чтения престижных авторов, тем самым французский язык становится своеобразным маркером социализации индивида через язык [Викулова 2016: 269-270].

Устав определял основные моменты в работе Академии. Главная задача, которую поставило государство – нормирование французского языка, общего и понятного для всех, который в равной мере использовался бы в литературной практике и в разговорной речи (статья XXIV) [Викулова 2015: 72] :

** La principale fonction de l'Académie sera de travailler avec tout le soin et toute la diligence possibles à donner des règles certaines à notre langue et à la rendre pure, éloquente et capable de traiter les arts et les sciences* [там же].

Такая задача отвечала глубинной потребности французского общества: чтобы нация осознавала себя как единое целое в рамках единого государства, язык должен был стать цементирующим основанием этого единства.

Отметим, что главной статьей, определившей пути становления Академии являлась статья XXVI :

** Il sera composé un dictionnaire, une grammaire, une rhétorique et une poétique sur les observations de l'Académie*[там же].

Неслучайно постоянный секретарь Академии, Морис Дрюон, в примечаниях к тексту Устава пишет в 1995 г., что статья XXIV является ключевой, поскольку определяет смысл существования (*la raison d'être*) Академии, обосновывает уровень ее власти: *Article essentiel qui formule la raison d'être de l'Académie, lui prescrit sa mission et fonde son autorité* [там же].

Относительно статьи XXVI писатель уточняет, что только Словарь (*Dictionnaire de l'Académie française*) в результате кропотливой работы, стал реальным ответом на запрос власти. Словарь был написан спустя 59 лет после основания Французской Академии (1694 г.). Отмечается, что значительную роль в унификации французского языка как средства общения играют такие прескриптивные труды, как словари, отражающие реальность своего времени [Викулова 2016: 269].

Грамматика, появившаяся лишь в 1932 г., как отмечает М. Дрюон, не имела успеха у научной общественности [там же]. Однако, как подчеркивает Е.Н. Михайлова, французские грамматики «с одной

стороны, дают панораму перехода от латинской к французской грамматической терминосистеме. С другой стороны, эти сочинения представляют собой интерес с точки зрения соотношения в них аксиологической и объективной нормы (т.е. декларируемых в них норм и норм, реально существующих) [Михайлова 2016: 231].

В статье XLV указывается, что рассмотрению в Академии подлежат только произведения ее членов, хотя если Академия будет вынуждена по каким-либо причинам рассмотреть другие работы, то тогда Академия лишь выскажет свое мнение, без всякого осуждения или одобрения:

**L'Académie ne jugera que des ouvrages de ceux dont elle est composée ; et si elle se trouve obligée par quelque considération importante d'en examiner d'autres, elle donnera seulement ses avis sans en faire aucune censure et sans en donner aussi l'approbation* [там же].

В заключение можно сказать, что *Патентное письмо* и *Устав Французской Академии* являются регламентирующими документами, которые определяют работу Французской Академии как нового социального института. Отметим, что данные документы носят проспективный характер, так как в данных документах утверждена структура учреждения, закладываются основы нормирования и деятельности Французской Академии.

Литература

- Безменова Н.А. Очерки по теории и истории риторики. – М.: Наука, 1991.
- Викулова Л.Г. Внешняя легитимация науки во Франции XVII века // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия «Современные лингвистические и методико-дидактические исследования». – 2015. – № 2 (26). – С. 106–117. – Режим доступа: <http://elibrary.ru/download/50270059.htm>, свободный.
- Викулова Л.Г. Легитимация научного филологического знания (XVII век, Франция) // Человек. Язык. Время : материалы XVII конф. Школы-семинара им. Л.М. Скрепиной с междунар. участием (М., 16–18 сент. 2015 г.) / [редкол. : Л.Г. Викулова (отв. ред.), А.В. Щепилова, С.В. Михайлова, И.В. Макарова]. – М.: МГПУ: Яз.народов мира: ТЕЗАУРУС, 2014. – С. 68–75.
- Викулова Л.Г. Французский литератор XVII века: энциклопедическая доминанция, лингвистическая компетенция, коммуникативное лидерство // Древняя и новая Романия. – 2016. – Вып. 17. – С. 266–277.
- Михайлова Е.Н. Ренессансные описания французского языка как особого рода узуальный контекст // Романское культурное и языковое наследие: история и современность: Материалы междунар. науч. конф. / отв. ред. И.В. Скуратов. – М.: МГОУ, 2016. – С. 227–232.
- Михнова М.Н. Французская Академия и понятие норма французского языка в XVII веке // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2015. – № 1 (64). – С. 169–176.
- Скрепина Л.М., Становая Л.А. История французского языка : учеб. для бакалавров. – 3-е изд. – М.: Юрайт, 2013.
- Académie Française. Statuts et Règlements. – Paris, 1995. – 50 p. – URL: http://www.academie-francaise.fr/sites/academie-francaise.fr/files/statuts_af_0.pdf, свободный (дата обращения – 18.02.17).

КРУГОВЕЦ В.С.
ЧУВСТВА И ЭМОЦИИ В ЛИРИЧЕСКИХ ТРАГЕДИЯХ Ф. КИНО И
Ж.Б. ЛЮЛЛИ

Abstract: The article is devoted to the analysis of feeling and emotion expression in the texts of French operas by Lully and Quinault. Talking about their feelings and emotions the characters not only express their feelings, but also reflect on how people should treat emotions and even give us formulas of happiness and peace of mind.

Key words: nouns of emotion, emotion metaphor, French opera.

Вопреки общеизвестному мнению, что «текст оперы не может дать точную картину психологических состояний героев, ибо внутренний смысл слов музыки далеко не всегда совпадает с прямым смыслом музыки, зачастую выходит за его пределы, а иногда прямо противоречит тексту» [Акулов 1978:22], мы все же обратимся к тексту лирических трагедий, так как именно в этом жанре французской оперы текст играл наиважнейшую роль. Это было связано с тем, что музыкальная трагедия в первую очередь опиралась на традиции классицистского драматического театра, в частности на П. Корнеля и Ж. Расина.

Становление и развитие музыкальной или лирической трагедии связано с творчеством Жана-Батиста Люлли [Викулова, Шевченко 2016] и его постоянного либреттиста Филиппа Кино. Именно их сотрудничество оказалось наиболее плодотворным в оперном жанре в XVII веке. Сам Ф. Кино, по словам современников, хотя не писал столь возвышенным языком, как Расин, обладал, однако, тонким слухом, умело выбирал только мелодичные слова; также мог варьировать с различными оттенками чувств, которые необходимо было передать в этом жанре, легко рифмовал и изменял в случае необходимости текст и, что самое важное, обладал редкой покорностью, которая была необходима при сотрудничестве с таким музыкантом, как Ж.-Б. Люлли [Chapelet 1824: XXV]. Перекладывая на свой манер античные трагедии, Кино писал свои либретто в соответствии с моральными и этикетными нормами своего времени. Опера должна была читаться как политический документ, где, как и при дворе, переплетались личные и государственные интересы [Vendrix 2004]. Соответственно интрига оперы, предназначавшаяся, как правило, для прослушивания при дворе, требовала политического прочтения. Каждая постановка оперы представляла посредством музыки и текста некую модель идеального общества, которая была разрушена и восстановление порядка которой происходило через вмешательство риторической власти. Властители мира, изображаемого в операх, хотя и обладали особым нравом, были готовы ответить на просьбы людей и соответственно восстановить порядок, либо исполнить их другие пожелания. Так, в операх подтверждалось великодушие и добрая воля тех,

кто решает в этом мире. Несомненно, такое переложение античных трагедий становилось актуальным и современным, приближая зрителя к самому представлению.

Как известно, произведениям Люлли-Кино не свойственны могучие волнения страстей, и если они есть, то попадают редко. Считается, что им далеко от совершенства: Руссо находит возможным говорить о «*petit air de guinguette*» («мотивчик в духе деревенского кабачка») в конце монолога из второго акта «Армиды» (Цит. по [Роллан 1935]). Зато в текстах трагедий широко изображаются чувства умеренные, которые нравились его аристократической аудитории. Даже страсти очень часто представлены не как сильные чувства, а как размышления.

Рассмотрим в данной статье способы передачи чувств и эмоций с лингвистической точки зрения. Такой анализ позволяет раскрыть некоторые особенности передачи эмоций либреттистом, а также особенности функционирования существительных-эмоций во французском языке XVII века. Основное внимание в работе обращено на рассмотрение имен существительных, называющих различные чувства и эмоции, а также глаголов, употребляющиеся с данными существительными.

Уже нередко отмечалось, что возникновение чувств и эмоций в языке чаще всего представляется метафорически, при этом самой распространенной метафорой является пространственно-двигательная метафора. При анализе эмоций важным является нахождение мотивирующего образа, который может позволить описать стандартные общезыковые метафоры и предсказать различные индивидуальные метафорические употребления [Булыгина, Шмелёв 2000: 277–278]. В частности, лингвисты выделили «впечатления», «эмоциональные состояния» и «стихийные чувства». Например, к эмоциям-впечатлениям относятся такие эмоции, которые человек получает от окружающего мира: горе, огорчения (можно принести горе, но не *прийти в удовольствие). В английском языке при выборе глагола движения важным является, идет ли речь о нормальном состоянии или нет – глагол *go*, в отличие от *come* употребляется в выражениях, которые говорящий расценивает, как отклонение от нормы (*go (*come) berserk, went (*come) into a tantrum, came (*went) downtoearth*) [там же]. Поскольку наше исследование ограничивается лирическими трагедиями Люлли-Кино, то нет возможности выделить какие-то обширные обоснованные подклассы чувств или эмоций. Возможно лишь обозначить некоторые закономерности в использовании существительных, называющих эмоций, и глаголов, с которыми они употребляются.

В тексте лирических трагедий чувства и эмоциональные состояния можно разделить на отрицательные и положительные.

Среди отрицательных чувств можно назвать *chagrin* 'горе', *colère* 'гнев', *douleur* 'боль', *crainte* 'страх'. Их действие на человека передается в лирических трагедиях с помощью глаголов, обозначающих удар, разрыв, захват: *déchirer* 'разрывать', *presser* 'давить', *saisir* 'схватить': *Pour soulager mon cœur du chagrin qui le presse* (Cadmus&Hermion); *De chagrin, & de colere, / Vostre cœur est deschiré* (Persée); *La douleur me saisit, je ne puis plus rien dire* (Persée).

Нежелательная любовь также может причинить физическую боль, что проявляется через употребление тех же глаголов и глагольных выражений: *Funeste amour, fierté cruelle, / ne cesserez-vous point de deschirer mon coeur?* (Rolland); *l' amour me fait sentir ses plus funestes coups* (Atys).

Как правило, местом воздействия таких эмоций является сердце человека. В редких случаях центром чувств становится душа человека: *En vous perdant, hélas, que mon âme est atteinte / De douleur, de trouble et de crainte!* (Prosperine).

Являясь центром действия эмоций и чувств, сердце через метонимический перенос используется для обозначения людей: *Helas! Les cœurs sensibles / Sont mille fois plus malheureux!* (Persée); *Nous vous demandons grace, / Pardonnez à des Cœurs soumis* (Persée).

С другой стороны, существительные, называющие отрицательные эмоции (*colère, chagrin, tristesse*) часто употребляются с глаголами: *calmer* 'успокоить', *apaiser* 'утихомирить', *épuiser* 'истощить', *fléchir* 'смягчить', *chasser* 'прогнать', *arrêter* 'остановить' для передачи исчезновения или возможности исчезновения данного чувства или эмоции: *Mais j'espere fléchir son courroux rigoureux* (Persée); *que notre sort barbare / Avoit épuisé son courroux* (Cadmus&Hermion); *Les chagrins ont eu leur temps, / Pour jamais le ciel les chasse* (Cadmus&Hermion); *il est temps que les jeux chassent vostre tristesse* (Prologue, Rolland); *Peut arrester la foudre* (Persée).

Подобное употребление отражает возможную управляемость эмоциями. Это связано с тем, что очень часто гнев и ярость свойственны властвующим миром, однако эти чувства могут быть утихомирены при определенном поведении человека.

Уже отмечалось, что при описании чувств и эмоций используются пространственно-двигательные метафоры. Так, в лирических трагедиях чувства представлены через сочетание существительного *transport* 'порыв' и прилагательного, называющее чувство: *Joignons nos transports furieux* (Cadmus&Hermion); *Ne le sauveroit pas de mon transport jaloux* (Persée); *Pour la nymphe que j'aime / Je crains ses transports furieux* (Isis).

Такое употребление выявляет некоторую мимолетность чувств и эмоций, которые недолговечны и могут пройти.

Возникновение отдельных отрицательных наиболее сильных эмоциональных чувств передается через употребление глагола *livrer* и

глагольного сочетания *rendre immobile*. Такими эмоциями являются *frayeur* 'страх', *désespoir* 'отчаяние', *amour* 'любовь': *La frayeur me rend immobile*; /*Je ne sçauois plus faire un pas* (Cadmus&Hermion); *le secret desespoiroù mon malheur me livre* (Atys); *Par une espérance trompeuse, / Alloit-il me livrer au pouvoir de l'Amour?* (Persée).

Существительные, называющие такие положительные эмоции чувства, как *bonheur* 'счастье', *douceur* 'удовольствие, приятность', *paix* 'мир', *espérance* 'надежда', употребляются с глаголами: *goûter, jouir*: *Jouïssons du bonheur d'une vie innocente / C'est le bien le plus grand de tous* (Persée); *gouste en paix chaque jour une douceur nouvelle* (Atys); *Il jouït d'un destin paisible*(Atys); *goutons* <...> *Les douceurs d'une paix charmante* (Proserpine); *Je goûtois une paix heureuse*(Persée).

Эти чувства связаны со счастьем и благополучием человека, поэтому человек стремится испытывать их постоянно. Отсюда, если эти чувства исчезли, их возвращение передается через глаголы с префиксом *re-*, который указывает на повторность действия или возвращение: *Hastez-vous de me rendre / De mon premier repos la charmante douceur* (Persée); *Doux plaisirs, reprenez vos charmes / Jeux innocents, venez vous rassembler* (Rolland); *L'espoir dans nos coeurs doit renaître* (Persée); *venez restablir dans mon ame / les douceurs d'une heureuse paix* (Atys); *Je sens revenir mon courage* (Cadmus&Hermion).

В отличие от отрицательных чувств, положительные чувства нельзя прогнать, но их можно «украсть», «забрать» или «потерять»: *vous m'avez osté tout espoir* (Proserpine); *je la perds, je perds tout espoir* (Proserpine); *Si je perds la douceur d'être l'amour du monde* (Persée).

Не все чувства, однако, имеют однозначную положительную или отрицательную окраску. Наиболее противоречивым чувством является *amour* 'любовь'. Она представляется в лирических операх как чувство, которое обладает безграничной властью над человеком и против которого он ничего не может сделать, поэтому человек нередко воспринимает его как нечто отрицательное. В языке это выражается через употребление таких глаголов, как *régner* 'царствовать', *menacer* 'угрожать' или глагольных сочетаний *faire les maux* 'причинять боль', *faire mal* 'доставлять горе': *l'amour regne en ces lieux, évitez ses appas, / heureux qui peut fuir son empire!* (Rolland); *C'est l'amour qui nous menace ; / que de cœurs sont en danger!* (Rolland); *Les maux que l'amour vous a faits* (Rolland); *quel mal vous fait l'amour? Vostre chagrin / m'estonne* (Atys).

Соответственно человек пытается бороться, хотя и тщетно, с любовью: *Pour vaincre mon amour, je mets tout en usage* (Atys); *tost ou tard l'amour est vainqueur, / en vain les plus fiers s'en deffendent*(Atys).

Распространенной метафорой для любви является пламя, поэтому для передачи этого чувства используются существительные *ardeur* 'жар', *flame* 'пламя', *feu* 'огонь', глагол *brûler* 'жечь'. *ah! Quel*

tourment d'aimer ! /Que le feu d'amour est à craindre ! (Rolland); il sent l'ardeur qu'un tendre amour inspire (Proserpine); L'amour nous appelle, / que sa flame est belle ! (Rolland); deux amants qui brûloient d'un ardeur mutuelle (Rolland).

В данных примерах любовь уже всегда не является отрицательным чувством, так как пламя любви само по себе прекрасно.

Неоднозначным чувством является *dépit* 'досада'. Несомненно, оно как правило, неприятно человеку и он может «задохнуться» от него: *Si je n'avois rien dit, / J'aurois étouffé de dépit (Cadmus&Hermion).*

Но иногда досада может избавить от отчаяния: *Le dépit m'en doit délivrer (Cadmus&Hermion).*

Также обманывающей бывает «надежда», которая может как возродить человека, так и его погубить. Ср.: *Pour un amant / Tout est charmant. / L'espoir nourrit ses feux; sa chaîne est belle (Persée); ô doux espoir dont j'étois enchanté, / dans quel abisme affreux m'as-tu précipité ! (Roland).*

Ощущение чувств и эмоций связано с разумом. Именно разум необходим для осознания несчастья: *Acheve ta vengeance, Atys, connoy ton crime, et repren ta raison pour sentir ton malheur (Atys).*

Разум призывают в ситуации неразделенной или несчастной любви: *Pour vaincre mon amour, je mets tout en usage, / j'appelle ma raison, j'anime mon courage (Atys).*

Некоторые чувства могут обмануть человека, поэтому он должен всегда быть бдительным: *Non, non, il n'est plus temps qu'un vain espoir m'abuse (Persée).*

Нередко в произведениях Кино встречаются 'формулы', указывающие, как человеку следует жить, чтобы быть счастливым. Так, счастье равно добродетели, верной любви или просто любви: *Le Bonheur ne peut estre Où la Vertu n'est pas (Persée); Les plus beaux jours de la vie / Sont perdus sans les Amours (Cadmus&Hermion); Quel bien est plus doux / qu'un amour fidelle? (Rolland).*

Любовь не имеет силы без надежды: *A quoi sert un amour qui n'a point d'espérance (Cadmus&Hermion).*

Гнев «обезоруживается» жалостью и смягчается мольбами: *Je sens que la pitié désarme ma colere (Persée). Mars: Que d'inutiles voeux apaisent ma colère (Cadmus&Hermion).*

Досада призвана спасти от отчаяния из-за любви: *Appelez le dépit; que votre amour lui cède / Sortez par son secours, d'un tourment si fatal (Persée); Votre vertu m'inspire un dépit genereux / je rendray ce que j'aime heureux (Thésee).*

Вместе с тем очень часто дальнейший сюжет оперы противоречит такой формулировке, а любовь и ненависть берут вверх над досадой: *Hélas! Mon coeur soupire, et ce soupir trop tendre / Va, malgré mon dépit, rappeler ma langueur! (Persée).*

Гордость вызывает гнев богов и наказуем ими: *Les Dieux punissent la fierté (Persée); Et si Junon, que vostre orgueil offense, / N'arreste sa vengeance (Persée).*

Таким образом, анализ средств выражений возникновения и исчезновения чувств и эмоций позволяет нам выявить некоторую систему представлений о чувствах и эмоциях самого автора, что отражается в языке через регулярный выбор тех или иных глаголов с существительными, называющими эмоции и чувства. Отрицательные эмоции часто представляются временными и их можно устранить через жалость, мольбы и просьбы. Положительные эмоции, наоборот, если исчезают, должны возвратиться к человеку. Рациональность в представлении эмоции проявляется в необходимости осознания человеком эмоций и чувств, которые он испытывает. Через представления чувств и эмоций в лирических трагедиях даются 'формулы', которые указывают, от чего зависит счастливое или несчастливое существование человека или просто его душевное состояние. Так, счастье невозможно без добродетели или без любви. Несомненно, для полноты раскрытия данной темы следует также обратиться к сюжету и самим персонажам в каждой отдельной лирической трагедии, и к музыке, которая может выявить более тонкие нюансы выражения представленных чувств и эмоций.

Литература

- Акулов Е.А. Оперная музыка и сценическое действие. – М.: ВТО, 1978.
- Бульгина Т.В., Шмелёв А.Д. Перемещение в пространстве как метафора эмоций // Логический анализ языка : языки пространств / отв. ред.: Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. – М. : Яз.рус. культуры, 2000. – С. 277–288.
- Викулова Л.Г., Шевченко Н.Л. К вопросу о музыкальной репутации Ж.Б. Люлли и зрительской рецепции в жанре рецензии на музыкальный диск // Научный Вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Сер. «Современные лингвистические и методико-дидактические исследования». – 2016. – № 3 (31). – С. 32–40.
- Роллан Р. Музыканты прошлых дней. Музыканты наших дней. – М.: Гослитиздат, 1935. – Режим доступа: http://az.lib.ru/r/rollan_r/text_1908_muzykanty_proshlyh_dney.shtml.
- Chapelet G.A. Notice sur la vie et les ouvrages de Quinault // Œuvres choisies de Quinault. – Т. 1. – Paris Crapelet, 1824. – P. I–XXXIV.
- Vendrix P. Musique et pouvoir au 17e siècle. – Manuel. – 2004. – URL: <https://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-00275483/document>.

КУЗНЕЦОВА Т.Я.

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА: ТЕОРИИ ВЗАИМОСВЯЗИ ЯЗЫКА И СОЗНАНИЯ

Abstract: The article deals with the relationship between language and thinking. Psychosystematics is compared with Cognitive Linguistics.

Keywords: mental processes, mental mechanisms, language production, conceptualization, categorization, meanings.

Л.М. Скредина в 1992 году писала о том, что психосистематике принадлежит будущее, поскольку она занимает верхние ступеньки экспликативного языкознания. В то время, когда весь XX век был отмечен

именем Ф. де Соссюра, Гюстав Гийом поднял проблемы, далекие от системно-структурной организации языка: Универсум / Человек, Человек / Человек, Всеобщее / Единичное, Пространство / Время. Первая работа Гийома «Le problème de l'article et sa solution dans la langue française», опубликованная в 1919 году, уже содержала основные положения его теории. Как можно видеть, они определяют основные направления актуальных нынче когнитивных исследований языка.

Основное положение когнитивной лингвистики: «Язык – средство доступа ко всем ментальным процессам, происходящим в голове человека и определяющим его собственное бытие и функционирование в обществе» [Кубрякова 2004: 9]. Это положение отражает, на первый взгляд, идею, которая заложена в высказывании Гийома: «Язык сохраняет следы тех изменений, которые в нем происходили в периоды его эволюции» [Гийом 2004: 54]. Обе теории носят ментальный характер. Однако если объектом изучения когнитивной лингвистики является связь и взаимодействие языка и сознания, то психосистематика исследует мыслительные механизмы порождения речи в процессе рече-языковой деятельности.

В понимании Г. Гийома языковая (или речевая) деятельность есть не сумма язык+речь, а динамическое объединение и совместное существование языка и речи, находящихся в постоянном взаимодействии условий рече-языковой деятельности [Скрелина 2009: 21]. Рече-языковая деятельность объединяет в себе предшествующий факт языка и последующий факт речи (говорения, дискурса). Речь порождается в момент говорения и длится лишь в течение этого момента. Язык конструировался задолго до кратковременного акта речи. Единицей языка Гийом называет слово, единицей речи – предложение. Он рассматривает два вида операций построения языка: один как построение предшествующее, относящееся к конструирующим операциям языка, второй – как построение последующее, относящееся к конструирующим построениям речи, показывая, какими ментальными операциями конституируется в мозгу языковая единица, слово как часть речи, каким образом оно становится готовым выполнить функции определенного члена предложения и войти в речь (дискурс) со всей семиологией. Речь, доступная непосредственному пониманию, хранит в себе следы глоттогенеза, и по этим следам мы можем воспроизвести сам глоттогенез, процесс создания человеческого языка.

Выдвинут материальный субстрат перехода языка в речь – оперативное время. В течение оперативного времени, чрезвычайно малого, неуловимого для сознания, разворачиваются ментальные (психические) операции рождения языковой единицы, слова как части речи, происходит актуализация форм слов, составляющих речь. В течение оперативного времени повторяются операции, отработанные

за время формирования языка и сохраняемые в памяти. Очень хорошо смысл актуализации передал Лафон: «Актуализация состоит в кодировании мысли с помощью лексем, морфем, коннексии, служебных слов; она развертывается в течение определенного времени, которое называется оперативным, поскольку в его рамках заключены операции, обеспечивающие рождение слова [Lafont 1976: 46].

Слово как часть речи создается движением созидательной мысли, которая описывается с помощью понятия *тензор*, выражающего объем, экстенсию, направленную либо к партикуляризации, либо к универсализации. Движение мысли сочетается с ее самоперехватами, или остановками. Указанные операции и остановки приводили в процессе глоттогенеза к формированию языковых элементов. Первая остановка – это граница между идеогенезом и морфогенезом. Следующие остановки означают формирование грамматических значений, распределяемых между областями имени и глагола. Заключительный перехват означает различение Времени и Пространства. Для порождаемого имени остановки в движении мысли означают появление грамматических значений рода, числа и падежа, для порождаемого глагола – лица, наклонения и времени. Если первый перехват фиксирует частное понятие как основу слова, то следующие перехваты в ходе морфогенеза приводят к категоризации образованного слова [Скрелина 2009: 165]. Итак, в основе психосистематики лежит понятие *кинетизма*, созидательного движения мысли, в котором самоперехваты образуют остановки, отмечающие этапы конструирования языковых единиц.

Л.М. Скрелина вносит дополнительную характеристику языка как памяти: «Содержание языка – это хранилище слов в кинетизме их структуры и сочетательных возможностей, а вместе с тем и как хранилище моделей построения предложений, в которых они будут реализованы [Скрелина 2009: 49]. Предмет интереса для психосистематики представляется в аспекте действия в оперативном времени механизма инцидентии, ментальной операции, соотносящей то или иное значение с опорой (предметом мысли и речи). От характера инцидентии и плана представления Пространства или Времени зависит порождение слова как части речи.

Материя у Гийома – это понятие, которое есть результат вычленения из существующего множества в идеогенезе, представляющего движение мысли от общего к частному. Форма – это результат включения слова в ту или иную часть речи в морфогенезе, процессе движения мысли от частного к общему. В морфогенезе происходит формирование категорий имени и глагола.

Когнитивная лингвистика ориентирована на поиски корреляций между когнитивными и языковыми структурами [Кубрякова 2004]. Эти исследования проводятся в двух направлениях, которые

представляются идентичными задачам психосистематики: это направления концептуализации и категоризации. Концепт – это оперативная содержательная единица мышления, единица, или квант структурированного сознания [Кубрякова и др. 1996: 93]. Средства репрезентации концептов в языке составляют один из основных предметов исследования когнитивной лингвистики. Под грамматической категорией понимается объединение слов в различные категории по лексико-грамматическим и грамматическим значениям [Болдырев 2002: 95]. Так же, как морфогенез по отношению к идеогенезу, категоризация вторична по отношению к концептуализации: «В основе формирования языковых категорий лежат те или иные концепты» [Кубрякова 1991: 85]. Однако, по утверждению самих исследователей, когнитивная лингвистика призвана решать более сложные проблемы, чем ментальные репрезентации самого языка [Болдырев 2002: 14].

И здесь встает вопрос рече-языковой деятельности. В когнитивной лингвистике проблема языковых значений рассматривается как социально-закрепленные смыслы, которые хранятся в коллективном сознании говорящих и передают лишь часть наших знаний о мире. Так характеризуется уровень языка. Основная доля знаний хранится в нашем сознании в виде различных мыслительных структур, в содержание которых могут включаться новые, исходно индивидуальные характеристики. Они, в свою очередь, будут требовать новых форм вербализации. Так представляется уровень речи [Болдырев 2002: 41].

Таким образом, связь языка с сознанием может быть названа взаимодействием лишь с точки зрения когнитивной лингвистики. Выделение и материализация единиц знания, структурирование мира и знаний о мире, выполняемые преимущественно языком, формирование языковой картины мира происходят в соответствии с коллективными и индивидуальными когнитивными схемами и моделями [Болдырев 2015: 36]. Психосистематика рассматривает рече-языковую деятельность не как процесс, свидетельствующий об отношении языка и сознания или языка и мышления, а как действие (и его результат) определенных и готовых механизмов, которыми располагает мышление для перехвата самого себя [Гийом 2004: 54].

Литература

- Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. – Тамбов: ТГУ им.Г.Р. Державина, 2002.
Болдырев Н.Н. Роль языка в структурировании сознания // Когнитивные исследования языка. Вып. XXII. – М. – Тамбов – СПб. – 2015. – С. 34 – 39.
Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. – 2-е изд. – М.: Изд-во Едиториал, 2004.
Кубрякова Е.С. Обеспечение речевой деятельности и проблемы внутреннего лексикона // Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи. – М.: Наука, 1991. – С.82-140

Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: Изд-во МГУ, 1996.

Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М.: Языки славянской культуры, 2004.

Скрелина Л.М. Школа Гийома: психосистематика. – М.: Высш. школа, 2009.

Lafont R., Gardès-Madray F. Introduction à l'analyse textuelle. – Paris : Larousse, 1976.

КУЛАГИНА О.А.

**ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ДИССОНАНСА
В РОМАНЕ Ф. ЛАРУИ «ГОД СРЕДИ ФРАНЦУЗОВ»**

Abstract: This paper deals with linguistic representation of ethnocultural dissonance in the modern Francophone literature. A novel by French-speaking Moroccan writer Fouad Laroui "A Year among the French" is taken under analysis to examine the representation of Franco-Moroccan contacts.

Key words: Francophone literature, ethnocultural dissonance, linguistic representation, France, Morocco, Fouad Laroui.

Франкоязычная литература стран Магриба всегда отличалась вниманием к теме идентичности и инаковости, в силу ряда причин политического и социокультурного характера [Клейменова 2008; Ahnouch 2014: 16]. В данной статье мы постараемся показать, каким образом эта тема раскрывается в современной франкоязычной литературе на материале романа марокканского писателя Фуада Ларуи «Год среди французов» («Une année chez les Français», 2010).

Прежде всего подчеркнем, что персонажи романа (как марокканцы, так и французы) практически постоянно испытывают более или менее выраженный этнокультурный диссонанс, т.е. коммуникативный дискомфорт, вызванный различиями в ценностях, вероисповедании, принятых в той или иной этнической среде языковых стратегиях и т.д. [Кулагина 2012: 20; Викулова, Кулагина 2013: 35-40]. В романе, действие которого происходит в 1969 г., уже после провозглашения независимости Марокко, этнокультурный диссонанс вызван, в первую очередь, этническими авто- и гетеростереотипами, бытующими в родной среде героев. Так, французы, по мнению консьержа лица в Касабланке, пытающегося идентифицировать нового ученика, выглядят следующим образом:

Tous les Français étaient blonds, savait Miloud, après mille preuves du contraire, qui passaient tous les jours, frottant, marchant, courant devant sa loge [Laroui 2010: 11].

Выделение автором глагола *savoir*, обозначающего полную уверенность говорящего в правдивости своих убеждений [Le Trésor de la Langue Française informatisé: atilf.atilf.fr/tlf.htm], а также употребление

обобщающего прилагательного *tous* демонстрируют стереотипное видение марокканцем иной культуры, которое на деле не соответствует реальности, подтверждением чему служит гипербола *mille preuves du contraire*. Продолжая свои попытки определить национальную принадлежность оказавшегося перед ним мальчика, консьерж-марокканец приходит к следующему выводу:

Et puis, cette valise usée, avec sa ridicule poignée blanche... Ce n'était pas le bagage d'un nasrani, ça! Tous les Français sont riches, c'est bien connu. Non, celui-là ne pouvait être qu'un enfant du pays [Laroui 2010: 11].

В приведенном примере наблюдается действие одновременно гетеростереотипа о европейской культуре и автостереотипа о родной, марокканской. В первом случае эффект стереотипизации обеспечивается за счет обобщающего прилагательного *tous* (как и в предыдущем примере) и арабской лексики *nasrani*, обозначающей любого последователя христианской веры (что создает двойное обобщение, так как речь идет уже не только о французах, но обо всех представителях западной культуры), во втором – посредством гиперболизации *celui-là ne pouvait être qu'un enfant du pays*. Два стереотипа находятся в антитетических отношениях (все французы – богаты, все марокканцы – бедны), с самого начала романа противопоставляя две разных культуры.

В то же время, персонажи-французы также демонстрируют стереотипное восприятие жителей страны, на чьей территории они находятся. В качестве примера приведем реплику одного из надзирателей лица:

Peut-être ne portent-ils pas de pyjama, les gens, du côté de Béni-Mellal? Savent pas ce que c'est... Dorment enroulés de peaux de mouton... [Laroui 2010: 23].

Эллиптические конструкции в высказывании персонажа создают эффект спонтанности, словно говорящий озвучивает первые же мысли, которые приходят ему в голову, что позволяет сделать вывод об устойчивости бытующего среди французов того времени стереотипа о бедности марокканцев и неустроенности их быта.

Французский лицей оказывается для главного героя, марокканского подростка по имени Мехди, совершенно незнакомым, чужим миром, несмотря на нахождение этого лицея в Марокко. Осознание, что он оказался на чужой территории, приходит к Мехди постепенно, что подтверждается следующими примерами:

1) *Il était maintenant chez les Français, entouré de leurs immeubles, de leurs bacs à sable, de leurs arbres* [Laroui 2010: 34].

2) *Il respire l'odeur caractéristique des Français, la même que celle qui règne dans le dortoir ou dans le bureau de M. Lombard. C'est un mélange de senteurs d'encaustique et de cire, mêlées de lavande, loin des relents d'épices des maisons des Marocains.*

Il n'est pas chez lui : cette fois, c'est son nez qui le lui dit [Laroui 2010: 179].

В первом примере обращает на себя внимание повтор и выделение притяжательного прилагательного *leurs*, передающего ощущение инаковости нового окружения, испытываемое героем. Во втором примере отметим антитезу *senteurs – relents*, которая позволяет предположить, ольфакторные впечатления героя об иной культуре скорее положительны, однако иная культура по-прежнему выглядит для него чуждой, что передается посредством обстоятельства времени *cette fois*, а также выделительного оборота и персонификации *c'est son nez qui le lui dit*.

Попытки французов инкультурировать Мехди, т.е. обучить его традициям и нормам поведения внутри их культурной среды, оказываются малорезультативными. В качестве подтверждения этой мысли приведем описание реакции Мехди, впервые попробовавшего горчицу и вдохнувшего запах вина:

Ce breuvage à l'odeur infecte, cette espèce de pâte jaune à l'âcre saveur – c'était ça, le secret de l'existence? [Laroui 2010: 120].

В приведенном примере эпитеты с отрицательной окраской *l'odeur infecte* и *l'âcre saveur* демонстрируют критическое отношение марокканца к реалиям иной культуры. Риторический вопрос *c'était ça, le secret de l'existence?* усиливает эффект скептического восприятия чужого культурного пространства.

Наряду с этим, мир марокканской культуры также предстает малопонятным для французов, причем его сложность и труднодоступность для европейцев изображена в романе в виде автостереотипа:

*Il [Mehdi] eut l'impression que c'était un autre monde, un monde de vacarme où tout menaçait à chaque instant de se disloquer, très loin des phrases bien faites, de la **Petite musique de nuit** et de l'odeur d'encaustique. Mme Berger ne comprendrait pas* [Laroui 2010: 255].

Антитеза *un monde de vacarme où tout menaçait à chaque instant de se disloquer – des phrases bien faites, de la **Petite musique de nuit** et de l'odeur d'encaustique*, как и в одном из приведенных выше примеров, может создавать впечатление, что герой ценит французскую культуру выше, нежели свою родную, поскольку перечисление *des phrases bien faites, de la **Petite musique de nuit** et de l'odeur d'encaustique* несет выраженную мелиоративную коннотацию, включая в себя элементы, традиционно характеризующие интеллектуальный образ жизни и обустроенный быт. Однако фраза *Mme Berger ne comprendrait pas*, завершающая главу, указывает на обманчивость подобного впечатления: несмотря на то, что объективно марокканский быт проигрывает европейскому. Для героя это родная среда, которую никогда не понять иностранцам, – что еще

больше усиливает этнокультурный диссонанс и отдаляет героя от окружающих его французов.

Что касается восприятия французами марокканцев, в частности, главного героя, то оно отличается некоторой снисходительностью. Квинтэссенцией выражения этого доброжелательно-снисходительного отношения представляется следующая реплика, произнесенная матерью одного из одноклассников Мехди:

Il n'y a aucune honte à être marocain. C'est même très bien [Laroui 2010: 228].

В приведенном примере обращают на себя априори негативно окрашенная лексема *honte*, хотя и сопровождаемая отрицанием, и усилительное наречие *même*, сочетание которых создает эффект отрицания отрицания. Таким образом, рядовые французы, живущие в Марокко, относятся к его жителям как к неким низшим существам, однако стараются замаскировать это отношение за внешне корректным поведением.

Результатом межкультурного взаимодействия марокканца и французов в течение учебного года становится отказ Мехди от попыток интегрироваться во французскую культурную среду:

Il voulait revenir dans ce monde où on lui offrait des lits grands comme des paquebots (c'était autre chose que le petit bateau où on lui avait fait boire du Viandox et manger des cochonneries !); ce monde où on l'acceptait tout naturellement; où l'on ne se moquait pas des souliers de son père; où il pouvait changer le cours des choses de façon miraculeuse – mettre en déroute une meute de douaniers, par exemple [Laroui 2010: 273].

Метафорическая антитеза *des lits grands comme des paquebots – le petit bateau* показывает особенности детского восприятия деталей повседневной жизни в различных культурах, где сравнение делается в пользу своей собственной культуры. Употребление пейоративной лексики *cochonneries* в отношении европейской еды демонстрирует интенсивность этнокультурного диссонанса, испытываемого героем при контактах с инаковостью, которая оказывается для него в большей степени чуждостью и к которой он так и не смог адаптироваться. Таким образом, этнокультурный диссонанс оказывается непреодоленным в силу чрезмерной стереотипизации взаимного видения представителей двух культур [Викулова, Серебренникова, Кулагина 2011; Диалог культур 2016].

Проведенный анализ материала позволяет сделать вывод о том, что герои романа «Год среди французов» испытывают значительный этнокультурный диссонанс при межкультурном взаимодействии. В большинстве случаев ощущение диссонанса вызвано многочисленными авто- и гетеростереотипами, существующими в обеих культурах, как во французской, так и в марокканской. Для передачи непреодоленного этнокультурного диссонанса в романе используются такие лингвистические средства, как антитезы, метафоры, повторы, употребление лексем с выраженной положительной или отрицательной коннотацией.

Литература

Викулова Л.Г., Кулагина О.А. Национальная идентичность в контексте инаковости: языковая репрезентация оппозиции «свой» – «чужие» во французской литературе XX века (на материале сборника эссе Ф. Мориака «Чёрная тетрадь») // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2013. – № 2 (12). – С. 33-40.

Викулова Л.Г., Серебренникова Е.Ф., Кулагина О.А. Семиометрия рефлексии о ценностях современного общества // Лингвистика и аксиология: этносемиометрия ценностных смыслов: колл. монография / Отв. ред. Л.Г. Викулова. – М.: ТЕЗАУРУС, 2011. – С. 196-230.

Диалог культур. Культура диалога: в поисках передовых социогуманитарных практик : материалы Первой междунар. конф. (М., 14–16 апр. 2016 г.) / [под общ. ред. Е.Г. Таревой, Л.Г. Викуловой]. – М. : МГПУ; Языки народов мира, 2016.

Клеймёнова Н.М. О взаимном влиянии французского языка метрополии и африканского варианта французского языка // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2008. – № 2. – С. 35-40.

Кулагина О.А. Языковое портретирование «чужого» как способ передачи этнокультурного диссонанса во французском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05. – М., 2012.

Ahnouch F. Littérature francophone du Maghreb. Imaginaire et représentations socioculturelles. – Paris: L'Harmattan, 2014.

Laroui F. Une année chez les Français. – Paris: Julliard, 2010.

Le Trésor de la Langue Française informatisé / sous la direction de J.-M. Pierrel. – Nancy-Université. – URL: atilf.atilf.fr/tlf.htm, свободный. – Дата обращения 20.02.2017.

КУЛЕШОВА А.В.

ИЗМЕНЕНИЯ СТРУКТУРЫ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Abstract: Today the French Literature sees a tendency to realize the minimum sentence structure partially, i.e. to omit the obligatory sentence parts. This increasing tendency is ostensibly a result of convergence between the literary and colloquial, in particular substandard languages.

Keywords: minimum sentence structure, verb transitivity/intransitivity, verb valency, literary and substandard languages.

Основной характеристикой французского предложения считается его глагольность и двучленность, т.е. преобладание структур предложения, содержащих именное подлежащее и сказуемое, выраженное полнозначным глаголом или связочным глаголом с предикативом. Глагол является центром предложения, от характера которого зависит вся структура предложения [Теньер 1988, Сластникова 1992, Дубнякова 2009; Ходькова 2011]. Характер глагола, его способность сочетаться с именными компонентами предложения составляют основу теории валентности Л. Теньера, которая, в свою очередь, тесно связана с проблемой определения минимального предложения в том или ином языке.

В зависимости от валентности глагола, т.е. от его семантико-структурной сочетаемости с именными компонентами, минимальное предложение, содержащее одновалентный глагол во французском языке, должно быть двухкомпонентным (S+V): *Pierre dort*, предложение с двухвалентным глаголом является трехкомпонентным (S+V+S1):

Alfred frappe Bernard. Если же в центре простого предложения находится трехвалентный глагол, то оно содержит обязательные четыре компонента (S+V+S1+S2): *Alfred donne le livre à Charles*. Как отмечает Л. Теньер, трехвалентными или трехактантными глаголами являются в основном глаголы *речи и давания* [Теньер 1988: 268]. В одном и том же глаголе может варьироваться число актантов, при этом глагол изменяет свой смысл и смысл всего предложения: *Marie rentre tard* (одноактантный глагол) – *Marie rentre sa voiture dans le garage* (двухактантный глагол).

Структура минимального предложения не раз была предметом дискуссии ученых. Так, в грамматике «Le petit Grevisse» находим, что минимальное предложение может содержать либо два элемента (подлежащее и непереходный глагол): *La terre tourne*, либо три: а) подлежащее, связочный глагол и атрибут (*Sa maladie est contagieuse*), б) подлежащее, переходный глагол и прямое дополнение (*Mon frère regarde la télévision*) [Grevisse 2009: 44].

В грамматике С. Пуассон-Кэнтон за минимальное принимается предложение с тремя компонентами –S+V+COD (или attribut): *Elle est belle. Elle lit un livre. Je m'adresse à vous tous. Les enfants vont à la piscine* (complément de lieu), *Je viendrai avec plaisir* (complément de manière) [Poisson-Quinton 2005: 242]. Как видно из последних двух примеров, проблема минимального предложения не решается, а лишь усложняется, особенно в последнем примере, в котором обстоятельство легко устраняется, не нарушая ни семантическую, ни структурную правильность предложения.

В большинстве проанализированных нами грамматик минимальное предложение определяется в зависимости от переходности или непереходности глагола (т.е. близко к позиции Л. Теньера, хотя и в другой терминологии, и с определенными нюансами различий между дополнениями и актантами). Так, В.Г. Гак предлагает 11 минимальных моделей французского предложения, которые могут варьироваться. Отмечается также их соотношение и разнообразие [Гак 2000: 684-688]. В центре любой из позиций стоит глагол, изменяемость его семантики и синтаксиса в зависимости от количества именных компонентов (актантов), т.е. от реализации его валентности.

В художественной литературе последних десятилетий замечаются нередкие 'нарушения' в структуре предложений с некоторыми глаголами, пропуски обязательных компонентов, составляющих минимальное предложение. Многие подобные явления не отражены в словарях. Чаще всего наблюдается пропуск прямого дополнения, хотя возможны и случаи неупотребления обязательного по типу валентности глагола *косвенного дополнения* или *обстоятельства* и даже *подлежащего*. При анализе данных явлений, безусловно,

необходимо учитывать стилистические особенности художественного произведения, употребляемые автором выразительные средства, специфику социальной принадлежности его персонажей, отражающуюся в особенностях их речи, местонахождение персонажей произведений, влияющее на выбор между нормативными и диалектными оборотами их речи, передаваемую в произведении эпоху, исторические события и т.п. Иногда изменения типа переходности глагола влекут за собой расширение обязательной минимальной структуры предложения, как в примере (1):

(1) *Qu'avaient-ils donc pensé que je faisais, dans mon berceau, pendant si longtemps, sinon mourir ma vie, mourir le temps, mourir la peur, mourir le néant, mourir la torpeur?* Mauvignier 2011: 46].

В данном примере непереходный глагол употреблен как переходный, что является ярким стилистическим приемом автора. Глагол *mourir*, употребленный как переходный, обращает внимание читателя на страдания персонажа, на выражение негативного отношения маленькой девочки к окружающим её взрослым с их пустыми, с её точки зрения, заботами и радостями. Данное употребление глагола *mourir* не зарегистрировано словарями, однако его смысл и намерения автора оправданы и вполне понятны читателю.

Любопытно в этой связи рассмотреть следующий пример, в котором глагол *agir* употреблен не только как непереходный (основное его употребление), но и как переходный в пассивной форме (редкое употребление):

(2) *Comment son neveu avait-il pu se fourvoyer à ce point? Une seule explication: il n'agissait pas, il était agi; il ne décidait pas, quelque chose en lui parlait à sa place* [Ben Jelloun 2012: 58].

Изменение переходности глагола, противопоставление двух форм одного и того же глагола несет смысловую нагрузку в данном тексте, акцентирует внимание читателя на значении игры слов. Глагол *décider* в примере (2) привлекает внимание читателя, поскольку, несмотря на многообразие его возможных сочетаний с именем (чаще всего это переходный глагол, однако он имеет свое употребление как косвенно-переходный глагол и как возвратный с некоторым изменением в значении), словари не зарегистрировали его непереходное употребление. В данном примере его значение, однако, очевидно: персонаж ничего не решал в своей жизни сам, за него решали либо другие, либо он действовал в соответствии со сложившимися обстоятельствами. У глагола *décider* появляется новое окказиональное значение с указанием на привычное действие, что акцентируется его временной формой *imparfait*.

Во французском языке пропуски обязательного по типу переходности дополнения (чаще всего прямого) связано с

возможностью его замены контекстом, а также могут придавать глаголу обобщенное значение. По аналитическому характеру строя французского языка структура предложения должна быть полной. Все обязательные компоненты глагольного ядра должны быть выражены. Однако 'правильность' структуры французского предложения лишает его выразительности (3):

(3) *Les Scorta faisaient de la contrebande. Depuis toujours. Ils avaient commencé pendant la guerre... Elle commença (à faire de la contrebande) avec les soldats anglais qui cédaient volontiers quelques cartouches contre des jambons* [Gaudé 2004:168].

Глагол *commencer*, будучи двойственным по типу переходности, употреблен здесь как непереходный, однако из контекста значение прямого дополнения легко восполняется: это глагол в инфинитиве *à faire de la contrebande*.

В следующем примере (4) переходные по своей сути глаголы употреблены как непереходные, изменяя этим свое значение в сторону обобщения, что в некотором роде становится ясным также с учетом контекста:

(4) *Sebastian respecte trop Ruiz pour le leurrer. Il ne le jugera d'ailleurs pas, même si son dieu se dérobe. Il est là pour mettre en place, seulement. Comme toujours. Alors il a mis en place et il attend* [Bourdin 2011:251].

Следует заметить, что подобное абсолютное употребление *mettre en place* и *attendre* привносит также и особый оттенок значения – особый термин в речи участников боя быков.

Приведем другие примеры из современной художественной литературы, в которых прямо-переходные глаголы употреблены без дополнения, которое легко восстанавливается посредством контекста:

(5) *Elle hochait la tête, probablement en signe de reconnaissance; il hochait de son côté* [Houellebecq 1988:15] – (il hochait la tête).

(6) *La liberté, don Salvatore. Il faut être riche pour être libre, répondit Elia, étonné que don Salvatore ne comprenne pas* [Legardinier 2011:198] – (qu'il ne la comprenne pas).

(7) *Je peux le faire. Tout le monde peut. Mais pas plus* [Gavalda 2004: 17] – (tout le monde peut le faire).

В других же пропусках прямого дополнения реализуется особое значение глагола, понятное носителям языка, но не зарегистрированное словарями:

(8) *Je vais mettre le feu à cet ordinateur. Quand on veut qu'il marche, il plante, quand on veut qu'il plante, il marche* [Legardinier 2011: 74].

Глагол *planter* в своем основном значении является переходным. Его непереходное употребление зарегистрировано в словарях как редкое с пометой *fam*. Отмечается его узкое употребление в сфере земледелия. Как нетрудно заметить, в данном примере речь идет о

компьютере. Следовательно, этот глагол расширяет сферу своего переходного употребления.

В других примерах пропусков прямого дополнения читатель испытывает некоторое затруднение и сомнение в адекватном понимании прочитанного. Представляется, что он должен выходить на широкий контекст или допускается 'свобода' толкования текста:

(9) *Les notes aiguës semblent pouvoir traverser les murs de pierre tant elles sont fines. Contre toute attente, j'ai aimé* [Legardinier 2011: 214].

(10) *Je suis très fier de ma cuisine, dit M. Dzu avec simplicité.*

Vous pouvez, dis-je sans l'ombre d'un sarcasme [Barbery 2009:265].

(11) *Elle achète un livre du biologiste Jacques Testart sur les diverses techniques de procréation assistée: si aucune ne marche, conclut-elle, on adoptera* [Carrère 1989: 169].

(12) « *Responsable de quoi?» Encore une question troublante... Je m'étais engagée. J'avais signé, j'avais promis, je devais assumer* [Gavalda 2004: 173].

(13) *Ce qui induirait encore des frottements et des gênes, des contacts, des difficultés de croisements ou de décroissements des jambes, des regards parasites et des conversations dont il n'a que faire* [Echenoz 2001: 84].

В современном французском языке глаголы *appeler* и *relever*, употребленные как переходные, приобрели особое значение. Если значение первого глагола отмечено в словаре Robert как «звонить кому-то по телефону», то распространенное в разговорной речи употребление глагола *relever* в значении «ответить, среагировать на реплику собеседника» не приводится:

(14) *De toute façon, s'ils appelaient, s'ils frappaient, elle était décidée à ne pas répondre* [Gaudé 2004: 129].

(15) *Toute l'équipe est repartie lundi. ... Luis et Emilie appellent en fin de journée* [Bourdin 2011: 234].

(16) « *Je sais pas s'il faut que tu la voies... » dit Marie-Thérèse. Il ne releva pas* [Houellebecq 1998: 90] – (il n'a pas réagi à sa réplique).

Любопытно употребление прямо-переходного глагола *gérer* без дополнения:

(17) – *Mais je suis là à vous faire perdre votre temps, dis-je. Vous avez sûrement beaucoup à faire.*

Je gère. Personne ne m'attend. Par contre, chez vous...

Personne ne m'attend non plus [Legardinier 2011: 49].

Данный глагол в своем абсолютном употреблении не зарегистрирован словарями, однако его значение *управлять, руководить кем-то, чем-то* фактически сохраняется. Объект не называется по какой-то причине, социальный уровень персонажа определяется лишь неясным, неточным образом.

Обратим внимание на особенности сочетаемости некоторых косвенно-переходных глаголов, а также непереходного, но двухвалентного глагола *aller*:

(18) ... « *Cueille le jour* » *était évidemment la bonne traduction. Cueille le jour? Tu parles. Comment veux-tu jouir des fruits du quotidien quand, avant midi, tu ne penses qu'au supplice qui t'attend et quand, après midi, tu ressasses ce que tu as vu?* [Nothomb 2000:138].

(19) *Ils ont dit que demain matin de toutes les façons ils passeraient chez lui et moi j'ai décidé que j'irai avec eux, avec Rabut aussi, on ira* [Mauvignier 2011: 94].

(20) *Alors qu'est-ce que tu fais ? Tu y vas. Moi, en tout cas, j'irais* [Carrère 1989: 182].

(21) *Le plus beau reste à venir. Triomphe, échec ou déchirure, Ruiz a rendez-vous à Séville. Et il ira* [Bourdin 2011: 72].

(22) *Tu m'as dit que tu prenais tout. Tu te souviens?* [Gaudé 2004: 134].

Если глагол *parler* имеет свое абсолютное употребление в значении *говорить, разговаривать*, то в таком употреблении в разговорной речи у него может возникать особое стилистически окрашенное значение «Ну говори-говори!», «Ну как же, я так тебе и поверил!» (пример 18). Здесь фактически речь идет о расширении значения глагола без изменения его переходности. Что же касается глагола *aller*, то он, как правило, требует своего обязательного именного или адвербиального дополнения, указывая на направление движения (прямое значение) или на способ действия (широкое значение). В приводимых примерах 19, 20, 21, как нетрудно заметить, реализуется его прямое значение направления движения. Представляется, что пропуск обстоятельства объясняется стилистической целью автора передать сниженный разговорный стиль диалога. Сходное объяснение возможно, на наш взгляд, и для глагола *se souvenir* (пример 22), требующего в нормативном языке обязательного косвенного дополнения, пропуски которого сигнализируют о сниженном стиле речи собеседников в непринужденной дружеской беседе.

Весьма любопытными, на наш взгляд, являются пропуски подлежащего в современной французской литературе. Отметим 'странные' пропуски подлежащего, которое, судя по контексту, должно выражаться существительным или личным местоимением:

(23) *Elle raccroche un peu après. Ne revient pas avec nous* [Gavalda 2004: 179].

(24) *Après quoi Ferrer, dans la salle de bains, se brossait les dents jusqu'à l'hémorragie sans jamais se regarder dans la glace, laissant cependant couler pour rien dix litres d'eau municipale froide. S'y lavait toujours dans le même ordre, immuablement, de gauche à droite et de bas en haut. S'y rasait toujours*

dans le même ordre, immuablement joue droite puis gauche, menton, lèvre inférieure puis supérieure, cou [Echenoz 2001: 14].

(25) *Vous faites preuve d'une volonté formidable et puis un matin d'hiver, vous décidez de marcher quatre kilomètres dans le froid pour racheter un paquet de cigarettes ou alors, vous aimez un homme, avec lui vous fabriquez deux enfants et un matin d'hiver, vous apprenez qu'il s'en va parce qu'il en aime une autre. Ajoute qu'il est confus, qu'il s'est trompé* [Houellebecq 1998:214].

(26) *Baumgartner pose pas mal de questions, note les réponses dans les marges de son journal puis coupe la ligne. Réfléchit. Rétablit la ligne et compose le numéro de Fletan* [Echenoz 2001: 114].

Более частыми являются пропуски подлежащего, выраженного безличным местоимением *il* или указательным местоимением *cela/ça* без антецедента в современной стилистически сниженной речи, что находит свое отражение и в литературе:

(27) *Pas brillant du tout, a insisté Feldman. Va de soi qu'il va falloir être prudent, à présent* [Echenoz 2001: 116].

(28) *Fils d'un anarchiste italien émigré aux Etats-Unis dans les années vingt, Francesco di Meola avait sans nul doute réussi sa vie, sur le plan financier s'entend* [Houellebecq 1998: 80].

Заметим, что пропуски подлежащего происходят крайне редко. Таким стилистическим приемом выразительности пользуются авторы, допускающие в своих литературных произведениях нарочитое смешение литературного и сниженного разговорного стилей речи. В их произведениях повествование, описание, прямая и косвенная речь приводятся без знаков препинания и с заметными отклонениями от грамматической нормы. Подобные смешения стилей находим у Э. Орсенна, А. Фернэ, Л. Мовинье, М. Леви, иногда у Э. Каррера и других писателей.

Следовательно, в современной художественной литературе ярко прослеживается тенденция ее сближения с разговорной повседневной речью, и все больше и больше наблюдается явление, отмеченное лингвистами уже давно – потеря некоторых обязательных компонентов предложения. Структура французского предложения становится более гибкой, более зависимой от контекста. Можно предположить, что данное явление привносит в жесткую аналитическую структуру французского предложения новую черту – выход на более высокий уровень организации речи – текст, без учета которого значение предложения становится иногда проблематичным.

Литература

Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. – М.: Добросвет, 2000.

Дубнякова О.А. Левая субъектная валентность фундаментального глагола состояния *avoir* в структуре предложения // Универсум языка и личности: Сб. по материалам науч. конф. – М.: МГПУ, 2009. – С. 51-55.

- Сластникова Т.В. Функционирование обобщающего высказывания в тексте (на материале французского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05. – М., 1992.
 Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. – М.: Прогресс, 1988.
 Ходькова А.П. К вопросу о французских аналогах русской структуры глагол + беспредложное имя в творительном падеже // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2011. – № 1(7). – С. 52-58.
 Grevisse M., Lits M. Le petit Grevisse. – Bruxelles: Groupe de Boeck, 2009.
 Poisson-Quinton S. Grammaire expliquée française. – Paris: CLE international, 2005.
 Robert P. Le petit Robert. – Paris: Le Robert, 2013.

Источники

- Barbery M. L'élégance du hérisson. – Paris: Editions Gallimard, 2009.
 Ben Jelloun T. Le bonheur conjugal. – Paris: Gallimard, 2012.
 Bourdin F. Mano a mano. – Paris: Belfond, 2011.
 Carrère E. Hors d'atteinte? – Paris: P.O.L., 1988.
 Echenoz J. Je m'en vais. – Paris: Minuit, 2001.
 13. Gaudé L. Le soleil des Scorta. – Arles: Actes Sud, 2004.
 Gavalda A. Ensemble, c'est tout. – Paris: Le diletteante, 2004.
 Houellebecq M. Les particules élémentaires. – Paris: Flammarion, 1998.
 Legardinier G. Demain j'arrête. – Paris: Fleuve noir, 2011.
 Mauvignier L. Des hommes. – Paris: Minuit, 2011.
 Nothomb A. Métaphysique des tubes. – Paris: Albin Michel, 2000.

ЛУКИНА А.Е.

ДИАТОПИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ

(НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКИХ РУКОПИСЕЙ XII-XIV ВВ.)

Abstract: The article examines different theories focused on studying and clarifying the cases of variability of verbal forms in the history of the French language. We introduce a new dia-systemic approach to studying the phenomenon of variability of verbal forms. It proposes an analysis of the dia-topic type of variability of verbal forms in the French manuscripts of the XII-XIV centuries.

Key-words: verbal form; variability; dia-system; dia-topic type of variability.

Явление языковой вариативности достаточно широко изучено как в работах по общему языкознанию (А.А. Дербилов, В.М. Солнцев), так и в исследованиях, выполненных на материале различных языков: русский язык (Л.К. Граудина, К.С. Горбачевич, Н.Ф. Молчанова, Р.П. Рогожникова), германские языки (А.И. Домашнев, Л.Б. Копчук, Н.Н. Семенюк, В.Н. Ярцева), романские языки (Г.В. Степанов, А.В. Широкова). Тем не менее, интерес к изучению данного свойства языка с течением времени продолжал расти, что вызвано различными причинами: и отсутствием единой терминологии в отношении данного понятия (*вариативность, вариантность, варьирование*), и различными подходами к изучению вариативности языковых форм среди ученых, и разной степенью изученности понятия варианта языковых форм на тех или иных уровнях языковой системы (большое количество исследований по

морфологической вариативности наряду с немногочисленными работами по изучению вариативности на фонетическом или лексическом уровне), наконец, малоизученностью причин языковой вариативности, представленной на всех уровнях системы языка.

На наш взгляд, обращение к вопросу языковой вариативности, в первую очередь, обусловлено стремлением исследователей описать, изучить и объяснить сущность и структуру языковой системы. Система языка как устойчивое явление, с одной стороны, изменяется с течением времени, с другой, сосуществование вариантных языковых форм на определенном этапе эволюции как раз и является демонстрацией изменений, происходящих в системе языка. Однако как объяснить наличие большого количества вариантов языковых форм на том или ином этапе исторического развития языка? С чем связано закрепление в системе одних вариантов и исчезновение других? Какова роль субъекта (носителя языка) в существовании вариантных форм в языке? На эти и другие вопросы пытаются ответить ученые в течение многих десятилетий.

Объектом нашего исследования выступает вариативность глагольных форм в диахроническом аспекте. Следует отметить, что в истории французского языка также неоднократно уделялось внимание изучению вариативности глагольных форм. При этом в изученных нами фундаментальных исследованиях по истории французского языка таких ученых, как М.А. Бородина, Н.А. Катагощина, М.С. Гурьчева, К.А. Аллендорф, М.В. Сергиевский, Н.А. Шигаревская, В.Ф. Шишмарев, Ф. Брюно, К. Бюридан, П. Гиро, Г. Зинк, М. Коэн, В. Манчак, Кр. Маркелло-Низья, К. Нюроп, Ж. Шоран, П. Фуше, мы не обнаружили, что именно понимается под таким явлением как *вариант*, каковы критерии выделения вариантов на различных языковых уровнях в диахроническом аспекте, каковы причины сосуществования и функционирования различных вариантов одной языковой формы как в рамках одного рукописного текста, так и в разных рукописных вариантах одного литературного произведения, которые создавались в тот или иной период развития французского языка. Романисты в своих работах по истории французского языка предпочитают лишь ограничиться различными классификациями форм глагола, а их разнообразие связывают с диалектальной раздробленностью средневековой Франции.

Так, вариативность глагольных форм такие ученые, как М.А. Бородина, В.Ф. Шишмарев, В. Вартбург, А. Дарместетер, П. Гиро, К. Нюроп объясняют как изменениями в морфологической структуре глагола в старофранцузском языке в процессе эволюции, так и в соответствии с положениями исторической диалектологии: употребление тех или иных глагольных форм связывается с их принадлежностью к определенному диалекту.

Например, В.Ф. Шишмарев, анализируя старофранцузские литературные памятники, приводит диалектальные разновидности каждой формы глагола, подробно их рассматривает, например, окончание I-го лица множественного числа презенса индикатива *-otes*, было широко распространено на территории средневековой Франции, преимущественно на севере и северо-востоке, тогда как формы без *-s* характерны для запада Франции [Шишмарев 1952: 148]. М.В. Сергиевский приводит те же диалектальные различия в окончаниях, что и В.Ф. Шишмарев, например, окончание 2-го лица множественного числа *-eiz* было характерно для англо-нормандского, пикардского диалектов и на востоке Франции [Сергиевский 1947: 71; Шишмарев 1952: 148].

В свою очередь, появление нового направления в лингвистике, получившего название скриптология, способствовало пересмотру многих положений истории французского языка, в частности, отказу от отождествления устной и письменной форм речи: скриптологи в рукописном тексте видят, прежде всего, отражение соответствующей письменной традиции, т.е. скрипты. Так, наличие графических вариантов в рукописях старофранцузского периода обусловлено, по мнению Л.М. Скрелиной и Л.А. Становой, не особенностями диалектов как территориальной разновидности языка, а особенностями скрипт как региональных письменных традиций [Скрелина, Становая 2001: 86].

Тем не менее, изучение вариантных форм глагола в истории французского языка, как в русле исторической диалектологии, так и в русле скриптологии не позволило ответить на вопрос, чем обусловлено наличие столь большого количества вариантов глагольных форм в рукописях литературных произведений изучаемого периода. Большинство исследований представляет собой всего лишь описание и классификацию вариантов глагольных форм с последующим распределением их по типам спряжений.

В связи с этим, мы предлагаем новый *диасистемный подход*, позволяющий не только систематизировать варианты языковых форм, но и определить причины наличия большого количества вариантных форм в рукописях старо- и среднефранцузского периодов. На сегодняшний день в современной зарубежной лингвистике широко используется диасистемный подход к изучению и объяснению языковой вариативности. В работах таких современных исследователей, как Ж. Кабатек, П. Кох, У. Лабов, Г. Волкер, Ф. Гаде, А. Дюфтер, Э. Старк под диасистемой понимается сосуществование нескольких вариативных систем, взаимодействующих друг с другом. Вариативность, которая представлена на различных языковых уровнях (фонетическом, морфологическом, лексическом), предлагается изучать с учетом ряда экстралингвистических факторов (географического, социального, стилистического и др.), обуславливающих появление вариантных языковых форм. Так,

лингвистами были выделены следующие виды вариативности в рамках диасистемного подхода: 1) диатопическая (географическая); 2) диахроническая (историческая); 3) диастратическая (социальная); 4) диафазическая (стилистическая); 5) диамезическая (вариантные формы устной и письменной речи). Изучение данных видов вариативности в синхронии позволяет описать, систематизировать и объяснить наличие большого количества вариантных языковых форм: 1) наличием диалектов (диатопический вид); 2) изменениями в системе языка (диахронический вид); 3) различиями в языке разных социальных, профессиональных, возрастных групп людей (диастратический вид); 4) различными литературными жанрами (диафазический вид); 5) разрывом между устной и письменной формами речи (диамезический вид).

Однако изучение всех рассмотренных видов языковой вариативности в диахронии не всегда представляется возможным. В первую очередь это обусловлено особенностями материала исследования: существует возможность изучения только письменных текстов (рукописей), анализ графики позволяет нам сначала делать выводы о нормах письменной традиции той или иной скрипты, а затем, уже основываясь на данных современной диалектологии, мы можем косвенно говорить об особенностях старофранцузских диалектов. Кроме того, невозможно установить в большинстве случаев авторов рукописей, поскольку о личностях сcribes, которые переписывали литературные тексты, известно очень мало или практически ничего. В связи с этим, невозможно описывать язык социальных или профессиональных групп людей того времени.

Мы лишь косвенно можем судить об уровне их образования, социальном положении, профессиональном статусе по данным, которые получаем из исторических документов того времени. Наконец, различные варианты одной языковой формы встречаются как в рамках одной рукописи, так и в разных рукописных текстах одного литературного произведения, поэтому говорить о жанровых различиях также весьма затруднительно, за исключением случаев построения контекстов, когда автор, следуя законам жанра, создает соответствующий временной или модальный контекст произведения. Однако и в этом случае речь будет идти скорее об индивидуальном стиле автора рукописи литературного произведения, чем об особенностях того или иного жанра. Таким образом, объектом нашего исследования становятся диатопический (географический) вид вариативности, поскольку его изучение позволит описать графические особенности французских письменных традиций (скрипт) изучаемого периода, а также диахронический (исторический) вид вариативности, анализ которого предоставляет возможность делать выводы о тех изменениях, которые происходили в языковой системе

рассматриваемого периода истории французского языка, тогда как изучение диамезического, диастратического и диафазического видов вариативности исключается.

В данной статье мы представляем анализ диатопического вида вариативности глагольных форм на материале французских рукописей XII-XIV вв. Анализ нашего материала показал, что большое количество графических вариантов глагольных форм можно отнести к диатопическому виду вариативности. Так, одной из наиболее ярких графических особенностей англо-нормандской скрипты является замена в написании глагольных форм «i» на «у».

- *i / y* глагол *souhaidier* (желать): *suheyderay*; глагол *aveir* (иметь): *eyt*; *ay*; *estre* (быть): *suy*, *seray*; *dire* (говорить): *diray*; *se tenir* (держаться): *se tynt*.

В данной графической особенности мы усматриваем, вслед за М.-К. Поуп, явное влияние англо-саксонской письменной традиции [Pope 1934: 457]. Это вызвано тем, что в английском языке для передачи звука [i] используется графема «у», тогда как графема «i» читается как [aj].

Рассмотрим еще один пример, демонстрирующий уже характерную особенность пикардской письменной традиции, чередование графем *c / ch / k*:

- *c / ch / k* глагол: *chanter* (петь): *chanter / canter*; *acheter* (покупать): *acater / achater / acheter*; *lacateroie / lachaterai / lacheterai / lacheteroie*; глагол *courroucer* (гневить): *courechies / corouciez / courousies / corocie*;
- *ch / k* 3-е л. мн. ч. предпрошедш. изъявит. накл. глагола *choir* (падать): *furent keu / furent cheu*.

Известно, что еще в вульгарной латыни произошел процесс палатализации – ассимиляции согласной с гласной переднего ряда, под влиянием которой согласная становилась мягкой [Скрелина, Становая 2001: 103], например:

k + a > tšcanto > chanter;
k + i, e > tsmuciare > mucer.

Таким образом, в истории французского языка подобные графические варианты связываются обычно со старофранцузскими диалектами. Считается, что в старопикардском диалекте звук [k] в начале слова перед гласной [a] не был палатализированным, что подтверждается данными современного пикардского диалекта [Picoche, Marchello-Nizia 2006: 16]. Соответственно, в графических формах на «с» или «к» усматривают влияние старопикардского произношения, а в формах на «ch» – франсийского.

Скриптологическое объяснение иное: чередование написаний на «с», «ch» или «к», которое мы встречаем в пикардских рукописях (H) и (I), рассматривается как яркая особенность пикардских письменных

традиций (скрипт). Различные написания одного и того же слова в одной или группе рукописей одного района не связываются с их разным (пикардским или франсийским) произношением, поскольку сcribe, выполнивший рукопись, не мог произносить одно и то же слово по-разному. Речь идет только о разном написании: ориентация всех французских сcribes на франсийскую норму (узус Сен-Дени) обуславливает наличие франсийских форм в рукописях, тогда как влияние базового диалекта вызывает употребление того или иного количества региональных форм [Становая 1996: 78,81]. Иначе говоря, несмотря на все стремление пикардского сcribe писать по-франсийски, базовый, пикардский диалект оказывает свое влияние, что и проявляется как в чередовании написаний на «с», «ch» или «k», так и в преимущественном использовании написаний на «с». В этом проявляется смешанный характер всех старофранцузских, в том числе и пикардских, скриптов. Именно поэтому пикардские скрипты Ш.-Т. Госсен назвал франко-пикардскими [Gossen 1972: 283].

Отметим еще одну яркую особенность графики пикардских скриптов: чередование в написании графем «v» и «w»:

- **v / w**

- глагол *voleir* (хотеть, желать): *veil / vueil; veus / weul; voussust / woussist*.

Известно, что сcribes изначально использовали латинский алфавит при создании рукописей, однако в ходе фонетических изменений, произошедших еще в вульгарной латыни и продолжавшихся в старофранцузский период, появление новых звуков, а также влияние других языков (в данном случае германских) способствовало тому, что алфавит стал расширяться и пополняться новыми буквами, например, буквой «w». В связи с этим схожесть в произношении данных двух звуков [w] и [v], а также характерное влияние германских языков на старопикардский диалект, о чем обычно пишут историки французского языка, обусловили появление гиперкорректных форм, когда сcribes намеренно исправляли правильные формы на «неправильные», например, в презенсе глагола *voleir*, пришедшего еще из латинского языка, начальный согласный «v» заменялся на «w».

Таким образом, систематизация разных вариантов написания глагольных форм (диатопический вид вариативности) позволяет сделать выводы о различных графических особенностях соответствующих письменных традиций, описать норму той или иной письменной традиции, и заключить, что наличие столь большого количества вариантов в рукописных текстах старо- и среднефранцузского периода обусловлено в первую очередь существованием письменных региональных традиций (скриптов), поскольку каждая скрипта в отдельности представляет собой особую

метадиалектную графическую систему. При этом, как отмечает Т.А. Амирова, варианты написаний в рукописях – это одновременно и результат индивидуального творчества скрибов, и отражение некоей нормы (или субнормы), поскольку в скрипториях, где создавались рукописи, существовала строгая графическая традиция, которой старались следовать [Амирова 1985: 151]. Следовательно, гибридный характер скрипт (употребление франсийских форм, региональных форм базового диалекта, региональных форм других диалектов старофранцузского языка, форм латинского, германских и других языков) объясняется их взаимопроникновением и взаимовлиянием.

Скриб, являясь учеником и последователем той или иной школы письменности, старался следовать нормам данной письменной традиции, однако эти нормы при этом не были закрыты и от влияния других письменных традиций. Именно поэтому большинство рукописных текстов носит смешанный характер. Нами, вслед за остальными историками французского языка, выделяются франко-пикардская, франко-нормандская скрипты, отмечается частичное взаимопроникновение пикардской и англо-нормандской скрипт, а также доминантное влияние франсийской скрипты на остальные письменные региональные традиции.

Использование диасистемного подхода позволяет классифицировать выявленные графические варианты глагольных форм и объединить все факторы, повлиявшие на использование того или иного графического варианта глагольной формы:

- письменная норма скрипты, в рамках которой создавалась рукопись;
- влияние других письменных традиций (гибридный характер скрипты);
- индивидуальный вкус сcribe.

Литература

- Амирова Т. А. Функциональная взаимосвязь письменного и звукового языка. – М.: Наука, 1985.
- Сергиевский М. В. История французского языка. – М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1947.
- Скрелина Л. М., Становая Л.А. История французского языка. – М.: Высш. шк., 2001.
- Становая Л. А. Введение в скриптологию: учеб. пособие. – СПб.: Златоуст, 1996.
- Шишмарев В. Ф. Историческая морфология французского языка. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952.
- Gossen Ch.-Th. Graphème et phonème : le problème central de l'étude des langues écrites du Moyen Age // Les dialectes de France au Moyen Âge et aujourd'hui : domaines d'oïl et domaine francoprovençal : colloque organisé par le Centre de Philologie et Littératures romanes de L'Université des Sciences Humaines de Strasbourg (1967). – Paris: Klincksieck, 1972. – P. 3-18.
- Picoche J., Marchello-Nizia Ch. Histoire de la langue française. – Paris: Nathan, 2006.

ЛЫКОВА Н.Н.
ПРОЯВЛЕНИЯ УСТНОЙ РЕЧИ В РАННИХ ФРАНЦУЗСКИХ ПРАВОВЫХ ДОКУМЕНТАХ

Abstract: The article discusses the oral speech study of written medieval texts. In early legal French texts we can find signs of oral speech as these texts have hybrid character. The article covers discursive parts typical of the oral speech and discovers its limits. It also analyzes particularities of the subject and the addressee of the speech. The article concludes that early legal texts have a dialogue nature.

Key-words: oral speech, direct speech, written legal texts.

Одним из вопросов, вызывающих в последние годы большой интерес исследователей, является возможность изучения устной речи на материале средневековых текстов. Проблема оральности (*oralité*), которая при изучении языка прошлых, отдаленных эпох понимается как ориентация на традиционные устные образцы, и более или менее устный характер, устная основа средневековых художественных текстов, или части их, рассматривалась многими лингвистами (об этом пишет С. Гийо [Guillot 2009]). Еще Л. Фуле отмечал в приложении к своему труду, посвященному синтаксису старофранцузского языка, что мы описываем литературный узус. Вопрос в том, как узнать, насколько этот литературный письменный язык удален от того языка, на котором говорили все вокруг и на котором говорили сами писатели этой эпохи. Чтобы составить себе представление об этом обиходном языке, мы можем опираться только на литературные тексты. Это трудная, но возможная задача. Если анализировать эти тексты с осторожностью, то иногда под исправлением традиционных форм можно обнаружить привычки и неологизмы разговорного языка: «En tout cas, l'usage que nous décrivons ici est un usage *littéraire*. [...] La question est de savoir de combien cette langue s'éloigne de celle qu'on parlait autour d'eux [des écrivains], de celle qu'ils parlaient eux-mêmes. A cette époque, pas d'humbles textes qui nous renseignent sur les tournures relâchées ou les vulgarismes de la conversation. Pour nous faire une idée de cette langue familière, nous en sommes réduits à nos seuls textes littéraires. [...] il est clair que, bon gré mal gré, nous devons chercher à nous représenter, même d'une vue incomplète, ce qu'a pu être la langue de la conversation à cette époque. L'entreprise est délicate, mais elle n'est pas impossible. En interrogeant nos textes avec prudence, on peut parfois, sous la correction de leurs formes traditionnelles, retrouver les habitudes et les néologismes de la langue parlée» [Foulet 1998: 348-349].

Изучение признаков устной речи в письменных текстах позволяет, с одной стороны, уточнить внешние условия создания, восприятия и распространения письменных текстов, изучить сферы их использования, т.е. анализировать письменную речь в конкретных

условиях протекания, в определенной коммуникативной (дискурсивной) ситуации. И, с другой стороны, «приблизиться к представлению об особенностях устной разговорной речи отдаленных эпох» [Ильина 2015: 168], обнаружить связи, отношения и взаимовлияния, которые существуют между устной и письменной речью, выявить различные типы устной и письменной форм общения, принципы жанровой организации текстов разных типов и т.д.

В последние годы во французской лингвистике появилась целая серия работ, в которых исследуется устная речь, представленная в письменных текстах. Эти исследования ведутся с использованием исторических корпусов французского языка, как, например, работы, выполненные в русле корпусной лингвистики на материале Базы средневекового французского языка (BFM – Base de Français Médiéval [En ligne]. Lyon: ENS de Lyon, Laboratoire ICAR) [см.: <http://bfm.ens-lyon.fr/spip.php?rubrique113>], включающей 153 текста, относящихся к IX-XV векам.

Для обозначения этого вида речи К. Маркелло-Низья использует термин *l'oral représenté*. Этим выражением обозначаются эпизоды устной речи, встречающиеся в письменных текстах, и в частности, прямая речь, вставленная в повествование, и представленная как переданная речь [Marchello-Nizia 2013: 80]. Считается, что прямая речь персонажей литературных произведений, не будучи прямым отражением устной речи, обладает тем не менее рядом особенностей, существенных с точки зрения лингвистического анализа речи [Лаврентьев 2014: 49]. Так, по мнению К. Маркелло-Низья, изменения языковой системы проявляются в прямой речи персонажей раньше, чем в повествовании или речи автора/ов. Лингвист формулирует предположение, важное для диахронической лингвистики: после дискуссий о том, что все инновации в языке возникают в речи, спрашивает она, не следует ли рассматривать фрагменты устной речи, представленные в письменных текстах, как привилегированный дискурсивный тип для наблюдений за языковыми изменениями: «...après les discussions sur l'oral lieu privilégié de l'innovation, ne doit-on pas considérer l'oral représenté comme un type discursif témoin privilégié du changement linguistique?» [Marchello-Nizia 2013: 85]. Такое предложение важно еще и потому, что для исследователя, работающего со средневековыми текстами, эти фрагменты являются единственным доступом к изучению возможной формы древнего устного языка.

Признаки устной речи обнаруживаются не только в древних художественных текстах различных жанров, но и в ранних французских правовых документах. Это обусловлено особыми условиями создания и распространения письменных текстов в изучаемую эпоху. Так, если рассмотреть такой элемент коммуникативного процесса, как канал связи, используемый для производства и/или распространения документов, то обнаруживается, что речевая продукция может быть не только

письменной или устной. Это может быть также письменный текст, который читают вслух, громко или вполголоса (его могут декламировать, петь, играть и т.п.), т.е. речь идет об 'исполнении' письменного текста, что как раз и является отличительной чертой средневекового периода. В этом случае уже можно говорить о том, что элементы устной речи будут проникать в письменный текст, находить в нем свое отражение и влиять на него. Несмотря на то, что ранние французские правовые тексты принадлежат писаному праву (кодируются графически), можно предположить (учитывая устную направленность обучения и то, что обращены они были к публике большей частью неграмотной), что и они могли передаваться таким гибридным способом, используя возможности устной и письменной коммуникации. С точки зрения коммуникативной дистанции, устное взаимодействие относится к полюсу коммуникативной близости, а письменное ассоциируется с коммуникативной отдаленностью. Поскольку в средневековый период письменные тексты часто 'исполняются' устно, между этими видами коммуникации возникают отношения транскодирования, и можно говорить о письменных текстах с устной направленностью (см. подробнее [Koch, Österreicher 1993, 2001]). По-видимому, в таких текстах переход с одного кода (графического) на другой (звуковой) может влиять на способ восприятия текста и на устанавливаемую коммуникативную дистанцию (см. об этом [Guillot 2009]). Ранние французские правовые тексты как раз относятся к подобным транскодированным текстам: с одной стороны, в них записаны нормы права и правоприменения, сложившиеся на протяжении веков, часто встречаются отсылки к римскому праву, а с другой стороны, в них можно обнаружить и признаки устной речи, свидетельствующие о том, что фактически эти тексты занимают промежуточное положение между письменной и устной коммуникацией.

В результате проведенного анализа ранних правовых текстов, написанных на французском языке, были обнаружены дискурсивные фрагменты разной природы, характерные для устной речи.

Прежде всего это фрагменты прямой речи, воспроизводящие в письменном тексте слова, произнесенные устно. Эти фрагменты могут включать одну или несколько реплик, соединяющихся друг с другом и образующих внутренние единицы данного эпизода. В работах Лионской школы дается следующее определение этому виду речи: «L'épisode de l'oral représenté (OR) est une séquence discursive se donnant comme restitution à l'écrit de paroles prononcées oralement. Elle se compose d'une ou de plusieurs prises de parole (PP) qui s'enchaînent et qui constituent les unités internes de l'épisode» [Guillot et al. 2016].

Такие эпизоды включают элементы, уточняющие его внешние границы и связывающие его с текстом, в который помещается передаваемая устная речь (знаки препинания (двоеточие, кавычки и т.п.)

могут рассматриваться в данном случае только как вспомогательное средство, поскольку не во всех текстах они присутствуют и, кроме того, были вставлены издателями в более позднее время). Начальная граница эпизода маркируется глаголом говорения *dire, répondre, demander, crier* и др.: *...et il vait après **criant** :/ «Prenés le larron! prenés le larron!» / et il avient que celui larron seit pris à celui cri...* (Ass., 246, p.185); *...et le vesconte ou les jurés li **demandent** :/“Où sont tes autres compaignons de ce mau faire»; / et celui noume aucuns persounes...*(Ass., 253, p.190). Конечная граница – это возврат к повествованию, она не выражена так явно, в этой роли могут выступать предложения, вводимые союзом *et* и обозначающие результат, следствие того, о чем говорилось в прямой речи, как в приведенных примерах. Кроме того, о финальной границе эпизода, передаваемой устной речи может свидетельствовать переход к тому, что говорится в законе о той или иной ситуации, ссылка на закон: *Uns si **dit** issi: / Cel home ocist Robert, son frère, et dona cos et colées, don il prist mort; et an tel tens, n’a pas quatre mois; et ce je vi; s’il le conoist, biau m’en est; s’il le nie, je sui prez dou mostrer et de l’avérer en chanp et par bataille, si comme je devrai, et cil qui vit ce. / Et li autres **respont**: / Je faz encontre tel ni et tel deffanse comme je doi. / **Droit dit que** li copables est loisanz de prendre la prueve de lui, et de quenoistre que c’est voirs, ou d’escondire par gage de bataille* (Plet, p. 288). В этом примере структура эпизода более сложная: глагол говорения *dire* вводит реплику первого говорящего, далее происходит смена говорящего, что отмечено глаголом *respondre*, и конечная граница эпизода маркируется выражением *Droit dit que*.

Особенностью ранних правовых текстов является то, что личность субъектов речи не уточняется, это, как правило, анонимные субъекты, для их номинации используются слова неопределенной семантики (*li uns, li autres, aucuns, aucune personne, uns hons, une feme, quiconques*) или терминологические наименования субъектов права или людей, преступивших закон (*li demenderres, li copables, li cuens, li en cusierres*). В единичных случаях можно встретить имя собственное, называющее субъекта речи: *Marie dit issi devant le juige: Je me plain de G..., qui vint à moi en une meson où je estoie...*(Plet, p.291), но и в этом случае имя собственное теряет свою конкретность, оно не индивидуализирует, а лишь идентифицирует субъект речи как лицо говорящее женского пола, одна из женщин, именуемая Мари.

Маркером субъекта речи служат субъектные и объектные личные и притяжательные местоимения первого лица. В древних правовых текстах используются не только формы первого лица единственного числа (*je, me, mei, ton, ta, mes*), которые преимущественно встречаются во фрагментах прямой речи (см. примеры выше), но и местоимение множественного числа (*nous*), которое часто встречается в перформативных побудительных высказываниях или при глаголах волеизъявления в Уложении Святого Людовика, например: *nous*

deffendons que..., si vous commandons que..., nous voulons que. Это местоимение только формально обозначает здесь множественность, на самом деле выражается воля короля или другого человека, облеченного властью и полномочиями для создания подобного рода документов (встречается также в хартиях). Это так называемое *nous de majesté*, о котором Д. Мэнгено пишет, что в официальных декретах *nous* заменяет *je*, поскольку, во-первых, монарх представляет всю страну, он – не один из многих, а во-вторых, употребление этого местоимения позволяет включить в сферу говорящего и того, кому адресовано послание, разделить с ним высказывание [Maingueneau 1999: 31]. Очень ярко это значение местоимения *nous*, объединяющего субъекта речи и адресата, проявляется в следующем примере: *Comment que nous soions en doute du cas dessus dit pour ce qu'il n'est pas avenus en nostre tans, nous sommes certains d'autres cas qui sont avenue en no tans pour teus mes fès* (Beaum. 933, p.472). Здесь в качестве субъекта речи выступает уже не монарх, а своего рода эксперт, Филипп де Бомануар, написавший самый оригинальный и выдающийся правовой документ этой эпохи. Он не просто собрал воедино существующие кутюмы, но и изложил практику их применения. В данном случае *nous* – это «я и те, кто меня слушает, я и те, кто должен принимать решение, касающееся подобных преступлений».

С другой стороны, в произведении Ф. де Бомануара встречаются специфичные контексты, которые показывают, что и местоимение *je* может служить выразителем не только единичного субъекта речи, но оно может вовлекать в сферу говорящего и других: я – это и ты, и любой из нас, на кого распространяются принятые правила: *Aucune fois avient il qu'aucuns prent la chose de son parent ou de son voisin ou de son ami, sans son seu et en derriere de lui, – si comme il avendroit que j'iroie en la meson d'un mien ami pour emprunter son cheval et je trouveroie le cheval en l'estable et non pas le seigneur, et je, par la fiance que j'avroie en li, en menroie le cheval et cil qui le cheval seroit s'en courouceroit quant il le savroit et me vourroit suir de larrecin, si comme il avient que l'en cuide tel son ami qui ne l'est pas, – se teus cas avient, l'en doit mout regarder...* (Beaum. 949, p. 481). Этот авторский комментарий, на наш взгляд, также является примером того, как устная речь вклинивается в письменный текст, когда автор ставит себя на место человека, совершающего правонарушение, и объясняет, что могло бы произойти в данном случае, и как эта ситуация будет расцениваться с точки зрения закона. Этот прием помогает объяснить абстрактную правовую норму через ее возможную конкретную реализацию. Гипотеза, когда говорящий ставит себя в центр возможных событий, обладает большей воздействующей силой на адресата, личный пример дает возможность убедительно показать, что каждый может оказаться в подобной ситуации и создает иллюзию непосредственного общения.

Кроме того, субъект речи может прямо отождествлять себя с субъектом права и тогда норма права формулируется от первого лица. В фокусе внимания оказывается говорящий, но он одновременно выступает и в качестве лица, которому адресована та или иная статья закона: § 1. *Quel chose l'en puet prandre sanz justice, et quel non. – Je puis prandre de mon plége sanz justice, segont le droit que l'en use en mainz pois.* § 2. *Se beste à quatre piez me damage, ou oisel privé, et je le trueve présentement, je puis prandre la beste et l'oissel por mon damage. ...* § 7. *Je puis prandre larron, omecide, murtrier, robeor, raviseor de fames, pécheor de chemins, forbenniz ; mès quant les aurai pris, je les doi mener à lor justice* (Plet, XLVII, p. 320).

Правовые нормы, как мы видим, могут излагаться и в форме диалогового вопросно-ответного единства, что продолжает устную традицию передачи правовых знаний, принятую в обычном праве: так, например, см. в продолжении главы 47 Книги Правосудия и Суда – § 4. *Et se aucuns te doit deniers, puez-tu prandre le sien ? Non, tot soit li termes passez.* § 5. *...Et se la marcheandise s'en est alée sanz mon congié, et il ne me voile poier, puis-je la suire et prandre ? L'endit que non sanz justice* (Plet, XLVII, p. 320).

Показателем устной речи и свидетельством транскодирования текста является также обращение к адресату: прямое (через личное местоимение, титул, имя) или посредством императива.

В первом случае к адресату обращаются во фрагментах прямой речи, воспроизводящих слова, произнесенные в определенной правовой ситуации: *Et nous qui tenions la court, quant nous ois mes qu'il disoit paroles qui touchoient a la court et a la partie, nous li deismes: / «Gardés que vous dites!»* (Beaum. 915, p.462); *Et quant il vodra faire sa clameur que len li die. / Se tu veus icelui appeler de murtre, tu seras ois, mais il convient que tu te lies à souffrir tele peine, comme tes adversaires soufferoit...* (Louis, 3, p. 369); *Li hons doit respondre et dire, / sire, je vous demant enqueste telle comme je dois avoir...* (Louis, 46, p. 413); *Plévine si est quant aucuns dit tex paroles: / Je doi à P. vingt livres, à paier à tel jor; si vos pri, G., que vos me plévissiez. / P. dit: / G., plévissiez-vous ceste home de vingt livres qu'il me doit ? / Et G. dit: / Oil, s'il m'i met. / - Et je vos i met. / - Et ge i antre. / - Et ge reçoif* (Plet, XXXVIII, p. 313). В последнем примере обращение по имени заменено на начальную букву не случайно, как уже говорилось, имя теряет в подобного рода высказываниях свою идентифицирующую функцию. Особенностью этого диалога является то, что не все реплики вводятся глаголом речи, границами реплик служит изменение субъекта речи, употребление местоимения 2-го лица и семантика глаголов. Отсутствие четких границ в оформлении чужой речи затрудняет здесь ее атрибуцию, поскольку в диалоге участвуют три человека, происходит постоянная смена ролей, говорящий становится адресатом высказывания и наоборот.

Во втором случае императив употребляется не в прямой речи, а в тексте статьи закона, когда автор обращается к читателю/слушателю, и

эти формы тоже являются свидетельством диалогичности (оральности) первых правовых текстов, написанных на французском языке. В этом случае употребляются императивные формы второго или первого лица множественного числа перцептивных и когнитивных (эпистемических) глаголов: *Or veons donc que sse uns hons dit vilenie a autrui...* (Beaum. 844, p. 434); *Or regardons, – se Pierre en mene la fame de Jehan ...* (Beaum. 844, p. 434); *Enten que deux manières de roberie sont : aperte et repote* (Plet, XI, p.293); *Sachés que c'il avient, par aucune male destinee, que aucuns hom soit ataint de larecin...* (Ass., CCLIII, p. 189). Присутствие *другого* в тексте становится очевидным благодаря этим формам: для него и в ходе взаимодействия говорящего и *другого* создается этот текст. Адресат в данном случае не называется, но он незримо присутствует, к нему обращаются, его принимают в расчет.

В заключение отметим, что ранние письменные правовые документы, написанные на французском языке, носят гибридный характер, они отличаются диалогичностью, в них отражен мир говорящего и мир адресата, реализующийся через вставки прямой речи, в которых обозначается субъект речи и адресат, а также через прямое обращение автора к адресату в текстах статей.

Литература

Ильина Т.П. О роли различных форм речи в процессе языковых изменений. // Человек. Язык. Время: материалы XVII конференции Школы-семинара им. Л.М. Скредлиной с международным участием (Москва 16-18 сентября 2015 г.). – М.: МГПУ; Языки народов мира; ТЕЗАУРУС, 2015 – С. 168-170.

Лаврентьев А.М. Влияние корпусных технологий на развитие диахронической лингвистики: пример Франции // Иностранные языки в школе. – 2014. – № 8. – С. 46-51.– URL: <https://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-01071863>

Foulet L. Petite syntaxe de l'ancien français. – 3-ème éd. revue. – Paris : Champion, 1998.

Guillot C. et al. Diachronie de l'oral représenté: délimitation et segmentation interne du dialogue (IX-e-XV-e siècle) // L'Histoire du français : nouvelles approches, nouveaux terrains, nouveaux traitements. – Cambridge, 2016. – URL : <http://diachronie.org/colloques/colloque-cambridge-2014>. <halshs-01313822>.

Guillot C. Écrit médiéval et traces d'oralité : l'exemple de l'adverbe or(e) // Havu E. et al. La langue en contexte. Actes du colloque Représentation du sens linguistique IV, Société Néophilologique (Helsinki), 2009. – P. 267-281. – URL: <https://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-00654556>.

Koch P. Pour une typologie conceptionnelle et médiale des plus anciens documents/monuments des langues romanes // Selig M. et al. Le passage à l'écrit des langues romane. – Tübingen: Niemeyer, 1993. – P. 39-81.

Koch P., Österreicher W. Gesprochene Sprache und geschriebene Sprache. Langage parlé et langage écrit // Holtus G. et al. Lexikon der romanistischen Linguistik. – Tübingen: Niemeyer, 2001.– P. 584-627.

Maingueneau D. L'énonciation en linguistique française. – Paris: Hachette, 1999.

Marchello-Nizia Ch. Philologie numérique et syntaxe historique // Buchi E. et al. Actes du XXVIIe Congrès international de linguistique et de philologie romanes (Nancy, 15-20 juillet 2013). Allocutions d'ouverture, conférences plénières, tables rondes, conférences grand public. – Nancy: ATILF, 2015. – URL: <http://www.atilf.fr/cilpr2013/actes/section-0.html>.

МАНУХИНА А.О.

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О САКРАЛЬНОМ В ДОКУМЕНТАХ ПЕРВОГО КРЕСТОВОГО ПОХОДА

Abstract: The work analyzes perception of the sacred and means of its realization in the Latin and the Old French compositions of the XIIth century. The objective of the research is to reveal the correlation of the notions 'God' / 'knight' and to identify their place in the Middle Ages value system of the epoch of Crusades.

Key-words: moral stereotypes of chivalry; Latin and Old French documents of Crusades; evaluative constructions.

Письменные памятники эпохи Первого крестового похода (1096–1099 гг.), являясь документальным свидетельством отвоевания крестоносцами Иерусалима, древнего центра христианства, отражают основанные на сакральных ценностях нравственные стереотипы элиты феодального общества XI-XII веков.

Цель нашей работы – выявить особенности представлений рыцарства о сакральном, которые нашли выражение во взаимосвязи «Бог↔рыцарь», и охарактеризовать способы вербализации этой взаимосвязи.

Материалом настоящего исследования служат два сочинения XII века, созданные участниками и очевидцами похода: латинская хроника «История Иерусалимского похода» («Historia de Hierosolym itano itinere») Петра Тудебода и старофранцузская «Песнь об Антиохии» («Chanson d'Antioche») Ришара Пилигрима, тексты которых впервые привлекаются для лингвистического анализа. «Historia» Петра Тудебода, епископа Сиврейского, вызывает особый интерес как первое из описаний крестовых походов. По словам самого автора, он написал о странствиях крестоносцев, «не имея перед глазами никакого образца, которому мог бы подражать, никакого труда, которое могло бы дать представление о таком предприятии» [Recueil 1866: 20], и все позднейшие писатели главным образом руководились сказаниями Тудебода. «Chanson d'Antioche» традиционно относят к особому циклу эпических поэм [Волкова 1984: 171] – «жесте Крестовых походов» («Le cycle de la Croisade») [Михайлов 1995: 87]. Однако, в отличие от классической жести, «Песнь», самая ранняя из поэм этого цикла, полностью основана на реальных исторических фактах – взятии Антиохии в 1098 г., поэтому ее скорее относят к первым рыцарским стихотворным хроникам, написанным на романском языке (in gallico idiomate). Изучаемые произведения можно считать «первым этапом культурной рефлексии об этом событии» [Минин 2009: 25].

Еще накануне Первого похода, с конца XI в., в западноевропейских сочинениях появляется особый образ рыцаря – Croisier (крестоносца), воина-защитника, посвятившего себя «служению Богу и христианству»:

в нем соединены, с одной стороны, миропонимание и идеология военного класса, с другой – религиозные и мистические представления той эпохи.

В текстах обоих документов именно бароны-руководители экспедиции воплощают такой идеал:

Sapiens Christi athleta Balduinus, quem Deus munitaque custo diat [Recueil 1866: 19]. Мудрый воин Христа Балдуин, которого да укрепит и сохранит Господь.

Et li dus Godefrois qui Dieu aime et tient cher [Chanson 1848: 25]. И герцог Годфруа, которого Господь любит и считает (себе) дорогим.

В анализируемых отрывках субъектом положительной оценки рыцарей выступает Бог, что отсылает читателя к сложившимся в рыцарской среде канонам: миряне осуществляют земную власть-силу (*potestas*), при условии, что их контролирует власть-авторитет (*auctoritas*) Бога [Duby 1971: 10].

Поход считался частью рыцарского благочестия; так, в латинской хронике при повествовании о подготовке к походу акцент ставится на христианских добродетелях рыцаря, достижении духовной чистоты и искупления:

Si aliquis Dominum studio se puro que corde et mente desiderasset, atque post Ipsum crucem fideliter bajulare voluisset, non dubitasset Sancti Sepulchri viam celerius accipere [Recueil 1866: 80]. Если кто-либо прилежно и с чистым сердцем и умом почитает Бога, и после него Самого хочет верно нести крест, он не усомнится как можно скорее отправиться в путь к Гробу Господнему.

Идеальная модель поведения рыцаря вербализована в тексте на грамматическом уровне через условный период, согласно нормам латинской грамматики: описание должных качеств и действий (*studio sepuro que corde Dominum desiderasset* – протасис) → вытекающее из этого нормативное поведение (*Sancti Sepulchri viam celerius accipere* – аподосис).

Под влиянием этических норм того времени Крестоносное движение воспринималось как «мистический союз между Богом и человеком». Идея служения Богу как сюзерену присутствует в обоих произведениях и реализована в текстах посредством определенных лексем и выражений:

- существительным *pelerinage* (старофр. «паломничество»), которым обозначается война с неверными:

De tel pelerinage n'oï nus hom parler [Chanson 1848: 17]. О таком паломничестве не слышал ни один человек.

- существительным *peregrinus* (лат. «паломник») и выражением *milites Christi* (лат. «воины Христа»), как именовались крестоносцы:

Turci de ludentes Francorum collegium, de tuleruntante Curbaanarcum ligneum, quae abstulerantnu per pauperibus peregrinis [Recueil 1866: 130].

Турки, смеясь над войском Франков, принесли Кербогe деревянный лук, который отняли у беднейших пилигримов.

Magis milites Christi amaverunt illos per se qui, qua ulla spolia quaerere [Recueil 1866: 130].

Но скорее воины Христа предпочли их (сарацинов) преследовать, чем собирать трофеи.

Следует отметить, что термин *Крестовый поход* был неизвестен в XI–XIII в. В Средние века такая война обозначалась *peregrinatio / pelerinage*, а рыцари-крестоносцы – *peregrinus*, что подчеркивало сакральный характер происходящего: поход на Иерусалим оценивался «как наивысшая миссия рыцарства» [Королева 2007: 50].

Использование термина *milites Christi / milites Dei* было типичным для хронистов при обозначении участников Иерусалимской экспедиции. Христианство переняло латинский термин *militare* из военной терминологии. Так, на рубеже XI–XII вв. средневековая культура называла монашеские общины *militia Christi* (лат. «воинство Христа») [Щербаков 2006: 20]. На наш взгляд, в рассмотренных отрывках можно видеть взаимопроникновение религиозно-католических и чисто рыцарских нравственных категорий средневекового менталитета: хронисты пытались делегировать крестоносцам нравственный кодекс монашеской общины.

- глаголами *pugnare* («сражаться»), *defendere* («защищать»), *vigilare* («бдеть, бодрствовать»), *conturbare* («разбивать, приводить в смятение»), *exire* («выходить»), *deducere* («выводить»); существительным *deductor* («предводитель»), которые относятся к латинскому военному словарю; ими обозначаются действия Бога и святых во время похода:

Deus pro ipsis cotidie pugnat, eos dem noctu die que sua protectione defendit et vigilat super eos. Et quicum que volunt eis resistere, Deus statim contur batillos [Recueil 1866: 133].

Бог за них самих ежедневно сражается, их днем и ночью своей защитой оберегает и бдит над ними. И кто бы ни хотел им противостоять, Бог тотчас их разбивает.

Exierunteis de motane is in numerabiles exercitus qui deducebant equos albos, quorum vexilia alba erant. Quorum deductores fuerunt sanctus Georgius, et beatus Demetrius et beatus Teodorus. Haec verba credenda sunt, quod plures ex nostris hoc viderunt [Recueil 1866: 150].

И сошли с этих гор бесчисленные войска на белых конях, и знамена их были белыми. И их предводителями были святой Георгий, святой Димитрий и святой Теодор. Следует верить этим словам, так как многие из наших это видели.

Как выяснили ученые-медиевисты [Le Goff 1999: 240], в сознании средневекового человека упоминание о сражающемся Боге не воспринималось как метафора. Бог в изучаемой латинской хронике описывается как реальное действующее лицо повествования, в том числе и участник боевых действий. Рассказ о вмешательстве христианских святых, которое определило исход битвы, также рассматривается как чудесный, но по сути своей качественно не отличающийся от других эпизодов похода, в котором массово участвует все рыцарство.

Примечательно, что в субъект оценки в приведенном выше примере – мать сарацина Кербоги, т.е. представитель 'вражеского лагеря'. Признание авторитета противника врагом – еще один способ выражения положительной оценки рыцарей.

- оценочными выражениями *Diex vultes saucier* («Бог хотел благословить») / *Nostre Sire rueve* («наш Господь призывает»):

Ligentis barnages que Diex vultes saucier Благородные бароны, которых Господь хотел благословить,
S'en ala outre-mer [Chanson 1848: 25]. Отправились за море (в Святую землю).

Nostre Sire nous rueve en Jherusalem aler [Chanson 1848: 40]. Наш Господь нас призывает пойти на Иерусалим.

В данном контексте Бог выступает по отношению к крестоносцам в обеих ипостасях: и как духовный пастырь (*Diex vultes saucier*), и как сюзерен-предводитель (*Nostre Sire rueve*).

- оценочным выражением *sa honte vengier*, под которым подразумевался Крестовый поход:

Li gentis barnages Благородные бароны
S'en ala outre-mer Отправились за море (в Святую землю),
por sa honte vengier [Chanson 1848: 25]. чтобы отомстить за Его поругание.

Вне контекста существительное *honte* («позор, бесчестье» [Greimas 1969: 154]) и глагол *vengier* («мстить» [Greimas 1969: 480]) выражают отрицательную оценку, но в данном фрагменте их сочетание приобретает оценку положительную: Крестовый поход рассматривается как «отмщение за поругание Христа».

Интересно, что в старофранцузской «Песни» особенно ярко проявляются взаимоотношения Бога и человека как своего рода договор; упоминания о вассальской преданности Богу-сеньору с последующим за этим воздаянием неоднократно присутствуют в тексте:

<i>Por Dieu lor convint tous mainte peine endurer, Soif et caut et froidures, et veiller et juner Bien leur dut Dame-Diex à tous guere doner, Et les ames à ausen sa gloire poser [Chanson 1848: 17].</i>	Во имя Бога им пришлось претерпевать многие несчастья: Жажду, и жару, и холод, и бессонницу, и голод, И хорошо их должен был Господь вознаградить И их души принять во славе своей. И они (рыцари) пошли мстить с тем условием, Что тот, кто там найдет смерть, получит отпущение грехов В небесном раю у него будет дом.
<i>Et s'ala sent vengier par tel condition Qui mort i recevroit, il ait remission En paradis celestre aura sa mainsion [Chanson 1848: 29].</i>	

Автор поэмы мыслит категориями актуального для него социокультурного языка с позиции феодальных отношений XI-XII вв. Связь Бог/ человек описана по одной повторяющейся схеме, при этом употребление в данном отрывке лексемы *condition* («условие») эксплицитно указывает на обязательность двустороннего обмена: исполнение долга со стороны рыцарства (*endurer mainte peine / aller vengier*) → исполнения своей части договора Богом (*dut Dame-Diex à tous guere doner / il ait remission*) → награда от Бога (обретение рая как плата за верность: *amesen sa gloire poser / en paradis celestre aura sa mainsion*).

Таким образом, при характеристике отношений Бога и крестоносцев авторы и латинского, и старофранцузского сочинений имплицитно проецируют на сферу сакрального матрицу отношений сеньор / вассал, что было типично для средневековой литературы.

Литература

- Волкова З. Н. Эпос Франции (история и язык эпических сказаний). – М.: Наука, 1984.
- Королева Е.М. Мотив «Поиска Грааля» и проблема циклизации средневекового романа (на материале французских и немецких романов XIII века): дис...канд.филол.наук: 07.00.02. – М., 2007.
- Минин С.А. Первый крестовый поход в средневековой культуре: договор Бога и человека в нарративе хронистов): дис...канд.ист.наук: 24.00.01. – М., 2009.
- Михайлов А. Д. Французский героический эпос. Вопросы поэтики и стилистики. – М.: Наследие, 1995.
- Щербаков А.Б. Французские «Chanson de geste» и рыцарский тезаурус средневековья // Тезаурусный анализ мировой культуры: Вып.4. – М: Изд-во Московского гуманитар. ун-та, 2006. – С. 14-26.
- Chanson d'Antioche, composée au commencement du XII-ème siècle par le pèlerin Richard, renouvelée sous le règne de Philippe Auguste par Graindor de Douat, publiée pour la première fois par Paulin Paris. – Paris: J. Techener, 1848.
- Duby G. Les sociétés médiévales: une approche d'ensemble. – Annales. – 1971. – №1. – P.1–13.
- Le Goff J., Schmitt J.-Cl. Dictionnaire raisonné de l'Occident médiéval. – Paris: Librairie Arthème Fayard, 1999.
- Greimas A. J. Dictionnaire de l'ancien français (jusqu'au milieu du XIV-èmesiècle). – Paris: Larousse, 1969.
- Recueil des historiens des croisades, publié par les soins de l'Académie royale des inscriptions et belles-lettres. Historiens occidentaux. Tome troisième. – Paris: Imprimerie royale, MDCCCLXVI.

МИХАЙЛОВА Е.Н., КОЛТУНОВА С.В.
ИСПАНСКИЕ ГРАММАТИКИ ЗОЛОТОГО ВЕКА В СВЕТЕ ПРИНЦИПА
АНТРОПОЦЕНТРИЗМА

Abstract: The article deals with possibilities of using the anthropocentric principle in relation to linguistics historiography research. As illustrated by the Spanish grammars of the Golden Age (XVI-XVII cc.) two sides of the anthropocentrism – “the language in the man” and “the man in the language” are considered. The former is revealed through the author of the grammar and its reader. The latter is reflected in the system of examples which is focused on the notion “the man” and on the things surrounding him.

Key words: history of linguistics, Spanish grammar of Golden Age, anthropocentric principle.

Антропоцентризм, ставший одним из основополагающих принципов современной лингвистики, дает возможность по-новому высветить многие ключевые проблемы теории и истории языка. К числу основоположников современной антропологической лингвистики по праву принадлежит выдающийся французский ученый Г. Гийом, в концепции которого важнейшая роль отводится гоминизаторской функции языка – его участию в постоянном прогрессе и возвышении человека [Гийом 1992: 208; Скредина 1992: 194]. Привлечение на службу языкознанию сведений о человеке как творце и носителе языка отличает представителей научной школы профессора Л.М. Скрединой. В ее трудах, а также в работах ее учеников и последователей получила отражение идея энергичной сущности языка, его когнитивной функции, взаимосвязи и взаимообусловленности истории языка и истории человека в обществе.

В настоящее время принцип антропоцентризма широко применяется практически во всех разделах современного языкознания. В последние годы он все чаще находит приложение в исследованиях по истории лингвистических идей. В.М. Алпатов объясняет это тем, что любое лингвистическое описание опирается на интуицию носителя языка, и в этом смысле любое исследование языка глубоко антропоцентрично [Алпатов 1993: 20-21]. В свою очередь, Л.М. Скредина обращает внимание на два аспекта антропоцентризма: 1) антропоцентризм как субъективизм и 2) антропоцентризм как объединение внутренней и внешней лингвистики (имманентности и трансцендентности). По ее мнению, антропоцентризм, как выход за пределы имманентной структуры языка, получает наиболее выразительное решение в тех исследованиях, где для оценки наблюдаемых фактов привлекаются современники событий. Обладая своим мировоззрением, которое обусловлено социокультурными обстоятельствами эпохи, они выступают своеобразными информантами, «голосами из прошлого», свидетельства которых помогают не только

лучше понять изучаемые явления, но и пересмотреть некоторые положения истории и теории языка [Скрелина 1998: 39-40].

Обращение к принципу антропоцентризма при изучении лингвистической традиции эпохи Возрождения представляет собой несомненный интерес по ряду причин. Эта эпоха обладает исключительной значимостью для истории лингвистической мысли как переломный период в истории европейского языкознания и как время переосмысления живых языков, впервые ставших объектом лингвистического описания. Кроме того, эта эпоха характеризуется мощным гуманистическим движением, в котором важная роль была отведена человеку. Как пишут историки ренессансной культуры, в эпоху Возрождения, как никогда раньше, возросла ценность отдельного человека. Ни в Античности, ни в Средние века не было такого жгучего интереса к человеческому существу во всем многообразии его проявлений. Одним из наиболее ярких примеров такого настроения эпохи стала известная «Речь о достоинстве человека» (*Oratio de hominis dignitate*) известного итальянского гуманиста Джованни Пико делла Мирандолы (1463-1494), в которой прославляется «высшее и восхитительное счастье человека, которому дано владеть тем, чем пожелает, и быть тем, чем хочет» [Пико: <http>]. По словам А.Ф. Лосева, учение о творении человеком самого себя, являющееся самым главным в этой работе, оказало существенное влияние на формирование гуманистического мировоззрения, где человек был поставлен в центр мира [Лосев 1998: 358].

Именно в эпоху, прославлявшую уникальность каждого индивида, увидели свет первые описания испанского языка. В истории Испании – это время (XVI-XVII вв.) получило название «Золотого века», поскольку оно было связано с политическим и экономическим возвышением Испании благодаря открытию Нового света, завоеванию новых колоний и развитию мощного флота. В это время изменился и статус испанского языка, потребность в изучении которого возникла не только в крупных торговых центрах Пиренейского полуострова, но и во многих европейских странах и далеко за пределами Европы.

Рассмотрим, каким образом в испанских грамматиках Золотого века проявились такие стороны антропоцентризма, как «язык в человеке» и «человек в языке».

Та сторона антропоцентризма, которая связана с формулой «язык в человеке», раскрывается через такие признаки, как автор грамматики и ее адресат. Несмотря на то, что первый выступает как активная языковая личность, а второй как реципиент, содержание грамматик свидетельствует об их тесной взаимосвязи и взаимообусловленности. Влияние культа индивидуализма в культуре того времени по-своему проявилось в сфере грамматики. С одной стороны, обозначились

прецедентные имена эпохи Золотого века, среди которых первое место по праву занимают А. Небриха, Ф. Санчес, Г. Корреас. С другой стороны, эта эпоха практически не оставила после себя анонимных грамматик (сохранились данные всего о двух грамматиках испанского языка, авторство которых до сих пор не установлено, обе они были изданы в Ловайне, одна увидела свет в 1555 г., вторая – в 1559 г.).

В значительной мере оказала влияние на содержание испанских грамматик национальность их авторов. Далекое не для всех них испанский язык был родным (как для А. Небрихи, К. Вильялона, Х. Патона, Г. Корреаса, Х. Вильяра). Историографы лингвистики обращают внимание на то, что большим спросом в XVI-XVII вв. пользовались труды иностранных грамматистов, адресовавших свои работы соотечественникам – французам, итальянцам, англичанам, голландцам, фламандцам. Подтверждением тому служат сведения о переизданиях работ носителей языка и иностранных грамматистов. Тогда как работы А. Небрихи, К. Вильялона, Х. Патона в указанный период выдержали всего по одному изданию, грамматики Дж. Миранды, С. Удэна, Л. Франчозини, Г. Мерье публиковались многократно. Это объясняется и тем, что чаще всего иностранные авторы использовали в качестве языка-инструмента грамматического описания не испанский, а свой родной язык, и тем, что они проводили параллели между описываемым ими испанским и родным языком, что значительно упрощало восприятие грамматических понятий и форм иностранного языка.

Еще одним критерием, по которому можно охарактеризовать авторов ранних испанских грамматик, является их профессиональная деятельность, которая для большинства из них была тесным образом связана с языком. Так, университетскими профессорами были К. Вильялон и Г. Корреас [Solis: [http; Rodriguez 2004: 90](http://Rodriguez 2004: 90)], учителями испанского языка были А. Саласар и Г. Мерье [Souto 2002: 469-470; Demaizière 1983: 176-177]. Известными переводчиками считались С. Удэн и Х. Луна [Zuili 2005: 203-204; Souto 2002: 472-473]. Л. Франчозини занимался как преподавательской, так и переводческой деятельностью [Lucia Megias: [http](http://)]. Среди авторов испанских грамматик Золотого века были и служители церкви, к самым известным из них принято относить Х. Вильяра и Д. Энкарнасьона [Peñalver Castillo 2007: 24; Rodriguez 2004: 23; Lope Blanch 1982: 43]. Многие авторы ранних испанских грамматик служили воплощением идеала гуманиста – человека разносторонне одаренного, эрудированного, знатока нескольких языков. Именно это давало им возможность создавать непохожие друг на друга, оригинальные по замыслу и воплощению работы.

Другим признаком «языка в человеке» в испанских грамматиках Золотого века выступает адресат. О том, кому было предназначено конкретное руководство по языку, сообщалось в предисловии к каждой

грамматике. В основном грамматики были ориентированы на тех, для кого испанский не был родным языком. Сами авторы подчеркивали, что их труд предназначен «для всех, кто желает правильно говорить, читать и писать на испанском языке». Нередко в качестве адресата грамматики выступали знатные особы, иногда король, королева или их ближайшие родственники, к которым автор почтительно обращался в Посвящении (*Su / Vuestra Majestad*). Указание высокопоставленных особ в качестве адресата, с одной стороны, отражало концепцию гуманизма об уникальности и возвышении человека, а с другой стороны, повышало статус самой грамматики.

В посвящениях или предисловиях к грамматикам также получили отражение сведения о роде занятий адресата, что по-своему проливает свет на общую атмосферу культурных и языковых контактов того времени. Изменение статуса испанского языка в XVI-XVII вв. привело к необходимости его изучения в первую очередь в среде европейских торговцев, коммерческий успех которых всецело зависел от умелого общения с представителями «владычицы морей», которые имели крупные торговые центры далеко за пределами Пиренейского полуострова. Ярким примером тесных коммерческих и межъязыковых контактов того времени может служить голландский город Антверпен, который в XVI-XVII вв. стал крупнейшим торговым и культурным центром Северной Европы. В ту пору этот город был в полном смысле этого слова космополитичным: в нем обосновались испанцы, итальянцы, англичане, французы. Расширение торговли обусловило интерес к изучению современных языков, что и способствовало открытию в Антверпене Школы живых языков (*Ecole des langues vivantes*), создателем которой был Г. Мерье [Demaizière 1983: 176-177]. Среди составленных им разноплановых пособий имеются грамматики и многочисленные дву- и многоязычные разговорники, в которых испанский язык занимает одно из лидирующих мест.

Что касается той стороны антропоцентризма, которая связана с формулой «человек в языке», то она получает рельефное отражение в иллюстративной части грамматик, т.е. в примерах. Как отмечают ученые, в эпоху Возрождения пример как иллюстрация или доказательство правил пришел на смену грамматическим комментариям и глоссам предшествующей традиции. В определенной мере это было связано с изменением характера грамматики, в которой аксиоматическая система уступила место системе эмпирической [Esteba Ramos 2005; Кистерева 2008; Михайлова, Колтунова 2012].

Богатый корпус примеров, получивший отражение в испанских грамматиках Золотого века, показывает, что абсолютное большинство из них сосредоточено на понятии *человек* и на тех объектах окружающей действительности, которые имеют прямое или косвенное отношение к

его жизни и деятельности. На эту закономерность в свое время обратил внимание Г. Гийом: «Мы видим окружающий нас мир только посредством того образа мира, который носим в себе» [Гийом 1992: 144].

Анализ примеров дает основание говорить о том, что при трактовке различных частей речи антропоцентричность грамматического описания реализуется по-разному. В наибольшей степени она проявляет себя в описании имен существительных, которые, согласно традиции, принято было подразделять на два вида: имена собственные и нарицательные. В большинстве грамматик широко представлены имена собственные, причем среди них выделяются наиболее распространенные в ту пору среди испанцев антропонимы: *Pedro, Catalina, Juan*. Значительно реже выводятся в качестве примеров такие имена, как *Martin, Diego, Luzia, Gonçalo, Coftança, Ynes, Violente, Françesco*. Встречаются на страницах грамматик также имена известных философов, ученых, поэтов, исторических личностей, причем не только времен античности, которой в то время поклонялись и стремились всячески подражать (*Socrates, Platon, Eráclito, Pompeyo, César, Cicerone lorador, Virgilio el Poeta*), но и имена известных современников (*Don Pedro el cruel, Alonso el Sabio, Marques*). Эти примеры наполняют тексты грамматик экстралингвистическим содержанием, позволяющим судить не только о степени эрудиции того или иного автора, но и о системе ценностей и приоритетов эпохи в целом.

В группе имен нарицательных значительное место занимают существительные, номинирующие человека по тем или иным признакам. Ведущее место среди них, бесспорно, занимает слово *hombre* (человек), без которого не обходится ни одна работа. Примыкает к нему группа существительных, отражающих разделение людей по родовому признаку: *varon* (мужчина), *muger/hembra* (женщина), *moça* (девушка). Широко представлены в грамматиках и термины родства: *padre* (отец), *madre* (мать), *niño* (ребенок), *hermano* (брат), *hermana* (сестра), *hijo* (сын), *hija* (дочь), *nieto* (внук). Интересен корпус примеров, которые обозначают род занятий или статус человека в обществе: *maestro* (учитель), *doctor* (врач), *labrador* (земледелец), *Capitan* (капитан), *poeta* (поэт), *fastre* (портной), *Rey* (король), *Emperador* (император), *Duque* (герцог), *Duquesa* (герцогиня), *Principe* (принц). Кроме того, в грамматиках нередко встречаются имена существительные, обозначающие чувства человека: *amor* (любовь), *gloria* (слава), *dolor* (боль), *culpa* (вина), *pesar* (сожаление/раскаяние). Как видим, эти примеры, с одной стороны, отражают вечные ценности человеческой жизни, с другой стороны, дают представление о культурно-историческом контексте своего времени.

Во многих примерах антропоцентричность мировидения проявляется косвенно. В грамматиках Золотого века имеется немало

существительных, обозначающих продукты человеческой деятельности и характеризующие его как человека разумного (*homo sapiens*), способного созидать вокруг себя мир вещей. Это такие существительные, как *pan* (хлеб), *naue* (корабль), *casa* (дом), *mesa* (стол), *relox* (часы), *zapato* (башмак), *carcaх* (колчан) и др. В то же время грамматики содержат значительное число примеров, проливающих свет на мир, видимый глазами человека: *tierra* (земля), *aire* (воздух), *sol* (солнце), *cielo* (небо), *fuego* (огонь), *agua* (вода), *montaña* (гора), *mar* (море), *árbol* (дерево), *flor* (цветок) и др.

По-своему преломляется образ человека через примеры, иллюстрирующие описание имен прилагательных. В этих примерах отчетливо прослеживается, каким образом в языковом сознании того времени высвечивались различные качества человека. Самым частотным в грамматиках является прилагательное *bueno* (хороший) (*hombre bueno, mujer buena*). Примечательно, что его антоним *malo* (плохой) занимает довольно скромное место в описании данной части речи (*hombre malo*). Среди других прилагательных, которые достаточно широко представлены в грамматиках Золотого века, выделяются те, с помощью которых чаще всего дается описание внешности человека: *hermoso / lindo* (красивый), *fuerte* (сильный), *grande* (большой, высокий), а также черты его характера: *justo* (справедливый), *noble* (благородный), *sabio* (мудрый). Последние тесным образом связаны с идеалами эпохи Возрождения, ключевыми понятиями которой были *доблесть, благородство, мудрость*.

При описании глагола как части речи авторы грамматик отдавали предпочтение таким лексемам, как *hazer* (делать), *correr* (бежать), *sentir* (чувствовать), *amar* (любить), *deffear* (желать), *reyr* (смеяться) и др., что отражает представления грамматистов о мире человека действующего. С другой стороны, в системе примеров достаточно широко представлены такие глаголы, как *creer* (думать), *hablar* (говорить), *escribir* (писать), *leer* (читать), что по-своему высвечивает наиболее важные для человека той эпохи качества – *доблесть, благородство и мудрость*, тесным образом связанные с интеллектуальной деятельностью и особым отношением людей той эпохи к миру книжно-письменной культуры.

Эмоциональная сторона поведения человека получила отражение в текстах грамматик через достаточно объемный корпус примеров, иллюстрирующих богатство и особенности употребления в речи междометий. Выражение человеческих чувств, внутренний мир человека представлены в грамматиках преимущественно через междометия, выражавшие положительные чувства – радости, удовольствия (*O bueno, ah, oh, aires, tararira, hala hala, alagala*), боли (*oj, ojete, ojte, oste, oiste, guai, guai de tí, ai, ah, oh, hai, guaydemi, o desdechado de mi*), восхищения (*Iefus, ualamedios*). Междометия, которые служили в то время для выражения

гнева, раздражения и других отрицательных эмоций, представлены единичными примерами, что позволяет говорить о том, что авторы грамматик по-своему пытались моделировать образцовую речь человека, ограничивая ее лишь выражением положительных эмоций.

Итак, рассмотрение испанских грамматик Золотого века сквозь призму принципа антропоцентризма показало, что в них получили отражение такие его стороны, как «язык в человеке» и «человек в языке». Первая представлена через личность автора грамматики и ее адресата. И хотя автор грамматики выступает как активная языковая личность, а ее адресат как реципиент, содержание грамматик отражает их тесную взаимосвязь и взаимообусловленность. Вторая отражена в системе примеров, которая сфокусирована не только на понятии «человек», но и объектах окружающей его действительности. Многие примеры связаны с идеалами Ренессанса и общими настроениями эпохи Золотого века, определявшими поступки и чувства человека того времени.

Литература

- Алпатов В.М. Об антропоцентричном и системоцентричном подходах к языку // Вопросы языкознания. – 1993. – №3. – С. 15–26.
- Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики /Общ. ред., послесл. и коммент. Л.М. Скредлиной. – М.: Прогресс, 1992.
- Кистерова М.Э. О роли грамматического примера в описании языка (Некоторые аспекты изучения первых португальских и испанских грамматик) // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 2008. – № 5. – С.182-190.
- Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. – М.: Мысль, 1998.
- Михайлова Е.Н., Колтунова С.В. Специфика экземплификации в описании категории падежа (на материале испанских грамматик XVI-XVII вв.) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2012. № 3. Т.1. Филология.– С.120-129.
- Пико делла Мирандола Дж. Речь о достоинстве человека // Эстетика Ренессанса: в 2-х т. / Сост. В.П. Шестаков. – М.: Искусство, 1981. – С. 248–305.
- Скредлина Л.М. Послесловие // Г. Гийом. Принципы теоретической лингвистики. – М.: Прогресс, 1992. – С. 168-194.
- Скредлина Л.М. К вопросу об антропоцентризме // Романское языкознание в России и за рубежом. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1998. – С. 39-40.
- Demaizière C. La grammaire française au XVI-e siècle: Les grammairiens picards. – Paris: Didier-Erudition, 1983.
- Esteba Ramos D. Los ejemplos en las gramáticas del Español como lengua extranjera: Siglo de Oro: tesis doctoral. – Malaga, 2005.
- Lope Blanch J. M. La lingüística española del Siglo de Oro // AIH, Actas VIII. – 1982. – P. 37-58.
- Lucía Megías J. M. Primeros ilustradores del Quijote [Electronic resource]. – URL: <http://www.ucm.es/BUCM//foa/exposiciones//15Quijote/losquijotes/85.htm>.
- Peñalver Castillo M. La teoría gramatical de Juan Villar // Nueva Revista de Filología Hispánica. – Vol. LV. – Num. 001. – 2007. – P. 23-50.
- Rodríguez Valle N. Gonzalo Correas, un espíritu independiente // Revista de Literaturas Populares. – IV-1. –2004. – P. 89–106.
- Solis F. A. Cristóbal de Villalón. – URL: http://foros.proverbia.net/topic.asp?TOPIC_ID=12482.
- Souto Garrido F. Notas sobre la enseñanza del español en Francia en la época de Luis XIII: la labor de los pedagogos españoles // Actas del III Congreso Internacional de la Sociedad Española de Historiografía Lingüística, Vigo, 7–10 de febrero de 2001. – Hamburg: Buske, 2002. – P. 469– 472.
- Zuili M. Nuevas aportaciones sobre el hispanista francés César Oudin (1560?-1625) // Thélème. Revista Complutense de Estudios Franceses. – 2005. – №20. – P. 203 – 211.

НЕВЕЖИНА Е.А.
ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА В АРЕАЛЕ
ВАЛЛОНИЯ-БРЮССЕЛЬ

Abstract: The French-speaking part of Belgium – Wallonia-Brussels area – is one of the interesting objects of study due to the current situation in the world. The processes of globalization and its reverse side – regionalization – generate interest in the territorial language varieties: status, contacts, language processes dynamics, lexical and grammatical characteristics. The article displays methods by which it is possible to study this area and the dynamics of French development in Wallonia and Brussels. Attention is paid mainly to epilinguistic discourse of French-speaking Belgians in the study of the linguistic security/insecurity phenomenon.

Keywords: epilinguistic discourse, linguistic security/insecurity, belgicism, French language variety.

Одной из задач современной лингвистики является изучение связи вариативности языков с социальными процессами интеграции, дифференциации, дистанцирования и выделения, а также состояния региональных вариантов языка в функциональном аспекте. С середины XX в. интерес к пространственному варьированию языков усилился в связи с региональными движениями, проходящими во многих странах под знаком защиты языкового и культурного разнообразия на фоне противоположных процессов унификации языков и культур под мощным воздействием процессов глобализации. Богатый материал для исследования представляет собой франкоязычная Бельгия.

Вопросами варьирования французского языка, его социолингвистического статуса занимались М.А. Бородина, В.Г. Гак, Н.И. Голубева-Монаткина, А.И. Домашнев, Г.С. Доржиева, В.М. Жирмунский, Т.Ю. Загряжская, Л.В. Разумова, Е.А. Реферовская, Л.М. Скредина, Г.В. Степанов, Н.М. Фирсова, зарубежные лингвисты К. Бланш-Бенвенист, О. Брэн, Ш. Бушар, С. Детэй, Ж.-М. Клинкаенберг, А. Ланли, В. Лине, Г. Тьюаон, М. Франкар и др.

Для наиболее полного представления языковой ситуации в ареале Валлония-Брюссель представляется целесообразным трехсторонний подход: социолингвистический (феномен языкового самосознания и чувства языковой уверенности / неуверенности), собственно лингвистический (консервативные и инновационные тенденции) и лингвогеографический (направления пространственных изменений) [Невежина 2016]. В качестве материалов исследования в данной статье представлены медиатексты Франции, Бельгии и Швейцарии (более 10 000 страниц), результаты самостоятельного анкетирования франкоязычных жителей Бельгии (80 респондентов), картографирования языковых и социокультурных фактов (24 карты).

Стоит упомянуть, что в разные времена Бельгия принадлежала Испании, Австрии, Франции, Нидерландам и только в 1830 году обрела независимость. Следствием стали интенсификация языковых

контактов и обострение вопроса идентичности на территории королевства. Франкобельгийцы разорванного пограничного ареала Валлония-Брюссель находятся на пересечении языков и культур: их окружают Фландрия, Франция (Пикардия и Лотарингия), Нидерланды, Германия, герцогство Люксембург. Среди франкоязычного населения регионов Валлония и Брюссель развиваются чувства языковой и культурной уверенности/неуверенности, укрепления/потери опоры в осознании своей идентичности. Термин *языковая уверенность/неуверенность* введен американским лингвистом В. Лабовым в 60-е гг. XX в. Лингвистическая уверенность – это чувство своей защищенности, осознание нормы языка и следование ей, убежденность в правильности своего высказывания, осознанный уход (при необходимости) от нормы для стилистической окраски речи; неуверенность – ситуация, при которой говорящие считают свою речь недопустимой к норме, что порождает тревогу в использовании языка и варианта, т.е. языковая уязвимость.

Чтобы уточнить уровень языковой уверенности/неуверенности у говорящих исследователями применяется анкетирование. С учетом исследований, проведенных учеными бельгийской школы (Д. Лафонтен, М. Гарсу, М. Франкар, В. Лине, А. Жаке и др.), нами была разработана онлайн-анкета. Материалом стали ответы 80 респондентов из 32 городов Валлонии и Брюсселя, собранные в период с октября по декабрь 2015 г. (составлено 24 карты). Целью анкетирования было уточнение языковой ситуации в регионах Валлонии и Брюсселя, составление лингвистических карт для выявления распространения и интенсивности использования лексических единиц.

Как показали результаты анкетирования, употребление лексической единицы (бельгицизма как инновации или архаизма во французском языке жителей Бельгии или общефранцузской лексемы) зависит от социальной среды, уровня образования, профессии, возраста, стиля речи и намерения говорящего: *Les cheveux 'crollés' que je comprends bien et que j'ai utilisé dans mon enfance dans le Hainaut mais que je n'utilise plus maintenant, sauf peut être avec des amis proches de ma région d'origine* (“Курчавые волосы” я хорошо понимаю, использовал [выражение] в детстве в Эно, но сейчас не употребляю, разве что среди близких друзей из моего родного региона); *On ne dit pas 'j'ai planté macaïsse/labagnole' à son patron, mais: 'j'ai eu un accident de voiture'* (Мы не говорим: ‘я разбил свою тачку’ [бельгицизм/общефранцузская единица] – своему начальнику, мы говорим: “Я попал в автомобильную аварию”). Ответы свидетельствуют о том, что младшее поколение обладает пассивными знаниями диалектов: *les jeunes ne parlent plus wallon bien qu'il existe des pièces de théâtre uniquement en wallon* (Молодежь не говорит больше на валлонском, несмотря на то что существуют театральные пьесы только на валлонском).

Наибольшей уверенностью в 'правомерности' своего владения французским языком обладают мужчины, чья работа предполагает использование иностранных языков (самооценка 10 по десятибалльной шкале). Менее уверены те, кто работает в сфере образования (самооценка 9), самыми неуверенными являются женщины, работающие в сфере образования (самооценка 7). Было отмечено, что отношение к проникновению англицизмов разделяет говорящих на три почти равнозначные группы: тех, кто к этому относится спокойно (29,1%: *Notre langue évolue, cela fait du français une langue vivante!* (Наш язык развивается, а это (речь об английских заимствованиях) делает его живым) и тех, кто является сторонником чистоты речи (38%: *La présence de mots anglais est insupportable partout où il existe un mot français synonyme* (Использование английского слова недопустимо везде, где можно поставить французский синоним); остальные (32,9%) воздержались от ответа.

При анализе эпilingвистических высказываний (т.е. речи о языке) большинство (84,8%) отвечающих согласилось с тем, что французский язык в Бельгии обладает своими особенностями. Франкобельгийцы эмоционально привязаны к своей речи, поскольку считают ее маркером своей идентичности: *Et je mets donc un point d'honneur à sortir toute mon armée de belgicisms quand je suis au contact de Français: à tantôt AU lieu de 'à tout à l'heure'* (Для меня дело чести пустить в ход всю свою артиллерию бельгицизмов, когда я общаюсь с французом: использую *до скорого* (à tantôt вместо à tout à l'heure)», здесь и в других местах сохранена орфография оригинала). Важно, что ирония может служить для прикрытия чувства собственной неуверенности, комплекса. Самоирония является признаком спокойного отношения к своей речи и осознания ее особенностей: *Un Wallon un peu cultivé sait qu'il devra changer sa manière de parler pour ne pas être moqué par un Français pointant l'accent belge* (Даже хоть немного образованный валлонек знает, что должен изменить свою речь, чтобы не попасть под насмешки француза, который высмеивает бельгийский акцент); *'Caber douche' – je l'ai déjà entendu ou lu mais pas fréquemment et personnellement je ne l'utilise jamais (sauf peut-être pour rire)* (Кафе (кабак) – я уже его (слово) слышал или читал, но не часто и лично я его не использую (разве только в шутку)).

Анализ показал, что бельгицизмы используются не только в пределах Бельгии, но имеют распространение на территории европейской части Франкофонии. Среди бельгицизмов, обнаруженных в СМИ Бельгии: 46 используются часто; 5 – редко; 2 – очень редко. В СМИ Парижа и СМИ сопредельных с Бельгией регионов Франции (Лилль и Реймс) пропорции иные: Париж: 4 слова используются часто; 15 – редко; 9 – очень редко. Лилль и Реймс: 4 единицы используются часто; 20 – редко; 9 – очень редко. В СМИ романской Швейцарии бельгицизмов меньше, и они используются еще реже: 1 – редко; 7 – очень редко.

Наибольшая интенсивность использования бельгицизмов обнаруживается в Брюсселе – «перекрестке» языков, наименьшая – в бельгийской провинции Люксембург, ориентированной на общепольский язык. В провинциях Льеж, Намюр, Брабант, Эно засвидетельствована равномерность распределения архаизмов и собственно бельгийских инноваций. Повсеместно отмечается активное использование англоязычных лексем (*kit-bag, sandwich*).

В результате многовекторного анализа – социолингвистического, лингвистического и лингвогеографического – установлено, что ареалы Валлонии и Брюсселя представляют собой разорванное лингвистическое пространство, с одной стороны, тяготеющее к языку Парижа (Франция), с другой – отталкивающееся от последнего и взаимодействующее с сопредельными 'ближними' (Фландрия (Бельгия), Германия, Нидерланды и герцогство Люксембург) и 'дальними' центрами (английский язык и англосаксонский мир). Фактор языковой уверенности/неуверенности исторически изменчив. Он является показателем идентичности и имеет два аспекта: 1) осознание говорящим вариативности языковых форм; 2) оценка своей речи (как разно- или равностатусной) по отношению к французскому образцу. Действие этого фактора наиболее полно при общении с носителями общепольского языка внутри страны или за ее пределами (например, с французами из Франции).

Специфика бельгийского варианта определяется двумя тенденциями: 1) консервативной – сохранение архаизмов польского языка, не исчезнувших в ареалах франкофонии, в том числе в Бельгии; 2) инновационной – формирование собственно бельгийских новообразований. Доля последних в общем корпусе бельгицизмов преобладает.

Валлония и Брюссель составляют разорванный пограничный ареал Романии, который в дальнейшем может еще более раздробиться или, напротив, превратиться в единый массив. Роль языкового самосознания и языковой политики в этих процессах является решающей.

Литература

- Загряжина Т.Ю. Речь о польском языке и проблема языкового многообразия // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2013. – № 2. – С. 52-63.
- Загряжина Т. Ю. Франция и франкофония: язык, общество, культура. – М.: Издательство Московского университета, 2015.
- Невежина Е.А. Анкета «Belgicismes». – Режим доступа: <http://goo.gl/forms/UeLW2Eg2IE> (дата обращения: 26.02.2017).
- Невежина Е.А. Динамика языковых процессов в Валлонии и Брюсселе как пограничных ареалов Романии: автореф. дис. ... канд. филол. наук.: 10.02.05. – М., 2016.
- Скрелина Л.М. Некоторые вопросы развития языка: Проблемы и методы диахронического исследования. – Минск: БГУ, 1973.
- Lebouc G. Le belge dans tous ses états. Dictionnaire des belgicismes, grammaire et prononciation. – Paris: Bonneton, 1998.

НОВОСЕЛОВА Н.В.

К ВОПРОСУ О ФАКТОРАХ РАЗВИТИЯ БЕЗЛИЧНОЙ КОНСТРУКЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Abstract: The article is about stylistic potential of impersonal sentences in modern French which go back to the S-V-N model (S – a subject, V – a predicate, N – an object). Stylistic potential of impersonal sentences is considered as one of the factors causing the development of an impersonal construction of the specified type in modern French. This situation reveals on the examples of impersonal sentences from literary texts in which stylistic opportunities of impersonal sentences prove most brightly.

Keywords: modern French, impersonality, impersonal sentences.

В современном французском языке модель [S – V – N] – это модель безличного предложения с глаголом, который может выступать в функции сказуемого как в личных, так и в безличных предложениях. В позиции подлежащего – местоимение *il* безличное (*il* impers.), характеризующееся в контексте неопределенно-широкой референтивной связью. В правой позиции — имя в функции объектного дополнения. Модель была установлена в соответствии с положением о вербоцентричности предложения. Важным для нас является тот факт, что глагол в функции сказуемого конституирует предложение, является его центром, предполагая вокруг наличие определенных открытых позиций [Скрелина 1973: 20-21].

Развитость указанной выше безличной конструкции относится к числу релевантных черт синтаксического строя современного французского языка. При этом, одним из факторов, обуславливающих высокую частотность безличных предложений, восходящих к модели [S – V – N], является, с нашей точки зрения, их стилистический потенциал. Данное положение мы проиллюстрируем на примерах из художественных текстов, в которых, как представляется, изобразительно-выразительные возможности безличных предложений указанного типа проявляют себя наиболее ярко.

Традиционно стилистический потенциал безличных предложений, восходящих к модели [S – V – N], объясняют присущей им способностью 'вуалировать', скрывать деятеля или носителя состояния. Рассмотрим в этой связи некоторые случаи применения безличных предложений в художественных текстах в стилистических целях.

Отметим прежде всего, что устранение семантического субъекта в безличном предложении может быть полным и сводится к не заполнению позиции дополнения агенса. Глагол-сказуемое сохраняет при этом заполненную позицию прямого дополнения. В случае полного устранения семантического субъекта безличное предложение в тексте художественного произведения может подчеркивать всеобъемлющий характер действия, как в примере: *Il s'est mené une guerre terrible contre les*

modernistes [Romain 1932b : 138]. Отсутствие указания на семантический субъект в безличном предложении позволяет автору представить неприятие модернистов, враждебное отношение к их воззрениям как некий социальный феномен, охвативший все общество: *Il s'est mené une guerre terrible contre les modernistes – Началась жестокая война против модернистов.*

В безличных предложениях, восходящих к модели [S – V – N], устраненный из позиции подлежащего субъект может быть также оформлен и как зависимое от глагола-сказуемого дополнение, при этом, не только как прямое, но и как косвенное. В художественных текстах данная особенность безличной конструкции нередко используется авторами для представления немотивированного характера действия, вызывающего определенное психическое или физическое состояние у персонажа, как в примере: *Il pousse en elle inconsciemment la conscience d'un autre âge* [Aragon 1949 : 246]. В данном предложении эмоциональное состояние героини произведения представлено как некий стихийный процесс, происходящий самопроизвольно, неконтролируемый ею, но захватывающий ее полностью: *Il pousse en elle inconsciemment la conscience d'un autre âge. – В ней как будто бессознательно происходит осознание другого возраста.* Глагол *pousser* (расти), употребленный метафорически, подчеркивает интенсивность данного процесса.

В безличных предложениях рассматриваемого типа семантический субъект нередко может быть оформлен и как метонимический. Отметим, что французские авторы достаточно активно используют такого рода прием в описаниях, извлекая различного рода стилистические эффекты. Так, исполнитель (обычно речь идет о множественном субъекте) может угадываться в конкретных проявлениях какого-либо действия, как в данном примере, где речь идет о пощечинах, которые сыплются на героя со всех сторон: *Il s'abat sur moi tellement de gifles que je ne vois plus ce qui se passe* [Céline 1981: 605]. Мы видим, что герой произведения находится в центре стихийно происходящей драки: получая пощечины, он как будто и не видит своих обидчиков, настолько их много и так активно они действуют.

В следующем примере метонимическое представление субъекта способствует воссозданию деталей, привычных для данной обстановки: *... il se fait dans les églises un léger bruit de prières à la seule lueur des cierges* [Romain 1932a : 187]. На реального деятеля в безличном предложении указывает шумовая манифестация действия (*un léger bruit de prières – чуть различимый шум произносимых молитв*): негромкие голоса, произносящие молитвы, мы обычно слышим в церкви. 'Устраняя' метонимически выраженный субъект из позиции подлежащего и 'представляя' действие совершающимся как будто самим собой, безличное предложение 'вуалирует' деятеля и является средством

образного описания атмосферы, царящей в храме, привнося оттенок таинственной торжественности, таинства, при совершении которого люди не выставляют себя на показ, а наоборот, ищут уединения.

Безличные предложения с субъектом, оформленным как метонимический, могут быть также использованы для создания панорамных описаний, в частности, для создания панорамы городского пейзажа, как в примере: *Paris est mollement jeté sur ses collines, de part et d'autre de son fleuve. Il fait des plis. La multitude coule vers le centre. Au petit matin, c'est des pentes et des hauteurs de l'Est qu'il en ruisselle le plus: bourgerons, vestes de travail, complets de velours à côtes; rien que des casquettes* [Romain 1932a : 28]. В данном отрывке мы видим жителей Парижа, идущих утром на работу. Их собирательный образ как будто растворяется в городском пейзаже, становясь его неотъемлемой частью: это рабочие блузы (*bourgerons*), куртки (*vestes de travail*), вельветовые костюмы (*complets de velours à côtes*), кепки (*casquettes*). Их движение по городу автор уподобляет некоей стихии, которая охватывает Париж в утренние часы. В сочетании с безличным местоимением *il* глагол *ruisseler* (струиться, течь, литься ручьем), употребленный метафорически, акцентирует идею автора: читатель представляет себе жителей города единым потоком, движение которого по городским магистралям управляется некоей неведомой силой, подобной той, которая движет водяные потоки.

В целом необходимо отметить, что безличные предложения достаточно часто используются французскими авторами в описаниях, в частности, когда необходимо создать собирательный образ, как в примере, где речь идет о городе, который преобразуется вечером, когда наступает время ужинать: *Le repas transforme une ville, la morcelle, en suspend le flux. C'est alors que beaucoup de rues se vident, et que toutes ralentissent. Il naît en mille endroits des joies calfeutrées. La grande rumeur ne monte plus vers la région des nuages. C'est alors qu'il pullule de petites fêtes, et que de petits feux crépitent, invisibles sous la croûte des maisons* [Romain 1934 : 332]. Собирательный образ города складывается из двух планов: внешние черты, типичные детали города и внутренняя жизнь, скрытая от глаз посторонних. Типичные детали городской обстановки автор описывает посредством личных предложений, акцентируя внимание читателя на процессах, которые изменяют облик вечернего города: *beaucoup de rues se vident* (улицы пустеют); *la grande rumeur ne monte plus vers la région des nuages* (гул не поднимается больше в небо); *de petits feux crépitent, invisibles sous la croûte des maisons* (потрескивают огоньки, скрытые за скорлупой домов). Для описания жизни, скрытой от глаз посторонних, автор использует безличные предложения (*il naît en mille endroits des joies calfeutrées; il pullule de petites fêtes*), в которых действующие лица просматриваются через проявление чувств или

действий, присущих человеку (в рассматриваемых предложениях речь идет о жителях города) (радости – *des joies calfeutrées*; празднества – *de petites fêtes*). События, которые скрывают людей, в них участвующих, представлены безличными предложениями так, как будто они происходят сами собой, и в этом смысле безличные предложения привносят в описание вечернего города оттенок таинственности и загадочности. Город здесь предстает как единое целое, единое существо, жизнь которого наполнена различными событиями.

Говоря о стилистических возможностях безличных предложений в художественных текстах, на наш взгляд, необходимо отдельно остановиться и наслучаях новаторства французских авторов в области языка, их индивидуально-авторских находках, благодаря которым в современном французском языке расширяется круг глаголов, способных употребляться безлично в рамках модели [S – V – N]. Особенно ярко данное явление проявляет себя на примере тех безличных предложений, в которых глаголы конкретной семантики употреблены в переносном значении. Так, например, в безличном предложении, где глагол *ronronner* (мурлыкать) помогает автору воссоздать атмосферу в цехе, в котором негромко работают машины: *Il traversait maintenant une petite banlieue ouvrière avec des manufactures ici et là. L'une d'elles était éclairée, il y ronronnait des machines* [Queneau 1996 : 149]. В примере с глаголом *bourdonner* (жужжать) воссоздается шумная атмосфера, царящая в зале, наполненном людьми: *Il bourdonnait des conversations menées dans toutes les langues du monde* [Kédres 1977: 77].

В безличном предложении с глаголом *valser* (вальсировать – зд.: о кружке пива), употребленным метафорически, автор описывает светлую атмосферу в баре: *La bière coulait, fallait voir. Les tables à peine essuyées ruisselaient des demis suivants. Il en valsait au-dessus des consommateurs, et les garçons n'avaient pas l'air de s'amuser* [Aragon 1949 : 533]. При отсутствии указания на реального исполнителя безличное предложение подчеркивает стихийный характер самого действия. Во внешней силе, приводящей в движение кружки, угадывается расторопность официантов, стремящихся справиться с наплывом посетителей.

Образное описание явления природы мы наблюдаем в следующем примере: *Elle ajouta même: «Il pleut!» argument si comique, si digne de Gribouille que j'éclatai de rire. C'était vrai, d'ailleurs: il volait des gouttes; l'Erdre était constellée de ces petits ronds que, plus jeune, j'appelais «des enfants de soleil», à ces milliers de ronds de lumière que les grands midis de juin effeuillent sous les arbres* [Bazin 1996 : 14]. В данном отрывке автор использует безличную конструкцию для описания детских представлений героини романа о мелком дождике, когда с неба падают небольшие капли: *il volait des gouttes (летали капли)*. Капли дождя она

называла тогда «солнечные дети» (*des enfants de soleil*) и любила наблюдать, как в них отражается дневной свет. Безличное предложение с глаголом *voler* (летать) в определенной степени является стилистической находкой автора, помогающей ему реализовать свой художественный замысел в этом отрывке романа, когда героиня, наблюдая за дождем, который она наивно воспринимала когда-то как летающие капли, вспоминает о своем безоблачном детстве и приходит в хорошее расположение духа.

В заключение отметим, что, будучи одним из факторов, обуславливающих в современном французском языке развитие безличной конструкции [S-V-N], ее выразительно-образительные возможности способствуют: во-первых, регуляризации безличного употребления глаголов за счет расширения их сочетательных связей, в том числе и в результате их переносного употребления в безличных предложениях (метонимия, метафора), во-вторых, расширению круга глаголов конкретной семантики, способных употребляться безлично.

Литература

Скрелина Л.М. Очерк исторического синтаксиса французского языка (развитие структуры предложения в связи с изменением валентных свойств фундаментальных глаголов): Учебное пособие по курсу грамматики и истории французского языка. – Минск: БГУ, 1973.

Aragon L. Aurélien. – Paris: Gallimard, 1949.

Bazin H. Qui j'ose aimer. – Paris : Éditions Bernard Grasset, 1996.

Céline L.-F. Romans: En 4 t. – T. 1: Voyage au bout de la nuit. Mort à crédit. – Paris: NRF, Gallimard, 1981.

Kédres A. Le dernier voyage du «Port-Polis». – Paris: Gallimard, 1977.

Queneau R. Mon ami, Pierrot. – Paris : Gallimard, 1996.

Romains J. Les hommes de bonne volonté: En 19 t. - T. 1: Le six octobre. – Paris: Flammarion, 1932a.

Romains J. Les hommes de bonne volonté: En 19 t. - T. 3: Les amours enfantines. – Paris: Flammarion, 1934.

Romains J. Les hommes de bonne volonté: En 19 t. - T. 13: Mission à Rome. – Paris: Flammarion, 1932b.

ОВЧИННИКОВА Г.В.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ТРАНСПЛАНТАЦИЯ КОНВЕРСИВОВ С ЯДЕРНОЙ СЕМОЙ ЦВЕТ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Abstract: The article introduces the definition of a new term, *cosmetonymic coloronym*. The analysis focuses on the place and function of coloronyms in the word-formation system in the French and Russian languages. A new classification system is elaborated for both languages: it is based on the componential analysis with distinguishing nuclear and differential semes. Until recently coloronyms of the lexico-semantic field “cosmetonyms” were not the core of linguistic research. By dint of web-supported data, similarities and differences in their word formation are

explored. A comparative analysis reveals the preponderance of the coloronyms, formed with the help of the conversion, in French and Russian word groups from the point of view of semantics, word-formation and syntax.

Key words: conversiv, cosmetonym, word-formative, conversion, componential analysis, nuclear seme, differential seme.

Опираясь на труды Н. М. Васильевой и Л. П. Пицковой [2004: 92] необходимо отметить, что конверсивы в синтаксическом плане часто входят в состав лексикализованных синтагм, например: *le vert Véronèse* – веронская зелень, *le rouge d'Angleterre* – оксид железа.

Словообразовательный анализ производных с колористическим компонентом и подсчет статистических данных показывает, что самым распространенным способом словопроизводства колоронимов косметонимического поля является конверсия, в частности, адъективация существительных. Следует отметить, что этот тип словопроизводства наиболее распространен во французском языке: *le rouge à lèvres fraise, abricot, cerise, lilas, chocolat*.

Адъективированные существительные французского языка являются неотъемлемым семантическим компонентом, уточняющим нюанс цвета, обозначенного прилагательным: *blanc neige* – белоснежный, *gris perle* – жемчужный, *beurre frais* – сливочный, *vert émeraude* – изумрудный, *bleu ciel* – небесно-голубой, *bleu lavande* – светло-сиреневый, *gris souris* – мышиный и др.

Компонентный анализ фактического материала раскрывает семные сходства и различия колоронимов французского языка. Метод электронной обработки интернет-ресурсов позволил выделить следующие лексико-семантические классы колоронимов:

1) конверсивы с дифференциальной семой производного слова «географическое название», одним из компонентов подобных конверсивов является топоним: *le bleu delft* (цвет дельфтского голландского фарфора, г. Дельфт); вино – *chartreuse* (по цвету ликера марки «шартрёз», Chartres), *armagnac* (цвет коньяка провинции Гасконь). К этому типу колоронимов относятся лексемы *бордо* (г. Бордо, Франция), *solferino* (цвет красителя, добываемого в Сольферино, Италия).

2) конверсивы с дифференциальной семой «фитоним, флороним»: *pistache* (фисташковый), *marron* (коричневый), *bleuet* (васильковый), *prune* (сливовый), *aubergine* (баклажановый), *sapin* (темно-зеленый), *fraise* (клубничный), *framboise* (малиновый), *potte* (яблочный), *carotte* (морковный), *mandarine* (мандариновый), *lavande* (лавандовый), *fuchsia* (ярко-розовый, цвет фуксии), *rose* (розовый), *pion/ pivoine* (малиново-розовый, цвет пиона), *tiquet* (голубовато-белый, цвет ландыша), *tilleul* (нежно-зеленый, цвет липы), *tête-de-nègre* (темно-коричневый, цвет шляпки белого гриба);

3) конверсивы с дифференциальной семей «зооним», имеющие характерную окраску: *souris/gris souris* (мышинный), *saumon* (лососевый, ярко розово-оранжевый), *canard/bleu canard* (сине-зеленый), *canari* (канареечно-желтый), *grenouille* (темно-зеленый), *caméléon* (коричневато-бежевый);

4) конверсивы с дифференциальной семей «деятель, исторический персонаж», например: *gris Louis XVI* – *благородный серый*.

5) конверсивы с дифференциальной семей «социальный статус»: *pourpre royal* (*королевский пурпурный*), *sultan* (*ярко-красный*), *rouge toréador* (*темно-красный*);

6) конверсивы с дифференциальной семей «название пищевых продуктов, напитков»: *thé* (бежево-розовый, чайный), *couleur café au lait* (цвет кофе с молоком), *miel* (медовый), *chocolat* (шоколадный), *caramel* (карамельный-светло-коричневый), *beurre* (сливочный), *crème* (сливочный, кремовый), *bonbon* (ярко-розовый), *capuccino* (светло-кофейный), *crème brûlée* (крем-брюле);

7) конверсивы с дифференциальной семей «название камней и минералов»: *améthyste* (светло-фиолетовый), *turquoise* (бирюзовый), *émeraude* (изумрудный), *zinzolin* (красновато-лиловый, зинзолиновый), *corail* (коралловый), *cristal* (прозрачный), *chrysobéryl* (серо-сиреневый), *agate* (агатный), *rubis* (рубиновый);

8) конверсивы с дифференциальной семей «явление природы»: *horizon* (сине-сереневый), *aurore* (золотисто-розовый), *feu* (огненно-красный) и прочие.

Важно отметить, что, в погоне за звучностью и необычностью названий оттенков косметической продукции, с целью привлечения клиентов необычным названием колора, изготовители используют в своих каталогах имена собственные, названия предметов и явлений, взятых из мифов, или известные исторические факты. Примером таких косметонимов цвета, встречающихся в каталогах известных косметических марок, может служить эпоним *isabelle*.

Конверсив *isabelle* (светлокоричневый, серо-желтый, грязноватый соломенно-розовый), по легенде назван по имени испанской принцессы Изабеллы (1566–1633), дочери Филиппа II, супруги австрийского эрцгерцога Альбрехта, которая во время осады последним Остенде во Фландрии (1601) дала обет не менять рубашки до тех пор, пока крепость не будет взята. Но так как осада длилась три года, три месяца и три дня (до 1604 г.), рубашка получила цвет, называемый ныне *isabelle*.

Существует и другое мнение о происхождении названия данного оттенка. Колороним *isabelle* назван по имени Изабеллы I Кастильской (1451–1504), супруг которой, Фердинанд II Арагонский, осадил город Гранаду в 1491–1492. Осада длилась 8 месяцев. Существует еще и версия арабского происхождения *هيزه*, *hizah* (лев), цвет гривы льва.

Эпоним *Aphrodite* используется для передачи нежно-розового оттенка, а *Neptune* – для зеленовато-голубой.

Этимология конверсивов не всегда является прозрачной исследование этимонов конверсивов французского языка представляет большой интерес для дальнейших научных изысканий.

Литература

Васильева Н. М., Пицкова Л. П. Французский язык. Теоретическая грамматика. Морфология. Синтаксис. Ускоренный курс. – М.: Лист Нью, 2004. С. 7.

Pourpre.com (сайт французских цветообозначений) / rouge anglais [Электронный ресурс]. URL: <http://pourpre.com/chroma/dico.php?typ=fiche&ent=anglaisrouge> (дата обращения: 16.12.2016).

ПОЛИКАРПОВА Т.Д.

СИНТАГМЫ *SOUS+ИМЯ*, *AU-DESSOUS DE+ИМЯ*, *EN DESSOUS DE+ИМЯ* В ВЫРАЖЕНИИ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Abstract: The article deals with the linguistic model of space where the located object is below the reference object. It reviews spatial relations designated by the French syntagmas «sous + noun», «au-dessous de + noun», «en dessous de + noun».

Key-words: French language, spatial relations, preposition, syntagma.

Большое количество человеческих сообщений содержит пространственные феномены. Это не удивительно, поскольку мы проводим нашу жизнь в физическом пространстве, перемещаемся из одного места в другое, уточняем местоположение живых существ и предметов, выясняем направление и способ движения. Непрерывающаяся будничная деятельность человека представляет собой важную часть опыта по освоению окружающего пространства. Фундаментальный характер этой 'пространственной' деятельности проявляется в языках богатством лексических средств для ее обозначения.

Стандартная пространственная ситуация содержит три базовых элемента: две единицы и пространственное отношение, которое устанавливается между ними. Самый распространенный способ лингвистического описания пространственной ситуации – указать местоположение какой-либо единицы по отношению к другой единице, позиция которой лучше определена. Это подтверждается следующими примерами:

La voiture est devant le musée. L'armoire est entre la fenêtre et le lit.

При этом пространственные отношения между двумя единицами могут иметь статическую природу: *La boîte est sous la table*. Или динамический характер: *Le chat passe sous la table*.

В отечественной традиции основные единицы пространственной ситуации называются *субъектом локализации* – предмет (лицо), положение которого устанавливается, и *локализатором* – предмет (лицо), относительно которого устанавливается положение первого [Нарумов 1975: 6]. Во французских исследованиях эту пару принято называть *cible* и *site* [Vandeloise 1986: 33; Borillo 1990: 76]. Здесь речь идет об относительной системе (а не о геометрической), которая предполагает асимметрию между локализуемой единицей и единицей, выбранной в качестве локализатора. Обычно локализатор занимает устойчивую позицию, он больше и заметнее, чем локализуемая единица; последняя часто потенциально подвижна (мобильна) и меньше по размерам. При этом необходимо учитывать, что описание любой пространственной ситуации осуществляется от лица третьей единицы – наблюдателя, «способного располагать элементы данной ситуации так, как он ее воспринимает непосредственно или на основании своего прошлого опыта» [Морозова 1978: 9]. В синтаксическом плане пространственная ситуация обозначается предложно-именной синтагмой, а собственно пространственные отношения получают свою конкретизацию посредством предлогов.

Рассмотрим лингвистическую модель пространства, где субъект локализации (X) находится ниже локализатора (Y). Во французском языке это отношение чаще всего передается при помощи предлога *sous*: *Sous son lit, dormait la valise toute cabossée qui avait servi à transporter la Machine* [Boyer 1991: 50].

На первый взгляд, семантика французского предлога *sous* кажется достаточно гомогенной, но при анализе его характерных употреблений для описания пространственных ситуаций выявляется значимость таких понятийных категорий как контактность и дистантность; при этом субъект локализации всегда находится в «области доминации» [Плунгян, Рахилина 2000: 127] локализатора, т.е. субъект локализации и локализатор не могут быть отдалены друг от друга настолько, что между ними исчезает всякая функциональная связь.

Прежде всего, к контактно доминантным относятся локализаторы, представляющие собой различные покрытия. Такие локализаторы предполагают контакт субъекта локализации с их поверхностью. Это так называемые двухмерные объекты (ковер, покрывало и т.п.): *Il ne s'étendra pas sous les couvertures avant d'avoir longuement pensé à Ring* [Gay-Lussac 1997: 76],

Это может быть нижняя поверхность трехмерных объектов: *Il sentait les cailloux sous ses mocassins italiens* [Sagan 1991: 99-100].

К разновидностям покрытий можно отнести и одежду: *Elle a un visage rouge parce qu'elle a marché au soleil, et **sous** la veste de son tailleur bleu, son chemisier blanc colle à sa peau* [Le Clézio 1982: 19].

Контактно доминантными локализаторами являются также различные субстанции (снег, пыль, песок, галька и т.п.). Такие Y воспринимаются как слой (у него есть толщина и поверхность): *Ils vont tout détruire, peut-être, toute la terre, les rochers, les montagnes, et puis enfouir la mer et le ciel **sous** les décombres et la poussière* [Le Clézio 1982: 247]

Особый случай представляют собой пространственные объекты типа вода, земля. В локализации участвует не весь объект, а лишь его верхний слой (*sous* Y интерпретируется как 'под верхним слоем' Y: под водой, под землей): *Mon aventure **sous** la terre* [Defossez 2009].

Наконец, к контактным локализаторам можно отнести части тела (сам человек в горизонтальном положении будет восприниматься как поверхность): *Elle met le livre **sous** son bras, demande la route* [Kandé 2000: 18]. *La moquette **sous** les pieds, on dévale avec une fausse aisance vers un rang de fauteuils vide* [Delerm 1997: 55].

Дистантно доминантными называются такие локализаторы, которые состоят из поверхности и опоры. К таким пространственным объектам относятся:

1) различные своды (мост, арка, тент, навес, потолок, крыша и т.п.):

*Le soleil a disparu derrière les arbres, j'ai rentré les chaises en fer-blanc **sous** la tonnelle car on annonce de la pluie pour cette nuit* [Besson 2001: 149].

*Quelques joggers, et quelques S.D.F. dans les passages **sous** les ponts* [Delerm 1999: 79].

2) все возможные предметы в виде незамкнутого контейнера (стол, кровать, автомобиль и т.п.), т.е. предметы, представляющие собой какую-либо поверхность или воспринимаемые в ситуации как поверхность (например, автомобиль), которая крепится на опоры (ножки, колеса и т.п.). Собственно, такие пространственные объекты можно рассматривать как частный случай локализаторов группы 1:

***Sous** son lit, dormait la valise toute cabossée qui avait servi à transporter la Machine* [Boyer 1991: 50].

*Il a avait des chats errants **sous** les autos arrêtées et en haut des murs, qui les observaient avec leurs pupilles arrondies* [Le Clézio 1982: 172].

3) источники света (солнце, луна, светильник, фонарь, люстра и т.п.). Источник света воздействует на некоторую поверхность внизу в отдалении, поэтому в таких случаях подразумевается расстояние между X и Y:

*Simplement devenir la gelée de groseille, les mains autour du pot, **sous** les reflets de la lampe* [Delerm 1999: 62].

*Les arbres et les aloès restent où ils sont nés, dans la terre sèche qui les enserre, **sous** le soleil qui les brûle* [Le Clézio 1982: 32].

4) вертикальный локализатор: его областью доминанции оказывается прилегающее пространство, над которым он возвышается (дверь, окно, стена, забор и т.п.).

*Les contours de la Suède défilent **sous** le hublot* [Lévy 2003: 77].

Некоторые пространственные объекты способны 'преобразовывать' свою область доминанции. Так, у локализаторов в виде столбов или опор (а также деревьев) областью доминанции оказывается их ближайшая нижняя окрестность (т.е. пространство, например, у подножия столба, а не непосредственно под ним, у подножия дерева, а не в земле под его корнями):

*C'était là encore, dans le jardin, **sous** les arbres, sur le fer-blanc, la table en fer-blanc* [Besson 2001: 79].

***Sous** les bouleaux, un chemin creux s'ouvrait, plongeait sans doute vers la Vieure* [Delerm 1999: 117].

Выпуклая вертикальная поверхность (горы, холмы) тоже преобразует область доминанции: *un sentier sous la montagne* следует понимать, что тропинка проходит у подножия горы, а не завалена ею. По-видимому, выражение *sous les pas* следует интерпретировать подобным же образом: это пространство *человеческого шага*.

*Le plancher du mobil home tremble **sous** ses pas* [Le Clézio 1982: 28].

Лингвистическая модель пространства, где субъект локализации (X) находится ниже локализатора (Y) может быть описана также с помощью предложных оборотов *au-dessous de*, *en dessous de*. При обозначении пространственных ситуаций указанными предложными оборотами выявляется значимость таких понятийных категорий, как *вертикальность* и *дистантность*. При этом, в отличие от предлога *sous* такое понятие, как *область доминанции локализатора*, видится избыточным, так как контакт субъекта локализации и локализатора исключается. В ситуациях, описываемых предложным оборотом *au-dessous de*, субъект локализации находится на некотором расстоянии ниже локализатора:

*Mon frère s'en est tiré avec une balafre rose, qui, avec le temps, est devenue une cicatrice **au-dessous de** l'œil gauche, trace blanche dans son visage assombri par le soleil de l'été rétais* [Besson 2001: 42].

При этом X оказывается всегда ниже, но непосредственно под Y:

*(...) on entendait maintenant le faible clapotis de l'eau contre la paroi de pierre, invisible, juste **au-dessous de** moi* [Robbe-Grillet 2001: 218].

В ситуациях, передаваемых при помощи *en dessous de*, X находится также на некотором расстоянии ниже Y:

*Quand je suis arrivé **en dessous de** la villa Aurore, j'ai été encore étonné du changement* [Le Clézio 1982: 126].

В отличие от *au-dessous de* предложный оборот *en dessous de* обозначает отношение, при котором X оказывается ниже Y, но при этом точное местоположение последнего не определяется:

En dessous de nous, il y avait des toits, des bouts de tôles ficelées, des briques de bric à brac [Billet 2000: 42]

Вариативность описания одной и той же пространственной ситуации объясняется антропоцентрическим фактором, который трактуется в лингвистике как наблюдатель. Именно наблюдатель осмысливает пространственную ситуацию и передает ее в соответствии со своими представлениями, обуславливающими выбор средств описания (соответственно предлогов, обозначающих локативные отношения).

Литература

Нарумов Б.П. Выражение пространственных отношений предлогами в сочетании с существительными (на материале романских языков): автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.05. – М., 1975.

Морозова О.П. Сопоставительное изучение аналитических предлогов во французском и румынском языках (пространственные и временные отношения): автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.20. – Минск, 1978.

Плунгян В. А., Рахилина Е. В. По поводу локалистской концепции значения: предлог «под» // Исследования по семантике предлогов. Сб. статей. – М.: Русские словари, 2000. – С. 115-134.

Borillo A. A propos de la localisation spatiale // Langue française. – 1990. – № 86. – P. 75-85.

Vandeloise C. L'espace en français. Sémantique des prépositions spatiales. – Paris: Le Seuil, 1986.

Источники

Besson Ph. Son frère. – Paris: Julliard, 2001.

Billet J. Cris de guerres. – Aigues-Vives: HB édition, 2000.

Boyer F. La consolation. – Paris: P.O.L. éditeur, 1991.

Defossez J.-M. Mon aventure sous la terre. - Paris: Bayard, 2009.

Delerm Ph. La première gorgée de bière et autres plaisirs minuscules. – Paris: Gallimard, 1997.

Delerm Ph. Le portique. – Monaco: Edition du Rocher, 1999.

Gay-Lussac B. Un cri de solitude. – Paris: Gallimard, 1997.

Kandé S. Lagon, lagunes (tableau de mémoire). – Paris Gallimard, 2000.

Le Clézio J.M.G. La ronde et autres faits divers.-Paris: Gallimard, 1982.

Lévy L. Le passé d'une innocence. – Clamecy: La Cause des Livres, 2003.

Robbe-Grillet A. La reprise. – Paris: Les Editions de Minuit, 2001.

ПОЛЯКОВА Н.В.

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТОВ ФРАНЦУЗСКОЙ ПЕЧАТНОЙ РЕКЛАМЫ

Abstract: Advertising text has become an object of linguistic pragmatics. The growing importance of communication in the modern society stipulates the need to analyze communicative and pragmatic aspects of language of advertising. Special attention is given to the internal organization of advertising texts.

Key-words: advertising text, language of advertising, linguistic pragmatics, advertising discourse.

Стремительное развитие современной рекламной индустрии и совершенствование системы маркетинговых коммуникаций приводит к

тому, что реклама как целеориентированное речевое произведение все чаще становится объектом научного рассмотрения в рамках гуманитарного знания. В последние годы количество работ, посвященных изучению различных аспектов рекламы, неуклонно растет. Поскольку рекламная деятельность, в том числе рекламный дискурс, главную составную часть которого представляют язык рекламы, получил свое начало в США, именно на английском языке опубликовано наибольшее количество теоретических, методических и чисто прикладных трудов по реализации коммерческой рекламы.

Исследователи в области когнитивной лингвистики обращаются к проблеме восприятия рекламы целевой аудиторией, к вопросам апелляции в рекламном дискурсе, к картине мира потребителя в зависимости от специфики языкового и культурного сообщества, к которому принадлежит рекламодавец и адресат. «Реклама является одним из важнейших факторов массовой культуры, отражающих жизнь современного общества. Она вездесуща, даже если вы не читаете газет и не смотрите телевизор, реклама предстает перед вами как обязательный элемент городской среды. Заполняя все средства массовой информации, реклама представляет собой прекрасно организованную автономную структуру, пользующуюся огромным влиянием», – пишет исследователь рекламных текстов J. Williamson [Williamson 1978: 57].

Вместе с тем большинство исследователей отмечает первостепенную важность именно вербального компонента рекламы – словесного текста. «Значение вербального языка для рекламы чрезвычайно важно: ведь только благодаря словесному тексту ключевая рекламная идея получает свое реальное воплощение, иначе говоря, начинает работать», – отмечает Т.Г. Добросклонская [2008: 184].

Язык рекламы имеет собственный лексический фонд и заимствует элементы практически всех лексических классов (имен нарицательных, прежде всего терминов; номенклатуры, в том числе товарных знаков, среди которых выделяются бренды; имен собственных) из других функциональных языков (языков для специальных целей) – языка СМИ, языка экономики, в первую очередь, таких его подразделений, как язык торговли, язык промышленного и сельскохозяйственного производства [Полякова, Яшина 2016].

Большинство исследователей определяют язык рекламы как словесные средства, которыми передается содержание рекламы. Мысль можно изложить множеством способов, используя массу стилистических оттенков и акцентов. Можно по-разному строить композицию текста, по-разному делить его на абзацы, по-разному составлять предложения, по-разному подбирать слова и по-разному располагать их в предложении. Вместе с тем, реклама включает в себя не только словесный ряд, но и всю совокупность экстралингвистически

значимых компонентов – графики, образов, звуков и т.п., конкретный набор которых зависит от СМИ-рекламоносителя. Такое толкование понятия *рекламный текст* находит свое отражение в работах многих англоязычных исследователей, в частности в книге А. Goddard «The Language of Advertising»: «По отношению к рекламе термин *текст* используется в самом широком, медийном значении, включая наряду с вербальной частью и аудиовизуальные компоненты» [Goddard 2002: 6].

Вербальная часть рекламного текста обладает внутренней структурой: как правило это заголовок, основной рекламный текст и эхо-фраза (в английском варианте tag-line). Эффективность вербальной части рекламы во многом зависит от органичности соединения всех трех ее компонентов, как, например, в приводимом ниже тексте рекламы ресторана «Au Derrick Catalan»:

Au Derrick Catalan (заголовок)

Depuis 1966, ce restaurant propose une cuisine authentiquement Catalane dans une déco boisée de bodega espagnole. Pour le plus grand bonheur des gourmets qui viennent déguster de généreuses assiettes de Calamars, Gambas, Paellas, Riz noir, Fideua, Parrilladas et Zarzuelas (Основной рекламный текст).

Recommandé par le Gault et Millau. Ouvert tous les jours. 346, rue Lecourbe – Paris XVe (Эхо-фраза).

Что касается стилистических и синтаксических особенностей французских рекламных текстов, следует отметить, что для синтаксиса языка французской рекламы, включая слоганы, характерно использование неполных предложений, фразеология часто подвергается изменению, даже деформации: *Mon homme a bon goût... la preuve. Devianne* (Femme Actuelle); *La beauté à tout prix. Intermarché* (Femme Actuelle); *1, 2, 3 soufflez! Sergent Major* (Femme Actuelle).

Имея своей целью интенсивное воздействие, реклама использует богатый спектр средств выразительности на всех языковых уровнях. Аллюзия, метафора, сравнение, параллелизм, различные виды повторов, аллитерация, ономотопея, концентрация императивных форм глагола и коннотативных прилагательных – все это широко представлено во французских рекламных текстах: *Une véritable renaissance pour ma peau. La crème L'Oréal* (Marie France); *La Salvetat <...>. Chantante comme son terroir. L'eau minérale La Salvetat* (Grazia); *L'ardoise ne se regrette jamais. Le tout ardoise pour la partie toit d'ardoise* (Femme Actuelle).

Характеризуя особенности языка рекламы, английский автор Дж. Дайер отмечает: «Язык рекламы предельно насыщен приемами экспрессивной стилистики, поскольку его главная цель состоит в том, чтобы привлечь внимание к определенному товару или услуге. Создатели рекламного текста мастерски используют все возможности словотворчества, находя преимущества и в изысканном экспрессивном стиле, и в ясном простом изложении. Пожалуй, основная задача языка

рекламы состоит в том, чтобы привлечь внимание покупателя, заставив работать его воображение и память. Это достигается с помощью самых разнообразных экспрессивно-стилистических средств: коннотативной лексики, ярких метафор, запоминающихся фраз, ритмически-организованных предложений, рифмованных слоганов и бесконечных повторов» [Dyer 1982: 140]

В то же время, по наблюдениям ряда специалистов, язык рекламы часто подвергается критике со стороны реципиентов: нередко он кажется примитивным, однообразным и неграмотным. Кроме того, реклама часто воспринимается как слишком фамильярная. Причиной столь негативного восприятия, вероятно, является тот факт, что рекламу смотрят те, кому она адресована. Рекламное обращение носит неперсонифицированный характер, его адресатом является целевая аудитория, т.е. определенная группа людей, выделенная по какому-либо социальному, возрастному, профессиональному и другим признакам. Именно поэтому в зависимости от целевой аудитории язык рекламы варьируется. При этом необходимо отметить одну черту, свойственную всякой рекламе независимо от целевой группы: для того, чтобы выполнить свою функцию, реклама должна быть обращена к людям, быть понятной и читабельной. Рекламные исследования показывают, что люди охотнее откликаются на 'приземленный', разговорный стиль, чем на возвышенный и официальный.

Подводя итог, следует отметить, что, несмотря на давний интерес к рекламному тексту как объекту лингвистической прагматики, множество аспектов в рамках данного направления исследования продолжают активно разрабатываться и в настоящее время. Язык рекламы – это мощный инструмент в создании яркого запоминающегося рекламного сообщения. Он развивается как функциональный язык, который имеет собственный лексический фонд и заимствует элементы практически всех лексических классов. Язык рекламы изобилует различными стилистическими средствами, которые используются для того, чтобы привлечь внимание потенциального покупателя и придать рекламному сообщению большую экспрессивную окраску.

Литература

Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь. – М.: Флинта: Наука, 2008.

Полякова Н.В., Яшина М.Г. Особенности функционирования специальной лексики в печатных СМИ (на материале романских языков) // Вестник Московского государственного областного университета: электронный журнал. – 2016. – № 3. – Режим доступа: <http://vestnik-mgou.ru/ru/Articles/Doc/753>, свободный. – Дата обращения 24.02.2017.

Dyer G. Advertising as Communication. – London: Routledge, 1982.

Goddard A. The Language of Advertising. – London: Routledge, 2002.

Williamson J. Decoding Advertisements. – London: Marion Boyars, 1978.

ПОЛЯНСКАЯ Л.П.
ПРЕДЛОЖЕНИЕ БЕЗ ФИНИТНОГО ГЛАГОЛА
ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Abstract: The paper discusses French linguists' approaches to finite verb-free sentences. The author compares viewpoints of the linguists belonging to different schools (logical, psychological, formal). Particular attention is paid to the expressive syntax. The aim of the paper is to define linguistic status of the finite verb-free sentences and specify their place in the syntactical system of the French language. The author presents classification of the sentences based on the opposition 'zero sign/ ellipsis' and sentence construing which allows to subdivide finite verb-free sentences into five groups: complete one-member sentences, elliptical one-member sentences, complete two-member sentences, elliptical two-member sentences and non-complete sentences. Obligatory or facultative finite verb omissions make the main difference between finite verb-free and elliptical sentences. One-member sentences include only the subject group; two-member sentences may include the verb-free predicative or secondary parts of the sentence besides the subject group; in non-complete sentences the subject and predicate are supposed to be revealed from the context. The author presents models of finite verb-free sentences.

Key words: French syntax, finite verb-free sentence, ellipsis, zero sign, sentence construing, classification.

Французское предложение без финитного глагола до настоящего времени остается мало изученной синтаксической единицей. Ему не уделяется должного внимания, несмотря на то, что такие предложения становятся все более частотными и в разговорном, и в литературном языке. Во французском языкознании не существует специальных работ, посвященных изучению конструкций без глагола в личной форме. В этом, возможно, сказалось влияние традиций логического направления, одним из фундаментальных положений которого является признание ведущей роли глагола в образовании предложения. Как правило, последователи этого направления ограничиваются лишь упоминанием о наличии во французском языке предложений без глагола-сказуемого. Некоторые лингвисты вообще отказывают таким структурам в статусе предложения, относя их к периферии французского синтаксиса как конструкции случайные, нерегулярные, представляющие интерес лишь для стилиста.

Так, например, А. Фрей называет предложения типа *Pierre! Au feu! Feu!* «профразами», представляющими соответствующие глагольные предложения: *Viens ici! Il y a un incendie! Tirez!* [Frei 1950: 187]. В свою очередь, О. Соважо утверждает, что такие разновидности безглагольных конструкций, как *Quelle affaire! Une sale histoire! L'imbécile!* воспринимаются говорящим не как отдельные предложения, но лишь как отрывочные фрагменты полных предложений, где обязательно должен был бы фигурировать глагол [Sauvageot 1957: 125–134]. А. Боннар также отказывает в статусе предложений таким «фигурам аффективного синтаксиса», как *La belle voiture! Quelle robe!* и им подобным. По мнению лингвиста, они являются галлицизмами, имеют ограниченную сферу распространения во французском языке и «не

заслуживают того, чтобы усложнять их описанием анализ особенностей французского предложения» [Bonnard 1959: 162].

В работах ряда французских лингвистов, близких к структурализму, все разновидности предложений без финитного глагола рассматриваются как эллиптические конструкции с опущенным глаголом *être*. В частности, в работах Ж. Дюбуа и Ф. Дюбуа-Шарлье, оперирующих понятиями глубинной и поверхностной структур, они рассматриваются как конструкции, принадлежащие к поверхностной структуре предложения и обязательно имеющие свои глагольные соответствия в глубинной структуре. Авторы считают, что в любом безглагольном предложении имплицитно содержится глагольная синтагма. По их мнению, даже в обращении (например, *Georges!*) подразумевается глагол [Dubois, Dubois-Charlier 1970: 20-21].

Однако во французской лингвистике существует и другое мнение. Так, например, К. Де Бур считает, что подчеркнутое невнимание к предложениям без глагола в личной форме, перенос проблемы безглагольного оформления предложения в область стилистики, так же как и чрезмерная «заморфологизированность» логической грамматики идут вразрез с синтаксической реальностью французского языка, «слишком упрощая то, что в действительности далеко от того, чтобы быть простым» [De Voer 1954: 43].

Описание отдельных типов предложений без глагола-сказуемого (или, по крайней мере, упоминание о них) наиболее часто имеет место в работах по экспрессивному синтаксису. При этом, как правило, вопрос о безглагольном оформлении предложения тем или иным образом коррелирует с проблемой эллипсиса, который трактуется французскими лингвистами далеко не однозначно. Одни исследователи связывают эллиптичность с отсутствием любого члена предложения, традиционно различаемого в синтаксисе, в то время как другие считают такое расширенное понимание эллипсиса неоправданным и ограничивают это явление определенными разновидностями конструкций.

Сторонники первой точки зрения относят к эллиптическим все типы предложений без финитного глагола. Так, например, К. Нюроп видит эллипсис как во всех простых безглагольных, так и в сложных предложениях с так называемой зевгмой. При этом он отмечает, что число глагольных эллипсисов во французском языке очень велико, и они чрезвычайно разнообразны. Ученый выделяет два типа эллипсиса: «собственно эллипсис», а именно опущение какого-либо члена предложения, и «неповторение» того или иного ранее употребленного слова [Nyrop 1930-1936: 13-15].

В работах А. Доза все типы конструкций без глагола-сказуемого также характеризуются как эллиптические предложения. При этом подчеркивается особая важность эллипсиса как общелингвистического

явления и говорится о его роли в развитии языка. Ученый прямо соотносит частотность употребления эллиптических предложений со степенью аффективности речи [Dauzat 1942: 399].

Г. Гийом, комментируя свою знаменитую формулу *expression grammaticale+ expressivité = 1*, пишет об обязательном «освобождении» предложения от грамматической правильности (регулярности) при возрастании степени экспрессивности. По его мнению, «бесчисленные предложения без глагола представляют собой такие предложения, где выразительность занимает место синтаксического развертывания, которое обеспечивается глаголом» [Гийом 1992: 88].

М. Фишер и Ж. Аккар также выделяют два типа глагольного эллипсиса: «чисто грамматический» и «восклицательный». «Грамматический» эллипсис характеризуется ими как «простая экономия слов», к которой прибегают для «облегчения» фразы. Он заключается в «простом неповторении» слова, употребленного в предыдущем контексте, и как явление, не представляющее интереса для лингвиста, «достойн в лучшем случае лишь упоминания о нем» [Fischer, Nacquard 1959: 512]. К этому типу эллипсиса относят зевгаматические предложения, а также простые безглагольные предложения, выступающие в качестве ответных реплик диалога. В то же время «восклицательный» эллипсис представляет, по их мнению, интереснейшее явление современного французского языка, наиболее характерное для разговорной речи. В этой разновидности безглагольных предложений сохраняются лишь те слова, которые выступают в качестве выразителей эмоций, при этом элиминированию в первую очередь подвергается глагол. В их работе читаем: «Одной из особенностей современного стиля является то, что глагол «сдает свои позиции» имени <...>. Именно глагол становится великой жертвой на алтаре эллипсиса» [Fischer, Nacquard 1959: 513].

Все отмеченные концепции французских лингвистов объединяет одна общая особенность, а именно тот факт, что под термином *эллипсис* здесь понимается любое выпадение, опущение какого-либо слова или группы слов, вне зависимости от их влияния на формально-грамматическую организацию предложения и его смысловой аспект. Представители другой точки зрения трактуют эллипсис более узко, ограничивая это явление определенным набором специфических конструкций, перечень которых, однако, у разных авторов может значительно варьироваться. Как правило, большинство сторонников этой концепции уделяют специальное внимание предложениям без финитного глагола, признавая их полноценными конструкциями и подчеркивая их широкую распространенность во французском языке.

Первым ученым, придавшим лингвистический статус конструкциям без глагола в личной форме и отделившим их от

глагольных предложений как особые неэллиптические образования, стал А. Мейе. Им были выделены основные структурные разновидности таких предложений и определены наиболее типичные условия их функционирования [Meillet 1906: 20–24].

Особое понимание природы безглагольных предложений, их места и роли в синтаксической системе французского языка выявляется в трудах представителей психологического направления, выступающих против расширенной трактовки эллипсиса, в частности, против обнаружения случаев «подразумевания», импликации глагола в любом предложении без глагола–сказуемого. Сторонники этой точки зрения выделяют два типа предложений без финитного глагола: *моноремы* и *диремы*. Термином *монорема* обозначается фраза («коммуникативный акт»), состоящая из одного слова, например: *Le facteur! Ouverture. Fermé. Peut-être. Bien.* А. Сеше характеризует монорему как акт речи, который при помощи всех возможных ресурсов спонтанной экспрессивности (обстоятельства, жест, мимика, интонация) передает мысль, «используя при этом знак идеи, заимствованный в языке» («en se servant d'un signe d'idée emprunté à la langue») [Séchéhaye 1926: 13].

По мнению сторонников указанного направления, в моноремах присутствуют оба главных члена предложения, но если предикат имеет формально–грамматическое выражение, то субъект представлен в этих типах безглагольных конструкций экстралингвистической ситуацией. В то же время в диремах, т.е. в двусоставных (двучленных) безглагольных предложениях, оба состава предложения имеют формальное выражение, например: *Magnifique, ce tableau! Cet homme, un coquin!* Большинство представителей данного направления сходятся во мнении, что как в моноремах, так и в диремах речь идет не об эллипсисе или подразумевании глагола, но об особых типах французского безглагольного предложения [Cressot 1947: 164; Dessaintes 1960: 136 и др.].

В более поздних работах все чаще высказывается мнение, что многие типы предложений без финитного глагола вошли в систему современного французского языка как особые синтаксические модели. Так, Э. Бенвенист утверждает, что некоторые разновидности безглагольных конструкций (как, например: *Admirable, ce tableau! Finies, les vacances!*) имеют единственное отличие от глагольных предложений, которое состоит в том, что в них «член, выполняющий глагольную функцию, является формой, принадлежащей к морфологическому классу имен» [Бенвенист 1974: 172]. Такого же мнения придерживается А. Анри, утверждающий, что эти конструкции функционируют не как безглагольный вариант соответствующего глагольного предложения, а как отдельные самостоятельные модели предложения, входящие в систему языка [Henry 1960: 62]. К ним присоединяется П. Гиро, считающий, что такие предложения без финитного глагола не являются

особыми формами предикативного высказывания с подразумеваемым глаголом, а принадлежат к другой выразительной системе, где не может быть эллипсиса глагола по той причине, что категория глагола в этой системе вообще отсутствует [Guiraud 1974: 96–97].

Такой разброс мнений в оценке лингвистического статуса предложений без финитного глагола и чрезвычайно разнообразие типов безглагольных конструкций привели к тому, что исследователи ограничиваются анализом их отдельных разновидностей, не ставя своей целью разработку единой непротиворечивой классификации. Однако, по нашему мнению, построение такой универсальной классификации всех разновидностей предложений без финитного глагола возможно на основе двух базовых критериев, а именно: критерия *структурной полноты* предложения и критерия *синтаксического членения* предложения по составу [Полянская 2012: 56–59].

Выявление *структурной полноты* предложения основывается на оппозиции нулевого знака и эллипсиса, которые трактуются нами в их традиционном понимании. Нулевой знак рассматривается как чисто языковой факт, который выявляется на основе грамматических оппозиций и имеет обязательный характер. Он не зависит от контекста и ситуации и не допускает эквивалентной подстановки. Эллипсис же рассматривается как речевое явление, основным признаком которого является присутствие эллиптируемого элемента в ближайшем контексте. В эллиптической конструкции данный элемент не отсутствует, а содержится в имплицитной форме, т.е. подразумевается [Балли 1955: 176].

Предложение без финитного глагола признается нами эллиптическим в том случае, если в нем отсутствуют элементы, предполагаемые структурно-семантическим типом данного предложения. При этом обязательно существует потенциальная возможность восстановления отсутствующих элементов за счет окружающего контекста или ситуации. Полными безглагольными предложениями признаются синтаксические структуры, в основе которых лежит нулевой знак. Это семантически однозначные, структурно завершенные конструкции, закрепленные в синтаксической норме французского языка. Одна из характерных черт таких конструкций – их минимальная зависимость от контекста.

В качестве второго критерия классификации принимается *синтаксический критерий* членения предложения по составу, позволяющий провести классификацию предложений без финитного глагола по наличию в них элементов, представляющих состав подлежащего и (или) состав сказуемого. На основе этого критерия выделяются три типа безглагольных конструкций: односоставные, двусоставные и неполносоставные предложения.

Соединение обоих классификационных критериев (структурная полнота и синтаксический состав предложения) позволяет выделить пять типов предложений без глагола-сказуемого: (1) *полные односоставные*, (2) *эллиптические односоставные*, (3) *полные двусоставные*, (4) *эллиптические двусоставные*, (5) *неполносоставные* предложения.

К *полным односоставным* предложениям (1) относятся безглагольные конструкции, в которых второй ядерный компонент выражен нулевым знаком и незанятость позиции сказуемого является их маркированным признаком. Такие предложения структурно и семантически самодостаточны, независимы от контекста. Семантическое содержание таких предложений заключается в утверждении наличия, существования предметов, событий, явлений, а также в выражении оценки, чувств и побуждений: *Paris. L'hiver. Quelle chaleur! Ah, la bonnechaleur! En voiture! A bientôt!*

В *эллиптических односоставных* предложениях (2) отсутствие финитного глагола факультативно и произвольно; в них опущенный глагольный компонент представлен в предшествующем контексте. Смысл таких предложений, так же как и их формально-грамматические характеристики становятся понятны лишь при опоре на предшествующие предложения, например: *Qui frappe? – Ami. Ma soeur achète cette voiture. – Marie?*

К *полным двусоставным* предложениям (3) относятся восклицательные конструкции без связки *être* с препозицией предиката, имеющие минимальную зависимость от контекста, такие, например, как: *Finies, les vacances! Bandit, ce garçon!* Это особый тип эмотивных предложений, выражающих высокую степень оценки. Вторую группу полных двусоставных предложений составляют конструкции с презентативами *voilà, voici*, в которых личное объектное местоимение находится в препозиции по отношению к презентативу и функционально соотносится с личным субъектным местоимением: *Le voilà surpris. Les voici contents.*

К *эллиптическим двусоставным* (4) относятся предложения, в которых наличествуют подлежащее и предикатив (*J'en suis content. – Et moi content*) либо подлежащее и второстепенный член, зависимый от опущенного глагола-сказуемого (*Vous avez trop de haine. – Et vous trop de bonté.*). В обоих случаях глагол представлен в предшествующем контексте или подразумевается из речевой ситуации, как например: *Toi, dans ma maison! Marie, fâchée?* Особая разновидность двусоставных эллиптических конструкций – *зевматические* предложения, представляющие собой компонент сложносочиненного или бессоюзного предложения, в котором не повторяются глагол-связка, либо глагол-сказуемое, присутствующие в соседнем компоненте: *Pierre est professeur, son frère ouvrier. J'aime le cinéma, mon ami le théâtre.*

Все *неполносоставные* (5) предложения являются эллиптическими, так как в них отсутствуют, но подразумеваются оба главных члена, представленные в окружающем контексте. В таких предложениях сохраняются слова, грамматически и семантически зависимые от опущенного глагола-сказуемого. Неполносоставные безглагольные предложения функционируют в диалогических единствах в качестве вопросительных и ответных реплик (*Où vas-tu? – Au stade. – Avec Nicolas? – Non, avec une copine*), а также в виде реплик-повторов (*Je suis ton valet. – Mon valet?*) и подхватов (*Jean est parti. Tout seul*).

Думается, что применение предложенной классификации в научных либо учебных целях позволяет систематизировать все разновидности предложений без финитного глагола и анализировать их как особую категорию синтаксиса современного французского языка.

Литература

- Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М.: Изд – во иностр. лит., 1955.
- Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Просвещение, 1974.
- Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. – М.: Изд. группа «Прогресс» – «Культура», 1992.
- Полянская Л. П. Структура предложения во французской классицистической драме. – Новосибирск: НГПУ, 2012.
- Bonnard H. La proposition // Français moderne. – 1959. – N 3. – P. 141–162.
- Cressot M. Le style et ses techniques. – Paris: Presses universitaires de France, 1947.
- Dauzat A. Grammaire raisonnée de la langue française. – Lyon: Librairie Larousse, 1942.
- De Boer C. Syntaxe du français moderne. – Leiden, 1954.
- Dessaintes M. Eléments de linguistique descriptive en fonction de l'enseignement du français. – Namur-Bruxelles-Tournai: Librairie Droz, 1960.
- Dubois J., Dubois-Charlier F. Eléments de linguistique française: syntaxe. – Paris: Librairie Larousse, 1970.
- Fischer M., Hacquard G. A la découverte de la grammaire française. – Paris: Hachette, 1959.
- Frei H. Zéro, vide et intermittent // Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft. – 1950. – N 4. – P. 161-191.
- Guiraud P. La syntaxe du français. – Paris: Presses universitaires de France, 1974.
- Henry A. Etudes de syntaxe expressive. Ancien français et français moderne. – Paris: Hachette, 1960.
- Meillet A. La phrase nominale en indo-européen // Mémoires de la Société de linguistique. – Paris. – 1906. – T.14. – N 1. P. 3–26.
- Nyrop K. Grammaire historique de la langue française. – T. 5. – Copenhagen: Det nordiske forlag, 1930-1936.
- Sauvageot A. Les procédés expressifs du français contemporain. – Paris: Libr. C. Klincksieck, 1957.
- Séchéhaye A. Essai sur la structure logique de la phrase. – Paris: Libr. Ancienne Honoré Champion, 1926.

РАЗУМОВА Л.В.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КВЕБЕКСКОГО РАЗГОВОРНОГО В ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ XIX ВЕКА

Abstract: The paper covers the study of the phonetic features of the Quebec colloquial idiom of the end of the XIX century. The study is based on the travelers' records. It can be concluded that the contact with English resulted in further social minorization of French which are thought to be the main factors of divergent development of French in France and Quebec in the second half of the XVIII-XIXth centuries as well as literary and colloquial forms of French in Quebec. The results of the divergent development of both literary and colloquial forms of French in Quebec are the increasingly growing diglossia between the above-mentioned linguistic forms, as well as the Quebec idiom regionalization, namely, the increasing inclusion of linguistic elements belonging to different national forms of speech (vernacular, minor and major regional dialects) in the common speech.

Keywords: regionalization of the language, Quebec variety of the French language; diglossia; colloquial speech; venacular; dialect; literary language; language social minorization.

Известно, что разговорно-просторечная форма языка принадлежит к числу самых спорных языковых феноменов. Л.И. Баранникова отмечает, что она образуется на основе территориальных диалектов и городского койне и в своей функции обслуживания обиходно-бытовой сферы приходит на смену диалектов [Баранникова 2005: 95-97]. Определенная утрата территориальной прикрепленности сближает ее с городским койне. Однако эта утрата, как пишет Р.Р. Гельгардт, не является полной; прежняя диалектная основа проявляется довольно отчетливо в фонетике, грамматике и, особенно, в лексике [Гельгардт 1961: 98]. Сложность анализа просторечия заключается в том, что оно не развивает собственных языковых черт, отличных от диалектов и литературного языка – границ, в рамках которых она (разговорно-просторечная форма) существует. По сравнению с диалектами, разговорная просторечная форма менее стабильна, более вариативна и открыта различным влияниям. Именно эти качества обнаруживает квебекский разговорный на протяжении XIX века.

Как языковой идиом просторечие возникает в результате языкового контактирования диалектных систем с городскими койне и региональными языками, а также с литературным языком. При развитии контактов между носителями разных языковых систем языковое контактирование интенсивнее на лексическом уровне как наиболее коммуникативно значимом и менее строго организованном. Поэтому именно в лексике отчетливее всего проявляется ее внетерриториальный характер, т.е. утрата конкретного диалектного субстрата.

Это же положение о большей проявленности разговорной формы языка на лексическом уровне полностью подтверждается и на материале анализа квебекского разговорного идиома XIX века. Внешним свидетельством тому выступают многочисленные глоссарии и словари

(более 200), ставшие в этот период основной формой фиксации квебекского разговорного идиома [Разумова, 2011а; Разумова 2012].

Положение о том, что в процессе своего исторического развития и в связи со становлением литературного языка разговорный язык все более отдаляется от своей диалектной основы и приближается к литературной форме языка, нашло широкое признание в среде отечественных и пражских лингвистов и иллюстрируется историей развития русского и чешского просторечия в XIX–XX вв. Так, А. Едличка [1967] отмечает, что в русском и чешском расстояние между разговорным просторечием и литературной формой этих языков все больше сокращается в процессе их исторического развития. Не смыкаясь с литературной нормой, просторечие обеспечивает ей связь с живым народным языком, приобретая взамен ряд языковых средств, обработанных и нормализованных литературным языком, основной характеристикой которых выступает их меньшая вариативность. В дальнейшем просторечие может стать, как свидетельствуют примеры развития русского и чешского языков [Виноградов 1955; Едличка 1967], основой для создания разговорной страты в системе литературного языка. Очевидно, что движение просторечия от своей достаточно ощутимой диалектной основы к полюсу, представленному литературным языком, – процесс длительный, так же как и оформление разговорной литературной речи в отдельную страту литературного языка.

Анализ развития квебекского разговорного в XIX веке свидетельствует об ином эволютивном пути – от языковой формы, широко включавшей литературные элементы, к форме, обращающейся для своего развития преимущественно к региональным элементам, профессиональному арго и контактирующему с ним английскому языку. На социальном уровне это связано с кризисной ситуацией миноризации, в которой оказался ФЯ на американском континенте. В ситуации социальной миноризации квебекский вариант ФЯ изымается из ранее многочисленных официальных контекстов своего употребления – деловой, политической коммуникаций и пр. Вместе с медленными темпами развития общей системы франкофонного образования все названные факторы определяют причины невостребованности нормированной формы ФЯ в Квебеке на символическом языковом рынке страны, характеризующемся доминированием английского языка [Разумова 2011б]. В этих условиях *нормированный литературный язык и разговорная форма языка практически перестают взаимодействовать между собой*. Слабое взаимодействие литературного языка с живой разговорной речью, характеризующейся динамичным развитием и активным контактированием с английским языком, способствует все большему восприятию литературного языка как особого, отдельного, специального, не связанного с

повседневностью. В результате отсутствия взаимосвязи между литературным языком как средой стабилизирующей языковые средства, используемые в разговорной речи, и разговорной речью, которой свойственно изначально довольно ослабленное понятие нормированности, *квебекская разговорная речь XIX века начинает выступать как среда бытования и функционирования все более разнородных языковых средств – диалектных, просторечных, региональных, заимствованных, литературных архаизмов и др.* Отметим, что в большинстве письменных источников XIX века анализу подвергаются следующие стороны квебекской разговорной речи: 1) ее фонетические особенности, 2) диалектный и консервативный характер квебекской лексики, с одной стороны, и ее инновационный характер – с другой, 3) сильное влияние на квебекский разговорный контактирующего с ним английского языка, 4) детерминологизация морской лексики и ее широкое использование в повседневной речи.

В процессе исторической реконструкции характеристик квебекской разговорной речи XIX века основными источниками анализа выступают письменные тексты. Они, безусловно, предоставляют неполную информацию о звучащей более двухсот лет назад устной речи. Вместе с тем, они являются единственными свидетельствами, по которым можно судить о состоянии языкового узуса Квебека в этот период. К источникам, доступным для лингвистического анализа относим: 1) свидетельства современников, 2) учебники, 3) глоссарии и словари.

Изучение фонетических характеристик квебекского просторечия в XIX веке обнаруживает следующую оценку. Практически все авторы говорят о *квебекском акценте*, отмечая его близость или ассоциируя его полностью с нормандским (реже с иным) диалектом. Так, Ж.-Ж. Ампер (J. J. Ampère) замечает: «l'accent qui domine à Montréal est l'accent normand» (в Монреале преобладает нормандское произношение – перевод наш – Л.Р.). Мнение А. Ламот (A. Lamothe) близко к предыдущему, однако автор распространяет нормандский акцент в целом на весь квебекский вариант ФЯ: «quand vint le moment de nous séparer <...> il me serra vigoureusement la main, en s'écriant avec le plus pur des accents normands» (когда наступило время проститься <...> он крепко пожал мне руку и сказал на чистейшем нормандском наречии – перевод наш – Л.Р.). Схожую оценку находим и у А. де Токвилля (A. de Tocqueville): «[les avocats] parlent français avec l'accent normand des classes moyennes» ([адвокаты] говорят по-французски с нормандским акцентом, принятом у представителей среднего класса – перевод наш – Л.Р.). Ж.-Г. Коль (J.-G. Kohl), впрочем, замечает, что канадский французский близок по своему фонетическому звучанию к бретонскому и говорам Вандеи. Ш.-А.-Ф. Гольдре-Буало (Ch.- H.- Ph. Gauldrée-Boilleau) подмечает количественное отличие в произношении франкоканадцев, замечая наличие в их произношении

большого количества долгих и задних звуков: «les voyelles sont prononcées comme si elles étaient frappées d'un accent circonflexe, de la même manière qu'elles le sont en Basse-Normandie» (гласные произносятся так, словно над ними стоит accent circonflexe, иначе говоря так, как они обычно произносятся в Нижней Нормандии – перевод наш – Л.Р.).

Одновременно с этим А. Фубер (A. Foubert) считает произношение франкоканадцев слишком грубым, имеющим хорошо выраженный собственный характер: «la prononciation canadienne est dure et très-accentuée» (канадское произношение грубое и очень своеобразное – перевод наш – Л.Р.). Далее автор указывает на некоторые способы произношения отдельных слов, принятых в Квебеке и отличающиеся от языковой нормы Франции: «Où nous disons Français, les Canadiens prononcent presque *França*; ainsi de suite pour tous les mots dont la terminaison est en *ai*» (там, где мы произносим *франсэ*, канадцы произносят *франса*; и так во всех словах, оканчивающихся на звук э – перевод наш – Л.Р.). Д. Бонно (D. Bonnaud) приводит следующие свои впечатления о квебекском французском: «Je trouvais un abominable accent à ces braves Canadiens. <...> Déjà des *toué*, des *moué*, des *itou* avaient frappé mon oreille. C'était l'intonation normande dans ce qu'elle avait de plus chantant et de plus nasillard» (Произношение этих славных канадцев показалось мне ужасным. <...> Постоянные в их речи *toué*, *moue*, *itou* резали мне слух. Это было нормандское произношение с его выраженной напевностью и простоватостью (перевод наш – Л.Р.). Далее, как и Ш.-А.-Ф. Гольдре-Буало, автор подмечает значительное количество заднеязычных гласных звуков [Разумова 2014:106-110].

Приведенные выше свидетельства фонетических качеств квебекской речи выявляют ее следующие характеристики:

- близость к фонетике нормандского диалекта (реже – к другим диалектам), основной характеристикой которой выступает напевность;
- наличие долгих и задних звуков (*Fontâcre*, *cathédrale*, *Dâme u др.*);
- наличие более открытого звука [e], чем во французском (*frança*);
- иное, нежели во Франции, произношение полусогласного [w], передаваемого на письме буквосочетанием *-oi-*.

Напевная интонация, долгие звуки, наличие более открытого звука [e] действительно свойственны нормандскому диалекту [Thoulier 1810], чем, по-видимому, и можно объяснить довольно единогласное сравнение квебекского ФЯ с нормандским во всех приведенных свидетельствах. Тем не менее, следует подчеркнуть, что данные фонетические характеристики присущи в целом северо-западным диалектам и, скорее, речь идет о чертах регионального языка, регионального просторечия, отмеченного нормандизмами. Распространенный накануне колонизации Америки в указанной зоне и

экспортируемый впоследствии он (данный региолект) сохраняется на территории Канады.

Так, относительно открытого звука [e] Ш. Бушар отмечает, что фонологическая тенденция к открытию этого звука перед согласным [R] (*verte* > *varte*, *escherpe* > *écharpe*, *elle* > *alle*, *lait* > *la*) свойственна парижскому просторечию уже начиная с XIII века и, вероятно, весьма распространена в XVI–XVII веках [Bouchard 2012: 48-49]. В XVIII веке она четко оценивается как просторечная, сохраняя эту оценку на территории Франции вплоть до XX века, где довольно распространенной стала форма местоимения *alle*. В Квебек она, очевидно, импортируется в самом начале колонизации Америки, как элемент парижского городского койне, лишенного отрицательной просторечной оценки.

Буквосочетание *-oi-* используется в XII–XV веках для передачи полусогласных [oj], [wэ], [we]. Однако уже в XIV веке в Париже этот диграф начинает использоваться для передачи более открытого произношения, то есть полусогласного [wa]. В высших кругах общества такой вариант произношения получает оценку не только просторечного, но и вульгарного. В период французской революции отрицательная коннотация данного типа произношения снимается. Произношение [wa] становится маркером народности и, следовательно, революционности, тогда как старое произношение [wэ], [we] – маркером произношения отживающего буржуазного класса. Благодаря этому социальному фактору произношение [wa] получает положительную коннотацию и распространяется во многие регионы Франции. В Канаду полусогласный [wE] переводится в XVII веке в качестве маркера хорошего парижского французского, т.е. *bel usage*.

Полагаем, что данный перечень характеристик далеко не исчерпывает всех фонетических свойств квебекского французского анализируемого периода, однако он является достаточным свидетельством наличия и распознавания французами фонетических различий между квебекским французским и французским языком Франции. Представляется также, что понятие *нормандский диалект*, фигурирующее в данных документах, должно быть принято во внимание не в его точном, прямом значении – стиль путевых заметок, в котором написаны все приводимые выше свидетельства, и профессии всех авторов (путешественники, журналисты, политические деятели и др.) не позволяют говорить о точных лингвистических исследованиях. Ассоциации с диалектом, нормандским, в частности, скорее всего, указывают в целом на существенные фонетические отклонения квебекского варианта ФЯ от ФЯ Франции, так как известно, что любые отклонения от нормы ассоциировались в XIX веке с нормандизмами и гасконизмами; они стали во Франции своеобразными «символами отклонения».

Литература

- Баранникова Л.И. Общее и русское языкознание. Избранные работы. – М.: URSS, 2005.
- Виноградов В.В. Задачи советского языкознания // Вопросы языкознания. – 1955. – № 1. – С. 3–10.
- Гельгардт Р.Р. О языковой норме // Вопросы культуры речи. – М.: АН СССР, 1961. – Вып. 2. – С. 22–31.
- Едличка А. О пражской теории литературного языка // Пражский лингвистический кружок. – М.: Прогресс, 1967. – С. 544–556.
- Разумова Л.В. Отражение узуса квебекского варианта ФЯ первой половины XIX века в работе аббата Т. Магира // Гуманитарный вектор. Сборник трудов. Серия: Филология, история, востоковедение. Чита: Изд-во ЗабГГПУ. – 2011а. – № 4 (28). – С. 133-141.
- Разумова Л.В. Состояние системы образования как важный элемент анализа внешней истории языка (на примере становления квебекской системы образования) // Гуманитарные проблемы современности: человек и общество. – Новосибирск: СИБПРИНТ. – 2011б. – Книга 15. – С. 245-263.
- Разумова Л.В. Квебекская лексикографическая традиция XVIII-XIX веков // Ученые Записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета. Сборник трудов. Серия: Филология, история, востоковедение. – 2012№ 2 (43). – Чита: Изд-во Заб ГГПУ. – С. 103-105.
- Разумова Л.В. Репрезентация языковой нормы квебекского варианта французского языка: монография. – Чита: Изд-во ЗабГУ, 2014.
- Bouchard Ch. Méchante langue. – Montréal: Les Presses de l'Université de Montréal, 2012.
- Thoulier O.-P.-J. de. Traité de prosodie française. Nouv. éd. augm. des notes de Du Marsais et suivi du traité de ponctuation par Beauzée. – Paris: Bruno-Labbé, 1810.

РЯНСКАЯ Э.М.

ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ СХОДНЫХ ЯЗЫКОВЫХ ЯВЛЕНИЙ В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ

Abstract: The article considers the problem of choosing principles of research of disparate-structure language phenomena. The benefits of an integrated approach which reveal the nature of language and interlanguage variability are substantiated. Special attention is paid to the onomasiological approach and objectives of the conceptual analysis in the description of the category of action mode.

Key-words: disparate-structure languages, onomasiological approach, conceptual category.

Изучение языковых явлений на материале разноструктурных языков выдвигает на первый план проблему выбора исследовательских подходов и принципов лингвистического анализа. Разные языковые системы не совместимы друг с другом из-за несовпадения эволюционных процессов и из-за того, что в языках «запечатлеваются разные системы репрезентации, разные этапы познавательной деятельности» [Ажеж 2003: 137]. Кроме того, «при тождественности внешнего мира языки могут по-разному проводить разграничения внутри него. В результате образуется разное число классов с разным содержанием» [Там же: 60]. Так, обсуждаемые представителями разных

наук аспекты времени обнаруживаются в языках в различных формах – в лексическом, грамматическом или лексико-грамматическом выражении. Категория способа действия, рассматриваемая в данной работе, соответствует двум временным параметрам – *стадия реализации процесса* и *протяженность во времени* и имеет разное языковое выражение в языках.

Одним из критериев качества научного описания считалась, как отмечает Г.Г. Галич, полнота охвата исследуемых формальных структур. Полевые исследования описания строились вокруг морфологических категорий, таким образом, смешивалось семантическое содержание с формально-грамматическим [Галич 2011: 240]. Традиционный описательный метод «от формы к функции» или «от формы к значению» при межъязыковом сопоставлении создает определенные проблемы системного, комплексного описания явлений в связи с тем, что мы сталкиваемся с разными структурными образованиями. Так, если при изучении способов действия взять за основу семасиологический анализ (от формы к выражаемому значению), то необходимо будет группировать разные языковые средства, с разными морфологическими указателями не только в сопоставляемых языках, но и внутри одного языка. Например, при описании итеративного действия в русском языке рассматриваются префиксально-суффиксальные формы глагола (*постукивать*, *наигрывать*, *напевать*), суффиксальные формы (*хаживать*), сочетание глагола с временным указателем (*стучать время от времени*).

Во французском языке сходную роль могут выполнять глагольные суффиксы (*toussoter*, *chantonner*), сочетание глагола с временным или иным указателем (*frapper de temps en temps*, *jouer légèrement*), а также отглагольные существительные с неопределенным артиклем множественного числа (*pousser des soupirs*, вздыхать). Таким образом, в одном ряду окажутся и морфологические, и аналитические средства. Хотя изучение формальных средств не обходится без обращения к значениям слов, системное описание содержательной структуры категории будет затруднено. Необходим переход в сферу ономазиологического анализа, результатом которого будет параметризация итеративности.

Ономазиологический подход и создаваемые на его основе ономазиологические модели являются по своей природе разноуровневыми: в широкой трактовке ономазиология понимается как область изучения номинативной деятельности, объективирующей членение мира в ходе познания единицами разного уровня статуса [Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 345]. В соответствии с определением, данным в этом словаре, ономазиология предполагает исследования «от вещи или явления к мысли об этой вещи,

явлении, и к их обозначению языковыми средствами» [Там же]. Согласно А.Е. Бочкареву, «в ономаσιологическом аспекте требуется установить, что собой представляет обозначаемая словом вещь, в семасиологическом – как задается в обозначении вещи в языке смысл имени» [Бочкарев 2014: 156]. Таким образом, в самом общем виде ономаσιологический подход реализует метод исследования «от содержания к форме». Заметим, что недостаточно обоснованным представляется отождествление ономаσιологического подхода с функциональным, поскольку методика функционального анализа в любом случае предполагает предварительное изучение того, в каком значении или в каком статусе выступает та или иная языковая единица, т.е. реализуется формула *форма – функция*.

Постановка вопроса об использовании ономаσιологического подхода в лингвистике не нова. О необходимости изучения не только формы слова, но и взаимоотношений формы и содержания, писал в свое время Г.Гийом: «В традиционной сопоставительной грамматике наблюдению подвергались почти исключительно физическая сторона слова. Но не рассматривалось отношение, капитальное для структуры и архитектуры человеческого языка, отношение физического и материального» [Гийом 1992: 72].

Обращаясь к проблеме сопоставления языков, А.Е. Кибрик указывает на значимость метода описания «от значения к форме». Автор подчеркивает, что языки сопоставимы в наибольшей степени на семантическом уровне, а не на формальном, поскольку выражение смысла в языках происходит специфическим перераспределением между лексическими и грамматическими средствами. Следовательно, при изучении языков предпочтительнее сравнивать оформление того или иного значения, а не того, что выражают в разных языках сходные формы [Кибрик 2002: 129].

Первоначально ономаσιологический подход соотносился с процессом номинации и предполагал изучение явления закрепления в лексических единицах внеязыкового содержания [Викулова, Рянская 2016: 110-112]. В современном языкознании в ономаσιологическом плане номинация понимается как процесс обращения фактов действительности в языковую форму или, как отмечает Д. Митев, трактуется как объективация членения мира в процессе его познания [Митев 2012: 16]. Согласно мнению болгарского ученого, ономаσιологическая позиция позволяет найти ответ на вопросы, как было осуществлено именование объектов мира и каков результат означивания с учетом системной организации и функционирования языковых единиц [там же: 10].

В области современного словообразования ономаσιологический подход к анализу языковых явлений может быть выражен формулой «внеязыковое содержание – языковая форма / языковая система – речь

[Косова 2008: 217]. В последние десятилетия использование ономаσιологического подхода связывают также с процессом коммуникации – движением от говорящего к слушающему. К. Ажеж рассматривает путь от смысла к выражающим его формам, или ономаσιологический, как относящийся к «лингвистике говорящего». Семасиологический путь от формы к смыслу реализуется в контексте «лингвистики слушающего» и видится как путь от сообщения к его декодированию, т.е. к содержательной интерпретации [Ажеж 2003: 200].

С развитием когнитивной лингвистики как междисциплинарного раздела науки о языке ономаσιология становится ее частью, изучая процессы *от содержания к форме*. Все зависит от того, что понимается под содержанием. Предпринимаются попытки сравнения двух подходов к теории номинации: основным объектом изучения в ономаσιологическом плане являются способы, формы и принципы вербализации лексической номинации, в когнитивном – способы интерпретации языковых репрезентаций [Малинка, Нагель 2011: 54]. Главный принцип ономаσιологии – *от содержания* применим к когнитивному подходу, где речь идет о содержании знания, отражающего опыт восприятия мира, осмысления и членения фрагментов или явлений действительности. Современные исследования указывают на то, что ономаσιологическое описание – это по своей сути когнитивное описание. Когнитивный подход не исключает использование формальных, традиционных, общенаучных методов и приемов исследования, это подчеркивается многими лингвистами, работающими в когнитивном направлении. На наш взгляд, раскрыть природу языковой и межязыковой вариативности позволяет комплексный подход. Предпосылки комплексного изучения видятся в концепциях тех направлений, которые объединяют принципы функционального, ономаσιологического и когнитивного подходов.

Следует уточнить, что когнитивный подход позволяет выявить взаимосвязи между мыслительными категориями и языковыми способами их выражения. В задачи когнитивной лингвистики входит изучение не только ментальных процессов, но и когнитивных аспектов самих языковых явлений. Исследованию подлежит то, в каком виде вербализуются формируемые человеком структуры знания [Краткий словарь когнитивных терминов 1996: 53]. Выбор единиц анализа (концепт, фрейм, картина мира, категория и т.д.) зависит, очевидно, от объекта или материала исследования. В нашей работе мы исследуем понятийную категорию и опираемся на анализ от понятийного содержания категории к способам ее языковой репрезентации, что соответствует и ономаσιологическому, и когнитивному подходам.

Понятийные категории, понимаемые как универсальные, свойственные всем или большинству языков, выступают как «основа

сводимости описаний разнообразных и разносистемных языков» [Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 385]. Поэтому концептуальный анализ в нашем исследовании составляет основу интерпретации и систематизации содержательного наполнения языковых единиц.

Иногда понятийные категории называют онтологическими, когнитивными, семантическими, мыслительными [Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 385; Галич 2011: 238-244]. Мы используем следующее определение понятийной категории: «Понятийные категории в языкознании – смысловые компоненты общего характера, свойственные не отдельным словам и системам их форм, а обширным классам слов, выражаемые в естественном языке разнообразными средствами» [Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 385]. Понятийные категории могут характеризоваться структурой, в качестве «ядра» которой выступает соответствующая ей грамматическая категория [Там же]. Способ действия как лексико-грамматическая категория соотносится с набором понятийных категорий, которые, в свою очередь, входят в состав универсальной категории аспектуальности [Рянская 2002; Рянская, Федорова 2012].

Выбор ономазиологического и когнитивного подходов (которые мы не отождествляем) для описания аспектуальных характеристик действия и способов их репрезентации в разноструктурных языках вызван, прежде всего, тем, что мы рассматриваем способы действия не как аспектуально-грамматические разряды глаголов в языках, а как совокупность понятийных ситуаций, объективированных в языке разноуровневыми средствами.

Ономазиологическая модель способов действия, в которую входит рассматриваемая в качестве примера *итеративность*, строится по иерархическому принципу:

способы действия → *понятийные категории*, соответствующие представлению о *совершаемости* (перспективность, начало, интрагерминальность, *множественность*, конец) → множественность (*итеративность*, мультипликативность) → итеративность → *понятийные аспектуальные ситуации итеративности* [Рянская 2002].

Как следует из приведенной схемы, итеративность входит в состав понятийной категории множественности. Эта категория, наряду с такими, как перспективность, начало, интрагерминальность и конец действия, соответствует представлению о *совершаемости* действия и включает подкатегории итеративности и мультипликативности действия. В свою очередь, итеративность объединяет несколько аспектуальных ситуаций, которые выявляются методом изучения словарных дефиниций и контекстуального анализа употреблений выявленных языковых единиц. Таким образом, выбранная стратегия не

исключает обращения к методам «от формы к содержанию» и «от формы к функции» на предварительном этапе исследования.

Концептуальный анализ позволяет отнести приведенные в начале данной статьи языковые единицы русского и французского языков к средствам объективации двух разных понятийных ситуаций итеративности. Первая ситуация – «процесс, являющийся прерывистым, 'порционным', создающий представление о более или менее регулярном чередовании пауз»: рус. *постукивать; хаживать; вздыхать; стучать время от времени*; фр. *toussoter; frapper de temps en temps; pousser des soupirs*. Вторая ситуация – «характер совершаемости, имеющей оттенок ослабленности; процесс, осуществляемый не в полную силу»: рус. *напевать; наигрывать*; фр. *chantonner; jouer légèrement*. Такая методика анализа понятийной категории позволяет определить круг аспектуальных понятийных ситуаций и затем сопоставить языковые возможности их выражения в разных языках. Кроме того, она дает возможность построения универсально-константной структуры категории путем выявления всех возможных понятийных параметров. Так, основными признаками категории итеративности являются: множественность повторяющихся ситуаций, неопределенная / регулярная повторяемость, дискретность, привычность, периодичность.

Среди итеративных процессов особое место занимает *привычная повторяемость*. В русском и французском языках обычность действия подчеркивается наречиями: *обычно; d'habitude, ordinairement, d'ordinaire*. Именно обычность является доминантой в представлении о данной ситуации во французском языке, что подтверждается также наличием специального оборота *prendre des habitudes à + infinitif*. В русском языке активной является модель ситуации, в реализации которой важную роль играет глагол *любить*: *Он любил по утрам гулять по саду*. Статистические данные могли бы подтвердить, насколько значимой для русской национальной картины мира является именно это представление о привычной повторяемости. Таким образом, когнитивный подход позволяет не только параметризовать понятийные категории, но и ответить на вопрос, как в том или ином языке отражаются способы репрезентации разного или сходного восприятия действительности.

Подводя итог, отметим, что систематизация языковых единиц разноструктурных языков наиболее успешна, если она осуществляется в соответствии с когнитивной картиной мира. Эта задача решается путем использования комплекса подходов, среди которых основную роль играют ономаσιологический и когнитивный принципы исследования.

Литература

- Ажеж К. Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки. – М.: Едиториал УРСС, 2003.
- Бочкарев А.Е. Семантика. Основной лексикон. – Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2014.
- Викулова Л.Г., Рянская Э.М. Универсальная категория *возраст* и его языковая реализация // Верхневолжский филологический вестник. – 2016. – № 3. – С. 110–112. – Рец. на кн.: Категория возраста в аспекте номинативной деятельности языка (на материале русского и болгарского языков) : моногр. / Д. Митяев. – Велико Търново: Фабер, 2012. – С. 110–112.
- Галич Г.Г. Категории: грамматические, ономазиологические, когнитивные // Вестник Омск. ун-та. – 2011. – №3. – С. 238–244.
- Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики / пер. с франц.; общ. ред., послесл. и коммент. Л.М. Скрединой. – М.: Прогресс, 1992.
- Кибрик А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфическое в языке). – М.: Едиториал УРСС, 2002.
- Косова В.А. Ономазиологический подход как основа исследования словообразовательной категоризации действительности // Ученые записки Казанского государственного университета. – 2008. – Том 150. Кн. 6. Гуманитарные науки. – С. 217–224.
- Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. – М.: МГУ, 1996.
- Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990.
- Малинка А.В., Нагель О.В. Лексическая номинация: ономазиологический и когнитивный подходы // Язык и культура. – 2011. – № 4. – С. 44–56.
- Митев Д. Категория возраста в аспекте номинативной деятельности языка (на материале русского и болгарского языков). – Велико Търново: Издательство «Фабер», 2012.
- Рянская Э.М. Способы действия в когнитивном аспекте: монография. – СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2002.
- Рянская Э.М., Фёдорова Р.В. Проспективность в контексте взаимодействия аспектуальных, темпоральных и модальных характеристик действия // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2012. – № 1 (9). – С. 53–58.

САЛИКОВА О.В.

К ВОПРОСУ О ПРЕДИКАТИВНОСТИ СУБСТАНТИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Abstract: The article addresses the problem of predicativeness of substantival sentences. The author takes a global view of its modes of expression, such as attribution to the reality, predicative intonation, specific phrase structure, notional finish, context and, from our point of view, the chief one – indivisible expression of the subject and its characteristics in one main member. So, predicativeness is proper for substantival sentences, but it doesn't have explicit expression.

Key-words: substantival sentence, predicativeness, predicative intonation.

Проблема предикативности субстантивных предложений входит в круг спорных вопросов. Долгое время предикативность считалась присущей только двусоставным предложениям, а двучленность рассматривалась как необходимый признак предложения, служащий для выражения суждения. Соответственно, односоставные предложения определялись как непредикативные (М. И. Стеблин-Каменский,

А. М. Пешковский, В. Г. Адмони, Л. Л. Иофик, Н. М. Александров, Б. П. Ардентов). Это связано с тем, что предикативность приравнивалась к сказуемости, а предикативные отношения рассматривались только как отношения между подлежащим и сказуемым. В связи с этим требуется уточнить понятия предикативности и сказуемости.

По словам Н. Г. Епифанцевой, предикативность выделяется как категория, свойственная предложению и характеризующая отнесенность его содержания к действительности. Сказуемость определяется как синтаксическая категория, представляющая свойство сказуемого как синтаксического члена предложения в двусоставной структуре и которая проявляется в отношении между подлежащим и сказуемым. Предикативность и сказуемость рассматриваются как явления, относящиеся к разным аспектам предложения – логико-грамматическому и синтаксическому [Епифанцева 1999: 71-74].

Таким образом, в субстантивных предложениях мы не можем говорить о глагольности или сказуемости, так как глагол в подобного типа предложениях отсутствует и даже не подразумевается. Однако надо заметить, что некоторые исследователи (В.И. Казарина, Ю.Т. Долин) рассматривают номинативные предложения как предложения с нулевой формой глагола, а значит, предикативность в них присутствует именно благодаря наличию глагола.

Для некоторых предикативность не является обязательным признаком предложения. Так, например, Н.И. Тарабасова, Н.П. Зотова говорят о том, что предикативные отношения в номинативных предложениях не проявляются, а С.Н. Кузнецов пишет, что в номинативных предложениях нет предикативности, но тем не менее это предложение, так как выполняет коммуникативную функцию и характеризуется обращенностью к собеседнику [Кузнецов 1984: 50]. Однако большинство ученых считает предикативность ключевым конституирующим признаком предложения. В настоящее время существует несколько точек зрения на предикативность и на способы ее выражения в именных односоставных и в частности в субстантивных предложениях.

В отечественной лингвистике утвердилась точка зрения В.В. Виноградова, рассматривавшего предикативность как отнесенность содержания высказывания к действительности, которая выражается полностью или частично в синтаксических категориях времени, модальности и лица. Этой точки зрения придерживаются Л.М. Скредина, С.В. Саидахмедова (соотнесение содержания номинативных бытийных предложений с конкретной ситуацией), Д.Э. Розенталь, С.С. Сафонова, Л.А. Юревич, В.И. Банару, Р.Г. Сибгатов, И.П. Сусов.

Л.Г. Веденина, Б.П. Ардентов спорят с В.В. Виноградовым, доказывая, что отнесение содержания высказывания к действительности – это объективная модальность. А.С. Попов совмещает две точки зрения и

говорит о том, что через модальность выражается отнесение к действительности. Н.И. Майнова, М.И. Стеблин-Каменский, Е.М. Галкина-Федорук, Н. Е. Юдина, развивая учение В.В. Виноградова, отмечают, что к действительности относятся не только предложения, но и слова. Однако Н. Г. Епифанцева подчеркивает, что лишь в предложении (выражающем мысль) эта отнесенность актуализируется. Поэтому предикативность, также как те формы мысли и языковая единица, которым она свойственна, осуществляется только в процессе речи [Епифанцева 1999: 71-74; Епифанцева 2012: 38-44].

М. В. Куровская высказывает точку зрения, что логико-коммуникативная природа предикативности двусоставных глагольных предложений и предложений с одним именным главным членом, в число которых входят номинативные предложения, идентична. Она означает отнесенность содержания и структуры любого предложения к действительности [Куровская 1984: 16-20].

Подавляющее большинство ученых (Ж. Марузо, Р. Л. Вагнер и Ж. Пиншон, Л.М. Скрелина, Л.И. Илия, В.П. Проничев, А.Г. Руднев, Ф.К. Буженик, Н.С. Валгина, Д.Э. Розенталь, И.И. Ецко, Т.А. Иванова, Н.Н. Неустроев, Р.Я. Хуснетдинова, В.Ю. Копров, В.А. Кочергина) полагают, что единственным грамматическим средством выражения предикативности в односоставных предложениях является особая интонация, которая называется констатирующей (Н.В. Адамчик), предикативной (А.М. Пешковский), интонацией самостоятельного предложения (О.Б. Сиротинина). Однако Ю.Т. Долин справедливо отмечает, что интонация является признаком всякого предложения, к тому же об интонации предложения можно говорить применительно лишь к устной разговорной речи, но не к книжно-письменной [Долин 2008: 80].

Г.Е. Каган считает, что предикативные отношения устанавливаются между односоставным предложением и предшествующим контекстом [Каган 1970: 25]. Е.Д. Андреева тоже считает контекст одним из способов выражения предикативности. С нашей точки зрения, если предикативные отношения устанавливаются не внутри предложения, а соединяют предложение с окружающим контекстом, то нужно говорить уже не о предикативности предложения, а о предикативности высказывания или сферхфразового единства.

Также существует мнение, что предикативность реализуется через утверждение бытия, существования (Л.Г. Кораблёва), иногда в сочетании с интонацией (К.И. Машадиёв) или независимой формой имени существительного (Я.И. Рословец, Грамматика-80, Р.М. Османова).

Некоторые ученые называют не один, а сразу несколько выше перечисленных способов выражения предикативности в именных односоставных предложениях. Так, Я.И. Рословец говорит об отображении кусочка действительности, утверждении существования и

имени существительном в именительном падеже; Е.Д. Андреева, помимо интонации, упоминает строй предложения и контекст; И.К. Авалишвили объединяет отношение предмета к действительности без конкретизации условий его бытия и нерасчленённость; Н.В. Гаврош, А.Ф. Калинин подчеркивают соединение знаменательного слова с соответствующей интонацией, а К.И. Машадиев, А.М. Пешковский, Р.М. Османова обращают внимание на имя существительное в именительном падеже, которое выражает бытие, соединяясь с констатирующей интонацией.

Среди лингвистов, которые считают, что предикативность раскрывается в самом главном члене, можно назвать, например, Л.Л. Касаткина. Н.Ю. Шведова, Н.Д. Арутюнова полагают, что в номинативе предикативность передается нерасчленённо. Некоторые приводят доводы в пользу того, что в главном члене соединяется и предмет, и его признак (Р.М. Гайсина, Л.А. Петрова, Н.А. Федотова). Л.М. Скредина пишет о том, что в односоставном предложении, выраженном словом с внутренней инцидентией (имя, инфинитив), опора и вклад (в разных терминах: тема и рема, психологический или логический субъект и предикат, основа высказывания и его ядро, исходная точка и сообщение о ней, название и толкование) совпадают внутри знака. Именно в существительном, в его концептуальной структуре при внутренней инцидентии постоянно наличествует семантический стержень, опора, с которой совпадает вклад, сигнификат [Скредина 1999: 85-87]. К.Л. Розова высказывает точку зрения, что номинативные предложения односоставны по форме, но двучленны по смысловым (глубинным) составляющим. Е.С. Кубрякова полагает, что в номинативном предложении «предикация усматривается в установлении связи между языковой формой имени и системой действительности, и в этом смысле морфологическая форма имени выполняет функцию глагола (предикация)» [Кубрякова 2012: 130]. По мнению С.А. Никифоровой, своеобразие номинативного предложения заключается в том, что морфология получает в нем удвоенную грамматическую нагрузку, выражая как форму слова, так и предикативную функцию. Номинативное предложение характеризуется смысловой завершенностью (предикацией), т.е. коммуникативной полноценностью [Никифорова 2006: 17-19]. На наш взгляд, точка зрения, что в главном члене соединяются свойства предмета и его признака, является наиболее убедительной. Имя существительное в рассматриваемых предложениях не просто называет предмет, но и что-то сообщает о нем (либо о том, что этот предмет существует, либо приписывает ему какой-то признак, и т.д.).

Итак, предикативностью, которая является неотъемлемым признаком предложения, обладает также и субстантивное

предложение. Если в двусоставных предложениях она выражается в категориях модальности, времени, лица и имеет эксплицитную форму, то в субстантивных предложениях она не эксплицитна.

Литература

- Епифанцева Н.Г. Межуровневые связи в системе моно- и полипредикативных единиц: во французском языке в сопоставлении с русским: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20 – М., 1999.
- Епифанцева Н.Г. Модальность и средства ее выражения во французском и русском языках // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2012. – № 1 (9). – С. 38-44.
- Каган Г.Е. Номинативные предложения в современном немецком языке. Грамматический и стилистический аспекты: дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1970.
- Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности. – 4-е изд. – М.: URSS, 2012.
- Кузнецов С.Н. Теоретическая грамматика датского языка. Синтаксис. – М.: Наука, 1984.
- Куровская М. В. Номинативные предложения в современном французском языке: дис. ... канд. филолог. наук: 10.02.05.– Л., 1984.
- Никифорова С. А. Номинативное предложение как компонент структуры текстового целого (на материале немецкой прозы и поэзии): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – СПб., 2006.
- Скрелина Л. М. Лекции по теоретической грамматике французского языка. Ч. 2. – СПб: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1999.

СЕМИНА И. А.

ДИНАМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ФРАНЦУЗСКИХ ШИРОКОЗНАЧНЫХ АНТРОПОНИМОВ В ДИСКУРСЕ

Abstract: In the following article, a dynamic nature of the wide-meaning category in discourse is shown by the example of wide-meaning French anthroponyms. Being natural, the wide-meaning anthroponomical category is shown as a continuum consisting of a nucleus and a peripheral zone. It is shown that the composition and the structure of the nucleus and the periphery of institutional discourse types are different, both in proportion and quality ratio. Such dynamics already lies in the systematical aspect of wide-meaning anthroponyms.

Key words: wide-meaning anthroponyms; nucleus and the peripheral zone; institutional discourse.

Цель настоящей работы заключается в демонстрации динамического характера категории французских широкозначных антропонимов в дискурсе. При этом мы понимаем антропонимы как совокупность лексем, называющих человека, и выбираем в качестве материала исследования те антропонимические единицы, которые выражены именами нарицательными. Антропонимы определяются нами как слова, которые указывают на широкий класс разнородных объектов (людей); категоризируют их как некую общность с четко очерченными внешними и размытыми внутренними границами; концептуализируют классы объектов по ограниченному количеству

обобщенных, неконкретизированных признаков; идентифицируют лексемы своего и всех нижних уровней иерархии; служат гиперонимами по отношению к другим именам того же класса [Семина 2013]

Будучи естественной, категория широкозначных антропонимов французского языка имеет вид континуума, в котором существуют прототипические отношения. Последние связываются с представлением данной категорией в виде прототипического ядра, образованного ядерными антропонимами, и периферийной зоны, объединяющей периферийные широкозначные антропонимические единицы. Демонстрацию динамического аспекта широкозначных антропонимов в дискурсе мы проводим на материале нескольких видов институционального дискурса – юридического, философского, научного (психологического), СМИ, рассматривая состав и структуру ядерно-периферийной зоны широкозначности в каждом типе перечисленных выше дискурсов. Определяющей характеристикой при построении ядерно-периферийной зоны является частотность составляющих их антропонимов широкой семантики.

Корпусной анализ показывает, что между элементами ядерно-периферийной зоны каждого типа институционального дискурса существуют значительные количественные и качественные различия. Первые связаны с количеством входящих в состав ядра и периферии широкозначных антропонимов, их частотностью и той долей употребления, которая приходится на каждый из них в различных типах дискурса. Вторые – со специфическим для каждого дискурса расположением широкозначных антропонимов внутри ядра – от центра до границы с периферийной зоной, а также с различием общей точки зрения (перспективы) на объект (человека), выстраиваемой широкозначным именем в каждом типе дискурса.

В юридическом дискурсе ядро широкозначных имен образовано пятью ядерными широкозначными антропонимами и распределяется между ними в следующих пропорциях: на долю антропонима *personne f* приходится 89,1% от общего количества употреблений ядерных антропонимов; на долю *individum* – 7,6%; *être m humain* – 2,5%; *homme m* – 0,7%; *humain m* – 0,1%.

В философском дискурсе, как и в юридическом, ядро включает те же широкозначные антропонимы – *homme m*, *individum*, *personne f*, *être m humain*, *humain m*. Однако в отличие от юридического дискурса, в состав ядра входят еще два антропонима широкой семантики – *créature f* и *mortel m*. Кроме того, широкозначное ядро в философском дискурсе иначе структурировано, т.е. по-другому распределено между ядерными широкозначными антропонимами, по сравнению с широкозначным ядром юридического дискурса, ибо частотность составляющих его антропонимов различна для данных типов дискурса. В философском

дискурсе на долю широкозначного антропонима *homme m* приходится 52,6% употреблений, антропонимическая лексема *individu m* реализует 23,4%, *personne f*– 16,4%, *être m humain*– 6,6%, *humain m, creature f, mortel m*– 1,0%. Центр ядра занимает наиболее частотный в данном типе дискурса ядерный антропоним *homme m*. От центра к периферийной зоне, соблюдая принцип уменьшения частотности, ядерные антропонимы располагаются в следующем порядке: *individu m, personne f, être m humain, humain m, créature f, mortel m*. Три последних из них как самые низкочастотные ядерные антропонимы философского дискурса находятся на границе с периферийной зоной.

В научном дискурсе ядро состоит из ядерных антропонимов *personne f, individu m, homme m, être m humain, humain m*, которые дополняются здесь антропонимическими лексемами *créature f, mortel m, prochain m, semblable m*. Ядро выстраивается таким образом, что в его структуре 40% употреблений приходится на антропоним *personne f*, 38,6% – на лексему *individu m*, 16,2% отведено для антропонима *homme m*, 2,6% – антропонимическим лексемам *être m humain, humain m*, около 1,4% – *créature f, mortel m* и около 1,2% – *prochain m, semblable m*. При этом наиболее частотный антропоним *personne f* занимает центр ядра, остальные ядерные антропонимы, в соответствии с понижением частотности употребления, размещаются по направлению от ядра к периферии в следующем порядке: *individu m, homme m, être m humain, humain m*. Наименее частотные широкозначные антропонимы *créature f, mortel m, prochain m, semblable m* расположены на границе ядра с периферией.

В дискурсе СМИ, как и в философском дискурсе, ядро включает семь элементов (*personne f, individu m, être m humain, homme m, humain m, créature f* и *mortel m*) по сравнению с пятью лексемами, составляющими ядро широкозначности в юридическом дискурсе, и девятью антропонимами в научном дискурсе. Кроме того, в процентном соотношении широкозначные антропонимы по-разному распределяются в широкозначном ядре. В дискурсе СМИ на долю широкозначного антропонима *personne f* приходится 85,9% употреблений широкозначных антропонимических единиц ядра, антропонимические лексемы *individu m* и *être m humain* реализуют соответственно 6,6% и 4,5%, *homme m*– 1,5%, *humain m, mortel m, créature f* – около 0,5% каждый (всего ≈ 1,5%). Антропоним *personne f*, как наиболее частотный, располагается в центре ядра. За ним в порядке понижения частотности следуют антропонимы *individu m, être m humain, homme m, humain m* и, наконец, *mortel m* и *créature f*, которые, как самые низкочастотные ядерные элементы в дискурсе СМИ, располагаются на границе ядра с периферией.

Таким образом, состав и структура ядерной зоны каждого типа дискурса различны. Состав ядра варьируется от пяти ядерных

широкозначных антропонимов в юридическом дискурсе до девяти широкозначных лексем в научном и семи лексем в философском дискурсе и дискурсе СМИ. Процентное соотношение составляющих ядро широкозначных антропонимов также изменяется от одного типа дискурса к другому. Частотность употребления широкозначных антропонимов, составляющих центр ядра, различна, как и сам антропоним центра ядра (*personne f* в юридическом, научном дискурсах и дискурсе СМИ; *homme m* в философском дискурсе); ядро по-разному структурировано с точки зрения близости / удаленности каждого ядерного антропонима по отношению к центру ядра.

Активность того или иного широкозначного антропонима зависит от типа дискурса. Тот факт, что в юридическом дискурсе французского языка широкозначный антропоним *personne f* более частотен по сравнению с ядерными антропонимами не только данного дискурса, но и других типов институционального дискурса, можно, по нашему мнению, объяснить тем, что понятие *личность-персона* всегда связывалось с правовой юридической традицией [Степанов 1997: 46–47].

В современном французском языке тесная связь единицы *personne f* с юридическим дискурсом сохраняется. Этот факт отмечен в толковых словарях современного французского языка: *personne f – dr. “individu ou être moral doté de l’existence juridique”* [DPF 1987: 752]; *dr. “être auquel est reconnue la capacité d’être sujet de droit”* [DAALF 2001: 1806]. Это означает, что в юридическом дискурсе широкозначный антропоним *personne f* дополнительно к значению «человек как представитель человеческого рода», свойственному всем ядерным широкозначным антропонимам, приобретает значение «человек как субъект права» и остается при этом носителем широкой семантики: он сохраняет свою референтную базу, которая переосмысливается через другой широкий признак, поскольку любой человек может рассматриваться как субъект права.

В философских текстах центр ядра широкозначности содержит наиболее частотный в данном типе дискурса ядерный широкозначный антропоним *homme m*. Здесь он обладает особым статусом, ибо обозначает обобщенное родовое понятие *человек*: «Люди обладают некоей общей сущностью. Эта сущность, являющаяся родовым понятием человека, имеется у всех людей. Каждый конкретный человек есть частный случай общего понятия человек» [НФЭ 2010: 412] (Ср.: «человек – это родовое, обобщенное понятие» [Философия 2002: 469]).

Несмотря на то, что ядро широкозначности в нескольких типах дискурса – юридическом, научном и СМИ – представлено одним и тем же широкозначным антропонимом *personne f*, говорить о тождественности центров ядра неправомерно. Нетождественность ядер видится не только в различной частотности составляющих их широкозначных антропонимов, но и в различной выражаемой ими точке зрения на

объект в том или ином типе дискурса. Последнее положение может быть продемонстрировано на следующих примерах:

- в научном (психологическом) дискурсе объект (человек), обозначаемый антропонимом *personne f*, может рассматриваться с точки зрения психического здоровья и психологических проблем, входя в следующие субкатегории: «больные люди» (*La tolérance, le renvoi, la possibilité de réinsérer ou de maintenir les personnes malades dans la communauté sont en partie conditionnés par de représentations sociales, mais de manière complexe*); «больные с психическими расстройствами» (*Les personnes qui sont malades mentales commettent-elles nécessairement des délits, délits qui aboutiraient à une incarcération?*); «люди в состоянии депрессии» (*P. Pignarre constate que le nombre de personnes déprimées en France a été multiplié par sept entre 1970 et 1996, montre comment les médecins ont «appris» à reconnaître la dépression au sens où ils y ont été sensibilisés*);

- в юридическом дискурсе человек, обозначаемый антропонимом *personne f*, рассматривается как субъект права и характеризуется, например, такими признаками, как: «подозреваемое лицо» (*Chaque personne soupçonnée devra être jugée devant une cour, dans un palais de justice*); «лицо, помогающее иммигранту перебраться во Францию и обосноваться там» (*L'article L 622-1 du Code de l'entrée et du séjour des étrangers menace de cinq ans de prison et de 30 000 euros d'amende toute personne aidant un immigré à pénétrer en France et à y séjourner*);

- в дискурсе СМИ человек, обозначаемый антропонимом *personne f*, является участником различных событий современной жизни: «человек, обладающий информацией о похищении» (*Un numéro de téléphone a été mis à la disposition de toute personne qui posséderait de l'information de ce rapt*); «люди, принимающие участие в общественных опросах» (*7% des personnes sondées ne se prononcent pas à ce sujet*); «человек, зараженный своим лечащим врачом» (*Il pronait la prise en charge des personnes infectées par leur généraliste*).

Разнообразные признаки, приписываемые объекту (человеку), вербализируемому при помощи ядерного антропонима *personne f*, зависят от точки зрения на объект, сформированной в том или ином типе дискурсивной деятельности. Этот факт, с одной стороны, является проявлением качественного различия ядер широкозначности исследуемых типов дискурса, а с другой стороны, – проявлением процессов перспективизации при построении категорий в дискурсе. Для каждого анализируемого типа дискурса состав периферийных антропонимов различен. Периферийная зона также, в зависимости от типа дискурса, отличается по своему составу, активности (частотности) составляющих ее элементов и, соответственно, степени их приближенности к границе с ядром широкозначности или удаленности от нее.

Например, в юридических текстах, как правило, не встречаются или имеют низкую частотность периферийные антропонимы *adepte m, ambassadeur m, avant-coureur m, disciple m, envoyeur m, fauteur m, incitateur m, instigateur m, lanceur m* и др.; в философских текстах – *accordeur m, acolyte m, apologiste m, avant-coureur m, calomniateur m, comploteur m, candidat m, entrepreneur m, fomentateur m, fonctionnaire m, fournisseur m, gaspilleur m, homologue m, innovateur m, instaurateur m, lanceur m, libérateur m, liquidateur m, malfaiteur m, manieur m, meneur m, novateur m, possesseur m, preneur m, ressortissant m, suiveur m, tenancier m, titulaire m* и т. д.

В других случаях расхождение в показателях частотности употребления периферийных антропонимов в различных типах дискурса представляется более существенным: например, *agent m* – 284 словоупотребления в юридическом, 76 с/у в дискурсе СМИ; *bénéficiaire m* – 130 с/у в юридическом 15 в дискурсе СМИ; *femme f* – 91 с/у в юридическом тексте и 559 в текстах СМИ; *malfaiteur m* – 13 с/у в юридическом и 0 в научном дискурсе; *observateur m* – 1 с/у в юридическом и 29 в научном дискурсе; *titulaire m* – 229 с/у в юридическом, 0 в научном и 25 в массмедийном дискурсе; *victime m* – 159 с/у в юридических, 67 в научных текстах; *président m* – 30 с/у в философском, 840 с/у в СМИ и 471 в юридическом дискурсе; *disciple m* – 25 с/у в философском дискурсе, 7 в СМИ; *auteur m* – 339 с/у в философском, 135 – в СМИ, 250 с/у в юридическом дискурсе и т. д.

Итак, количественный анализ ядерных и периферийных широкозначных антропонимов в корпусе юридических, философских, научных текстов, а также текстов СМИ показал динамичность и изменчивость ядерно-периферийной зоны широкозначности в дискурсе как на количественном (разное количество антропонимов в ядре разных типов дискурса, разное соотношение широкозначных антропонимов в ядре), так и на качественном уровне (разные семантические модификации ядерных антропонимов). Хотя подобная динамика ядерных и периферийных лексем в дискурсах заложена уже в системном аспекте данных имен, факт изменчивости ядерно-периферийной организации данной группы лексем указывает на то, что окончательное соотношение ядра и периферии выстраивается только в дискурсе.

Литература

- НФЭ – Новая философская энциклопедия. Т. 1.– М.: Мысль, 2010.
Сёмина И. А. Когнитивно-функциональные основания теории субстантивной широкозначности: на материале французского языка. – М.: Тезаурус, 2013.
Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
Философия. Учебное пособие: в 2 ч. / под общ. ред. А.В. Мялкина. – М.: МГЛУ, 2002.
DAALF – Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. – Paris: Dictionnaires Le Robert, 2001.
DPF – Le Dictionnaire pratique du français. – Paris: Hachette, 1987.

СКУРАТОВ И.В.

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМОВ

Abstract: This article deals with functioning features of international lexical units, which express interlingual character of relations in modern linguistics

Key-words: internationalism, interlinguistics, inter-lexical units, synchrony, diachrony, term neologism.

Общеизвестно, что ученые еще с древнейших времен стали замечать общие лексические элементы в языках. Развитие контактов между народами способствовало тому, что люди предпринимали попытки выявления единых для различных языков слов и выражений. Данный вопрос всегда оставался в центре внимания исследователей языка. Первые попытки описания интернациональных лексических единиц были предприняты на рубеже XIX-XX веков.

Долгое время интернациональная лексика рассматривалась только как явление европейских языков. Иногда наряду с лексическими интернациональными элементами рассматривались явления сближения в синтаксисе и стилистике европейских языков как проявление так называемой 'европейской тенденции'. Вопросы интернационализации словаря связывают с интерлингвистикой как раздела языкознания, занимающейся исследованием глобальных вопросов межъязыкового общения, как ветвь лексикологической науки, затрагивающей проблематику создания и функционирования международных искусственных языков [Копылова 2015: 25-26]. Кроме того, не остаются без внимания и вопросы терминологии.

Терминология в языке непосредственно связана с задачами кодирования и передачи научно-технической информации. Сближение лексики языков ведет к заметной унификации понятий. Тем более это относится к сближению терминов, которые по своей сути являются формами воплощения специальных понятий, уточняемых по договоренности, которые неизбежно стремятся к выработке в языках понятийно-терминологических универсалий. С точки зрения М.М. Маковского, лексических интернационализмов не существует вообще; подобные лексические параллели различных языков, но не всех, и именно потому, что не всех, он предлагает назвать *регионализмами* [Маковский 1971: 169].

Наличие интернациональных единиц почти во всех языках мира свидетельствует о том, что об интернациональной лексике можно говорить как о языковой универсалии [Дубичинский 1993: 18]. Разделяя точку зрения В.В. Дубичинского, представляется более целесообразным использование термина *интерлексема*, поскольку понятие *лексема* является традиционным для современного языкознания. Кроме того, морфема *интер-* подчеркивает межъязыковой характер отношений.

Указанный термин дает возможность избежать нежелательных ассоциаций. Сравним, например, «(лексический) интернационализм» – «(пролетарский) интернационализм».

Интернационализмами можно назвать лексемы, встречающиеся минимум в двух, и не только мировых, языках, так как они в равной степени, что и в трех, и во многих языках выполняют функции отождествления лексических единиц, хотя степень интернациональности оказывается различной. Поэтому вполне логично считать интерлексемами пару внешне и семантически сходных слов – языка-источника и языка-заимствователя. В данном случае правомерно говорить об интерлексемах в широком смысле слова. Соответственно, интерлексемами в узком смысле слова целесообразно считать сходные по значениям и форме лексемы трех и более языков.

Интерлексеммы могут быть вычленены лишь на синхроническом уровне, хотя бытует мнение, что интернационализмы – диахроническая категория. Вполне естественным является тот факт, что чисто синхронический или диахронический подходы к языку с целью выявления и изучения любой категории его функционирования или развития, как, в частности, и с целью выделения межъязыковой категории лексических параллелей, основан на определенной абстракции. В реальной жизни языка синхрония и диахрония неразрывно и диалектически связаны [Дубичинский 1993: 23].

В интернациональном слое лексического состава языка большую часть занимает терминологическая лексика. Это обусловлено международным характером научно-технического обмена информацией. Хотя основные задачи планируемого создания неологизмов одинаковы во всех странах, методы, благодаря которым оно осуществляется, не всегда совпадают. Анализ, основанный на способе упорядочения терминов в мире, в действительности, доказывает существование двух базовых положений: предписываемое положение, ориентируемое на принудительное употребление; другое, более гибкое положение ведет к рекомендации, чем к предписанию приоритетного использования определенной формы.

Выбор того или иного положения в разных странах, идущих по пути планируемого создания неологизмов их терминологии обусловлен как уровнем развития стран, так и формальным наблюдением издаека, которое представлено сводом языковых законов каждой из стран в отношении доминирующих языков в плане неологии, более того, учитывая социальные, политические и лингвистические факторы. Следует подчеркнуть, что сильно развитые индустриальные страны рассматривают положение и организацию упорядочения терминологии чаще, чем развивающиеся страны. В связи с этим необходим поиск причин этого различия по степени живучести языков и возможностям

спонтанного создания неологизмов. Общество-производитель может позволить себе невнимательное отношение к эволюции языка, поскольку его собственная креативная живучесть сама обеспечивает языковую преемственность. Английский язык является тому ярким подтверждением, в меньшей степени французский и немецкий языки. Напротив, общество, которое постоянно импортирует технику, науку и технологию, приобретает знания по иностранным языкам, нуждается в контроле за вводом заимствований, чтобы избавить свой язык от иностранных моделей. Поэтому, говоря о неологии, устанавливают принципы, руководствующиеся лексической креативностью, а именно:

- буквальный смысл термина должен отражать особенности понятия, которое оно обозначает;
- звуковая и графическая форма терминов должна приспособляться к языку;
- термины также должны быть, по возможности, краткими.

Возможно создание новых слов за счет сокращения простого слова, составляющих сложного слова или выражения. Сокращенный термин может включать слоги или изолированные буквы (особенно в начальных буквах, как в буквенных сокращениях) слов, послуживших ему основой. Новые термины должны способствовать созданию производных. Новые термины могут быть образованы за счет модификации значения термина разговорного языка или другой специальности, при условии, во втором случае, достаточного удаления двух специальностей с тем, чтобы избежать двусмысленности [Скуратов 2006: 33-38]. Чтобы перевести термин-неологизм, надо основываться на его словообразовательных связях, контекстном значении и хорошем знании его номинации. Например, в случае *tertiarie* – «сектор услуг» четко прослеживаются парадигматические связи с *secteur tertiaire* [Кузнецов 2016: 97].

Неизбежным является то, что многочисленные термины обладают более чем одним значением. Разнообразие функций (поливалентность) может привести к неясности, если: а) совпадающие значения близки; б) оба термина могут появиться в одном и том же типе текстов. И в том, и в другом случае различные значения потенциально двусмысленного термина должны выражаться с помощью разных наименований. Синонимия перегружает память и может способствовать неясности. Технический язык не должен искать многообразие, а быть ясным.

Большинство слов, имеющих международную графическую форму, происходят из латинского или греческого языков. По этой причине они не воспринимаются как иностранные в неолатинских языках, ни тем более в английском, который обладает достаточным количеством слов, имеющих греческое и латинское происхождение. В других условиях, как остаток германской семьи слов или славянских языков, интернациональные слова и собственно сложные слова должны

быть признаны синонимами. В этих языках местные слова часто носят официальный характер, используются в законах, тогда как интернациональные слова рассматриваются как более адекватные для общения с иностранцем.

Итак, когда слово или понятие укоренились в употреблении, они не должны меняться. На самом деле, всякое изменение, которое, в основном, не укореняется, приводит к терминологическим отклонениям (новые синонимы) и появлению двусмысленных терминов. Особенно трудно принять изменение значения. В большинстве случаев, изменение подобного типа приводит к образованию неясных терминов. Тогда рекомендуется создание нового термина для обозначения нового понятия.

Литература

Дубичинский В.В. Лексические параллели. – Харьков: Харьковское лексикографическое общество при НТУ"ХПИ, 1993 .

Кузнецов В.Г. Французский язык для экономистов: практический курс и перевод: учеб. пособие. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2016.

Копылова Е.В. Интернациональные лексемы в аспекте семантических связей (на материале неблизкородственных языков): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – М., 2015.

Маковский М.М. Удивительный мир слов и значений. – М.: Высшая школа, 1989.

Скуратов И.В. Типологическая характеристика неологизмов в разговорном и деловом французском языке: лингвистический и социолингвистический аспекты: монография. – М.: МГОУ, 2006.

СЛАСТНИКОВА Т.В.

СЕМАНТИКА ОБОБЩЕНИЯ ФРАНЦУЗСКОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Abstract: This article is dealing with the sentences of generalizing semantics. Generalizing utterances are very common in modern French and important for communication to express some abstract ideas, generalizing thoughts. Semantics of generalization is formed as a function of the means of various linguistic levels of utterance, and its research suggests involvement of the wider context.

Key-words: sentences of generalizing semantics, context, communication, generalizing thoughts.

Данная статья посвящена такому типу высказываний, в котором не содержится сообщения о конкретных событиях и фактах действительности, а напротив, выражается некоторая идея отвлеченного характера. Такие высказывания обобщающей семантики типизируют жизненные явления и придают им вневременной и всеохватывающий характер. В них нет точного указания на место и время совершения какого-либо действия, и вся содержащаяся в высказывании информация приобретает абстрактное значение.

В последнее время интерес к проблемам функционирования обобщающих высказываний как в отечественном, так и в зарубежном

языкознании значительно оживился, что объясняется, прежде всего, референционными особенностями высказываний данного типа: они лишены конкретно-временной референционной соотнесенности, так как истинны для любой эпохи. Референт конкретного высказывания – это отдельный индивидуальный объект или индивидуальное лицо, обладающие рядом частных признаков. Референт обобщающего высказывания – это объект, который представляет множество объектов, обнаруживающих определенные общие признаки, это открытый класс, куда объект может быть включен, потому что обладает всеми необходимыми свойствами.

В обобщающем высказывании отсутствует пространственно-временная локализация. Благодаря этому обобщающее высказывание может восприниматься обособленно от определенного момента времени. В основе обобщающих высказываний лежит повторяемость, типичность ситуации. Обобщающие высказывания весьма употребительны в современном французском языке и важным для коммуникации способом выражения некоторой отвлеченной идеи, обобщающей мысли.

Обобщающее высказывание представляет собой самостоятельную единицу в коммуникативно-семантическом, лексико-грамматическом и других аспектах. В логико-семантическом плане эти высказывания строятся на основе суждений, включающих признаки общего, постоянного характера. Этим они отличаются от конкретных высказываний, описывающих признаки временные, второстепенные, относящиеся, как правило, к конкретному субъекту. Рассмотрев подробно синтаксические структуры обобщающих высказываний французского языка, приходим к выводу об отсутствии одной или нескольких грамматических форм, специально предназначенных для выражения обобщающей мысли [Сластникова 1993: 15] и, вслед за французским исследователем М. Гальмишем, предлагаем обратиться к семантике обобщающих высказываний [Galmiche 1985: 23].

Семантическая структура высказывания формируется под непосредственным влиянием конкретной ситуации, в которой оно реализуется, а именно таких ее параметров, как личность адресанта и адресата с их социальными, ролевыми и индивидуально-психологическими характеристиками, а также время и место коммуникации. Важным в данном случае является характер неязыковой действительности, в которую включается вербальная коммуникация, так как речевая деятельность подчиняется деятельности экстралингвистической, выполняет и стимулирует ее потребности. Данный фактор обуславливает коммуникативное намерение говорящего, который является одним из компонентов семантической структуры высказывания.

Обобщенность можно назвать промежуточной областью между единичностью и множественностью, образуя семантическое поле категории количества. В обобщающем высказывании проявляется как признак единичности, так и признак множественности. В форме единственного числа реализуется и значение множественного числа, а в форме множественного – и значение единственного; поэтому значение данных форм богаче по сравнению с проявлением количественного соответствия значения форме. Интересно отметить, что в генерализующем высказывании, выраженном с помощью формы множественного числа, обобщенность равнозначно соотносится формально и содержательно с множественным числом и одновременно со значением единственного числа: *Une petite ville, c'est celle où une femme peut parler pendant une demi-heure au téléphone, même si elle s'est trompée de numéro* [Musso 2013: 348].

В данном предложении единичность имплицитно означает значение множественности. Таким образом, *une femme* не предстает в значении «одна (неопределенная) женщина», а включает в себе понятие *любая, каждая женщина*.

Единичность, обозначенная формой единственного числа, в обобщающих высказываниях качественно отличается от типичной единичности. Это дает ей возможность обозначать вполне конкретное единично-предметное понятие наиболее обобщенным образом, отделяя его от понятия количества [Латышева 2007: 40-41].

Обобщенность как категория имени противостоит категории определенности/неопределенности и выражается во французском языке в особой семантике артикля. Артикль является одним из важных семантических показателей обобщающего высказывания. В подобных высказываниях роль артикля сводится к актуализации именной синтагмы высказывания и дифференциации отдельных семантических функций имени существительного, с которым он употребляется: *Les femmes sont faites pour être aimées, pas pour être comprises* [Musso 2013: 494].

В обобщающем высказывании в сравнении с конкретными высказываниями происходит сближение значения артиклей, так как все они начинают передавать более полный объем денотативно-сигнификативной структуры понятия, но во многих случаях артикли сохраняют свои основные семантические черты. Фактором нейтрализации является намерение говорящего придать именной группе функцию обобщения, т.е. представить описываемый предмет или лицо как носителя категорий рода и вида. А интерпретация высказывания как обобщающего происходит после восприятия смысла высказывания в целом.

Разница между обобщающими артиклями и артиклем может быть определена в контексте, а различие в значении артиклей основывается на дуалистичности семантической структуры имени существительного, которая включает понятийное содержание слова – совокупность признаков, отличающих данный класс предметов от других (интенционал) и объем – множество предметов, отражаемых в данном понятии (экстенционал).

Существует ряд формальных маркеров, которые делают акцент на обобщающем значении высказываний. Такими маркерами являются наречия *toujours, souvent, parfois, jamais, en général, généralement*. Лингвисты отмечают, что наличие данных наречий придает обобщающий характер высказыванию. В таких случаях *toujours* воспринимается как «во всех случаях», а *parfois* и *souvent* – как в «некоторых случаях»: *Meredith s'est exprimée avec franchise. Cette confession, elle l'a sur le coeur depuis son operation. La vie nous met parfois dans des situations dont nous ne pouvons nous extraire qu'en renonçant aux valeurs que nous défendons, constate-t-elle, comme pour elle-même* [Troyat 2003: 66]; *La guerre est toujours la pire des solutions* [Mallet-Joris 1985: 175]; *On ne fait pas souvent ce qui nous plait* [Druon 1999: 130].

Эти наречия всегда имплицитны в обобщающих высказываниях: *Si tu crois que c'est amusant, ta promenade sans rien dire! On parle (toujours), quand on n'est pas bête* [Maupassant 2013: 64]; *Eh bien alors, Juliette? demanda-t-il lentement en tournât le regard vers elle. Pourquoi ne le ferions-nous pas? On ne fait pas (souvent) ce qui nous plait* [Druon 1999: 130].

Следует отметить, что наличие данных маркеров не является неоспоримым доказательством генерализующего значения высказывания, так как они могут употребляться для обозначения как обобщающих, так и конкретных ситуаций.

Показателем обобщающих высказываний является также модальность: эксплицитная и имплицитная [Епифанцева 2012: 38-44]. К эксплицитным средствам выражения модальности относится употребление таких глаголов, как *pouvoir, vouloir, devoir*.

А имплицитная модальность может проявляться как лексически, так и грамматически. К такому виду проявления модальности относятся употребление безличного оборота *il faut* и условного наклонения (*modeconditionnel*): *Il faut être tel que l'on n'ait pas à rougir devant soi-même* [Baltasar Gracian y Morales, Le Figaro]; *Si les hommes n'étaient pas jaloux, les femmes ne seraient pas belles! – dit Solange* [Troyat 2003: 73].

Обобщающие высказывания характеризуются отсутствием регламентированного набора формальных показателей, и это является их отличительным свойством. Для того чтобы определить высказывание как обобщающее необходимо взаимодействие нескольких семантических показателей. Семантика обобщенности формируется как функция

средств различных языковых уровней высказывания. А ее изучение предполагает привлечение широкого контекста, так как не существует обобщающего высказывания в самом себе (*en soi*), лишь конкретное употребление в некотором контексте позволяет интерпретировать высказывание как обобщающее [Galmiche 1985: 24].

Являясь актом коммуникации, речь всегда обращена к кому-либо. Цель любой коммуникации заключается в донесении необходимой информации от отправителя до адресата, не потеряв при этом смысла, заложенного в высказывании. Таким образом, за каждым коммуникативным актом, а, следовательно, за каждым высказыванием, стоит смысл. Под смыслом понимается эквивалент значения в конкретной деятельности конкретного индивида; это форма существования значения в индивидуальной психике, всегда опосредованная системой отношений индивида к действительности [Сидоров 2008: 111].

Из этого следует, что смысл высказывания – это некоторая организованная совокупность индивидуально-деятельностных, личностных, в том числе ситуативно-определенных эквивалентов значений и одновременно их целостность, формирующаяся в языковом сознании коммуниканта в связи с высказыванием как материально-знаковой системой.

Представляется бесспорным, что смысл высказывания имеет ситуативную определенность. Так, завершающий этап восприятия и понимания смысла речи происходит в результате соотнесения воспринимаемого речевого сообщения с контекстом всего текста или с ситуацией, о которой идет речь. Будучи извлеченным из контекста сообщения, слово или высказывание приобретает иной смысл.

Для примера возьмем высказывание: *Tout le mal vient de ce sang-froid du Nord* [Mallet-Joris 1985: 53].

Данное высказывание может восприниматься по-разному: как обобщение и как вполне конкретное высказывание.

Контекст снимает двойственность восприятия и определяет данное высказывание как обобщающее: *Il faut crier, Paula! conseille celle-ci avec véhémence. Pleurer, crier, casser quelque chose! Tout le mal vient de ce sang-froid du Nord! Courez-lui après, achetez un manteau de fourrure, retirez-vous quinze jours au couvent, et n'y pensez plus!* [Mallet-Joris 1985: 53].

Это позволяет констатировать, что контекст является одним из компонентов семантической структуры высказывания и имеет большое значение при идентификации обобщающего высказывания. Контекстуальное окружение также необходимо для однозначного осмысления обобщающего высказывания, так как именно в контексте высказывание приобретает однозначность.

Обобщение выражается в предложениях классификации, характеристики и грамматической тавтологии. Последнее, в свою очередь, представляют фразы типа: *une femme est une femme*, – и являются часто встречающейся грамматической конструкцией, оформляющей обобщающую мысль. Данный тип обобщающего высказывания представляет наибольший интерес для дальнейшего исследования, так как, являясь всегда обобщающими, они получают каждый раз новую интерпретацию в зависимости от контекстного употребления.

Литература

- Епифанцева Н.Г. Модальность и средства её выражения во французском и русском языках // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2012. – № 1 (9). – С. 38-44.
- Латышева Ю.А. Структура функционально-семантического поля предметной определенности/неопределенности и контекст в современном французском языке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2007. – С. 39-48.
- Сидоров Е.В. Онтология дискурса. – М.: ЛКИ, 2008.
- Сластникова Т.В. Функционирование обобщающего высказывания в тексте (на материале французского языка): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05. – М., 1992.
- Galmiche M. Phrases, syntagmes et articles génériques [Text] / M. Galmiche // Langages, Paris: Academic Press, – 1985. – P. 2-39.
- Druon M. Les grandes familles. – Paris: Plon, 1999.
- Mallet-Joris P. Allegra. – Moscou: Radouga, 1985.
- Maupassant G. Bel-Ami. – Paris: Flammarion, 2013.
- Musso G. Je reviens te chercher. – Paris: Pocket, 2013.
- Troyat H. Le carnet vert et autres nouvelles. – М.: Radouga, 2003.

СМИРНОВА В.А.

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНЕЙ В РОМАНЕ ГИ ДЕ МОПАССАНА «МИЛЫЙ ДРУГ»

Abstract: The present study aims at a brief description of the pragmatic approach to the analysis of the literary text and its application to the analysis of Guy de Maupassant's novel "Bel-Ami", written in 1885. Particular attention is paid to the possibilities of a pragmatic interpretation of personal pronouns in the function of the subject. The following aspects are considered: semantics of personal pronouns, their role in creating the meaning of the text, effects they produce in terms of empathy or antipathy for the image of the literary character.

Key-words: Personal pronouns in the function of the subject, pragmatic approach, pragmatic meaning, literary text.

Выявление прагматического значения личных местоимений в литературном тексте представляет определенные трудности ввиду недостаточной разработанности теории вопроса и специфических характеристик местоимения как служебной части речи.

Лингвистическая прагматика активно развивается с 60-х годов XX века. В фокусе ее внимания находятся вопросы функционирования языковых знаков в речи в связи с субъектом и адресатом речи, их взаимодействием в процессе коммуникации, ситуацией общения [Лингвистический 1990: 389]. При этом отношения языковых знаков и коммуникантов изучаются в конкретной речевой ситуации с учетом целей и условий общения. Таким образом, о прагматике можно сказать, что это «наука, изучающая язык в его отношении к тем, кто его использует» [Столнейкер 1985: 419].

Объектом изучения прагматики может стать любая знаковая единица, которая способна приобретать новые значения или оттенки в процессе коммуникации. Прагматическое значение определяется коммуникативным намерением субъекта речи, планируемым эффектом воздействия на адресата. Оно имеет сложную структуру, в состав которой входят такие компоненты, как эмоционально-оценочный, экспрессивный, стилистический, историко-культурный, идеологический компонент [Чернова 2003: 192].

Своеобразие личных субъектных местоимений обусловлено диалектически противоречивой природой их значения: с одной стороны, значение местоимений задано в системе языка, с другой стороны, оно определяется речевым контекстом употребления, коммуникативной характеристикой речевой ситуации, статусом ее участников, механизмом референции местоимений [Падучева 1985; Селиверстова 1988: 3]. Иначе говоря, актуализация значения личных субъектных местоимений происходит в сложном взаимодействии их семантики и прагматики.

Во французском языке, местоимения составляют особую часть речи со своими семантическими характеристиками, синтаксическими формами, выражаемыми грамматическими категориями и приобретаемыми в контексте прагматическими значениями. Особый интерес представляет выявление прагматического значения личных субъектных местоимений во французском художественном тексте. Материалом исследования послужили примеры употребления личных субъектных местоимений в романе Ги де Мопассана «Милый друг». Выбор данного художественного произведения обусловлен наличием множества примеров диалогов и внутренней речи персонажей, что подразумевает широкое использование личных местоимений для обозначения участников коммуникации в различных ситуациях межличностного общения в контексте художественного произведения.

В результате анализа был выявлен ряд коммуникативно-прагматических характеристик личных субъектных местоимений французского языка в романе «Милый друг». Так, было установлено, что местоимение первого лица единственного числа «je» не только

обозначает говорящее лицо в акте речи, но и служит средством индивидуализации личности. Языковой знак *je* прочно ассоциируется с представлением о собственной персоне. Например:

(1) — *Je dirige la politique à La Vie française.*

Местоимение *je* может использоваться субъектом речи как средство самопрезентации, создания определенного имиджа в расчете на положительную реакцию адресата. В романе «Милый друг» данное местоимение частотно в речи главного персонажа, Жоржа Дюруа, и характеризует его как эгоцентричную личность, старающуюся привлечь внимание к своей персоне, думающую только о себе, своих интересах и выгоде. Дюруа использует любую возможность, чтобы заострить внимание на своей персоне. Например:

(2) *Le sous-chef, enfin, demanda avec hésitation :*

- Vous avez dit ?

- J'ai dit que je m'en fichais un peu. Je ne viens aujourd'hui que pour donner ma démission. Je suis entré comme rédacteur à La Vie Française avec cinq cents francs par mois, plus les lignes. J'y ai même débuté ce matin.

Мы видим, что в тексте, каждое предложение начинается с местоимения *je*. Частое употребление местоимения показывает, что человек в данной ситуации общения концентрирует внимание на своей персоне, на своих достижениях, он очень гордится собой и хочет, чтобы все им восхищались. Подобное слишком частое повторение вызывает только негативные эмоции окружающих и негативную оценку персонажа читателем. Это пример эгоцентричного *je*.

В другом примере частотного «*je*» героиня романа, госпожа Вальтер, пытается пробудить жалость в Жорже Дюруа, рассказывая ему о своих чувствах:

(3) *Est-ce que je devrais vous dire cela ? Je me sens coupable et méprisable... moi... qui ai deux filles... mais je ne peux pas... je ne peux pas... Je n'aurais pas cru... je n'aurais jamais pensé... c'est plus fort... plus fort que moi. Écoutez... écoutez... je n'ai jamais aimé... que vous... je vous le jure. Et je vous aime depuis un an, en secret, dans le secret de mon cœur. Oh ! j'ai souffert, allez, et lutté, je ne peux plus, je vous aime...*

В обоих примерах наблюдается активное употребление местоимения *je*, однако они содержат различные эмоционально-оценочные компоненты значения. В первом случае очевидно, что главный герой испытывает чувство гордости и говорит о себе с явным хвастовством. Во втором случае героиня говорит о себе с чувством жалости и отчаяния. Следует отметить также, что в примерах (2) и (3) местоимение *je* может рассматриваться как анафора, служащая средством скрепления отрезков текста и усиления выразительности

высказывания. Можно предположить, что в данных случаях автор хочет показать читателю, что говорящий заиклен на себе.

Местоимение второго лица единственного числа *tu* во французском языке, прежде всего, обозначает лицо собеседника, т.е. лицо, которому адресована речь. Обращение на «ты» свидетельствует о включении собеседника в личную сферу говорящего, в то время, как местоимение «вы» адресовано тому, кто в эту сферу не входит.

Например:

(4) *Forestier demanda* : - *Où vas-tu ?*

Применение понятия личной сферы говорящего, предложенного Ю.Д. Апресяном [Апресян 1966], позволило выявить ряд ситуаций использования местоимения *tu* в романе «Милый друг»:

- ситуация общения с детьми, в которой Мадам де Марель использует *tu* детское в разговоре со своей дочерью:

(5) *Assieds-toi là, mon enfant, tu aurais froid près de la fenêtre.*

- ситуация общения с друзьями (*tu* дружеское):

(6) - *Qu'est-ce que vous me voulez, monsieur ?*

Duroy se mit à rire :

- *Tu ne me reconnais pas ?*

- *Non.*

- *Georges Duroy du 6e hussards.*

Forestier tendit les deux mains :

- *Ah ! mon vieux ! comment vas-tu ?*

- *Très bien et toi?*

В данном примере описана ситуация встречи старых приятелей: Жоржа Дюроа и Шарля Форестье. Форестье не сразу узнает Жоржа, поэтому обращается к нему на «вы»; узнав Жоржа, сразу переходит в общении на дружеское «ты».

Переход с дружеского *tu* на вежливое *vous* может быть связан с размолвкой, ссорой, с прекращением дружеских отношений, появлением какой-то внутренней преграды и обычно сопровождается психологическим воздействием одного собеседника на другого.

Например:

(7) *Mais Forestier, se fâchant:*

- *Allons, sacrebleu! ne perds pas de temps; tu n'as pourtant pas forcé ma porte pour le plaisir de nous dire bonjour.*

Alors, Duroy, fort troublé, se décida :

- *Non... voilà... c'est que... je n'arrive pas encore à faire mon article... et tu as été... vous avez été si... si... gentils la dernière fois que... que j'espérais... que j'ai osé venir...*

В данном примере прагматическое значение местоимений *tu* и *vous* в речи разных персонажей возникает в контексте ситуации

общения. Шарль в ярости, и его *tu* звучит не дружески, а пренебрежительно, унизительно для Жоржа. К тому же Шарль является его начальником. В репликах Дюруа видно, что от его былой уверенности не осталась и следа. Сначала он робко произносит *tu*, но затем, из страха перед гневом Шарля, обращается к нему на «вы», желая тем самым показать свое почтение и уважение.

Таким образом, прагматическим значением обладают *tu* детское, *tu* дружеское, *tu* начальственное.

Личные субъектные местоимения 3-го лица указывают на лицо или лица, не принимающие участия в разговоре, при этом в ряде коммуникативных ситуаций они приобретают дополнительное прагматическое значение. Так, например, некорректно в присутствии человека говорить о нем в третьем лице, в таком случае употребление вместо имен собственных местоимений *il, ilselle, elles* иногда сообщает речи пренебрежительный оттенок. Создается впечатление, что человека намеренно игнорируют:

(8) *Lamèr es'étonna: – Tiens, elle nes'est passauvée ; c'est stupéfiant. Elle ne se laisse d'ordinaire embrasser que par les femmes. Vous êtes irrésistible, monsieur Duroy.*

В этом разговоре, Лорин, дочь Мадам Де Марель, является намеренно игнорируемым персонажем и ее имя заменено личным местоимением *elle*. Это объясняется тем, что слова, сказанные Мадам Де Марель, предназначались лишь для Жоржа Дюруа, несмотря на присутствие ее маленькой дочери.

Местоимение первого лица множественного числа *nous* обычно служит для выражения единства говорящего с другими лицами. Прагматическое же значение появляется, когда личное местоимение *nous* используется в значении других личных местоимений. Самая распространенная местоименная транспозиция – *nous* вместо *je*, преследующая разнообразные цели – чаще всего это обобщение из вежливости. Под *nous* может подразумеваться неопределенное множество лиц – «все», например:

(9)– *Voilà. Nous avons à Paris depuis deux jours le général chinois Li-Theng Fao, descendu au Continental...*

Высокочастотное местоимение *on* занимает особое место в системе средств выражения лица. В форме *on* категории числа, рода и лица нейтрализуются, постоянными ее признаками являются одушевленность и персональность. Данные признаки придают местоимению *on* универсальный характер и обуславливают специфику его функционирования.

С точки зрения функционально-семантического подхода, принято выделять первичные и вторичные функции местоимения *on*. В первичной функции местоимение *on* служит средством выражения неопределенного лица. Вторичными считают функции нейтрализации, семантической транспозиции и асемантическую функцию [Гак 1986: 163].

В функции нейтрализации местоимение *on* обозначает обобщенное лицо. В функции семантической транспозиции *on* обозначает определенное лицо и в некоторых контекстуальных условиях может выступать в качестве синонима любого личного субъектного местоимения. В асемантической функции местоимение *on* является формальным подлежащим, например:

(10) *On était au 28 juin, et il lui restait juste en poche trois francs quarante pour finir le mois.*

Как видим, диапазон употребления местоимения *on* широк. Расширение его функций связано с тенденцией разговорной речи к унификации личных глагольных форм, поскольку при использовании *on* разнообразные личные формы глагола заменяются во всех случаях одной и той же формой третьего лица единственного числа.

Проведенное исследование показало, что в романе «Милый друг», в авторском повествовании и, особенно в диалогах и во внутренних монологах персонажей в зависимости от ситуации общения, отношений между коммуникантами, личные субъектные местоимения способны приобретать дополнительное прагматическое значение. Благодаря этой способности личных местоимений автор может донести до читателя такие нюансы, как настроение персонажей, параметры ситуации общения, социальный статус коммуникантов и особенности отношений между ними.

Литература

- Апресян Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. – М.: Просвещение, 1966.
- Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. Морфология. – М.: Высш. шк., 1986.
- Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Сов. энциклопедия, 1990.
- Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью: референциальные аспекты семантики местоимений. – М.: Наука, 1985.
- Столнейкер Р.С. Прагматика // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1985. – Вып. 16. – С. 419-438.
- Селиверстова О.Н. Местоимения в языке и речи. – М.: Наука, 1988.
- Чернова О.Е. Прагматическое значение слова как фактор коммуникативного влияния // Известия Уральского государственного университета: электронный научный журнал. – 2003. – № 28. – С. 192-198. – URL: <http://hdl.handle.net/10995/24165.pdf>, свободный. – Дата обращения 28.02.2017.

СТАНОВАЯ Л.А.
ГРАММАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ ВИДА В РУСЛЕ ФОРМИРОВАНИЯ И
ЭВОЛЮЦИИ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

Abstract: The history of Latin and Romance languages is a unique material of the linguistic evolution throughout more than 2500 years, fixed in written texts from about the fifth century BC. Many controversial problems of the theory of the French language receive unexpected solution, when comparing, on the one hand, the system of the Latin language as the initial basis for the formation of French and other Romance languages, and on the other hand, the system of modern French or another Romance language as the result of a long linguistic evolution. The article presents the results of the comparison of the verbal systems of classical Latin and modern French. It is concluded that in the evolution of the French language, numerous and varied changes of the Latin verbal system have taken place, which have mainly resulted in a new economical, symmetric and harmonious aspectual-temporal system of the French verb; while in the Latin language, the grammatical category of hierarchical aspect is the most important.

Key-words: grammatical aspect, language evolution, Latin language, French language, language economy.

История латинского и романских языков представляет уникальный материал более 2500-летней языковой эволюции, зафиксированной в письменных текстах, отражающих сначала особенности латинского языка – приблизительно с V века до н.э., а затем, с IX в. – французского языка, с X-XII вв. – других романских языков. Обращение к этому уникальному языковому материалу позволяет не только исследовать отдельные явления и этапы эволюции того или иного языка, но и проследить за тем, как разные романские языки вырабатывали свои специфичные решения одних и тех же проблем.

Кроме этого, многие спорные вопросы теории языка получают неожиданное решение при их изучении не в рамках узко синхронного среза того или иного языкового периода, но при сравнении, с одной стороны, системы латинского языка как исходной основы формирования французского и других романских языков, а с другой стороны, системы современного французского или иного романского языка как результата длительной языковой эволюции.

Обратимся, например, к такой крайне дискуссионной проблеме французской грамматики, как грамматическая категория вида [обзор дискуссий см.: Рянская 2002; Скредина, Становая 2012: 287-302] и сравним глагольные системы классического латинского языка (I век до н.э. – I век н.э.) и современного французского языка (XXI век). Сначала рассмотрим систему латинского глагола, представленную схематично в таблице 1.

Таблица 1. Латинская глагольная система

ЛАТИНСКАЯ ГЛАГОЛЬНАЯ СИСТЕМА		
Система инфекта		
Времена	Изъявительное наклонение	Сослагательное наклонение
Praesens	<i>canta-t, mone-t</i>	<i>cant-e-t, mone-a-t</i>
Imperfectum	<i>canta-ba-t, mone-ba-t</i>	<i>canta-re-t, mone-re-t</i>
Futurum I	<i>canta-b-i-t, mone-b-i-t</i>	
Система перфекта		
Времена	Изъявительное наклонение	Сослагательное наклонение
Perfectum	<i>cantav-it, monu-it</i>	<i>cantav-eri-t, monu-eri-t</i>
Plusquamperfectum	<i>cantav-era-t, monu-era-t</i>	<i>cantav-isse-t, monu-isse-t</i>
Futurum II	<i>cantav-eri-t, monu-eri-t</i>	

Глагольная система латинского языка, как видно из таблицы 1, выстраивается вокруг двух центральных, стержневых категорий вида и наклонения, которые составляют основу спряжения, причем значение вида оказывается иерархически наиболее важным, хотя, как известно, многие лингвисты не выделяют грамматический вид в латинском языке [обзор см. напр.: Sprevak 2016].

Система инфекта, или несовершенного вида, включает три времени изъявительного наклонения и два времени сослагательного наклонения, все формы которых образуются от основы инфекта. Соответственно, морфологическая форма может включать [об используемой терминологии и методах членения морфологической формы слова см.: Широкова 2000; Скредина, Становая 2012: 37-54]:

- основу инфекта + личное окончание активного или пассивного залога, например: *canta-t :canta-tur; mone-t : mone-tur;*
- основу инфекта + инфикс наклонения + личное окончание активного или пассивного залога, например: *cant-e-t: cant-e-tur; mone-a-t: mone-a-tur;*
- основу инфекта + инфикс времени + (интерфикс) + личное окончание активного или пассивного залога, например: *canta-ba-t: canta-ba-tur; mone-ba-t: mone-ba-tur; canta-b-i-t : canta-b-i-tur; mone-b-i-t : mone-b-i-tur;*
- основу инфекта + инфикс наклонения и времени + личное окончание активного или пассивного залога, например: *canta-re: canta-re-tur ; mone-re-t : mone-re-tur.*

Точно также, система перфекта, или совершенного вида, включает три времени изъявительного наклонения и два времени сослагательного наклонения, все формы которых образуются от основы перфекта. Соответственно, морфологическая форма может включать:

- основу перфекта + личное окончание активного залога, например: *cantav-it, monu-it;*
- основу перфекта + инфикс наклонения + личное окончание активного залога, например: *cantav-eri-t, monu-eri-t;*

- основу перфекта + инфикс времени + личное окончание активного залога, например: *cantav-era-t, monu-era-t; cantav-eri-t, monu-eri-t;*
- основу перфекта + инфикс наклонения и времени + личное окончание активного залога, например: *cantav-isse-t, monu-isse-t.*

Формы пассивного залога в системе перфекта, как известно, образуются аналитическим способом: *cantatus est, monitus est; cantatus sit, monitus sit; cantatus erat, monitus erat; cantatus erit, monitus erit,* и т.д. Кроме этого, в системы инфекта и перфекта входят неличные, неспрягаемые формы глагола, которые образуются соответственно от основы инфекта или перфекта (причастия, инфинитивы, супин, герундив, герундий), например, от основы инфекта: *cantare, monere; cantans, monens; cantando, monendo* и т.д.; от основы перфекта или супина: *cantavisse, monuisse; cantatus, monitus, cantaturus, moniturus* и т.д.

Таким образом получается, что противопоставление всех личных и неличных глагольных форм по времени и залогу, а для личных форм – еще по наклонению и лицу, базируется прежде всего на значении вида, определяющего ту основу инфекта или перфекта, от которой образуются все глагольные формы. Именно поэтому мы указали значение вида как иерархически наиболее важное.

Однако, как отмечал И.М. Тронский, такое состояние классического латинского языка было результатом «позднейшего развития» древнего, индоевропейского глагола, при этом, если «инфект и по значению, и по форме является продолжением древнего презенса, то в перфекте сведены воедино аорист и перфект (результативный вид). Перфект имеет, таким образом, значение не только завершенного действия, но и продолжающегося состояния, которое явилось результатом этого действия. Отсюда двойственность его 'временной' характеристики, совмещение в нем значений 'прошедшего' и 'настоящего' <...>» [Тронский 1953: 106-112].

О незавершенности этой перестройки глагольной системы индоевропейского глагола свидетельствует отсутствие единых и регулярных средств образования основы перфекта в италийских языках [Тронский 1953: 76], в том числе и латинском.

Так, образование основы перфекта в латинском языке осуществлялось при помощи:

- удвоения начального согласного, например: *curro – cucurri; cado – cecidi;*
- удлинения корневого гласного, например: *ĕmo - ĕmi; jŭvo – jŭvi;*
- инфиксов -v-, -u-, -s- с последующими фонетическими изменениями, например: *scribere – scripsi; ducere – duxi; regere – rexi; ridere – risi; sentire – sensi;*
- без изменения, например: *defendo – defendi; minuo – minui;*

- супплетивизма, например: *fero – tuli; sum – fui; possum – potui* [подробно см. напр.: Соболевский 1948: 94-108].

Таким образом, несмотря на всю свою очевидную важность, система вида латинского глагола была организована плохо, не экономно [о термине и понятии языковой экономии см.: Становая 2016-Б; Martinet 1955]: противопоставление глагольных форм по значению вида осуществлялось при помощи большого количества разнообразных дифференциальных признаков, причем у части глаголов видовые основы не противопоставлялись вовсе.

Кроме этого, система перфекта была усложнена еще наличием особой группы личных окончаний, присоединяемых только в Perfectum Indicativi Activi, описательным спряжением пассивного залога, являющимся, по словам И.М.Тронского [Тронский 1953: 112], «чужеродным телом в латинской глагольной системе», двойственной семантикой перфекта как прошедшего времени, обозначающего как завершенное в прошлом действие, так и результат этого действия, продолжающийся в настоящем времени.

К этому следует добавить многочисленные аффиксы, выражающие различные способы действия, в том числе и перфективность, например:

- префиксы *ex-, con-, per-, ob-*, выражающие в частности перфективность, например: *facere* 'делать' → *perficere* 'завершать', *conficere* 'изготавливать'; *fundere* 'лить' → *effundere* 'изливать, опорожнять'; *legere* 'читать' → *perlegere* 'прочитать до конца'; *cadere* 'бить' → *occidere* 'убить'; *edere* 'есть' → *comedere* 'съесть';
- префикс *re-*, выражающий повторность или обращенность действия вспять, например: *removere* 'отодвигать, удалять'; *remittere* 'посылать обратно'; *redimere* 'выкупать'; *referre* 'нести назад'; *reducere* 'отводить назад'; *reficere* 'снова делать, восстанавливать';
- образование новых глаголов I спряжения от *participium perfecti passive* исходной лексемы, выражающих итеративность и интенсивность действия, например, *jacere* 'бросать' – *jactum* → *jactare* 'метать'; *salire* 'прыгать' – *saltum* → *saltare* 'плясать'; *dicere* 'говорить' – *dictum* → *dictare, dictitare* 'часто говорить, повторять, диктовать';
- инкоативный суффикс *-sc-*, выражающий вхождение в действие, состояние, например: *pallere* 'быть бледным' → *palescere* 'бледнеть'; *rubere* 'быть красным' → *rubescere* 'краснеть'; *marcere* 'быть увядшим' → *marescere* 'увядать'; *calere* 'быть горячим' → *calescere* 'горячеть, теплеть' [Алисова, Репина, Таривердиева 2007: 342-344; Дворецкий 1986].

Добавим к вышеперечисленному наблюдаемую в ходе эволюции латинского языка отчетливую тенденцию «прочно спаять обе основы в единую глагольную парадигму, превратить основу перфекта в регулярное образование, зависящее от основы инфекта» [Тронский 1953: 107], и необходимость фундаментальной перестройки противоречивой, не отличающейся ясностью, видовой системы классической латыни становится очевидной. Чтобы оценить масштабы, характер и результат этой многовековой эволюции, сопоставим последовательно глагольную систему классической латыни как исходное состояние и глагольную систему современного французского языка как итоговое.

Обратимся сначала к системе инфекта и ее рефлексам во французском языке, представленной схематично в таблице 2.

Таблица 2. Система латинского инфекта и ее рефлексы во французском языке

СИСТЕМА ИНФЕКТА > ?		
Времена	Изъявительное наклонение	Сослагательное наклонение
Praesens > Présent	<i>cantat > il chante</i>	<i>cantet > qu'il chante</i>
Imperfectum > Imparfait	<i>cantabat > il chantait</i>	<i>cantaret > ↓</i> ↑ Plusquamperfectum <i>cantavisset > qu'il chantât</i>
Futurum I > ? Futur Simple + Futur II (hypothétique)	<i>cantabit > ↓</i> <i>il chantera</i> <i>il chanterait</i>	

Система латинского инфекта включала три времени изъявительного наклонения и два времени сослагательного наклонения. Во французском языке сохраняется противопоставление тех же двух наклонений: Indicativus > Indicatif, Conjunctivus > Subjonctif, и тех же трех времен: Praesens > Présent, Imperfectum > Imparfait, Futurum I > ? Futur Simple.

Внешнее сходство двух систем очевидно, хотя понятно, что при общности системных, категориальных значений, контекстные особенности употребления всех времен и наклонений в латинском и французском языках не должны полностью совпадать.

Видно также, что не все латинские формы были одинаково сохранены:

- все формы субжонктива получили формальный знак субжонктива *que*,
- латинская форма имперфекта субжонктива была заменена латинской же формой плюсквамперфекта субжонктива,
- формы латинского будущего были заменены формами романского будущего Futur Simple (catégorique) *il chantera* < *cantare habet*; по этой же модели образованы формы, называемые во

французской грамматике Futur hypothétique, Conditionnel Présent, Futur dans le passé, *il chanterait*<*cantare habebat*;

- лицо выражено личными приглагольными местоимениями.

Важно отметить, что все итоговые, французские формы являются формами синтетическими, т.е. слитными и представляющими порядок следования компонентов «лексема + граммема».

Этот же порядок присущ и форме будущего времени, впервые зафиксированной в слитной форме *daras* вместо *dabis* в латинской рукописи приблизительно 700 г. (Paris, BNF, Lat. 10910), представляющей текст VII века – хронику «История франков» (*Chronicorum libri IV cum continuationibus*), который приписывается Фредегарю (Fredegarius, Frédégaire).

Более того, французские формы регулярных глаголов во всех рассматриваемых временах образуются по той же латинской модели, т.е. основа+инфиксы, интерфиксы и флексии, причем основой для образования всех форм служит основа настоящего времени:

- основа + (интерфикс) + окончание: *il chant-e: ils chant-ent; il fini-t: ils fini-ss-ent; il pren-d: ils pren-n-ent; il di-t: ils di-s-ent; il me-t: ils me-tt-ent;*
- основа + (интерфикс) + инфикс времени + окончание: *il chant-ai-t: ils chant-ai-ent; il fini-ss-ai-t: ils fini-ss-ai-ent; il pren-ai-t: ils pren-ai-ent; il di-s-ai-t: ils di-s-ai-ent; il me-tt-ai-t: ils me-tt-ai-ent; il chant-er-a: ils chant-er-ont; il fini-r-a: ils fini-r-ont; il pren-dr-a: ils pren-dr-ont; il di-r-a: ils di-r-ont; il me-tt-r-a: ils me-tt-r-ont;*
- основа + инфикс наклонения и времени + окончание: *qu'il chant-e; qu'il fini-ss-e; qu'il pren-n-e; qu'il di-s-e; qu'il me-tt-e; qu'il chant-â-t (< chant-a-ss-t); qu'il fini-t (< fini-ss-t); qu'il pri-t (< pri-ss-t); qu'il dît (< di-ss-t); qu'il mît (< mi-ss-t).*

Можно заключить, что в процессе перестройки системы инфекта основным результатом аналитического развития французского языка стало выделение грамматического форманта, граммемы лица, которая получает свой знак в виде личного приглагольного местоимения [подробнее: Становая 2015; Становая 2016-А], и включение препозитивной морфемы *que* в формы сослагательного наклонения Subjonctif.

Формирование единой системы пассивного залога происходит на базе аналитических конструкций пассивного залога системы перфекта, однако этот процесс требует отдельного рассмотрения.

Обратимся теперь к системе перфекта и ее рефлексам во французском языке, представленной схематично в таблице 3.

Таблица 3. Система латинского перфекта и ее рефлексы
во французском языке

СИСТЕМА ПЕРФЕКТА > ?		
Времена	Изъявительное наклонение	Сослагательное наклонение
Perfectum > Passé Simple + Passé Composé	<i>cantavit > il chanta</i> <i>il a chanté</i>	<i>cantaverit!</i> <i>qu'il ait chanté</i>
Plusquamperfectum > Plus-que-Parfait + Passé Surcomposé	<i>cantaverat ↓</i> <i>il avait chanté</i> <i>il a eu chanté</i>	<i>cantavisset → Imparfait</i> <i>qu'il eût chanté</i>
Futurum II > ? Futur Antérieur	<i>cantaverit ↓</i> <i>il aura chanté</i>	

Система перфекта сохранила противопоставление тех же двух наклонений: Indicativus > Indicatif, Conjunctivus > Subjonctif, и трех времен: Perfectum > Passé Simple, Plusquamperfectum > Plus-que-Parfait, Futurum II > ? Futur Antérieur, однако их формы и функции существенно изменились:

- исчезли все синтетические формы, кроме формы Perfectum > Passé Simple. Их заменили аналитические конструкции, образованные по образцу *habet (litteram) scriptam > il a écrit (une lettre)*, которые в результате прошедших процессов грамматики и морфологизации стали аналитическими формами, образующими регулярную систему спряжения в современном французском языке;
- к сохранившимся времени и формам Perfectum > Passé Simple, характерным для французского письменно-литературного узуса, особенно прошлых столетий, добавились время и формы Passé Composé, не имеющие подобного функционального ограничения, а к Plusquamperfectum > Plus-que-Parfait добавились время и формы Passé Surcomposé, характерные для разговорного, особенно просторечного, узуса;
- формы латинского будущего Futurum II, употреблявшиеся в придаточном предложении для обозначения будущего действия, предшествующего будущему действию в главном [см. напр.: Соболевский 1948: 214], исчезли. В схожем значении, т.е. для обозначения будущего действия в придаточном предложении, предшествующего будущему действию в главном, в современном французском языке употребляется Futur Antérieur. При этом следует добавить, что Futur Antérieur, как правило, содержит дополнительное указание на завершенность этого будущего действия перед другим будущим, выраженным Futur Simple [см.напр. Grevisse 1993: 1259].

Важно отметить, что все итоговые, французские формы являются формами аналитическими, т.е. отдельными и представляющими порядок следования компонентов «грамма + лексема». Можно заключить, что, в отличие от сохранившейся в целом системы инфекта, система перфекта изменилась кардинально: и с точки зрения формы, поскольку все французские формы – аналитические, и с точки зрения функции, поскольку значение завершенности действия, выраженное в форме причастия, обуславливает особенности употребления времен во французском языке. Получается, что именно система перфекта, неоднородная и противоречивая в латинском языке, претерпела существенные изменения, причем основой ее перестройки стали аналитические конструкции.

Если свести воедино все формы современного французского глагола, то получается следующая картина результата языковой эволюции (таблица 4).

Таблица 4. Французская глагольная система

ФРАНЦУЗСКАЯ ГЛАГОЛЬНАЯ СИСТЕМА		
СИСТЕМА ИНФЕКТА / НЕСОВЕРШЕННОГО ВИДА / Non-accompli		
Времена	Изывительное наклонение Indicatif	Сослагательное наклонение Subjonctif
Présent	<i>il chante</i>	<i>qu'il chante</i>
Imparfait	<i>il chantait</i>	<i>qu'il chantât</i>
Futur I (catégorique)	<i>il chantera</i>	
Futur II (hypothétique)	<i>il chanterait</i>	
СИСТЕМА ПЕРФЕКТА / СОВЕРШЕННОГО ВИДА / Accompli		
Времена	Изывительное наклонение Indicatif	Сослагательное наклонение Subjonctif
Passé Simple ***	<i>il chanta</i>	
Passé Composé	<i>il a chanté</i>	<i>qu'il ait chanté</i>
Plus-que-Parfait	<i>il avait chanté</i>	<i>qu'il eût chanté</i>
Passé Surcomposé ***	<i>il a eu chanté</i>	
Futur Antérieur	<i>il aurachanté</i>	

Видно, что все времена бывшей системы инфекта как системы несовершенного вида и простых, синтетических форм четко противопоставлены временам бывшей системы перфекта как системы совершенного вида и сложных, аналитических форм.

Именно это противопоставление простых vs сложных форм рассматривается как видовое (*le non-accompli: l'accompli*) в дистрибутивной грамматике, причем Ж. Дюбуа утверждает, что во французском глаголе время подчиняется виду.

То же самое – в психосистематике: простые, сложные и сверхсложные формы отражают изменения внутреннего времени глагола, которое содержит в себе значение вида: «формы вида – простая, сложная и сверхсложная – обозначают глагольное действие по его завершенности или незавершенности. Завершенность определяется

формой причастия прошедшего, время действия – вспомогательным глаголом» [Скрелина, Становая 2012: 302].

В функциональной грамматике А. Мартине отмечается наличие перфекта как совершенного вида, который означает завершенность действия (*action accomplie*), выражается сложными формами и противопоставляется отсутствию вида, т.е. фактически системе бывшего инфекта и простым формам.

Получается, что в процессе эволюции французского языка произошли многочисленные и разнообразные изменения латинской глагольной системы, главным результатом которых стала новая, экономная, симметричная и гармоничная видо-временная система французского языка, причем, как и в латинском языке, иерархически видовое противопоставление подчиняет себе все остальные. При этом, по словам Г. Гийома, французский язык дал сугубо грамматическое решение: истинный грамматический вид выражен именно во французском языке [Guillaume G. L'architectonique du temps dans les langues classiques. – Цит. по: Скрелина, Становая 2012: 292-293].

Литература

- Алисова Т.Б., Репина Т.А., Таривердиева М.А. Введение в романскую филологию. – 2-е изд. – М.: Высшая школа, 2007.
- Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь: ок. 50 000 слов. – 3-е изд., испр. – М.: Русский язык, 1986.
- Рянская Э.М. Способы действия в когнитивном аспекте. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2002.
- Скрелина Л.М., Становая Л.А. Теоретическая грамматика французского языка. Часть 1. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2012.
- Соболевский С.И. Грамматика латинского языка. Часть первая (теоретическая). Морфология и синтаксис. – Изд. 3-е, просмотр. – М.: Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1948.
- Становая Л.А. К вопросу о так называемом *sujet nul* (null subject) во французском языке // Человек. Язык. Время: Материалы XVII конференции Школы-семинара им. Л.М. Скрелиной с международным участием (Москва 16-18 сентября 2015 г.). – М.: МГПУ; Языки народов мира, 2015. – С. 345-352. – Режим доступа: <http://elibrary.ru/item.asp?id=24779518&>.
- Становая Л.А. О причинах развития аналитизма французского языка // Аномалия в языке, гармония в речи: сб. науч. ст. – Минск: МГЛУ, 2016 (А). – С. 116-127.
- Становая Л.А. Еще раз к вопросу о принципе языковой экономии // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2016 (Б). Вып. 2. № 4. – С. 50-75. <http://elibrary.ru/item.asp?id=28301921>, http://lingua.amursu.ru/images/volume/2016/4/Stanovaya_2-4_50-75.pdf.
- Тронский И.М. Очерки из истории латинского языка. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1953.
- Широкова А.В. Сопоставительная типология разноструктурных языков (фонетика, морфология). – М.: Добросвет, 2000.
- Grevisse M. Le Bon Usage. Grammaire française. – 13 édition refondue par A. Goosse. – Paris: Duculot, 1993.
- Martinet A. Economie des changements phonétiques: Traité de phonologie diachronique. – Berne: Editions A. Francke, 1955.
- Spevak O. On grammatical aspect in Latin // Индоевропейское языкознание и классическая филология. XX (2). (Чтения памяти И.М. Тронского). Материалы межд. конф. 20-22 июня 2016 г. – СПб: Наука, 2016. – С. 969-971. – Режим доступа: http://elibrary.ru/download/elibrary_26556481_49521615.pdf.

СУСЛОВА О.Е.

РОД И ПОЛ: К ВОПРОСУ О СРЕДНЕМ РОДЕ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Abstract : The grammatical category of gender is one of the most discussable topics in French linguistics. In most cases, the grammatical gender reflects physical sex. Inanimate objects obtain their gender identity by personification. However, sometimes natural sex contradicts the grammatical gender in French. Very often, an adjective gender is determined by a connected noun gender. Consequently, the category of grammatical gender development is determined by development of sequences. Also in various Indo-European languages, grammatical gender can be connected with an activity level.

Key-words: grammatical category of gender, sequences, syntax grammatical meanings.

Известно, что грамматические классификации языка не всегда имеют под собой строгое логическое основание. Ярким примером тому является грамматическая категория рода в индоевропейских языках, вызывающая нескончаемые споры лингвистов.

Анализ научной литературы показывает, что наиболее распространенным является взгляд на грамматический род как на классификационный признак, мотивированный, когда речь идет о существительных одушевленных, и немотивированный, когда речь идет о существительных неодушевленных и животных. Грамматическая категория рода признается согласовательной, т.е. находящей свое выражение в согласовании форм артиклей, прилагательных, местоимений, причастий [обзор и библиографию см. напр.: Скредина, Становая 2012; Становая 2012; Становая 2013].

Многие исследователи полагают, что мужской и женский роды имеют определенное содержание только в названиях живых существ, где они обозначают естественный пол того или иного существа: грамматический род одушевленных существительных непосредственно связывается с выражением пола, и утверждается, что неодушевленные существительные, напротив, не «обладают категориальной семантикой» [см. напр.: Мучник 1971: 178].

Соответственно, причиной возникновения и существования грамматической категории рода считается реальное разделение живых существ по половому признаку, а затем произошло перенесение этого признака на предметы путем персонификации.

Между тем, представлению о грамматическом роде существительных одушевленных как отражающем естественное различие полов противоречит большое количество различных фактов:

1) грамматический род не всегда соответствует естественному полу, например: *une ordonnance* - ординарец, денщик, *une recrue* - новобранец, рекрут, призывник, и др.,

2) форма женского или мужского рода служит для обозначения одновременно лиц мужского и женского пола, например, *une connaissance* - знакомый, знакомая; *un témoin* - свидетель, свидетельница, и др.,

3) форма женского или мужского рода служит для выражения вида, например, форма мужского рода: *un serpent, un moineau, un éléphant*, форма женского рода: *une souris, une panthère, une girafe*, и др. [Скрелина, Становая 2012; Становая 2012],

4) формы, служащие для выражения противопоставления по полу, рассматриваются «не как словоизменительные формы, а как примеры словообразования» [Кацнельсон 1972: 23]. При этом, в отличие от других словообразовательных категорий, здесь формируются два противопоставленных значения, а не одно: ср. например, категорию уменьшительности: *дом – домик* (в слове *домик* выделяется значение уменьшительности, не имеющее «противочлена» в слове *дом*) [Иоффе, 1973: 8],

5) автономность категорий рода и пола, которая подтверждается тем, что в индоевропейских языках может быть представлена только одна из них. Например, в английском языке есть понятийная категория пола, но нет морфологической категории рода, напротив, в хеттском языке существовала двух-родовая грамматическая система, но отсутствовала категория пола.

Именно поэтому многие грамматисты утверждали, что понятие пола является чуждым для грамматического значения рода [Обзор и библиографию см. напр.: Скрелина, Становая 2012; Становая 2012; Становая 2013].

Следует добавить также, что представление о связи грамматической категории рода существительных одушевленных с отражением реальной действительности, т.е. с разделением всех живых существ по половому признаку, никак не объясняет подобное распределение по роду неодушевленных существительных, которые в этом случае оказываются лишенными грамматического значения рода и тем самым словно «выбрасываются» из системы рода.

К тому же известно, что окончания и суффиксы, присущие в том числе неодушевленному существительному, являются формальными признаками того или иного рода и, соответственно, отрицают его немотивированный и случайный характер [подробнее см: Stanovaia 2012].

Отдельно следует остановиться на вопросе согласования с существительным его детерминантов (прилагательных и причастий) и детерминативов (артиклей и местоимений), поскольку считается, что род существительного выражается прежде всего, или только, в формах согласующихся с ним частей речи.

Для этого было введено понятие синтаксического значения: «Синтаксические грамматические значения – это значения, отражающие синтаксические свойства слов, т.е. их способность вступать в те или иные виды связей со словами других классов» [Грамматика 1970: 303]. Синтаксическое значение рода существительного указывает, какой родовой формой прилагательного оно должно выражаться.

Как утверждает А.А. Зализняк [Зализняк 1967: 73], существительные объединяет в один род не форма, а одинаковое грамматическое значение рода, которым обладают и одушевленные, и неодушевленные существительные. Однородные синтаксические значения рода образуют категорию рода.

Исходя из этого, утверждается, что вопрос о становлении и развитии рода следует рассматривать как вопрос о становлении и развитии согласования в праиндоевропейском языке: «История рода – это история согласования» [I. Fodor - цит. по: Иоффе 1973: 10].

Однако, в этом случае наличие в языке разных родовых форм прилагательных является обязательным.

Между тем этого нет, даже в таком синтетическом языке как латинский, в котором только одна группа прилагательных (так называемые прилагательные 3-х окончаний) имела все три необходимые формы мужского, женского и среднего родов. Две другие группы прилагательных имели 2 формы (так называемые прилагательные 2-х окончаний): одну общую - для мужского-женского родов, вторую - для среднего рода, или одну форму (прилагательные одного окончания) – для всех трех родов.

Если же обратиться к хронологии появления этих парадигм, то парадигма, в которой представлены три формы рода прилагательных (*bonus* – мужской, *bona* – женский, *bonum* – средний) появляется позже, чем та, в которой представлены две формы рода прилагательных (*fortis* – мужской, женский, *forte* – средний), которая в свою очередь появляется позже парадигмы одной формы прилагательных для мужского, женского и среднего родов (*sapiens*).

Таким образом получается, что первое противопоставление по роду разделило существительные на имена среднего рода и имена мужского-женского рода, которые позднее подразделяются на имена мужского и женского родов.

Значит, не реальное существование живых существ мужского и женского пола явилось первопричиной возникновения и эволюции системы грамматического рода в индоевропейских языках.

Согласно данным сравнительно-исторического языкознания, возникновение грамматической категории рода обусловлено древнейшим индоевропейским противопоставлением имен активных - пассивным, или в другой терминологии: одушевленных -

неодушевленным, или личных - безличным [подробнее см: Становая 2013; Stanovaia 2006].

Совпадение именительного падежа с винительным в индоевропейском языке в среднем роде свидетельствует о том, что существительные среднего рода обозначали предметы пассивные и, следовательно, противоположный род имел значение активное [Гамкрелидзе, Иванов 1984; Guillaume 1985].

Противопоставление существительных по роду как продолжение древнейшего индоевропейского противопоставления по активности / пассивности является основой понимания и описания грамматической системы рода в психосистематике (Г. Гийом, Р. Лафон, Ж. Муанье, Л.М. Скредина, Ж.-К. Шевалье и др.).

Субъект активен, а объект пассивен, отсюда – глубинные представления об активности / пассивности, заключенные в наименованиях вещей и закрепленные также в синтаксисе в виде субъектно-объектных отношений [Скредина 2009: 312-314].

Важно отметить, что понятие активности является сугубо синтаксическим, связанным с функцией имени в предложении. На именно такое понимание сущности грамматического рода указывают термины Р. Лафона: актанта́ный / неакта́нтный (l'actantiel / l'inactantiel), т.е. актанта́ный род - субъектный падеж, неакта́нтный – объектный [Lafont 1970 – цит. по: Становая 2013].

Хорошим примером этому является латинский язык, в котором постоянное и переменное значение активности выражалось чередованием флексий: -s (именительный падеж, падеж субъекта, агенса) / -m (винительный падеж, падеж объекта, пациенса). Находясь в позиции объекта, одушевленные существительные приобретают признак временной пассивности, выражаемый окончанием винительного падежа -m, тогда как существительные неодушевленные среднего рода обладают постоянной пассивностью и оформляются неизменной флексией -m, как в функции объекта, так и в функции субъекта.

Важно подчеркнуть, что средний род связан не сколько с неодушевленностью, сколько именно с пассивностью. Так, по мнению А. Мейе, существовали понятия, которые могли восприниматься и как активные, и как пассивные в зависимости от смысла, который вкладывал в него говорящий. Так, в латинском языке слово *ignis* - *огонь* могло рассматриваться как предмет, как нечто пассивное, и как действующее, активное начало. Поэтому в зависимости от значения оно могло быть как среднего, так и мужского рода [Meillet 1964: 340].

Об этом же свидетельствуют и такие странные, на первый взгляд, примеры одушевленных существительных среднего рода в русском и немецком языках, сохранившим категорию среднего рода: дитя, ср. р.; (*das*) *Weib*, n – *жена, женщина*; (*das*) *Mädchen*, n – *девочка, девушка*; (*das*) *Mädel*, n – *девочка, девушка*; (*das*) *Schaf*, n – *овца*.

Объяснение этим и другим подобным примерам есть в психосистематике, где различаются понятия истинного, чередующегося рода (мужской и женский, противопоставленные по степеням активности) и фиктивного, нечередующегося рода (семантически – средний как пассивный, семиологически - в зависимости от языка).

Как указывала в этой связи Л.М. Скредина: «Главная характеристика мужского и женского рода состоит в том, что каждый род сам по себе представляет единственность в некотором *целом*, составленном из *двух*; эти две единственности дополняют друг друга и составляют пару. Мужской и женский роды становятся фиктивными, как только языковое сознание рассматривает их вне этой пары; иначе говоря, как только они перестают быть чередующимися.

Существование так называемого среднего рода в индоевропейских языках означает, что под категорией рода, объединяющей род и не-род, сохраняется классификаторская категория, к которой примыкает не-род. Это – категория неодушевленности» [Скредина 2009: 321].

Литература

- Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. – Тбилиси: Изд-во Тбилисского университета, 1984.
- Грамматика 1970 – Грамматика современного русского литературного языка /Гл. ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Наука, 1970.
- Иоффе В.В. Происхождение и развитие категории рода в праиндоевропейском языке автореф. дис. канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 1973.
- Зализняк А.А. Русское именное словоизменение. пользователями. – М.: Наука, 1967.
- Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. – Л.: Наука, 1972.
- Мучник И.П. Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке. – М.: Наука, 1971.
- Скредина Л.М. Школа Гийома: психосистематика. – М.: Высшая школа, 2009.
- Скредина Л.М., Становая Л.А. Теоретическая грамматика французского языка. Часть 1. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2012.
- Становая Л.А. «Madame le professeur» или «Madame la professeure»: к вопросу о «феминизации» титулов в современном французском языке // Проблемы лингвистических исследований и теории перевода / Отв. ред. Т.Я. Кузнецова. – Архангельск: САФУ им. М.В. Ломоносова. – 2012. – С.113-122.
- Становая Л.А. Активность/пассивность как основа разделения существительных по роду // Когнитивные исследования языка. Вып. XIII. Ментальные основы языка как функциональной системы. Сб. научных трудов. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина 2013. – С. 383-394.
- Guillaume G. Leçons de linguistique de Gustave Guillaume. 1945-1946. Série C. *Grammaire particulière du français et grammaire générale (I)*. P. sous la dir. de R. Valin, W. Hirtle et A. Joly. – Québec-Lille: Les PUL – Presses universitaires de Lille, Vol. 6. –1985.
- Meillet A. Introduction à l'étude comparative des langues indo-européennes. – Alabama: University ofAlabama Press, 1964.
- Stanovaia L.A. Le genre en ancien français // Contez me tout. Mélanges de langue et littérature médiévales of. à Herman Braet. Réunis par C. Bel, P. Dumont, F. Willaert. – Louvain-Paris: Didley, MA, Peeters, 2006. –P. 763-782.
- Stanovaia L.A. Le système du genre de l'ancien français. // *Romanica Petropolitana II*. – СПб.: Нестор-История. – 2012. – P.224-262.

SOUTET OLIVIER
PROPOSITION POUR UNE DESCRIPTION SYSTEMATIQUE DU VERBE
AVOIR

Résumé: Cette contribution se propose de rendre compte de la polysémie du verbe français *avoir* à partir des principes essentiels de la psychomécanique (notamment ceux de la temporalité opérative et de la structure bi-tensive du signifié). Il vise à faire apparaître comment l'entier du parcours sémantique d'*avoir* s'inscrit entre idée d'état (dans un sens restrictif), idée – centrale – de possession et idée de résultat. Orienté vers le français moderne, il fait aussi une place à l'évolution de la langue.

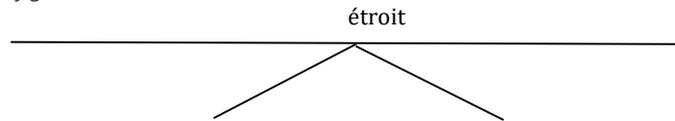
Notre communication prolonge une contribution précédente publiée dans le Bulletin de l'Association Guillaume Budé (voir [Soutet 2016]), qui proposait une description sémantique du verbe *être* associant point de vue diachronique et point de vue synchronique.

Comme celle-ci, la présente publication s'appuie sur quelques présupposés majeurs de la psychomécanique du langage, notamment:

- (1) l'analyse de l'être du langage comme être en puissance (langue) et être en acte (discours) ;
- (2) l'hypothèse d'un support temporel aux opérations à l'œuvre dans l'être du langage; l'opérativité agit dans deux cadres: celui du passage au discours et celui de l'ordination/réordination des structures de langue, l'opérativité proprement discursive « saisissant » paradigmatiquement et ordonnant syntagmatiquement, l'opérativité affectant les structures de langue ordonnant et réordonnant paradigmatiquement ;
- (3) l'hypothèse que cette ordination/réordination en langue s'effectue suivant un régime de rationalité que Guillaume a souvent décrit:

« [...] Pour achever l'analyse, il n'est plus besoin que de savoir en quoi consiste le mécanisme de puissance de l'esprit humain. C'est là une connaissance qu'on peut, en attendant de pouvoir analytiquement faire mieux, obtenir a priori, sans abus d'interprétation et sans trop postuler, par les moyens ordinaires de la réflexion. On partira, à cet effet, de l'idée, évidemment fondée, que la pensée tient sa puissance de ce qu'elle est habile à particulariser et à généraliser. Privée de cette double aptitude — qui constitue un entier (un entier intérieurement binaire), — que la pensée humaine serait sans force et inopérante. Or si, de ces deux opérations — particularisation et généralisation — desquelles la pensée tient sa puissance, on ne retient abstractivement que ce qu'elles comportent de mécanique, elles se réduisent à deux mouvements de pensée, l'un allant du large à l'étroit (inhérent à la particularisation), l'autre allant de l'étroit au large (inhérent à la généralisation). Une réduction abstraite infléchit selon la pente arithmétique ramènerait la particularisation à un mouvement allant du plus au moins, et la généralisation à un mouvement allant du moins au plus.

Le mécanisme de puissance de la pensée, c'est l'addition sans récurrence, sans retour en arrière, de deux tensions : une tension I fermante, progressant du large à l'étroit, et une tension II ouvrante ad infinitum, progressant de l'étroit au large. Soit figurativement :

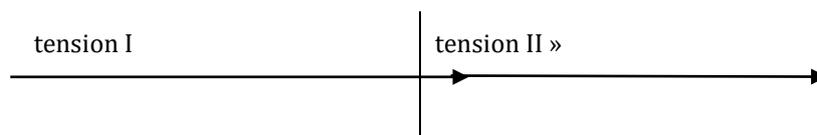

À ce mécanisme de puissance on a, dans cet ouvrage, donné le nom pleinement justifié de TENSEUR BINAIRE RADICAL » [Guillaume 1973a : 201].

Citation qu'il faut prolonger par celles-ci:

« Le tenseur binaire intervenant à tous les niveaux du langage comme opérateur de structure, le jeu du tenseur, sous des argumentations changées, s'y rencontre partout. On s'est introduit fort avant à une connaissance approfondie — non superficielle, non restreinte aux apparences sensibles — de la structure du langage, si l'on sait, en tout lieu du langage que ce soit et sous toutes les argumentations limitatives qui en peuvent être en divers lieux, reconnaître le jeu, mécaniquement invariant du tenseur binaire radical. Point n'est, en linguistique structurale, de savoir plus précieux.[...] la relation en cause dans le langage est toujours, en tous lieux du monde, celle du très grand qu'est l'universel et du très petit qu'est le singulier. Le langage n'accepte jamais qu'en lui cette relation soit rompue. Aussi réplique-t-il à une tension particularisante par une tension généralisante, et à une tension généralisante par une tension particularisante. Les deux tensions sont partout en vis-à-vis. Aussi a-t-on donné au mécanisme de leur successivité obligée, le nom de tenseur binaire radical et reconnu, dans ce tenseur, l'opérateur universel de la structure du langage.

Le mécanisme du tenseur binaire radical représente le mouvement naturel de l'<esprit> [...]

[Guillaume 1982 : 77-78]

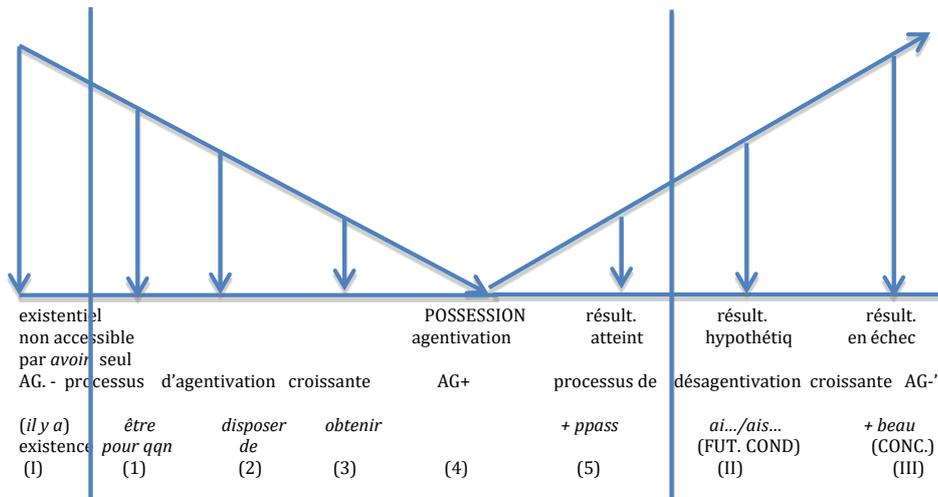
- (4) l'existence, à côté de cette ordination formelle, d'un mécanisme complexe d'ordinations sémantico-logiques, désigné du nom de subduction ; Guillaume distingue subduction exotérique et subduction ésotérique :

« Au début, la subduction du verbe n'est sensible que par rapport aux autres verbes. Ainsi, être, qui ne peut avoir alors que le sens plein d' « exister », apparaît subductif, idéellement antécédent, par rapport au reste de la matière verbale. Ne

faut-il pas d'abord être pour pouvoir ensuite se mouvoir, aller, venir, marcher, manger ? [...] La subduction, aussi longtemps qu'elle ne dépasse pas ce degré, laisse au verbe qui en fait l'objet, la plénitude de sa signification. Ainsi limitée, nous la nommerons subduction exotérique [...]

Plus avant, dans sa propre marche, la subduction a d'autres conséquences. Elle conduit le verbe non plus seulement au-dessous des autres verbes, mais au-dessous des sens moins subductifs qu'il a, dans le procès même de sa subduction, occupés antérieurement. Autrement dit, elle le fait subductif intérieurement : par rapport à lui-même. D'exotérique qu'elle était initialement, la subduction en s'amplifiant devient ésotérique [...] » [Guillaume 1973b : 75].

La description que nous proposerons du verbe *avoir* sera celle de sa structure en langue organisée suivant un schéma bi-tensif et mêlant étroitement le double mécanisme subductif qui l'anime : par subduction exotérique à travers son rapport aux idées d'existence, d'état et de résultat ; par subduction ésotérique à travers le rapport observable en lui-même entre ses (ou son) emploi(s) plein(s), assez aisément paraphrasables (« disposer de », « obtenir », « posséder ») et ses emplois plus abstraits où il fonctionne comme constituant de locution verbale ou comme auxiliaire de périphrase verbale. D'emblée, nous proposons ce schéma :

Voici maintenant les principaux effets de sens correspondant aux saisies numérotés dans le schéma :

1. La tension fermante, à gauche, renvoie au procès *avoir* appliqué à un sujet pensé en croissance d'agentivité (du moins agent, AG-, au plus agent, AG+) :

avoir faim, froid, peur, etc : *avoir* renvoie indirectement à un état, sans se confondre exactement avec celui-ci: ainsi le français distingue-t-il *avoir froid* et *être frigorifié*, *avoir faim* et *être affamé*, *avoir froid* et *être frigorifié*, *avoir peur* et *être apeuré*, etc. Une paraphrase par un verbe plein tel que *ressentir* ou *éprouver* est possible, mais à condition de passer d'une syntaxe locutionnelle avec coalescence forte du verbe et de l'élément qui le complète, du coup privé d'article, à un syntagme de type Verbe transitif + SN objet (*ressentir la faim, le froid* ; *éprouver de la peur*)

avoir quelqu'un pour faire la cuisine (« disposer de quelqu'un...»)

avoir une récompense pour son bon travail (« obtenir une récompense...»)

avoir un appartement («détenir...», «posséder un appartement...»)

2. La tension ouvrante, à droite, renvoie au procès *avoir* appliqué à un sujet pensé en décroissance d'agentivité (du plus agent, AG+, au moins agent, AG-'), à ne pas confondre avec AG-) :

voir marché: le sujet est un agent qui a mis un terme à un procès, ce qui définit son agentivité, à la différence de ce qui se passe avec les procès où l'auxiliation opérant avec *être* signifie que le sujet est mis devant le fait accompli (*être sorti*). La périphrase en *avoir* s'applique donc à un procès pensé comme un état résultatif mais comme état assumé, pris en charge (l'idée de prise en charge étant, abstraitement parlant, liée à celle de possession) (voir [Soutet 2016: 58-59] et [Moignet 1981: 112-113]).

Deux zones extérieures, et à gauche et à droite, au champ d'*avoir* méritent une attention au moins aussi grande que celle qui est requise pour la zone centrale d'exercice du verbe.

A gauche (zone I), se place, selon nous, *avoir*, constituant du prédicat d'existence *il y a*. Prédicat d'existence prioritaire en français, comparé à *il existe* ou *il est*, qui, *a priori*, seraient plus naturellement attendus. Deux remarques s'imposent ici :

– *la première de nature historique*: *avoir* en ancien français a pu fonctionner comme verbe d'existence avec ou sans incidence à *il*, avec ou sans présence de *y* longtemps graphié *i* (ex. du *Tristan en Prose* : *En la forest du Marés avoit une montain gne grans et merveilleuse, u il avoit desus fermé un castel mout anchien* [Buridant 2000: 397] ; ex. de *Renart* : *I a il nus de vos bleciez* [Moignet 1979: 149]). La possibilité d'un *avoir* existentiel sans *y* (*i*) signifie que le champ d'exercice d'*avoir* commençait alors plus à gauche que ne le permet sa structure sémantique actuelle, autorisant un effet de sens d'existence/état encore moins «agentif» que l'effet de sens observable en (1). On ne doit pas se dissimuler que la disparition de cette possibilité attestée témoigne en profondeur d'une résistance, finalement victorieuse, de la langue à un usage direct d'*avoir* au sens d'«être».

– *la seconde de nature sémantico-syntaxique*: la résistance évoquée ci-dessus n'a pas conduit à renoncer à faire intervenir *avoir* pour signifier l'existence, mais à l'«adapter» en le combinant avec *y*, non paraphrasable dans la séquence *y avoir* mais porteur de sa valeur locative étymologique très abstraite en principe cantonnée à l'espace textuel, réinterprétée en l'espèce dans une acception exophorique, mais minimalement comme cas oblique de la personne d'univers dont *il* est le cas sujet, par exemple dans les verbes météorologiques (*il pleut*), la personne d'univers, telle qu'elle est définie par Moignet, renvoyant à l'univers comme «le lieu inévitable où se situe toute espèce de phénomène» [Moignet 1979: 93]. Dans la suite *il y a* + syntagme nominal (SN), ce n'est pas *il* qui porte la personne d'univers puisqu'il est cataphorique du SN, mais *y*. La combinaison d'*avoir* et de *y* signifie l'existence comme *mise à disposition* dans l'«univers». Ce point mériterait une réflexion philosophique approfondie qui passe par la compréhension de ce qu'est phénoménologiquement un événement. La place nous faisant défaut, nous renvoyons à [Romano 2003 : 265-293].

A droite, *avoir* est combiné avec un infinitif: il est atteint, de manière variée, dans son intégrité de mot.

Dans la zone (II), deux paradigmes (indicatif présent et imparfait) d'*avoir* seulement sont maintenus avec, de surcroît, des formes réduites au statut de simples morphèmes finaux et même amputés aux personnes 4 et 5 (-*ons* et non *avons*; -*ions* et non *avions*; -*ez* et non *avez*; -*iez* et non *aviez*); on obtient ainsi l'expression d'une hypothèse (faible -futur - ou forte - conditionnel), mais au prix d'une désactivation au moins partielle de l'idée d'actualisation inhérente à *avoir*, «posséder»; toutefois, si on compare le français à des langues qui engendrent leur futur avec des auxiliaires, intrinsèquement orientés vers l'avenir (idée de volonté, idée de devenir), on est conduit à penser qu'en recourant à *avoir*, même très «désactivé», le français traduit subtilement l'idée que l'avenir, si virtuel qu'il soit par nature, est néanmoins envisageable aussi comme ouvert à mon activité (un avenir que je subis certes pour une part, mais que je peux aussi, pour une autre part, construire);

Dans la zone (III), ce qui se combine avec l'infinitif n'est plus *avoir* mais *avoir beau*, suite qui elle-même n'accède pas au statut d'entier de discours (à ne pas confondre donc avec des locutions telles qu'*avoir froid*, *avoir chaud*, etc). Si on estime qu'*avoir beau* est une espèce d'auxiliaire modal, *avoir* est donc à traiter ici comme constituant d'un auxiliaire; son rôle est de porter des indications de personne et de temps, non pas comme morphème désinentiel s'ajoutant par la droite à une base verbale mais comme morphème en position ouvrante à gauche du noyau sémantique *beau*, un peu comme le pronom personnel sujet qui, à gauche d'une forme verbale, signale le rang de la personne. Dans la séquence concessive *avoir beau* + infinitif, *avoir* est donc auxiliaire, mais auxiliaire d'auxiliaire, auxiliaire au second degré si l'on veut. En tant

qu'auxiliaire de concession, *avoir beau* est porteur de tous les traits caractéristiques de la relation concessive (voir [Soutet 1992b : 17-22]). Globalement, il signifie que l'événement désigné par le verbe à l'infinitif avec lequel il est combiné n'entraîne pas la conséquence attendue. Toutes les analyses s'accordent en effet pour souligner le trait négatif inhérent à cette relation. Dire *Pierre a beau travailler, il ne réussit pas*, c'est laisser entendre que, dans le cas particulier, le travail a le même effet que le non-travail, que le travail ne sert à rien. Si l'on admet que le constituant *beau a*, au moins au départ (voir [Soutet 1992a: 69-84]), une valeur intensive d'exhibition de l'événement décrit par le verbe à l'infinitif, il faut admettre du coup, pour rendre compte de l'effet concessif ultime, que le constituant *avoir* contribue à ramener cette donnée à une simple donnée d'événement, autant dire d'événement vide à la conséquence logique désactivée. Nous y voyons une marque complémentaire de la « désagentivation », un retour si l'on veut à un *il y a*, mais à un *il y a* qui a certes fait l'épreuve d'un agent, mais *in fine* d'un agent impuissant.

Si notre hypothèse est juste, le spectre sémantico-fonctionnel global d'*avoir* s'ordonnerait donc entre deux points extrêmes, le *terminus a quo* du mouvement fermant orientant l'esprit de l'idée d'état, imparfaitement stabilisé, à l'idée de possession et permettant la réalisation discursive d'*avoir* constituant du verbe existentiel (*il y a*) tandis que le *terminus ad quem* du mouvement ouvrant orientant l'esprit de l'idée de possession à l'idée de simple résultat, imparfaitement actualisé et permettant la réalisation discursive d'*avoir* constituant de l'auxiliaire *avoir beau*.

Nous nous proposons d'approfondir cette hypothèse dans une prochaine contribution à paraître dans le numéro 2 des *Cahiers franco-russes de linguistique et de didactique*.

Littérature

- Benveniste E. Problèmes de linguistique générale I. – Paris : Gallimard, 1966.
 Buridant C. Grammaire nouvelle de l'ancien français. – Paris : SEDES, 2000.
 Guillaume G. Principes de linguistique théorique / éd. R. Valin. – Québec-Paris : PU Laval-Klincksieck, 1973 a.
 Guillaume G. Langage et science du langage. – Paris-Québec: Nizet-PU Laval, 1973b.
 Guillaume G. Leçons de linguistique, 1956 -1957, éd. G.Plante. – Québec-Lille, PULaval-PULille, 1982.
 Moignet G. Grammaire de l'ancien français.– Paris : Klincksieck, 1979 [1ère éd. : 1973].
 Moignet G. Systématique de la langue française. – Paris : Klincksieck, 1981.
 Romano C. Il y a.– Paris : PUF, 2003.
 Soutet O. La concession dans la phrase complexe en français. – Genève : Droz, 1992a.
 Soutet O. Etudes d'ancien et de moyen français. – Paris : PUF, 1992b.
 Soutet O. « Proposition d'une description sémantique du verbe être dans le cadre de la psychomécanique du langage // Bulletin de l'Association Guillaume Budé. – 2016. –N° 2. –P. 33-63.
 Trésor de la Langue Française Informatisé (TLFI). Accessible en ligne: www.atilf.fr.

ТЕРЕБИХИНА И.Ю.
**КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ВЕРТИКАЛЬНОГО КОНТЕКСТА,
ВКЛЮЧАЮЩЕГО ЧУЖУЮ РЕЧЬ**

Abstract: This article studies various types of speech representation for the reflection of culture peculiarities in the vertical context. The analysis of the given sample of the vertical context including speech representation demonstrates the sense forming in the process of its evolution. The article determines peculiarities of the cultural aspect representation in the contemporary French text.

Keywords: vertical context, discourse, culture, dialogue, speech representation, support, sign.

Цель данной статьи – показать, как отражаются особенности культуры в вертикальном контексте, содержащим чужую речь, в современной литературе на французском языке.

Понятие *вертикальный контекст* было введено Т.Я. Кузнецовой в ходе изучения организации сверхфразового единства и трактуется как особый тип данного явления, начальное предложение которого содержит опорное слово, а следующие предложения, составляющие развертывающий фрагмент, заключают признак к опорному слову [Кузнецова 2007: 28]. Исследование Т.Я. Кузнецовой основано на идее концептуальной схемы предложения Л.М. Скрединой [Скредина 2009] и предусматривает применение методики векторного анализа [Гийом 2004: 112]. При этом сверхфразовое единство рассматривалось на семантическом, синтаксическом и ритмико-мелодическом уровнях.

Мы продолжаем изучение вертикального контекста в русле когнитивно-дискурсивной парадигмы, понимая под дискурсом формирование смысла не только при производстве текста, но и при его восприятии [Кубрякова 2012: 120-122]. *Вертикальный контекст* в нашем понимании представляет собой тип дискурса, начальное предложение которого содержит опорное слово (предмет мысли и речи), а предложения с чужой речью составляют развертывающий фрагмент, раскрывая признак к опорному слову.

Для передачи речи персонажа традиционно используют три формы: это – прямая речь (ПР), косвенная речь (КР) и несобственно-прямая речь (НПР), являющиеся 'трилогией' для обозначения слов и мыслей персонажа (Authier-Revuz 2001). Эти три формы объединяются общим термином *чужая речь*, впервые предложенным М.М. Бахтиным для обозначения речи персонажа по отношению к речи повествователя [Bakhtine 1977: 209]. Ранее при изучении вертикального контекста не затрагивался культурный аспект, между тем, его рассмотрение необходимо для более глубокого проникновения в суть исследуемого явления.

В целом, под культурой понимают человеческую деятельность в различных проявлениях, включая все формы и способы человеческого самовыражения и самопознания. По мнению Ю.М. Лотмана, культура –

совокупность генетически ненаследуемой информации в области поведения человека [Лотман 1994; 8]. Составляющими культуры являются жизненные ценности, нормы поведения, передающиеся от поколения к поколению посредством социокода, а также материальные произведения, выступающие как средство хранения и передачи смыслов и значений. С позиций актуальной в настоящее время антропоцентрической парадигмы язык рассматривается как продукт культуры, как ее важная составная часть и условие существования, как фактор формирования культурных кодов [Маслова 2001: 2-4].

Мы исследуем особенности отражения культуры в вертикальном контексте, включающем чужую речь, на материале произведения современной канадской писательницы А. Кустюр «Вдали». В этом романе распространен соленый аромат морского побережья, в нем слышны гудки парохода, шум рыбацких лодок, дыхание прибоя и даже стук каблучков о деревянный тротуар. В нем мы видим изображение Северо-Востока Канады. Описывается маленькая деревушка в морских владениях Квебека. Перед нами – необычная авторская манера изображения жизни маленького острова из трехсот жителей, где мир взаимосвязан и материально и духовно, подобен одной семье, где двери дома не закрываются, можно прийти к соседям и взять деньги или продукты, когда есть крайняя необходимость. Особый стиль автора дает нам возможность рассмотреть предложения как оригинальный вариант вертикального контекста, включающий в себя чужую речь.

Для удобства анализа обозначим цифрами каждое элементарное предложение текста:

1a. *Manny avait refusé d'aller au cinéma avec Alex*

1b. *s'il ne se changeait pas.*

2. *Pas une femme de Harrington Harbour ne pouvait être accompagnée d'un homme portant une chemise rose et un bermuda.*

3. *Manny ne voulait pas son moral sapé par les mauvaises langues.*

4a. *Si Alex occupait l'espace de la moitié de sa solitude,*

4b. *elle ne voulait quand même pas être la risée de qui que ce soit.*

5. *Rose!*

6. *Impensable.*

7a. *Alex avait rétorqué*

7b. *qu'il pouvait y aller seul*

7c. *s'il la gênait*

7d. *et qu'il n'était pas si mauvais que les gens de Harrington Harbour voient autre chose que leur petit monde.*

9a. *- Mais nous connaissons bien le monde,*

9b. *il nous arrive par bateau.*

Перед нами – двухчастный (состоящий из двух опор, одна из опор указывает на одного персонажа, другая – на второго) трехсубъектный

(автор+персонаж 1+персонаж 2) вертикальный контекст с однонаправленным развертыванием признака к опоре.

На концептуальном уровне нами выявлены две опоры – *Manny* и *Alex*, половую принадлежность имен которых невозможно установить достоверно в первом предложении. Лишь по мере раскрытия развертывающего фрагмента, при установлении кореференциальных связей становится очевидным тот факт, что *Manny* – это женщина, а *Alex* – мужчина.

Тождество референции первой опоры, выраженной именем собственным, создается анафорой *Manny* в функции подлежащего *S3*, а также рядом субститутов, представленных местоимениями *elle* и существительным женского рода с предложным определением *une femme de Harrington Harbour* в функции подлежащего *S2*. Метонимическая референция в данном случае основана на тождестве пола, делегируя *Manny* полномочия представителя женского рода этого канадского острова.

Вторая опора вводится в предложении 7 именем собственным *Alex*. Она находит синтаксическое выражение в функции подлежащего *S7a*. Тождество референции второй опоры создается различными субститутами: личным местоимением 3 лица ед. числа м. рода *il* – в функции подлежащего *S1b, S7b, S7c, S9b*. По аналогии с метонимической субституцией в первой опоре *une femme* встречаем нарицательное имя существительное мужского рода *un homme* (*C2*). Референция здесь также основана на тождестве пола – *Alex* представляет мужской род.

Присутствие английских имен в оригинальном тексте на французском языке укрепляет нас в мысли о том, что речь идет о франкоканадцах. В предложении 3, представленном НПР Мэнни, явно прослеживается влияние английской конструкции на французский язык – *Manny ne voulait pas son moral sapé*, что подтверждает факт нахождения персонажа в особом пространстве, где французский язык несколько отличается от классического.

Тождество референции первой опоры *Manny* прослеживается до предложения 9, где мы встречаем два случая метонимичного употребления местоимения: *pous* – подлежащее (*S9a*), выражено личным местоимением 1 л. мн. числа и *pous* – приглагольное личное местоимение в роли косвенного дополнения (*C9b*), выражающих целое вместо части.

Кореференциальные связи в второй опоры *Alex* прослеживаются через анафорические группы: *rose (il porte une chemise rose)* – определение (*C5*), выраженное качественным именем прилагательным, создающим тождество по ассоциативному признаку; *autre chose* – прямое дополнение (*C7d*), представленное неопределенным

местоимением; *le monde* – прямое дополнение (C9), переданное именем существительным с неопределенным артиклем.

Таким образом, нами выявлено обилие субъективных выражений референта, используемых для того, чтобы показать различие миров – своего (*Manny*) и чужого (*Alex*): *elle=nous=Harrington Harbour* (я=мы=остров Арингтон Арбур), *il=ils=le monde* (он=они=люди). В диалоге двух культур сталкиваются различные взгляды на окружающую действительность, разные оценки одних и тех же явлений, порождающие неприятие мира другого. Различные способы восприятия мира объективируются в речи человека как языковой / дискурсивной личности и в своей семантике отражают эмоционально-когнитивное состояние человека в его ценностном измерении [Серебренникова 2011: 10].

Субъективное восприятие мира передано различными способами представления речи персонажей, главным образом, речи Мэнни. При этом превалирует НПР Мэнни: в предложении (2) – устная НПР, выражающая негативное отношение героини к одежде ее спутника; в предложении 3, 4b в мысленной форме НПР передается нежелание Мэнни быть осмеянной жителями острова, реляционный предикат 4b в отрицательной форме *ne voulait pas*, подкрепленный категоричным неопределенным местоимением *qui que ce soit*, подчеркивает непреклонность Мэнни в своих убеждениях. В 5 и 6 фразах в эллиптических конструкциях представлена устная НПР, передающая квалификативный признак (характеризацию): в 5 – цвет рубашки Алекса, с опущением существительного *une chemise*, в 6 – презрительное отношение Мэнни к образу Другого, с опущением презентатива *c'est*. В перечисленных предложениях (2, 3, 4b, 5, 6) Мэнни становится субъектом, именно она говорит о втором персонаже. Вполне обычное слово *rose* становится едва ли не ругательным в ее устах, вбирая смысл из всего контекста и начиная значить больше, чем содержится в его значении, по Л.С.Выготскому. «Смысл слова никогда не является полным. В конечном счете он упирается в понимание мира и во внутреннее строение личности в целом» [Выготский 2003].

1a, 1b, 4a, 7a, 8 – ввод автора.

В предложениях 7 b, 7c, 7d репрезентируется КР Алекса, выражающая безразличное отношение героя к переживаниям Мэнни и пренебрежение к людям, живущим на острове. Предложения 9a, 9b передают ПР Мэнни с нулевым вводом 8. Несмотря на то, что здесь отсутствует внешне-композиционный диалог, налицо внутренняя диалогичность, где «индивидуальные разногласия и противоречия оплодотворяются социальным разноречием, где диалог голосов непосредственно возникает из социального диалога «языков», где чужое высказывание начинает звучать как социально чужой язык» [Бахтин 1975: 97-98].

Обращает на себя внимание тот факт, что в данном вертикальном контексте отсутствуют компоненты текста, означающие желание говорящего или слушающего начать, продолжить или изменить разговор типа: *начнем с, прежде всего, кстати* и другие метакоммуникативные элементы [Клепикова 2008: 5-15]. Это говорит о том, что контакт между говорящими отсутствует.

Итак, нами выделен типовой вариант двухчастного трехсубъектного вертикального контекста с включением ПР, КР и НПР, репрезентирующий ситуацию, в которой участвуют автор и два персонажа.

Анализ данного образца вертикального контекста с включением чужой речи показывает, как в процессе его развертывания формируются смыслы. Два человека, считающие себя близкими людьми, оказываются чужими. Употребление разных форм чужой речи отображает культурную несовместимость на этническом, социальном, психологическом, эмоциональном уровнях, что находит выражение в языковых средствах.

Литература

- Выготский Л.С. Мышление и речь (Извлечения) // Психолингвистика в очерках и извлечениях / под общ. ред. В.К. Радзиховской. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – С. 257-293.
- Бахтин М.М. Слово в романе. – М.: Художественная литература, 1975.
- Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики / Общ. ред., послесл. и коммент. Л.М. Скредлиной. 2-е изд., испр. – М.: Едиториал УРСС, 2004.
- Клепикова Т.А. Типология лингвистических метареферентий // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2008. – № 3. — С.5-15.
- Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. – М.: Знак, 2012. (Разумное поведение и язык. LanguageandReasoning).
- Кузнецова Т.Я. Вертикальный контекст как вид сверхфразового единства во французском языке (когнитивный аспект). – Архангельск: Арханг. гос. техн. ун-т, 2007.
- Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). – СПб.: Искусство-СПБ, 1994.
- Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие. – М.: Издательский центр «Академия», 2001.
- Серебренникова Е.Ф. Аспекты аксиологического лингвистического анализа // Лингвистика и аксиология: этносемиотика ценностных смыслов: коллективная монография. – М.: ТЕЗАУРУС, 2011. – С. 7-26.
- Скредлина Л.М. Школа Гийома: психосистематика: учебное пособие. М.: Высшая школа, 2009.
- Bakhtine M. (Volochinov V.N.). Le marxisme et la philosophie du langage / Tr. par Marina Yaguello. – Paris: Minuit, 1977.
- Cousture A. Tout là-bas. – Montréal. Libre expression. Quebecor média, 2003.

ТУРБИНА О.А.
ПРИНЦИПЫ РЕЧЕВОГО СЕМИОЗИСА

Abstract: The article deals with the problem language area theory and speech performance, namely, with linguistic discoursology. The author dwells upon the principles of speech semiosis from the viewpoint of cognitive-semiotic approach whose theoretical basis is psychomechanics, G. Guillaume's conception. The author focuses on the fact that speech semiosis has the common nature with language semiosis, but it is fundamentally different from the latter as it is based on psychic mechanisms that are relevant to a specific speech situation and influenced by intra- and extralinguistic circumstances highly dependent on the "human factor" (i.e. their character is subjective and anthropological). The example of the correlation of the language syntactic unit "sentence" and the speech syntactic unit "clause" illustrates the fundamental difference between language and speech signs. The author analyzes the mistakes caused by a vague distinction between language and speech phenomena, laws and mechanisms of language and speech semiosis, principles and regularities of language and speech units interaction in the system of speech performance that make researchers draw wrong conclusions when determining the nature and the status of the language/speech unit.

Key words: psychomechanics of language and speech, language semiosis, speech semiosis, language sign, speech sign, actualization.

Природа и принципы речевого семиозиса определяются фундаментальными законами функционирования и развития естественного языка и речевой деятельности. В этой связи наиболее эффективные пути его изучения представляет когнитивно-семиотический подход, теоретическую базу которого составляет систематика языка и речевой деятельности (психосистематика) – концепция Г. Гийома, построенная с учетом знаковых открытий и достижений в области общей теории языка, лингвистической семиологии, философии, теории познания и обоснованная результатами исследований явлений конкретных языков и языковых состояний. Когнитивно-семиотический подход предполагает опору на тот факт, что речемыслительные процессы состоят в непосредственной интегративной связи с фундаментальными явлениями и процессами в системе языка. Это означает, что система речи и речевой семиозис подчинены общим принципам системы языка и языкового семиозиса, охватывающим всю систему концептуализации (категоризации, виртуализации) и речевого развертывания (актуализации, вербализации), ибо: «речевая деятельность человека обнаруживает в себе два направления реализации – в качестве *языка* и в качестве *речи*. Она реализуется как язык, когда процесс становления направлен в сторону потенции и одновременно разрывается связь с условиями конкретного момента, и реализуется как речь, когда, направляясь в сторону актуализации, предстает не устоявшейся и связанной, а подчиненной условиям момента» [Гийом 1992: 129].

Итак, согласно принципу *системности*, *первый принцип* речевого семиозиса это единство его природы с природой семиозиса языкового.

Поэтому изучение и, как результат, объяснение природы и принципов речевого семиозиса требует глубокого и системного анализа принципов взаимодействия языка и речи, механизмов и способов актуализации единиц языка в процессе речевой деятельности, выявления закономерностей речевого развертывания, включающего формирование речевых единиц разных уровней.

Языковой семиозис определяется фундаментальным свойством естественного человеческого языка, которое состоит в том, что единственной его реальной (первичной) материей является звук: нет знака языка, лишённого звуковой оболочки, равно как не является знаком языка комплекс звуков, лишённых значения. Это было известно ещё во времена греко-римской античности и не отрицается современной лингвистической наукой. Иными словами, фундаментальный принцип языкового семиозиса состоит в том, что на уровне языкового представления, т.е. в закреплённой в сознании носителей системе языка, означаемым языкового знака является представление о типовом (образцовом) звучании слова, а означаемым его значение – лексическое и/или грамматическое. Это свойство языкового знака универсально, оно определяется объективностью языка (знакового кода в сознании носителей) и не зависит от наличия/отсутствия письменности в языковой культуре или, при наличии письменности, – от грамотности/неграмотности носителя языка.

Речь (*discours*), как реальное говорение, материализуя язык в момент актуализации, «опредмечивает» его. Это уже физическая, субстанциональная система (*parole effective*), механизмы развертывания которой определяются ее интегративными отношениями с системой языка [Гийом 1992: 39]. Как любое явление физического мира, речь уникальна, т.е. субъективна. Она обусловлена параметрами внешнего и внутреннего мира: развертывается во времени, реализуется в пространстве и имеет автора. Поэтому механизмы речевого семиозиса, порождённого идеальной и упорядоченной системой языка, преобразуют ее в многоликую и кажущуюся лишённой порядка и закономерностей систему речи. Тем не менее, несмотря на то, что изучение системы речи в современной науке только начинает разворачиваться, уже сегодня можно заполнить основные позиции ее составляющих в языковых культурах, достигших уровня национально-языкового и литературно-языкового нормирования, где *письменная речь* сформировала в своем развитии значимую оппозицию *устной речи*. При этом каждая из составляющих системы речи (устная и письменная речь) образует в ней свою подсистему – систему форм или видов дискурса: научный, профессиональный, бытовой дискурсы (ряд можно продолжить), которые, входя в общую систему речи, состоят между собой во взаимозависимых интегративных отношениях: *научный*

устный/письменный дискурс, профессиональный устный/письменный дискурс и т.д. Следует отметить, однако, что абсолютно симметричные отношения форм устной и письменной речи в реальности встречаются редко, хотя любая система речи в своем развитии к ним стремится. Так, гипотетически наиболее заметная симметричность форм устной и письменной речи должна наблюдаться в системах, достигших стадии развитых национальных литературных языков, хотя для такого утверждения, безусловно, необходимы глубокие исследования каждого конкретного рече-языкового состояния, ибо в таких системах одна форма письменной речи может коррелировать с несколькими формами устной речи и наоборот. Следует заметить также, что каждая форма дискурса в системе речи, согласно универсальному закону системной организации, представляет подсистему, подчиняющуюся общим принципам структуры и функционирования системы в целом, но обладающую особыми свойствами, по которым она составляет оппозицию другим подсистемам.

Письменность, на основе которой начала развиваться письменная речь, это вторичная обслуживающая язык субстанциональная система, которая является важным способом передачи устной речи в иной материальной форме – графически. Выражаясь точнее, письменная речь обслуживает в большей степени устную речь, нежели язык, хотя замечено, что письменная речь, особенно транслируемая с помощью развитых систем письма, обнаруживает тенденцию к развитию собственных структурных свойств. Это дает повод некоторым исследователям называть ее «письменным языком» [<http://gtmarket.ru/concepts/7038>] и даже причислять письменные графические знаки к знакам языка [Богоявленская 2016, 1: 10], обходя вниманием тот факт, что письменность, которая появляется на несколько десятков тысяч лет поздней языка, не только вторична, но и условна, т.е. является искусственной знаковой системой: письмо изобретено человеком и при желании может быть не просто реформировано, но и заменено принципиально иной графической системой. Язык при этом останется прежним, и количество знаков в нем не изменится. Ошибка при отнесении знаков письменной речи, тем более таких, как знаки препинания, к знакам языка [Богоявленская 2016 1: 10], очевидно, происходит тогда, когда исследования проводятся на материале письменных текстов, выполненных алфавитным письмом, которое является самой совершенной разновидностью фонетического письма и наиболее точно отображает первичную звуковую субстанцию естественного языка. Однако знаки письма это не знаки языка, а **знаки знаков языка**. Знаки же письменной речи, такие, как знаки текстов, выполненных фонетическим письмом, это **знаки знаков устной речи** даже в условиях молчаливой (мысленной) артикуляции.

Следует особо подчеркнуть, что семиозис речи, хотя и имеет общую природу с семиозисом языка, обладает особыми свойствами, главное из которых состоит в том, что в нем на первый план выдвигается *принцип эмотивности*¹ – *второй фундаментальный принцип* речевого семиозиса. Поэтому в дискурс-анализе – системе принципов изучения дискурса (речи), его форм и составляющих (компонентов) – на первый план выдвигается анализ и учет *человеческого фактора*, ибо дискурс (процесс и результат) это продукт разновидности человеческой деятельности, развертывание которой обеспечивают определенные психомеханизмы, релевантные конкретной речевой ситуации и обусловленные интра- и экстралингвистическими обстоятельствами.

Принцип эмотивности речевого семиозиса управляет механизмами актуализации единиц языка в речи. Его суть объясняет универсальная гийомомовская формула целого *выражение+выразительность=1*, отражающая креативно-субъективные характеристики развертывания речевого акта, в процессе которого выразительность речи стремится поглотить языковое выражение [Гийом 1992: 86-88]. Формула целого объясняет разные способы актуализации одной и той же единицы языка в речи. Многозначность (многозначность) форм речи и стремление к их однозначности в языке – это одно из проявлений экономии языковой системы. Для изображения этого свойства системы речевой деятельности Л.М. Скрелина использовала образ веера [Скрелина 1987: 32], в котором основание указывает на позицию языковой единицы в системе, а раскрывающиеся грани символизируют речевые реализации этой единицы и появление в речи, наряду с закрепленными в системе языка явлениями, ненормативных и паранормативных единиц и конструкций. Все они являются продуктом речевого семиозиса. По сути, продуктом речевого семиозиса являются и целые тексты – крупнейшие дискурс-составляющие системы речи. Наименьшими составляющими в системе речи являются дискурс-компоненты – единицы дискурса, несущие коммуникативно-смысловую нагрузку, определяющую его интра- и экстралингвистические характеристики: тип, вид, структуру дискурса, его автора (участников), внешние и внутренние условия речевого развертывания и т.п. Дискурс-компоненты это и есть *знаки речи*, функции которых состоят в том, что они играют роль структурных и смысловых маркеров, формирующих ее структурно-функциональные и коммуникативные параметры.

Как в системе языка на каждом уровне выделяются свои единицы, так и в системе речи существуют речевые знаки разных форм речи и

¹Под эмотивностью здесь понимается широкий спектр характеристик, обеспечивающих развертывание конкретной речевой ситуации, совокупность которых принято именовать *человеческим фактором*.

разных ее уровней: дискурс-компоненты устной и письменной речи, фонетического, лексико-семантического, морфологического и синтаксического уровней. Для современной науки о языке принципиальное различие единиц языка и единиц речи, определяющееся фундаментальными свойствами языка и речевой деятельности, становится все более очевидным фактом. Но, тем не менее, сегодня иногда приходится констатировать нечеткое разграничение явлений языка и речи, законов и механизмов языкового и речевого семиозиса, принципов и закономерностей взаимодействия единиц языка и единиц речи в системе речевой деятельности, что приводит исследователя к неверным заключениям при определении природы и статуса языковой/речевой единицы.

Поясим на примере анализа дискурс-компонентов синтаксического уровня. Ю.В. Богоявленская в своем исследовании такого явления эмотивного синтаксиса, как парцелляция, относит к единицам языка не только сам парцеллят (компонент парцеллированной конструкции), но и графические способы его оформления в письменной речи – знаки препинания, упуская из внимания то, что парцелляция – это явление структурного уровня, заключающееся в расчленении простого предложения на в большей или меньшей степени самостоятельные части сегменты. В действительности же выражение высказывания в форме парцеллированной конструкции это ни что иное, как *способ актуализации синтаксической единицы*, т.е. *способ* представления единицы (единиц) языка *в речи*, а объяснение механизмов, сопровождающих парцелляцию, требует ответа на три основных вопроса: 1) какие семантико-синтаксические трансформации исходного предложения влечет парцелляция, 2) какие единицы языка представляет парцеллированная конструкция и ее сегменты (парцелляты) в речи, 3) какова дискурсивная значимость парцелляции.

Известно, что любая парцелляция заключается в выделении и **обособлении** структурной части предложения, в силу чего содержащаяся в ней информация расширяется, обретая более полный смысл, а обособленный сегмент предложения (часто это его член) обретает свойство предикативности, что делает его более или менее самостоятельной синтаксической конструкцией: в современной теории синтаксиса – *клаузой* (во французской версии *clôture*), т.е. закрытой, завершенной, совершенной единицей. Здесь стоит вспомнить, что еще в эпоху позднего Средневековья у модистов был термин *perfectio* для обозначения предложения как совершенной единицы, в отличие от слова, которое таковой не является. А речевую актуализацию (*modus construendi*) предложения в неполном, усеченном или трансформированном виде (в вербальной форме) называли *perfectio*

secundum intellectum – предложение на уровне понимания [Перельмутер 1991: 7-66; Турбина 1994: 63-73]. Парцеллят – это, по сути, предложение на уровне понимания, т.е. в плане языкового представления. Или, говоря иначе, – способ (один из способов) актуализации предложения, что легко проверить методом синтаксической трансформации. Так, парцелляция предложения (*perfectio*) <Мы будем долго жить> формирует на концептуальном уровне (в плане языкового представления) два предложения. Парцелляция частичная: <Мы будем жить, долго. → Мы будем жить, и жить (будем) долго>; парцелляция полная: <Мы будем жить. Долго. → Мы будем жить. Жить (мы) будем долго>.

Что касается дискурсивных свойств парцелляции, то как дискурсивное текстовое явление она относится к эмотивному синтаксису, который Г. Гийом называл *синтаксисом выразительности*, фундаментальным свойством которого является то, что в нем, согласно универсальной формуле целого (*выражение+выразительность=1*), как уже отмечалось выше, выразительность речи стремится поглотить выражение языка. Т.е. при актуализации² предложения в форме парцеллята выразительность «ломает» выражение – его языковую концептуальную модель [S-V-(C)], сохраняя в речевой форме в плане содержания его субъектно-предикатную структуру: предложение на уровне языка (в плане содержания) ↔ слово/словосочетание в речи (в плане выражения). Следует заметить, что именно во избежание смешения единиц языка и единиц речи, а также путаницы в терминологии, в современной теории синтаксиса используется термин *клауза* для обозначения дискурс-компонентов синтаксического уровня, которые формируют фразо- или клаузометрические параметры дискурса, и к которым относятся все виды синтаксического развертывания/свертывания – «синтаксической упаковки» содержания: дислокации, парцелляции, эллипсис и прочие способы трансляции синтаксической эксплицитности и имплицитности.

Результатом неточного прочтения терминологии и нечеткого разграничения явлений языка и речи является неверное представление отношений между единицами языка и их речевыми коррелятами. К примеру, часто остается незамеченным, что речевая односоставная форма предложения, выраженного одним словом (словосочетанием), коррелирует с двусоставной концептуальной (языковой) моделью предложения, т.е. являет собой способ актуализации полноценной предикативной единицы, денотатом которой является ситуация действительности, в которой всегда присутствует нечто, подлежащее

² В контексте данной статьи стоит вспомнить, что авторство термина *актуализация* принадлежит Г. Гийому – «последнему и величайшему из модистов» (выражение Ж. Стефанини).

обсказыванию, и его «обсказывание» – два компонента предикативного ядра концептуально-семантической схемы и концептуальной структурной модели всякого предложения [Турбина 2007: 72]. Не обратив внимание на то, что речевой знак – *клауза* – является коррелятом *предложения* – знака языкового, и не обнаружив в ряде парцеллятов финитного глагола, Ю.В. Богоявленская пришла к убеждению, что не всякий парцеллят обладает свойством предикативности [Богоявленская 2016 2: 32-33]. Причина подобных заблуждений, вероятно, кроется в том, что клауза может принимать любую форму неполного предложения: редуцированного, выраженного одним словом/словосочетанием любой частичечной принадлежности или трансформированного в вербойд/вербойдную конструкцию (неличный оборот).

В данной статье рассмотрены два основных принципа речевого семиозиса – принцип системности, определяющий единство его природы с природой семиозиса языкового и принцип эмтивности, обуславливающий психомеханику речевого акта, релевантную конкретной речевой ситуации. Однако это не означает, что список принципов речевого семиозиса закрыт. Лингвистическая дискурсология в настоящее время представляют собой активно развивающееся направление науки, и в ближайшем будущем следует ожидать значимых открытий в этой области, включая область изучения механизмов и принципов речевого семиозиса.

Литература

Богоявленская Ю.В. Теория и методология сопоставительного когнитивно-семиотического корпусного исследования парцелляции во французских и русских печатных СМИ: автореф. дис.... д-ра филол. наук: 10.02.20. – Екатеринбург, 2016.

Богоявленская Ю.В. Парцелляция как когнитивно-семиотический феномен: монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2016.

Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. Сборник неизданных текстов, подготовленных под руководством Рока Валена / Перевод с франц. П.А. Скрелина. Общ. ред., послесловие и комментарии Л.М. Скрелиной. – М.: Издательская группа «Прогресс» КУЛЬТУРА, 1992.

Перельмутер И.А. Грамматическое учение модистов // История лингвистических учений. Позднее средневековье. – СПб.: Наука, 1991. С. 7-66.

Скрелина Л.М. Грамматическая синонимия. – Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1987.

Турбина О.А. Универсальная грамматика в контексте средневековой схоластики // Романская филология: Ежегодный сб. науч. трудов / Отв. ред. В.И. Томашпольский. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1994. – Т. 2. – С. 63-73.

Турбина О.А. Психосистематика языка и речевой деятельности. Курс лекций. – Челябинск: ЮУрГУ, 2007.

Шейкин А.Г. Гутнер Г.Б. Нёт В., Бернштейн В.С. Симонов А.В. Знак // Гуманитарная энциклопедия. Центр гуманитарных технологий, 2010–2016 (последняя редакция: 30.10.2016). – Режим доступа: <http://gtmarket.ru/concepts/7038>.

ТЮРИНА Т.В.

**НИДЕРЛАНДСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ЛЕКСИЧЕСКОМ СОСТАВЕ
БЕЛЬГИЙСКОГО ВАРИАНТА ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА**

Abstract: The article is devoted to the problem of Dutch lexical loanwords in the Belgian variant of the French language. The author analyzes the causes for borrowing, paying a special attention to the situation of bilingualism, lingual-geographical and socio-cultural factors. The examination of loanwords in the article is based on the classification according to lexical-semantic groups.

Key-words: national variant, Belgian variant of French, borrowing, Dutch loanwords, lexis, lexeme.

Французский язык является одним из крупнейших мировых языков, который функционирует на большой территории стран Европы, Северной Америки, Африки, заморских департаментах Франции. Под действием дивергенции он распадается на варианты, приобретая характерные черты. Проблема вариативности французского языка стала отдельным направлением романской филологии. Так, в рамках отечественной школы романистики в трудах М.В. Сергиевского, Г.В. Степанова, М.А. Бородиной, Л.М. Скрелиной, Т.Ю. Загрязкиной, Н.И. Голубевой-Монаткиной, Е.А. Реферовской, В.Т. Клокова представлены исследования различных типов регионального варьирования французского языка. Отечественная лингвистика выделяет национальные варианты французского языка: бельгийский, швейцарский, канадский.

Национальный вариант языка трактуется как форма существования языка, которая появилась в результате территориального обособления носителей языка и которая развивалась в разных территориально-государственных образованиях [СЛС 2006]. В силу их высокой нормированности и нормативности, большой степени функциональности и роли в социокультурном пространстве государства, национальные варианты языка приняты в качестве общенационального нормативного языка, противопоставлены диалектам и региональным языкам.

Бельгийский вариант французского языка (далее – БФ), — национальный вариант французского языка, использующийся в качестве государственного языка в Бельгии; представляет, главным образом, язык Брюсселя и столичного региона. Используя французский язык в качестве основы, бельгийский вариант отличается особенностями произношения, лексических форм, фразеологизмов, а также незначительными отличиями в морфологии и синтаксисе. К числу характерных особенностей БФ следует отнести заимствования из нидерландского языка, которые на территории Франции либо не наблюдаются, либо имеют ограниченный характер распространения.

Основная причина данного явления состоит в том, что бельгийский вариант французского языка находится в ситуации

постоянного контакта с нидерландским языком. Отметим следующие лингвогеографические, исторические и социокультурные факторы:

– языковая ситуация билингвизма. Королевство Бельгия является государством, в котором французский и нидерландский являются государственными языками и используются равноправно. Учитывая данный факт, жители Королевства Бельгия рассматриваются как естественные билингвы. Предпосылки данного явления были заложены еще в 1819 г., когда Гийом I Оранский принял Закон о языке, по которому французский мог использоваться наравне с нидерландским языком. Однако, по мнению Л. М. Скрелиной, «билингвизм представляет собою в Бельгии ситуацию естественную, но не однозначно проявляющуюся»; следствием ситуации билингвизма является интерференция языков [Скрелина 1978: 18-19].

– территориальное положение страны. Соседствуя на севере и востоке с Нидерландами и Германией, Бельгия является самой северной территорией распространения французского языка в Западной Европе, образуя границу между Романией и германским миром. В свою очередь, провинции Западная и Восточная Фландрия являются частью Королевства Бельгии, что обеспечивает на западе взаимодействие БФ с южными диалектами нидерландского – фламандским и брабантским.

– политическая история и языковая политика государства. Королевство Бельгия, появившись на политической карте в 1830 году, наследовало сложную историю политической зависимости от различных государств. До XVI века Нидерланды, включавшие и территорию современной Бельгии, представляли собою группу автономных провинций. В XVI веке во времена правления Филиппа II Испанского назревшие политические и языковые противоречия привели к созданию в 1579 г. Утрехтской унии, объединившей нидерландские провинции против испанского владычества. Южные провинции Фландрии и Валлония, напротив, поддержали католическую Испанию, образовав Аррасскую унию. После образования Независимых Нидерландов, Бельгия первоначально оставалась под властью Испании, а затем находилась под властью различных европейских монархий: Австрии, Франции и Нидерландов. Одновременно с политической историей менялась и языковая политика. Так, после Брабантской революции 1789 г. и начала «Французской эпохи» XVIII–XIX веков страна испытала политику «францизации»: активного проникновения французского языка и французской культуры во фламандское общество. Позже после разгрома Наполеона и создания в 1815 г. на территории Бельгии «Соединенного королевства Нидерландов» король Гийом I Оранский начал проводить политику «нидерландизации», провозгласив официальным государственным языком нидерландский: нидерландский стал обязательным языком официальной и юридической документации.

В то же время Гийом Оранский не исключал применение других языков в образовании, судопроизводстве и управлении страной. В 1830 году в результате буржуазной революции было создано независимое от Нидерландов государство Бельгия, 21 июля 1831 года король Леопольд I стал первым бельгийским монархом. Конституция 1831 года официально закрепила в стране двуязычие. Политика бельгийского государства самым тесным образом связана с политикой в области языка. История Бельгии – это не просто история войн, революций и реформ, это история страны, «выстрадавшей свое двуязычие» [Сергиева 2010].

Говоря об особенностях нидерландских заимствований в БФ, следует отметить, что *Nederlands*, или нидерландский язык, распространен на значительной территории: в Нидерландах, в северных провинциях Бельгии или Фландрии. Данный язык не является однородным и распадается на диалекты [ЛЭС 1990: 333]. В бельгийской лингвистике (А. Goose, М. Francard) принято различать лексику северных и южных диалектов нидерландского языка. Первые получили название нидерландских, вторые – фламандских. В то же время представители отечественной германистики в отношении южных диалектов, имеющих собирательное название *Vlaams* (фламандский), высказывают следующую точку зрения: «название *Vlaams* официально не употребляется, есть только нидерландский язык, являющийся общим литературным языком для Фландрии и Нидерландов, разумеется, с оттенками, имеющимися у всех языков» [Арсеньева 2000: 224, 233 - 234]. В данной статье в целях конкретизации источника регионализма в отдельных случаях мы посчитали целесообразным уточнить происхождение нидерландской лексики из северных диалектов или из южных (фламандского).

В качестве материала анализа послужили статьи следующих словарей: «*Dictionnaire des belgicisms*» [Francard 2010], «Словарь французского языка за пределами Франции» В.Т. Клокова [2000], Топонимический словарь Е.М. Поспелова [2002], Французско-русский словарь *ABBYLingvo* под ред. М. Н. Сизых [БФС 2011].

Заимствования из нидерландского языка представляют значительную группу слов. Так, по «Словарю бельгицизмов» М. Франкара [Francard 2010] корпус примеров составляет около 300 единиц из 1800. Данная группа заимствований имеет очень широкую семантику: топонимы и производные от них, обозначения и характеристика человека, город, дом, бытовые предметы и бытовая обстановка, национальная кухня, названия животных, погодные условия.

Примером топонима является название Брюсселя, столицы Бельгии. По мнению Е.М. Поспелова, топоним *Bruxelles* восходит к фламандскому *Brussel* <*Brocela* «селение у болота», образованного сложением *brock* «болото» и *sela* «жилье» [Поспелов 2002: 82].

Заимствованиями из фламандского являются и некоторые другие названия городов: *Anvers* (Антверпен), образованного от существительного *andwerp* «плотина, дамба», *Bruges* (Брюгге) – от *brug* «мост» [Поспелов 2002: 38, 82].

В ряде случаев топонимы, образуют дериваты, которые становятся значимыми элементами национальной культуры: примером является лексема *Brusselair / Brusselaire / Brusseleir / Brusseleer* – «коренной брюсселец». Коренной брюсселец – это житель квартала Мароль, но также «*un vrai Brusseleir, zwanzeur et bon vivant*» «настоящий брюсселец – любитель жизни и весельчак». Прилагательное с данным значением мы встречаем в выражениях *accent brusseleer* «брюссельский акцент», *des spécialités brusselaires* «брюссельская кухня» [Francard 2010: 76]. Во Франции для обозначения брюссельца используется существительное *Bruxellois (m)*. Следует отметить, что бельгийское произношение побуждает французов произносить [*bryselwa*] [Larousse 1994: 239; Hachette 2011: 7], приближаясь к бельгийскому орфоэпическому варианту, однако форма [*brykslwa*] также является нормативной [БФС 2011: 114].

Среди регионализмов, обозначающих человека, можно отметить существительные *baas/baes* [baas] (m) «хозяин, хозяин кафе», *manneke / menneke* [manœkœ] (m) «мальчик, юноша, парень», *ket* [ket] (m) «брюссельский мальчишка, сорванец», *peï / pay/ peye* (m) «дядюшка, бабушка» [Francart 2010: 43, 232, 269].

Нидерландские заимствования дают богатый спектр существительных и глаголов для характеристики человека и описания его действий: *bab(b)laire* [babœler] (m) «болтун, пустомеля», *snul* [snul] (m) «простак, дурак», *zwanzeur* [zwâz] (m) «шутник, весельчак», *babeler* [babœle] (v) «болтать, сплетничать», *zwanzer* [zwâze](v) «шутить» [Francart 2010: 43, 338, 390].

Помимо отдельных лексем заимствуются также и идиоматические выражения, например, *Dikkenek* [dikœnek] (m) – весьма нелестная характеристика хвастуна, болтуна, дешевого моралиста и зануды, соответствующая французскому выражению *casse-pied (m)* «зануда». Данное выражение образовано из нидерландских слов *dikke* «толстый, здоровый» и *nek* «шея». Из столичного региона данное выражение распространилось дальше в Валлонию, где составило конкуренцию местному *gros cou* с тем же значением. Популярности выражения *Dikkenek* способствовало появление в 2006 г. одноименного фильма Оливера ван Хуфстадта (Oliver van Hoofstadt).

Нидерландские заимствования описывают жизненное пространство человека, город, дом, предметы быта и бытовую обстановку. Примером является существительное *fritkot* [fritkœt] (m) «торговый павильон, в котором продают картофель-фри», образованное от фламандского *fritkot* с тем же значением [Francart 2010: 177].

Некоторые регионализмы данной семантической группы становятся частью идиоматических выражений. Приведем в качестве примера существительное *kermesse* [kɛrmɛs] (f) «праздник, веселье, гулянье», образованное в результате соединения фламандского *kerk* «церковь, кирха» и *mis* «месса». Данное существительное вошло в состав идиомы *faire la kermesse* «праздновать, веселиться, гулять». Выражение связано с праздниками почитания местных святых: покровителей города или региона. В день праздника после мессы вся паства вновь собиралась, чтобы уже на улице продолжить веселье музыкой, танцами и праздничными угощениями. Отметим, что выражение *faire la kermesse* распространено не только в Бельгии, но также и на Севере Франции [БФС 2011: 478].

Наименования блюд национальной кухни составляют значительный пласт заимствований: названия кондитерских изделий, мясных, рыбных и овощных блюд, например, *bolus* [bɔlus] (m) «булочка», *couque* [kuk] (f) «пряник, печенье», *cramique* [kramik] (m) «булочка с изюмом», *bloempanch / bloumpanch* [blumpanʃ] (f) «кровяная колбаса», *maatje* [matʃœ] (m) «молодая солёная сельдь» [Francart 2010: 65, 119, 121-122, 76; Клоков 2000: 302]. Поскольку одной из важнейших бельгийских традиций является культура пивоварения, среди заимствований мы встречаем наименования различных сортов пива: *kriek* [kri:k] (f) «темное пиво со вкусом вишни», *lambic* [lābik] (m) «сорт крепкого пива» [Francart 2010: 212, 216].

Среди названий животных можно отметить заимствования различных видов рыбы, например, *elbot* [ɛlbɔ] (m) «белый палтус» [Клоков 2000: 196; Francart 2010: 150].

Рассматривая лексико-семантическую группу, характеризующую погодные условия, отметим существительное *drache* (f) [draʃ] «проливной дождь, ливень», а также глагол *dracher* (v) со значением «лить как из ведра» [Клоков 2000: 190; Francard 2010: 143]. Оба слова произошли от фламандского глагола *draschen* (v) [Francard 2010: там же]. Во французском языке в данном значении используется существительное *averse* (f), семантическим эквивалентом бельгийского выражения *Il drache* является *Il pleut à torrents*. Данные слова прочно укоренились в составе БФ: превратившись в символ характерной для Бельгии дождливой погоды, они получили дополнительную коннотацию. Проливной дождь *drache* стал частью шуточного выражения *Drache Nationale*: так в шутку называют шествие 21 июля по случаю государственного праздника, которое часто проходит под аккомпанемент проливного дождя.

Заимствования из нидерландского языка (северных и южных диалектов) составляют характерную особенность лексики бельгийского варианта французского языка. Тесное культурное и языковое

взаимодействие сообществ внутри Королевства Бельгии, а также контакты с соседними Нидерландами являются длительной исторической и политической традицией, которая способствует обогащению лексики БФ. Заимствуясь на протяжении долгого периода, нидерландские лексические единицы отличаются семантическим разнообразием, ассимилированы и прочно входят в состав БФ. Ряд нидерландских заимствований входит в состав идиоматических выражений. Нидерландские заимствования в БФ отражают исторический опыт и культурное своеобразие страны, находящейся на «перекрестке культур».

Литература

- Арсеньева М.Г., Балашова С.П. и др. Введение в германскую филологию: Учебник для филол. фак. ун-тов. – М.: ГИС, 2000.
- БФС – Большой французско-русский словарь АBBY Lingvo / Гл. редактор М. Н. Сизых. – М.: АБИ ПРЕСС, 2011.
- Бородина М.А. Проблемы лингвистической географии (на материале диалектов французского языка). – М.: Л.: Наука, 1966.
- Голубева-Монаткина Н.И. Французский язык в Канаде и США: социолингвистические очерки. – М.: КомКнига, 2010.
- Загряжская Т.Ю. Франция и франкофония: язык, общество, культура: монография. – М.: Издательство Московского университета, 2015.
- Клоков В.Т. Словарь французского языка за пределами Франции. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2000.
- ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. редактор В. Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990.
- Нидерландско-русский словарь: ок. 60000 слов / Под. рук. С.А. Миронова. – М.: Русский язык, 1987.
- Поспелов Е.М. Географические названия мира: Топонимический словарь: ок. 5 000 ед. / Отв. ред. Р.А. Агеева. – 2-е изд. – М.: Русские словари: Астрель: АСТ», 2002.
- Реферовская Е. А. Французский язык в Канаде. – 3-е изд. – М.: Книжный дом «Либроком», 2012.
- Сергиева О.В. Двухязычие как феномен культурного дуализма (на примере Бельгии) // Культура в современном мире. – 2010. – № 4. – Режим доступа: <http://infoculture.rsl.ru>.
- Сергиевский М.В. Введение в романское языкознание. – М.: Инлит, 1947.
- Скрелина Л.М. Бельгия: билингвизм народа или нации? // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. – Л.: Наука, 1978. – С. 18- 19.
- СЛТ – Словарь социолингвистических терминов / Ответственный редактор: доктор филологических наук В.Ю. Михальченко.— М.: Российская академия наук. Институт языкознания. Российская академия лингвистических наук. 2006. – Режим доступа: <http://sociolinguistics.academic.ru/435>
- Степанов Г.В. Типология языковых состояний и ситуация в странах романской речи. – М.: Наука, 1976.
- Dictionnaire de la langue française: lexis / Direction de J. Dubois. – Paris: Larousse, 1994. – 805 p.
- Dictionnaire Hachette Encyclopédique de Poche: 50 000 mots / Rédaction de J. Dubois, F. Dubois-Charlier, A. Guillet, R. Lagane. – Paris: Hachette, 2011.
- Francard M., Geron G., Wilmet R., Wirth A. Dictionnaire des belgicisms / Préface de V. Coppens. – Bruxelles: De Boeck, Paris : Duculot, 2010.
- Goose A. Façons belges de parler: chroniques parues dans « La libre Belgique » / Présentation de Ch. Delcourt et M. Lenoble-Pinson. – Bruxelles: Académie Royale de langue et de littérature française, Lecri, 2011.

ХОХЛОВА Н.П.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОНЯТИЙНОГО ОБРАЗА ТЕРМИНА

Abstract: L'article porte sur les caractéristiques des termes présentes dans les deux dictionnaires terminologiques de dernière génération. L'idée pilote est que chaque nomination d'un objet réel est un processus cognitif se basant sur trois éléments de perception visuelle: positionnel, fonctionnel et se réalisant dans le contexte socio-culturel. Cela permet d'expliquer les origines de la formation de tels ou tels termes et la motivation dans le choix.

Key-words: concept; motivation; cultural; semantic; context; particularities; sens; cognitive; signes; character.

Термины, будучи средством выражения специальных понятий науки и техники, пожалуй, как никакая другая область языка отражают его живую связь с процессами развития общества. Неслучайно главной особенностью терминообразования является активное использование общеупотребительных слов для именованя объектов научно-технической сферы. Происходит так называемая вторичная номинация или перенос значения с выделением того или иного признака или свойства по аналогии, что приводит к сосуществованию в термине как минимум двух тесно взаимосвязанных значений. Это явление базируется на обобщающей природе слова и предполагает всех возможностей, заключающихся в его структуре.

Практика показала, что главным образом в качестве «строительного материала» для номинации разных объектов привлекаются слова широкой семантики. И, как правило, в процессе вторичной номинации их переносное значение может реализоваться через сему «похожий на..., сходный с...», по визуальному признаку или за счет выявления сходства по функции «действует как..., используется как...». По сути дела, любая номинация объекта реальной действительности выстраивается из набора признаков, базирующихся на трех основных элементах познавательного акта: осмысление формы, цвета материала как первичное визуальное восприятие, далее осмысление положения объекта в пространстве и его функционального назначения [Хохлова 2013].

В этой сложной мыслительной деятельности можно выделить три этапа [Васильева 2006]. На первом осуществляется вычленение объекта исследования по его существенному признаку, который и составляет первоначальное понятие. Именно оно определяет выбор подходящего слова из общеупотребительной лексики на основе фундаментального сходства. Второй этап – это концептуализация, при которой выделяются все возможные точки соприкосновения. Проиллюстрируем это положение словом *arbre*, которое переводится в техническом языке как *вал, шпиндель, брус, стояк, коромысло*. Каждый из этих терминов явно использует различные признаки, составляющие

понятие *дерева* – *вал* и *брус* – вытянутую форму, *стояк* – прочную вертикальную позицию, *коромысло* – ветвистость.

Третий этап представляет собой закрепление выбранной единицы за новым понятием, которое определяет ее номинативную ценность как термина. Его семантическая автономность в полной мере проявляется в контексте. Так, в технической терминологии слова *piéd* и *jambe* могут иметь значение «подпора, опора, основание», которое реализует сему «устойчивость», но слово *piéd* переводится еще и как «движок штангенциркуля», реализуя сему «движение», изначально присутствующую в понятийном образе слова.

Наиболее интересным для изучения процесса словотворчества является этап семантического переосмысления, когда в семантической структуре заимствованного слова происходят такие изменения, как ее сужение, расширение, а также образно-переносное осмысление вплоть до утраты исконного значения.

Существенным показателем подобной репродуктивной способности слова, его словообразовательной активности служит к примеру явление ассимиляции. Так, слово *service* вошло в русский язык в двух значениях. Для каждого из них существует своя особая форма слова: а) *сёрвис* – "действие или манера обслуживания хозяина, клиента и т.д." (*action ou manière de servir un maître, un client, etc.*); б) *сервиз* – «полный набор столовой или чайной посуды на определенное количество человек», причем значение слова сузилось, так как во французском языке это слово обозначало не только посуду, но еще и столовое белье (*assortiment de vaisselle ou de lingerie pour la table*) [Ожегов 2006; Le Petit Larousse 1994].

Следует отметить, что всякий раз процесс терминотворчества оперирует не только объективными факторами, связанными с закономерностями формирования терминологической системы языка. Большую роль в нем играют и субъективные факторы номинации, осмысливающиеся в двух планах. Во-первых, они определяются спецификой мышления и психологическими особенностями носителя того или иного языка как члена определенного социума, во-вторых, как индивида, уникального и неповторимого, со своим специфическим мировосприятием. Здесь важно и то, что 'творец' замечает в объекте и то, как он воспринимает окружающий мир, как осуществляет выбор из многих возможных вариантов. По мысли автора словаря профессиональной лексики, термин представляет собой «особую форму словотворчества, когда под пронзительным взглядом специалиста, проникающего в подлинность объекта, общепотребительная лексика приобретает изобразительность с разными оттенками юмора, аффективности, а порою и поэзии (перевод наш. – Н.Х.) [Depecker 1995].

Собранные в словаре 2000 терминов представляют феномен коллективного творчества, для которого характерны черты, имеющие свои исторические корни в просторечии тех, кто трудился в рабочих бригадах, цехах и лабораториях или на транспорте. Вот некоторые из них для наглядности а) *la taupe – machine, perceuse de tunnel de la douche*; б) *projecteur – eclaireur delascène*; в) *le boitier (fakir) – le boîtier électronique* (где устанавливается (а) связь между кротом и землеройной машиной для прокладки туннеля, (б) между душем и прожектором, освещающим сцену по признаку рассеивания струй воды и световых лучей, а коробка с электроникой ассоциируется с таинственными атрибутами факира (с).

Вызывают улыбку слова, имеющие отношение к именам собственным и географическим названиям таким как, например, *robinet chef* – основной кран в системе водоснабжения; или *la mariée* – локомотив старого образца, *la belle-mère* – старый автомобиль или *Californie* – хорошо оплачиваемый участок работы на почтовом обслуживании в доках.

Данные примеры и многие другие с оттенком персонификации, имеют явно метафорическое звучание. Именно поэтому как феномен коллективного творчества, использующий метафору, они обладают особой пластичностью и образностью. См., например, *Arbre de Noël* – нефтяная платформа в момент декомпрессии; *grandes-oreilles* – специалист по сбору информации в полиции; *remasse-miettes* – устройство спутника, передающее самые мелкие изображения. Важно отметить, что любое коллективное творчество является отражением особенностей мировосприятия данного социума, которые и определяют выбор той или иной номинации объекта.

К сожалению, многие такие термины пока не вошли в академические словари. Но они остаются в устном варианте и, будучи живой тканью французского языка, дополняют и обогащают процесс его развития.

Среди разнообразных способов терминообразования во французском языке особый интерес представляют случаи совмещения различных значений в одном означающем. Возьмем, к примеру, слово *кабачок*. В толковом словаре Larousse оно представлено 5 значениями: *le courge, la courgette, le potiron, la citrouille, le giraumont*. Различие их номинаций определяется характерными каждому виду признаками: размер, окраска, вес.

Данный тип словотворчества отражает тенденцию развития словарного состава за счет внутренних ресурсов языка через поиск аналогий, механизм которого предопределен ассоциативным мышлением, его универсальным свойством выделять общее и частное в предметах окружающего мира, дифференцировать определенные признаки и структурировать смысловые связи. Именно это многообразие и порождает номинацию, называемую «имплицитная

мотивированность знака или гипонимия» [Кузнецов 2015]. Речь идет о разновидности традиционной синонимии, дополненной представлениями о точечной номинации, обладающей скрытыми словообразовательными ассоциациями.

Рассмотрим это явление применительно к терминологической лексике. Так, слово *la broche* во французско-русском словаре К.А. Ганшиной – это 1) вертел, шампур; 2) спица для вязания; 3) шило; 4) вал, шпиндель, ось; 5) гвоздь, костыль; 6) штырь, шпилька, штифт; 7) брошь; 8) вексель на незнакомую сумму; 9) кабаньи клыки. В то время как во французском языке первоначальное значение гипонима *la broche* восходит к латинскому языку, где *roccha* – заостренный предмет или булава, прикалывающая шаль или платок к одежде. В современном общеупотребительном языке оно представлено следующими значениями: *le bijoux, le tige, l'arbre, la cheville*.

Расширение значения происходит вместе с развитием лексико-семантической системы языка. При этом понятийный образ каждого термина обладает своим специфическим маркером, обеспечивающим ему точечную номинацию, закрепленную в уже собственном значении. Так, например, у термина *la broche* таких значений 10, среди которых наиболее употребительными являются термин *le tige*, представленный 10-ю номинациями и *l'arbre*, термин, имеющий свою номинативную группу из 8 слов. В итоге, получается довольно пестрая картина, в которой, к примеру, слово *шпиндель* фигурирует как синоним 28 номинаций соотношением между значениями «паголеннок» и «вал» в термине *le tige*.

Такое разночтение, с одной стороны, затрудняет поиск адекватного термина при переводе. С другой стороны, сама дефиниция слова *термин* в языке научно-технической сферы связана с определенными признаками и свойствами, закрепленными за конкретным техническим объектом или технической ситуацией. Иными словами, каждый термин должен представлять собой такую номинацию, которая адекватно отражала бы душу технического объекта или процесса, их партикулярность и самостийность. Именно этот постулат был основополагающим при составлении терминологического словаря Тубона, призванного защитить французский язык от англицизмов [Хохлова 2008].

Данный словарь (его репертуар составляет 3000 французских терминов как альтернатива английским заимствованиям) примечателен тем, что в нем представлены все универсальные приемы терминотворчества с точки зрения мотивации в выборе эквивалента. Это – терминологизация или, образно говоря, семантическая конверсия, когда научное понятие обращается к словам общеупотребительного языка – терминологическая деривация, семантические и структурные

кальки, переосмысление английского термина в пользу прозрачной дефиниции, персонификация и метафоризация.

Подведем итог. Изложенный в работе материал свидетельствует о том, что создание термина – это сложный познавательный процесс с выделением того или иного признака или свойства. Он отражает тенденцию развития словарного состава за счет внутренних ресурсов языка через поиск аналогий, механизм которых предопределен ассоциативным мышлением, его универсальным свойством выделять общее и частное в предметах и явлениях окружающего мира, дифференцировать определенные признаки и устанавливать понятийные связи между ними с учетом социальных практик и культурно-исторических факторов, в которых функционирует язык.

Литература

Васильева Т.И., Хохлова Н.П. Терминообразование в аспекте когнитивных процессов // Терминология- 3: изучение и обучение: материалы Четвертой междунар. научно-практ. конф. (24–26 ноября 2005 г.) / редкол.: Т.И. Васильева [и др.]. – Минск:Белорус. нац. техн. ун-т, 2006. – С. 53–55.

Кузнецов В.Г. Источники имплицитно мотивированных знаков французского языка // Человек, язык, время: материалы XVII конф. Школы-семинара им. Л.М. Скрединой с междунар. участием, Москва, 16–18 сент. 2015 г. / редкол.: Л.Г. Викулова [и др.]. – М.: МГПУ; Языки народов мира; ТЕЗАУРУС, 2015. – С. 207-211.

Ожегов С.И. Словарь русского языка: около 53000 слов / под общ. ред. Л.И. Скворцова. – 24-е изд., исправл. – М.: Оникс: Мир и образование», 2006.

Хохлова Н.П. Образовательная ситуация как фактор развития познавательной активности // Человек и его язык: материалы Юбил. XVI междунар. конф. научн. школы-семинара им. проф. Л.М. Скрединой., Санкт-Петербург, 25–27 сентября 2013 г. / Рос. гос. пед. ун-т. им. А.И. Герцена; редкол.: Л.А. Становая [и др.]. – Спб., 2013. – С. 313–315.

Хохлова Н.П. Приемы отбора терминологической лексики в Словаре Тубона // Научно-образованию производству экономике материалы междунар.научно-техн.конф., Минск, апрель 2008 / редкол. Б.М.Хрусталева [и др.]. – Минск:Белорус.нац.техн.ун-т. –2008. –Т.2. – С.376.

Depecker L. Dictionnaire du français des métiers. Adorables jargons. – Paris: Editions du Seuil. – 1995.

Le Petit Larousse en couleurs: 84500 articles – Paris: Larousse, 1994.

ШЕЛУХОВА Е.В.

К ВОПРОСУ О СПОСОБАХ АКТУАЛИЗАЦИИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО В СТАРОФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Abstract: The present article is designed to provide not only the information about theory of actualization by Charles Bally, but also to apply it to the noun system in Old French. It is well-known that previously actualization was almost implicit: the language of that time possessed a case system, but in Old French the case system was reduced to two cases and new forms of special tools (articles, demonstratives, etc.) emerged. Two Old French texts were used for this purpose: "Oaths of Strasbourg" and "Sequence of Saint Eulalia". The analysis shows the usage of articles,

special function of possessive pronouns, wide application of demonstratives and prepositions. Examples of implicit actualization through the case system are shown as well. The article also presents a short view of Gustave Guillaume's theory of actualization and its main terms.

Key-words: actualization, noun, Old French, actualizer, speech, language.

Проблема актуализации была поставлена Ш. Балли (1865-1947) в первой половине XX века и получила широкое распространение в лингвистике. Основные идеи о теории актуализации отражены в работе Ш. Балли «Общая лингвистика и вопросы французского языка». Под актуализацией ученый понимает отождествление понятия (*concept*) с реальным представлением говорящего субъекта, процесс перехода элементов языка в элемент речи [Балли 1955: 87]. Актуализация, согласно теории Ш. Балли, осуществляется при помощи актуализаторов, к которым относятся склонения, форма единственного и множественного числа, а также такие внешние элементы, как артикли, местоимения, наречия места, сочинительные союзы.

В современном французском языке основным средством для актуализации существительного является артикль. В старофранцузском языке наблюдается использование внутренних актуализаторов (падежная флексия) и внешних (предлоги, местоимения, артикли). При этом стоит отметить нерегулярность использования актуализаторов, поскольку внедрение артиклей и частое использование указательных местоимений происходило в языке постепенно.

В данной статье предпринята попытка рассмотреть способы актуализации существительного в старофранцузском языке на примере «Страсбургских присяг» (842 г.) и «Кантилены о Святой Евлалии» (882 г.).

«Страсбургские присяги» и «Кантилена о Святой Евлалии» – одни из первых письменных источников старофранцузского языка IX века. Отметим, что в это время в старофранцузском языке употребление артиклей или других детерминативов носит нерегулярный характер, поэтому в основном речь идет именно об имплицитной актуализации, т.е. когда существительное актуализировано посредством его локализации в контексте.

Для начала логично выделить группы существительных для анализа: имена собственные и нарицательные. В указанных текстах встречаются следующие имена собственные: *Karlus, Ludher, Lodhuvigs, Eulalia, Krist*. Все имена собственные употребляются без артикля, так как, согласно теории Шарля Балли, все имена собственные уже являются актуализированными благодаря своим индивидуальным характеристикам, которыми они наделены, и не требуют употребления дополнительных средств (актуализаторов), так как в этом случае такое понятие может стать безграничным [Балли 1955: 93]. Отметим, что в тексте «Страсбургских присяг» еще сохраняются падежные флексии:

Karlo – Karle – Karlus, хотя именно падежные флексии имен собственных исчезали в первую очередь, поскольку они чаще всего употреблялись в именительном падеже. По этой причине форма косвенного падежа стала ненужной [Бородина 1965: 35].

При рассмотрении имен нарицательных стоит отметить следующее. В «Страсбургских присягах» артикль отсутствует. В «Кантилене о Св. Евлалии» определенный артикль встречается довольно часто: *li deo inimi, les mals conseillers, lo deo menestier, la polle, lo nom christien, li rex pagiens, lo chief, la domnizelle, la mort*. При этом употребление артикля носит нерегулярный характер. Следуя теории Ш. Балли, решающего значения артикль здесь не имеет, так как все имена нарицательные приведены в контексте, который уточняет, о чем идет речь. Другой особенностью текста «Кантилены о Св. Евлалии» является первое употребление неопределенного артикля женского рода: *ad unes pede*. Заметим, что в старофранцузских текстах употребление неопределенного артикля было ограничено. Партитивный артикль вовсе отсутствует в старофранцузском периоде; его употребление и распространение в текстах происходит намного позже.

В обоих текстах отмечается высокое употребление предлогов: *pro deo amur, in ajudha et in cadhuna cosa, per dreit, ab Ludher, en ciel, in figure de colomb* и т.д. Их использование очень важно для старофранцузского языка, поскольку предлог служит для связи слов. В результате утраты падежей предлог перенимает на себя функцию и уточняет синтаксические отношения между элементами. Таким образом, предлог в старофранцузских текстах является одним из важнейших внешних актуализаторов имени существительного.

Заметно увеличилось употребление притяжательных местоимений: *meon fradre, son fradra, meon vol, sa virginitet*. Однако использование притяжательных местоимений в старофранцузском языке не тождественно их употреблению в современном французском языке. В старофранцузский период такие единицы выполняли атрибутивную функцию. Стоит отметить, что между употреблением ударных и неударных форм есть различия. Безударные формы выполняли исключительно атрибутивную функцию и сопровождали существительное без артикля и других определителей (кроме прилагательного).

Что касается ударной формы, то такие местоимения употреблялись при существительном с артиклем, указательным или неопределенным местоимением [Катагощина 1976: 83]: *cist meon fradre Karlo, lo nom christien, lo suon element*.

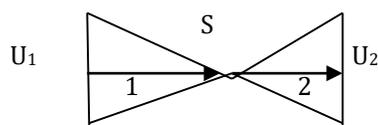
Таким образом, можно заключить, что в старофранцузский период использовались два способа актуализации имени существительного: внутренний и внешний. Имплицитная актуализация

выражалась посредством контекста, а также остатков падежных форм и окончаний единственного и множественного числа. Эксплицитная актуализация представлена при помощи предлогов, местоимений и раннего использования артиклей. При этом не стоит забывать о нерегулярности использования вспомогательных средств актуализации, поэтому существительное может быть актуализировано как при помощи служебного слова, так и без него.

Объяснением перехода единиц из языка в речь и теорией актуализации также занимался французский лингвист Г. Гийом (1883-1960). При рассмотрении вопроса актуализации ученый использует такие термины, как потенциальный язык (*langage puissanciel*), т.е. неактуализированный язык, и реализованный (актуальный) язык (*langage effectif*). Ученый вводит новый фактор, который ранее не учитывался – фактор времени. Речевую деятельность Г. Гийом понимал следующим образом: «Речевая деятельность как целое, как интеграл включает последовательность: это последовательность перехода языка, постоянно существующего в говорящем (следовательно, вне зависимости от конкретного момента), к речь (в речь), принадлежащей говорящему только в конкретные моменты времени (с большими или меньшими интервалами между этими моментами)» [Гийом 2010: 37].

Рассуждая о потенциальности и результативности языка, Г. Гийом использует понятие *границы* между фазами рече-языкового акта, которую называет реализацией (*effectation*) и которая является моментом перехода элементов языка в элементы речи [Скрелина 2009: 26].

Говоря об актуализации, ученый отмечает, что существительное наделено определенным объемом и при оформлении слов в языке и речи происходит движение от общего к частному и от частного к общему. Для анализа и рассмотрения сужение и расширение такого объема используется двойной вектор или бинарный тензор:

Первый тензор означает выбор лексического значения из множества и называется семантемой. Этот тензор идет от широкого значения к узкому, единичному ($U_1 - S$). Второй тензор означает выбор грамматического значения из множества грамматических значений, относящихся к области имени. Этот тензор идет от единичного к общему ($S - U_2$). Общими являются грамматические значения рода, падежа, числа, реализуемые в каждом конкретном случае в соответствии с употреблением данной словоформы [Скрелина 2009: 72]. Бинарный тензор показывает

движение мысли и используется для презентации изменения семантического объема слова в его конкретном употреблении.

Таким образом, данная теория представляет собой интерес, а бинарный тензор дает возможность детального анализа актуализации имени. Однако на этой теории мы не будем останавливаться подробно, поскольку она является предметом дальнейшего изучения.

Литература

Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М.: Иностранная литература, 1955.

Бородина М. А. Историческая морфология французского языка: От синтеза к анализу: учеб. пособие для фак. фр. яз. пед. ин-тов. – М.: Просвещение, 1965. – На фр. яз.

Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики: Сборник неизданных текстов, подготовленный под руководством и с предисловием Рока Вилена / пер. с фр.; общ. ред., послесл. и коммент. Л. М. Скрелиной. – изд. 4-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2010.

Катагощина Н.А., Гурычева М.С., Аллендорф К.А. История французского языка: учебное пособие. – Изд. 2-е, испр. – М.: Высшая школа, 1976.

Репина Т.А. Сравнительная типология романских языков: французский, итальянский, испанский, португальский, румынский: учебник. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1996.

Скрелина Л. М. Хрестоматия по истории французского языка: для ин-тов и фак-товиностр. яз. – М.: Высш. школа, 1981.

Скрелина Л. М. Школа Гийома: психосистематика: учеб. пос.. – М.: Высш. шк., 2009.
Serments de Strasbourg. –Paris: de l'imprimerie de P : Didot l'aîné, 1815.

ШКОЛЬНИКОВА О.Ю.

ЭВОЛЮЦИЯ ФРАНЦУЗСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В ТРАНСКУЛЬТУРНОМ И НАДНАЦИОНАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ (НА ПРИМЕРЕ ЯЗЫКА СОВРЕМЕННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ КОНГО)

Abstract: The French Language has obtained the status of the National Language since the XVIth century. During the five following centuries in view of expansion policy of France the French language has been spreading its influence over the vast territory worldwide uniting the French speaking countries in the Francophonie organisation. The subject of this paper is the language of the modern writers of Congo. We try to analyse the main characteristics of their using French: vocabulary, phraseology, play on words, grammatical forms and syntactic constructions.

Key words: Francophonie Literature, French Congolese writers. .

*Comme la diversité nous est permise
dans la francophonie,
on peut même lapider le Président
dans plus de quatre cents dialectes
que compte la République du centre.*

J.L. Malango Kitungano «Carrefour des fous du roi»

Исследователи отмечают, что «одной из отличительных черт существующих территориальных вариантов французского языка

Африки является их национально-культурная специфика»³. Это утверждение бесспорно, однако, если рассматривать французский язык современной Франкофонии с позиций истории языка, то, видимо, следует говорить о принципиально новом – наднациональном – этапе в развитии французского языка.

Французский язык был 'ввезен' в Африку в достаточно поздний период своего бытования, когда в самом языке уже сложилась единая литературная норма, именно такой вариант и стал отправной точкой его развития на африканском континенте. Будучи принудительно внедрен систематической колониальной политикой Франции, французский язык занял привилегированное место в функциональной парадигме используемых в Африке языков. Интересно, что он сохранил свою функциональную нагрузку и социальное положение и после получения независимого статуса бывшими французскими колониями.

На Африканском континенте, по оценкам разных ученых, насчитывают от 800 до 2000 языков и диалектов. Эти языки, в зависимости от уровня распространения можно разделить на языки внутриэтнического и межэтнического общения. Среди второй группы наиболее активно функционируют языки цилуба, киконго, суахили и лингала, использующиеся в местном самоуправлении, СМИ, религиозных культах и, частично, в образовании. Французский язык, являясь единственным государственным языком в некоторых странах, или государственным языком, наряду с другим европейским или местным языком, обеспечивает реализацию межгосударственного и межэтнического общения, является языком образования, информации, производственной деятельности и науки. Французский в Африке всегда был неродным языком отдельных слоев общества, престижным языком, средством продвижения по социальной лестнице. При этом, африканцы воспринимают его так же как 'свой' язык, с помощью которого они пытаются выразить свое, отличное от европейского, мировоззрение. Для того, чтобы адекватно передать африканскую культуру, среду и образ мышления, французский язык должен видоизменяться. Как отмечают авторы фразеологического словаря французского языка Африки, «...во французский язык Африки проникают лингвистические и паралингвистические элементы, связанные с внеязыковыми элементами культуры». Это происходит благодаря различным видам лингвокультурологической интерференции: концептуальной, ассоциативной, оценочной, эмотивной и поведенческой.⁴

Большой вклад в работу над языком, как всегда, вносят литераторы – писатели и поэты. В Демократической Республике Конго

³Предисловие к Словарю современной фразеологии французского языка Африки /Под ред. Ж. Баганы и А.Н.Лангнера. – М.: Флинта: Наука, 2014. – С. 20.

⁴Там же. – С. 23.

литературная традиция на французском языке начала развиваться в 50-е годы прошлого века. Основоположником конголезской литературы считается Жан Малонга (роман *Coeur d'Aryenne*, 1953 г.), крупные фигуры следующего поколения Анри Лопес, Эмманюэль Донгала и Жан Батист Тати Лутар. Как отмечал в своем интервью Ноэль Кодиа Рамата, между писателями Конго всегда существовало своего рода братство, помощь писателей старшего поколения начинающим и, следовательно, литературная преемственность.⁵ Материалом настоящего исследования послужил сборник «Конголезские хроники»⁶, в котором представлены рассказы и фрагменты романов девятнадцати современных писателей, людей старшего поколения и совсем молодых, уроженцев разных регионов Конго.

Язык каждого из них дает представление о функционировании французского литературного языка на местной почве, совокупность же текстов демонстрирует основные тенденции его эволюции.

Наиболее ярко выделяется лексический состав – присутствует множество слов, обозначающих местные реалии, как в виде фонетических транскрипций, так и в виде новообразований по латинским и французским моделям. В языке отдельных авторов в большой степени представлены англицизмы. Очень активно используется словообразование на базе французской лексики и языковая игра, на основе различных фонетических, грамматических и семантических явлений. Можно отметить также окрашенную местным колоритом фразеологию и отдельные случаи своеобразного употребления грамматических форм и синтаксических конструкций.

ЯКОВЛЕВА Е.В.

СТРУКТУРА КАТЕГОРИИ ЛИЦА

Abstract: The category of person which scientific studies begin in antique times causes various understanding of this concept. G. Guillaume opposes the language and speech nature of category of person. Also he shows a complex composition in structures of the category of person that causes a variety of understanding and interpretation of its functioning at the level of speech.

Key-words: G. Guillaume, category of the person, ideal universum, logical person.

Категория лица, научное изучение которой начинается в античные времена, до настоящего времени оказывается изученной

⁵LA LITTERATURE CONGOLAISE: HIER ET AUJOURD'HUI. – URL: <http://www.afriquedemocratie.net/la-litterature-congolaise-hier-et-aujourd'hui.html> (28.02.2017).

⁶Chroniques du Congo. Sélectionnées et présentées par Lye M. Yoka et Dominique Ranaivoson. Lubumbashi, 2012.

недостаточно и вызывает дискуссии. Структура категории лица, разработанная Г. Гийомом и его последователями, среди которых особое место принадлежит Л.М. Скрелиной, в значительной степени отличается от того, каким образом категория представлена и в теоретических лингвистических исследованиях, и в нормативных грамматиках в разделах, посвященных местоимению и глаголу. Появляются новые подходы, связанные с учетом прагматических составляющих (например [Бойко 2008: 212]), описывается значение категории лица для формирования вертикального контекста [Кузнецова 2009: 86-87]). Кроме того, выделяются новые подходы, при которых разрабатываются такие понятия, как синтаксическое лицо (работы последних лет В.А. Лаврентьева [Лаврентьев 2014: 2016]). Заметим также, что целый ряд наук, (например, психология, философия) также обращают внимание на эту категорию, хотя не вызывает, однако, сомнений, что цели и задачи, а также методология исследований и подходов в различных дисциплинах будут различаться. Г. Гийом разрабатывает лингвистическое понимание этой категории на уровне языка, хотя некоторое сходство звучания терминов, хотя и весьма отдаленное, может натолкнуть читателя на неточное понимание. На наш взгляд, такое положение вещей связано с тем фактом, что грамматическое лицо, реализуемое явно или скрыто в местоимении, имеет неоднородный, многослойный характер.

Языковое понятие лица в теории психосистематики связано, во-первых, с особым пониманием того положения, которое занимает человек в Универсуме, и, во-вторых, со своеобразной оценкой отношений, возникающих из противостояния человека и Универсума. Важно также отметить, что Универсум понимается двояко; во-первых, это реальный мир, который существует вне нас, а во-вторых, это — «идеальный универсум», имеющийся внутри нас. Для понимания становления категории лица необходимо мысленно представить, реконструировать те отношения, которые складывались у человека в период становления языка. Абстрактная работа мысли такова, что категория лица возникает только тогда, когда человек вычленяет себя из нерасчлененности и беспорядочности окружающего мира. Язык предстает прежде всего как результат и орудие познания, а не как простое средство общения (в качестве последнего язык существует и у животных, однако это не язык, созданный работой человеческого духа, разума). Чтобы произошло вычленение *Я*, необходим перехват мысли – вычленение себя как объекта. Таким образом, *Я* должно включать объектное третье лицо, которое становится и субъектным. Появление логического лица в структуре категории лица меняет концептуально эту категорию.

Психологи признают, что базисным является первое лицо, на значение которого для психики человека указывают исследования по

психической норме и патологии. Всякий акт сознания обязательно содержит осознание себя, осознание своего *Я*; даже в случаях «самозабвенной увлеченности изучением (наблюдением) внешнего объекта личность никогда не бывает абсолютно отрешенной от себя» [Дубровский 1971: 219]. Вместе с тем, другие лица также важны для человека, поскольку лишь в гармоническом взаимодействии *Я — другие* возможно нормальное функционирование человека в обществе. Можно утверждать, что категория лица всегда присутствует при сознательной деятельности.

Э. Гуссерль обращает внимание на наличие лица объективного в рамках первого лица. «Выявление моего редуцированного к собственной сфере живого тела уже отчасти знаменует собой выявление собственной сущности объективного феномена *я как этот человек* [Гуссерль 1998: 195]. При этом философы рассматривают иной аспект функционирования *Я*, они изучают, в чем состоит отличие между психологией и феноменологией, размышляя об объективном и субъективном полюсах трансцендентального субъекта. Испанский философ Х. Ортега и Гассет рассматривает скорее социальный аспект соотношения *Я-другие* [Ортега и Гассет 2000: 178].

Иными словами, идея Г. Гийома о сложном строении лица находит подтверждение в разнообразных работах. Вместе с тем дальнейшие рассуждения в рамках лингвистических исследований имеют специфическую направленность. Г. Гийом противопоставляет лицо языковое речевому. К речевым относятся 1-е и 2-е лица, между которыми разворачивается коммуникативное общение, эти лица принадлежат самому речевому акту, они включены в него. Языковым является 3-е лицо, всегда незримо присутствующее в коммуникации. На уровне речи также наблюдается функциональное различие, «что касается местоимений 3-го лица, традиционно объединяемых с местоимениями 1-го и 2-го лица, то для них более характерна анафорическая, чем собственно дейктическая функция» [Человеческий фактор, 195]. Можно привести здесь рассуждения А.А. Потебни относительно разделения *Я* на *Я* сознающее и *Я* сознаваемое [Потебня, 1958: 13], иными словами, на *Я* субъект и *Я* объект.

Традиционная грамматика греческого языка, грамматика, идеи которой наследуются всеми индоевропейскими грамматиками, выделяет 1-е лицо, 2-е лицо и 3-е лицо. Аналогичным является представление лиц в древнеиндийской грамматике, хотя лица даются в обратном порядке (1 л. = 3 л., среднее лицо = 2 л., последнее лицо = 1 л.). Таким образом уже в ранних грамматиках выявляется оппозиция 1-ел. и 2-е л. / 3-му л. поскольку первые два лица **соотносятся с личностью**, в то время как 3-е л. лишено этого признака, следовательно, 3-е л. имеет в качестве постоянной отличительной черты и постоянной функции способность представлять уже в самой форме неличный инвариант и ничего больше. Сама идея

рассматривать грамматическую категорию лица в соответствии с неким реально существующим или несуществующим лицом по сути является попыткой рассмотрения ее референциальных возможностей.

Другим важным аспектом рассмотрения этой категории является анализ 'взаимоотношений' местоимений в рамках местоименных групп: при этом рассматривается, какое из местоимений является главенствующим, какие элементы находятся в подчинении, как бы на периферии. Здесь возможно наиболее важным оказывается *когнитивный* подход к анализу системной организации местоимений.

У Г. Гийома эта идея получает дальнейшее развитие, системно применяясь к 1-му, 2-му, 3-му лицу: «За выражением 1-го лица (кто говорит) и 2-го лица (с кем говорят) <...> обнаруживается имплицитное присутствие 3-го лица (о ком говорят), которое так же, как имя и местоимение 3-го лица, субститут имени, принадлежит отношению универсум/человек, заключающему в себе все содержание языка. <...> Таким образом, 3-е имплицитное лицо оказывается наиболее устойчивым, эта устойчивость следует «из неразрывной связи малого противостояния *Человек / Человек* с великим противостоянием *Универсум / Человек*, из которого оно возникает, но от которого не отделяется» [Гийом 2010: 162]. Имплицитное 3-е лицо имеет наиболее обобщенный характер, из чего проистекают следующие выводы:

- 1) обобщенное логическое лицо лежит в основе всех лиц;
- 2) слово имеет в своей основе логическое лицо, таким образом, категория логического лица входит во все части речи;
- 3) в основе предикации лежит лицо.

В теории психосистематики понятие лица занимает центральное положение, рождаясь с появлением человеческой мысли. Категория лица в теории Г. Гийома выступает как базис для построения **языковых и речевых** единиц, поскольку опорой оказывается лицо, к которому относится значение, переданное словом.

Вычленение 3-го лица из бесконечности и хаоса универсума — это первый шаг на пути создания языка. Завершается этот процесс появлением *Я*. В системе отношений с универсумом человек трижды противопоставлен ему: как неповторимая конкретная мыслящая единица, как социальная единица и как человек вообще, в отвлечении от конкретных его черт. Именно такое понимание позволяет увидеть общее в философских и психологических подходах, о которых мы писали ранее.

Очевидно, что для психосистематики Г. Гийома свойственно рассматривать логическое (3-е лицо) как основное. На логическом лице (в скрытом виде) покоится имя существительное. Подтверждение этого, на первый взгляд, парадоксального суждения находим у С.Н. Булгакова: «*Всякое наименование содержит скрытое экзистенциональное суждение, в котором констатируется мистический акт выхода субъекта в*

космос или вхождение в него космоса, соприкосновение сознания и бытия» [Булгаков 1998: 77]. Имя существительное самодостаточно, поскольку оно именуется своим существованием. В глаголе имя имеет выраженный морфологический характер, оно присутствует при глаголе явно. Логическое лицо всегда присутствует в акте предикации, думается, что это — база предикации. Так как в имени существительном логическое лицо заложено в основе, то необходимость появления эксплицитного лица не обязательна, как следствие, возникает возможность существования предложений, выраженных одним существительным, в таком типе происходит тождество субъекта и предиката.

Для отношений Человек/Универсум свойственно два типа отношений. С одной стороны, отношение Универсум/Человек имеет количественный, количественный характер, когда мы рассматриваем необъятный Мир и точку в нем – человека; с другой стороны, это отношение имеет качественный, качественный характер, когда мы рассматриваем производное от данного ментального пространства, то есть отношение Универсальное / Частное».

Литература

- Бойко Г.И. Категория лица как репрезентант системы ценностных ориентаций // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2008. – № 2 (58). – С. 212-219.
- Булгаков С.Н. Философия имени. – СПб.: Наука, 1998.
- Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики / Пер. с франц. — М.: Изд-во ЛКИ, 2010.
- Гуссерль Э. Картезианские размышления. — М.: Наука, Ювента, 1998.
- Дубровский Д.И. Психические явления и мозг. – М.: Наука, 1971.
- Лаврентьев В.А. Синтаксическое лицо как одна из основных категорий предложения // Слово. Словесник. Словесность: материалы Всероссийской научно-практической конференции преподавателей и студентов/ Отв. ред: Ю.А. Южакова. 2014. – С. 214-218.
- Кузнецова Т.Я. Категория лица в формировании и организации вертикального контекста // УНИВЕРСУМ ЯЗЫКА И ЛИЧНОСТИ: сборник статей по мат. науч. конф. с межд. участием. /отв. ред. Л.Г. Викулова. –М.: МГПУ, 2009. – С. 86-90.
- Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. Пер. с исп./ 2-ое изд. — М.: Изд-во «Весь мир», 2000.
- Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. — М.: Учпедгиз, 1958. – Т.1, 2.

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

БАБИЧ Е.В.

КАТЕГОРИЯ ТЕАТРАЛЬНОСТИ В ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ

Abstract: The report briefly reviews some means of representation of theatricality defined by scriptness, ritualism, metaphoricity and symbolism. Through the example of multimodal literary fiction the report emphasizes an affecting and meaning-generating potential of the verbal and iconic imagery that accumulates an intentional and emotional-semantic dominant of the text. An attractive function of such theatricality elements as positioning, gesticulation, and grotesqueness is being analyzed.

Key-words: theatricality, multimodal literary fiction, emotional-semantic dominant, literary communication.

Вопросы семиотики театральности рассмотрены в работах таких ученых, как Ю.М. Лотман, Г.Г. Почепцов, Б. Успенский, У. Эко и других. Известный режиссер и теоретик театра 20-х годов XX века Н.Н. Евреинов занимался исследованием идеи «театральности жизни». Режиссер рассматривал театральность с точки зрения психологии, социологии, философии и других наук, полагая, что это важнейший элемент создания художественного произведения. Семиотику театральности как презентационную форму дискурса подробно анализирует в своей монографии А.В. Олянич. Театральность в литературе также рассматривается как знаковая модель построения или имитации реальности. Границы между искусством и жизнью в жанре романа варьируются в зависимости от исторического контекста. В рамках воспроизводимого художественного мира роман дублирует действительность с учетом господствующих конвенций, т.е. ракурса восприятия окружающего мира. Театральность выступает средством отделения изображения от изображаемого объекта. Важнейшим компонентом театральности называется зрелищность, способность воздействовать на коммуниканта через сенсорно-перцептивные процессы [Борботько 2014].

В период распространения книжного иллюстрирования зрелищность в жанре нарратива реализуется с применением средств визуализации. Такой распространенный композиционный прием, как «роман в романе», обретает новую форму – «иллюстрированный роман», в котором художественные образы овеществляются за счет наличия

надстроенной иконической информационной системы. Визуальность становится компонентом построения художественного мира, поэтому в этот период и появляется новый вид сотворчества, объединяющий в себе разные способы передачи ценностных смыслов, адресатом которых является массовый читатель. Стремление запечатлеть все возможные детали связывается с возникновением новой проблематики эпохи – отражением драматизма современности, неповторимого облика времени. Такой вид сотворчества формируется с учетом потребности в сокращении коммуникативной дистанции между автором и читателем. Популяризаторами этого приема стали У. Теккерей и Ч. Диккенс, при этом, первый иллюстрировал свои произведения сам, а второй строго рецензировал каждую иллюстрацию, выполняемую для него художниками, среди которых Х.Н. Браун, известный под псевдонимом Физ, считается наиболее успешным. Задача художника состоит в том, чтобы посредством языка художественного мышления осуществить перекодировку вербального сообщения в сообщение иконическое. На изображениях перед читателем-зрителем разворачиваются ключевые сцены повествования, которые служат также ориентирами коммуникативного пространства художественного текста.

Особый интерес вызывает воздействующий потенциал иконического художественного образа, концентрирующего интенциональную и эмоционально-содержательную доминанту текста. Достаточно вспомнить еще один пример успешного сотворчества – рассказы А. Конан Дойла о Шерлоке Холмсе, выпускаемые иллюстрированным журналом *The Strand Magazine* с 1891 г. по 1905 г. с иллюстрациями Сидни Пэджета (всего было выпущено 37 рассказов в 356 иллюстрациях). Известно, что первые рассказы были опубликованы немногим ранее и без иллюстраций. Успеха у читательской публики эти рассказы тогда не имели. Затем в 1887 году рассказ «Этюд в багровых тонах» публиковался издательством *Ward Lock & Co* с иллюстрациями Чарльза Дойла, отца А. Конан Дойла, и позднее – с иллюстрациями Джорджа Хатчисона. Но и тогда сыщик, изображенный полноватым джентльменом без особых отличительных особенностей, не привлек внимания читателя, да и сам А. Конан Дойл не был этим образом вполне удовлетворен. Решающим для успешности предприятия фактором становится привлечение к работе Сидни Пэджета, который сумел изобразить Шерлока Холмса таким, каким его видел автор, и каким его знает и современный читатель. Иными словами, словесный образ оставил читателя едва ли не равнодушным, а в сочетании с творчески выверенным иконографическим образом – покорило. Кроме того, известно, что художники, иллюстрировавшие эти рассказы в более поздних изданиях, вынуждены были брать за основу созданный С. Пэджетом образ, поскольку иных вариантов читательская аудитория

не принимала. О масштабности созданного образа и его значимости для современной массовой культуры говорит, в том числе, и тот факт, что истории с его участием насчитывают более 200 экранизаций. Примечательно, что исследователями иконографических особенностей этого цикла рассказов отмечается, что С. Пэджет повлиял на Холмса в той же мере, что и Х.Н. Браун на Пиквика Ч. Диккенса [Montgomery 1984].

Создаваемые в результате совместного творчества образы вплетаются в общее повествование, закрепляются в сознании читателя единым организмом целостного произведения. Возвращаясь к театрализации художественного пространства как способу его построения отметим, что лингвосемиотические проявления театральности фиксируются в специфических артефактах, символах и жестах, и характеризуются рядом параметров, среди которых наиболее очевидны *сценарность, ритуальность, условность, метафоричность и символичность* [Олянич 2007].

Сценарность задает определенный лингвосемиотический алгоритм. Он включает описание событий (сюжет), время действия (хронология периодов происходящего события), место действия (мизансцены), номинации персонажей, их тексты (монологи), визуальное оформление места действия (декорации). Художественный текст, вмещающий и комбинирующий знаки разной семиотической природы, позволяет более целенаправленно воздействовать на участников коммуникации. Сценарность как программа моделирования повествования включена в алгоритм построения эмоционально-смысловой доминанты текста. В частности, содержащиеся в тексте иллюстрации, образуют вместе с вербальным текстом сценарную рамку повествования. Подобная архитекtonика предполагает вовлечение в процесс интерпретации текста некоторых опорных аттрактивных единиц, в качестве которых выступают прецедентные образы и феномены. Это связано с тем, что понимание воспринимаемого текста связано «не с вычерпыванием из него заложенных автором смыслов, а с активным процессом порождения собственных смыслов на основе воспринятого» [Сонин 2006: 89]. Такие единицы мы полагаем возможным называть *аттракторами*, т.е. элементами текста, концентрирующими в себе его эмоционально-смысловую доминанту. Аттрактор способен задавать путь интерпретации текста, а также привлекать к его толкованию иные смысловые элементы, связанные с доминантным смыслом. Такой элемент может явиться средством преодоления когнитивной лакунарности текста, но может явиться и ее источником. Прецедентный иконический образ функционирует в тексте по принципу внутритекстовой рекуррентности (повторяемости), обеспечивая связность и цельность вербально-иконического повествования. Для прецедентных феноменов характерна затектовая

рекурсивность и автореферентность. Благодаря «ссылке на себя» такой элемент привлекает к толкованию текста множество дополнительных значений, закрепившихся за ним в социокультурной среде.

Параметр *ритуальности* соотносим со сценарностью, с той разницей, что сценарность определяет рамки, границы повествования, т.е. задает его форму, а ритуальность фиксирует и его содержание исходя из общепринятых социокультурных установок. Для ритуальности характерна большая сакрализация, в связи с чем, нарушение ритуальности приводит к ценностным конфликтам. Ритуальность реализуется посредством вербальной и невербальной демонстрации социальной и национальной идентичности персонажей. Провокационная инспиративность театрального дискурса включает в себя риторическое манипулирование национально значимыми концептами. К числу таких концептов в английской лингвокультуре относится концепт *честь*. Отмечается, что концепт *честь* составляет одно из важнейших ментальных образований в оценочной картине мира, специфически проявляясь как апелляция к моральному стандарту поведения. [Карасик, Ярмахова 2006]

Для примера обратимся к отрывку из второй главы романа Ч. Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба» (ему соответствует иллюстрация под названием *Dr. Slammer's Defiance of Jingle*). По сюжету Альфред Джингль, странствующий актер-шарлатан, оказался вовлечен в публичный спор с неким доктором Слеммером, вызвавшим затем Джингля на дуэль. Концепт чести, как следует из текста, закреплён за определенными слоями общества (*the aristocracy of the place <...> were thus preserving their dignity*), тогда как остальные всего только подражают их примеру (*the other classes of society were imitating their example*), кроме того, подчеркивается оппозиция большей и меньшей важности (*less aristocratic – less important*). Поскольку доктор Слеммер именно такой «менее важный» гость (*One of the most popular personages, in his own circle*), старающийся соответствовать всем положенным нормам, особенное оскорбление ему наносят действия Джингля, нарушающие ритуальность дуэльного дискурса. Незнакомец театрален в движениях, в жестах (*gazing with an air of respectful and melancholy admiration; a little introductory pantomime; imperturbable rival*); его действия также графически выделены, как и его речь (*a smile – a bow – a curtsey – a few words of conversation*), через перечисления и тире. При внешнем соблюдении формального сценария развития событий, Джингль иронически оценивает действия оппонента, попытавшегося вручить тому свою карточку (*Slammer – much obliged – polite attention – not ill now, Slammer – but when I am – knock you up.*), окончательно нарушив стандарт поведения. Бурная реакция доктора Слеммера (*indignant little man; his indignation choked him*), используемая им экспрессивная лексика

(*You – you're a shuffler, sir,' gasped the furious doctor, 'a poltroon – a coward – a liar – a – a – will nothing induce you to give me your card, sir!*) иллюстрирует значимость для него несоблюдения ритуала.

Нарочитость или *условность* проявляется в интенции иллюстратора «продемонстрировать» некоторое событие читателю: позы персонажей, строение тел, выражения лиц, детали одежда, жесты и т.д. Эта характеристика связана с карикатурностью изображаемых персонажей. Аттрактивная функция театральной нарочитости реализуется за счет расширения средств демонстрационного воздействия на зрителя. Карикатурность позволяет преувеличивать ровно в той мере, в какой это необходимо для передачи эмоционально-смысловой доминанты текста.

Метафоричность проявляется на вербальном и визуальном уровнях: речь идет о метафорах оформления (декорации, освещенность/затененность, артефакты); метафорах пантомимы (язык телодвижений персонажей); метафорах мизансцены (когда мизансцена прочитывается как обобщенный образ, как знак какой-то идеи) и метафорах в постановке и расположении персонажей (когда многомерный образ создается за счет подражания персонажа реальному человеку, например, хорошо знакомому читателю деятелю, или даже животному или неживому предмету).

Драматургический подход к художественной коммуникации позволяет рассматривать ее как *символическое* взаимодействие: оно происходит на сцене (изображении), осуществляется актерами (персонажами), преследующими определенные цели, и включает совершение действий с использованием различных коммуникативных средств. Символичность позволяет передавать дополнительные смысловые объемы, расширяя интерпретационные возможности текста. Посредством символов осуществляется трансляция культурных кодов. Такие коды включают в себя игру слов с отсылками к прецедентным высказываниям и именам. В той же мере, что и вербальный текст, иллюстрация может содержать отсылку к прецедентному тексту, ситуации, имени и значимому артефакту.

Литература

Борботько Л.А. Категории театрального дискурса как институционального образования // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. – 2014. – 3 (23). – С. 113–122.

Карасик В.И., Ярмахова Е.Н. Лингвокультурный типаж «английский чужак». – М.: Гнозис, 2006.

Лотман Ю.М. Текст в процессе движения: автор - аудитория, замысел - текст // Семиосфера. – СПб.: Искусство, 2000. – С. 353-365.

Олянич А.В. Презентационная теория дискурса: монография. – М.: Гнозис, 2007.

Сонин А. Г. Моделирование механизмов понимания поликодовых текстов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. – М., 2006.

Dickens C. The Posthumous Papers of the Pickwick Club. – London: Chapman and Hall, 1837.
Montgomery J. A Study in Pictures. – New York: Magico Magazine, 1984.

BOCHKAREV A.E.

DU CÔTÉ DE CHEZ PROUST : DU VÉGÉTAL À L'ÉSTHÉTIQUE

Abstract: The article is devoted to various representations of the floral motif in Marcel Proust's work. This text rather deals with the relation of the floral to the aesthetic. Ambiguous as it may seem, the interaction between the floral and the aesthetic is largely defined by the encyclopedic knowledge, and even by the cultural implications imposing themselves with the rigor of a structural scheme.

Keywords: transposition, structural scheme, encyclopedic knowledge, implications.

Mon discours est consacré à diverses représentations du motif fleural dans l'œuvre proustienne. S'il est peu naturaliste de principe, le choix du thème botanique n'est pas pour autant fortuit. Comportant une bonne centaine de noms de fleurs, l'univers botanique de la *Recherche* a bel et bien remplacé, au moins sur le plan quantitatif, ce qui était l'Animal pour Balzac. Placée sous le signe du thème végétal, ne serait-ce que dans le contexte de la fameuse division de l'histoire naturelle en sociétés végétalistes et/ou animalistes, l'œuvre proustienne est de plus en plus encline à suivre les « lois secrètes » des plantes (Goethe). De toute façon, Marcel Proust est net quand il compare la germination de son œuvre avec l'ensemble des phénomènes par lesquels une graine développe son embryon et donne naissance à une nouvelle plante : *...la graine mettant en réserve tous les aliments qui nourriront la plante. Comme la graine, je pourrais mourir quand la plante se serait développée <...> Une vocation. <...> les souvenirs de ses tristesses, de ses joies, formaient une réserve pareille à cet albumen qui est logé dans l'ovule des plantes et dans lequel celui-ci puise sa nourriture pour se transformer en graine, en ce temps où on ignore encore que l'embryon d'une plante se développe, lequel est pourtant le lieu de phénomènes chimiques et respiratoires secrets mais très actifs* [Recherche, t. 4: 478].

Certes, l'image botanique est tellement attirante qu'il est impossible de ne pas succomber à une tentation mimétique. L. Spitzer parle de la phrase proustienne en termes botaniques : « Un autre élément retardant, qui étend la période, est la RAMIFICATION <...> Cette *perpétuelle division cellulaire* pourrait se prolonger à l'infini, si la volonté d'ordre et de forme de l'artiste n'y mettait un frein, en opposant à la *division* l'unification, la *fusion* [Spitzer 1970 : 417]. J.- P. Richard nous invite, lui aussi, à regarder du côté des plantes et des arbres pour constater : « Le rameau se vit comme *l'accroissement sans rupture*, et en même temps comme *la division*, l'infinie démultiplication du jet, de la tige première. <...> Le *ramifié* obéit ainsi, en même temps qu'au thème de la *division*, à celui d'une *superposition* internes des niveaux » [Richard 1974 : 117–118]. Et G. Deleuze explique le sens secret de la « métaphore des boîtes et des vases clos », à partir de la sexualité végétale. Selon le critique, elle prend son sens, « si l'on considère que les deux sexes sont à la fois présents et séparés dans le même individu : contigus, mais cloisonnés et non

communicants, dans le mystère d'un hermaphroditisme initial. *C'est là que le thème végétal prend tout son sens<...>il en est comme pour les plantes* » [Deleuze 1986: 163–164, 166, 210].

Effectivement, dans l'œuvre proustienne, tout est sujet de cette métamorphose-*germination* : les êtres humains, les objets physiques et les phénomènes naturels. Elle change les plantes et les arbres et va même jusqu'à transformer les images d'Albertine, si multiples et si différentes soient-elles, en une véritable « multiplication d'elle-même » [Recherche, t. 3 : 577]. Sous le regard attentif de Marcel, la jeune fille endormie se métamorphose en une plante inconnue, sinon en un paysage nocturne sur la grève. Animée de « la vie inconsciente des végétaux », son beau corps allongé se transforme en *longue tige*, le murmure en *brise*, la respiration en *zéphir marin*, le sommeil en *clair de lune*, la chevelure en *arbres lunaires grêles et pâles*, et le ventre en *horizon quand le soleil a disparu* [Recherche, t. 3: 578-583].

Comme le thème botanique va d'extension en extension, il se rapporte non seulement à l'ensemble des plantes connues, mais aussi à d'autres classes de dénotés selon le principe : n de la classe d'objets $A \rightarrow n-1$ de la classe d'objets B . En témoignent plusieurs métamorphoses que subissent les plantes, notamment les transpositions du végétal au vestimentaire, du végétal au corporel, du végétal au culinaire, du végétal au catholique, du végétal à l'esthétique, etc.

Sans prétendre à l'exhaustivité, d'ailleurs impossible pour une étude si lapidaire, examinons plus particulièrement le rapport du végétal à l'esthétique. Tout ambigu qu'il puisse paraître, ce rapport est en grande partie orienté par les connaissances encyclopédiques antérieures à l'œuvre, voire les implications culturelles qui s'imposent avec la rigueur d'un schème structural.

Certes, l'art puise souvent dans les formes du règne végétal. A l'époque où les motifs d'inspiration florale abondent dans la production de l'Art nouveau, de nombreux albums de planches botaniques (celles que Christopher Dressler avait dessinées, en 1856, pour sa Grammaire d'ornement ou celles d'un manuel de botanique de Gaston Bonnier que Marcel Proust avait certainement consultées) connaissent un succès retentissant. Notoirement reconnues, les formes végétales enthousiasment à tel point que Louis Majorelle déclare avec fierté : « Mon jardin est ma bibliothèque ».

C'est du côté des arbres et des plantes que les artistes modernes retrouvent leur source d'inspiration. Emile Gallé exploite la texture de l'arbre dans ses vases et meubles « naturalistes », Victor Horta conseille au jeune Hector Guimard de se tourner directement vers la structure logique d'une fleur, August Endell examine attentivement la forme des racines et le grain de l'écorce, chaque nœud et chaque torsion de la matière végétale. Et Rémy de Gourmont déclare en connaisseur : « C'est la feuille <...> qui enrichira de stylisations nouvelles le nouvel art décoratif <...> C'est dans les bois, les prairies et les potagers qu'il faut tenir les écoles d'art décoratif » [Gourmont 1907 : 212, 213].

Partout, la fleur figure en leitmotiv favori : dans une reliure de Grasset et un ornement de livre de Beardsley, le papier peint « Pimpernel » de Morris et une étoffe tissée par Liberty et Cie, un bureau nénuphar de Majorelle, une entrée du Métropolitain de Guimard et ces peignes de Lalique « dont le fronton sourit de tubéreuses, ou de marguerites, ou d'un bouquet de fleurs de cerisier » [Gourmont 1907 : 213].

En parfait accord avec les sentiments naturalistes de l'époque, les textes de Proust adhèrent également aux pathos formulae en cours. Si évidemment typique pour l'Art nouveau, l'attraction sympathique de la nature se manifeste dans l'aspect fleurissant des flacons-fleurs (CSB, p. 444) et le vase d'inspiration végétale [Recherche, t. 4 : 289], la reliure à décor floral (Recherche, t. 2 : 126) et le dessin du papier peint [Recherche, t. 1 : 417], l'organisation des jardins d'hiver et l'arrangement des fleurs dans les salons [Recherche, t. 1 : 582, 583–584].

Plus l'adepte de Ruskin rêve d'un état proche de la nature, plus les formes phénoménales sont invoquées en analogon des formes naturelles. De sorte que le ramifié, le fleuri et le feuillu (J.-P. Richard) s'imposent à tel point que le nom de Parme se mêle au *reflet des violettes*, Florence apparaît comme *une ville miraculeusement embaumée et semblable à une corolle* [Recherche, t. 1 : 381], les myosotis du vitrail fleurissent au soleil, les motifs sculptés s'inspirent de la végétation du pays, tandis que le bois des stalles de la cathédrale d'Amiens se ramifie en poussant, à l'instar d'un arbre (CSB, p. 87).

Inversement, le végétal est régulièrement connecté, lui aussi, à divers domaines esthétiques, sans trop surprendre le lecteur, car la relation inverse est aussi possible. Mieux encore, la formule esthétique est manifestement pertinente pour agir en véritable schème de typification. Plus elle s'interpose entre le sujet et l'objet de contemplation, plus elle influence l'appréhension du monde. De sorte que les formes naturelles en deviennent complètement changées. Décidément, elles ne sont belles qu'à condition qu'elles passent pour un analogon de telle ou telle formule d'exemplification: le paysage normand est admiré à travers un cloisonné, un paravent ou des bois gravés japonais (Recherche, t. 1 : 167); le ciel brumeux passe pour *un beau Turner* [Recherche, t. 1 : 818]; les fleur schampêtres évoquent *le motif d'une tapisserie* [Recherche, t. 1 : 137]; le jardin de Combray se déploie, dans une tasse de thé, *comme ces petites fleurs en papier japonais* [Recherche, t. 1 : 697]; le côté de Guermantes se présente comme *un type de paysage de rivière* [Recherche, t. 1 : 133]; les pommiers en fleurs ont presque tout d'une *poésie éblouissante* (Jean Santeuil, p. 278); de magnifiques pommiers de Normandie se détachent au bord de la mer *comme sur un paravent japonais* [Recherche, t. 2 : 511]; un beau lilas frais rivalise de préciosité avec un vase d'Orient (Jean Santeuil, p. 325); les pétales d'aubépines apparaissent si *beaux, et uniques dans leur genre*, comme s'ils étaient réellement marqués d'un véritable sceau d'art [Recherche, t. 1 : 852]; l'admiration ressentie devant un rosier blanc est analogue au plaisir esthétique provenant d'un magnifique Van Dyck (Jean Santeuil, p. 472).

Comme il ne s'agit de rien d'autre que de convertir les signes de la réalité en signes artistiques, c'est la beauté esthétique qui fonde désormais la vérité suprême des formes naturelles qui attirent moins pour elles-mêmes que pour les analogies inspiratrices. Et Proust aurait volontiers répété après Wilde que la vie imite l'art bien plus que l'art n'imite la vie.

Pour autant, il n'est certes pas question de renouveler l'image d'un art ou d'un artiste particulier, encore moins d'élaborer une classification quelconque, mais d'adhérer à l'Idée de l'Art en général. Comme le souligne A. Henry, « l'objet de démonstration vise le statut de l'œuvre d'art, non tel univers pictural ou telle technique particulière » [Henry 1983: 68, 281]. Et les styles et les noms d'artistes se confondent, tandis que tel ou tel monument d'architecture intéresse moins par son historicité que par les multiples analogies esthétiques qu'il induit dans cette éternelle quête de l'essence. Or, retrouver les *Nymphéas* de Monet dans les plantes de la Vivonne, dire *un beau Turner* pour le ciel, admirer la plage de Balbec en peintre-impressionniste, découvrir l'effet décoratif dans la disposition symétrique des branches et des feuilles, s'extasier sur le dessèchement des tiges posées *en des arabesques*, toucher les pétales de fleur comme si c'était une étoffe précieuse de Fortuny, c'est c'est recourir à quelques traits signalétiques d'une formule esthétique idéale et accéder ainsi au schème structural universel : cette *formule révélatrice d'une vérité esthétique enfin conquise* [Recherche, t. 1: 721, 861].

Sémiotiquement parlant, il s'agit des transpositions des signes d'un système de signification en signes d'un autre système de signification. Quoique ambiguë pour le bon sens, la transposition n'en est pas moins convaincante, au moins sur le plan sémantique, puisqu'elle se conforme aux lois de transposition d'un système de signification en un autre. Du moment que les connexions métaphoriques dépendent nécessairement de l'existence, dans la langue, des classes sémantiques distinctes, aubépine peut être métaphorisé par 'intervalle musical', 'pommier' par 'paravent japonais', pour cette simple raison de principe qu'il n'y a pas d'autres classes d'objets auxiliaires qui puissent exprimer le sens que ces objets véhiculent.

Littérature

- Deleuze G. Différence et répétition. – Paris: P.U.F., 1972 (réédition: Paris : P.U.F., 1985).
Gourmont R. de. Sur l'Art nouveau // Le problème du Style. – Paris: Société du Mercure de France, 1907. – P. 203–215.
Henry A. Proust romancier. Le tombeau égyptien. – Paris: Flammarion, 1983.
Richard J.-P. Proust et le monde sensible. – Paris: Seuil, 1990.
Spitzer L. Le style de Marcel Proust // Etudes de style. – Paris: Gallimard, 1988. – P. 397–473.

Sources

- Proust M. A la recherche du temps perdu: en 4 vol. / Ed. publiée sous la direction de J.-Y. Tadié. – Paris: Gallimard, 1987–1989.
Proust M. Jean Santeuil/ Ed. établie par P. Clarac. – Paris: Gallimard, 1971.

ДОРОГАЙКИНА Е.М.

ЖАНР БЕСТИАРИЯ КАК СПОСОБ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЗООМОРФНОЙ КАРТИНЫ МИРА

Abstract: The paper presents the bestiary genre as a way of the presentation of a zoonymic picture of the world of the Middle Ages. Zoonyms in the diachronic text have symbolical importance. The article contributes to the development of history of language, cultural science, literary criticism and foreign literature, intending for language history courses at foreign language faculties.

Keywords: zoonyms, diachronic text, Bestiary, symbolical word meaning.

Способы номинации животных в художественном тексте, их семиотика и символика продолжают оставаться в центре внимания лингвистов XXI века. О большом интересе к рассмотрению номинаций и репрезентаций животных в литературных текстах разных эпох свидетельствуют вышедшие за 2012-2016 гг. сборники научных статей «Бестиарий» — ежегодной научной конференции, занимающейся проблемами, связанными с осмыслением бестиария как семиотической системы в литературе и живописи. В работах А.В. Нестерова, А.В. Устинова, О.В. Субботиной и И.В. Ершовой и др. обсуждаются факты и гипотезы о животных, посвященные актуальным вопросам семантики, семиотики, символики животных различных времен и другие бестиарные темы.

Упоминание различных животных или их описание мы встречаем в романах при описании поля боя, королевских покоев, двора, городов, сельской местности. Животные называются с использованием прямых номинаций, метафорически, имеют собственные имена, символизируют многие человеческие качества и поступки.

Изучаемый период – период развития французского письменнo-литературного языка относится к наиболее спорным и сложным вопросам в языке и характеризуется тем, что имеет много лингвистических особенностей, рассматривает многие факторы языкового развития [Скрелина, Становая 2005: 403]. Зоонимическая картина мира, представленная в художественных текстах изучаемого периода характеризуется большим разнообразием. Необходимо отметить, что в данный период специфика и функционирование текстов в значительной мере определяются спецификой жанровой системы, которая объясняет многие их особенности [Игнатьева 2001: 75]. Признается жанрово-центрический подход при изучении материала. О необходимости данного подхода к изучению диахронической литературы говорили такие ученые, как А.Н. Веселовский, А.Д. Михайлов, Г.Н. Пospelов, В.П. Григорьев, С.С. Аверинцев, Л.А. Становая, Т.Г. Игнатьева и другие.

Согласно медиевисту У.Эко, зарождаются новые культы и предпринимаются попытки упорядочить христианство с богословской точки зрения, создаются своды знаний о природе. Из источников рождаются энциклопедии, главной основой которых является накопление материала: в них сводятся воедино сведения о животных, травах, камнях, экзотических странах, причем не проводятся различия между сведениями проверенными и легендарными, не делается попытки привести все в порядок. Так появляются первые бестиарии [Эко 2015: 129-130].

Наиболее древним жанром литературы о животных в данный период является жанр бестиария. *Бестиарии* — средневековые сборники зоологических статей (с иллюстрациями), в которых подробно описывались различные животные, чаще вымышленные, мифологические. Классические бестиарии назывались «*Bestiarum vocabulum*», что буквально означает «Слово о животных». Обычно стихотворный или прозаический текст этого жанра о животных (от лат. *bestia* – зверь) сопровождался картинками, а все вместе смешивало реальный опыт с фантастическими существами или объяснениями, претендующими на научную истину и истолковывающими повадки животных в иносказательном смысле. Их реальное содержание было самым разным, зачастую даже не связанным с животными. Там же попадались тексты о птицах, камнях и даже рецепты целительных зелий. Трактаты по естественной истории обычно сопровождалась какой-либо поучительной христианской притчей. Все имена и названия обязательно имели некий священный смысл. Таким образом, бестиарии были еще и словарями символического 'языка животных'. Еще одной интересной особенностью бестиариев было то, что иллюстрации рисовались художниками, большинство из которых ни разу в жизни не видело таких животных. Кто-то, конечно, мог заявить, что однажды встретил ночью у своего дома василиска, однако смертельный взгляд монстра не подействовал из-за темноты. Но это сильное преувеличение — в большинстве случаев облик представителей волшебной фауны воссоздавался по их смутному текстовому описанию [Попов 2005].

Бестиарии представляли собой солидный средневековый фолиант в потрескавшемся кожаном переплете. Бестиарии такого вида появились в XII веке (Франция, Англия) и быстро завоевали популярность благодаря богатым иллюстрациям и интересным статьям. По своей сути они являлись компиляцией древних текстов. Бестиарии письменные впоследствии вдохновляли бестиарии скульптурные, особенно характерные для романского искусства. Самые ранние сборники под этим названием появляются в первой половине XII века. Немалый вклад в содержание бестиариев был сделан крупными церковными деятелями – архиепископом Исидором Севильским и

епископом Амбросием. Приблизительно с XIII века основной функцией «Слова о животных» стало нравоучение. На правдивость излагаемых сведений никто не обращал внимания. Подавляющее большинство читателей искренне верило в написанное.

Общеизвестно, что сохранилось около 50 средневековых бестиариев. Самым старым считается бестиарий из шотландского города Абердин (предположительно XII век, возможно, даже старше), впервые упомянутый в книжной описи 1542 года. Для примера представим краткое описание свойств некоторых обитателей бестиариев XII-XV вв. Например, *казарка* — дикий гусь, растущий на деревьях. Когда птица достигает достаточных размеров, она отваливается от ветки и падает. Если дерево растет над водой, казарка уплывает в целости, а если над землей — разбивается насмерть. Считалось, что зерно истины в бестиариях все же было. Чисто научные наблюдения тех времен, попавшие в эти тексты, например, исследование сезонной миграции птиц, оказывались среди выдумок и были заново открыты лишь сотни лет спустя. Парадная разукрашенность бестиариев и изысканные посвящения, сохранившиеся на первых страницах, свидетельствуют о том, что это чтение предназначалось для высших слоев знати и духовенства. Они были образованы в достаточной степени, чтобы оценить предлагаемые им аллегории зверей. Наука, которая занималась бестиариями, называлась *геометрией* – описание земли и существ, ее населяющих. В курсе геометрии излагались географические и космографические сведения, почерпнутые, например, из Орозия (V в.), читались Шестодневы (толкования библейского рассказа о творении мира) и бестиарии [Попов 2005].

Для бестиариев характерно преобладание символического взгляда на мир, вытеснившего натурфилософский подход. Символизм, который был важным элементом средневекового мировоззрения, усиливает тенденцию нравственно-аллегорического толкования природы.

Необходимо обозначить, что бестиарии представляли собой переложения популярной на Востоке христианского мира книги «Физиолог», относящейся к IV веку н.э. – компиляции учений о животном мире с теологическими комментариями. Согласно многим ученым, «Физиолог» («Physiologus») – это памятник коллективного творчества, который исследуется учеными более 200 лет. Автор, время и место составления «Физиолога» неизвестны. Принято считать, что сочинение создано в египетской Александрии. Хорошо исследована дальнейшая литературная история физиолога, его переводы и переложения. «Физиолог» состоит из 49 отдельных статей о некоторых реальных и мифических существах, в своих описаниях привязанных к богословским

толкованиям (некая христианская зоология), иллюстрирующим новые идеи, нравственные установки, переводящие данных животных в категорию символов. Первые исследователи разделяли «Физиолог» на две части: первая – описание животных и их свойств, вторая – символические толкования этих свойств. «Физиолог» предстает посланием от наставника к посвящаемому, где под видом занимательных историй о животных говорится совсем о другом. Автор «Физиолога» посредством отнесения к животным говорит о поступках людей. Ученые называют это произведение христианским бестиарием [Юрченко 2001: 5-6,17; Ванеева 1996: 5-6; Эко 2015: 130].

По мнению У. Эко, «Физиолог» написан на греческом языке в Сирии или Египте между II и IV веком н.э., затем переведен и пересказан на латыни, эфиопском, армянском и сирийском языках. Ученый считает, что все средневековые бестиарии восходят к «Физиологу». У. Эко предполагает, что в трактате дается точное описание животных, хорошо знакомых автору, а необузданная фантазия автора проявляется там, где речь заходит о животных, известных ему только понаслышке. В «Физиологе» заключено свое представление о форме мира, хотя довольно смутное: все существа вселенной возвещают о Боге, следовательно, каждое животное с точки зрения его формы и поведения надлежит рассматривать как символ высшей реальности [Эко 2015: 130].

В русской версии «Физиолог» также состоит из отдельных небольших глав числом до 50, дающих описание животных и птиц, насекомых, минералов и т.д., перечисление их особенностей и свойств, с символическими толкованиями (свойства зверей, например, сопоставляются с христианскими добродетелями). В «Физиологе» попали такие животные, как феникс, сирены, кентавры, горгона, единорог; перечисление свойств остальных животных и особенно символические толкования переносят читателя в совершенно сказочный мир. «Физиолог» пользовался авторитетом в Московской Руси в XVII в. Славянские переводы «Физиолога» сохранились только в русских списках.

На Западе Европы «Физиолог» пользовался большой популярностью. В XIII в. он был переведен с латинского на национальные языки Европы и вошел в состав средневековых энциклопедий; символическая сторона его при этом ослабевает, сам «Физиолог» принимает форму естественно-научного труда.

Некоторые ученые считают, что «Физиолог» («Physiologus») – произведение поздней Восточной Империи, которое, в свою очередь, унаследовало иранские и индийские традиции. Автором «Физиолога» они считают неизвестного писателя, временем его создания – примерно II—III век н.э. Согласно такой теории, этот труд, в свою очередь, основывался на более ранних книгах. Прежде всего — на *Historia Animalium* («История животных») Аристотеля, написанной им во время

визита на остров Лесбос в 343 году до н.э. Местные рыбаки регулярно приносили великому ученому всякую морскую живность, которая и вдохновила его на создание зоологического справочника. «Физиолог», хотя и основывался на трактатах Аристотеля, Геродота, Плиния Старшего, Солина и Элиана, был стопроцентно христианским и очень далеким от истины. Именно с него пошла традиция 'зоологической аллегории'. Сообщалось, например, что львята рождаются мертвыми, и лишь на третий день лев — очередной образ Христа — оживляет их дуновением в ноздри (аналогично, человек рождается мертвым, пока он не крещен) [Попов 2005].

В России в XIX веке «Физиологом» занимался ученый А. Карнеев. В своей работе «Материалы и заметки по литературной истории «Физиолога» 1890 г. он установил, что язык древнейшей редакции «Физиолога» указывает на болгарское происхождение перевода, сделанного до XIII в. Сказания «Физиолога» отразились на некоторых древнерусских текстах в разных сборниках, отчасти также в народно-поэтических произведениях. Физиологическая символика проникла и в памятники искусства [Ванеева 1996: 8]. А. Карнеев [1890: 3-4] считал, что «Физиолог» – произведение неоднозначное, противоречивое, которое повлияло не только на церковную, но и на народную среду. Ученый был убежден в том, что, помимо различных влияний, данное произведение жило собственной жизнью, перерождаясь в бестиарий тех времен. Говоря об источниках самого «Физиолога», ученый опирался на народные предания о жизни и животных.

Согласно российским ученым, жанр бестиария предполагает умение перейти от буквального прочтения к тому, что скрыто за поверхностью. В бестиариях авторы пользовались приемом *зооморфизации* и экстраполировали звериные повадки нравы и обычаи феодального общества. Возникала наглядная картина сниженной комичности персонажей. Жанр бестиария изначально занимал аллегорический уровень смысла всех средневековых текстов старофранцузского периода.

Животный эпос относится к архетипу городской литературы Средневековья. Одним из самых известных произведений в жанре животного эпоса на старофранцузском языке считается «Роман о Лисе». В данном произведении неизвестного автора, памятнике французской городской литературы, получившем распространение в XII-XIII веках, в виде аллегоричных басен (частей, ветвей) о животных раскрываются представления о нравах и обычаях того времени. Произведение состоит из 27 ветвей, или независимых рассказов, написанных попарно рифмующимися стихами. Объединяющим сюжетом является борьба лиса Ренара с его заклятым врагом, волком Изенгрином. Ключевая идея в романе заключается в том, что в персонифицированном виде

представлены персонажи, демонстрирующие пороки феодального общества времени, описываемого в романе. В центре – лис Ренар: его часто обманывают звери, более слабые, чем он, но он всегда торжествует над сильнейшими. Учеными прослеживаются сходства с некоторыми историческими персонажами. Истоками пародийности для сюжетов романа послужили разнообразные ритуалы и обряды с участием животных, часто имевшие место в Средневековье [Михайлов 1987: 5].

Антропоморфизм животных олицетворял себя в различных празднествах, посвященных животным, а также ритуалах. В статье «Празднества средневековья» В.П. Даркевич среди стереотипных образов участников празднеств (жонглеров, музыкантов, кукольников) упоминает животных: дрессированных львов, танцующих собак, коз, ослов, забавных обезьян и неуклюжих медведей. Бродячие скоморохи показывали дрессированных животных, которых обучали различным трюкам. 'Очеловечивая' своих питомцев, выигрышно используя забавный контраст между 'партнерами' (животными в сценках) дрессировщики разыгрывали потешные пародийные сказки. Для животных создавались 'военные' игры, именуемые турнирами. Гротескные 'всадники' были одеты наподобие рыцарей. Такие 'турниры' занимали видное место в жизни средневековых людей XII-XIV веков, тем самым пародируя куртуазные нравы общества. Например, обезьяна верхом на козле символизировала чувственную распущенность общества, несовместимую с возвышенным идеалом рыцарской любви. Некоторые ритуалы были более серьезны, например, умерщвление «духа хлеба» – испанский ритуал с магическими заклинаниями и жертвоприношением птиц, болгарский ритуал с жертвоприношением петуха или гуся [Даркевич 1990: 58 –68].

Опираясь на работы Л. Стросса, В. Тернер описывает в своих работах ритуалы различных народов и показывает, что символы общества обладают структурой, что они образуют классификационные ряды или модель для размышления и разговора о природе и социальной жизни. В одном из таких рассуждений В. Тернер упоминает антисоциальную силу колдовства, добавляя в социальный круг людей-колдунов их сородичей животных – монстров или мощных животных, которые действуют как орудия злобы или агрессии их владельцев, а иногда и по своему желанию и вопреки воли их хозяев, что носит более зловещий характер. Среди таких созданий, выращенных людьми сознательно для ритуалов или злодеяний, упоминается водяная змея и гигантский рогатый пресноводный краб. Упоминаются терантропические (зверочеловеческие) существа первобытного мифа, например, мужчины и женщин-ягуары из 'огненных' мифов племен с берегов Амазонки, чьи фигуры символизируют отношения отцов и

матерей к детям, социальный и психический конфликт в момент решающих социальных переходов [Тернер 1983: 10-15, 237].

Необходимо отметить, что в работах по литературоведению, антропоморфные типы обрядов (обряды с участием только людей) и мифов описаны подробнее, нежели зооморфные (обряды с участием животных). Е.М. Мелетинский отмечает, что образы животных поучаствовали в сложении некой архитипической фигуры мифологического плута-озорника (трикстера), собирая в данный образ набор качеств, которые были присуще людям с деструктивным характером, неким перевертыванием, осмеянием или отклонением от нормы. Оставалась популярной литературная оппозиция мифа об умном и культурном герое и его глупом или злом эгоистическом брате. Согласно Е.М. Мелетинскому, в анималистической сказке, например, трикстеры занимают промежуточное положение между героями мифов и хитрецами из сказок. В противоположность героям и антигероям трикстеры олицетворяют собой оппозицию социального и антисоциального поведения: «Хитрый лис – это в сущности антигерой, если и не ставший настоящим героем, то во всяком случае освободившийся от негативного ореола», как например, лис Ренар из «Романа о Лисе». Е.М. Мелетинский описывает архетип первобытного трикстера на примере французского животного эпоса, а также испанской старой литературы (трагикомедиях) [Мелетинский 1994: 39-40].

В куртуазных романах Е.М. Мелетинский описывает и другой вид животных – сказочные животные или животные-символы: белый олень в «Эреке и Эниде» рассматривается как Христос или душа, жаждущая бога, лев воспринимается им как символ воскресения [Мелетинский 1983: 59].

Подводя итог вышесказанному, можно заключить, что животные, их номинации и символика, традиции и обряды, связанные с ними дают представление об эпохе, помогают воссоздать современному человеку средневековую картину мира. Лингвистический аспект зоономинаций в диахронии изучен недостаточно. Только несколько специальных работ посвящены проблеме зоономинации в диахронии. Хорошо исследована символика животных. Это делает актуальным исследование нашего практического материала. В настоящий момент нами собран корпус зоонимов, который составляет около 1500 примеров из художественных текстов разных жанров средневековой Франции XI-XIII вв. Лингвистическая обработка собранных данных послужит материалом для дальнейших публикаций.

Литература

Александров А. Физиолог. – Казань: Типо-литография Императорского университета, 1893.

- Бестиарий и чувства: сборник статей. – М.: Intrada, 2017.
- Даркевич В.П. Празднества Средневековья // Атеистические чтения.– Вып.19. – М.: Политиздат. –1990. – С. 56-73.
- Игнатъева Т.Г., Дорогайкина Е.М. Зоопоэтика старофранцузского текста // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. - 2014. - № 2. - С. 64-71.
- Игнатъева Т.Г. Типология старофранцузского текста: монография. – Красноярск: КГУ, 2001.
- Карнеев А.Д. Материалы и заметки по литературной истории Физиолога. – СПб.: Императорское Общество любителей древней письменности, [1890].
- Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада: перевод с франц./ общ. ред. Ю.Л. Бессмертного. –Сретенск: МЦИФИ, 2000.
- Лященко А. И. Физиологъ // Энциклопедический словарь / Ф.А. Брокгауз, И.А. Эфрон. – СПб., 1902. - Т. 35а, кн. 70: Фенолы - Финляндия. - С. 719.
- Махов А.Е. О средневековых бестиариях [Видеозапись: электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vimeo.com/146626354>.
- Мелетинский Е. М. Средневековый роман: происхождение и классические формы. – М.: Наука, 1983.
- Мелетинский Е. М. О литературных архетипах. – М.: РГГУ, 1994.
- Михайлов А.Д. Старофранцузский «Роман о Лисе» и проблемы средневекового животного эпоса // Роман о Лисе / [пер. со старофр. А. Наймана]. – М.: Наука, 1987. – С. 3-34.
- Попов М. Средневековый бестиарий: Ч. 1. – Режим доступа: <http://www.mirf.ru/science/history/medieval-bestiary-1>.
- Скрелина Л.М., Становая Л.А. История французского языка: учебник. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Высшая школа, 2005.
- Столяров А.А. Раннее средневековье (VI-X вв.) //История философии: Запад – Россия – Восток: [учебник для вузов] / под ред. Н.В. Мотрошиловой. – М.: Греко-латинский кабинет, 1995. –Кн. 1: Философия древности и средневековья. – С. 346-352.
- Тэрнер В. Символ и ритуал [сборник] / [сост. и автор предисл. В. А. Бейлис; отв. ред. Е. М. Мелетинский]. - М: Наука, 1983.
- Физиолог / подгот. Е.И. Ванеева. – СПб.: Наука, 2002.
- Физиолог / изд. подгот. Е. И. Ванеева; отв. ред. Л.А. Дмитриев. – СПб. : Наука, 1996.
- Раннее средневековье (VI-X вв.) //Цифровая библиотека по философии. - Режим доступа: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000004/st118.shtml>.
- Эко У. Искусство и красота в средневековой эстетике / пер. с итал. А. Шурбелева. – М.: АСТ: Corpus, 2015.
- Юрченко А.Г. Александрийский «Физиолог» = Physiologus alexandrinus: зоологическая мистерия [пер. с перс., греч.и лат. С. В. Аксенов]. – СПб. : Евразия, 2001.

КАРПОВА А.В.
МОТИВ СНА КАК КОМПОЗИЦИОННЫЙ ЭЛЕМЕНТ РОМАНОВ
Ж. ГРАКА

Abstract: The article presents an analysis of the dream motive as a compositional element of Julien Gracq's novels (The Castle of Argol, A Dark Strenger, The Opposite Shore) on the basis of specific examples of dreams of different characters. The article reveals the structure and fictional significance of the dream motive as one of the main plot-forming techniques of the author.

Key-words: dream, motive, Julien Gracq, composition, plot structure.

Мотив сна как особая форма художественной реальности, характеризующаяся образностью, символической нагруженностью и разнообразием вариантов интерпретации всегда являлся «одним из самых устойчивых в мировой литературе» [Руднев 1990: 123]. В свое время сон был интерпретирован как текст Ю. Лотманом, который называл его «семиотическим окном» [Лотман: [http](http://)]. В работе А. Ремизова «Огонь вещей», посвященной исследованию снов в русской литературе, сновидения как иррациональное начало в литературе показаны как точка соприкосновения нескольких пластов бытия, где «дается и познание, и сознание, и провидение, жизнь, изображаемая со сновидениями, развертывается в века и до веку» [Кордас 2015: 40]. Одна из классификаций возможных методов анализа литературных произведений была предложена А. Бегеном (Albert Béguin), который выделяет три возможных подхода: психологический, литературоведческий и метафизический [Béguin 1937]. С позиций нарратологии и психоанализа рассматривает сон канадский исследователь А.-П. Жак [Jacques: 2015].

Учитывая все эти подходы, а также сложности, возникающие у исследователей с разграничением литературоведческих, психологических и метафизических аспектов трактовки литературных снов, хотелось бы отметить монографию О.В. Федудиной «Поэтика сна», где сновидения, включенные в текст художественного произведения, описываются с точки зрения их функций как композиционно-речевой формы. Понятие композиционно-речевой формы как фрагмента текста литературного произведения, имеющего типическую структуру и приписанного автором-творцом какому-либо из «вторичных субъектов» изображения, снимает, по мнению исследователя, «противоречия и в то же время позволяет говорить о нескольких разновидностях литературного сна» [Федудина 2013: 23].

В произведениях наследника сюрреалистической поэтики Ж. Грака сновидческие откровения мыслятся как ключ к «изнанке вещей», некоей реальности, более «таинственной и непостижимой чем ирреальность» [Балашова 2016: 219]. Слова *rêve* (сон, греза) и *songe* (сновидение, мечта) — наиболее частотные лексические единицы текста. Если рассматривать «онейрические» элементы с точки зрения их функций в произведениях, то можно обнаружить две большие семантико-стилистические группы. Во-первых, сон может служить для раскрытия характера героя-сновидца, а также предшествующих ему событий. Так, в романе Ж. Грака «Сумрачный красавец» (1945) практически все сны выступают в качестве особой действительности, служа дополнением и разъяснением смысла встреч и диалогов, остающихся без этого таинственными для читателя: сон Ирен о заливной водой театральной ложе является метафорой ее восхищения ночью, а

также раскрывает ее восприятие жизни как театральной игры. Вторую функцию литературных сновидений у Ж. Грака можно обозначить как сюжетную: сновидение предвещает событие, расшифровывая его. Оно оказывает прямое воздействие на поступки персонажей и, следовательно, на развитие действия. Так в романе «Замок Арголь» (1938) сон является одним из приемов искажения пространственного и временного жизнеподобия, стирая границы между реальным и ирреальным, причиной и следствием. Герои испытывают страдания задолго до трагических событий, предчувствуя их: сон Альбера в конце главы «Аллея» одновременно и предвещает трагическую развязку зловещего симбиоза двух героев, и дает ключ к его разгадке. Анализируя романы Ж. Грака, можно с полной уверенностью утверждать, что сны в его романах выполняют скорее сюжетообразующую, нежели иллюстративную функцию.

Рассматривая сон как особый хронотоп, М.М. Бахтин в своем исследовании «Формы времени и хронотопа в романе» выделяет, кроме сюжетообразующей, также изобразительную функцию: «...время приобретает чувственно-наглядный характер; сюжетные события в хронотопе конкретизируются, обростают плотью, наполняются кровью» [Бахтин 1975: 398]. Так, сновидения героев романа «Сумрачный красавец» о вымершем городе, безлюдном театральном фойе, из которого невозможно найти выход, иллюстрируют общую атмосферу напряженного ожидания катастрофы, свойственного всему произведению. Немаловажна и эмоционально-оценочная функция сновидений, в рамках которой ситуация, смоделированная во сне, затем анализируется и оценивается персонажем.

Также возможно исследовать сны в романах Ж. Грака с точки зрения их «фантастичности», т.е. степени их «сверхъестественности» по отношению к реальности. Нужно отметить, что писатель, будучи «приверженцем форм, пронизанных фантастическим изнутри» [Вирмо & Вирмо 1996: 215], придает важное значение снам как существенному элементу общей загадочной атмосфере произведений. Они одновременно и фантастичны (т.е. не имеют прототипов в реальности), и нефантастичны (т.е. лежат в пределах вероятности, представляя собой вид некоей неявной фантастики). Так, сон Анри из романа «Сумрачный красавец» о приготовлении к битве в средневековом замке, несмотря на «нереальность» описываемых в нем событий, не выбивается в целом из повествовательной канвы и общей тональности произведения.

Характер границ сна и реальности в произведении тесно связан с особенностями художественного мира. В снах персонажей произведений Ж. Грака имеются, как правило, четко обозначенные границы, однако авторская рефлексия над их содержанием, а также пристальное внимание, уделяемое состояниям, находящимся на

границе сна и яви, размывает эти границы. Роман «Побережье Сирта» (1951) весь выстроен на метафорическом конфликте состояний сна и пробуждения, где спонтанное «пробуждение», выход из дремотного состояния целого государства, грозит обернуться катастрофой, войной между Орсенной и Фаргестаном.

Сны в романах Ж. Грака предстают как значимый элемент модели мира, его скрытый код, позволяющий понять противоречия человеческой природы и истории.

Литература

Балашова Т.В. Монологическое повествование от Марселя Пруста к «новому роману». – М.: ИМЛИ РАН. – 2016. – С. 219-240

Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет. – М.: Худ. лит., 1975.

Вирмо А., Вирмо О. Мэтры мирового сюрреализма. – СПб.: Академический проект, 1996.

Кордас К. А. Сны и сновидения в романе «Крестовые сестры» Алексея Ремизова // Филологические науки в России и за рубежом: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, июль 2015 г.). — СПб.: Свое издательство. – 2015. – С. 39-43.

Лотман Ю.М. Семиосфера. – URL: http://yanko.lib.ru/books/cultur/lotman_semiosphera.htm, свободный (Дата обращения 08.04.2017).

Руднев В. П. Культура и сон // Даугава. – 1990. – № 3. – С. 121-124.

Федунина О.В. Поэтика сна. – М.: Intrada, 2013.

Béguin A. L'âme romantique et le rêve: en 2 vol. Vol. 1. – Marseille, 1937.

Jacques H.-P. Du rêve au texte: pour une narratologie et une poétique psychanalytique. – Montréal, Québec, 1988. (Études André Belleau).

Источники

1. Грак Ж. Побережье Сирта. Балкон в лесу. – М.: Прогресс, 1991.

2. Грак Ж. Сумрачный красавец. – М.: Б.С.Г.-ПРЕСС, 2003.

3. Грак Ж. Замок Арголь. – М.: ОГИ, 2005.

КИРНОЗЕ З.И., КАШЛЯВИК К.Ю.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР ФРАНСУА МОРИАКА

Abstract. The article concentrates on the writing of François Mauriac, an outstanding French novelist of the twentieth century. His artistic vision is based on the Christian fact in conjunction with confessionality and dramatic lyricism. Transition from lyric to prose is deemed to be expectable in evolvement of Mauriac's prose. The cycle about Thérèse Desqueyroux becomes the key to his artistic universe.

Key-words: poetics, Christian fact, confession, cycle, cycle process, poetry, prose.

Художественный мир Франсуа Мориака (François Mauriac, 1885-1970) поражает и подкупает своей целостностью. Мориак-поэт, Мориак-романист, Мориак-публицист – не три облика художника, а три ипостаси, хотя и отличающиеся «лица не общим выраженьем», сохраняют главные

черты. У Мориака – это единство стиля, просматриваемого в сюжетах его произведения и в том языке, которым он овладел в юности и сохранил до конца жизни. О Мориаке-романисте и Мориаке-поэте возможно писать одним цветом чернил. Слышимый голос мориаковского мира, любовь к родному краю и любовь к человеку описаны одними и теми же словами: «Я не католический писатель», – сказал о себе Мориак, «я католик, пишущий романы». Но и как автор стихов Мориак тоже не католический поэт, а католик, пишущий стихи. «Руки, сложенный для молитвы» («Les mains jointes») – название первого поэтического сборника Мориака, можно отослать и к его ранним стихотворениям, и к его главным романам – повествованию о святой грешнице Терезе Дескейру и об агнце («L'Agneau»), продолжившем сюжет «Фарисейки». Уклонение от греха человеческой природы – оборотная сторона тайны Зла – главная мысль Мориака. В юношеских стихотворениях она уже звучит в полный голос: «И ты идешь к рукам, губам и взглядам/К любви, которая тебя заставит жить» (перевод З.К.).

Высокая оценка, которую дали стихам Мориака Морис Баррес, Анна де Ноайль и Гийом Апполинер, предрекала Мориаку долгую литературную судьбу.

Первая мировая война внесла коррективы во взгляды и творчество Мориака. Именно после войны он начинает отдавать предпочтение прозе. Но и став прозаиком, Мориак не отказывается полностью ни от заветов поэтической юности, ни о своих кумиров.

Мориак вообще художник, который охотней приобретает, чем теряет. В его дневниках и полуинтимных эссе не встречается ни одного свидетельства о разочарованиях в людях или авторах, которые были близки Мориаку в молодости. Он продолжает отзываться об Анне де Ноаль с юношеской пылкостью, ставя ее в один ряд с Паскалем и Гюго. Из своей молодости Мориак переносит в зрелое творчество не только литературные пристрастия. Темы и образы позднего Мориака имеют свои корни в довоенном наследии. Исследователи Мориака справедливо отмечают поэтический склад его дарования. Тяга писателя к миру природы и углубленному психологизму персонажей, обращение к образам детей как некоей нравственной опоре – все эти черты присутствуют в первых поэтических сборниках Мориака и в его классическом романном творчестве.

Мориак-прозаик проявляет себя одновременно с работой над стихами еще до первой мировой войны. В 1913-1914 гг. один за другим выходят романы «Дитя под бременем цепей» и «Патрицианская тога».

В 20-е годы он пишет сразу два романа «Огненная река», «Прародительница», «Пустыня любви». Романы 20-х годов представляют собой новый этап творчества писателя. Психологические драмы замыкаются здесь рамками семьи, откуда героям некуда убежать. При этом социальный конфликт облекается Мориаком в форму семейно-

бытового психологического романа. Великолепное знание быта и нравов жителей бордоских ланд помогает Мориаку воссоздать достоверные картины семейной жизни. Мориак с гордостью признается, что знает о своих героях решительно все – не только мысли тайные движения души, но и то, как расставлена мебель в их домах, какие запахи преобладают в их кухнях и коридорах. Уже в романах начала 20-х годов XX в. Мориак постигает трудное искусство, восхищающее его читателя и критика, несколькими штрихами обрисовать конкретную обстановку, в которой протекает действие. Натуралистическая составляющая несомненный признак мориаковской художественной прозы.

В отличие от первых романов, сюжет которых еще довольно вял, Мориак постепенно овладевает искусством построения динамического, авантюрного сюжета. И хотя действие у Мориака почти никогда не развивается на большой дороге, как это свойственно классическому авантюрному роману, мориаковские сюжеты не теряют своей реалистичности. «Зеркало на большой дороге», – замечает Мориак, «хорошо для авантюрного жанра. Но где теперь настоящие приключения? Даже у Киплинга, Конрада, Стивенсона мы находим не приключения, не авантюры. а авантюризм. Стендаль говорил, что его призвание заключалось в угадывании мотивов человеческих поступков. Он прославился как наблюдатель разных человеческих типов» [Mauriac 1928: 19].

При этом романы Мориака остаются неотделимыми от его поэзии. Сообразуя рассмотрение прозы в поэтическом контексте, исследователи справедливо ставят проблему «циклизации лирики и прозы Мориака, наличия в них общих мифологических моделей, создаваемых не только через повествование, но и описание, и ритм, неизбежности обращение Мориака к прозе» [Двинина 1991: 27]. В художественном мире Мориака оказывается неизбежным переход от лирики к прозе, а затем и к драме. Лиро-драматическое понимание мира пронизывает и главное повествование романиста – цикл о Терезе Дескейру.

Его единственность свидетельствует о том, что в становлении художественного мира Мориака «цикл представляет собой не только разрушительную силу по отношению к другим традиционным жанрам, но прежде всего стремление к созданию новой формы» [Спроге, Балтрушайтис, Сологуб 1987: 56]. Цикл доводит до логического завершения развитие новой формы трагедии в стиле Мориака.

Литература

Двинина М.В. Становление Франсуа Мориака, поэта и романиста: дис. ... канд. филол. наук. – Нижний Новгород, 1991.

Спроге Л. Ю. Балтрушайтис, Ф. Сологуб. А. Блок: к проблеме организации текстового единства (лирический цикл, книга стихов, стихотворный том, «Диалогия», «Трилогия») // Связи литовской литературы с литераторами СССР и зарубежных стран: тезисы докладов республиканской научной конференции. – Вильнюс, ВГУ, 1987.

Mauriac F. Le roman. Paris: L'artisan du livre, 1928.

ПЕСКОВА Е.А.

СОЗДАНИЕ ОБРАЗА ПРЕЦИОЗНИЦ В ПРОИЗВЕДЕНИИ
Ж.-Б. МОЛЬЕРА «СМЕШНЫЕ ЖЕМАНИЦЫ»

Abstract: The article is dealing with the analysis of precious characters and language in Molière's comedy «The Affected Ladies». Molière's play is featuring two young ladies, Cathos and Magdelon, called «the affected ladies»; their direct prototypes were Catherine de Rambouillet and Madeleine de Scudéry – the hostesses of two high society salons in Paris. The women caricatured in Molière's comedy played a leading part in the development of new aristocracy type and French high society salon. Our task is identification of a speech style of *précieuses*, especially tools for affectivity in their speech.

Keywords: affectivity, preciousness, culture of salon, pretentious behavior.

Прециозность как социокультурное и литературное явление проявилась в XVII веке и преследовала собой благие намерения – избавить язык от грубости, просторечия, но в результате своего развития дошла до крайней степени пуризма, что сделало прециозность предметом насмешек. Пьеса Ж.-Б. Мольера ценна тем, что Мольер выступает как 'голос из прошлого', он является свидетелем появления и развития этого явления в обществе и в литературе. В его комедии «Смешные жеманницы», которая высмеивает подражателей прециозности, мы находим характерные черты прециозного стиля и характеристики прециозниц, хотя и в гиперболизированной степени.

В пьесе Мольера представлены две провинциалки – Като и Мадлон, названные *прециозницами*. Прямыми прототипами этих сатирических образов были хозяйки двух крупных светских парижских салонов – Катрин де Рамбуйе и Мадлен де Скюдери, которые проповедовали идеалы приятного времяпрепровождения, светской учтивости и галантного обхождения. Женщины, карикатуры которых представлены в пьесе Мольера, сыграли лидирующую роль в формировании нового аристократического типа, а французский светский салон, стоит у истоков разнообразных научных и светских организаций, в том числе и Французской академии, наделенной впоследствии официальным статусом [Михайлова 2011; Викулова 2012]. Поэтому ученые говорят о прециозности как о сложном языковом и социальном явлении, где ярко выражено стремление к обособлению аристократического языка, что приводит к созданию нового словаря и крайнему проявлению пуризма, который призывает к очищению языка, нормализации, строгости языка [Скрелина, Становая 2001: 410].

В комедии Мольера среди слов, создающих образ прециозниц, описывающих внешность и ментальность прециозниц, есть слова (мы обращаем внимание на прилагательные), как положительной семантики, так и отрицательной. В таком случае ученые говорят об «адъективной насыщенности текста» [Афанасьева, Ваулина 2010].

Создается противоречивый образ прециозниц и однозначно негативное отношение к слепым подражательницам прециозниц.

Наиболее частотные прилагательные, дающие положительную характеристику прециозницам: *ma cher* (9 единиц), *beau* (4 единицы), *précieux* (2 единицы), *spirituel* (2 единицы), *oreille délicat* (1 единица), *fille raisonnable* (1 единица).

Для анализа лексики нами выверены значения каждого термина в словаре Trésor de la langue française [<http://www.atilf.fr>].

Cher, chère – à qui on voue une affectueuse tendresse.

MAGDELON—*Ah! ma chère, un marquis! Oui, allez dire qu'on nous peut voir. C'est sans doute un bel esprit qui aura osé parler de nous.*

CATHOS—*Assurément, ma chère* (Préc. 22).

Précieux, se – femme qui porte le raffinement dans les manières et le langage au point de tomber dans le ridicule.

LA GRANGE – *En un mot, c'est un ambigü de précieuse et de coquette que leur personne* (Préc. 32).

Spirituel, -le – qui est de l'ordre de l'esprit ou de l'âme, qui concerne sa vie, ses manifestations, qui est du domaine des valeurs morales et intellectuelles.

MAGDELON—*Mon Dieu, que vous êtes vulgaire! Pour moi, un de mes étonnements, c'est que vous avez pu faire une fille si spirituelle que moi* (Préc. 36).

Словосочетания, указывающие на отрицательные черты – *coquet ambigü, coquin, fou, ignorant, infâme, impertinent, pecques provinciaux, donzelle ridicule, sot, vilain.*

Infâme – bas, vil, méprisable.

GORGIBUS – *Oui, c'est une pièce sanglante, mais qui est un effet de votre impertinence, infâmes!* (Préc. 75).

Provincial, -le – qui est originaire de la province, qui y habite, qui a certaines caractéristiques (simplicité, rusticité, manqué de finesse etc.) appartenant aux habitants de la province.

LA GRANGE – *Pour moi, je vous avoue que j'en suis tout scandalisé. A-t-on jamais vu, dites-moi, deux pecques provinciales faire plus les renchéries que celles-là, et deux hommes traités avec plus de mépris que nous?* (Préc. 16).

В произведении Мольера указываются особенности внешнего вида прециозниц, они слишком увлечены красотой своего лица, что становится предметом насмешек.

GORGIBUS – *C'est trop pommadé. Dites-leur qu'elles descendent. Ces pendardes-là, avec leur pommade, ont, je pense, envie de me ruiner. Je ne vois partout que blancs d'œufs, lait virginal, et mille autres brimborions que je ne connois point. Elles ont usé, depuis que nous sommes ici, le lard d'une douzaine de cochons, pour le moins, et quatre valets vivoient tous les jours des pieds de moutons qu'elles emploient* (Préc. 18).

Като и Мадлон обращают особое внимание на внешний вид господ, они обязаны иметь элегантный вид, шляпу с перьями, кафтан с лентами и др.

CATHOS – *Venir en visite amoureuse avec une jambe toute unie, un chapeau désarmé de plumes, une tête irrégulière en cheveux, et un habit qui souffre une indigence de rubans!... mon Dieu, quels amants sont-ce là! Quelle frugalité d'ajustement et quelle sécheresse de conversation! On n'y dure point, on n'y tient pas. J'ai remarqué encore que leurs rabats ne sont pas de la bonne faiseuse, et qu'il s'en faut plus d'un grand demi-pied que leurs hauts-de-chausses ne soient assez larges* (Préc. 28).

У прециозниц также высокие требования к манере обращения господ с дамами. Идеальные отношения не заключаются в законном браке, а главное в приятном общении, долгом романтическом ухаживании. Мужчины обязаны владеть искусством галантности, они должны уметь изъяснять возвышенные чувства, быть нежными, кроткими, страстными – одним словом, добиваясь руки своей возлюбленной, они должны соблюдать известный этикет.

MAGDELON – *Mon père, voilà ma cousine qui vous dira, aussi bien que moi, que le mariage ne doit jamais arriver qu'après les autres aventures. Il faut qu'un amant, pour être agréable, sache débiter les beaux sentiments, pousser le doux, le tendre et le passionné, et que sa recherche soit dans les formes* (Préc. 21).

Като возмущена тем, что явились ухажеры необразованные, они понятия не имеют о произведениях прециозниц. Мы понимаем, как такие знания важны для самих прециозниц и их подражателей. Чем больше жеманницы прочли галантных романов, тем образованнее и галантнее они считались. Поэтому эти две девицы в комедии Мольера показывают свои знания таких романов, но они смешны, потому что у них искаженное представление о мире, и особенно о любви, о браке.

CATHOS – *Le moyen de bien recevoir des gens qui sont tout à fait incongrus en galanterie? Je m'en vais gager qu'ils n'ont jamais vu la carte de Tendre, et que Billets-doux, Petits-Soins, Billets-Galants et Jolis-Vers sont des terres inconnues pour eux. Ne voyez-vous pas que toute leur personne marque cela, et qu'ils n'ont point cet air qui donne d'abord bonne opinion des gens?* (Préc. 28).

О речевом портрете прециозниц, их манерной, аффективной речи, говорят обилие метафор (*Il a de l'esprit comme un démon; Un roman seroit bientôt fini! Oh, Fortune, quelle est ton inconstance!*), перифраз (*un nécessaire qui demande si vous êtes en commodité d'être visibles; le conseiller des grâces*), частотность аффективных обращений (*Mon Dieu! Ma chère*).

При характеристике внешности больше положительного, а при характеристике ментального больше отрицательного. Данные слова показывают аффектацию в манерах, отсутствие естественности, чрезмерную subtilité, и в то же время мы прочитываем

утонченность. Критика явления прециозности вызвана, по нашему мнению, чрезмерностью как в поведении, так и в речи.

Литература

Афанасьева О.В., Ваулина Ю.Е. Адъективная насыщенность английского художественного текста // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2011. – № 1 (7). – С. 108-113.

Викулова Л.Г. К проблеме культурной миграции французской литературной сказки XVII века: устное бытование→салонное развлечение / Л.Г. Викулова // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. – 2012. – № 4 (22). – С. 34–39.

Михайлова С.В. Литературный салон XVII века как фактор паратопии // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2011. – № 1 (7). – С. 108-113.

Скрелина Л.М., Становая Л.А. История французского языка. – М.: Высшая школа, 2001.

Molière Les Précieuses ridicules. –URL: <http://www.moliere.ru/show.html?id=95>, - свободный (дата обращения 3.04.2017).

Trésor de la langue française informatisé – URL: <http://www.atilf.fr>, свободный (дата обращения 3.04.2017).

ТИМАШЕВА О.В

СЮЖЕТ И КОМПОЗИЦИЯ КАК ПРИЕМЫ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ

Abstract. The article examines plot and composition as means of artistic expressiveness as illustrated by *La Rempailleuse*, a short story by Maupassant. A Shklovsky-style attempt was made to outline the plot and storyline of this short story, as well as to use an à la Vygotsky graphic plotting in order to outline architectonics and structure of a short-form story.

Keywords: : plot, composition, architectonics, structure, disposition, means of artistic expressiveness.

Новелла (итал. novella) – прозаический жанр, поэтизирующий случай, сводящий жизненный материал в фокус одного события. В русском литературоведении новеллу иногда специально отличают от рассказа – жанра новой литературы на рубеже XVIII-XIX вв., выдвигающего на первый план изобразительно-словесную фактуру повествования и тяготеющего к развернутым характеристикам.

Новелла есть искусство сюжета в наиболее чистой форме, сложившееся в глубокой древности в тесной связи с ритуальной магией и мифами, обращенное прежде всего к деятельностной, а не созерцательной стороне человеческого бытия. Новеллистический сюжет, построенный на резких антитезах и метаморфозах, на внезапном превращении одной ситуации в прямо ей противоположную распространен во многих фольклорных жанрах (сказка, басня, анекдот, фаблю, шванк).

В связи с попыткой определения жанра новеллы, нужно вспомнить также о композиции. Композиция (от лат. *compositio*) – расположение и соотношенность компонентов художественной формы, т.е. построения произведения, обусловленного его содержанием и жанром. В произведении искусства по словам Л.Н.Толстого, часто нельзя бывает вынуть один стих, одну сцену, одну фигуру, один такт из своего места и поставить в другое, не нарушив значение всего произведения. Композиция скрепляет элементы формы, подчиняет их идее. Композиция также обладает самостоятельной содержательностью, ее средства и приемы преобразуют и углубляют смысл изображенного. В качестве синонимов термина композиция нередко используют термины архитектоника и структура.

Важнейший аспект композиции, особенно в произведениях большой формы, – это последовательность введения изображаемого в текст, способствующая постоянному разворачиванию художественного содержания. Исчерпанность смысла до завершения текста или, напротив, его недостаточная проясненность в финале – недостатки композиции. В произведениях малой формы – притчах, баснях, анекдотах, новеллах, лирических стихотворениях – финал часто предстает неожиданно-внезапным, резко трансформируя и даже переворачивая значение ранее сказанного.

Специальные приемы для анализа рассказа предложил Л.С. Выготский, считавший себя наследником русских формалистов. При анализе структуры рассказа, с его точки зрения, следует различать материал и форму этого рассказа: «Под материалом следует разуметь все то, что поэт взял как готовое – житейские отношения, истории, случаи, бытовую обстановку, характеры, все то, что существовало до рассказа и может существовать вне и независимо от этого рассказа, если это толково и внятно пересказать своими словами. Расположение этого материала по законам художественного построения следует называть в точном смысле слова формой этого произведения. Соотношение материала и формы в рассказе есть, конечно, соотношение фабулы и сюжета. Фабула для рассказа это то же самое, что слова для стиха, что гамма для музыки, что сами по себе краски для живописца, линии для графика и т.п. Сюжет для рассказа то же самое, что для поэзии стих, для музыки мелодия, для живописи картина, для графики рисунок. Иначе говоря, сюжет так относится к фабуле рассказа, как стих к составляющим его звукам. Новелла – это «чистый вид сюжетного произведения, главным предметом которого является формальная обработка фабулы» [Выготский 1986].

Далее Л.С. Выготский, ссылаясь на В. Шкловского, рассказывает об анализе некоторых художественных произведений, которые получили графическую запись в виде прямых и кривых, цепляющихся друг за друга,

линий. Материал в естественных свойствах его развертывания может быть условно записан как прямая линия. Искусственное расположение событий, которое превращает их в художественный сюжет и отступает от хронологической последовательности – все это можно обозначить кривой линией, описанной вокруг нашей прямой, и эта кривая будет кривой художественной формы. Далее можно толковать о смысле, о том, для чего художник предлагает данное расположение материала.

Формалисты построили теорию сюжета, научились изучать новеллу и роман, занимались стиховедением, применяя математические методы, анализировали ритм и синтаксис, звуковые повторы, создавали справочники стихотворных размеров А. Пушкина и М. Лермонтова, интересовались пародией (интертекст), фольклором, литературным бытом, литературной эволюцией, проблемой биографии. Поэтому анализ рассказа, с точки зрения Л.С. Выготского, интересно начать с выяснения его «мелодической кривой». Для этого надо сопоставить положенные в основу рассказа события или их или, по крайней мере то, что послужило поводом для рассказа, с той формой, которую они обретают.

Прославленный французский новеллист Ги де Мопассан (1850-1893) написал «Плетельщицу стульев» (*La Rempailleuse*) в период рождения сборника «Рассказы вальдшнепа» (*Les Contes de la bécasse*, 1984). Хорошо знающий Нормандию Мопассан часто бывал там, особенно в сезон охоты. Мотивы охоты нередко встречаются в его рассказах. Для многих из этих рассказов рамкой служили обеды в день Св. Губерта, те долгие нормандские обеды, когда просиживают по три часа за столом, рассказывая всевозможные охотничьи истории: каждый из приглашенных вспоминает различные случившиеся с ним приключения и происшествия, представляющие собой кровавые, но иногда неправдоподобные подвиги, внезапные и ужасные драмы, при воспоминании о которых дамы должны вскрикивать. «Плетельщица стульев» как раз и есть такая история, одновременно серьезная и сентиментальная, слегка утрашающая если не мужчин, то женщин. В экспозиции рассказа мы видим общество, где каждый хочет блеснуть историей, привлекающей внимание. И если в начале обеда разговоры, вероятно, шли об охоте, то к концу его, к моменту начала рассказа, разгоряченные вином и сытной пищей, мужчины хотят говорить «о странностях любви».

Один из приглашенных на обед, местный врач, рассказывает довольно любопытную для всех историю, по его мнению, единственный пример, во всяком случае на его памяти, «настоящей любви».

Попытаемся, в соответствии с мыслями Выготского, выделить лежащее в основе рассказа происшествие. Оно, по-видимому, сведется к следующему: очень простая провинциальная женщина, босячка, плетельщица стульев, дочь плетельщика стульев, полюбила сына

аптекаря, ставшего тоже аптекарем, горячей платонической любовью, которую он не принимал, но и не отвергал. Все накопленные ею за жизнь до старости сбережения она оставила своему кумиру. Вот и все содержание рассказа, истории, вполне возможной в реальной жизни, хотя и исключительной с точки зрения обывателя. Попробуем теперь обозначить события, нашедшие место в этом рассказе, в том хронологическом порядке, в котором они протекали. Одни события связаны с жизнью плетельщицы стульев (у нее в рассказе нет имени!), другие с жизнью аптекаря, его зовут Шуке.

Схема диспозиции

- I. Плетельщица стульев
 - A. Детство.
 - B. Эпизод с маленьким Шуке на кладбище.
 - C. Встречи на задворках школы.
 - D. Смерть родителей и женитьба Шуке.
 - E. Эпизод с попыткой самоубийства.
 - F. Беседа с врачом в предсмертный час плетельщицы стульев.

- II. Аптекарь Шуке
 - A. Эпизод на кладбище.
 - B. Встречи на задворках школы.
 - C. Женитьба Шуке.
 - D. Первая помощь «утопленнице».
 - E. Беседа с врачом о завещанной сумме денег, исполнившем последнюю волю покойницы в присутствии жены.
 - F. Еще одна беседа Шуке с врачом по поводу повозки, старой клячи и двух собак.

То, что мы получаем при таком хронологическом расположении эпизодов, составляющих рассказ, если обозначаем их последовательно буквами латинского алфавита, принято называть диспозицией рассказа, т.е. естественным расположением рассказа, тем самым, который мы условно можем обозначить графической прямой линией. Если мы проследим затем, в каком порядке происходили события, то получим композицию рассказа. В порядке хронологической последовательности они выглядят иначе, чем при их изложении. Если мы попытаемся схематически увидеть то, что автор проделал с этим материалом, «придав ему художественную форму», то получатся, скорее всего, лишь две параллельные прямые со смещением. Встречи плетельщицы стульев с Шуке начинаются в ее случае с B (I), в его – с A (II). Функция этого небольшого смещения заключается в том, что будучи параллельными во времени, эти судьбы ни социально, ни физиологически не объединяются: плетельщица стульев не становится любовницей опрятного чистюли-аптекаря, он лишь вполне в

буржуазном духе, за деньги, позволяет себя целовать, т.е. ведет себя как «мужчина-проститутка» (образ, открытый и хорошо описанный Мопассаном). Жена аптекаря называет плетельщицу стульев грязной босячкой, ворвавшейся в ее дом, но и она тоже, как ее супруг, не гнушается большими деньгами, оставленными плетельщицей стульев. Если бы сумма была маленькой, она бы продолжала изображать святую невинность и оскорбленную даму. Но все дело в том, что плетельщица стульев поняла с детства, что если дать больше, значительно больше, чем отняли, то можно рассчитывать на большую снисходительность даже ей, девчонке с улицы, которую заведомо считают испорченной. У мальчика на кладбище отняли одно су, она дала семь, и он позволил себя приласкать, так же, как потом не гнушался ее поцелуев за хорошую мзду. «Смещение» – это существенный момент: В, С, D, E (I) вступает в прямое соотношение с А, В, С, D (II), при этом мы всегда замечаем, что $V > A$; $C > B$; $D > C$; $E > D$, и дело не только в материальной подоплеке ситуаций, дело также и в моральном превосходстве «дурочки с улицы».

«Параллельные прямые со смещением», т.е. графическое изображение рассказа (без экспозиции и соединяющего две истории образа врача), Л.С. Выготский в традиции формальной школы назвал бы «статической структурой рассказа или его анатомией», а изучение диспозиции эпизодов с помощью букв алфавита) его «динамической композицией или физиологией».

Еще один возможный способ анализа рассказа «Плетельщица стульев» связан с теорией семантики возможных миров. Представление о том, что у настоящего может быть не одно, а несколько направлений в будущем было вероятно в культуре всегда, но обострилось в XX веке в связи с общей теорией относительности, с представлением о том, что время есть четвертое измерение и, стало быть, по нему можно продвигаться как по пространству.

В маленькой новелле «Плетельщица стульев» мы видим реально существующую героиню, «по-настоящему», по мнению врача, третьейского судьи в рассказе, влюбленной в аптекаря Шуке. Мы узнаем лишь некоторые детали ее жизни, которая нам кажется нелепой, потому что в возможных мирах, которые нам подсказывает наше воображение, она могла бы состояться по-другому, но у ее жизни оказывается лишь одна версия. Она предпочла провести жизнь так, как она ее провела, уходя в виртуальную реальность, где она была рядом с избранником своего сердца.

Литература

- Выготский Л.С. Психология искусства. – М.: Искусство, 1986.
Добин Е.С. Виктор Шкловский - аналитик сюжета // Сюжет и действительность: сборник. – Л.: Советский писатель (Ленинградское отделение), 1981. – С. 248-264.
Жолковский А.К., Щеглов Ю.К. Работы по поэтике выразительности: Инварианты: Темы - Приемы-Текст / предисл. М.Л. Гаспарова. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1996.

ВОПРОСЫ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

АНДРУХ А.О.

ИННОВАЦИИ В ПРОВЕДЕНИИ МОНИТОРИНГА ИНОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВОГО ВУЗА

Abstract: The article deals with monitoring models of the quality students' foreign language communicative competence. Advantages and disadvantages of each of the monitoring models are described. The most successful model of monitoring for implementation of the educational process and the forming of foreign language communicative competence are determined. Since the monitoring involves controlling the status change of the assessed criterion, relevant forms of assessment of foreign language communicative competence of students in the framework of monitoring models are given.

Key-words: Monitoring, assessment, learning outcomes, foreign language communicative competence, quality, testing.

На сегодняшний день знание языков для обмена передовыми технологиями ведения бизнеса имеет большее значение. Если по ряду отраслей Россия занимает ведущие позиции в мире – в сфере атомной энергетики, космических технологий, разработки газовых месторождений, то в области экономики национальные достижения не так очевидны. Наиболее известные макроэкономические теории – меркантилизм, теория политической экономики, маргинализм, кейнсианство, институционализм, микроэкономические теории – разработаны за рубежом. В практику экономической жизни активно вводятся новые слова – 'кальки': маркетинг, бенчмаркинг, мерчендайзер и т.д. К сожалению, средний россиянин знает меньше иностранных языков (далее – ИЯ), чем средний европеец, и уровень освоения ИЯ российскими студентами оставляет желать лучшего. В 2014 году Россия заняла 31 строчку рейтинга EPI из 60 стран - участниц опроса, в 2016 – 34 позицию из 72 стран. При этом страна была отнесена к 4 группе – к градации «Low Proficiency» – «Низкий уровень (Низкое мастерство)», то есть по пятибалльной шкале получила оценку «неудовлетворительно» [<http://www.ef.ru/epi/> 2017].

Одной из причин такого состояния дел с изучением иностранного языка является отсутствие данных о динамике формирования иноязычной коммуникативной компетенции (далее – ИКК) студентов бакалавриата неязыковых вузов. Своевременное выявление проблем в

изучении предмета позволяет разрабатывать и реализовывать педагогические мероприятия, устраняющие недостатки подготовки. Полное представление об изменении уровня сформированности ИКК может быть сформировано на основе мониторинга.

Методологические проблемы проведения мониторинга рассмотрены в работе А.Н. Майорова [Майоров 2005: 11], классификация и сущность способов проведения процедуры – в работе В.И. Звонникова [Звонников 2007: 209], в которой представлены следующие модели измерительного процесса:

- модель соответствия нормам и стандартам,
- модель «вход-выход»,
- модель «вход-процесс-выход».

В рамках модели соответствия нормам и стандартам предлагается проводить мониторинг учебных достижений студентов на основе сравнения с требованиями Федеральных государственных образовательных стандартов к уровню качества компетенций. Данная модель соответствует итоговому контролю, представляет возможность получения данных об академической успеваемости студентов, но не обеспечивает возможность влияния на дальнейшие результаты. Для мониторинга иноязычной коммуникативной компетенции студентов данную модель сложно расценивать как подходящую. Она не представляет возможностей для своевременного выявления и устранения проблем в формировании иноязычной коммуникативной компетенции студентов.

Модель «вход-выход», в отличие от других моделей соответствия нормам и стандартам, помимо результатов итогового контроля, предполагает необходимость проведения входного контроля. Проведение входного контроля решает две важные задачи:

1) дифференциацию студентов по уровню знания иностранного языка, формирование учебных подгрупп с единым начальным уровнем обученности (уровень иноязычной коммуникативной компетенции студентов неязыковых вузов очень разнится);

2) выявление приращения знаний, умений, навыков и компетенций в изучении иностранного языка по итогам изучения дисциплины (по итогам семестра, учебного года и т.д.).

Модель «вход – процесс – выход», в отличие от предыдущих моделей, дает информацию не только о начальных и конечных результатах освоения ИЯ студентами, но и о процессе его изучения. Модель «вход – процесс – выход» учитывает результаты текущего (промежуточного) контроля, что позволяет преподавателю организовать обратную связь со студентами, своевременно сформировать комплекс педагогических мероприятий, направленных на достижение поставленных учебных целей, коррекцию студенческой деятельности в негативных случаях. Благодаря

своим сущностным характеристикам, а именно объективности, надёжности, оперативности, действенности, экономичности и практичности, возможности тренинга, индивидуального подхода, многократности проверки и технологичности, модель «вход – процесс – выход» рассматривается в качестве одного из способов повышения результативности обучения иностранному языку, так как позволяет максимально использовать положительные качества дифференцированного подхода и коммуникативного принципа в обучении и обеспечивает последовательное формирование всех уровней ИКК.

Для успешного формирования иноязычной коммуникативной компетенции студентов необходимо выстроить мониторинг таким образом, чтобы он позволял проследить динамику изменения уровня подготовки студентов по разным аспектам. Поскольку мониторинг предполагает наблюдение за изменением состояния оцениваемого параметра, модель мониторинга «вход – процесс – выход» должна включать релевантные формы оценивания, соотнесенные с определенными видами контроля.

К основным формам оценивания иноязычной коммуникативной компетенции студентов можно отнести:

- тестирование;
- языковой портфель;
- ролевая игра (деловая игра, как разновидность ролевой игры);
- метод проектов и т.д.

Тестирование является подходящим средством для оценивания иноязычной коммуникативной компетенции студентов при текущем контроле. Данную форму можно расценивать как систематический мониторинг качества языковой подготовки студентов, что позволяет совершенствовать их знания и умения.

Достижение высокого результата возможно при внедрении в образовательный процесс технологии обучения *языковой портфель*. Языковой портфель студента может выступать эффективной технологией мониторинга и развития иноязычной коммуникативной компетенции учащегося. Для студентов языкового вуза ведение языкового портфолио должно стать обязательным условием при обучении иностранному языку в вузе и при получении постдипломного образования, что, в свою очередь, позволит в дальнейшем с легкостью определить текущий уровень полученных знаний и совершенствовать его на протяжении всей жизни.

Посредством ролевых игр и деловых игр возможен мониторинг при текущем контроле (ориентированном на оценивание материала по пройденным темам), рубежном (применяемом по итогам пройденного раздела дисциплины) и итоговом. Каждый вид контроля имеет свою специфику, уместно ставить вопрос о стандартизации типовых

процедур [Андрух 2016: 14]: если текущий контроль в основном посвящен контролю знаний по пройденной теме, то рубежный – контролю уровня сформированности составляющих ИКК по итогам пройденного раздела дисциплины. Оценивание при помощи данной технологии обеспечивает объективный результат с экономным расходом времени. Значимость такой организации учебного процесса заключается в том, что студенты формируют и развивают навыки работы в макро- и микрогруппах, сами или с помощью преподавателя ставят основную и промежуточные цели, выбирают стратегию и тактики их достижения [Кузнецова 2004: 21].

Метод проектов при итоговом контроле позволяет преподавателю провести мониторинг не только относительно достижения учебных целей, но также и в области развивающей составляющей, поскольку в данном случае студент решает не алгоритмически известную задачу, а задачу в условиях неопределенности [Полат 2005: 64].

Таким образом, можно сделать вывод, что мониторинг академической успеваемости студентов, является неотъемлемой составляющей образовательного процесса. Реализация такой модели мониторинга, как «вход – процесс - выход» в рамках образовательного процесса позволит успешно сформировать иноязычную коммуникативную компетенцию студентов бакалавриата, а также повысит их мотивацию при изучении дисциплины «Иностранный язык».

Литература

Андрух А.О. К вопросу стандартизации процедуры оценки уровня сформированности компетенций // Язык: категории, функции, речевое действие. Материалы девятой научной конференции с международным участием: в 3 частях. – М., 2016. – С. 13-15.

Звонников В.И., Чельшкова М.Б. Современные средства оценивания результатов обучения: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2007. – 224 с.

Кузнецова Ю.Л. Гуманистические педагогические технологии обучения в вузах США: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02. – Казань, 2004.

Полат Е.С., Бухаркина М.Ю., Моисеева М.В., Петров А.Е. Новые информационные технологии в системе образования: учеб. пособие / Под ред. Е.С. Полат. – 2-е изд., стер. – М.: Издательский центр «Академия», 2005.

Майоров А.Н. Мониторинг в образовании. – Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: Интеллект-Центр, 2005.

URL: <http://www.ef.ru/epi/>. Свободный. Дата обращения 24.03.2017.

ВОСКРЕСЕНСКАЯ М.С.

**ФУНКЦИИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ В ОБУЧЕНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
(В ОБЛАСТИ ПРАВА) КОММУНИКАЦИИ ЧЕРЕЗ МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ
НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ**

Abstract: The article presents an insight into technology of organization and conducting of interculturally oriented round tables based on legislative cultures of France and Russia. Intercultural scientific dialogue is regarded as a powerful tool of professional training of intending lawyers. The suggested step-by-step algorithm of joint teacher's and students' activities aims at overcoming stereotypes, creating a dialogue-friendly environment and increasing the students' readiness to perceive another professional culture. An outcome of it is that this model can be implemented during LSP exams.

Key words : dialogue of cultures; intercultural round table; lawyer training; O.E. Kutafin Moscow State Academy of Law; professional communication.

Несмотря на распространенное в правовых кругах мнение о том, что юрист – прежде всего национальный продукт, в процессе подготовки специалистов данного профиля нельзя не учитывать явления глобализации, взаимопроникновения, унификации, а также гармонизации правовых систем, являющихся объектом непреходящего внимания со стороны теоретиков права. С учетом сказанного имеются основания полагать, что подготовка современного юриста, независимо от того, является ли он специалистом в области международного или любой другой отрасли права, должна быть *межкультурно* ориентированной, направленной на преодоление недоверия, национальной розни, нетерпимости к другим культурам и приобщение к общечеловеческим ценностям, среди которых – верховенство права, равенство всех перед законом, признание основных прав и свобод личности, а также культивирование ее (личности) гражданской позиции и ответственности перед социумом.

Не вызывает сомнения тот факт, что именно дисциплина *иностраный язык* или более объемное понятие *иностранное образование* в единстве образовательных, учебных, воспитательных и развивающих координат имеет мощный потенциал для достижения данных целей. Межкультурная доминанта иностранного профессионального образования нашла отражение в обновленном ФГОС ВО по направлению подготовки «Юриспруденция» (уровень бакалавриата), в рамках которого она выражена в категориях ОК-5 (способность к коммуникации в устной и письменной формах на русском и иностранном языках для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия), ОК-6 (способность работать в коллективе, толерантно воспринимая социальные, этнические, конфессиональные и культурные различия) и ОК-7 (способность владеть необходимыми навыками профессионального общения на иностранном языке). Примерная программа по дисциплине «Иностраный язык» для

подготовки бакалавров (неязыковой вуз), не оставаясь в стороне от актуальных тенденций, формулирует конечную цель как «формирование межкультурной коммуникативной профессионально ориентированной компетенции» [Примерная программа ... 2011: 8-9].

Таким образом, перед преподавателем иностранного языка (далее – ИЯ) в неязыковом вузе стоит амбициозная задача, заключающаяся, среди прочего, в формировании у обучающегося средствами ИЯ профессиональной картины мира в 2D (двухмерном) формате, основанной не только на национальной, но и иноязычной культуре. В силу сложности и интегративности используемых преподавателем процессов взаимодействия языка (родного и иностранного), культуры (родной и иной), профессиональных знаний (свойственных родной и иной картина мира), у него как у субъекта лингвообразовательного процесса должны быть актуализированы особые *лингводидактические компетенции*. Под ними понимаются «*способность и готовность преподавателя на межпредметном и межнаучном уровне реализовать образовательные (педагогические, психологические, методические) стратегии в целях формирования у обучающихся (студентов вуза) межкультурной компетенции*» (курсив авторов) [Тарева, Тарев 2007: 275].

Могут ли данные компетенции обеспечить достижение цели в условиях аудиторного взаимодействия преподавателя – не носителя языка и не специалиста по профилю обучающихся? Отчасти да, путем привлечения разнообразных источников, использования аутентичных аудио/видео каналов передачи информации, симуляции профессиональных ситуаций общения. Что действительно затруднено в условиях отсутствия языковой среды и контактов с носителями, так это формирование способности к *прямому посредничеству* между своей и иной профессиональными средами. В этой связи следует активно внедрять *внеаудиторные интерактивные мероприятия*, в ходе которых студенты имели бы возможность непосредственного общения с представителями иного лингвосоциума.

Именно интерактивные формы обучения наиболее всего способствуют раскрытию творческого и научного потенциала студентов, через проблематизацию развивают способность к критическому мышлению. В рамках настоящей публикации рассматривается потенциал *межкультурно ориентированного круглого стола* в приобщении студентов – будущих юристов к научному диалогу на основе опыта автора в организации и проведении подобных мероприятий на базе Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). Следует отметить, что в рамках реализации международной стратегии развития, следствием которой стала интенсификация обменных процессов с зарубежными вузами-партнерами, в МГЮА проходят обучение иностранные студенты, в частности французы. В целях интеграции студентов-иностранцев в

образовательный контекст российского вуза, а также развития межкультурного обмена между последними и русскоговорящими студентами, изучающими французский в профессиональных целях, было принято решение о проведении пробного межкультурно-ориентированного мероприятия в формате круглого стола.

Указанный формат идеологически близок одному из определений *диалога культур*, приводимых Ю.Е. Прохоровым: «...это встреча «своего» и «чужого», в процессе которой свое способно обогащаться и развиваться, усваивая элементы другого, тем самым взаимодействие – необходимое условие познания не только другого, но и себя самого» [Прохоров 2017: 14]. Идея встречи «своего» и «чужого» была реализована не только через рассмотрение двух контактирующих профессиональных культур, но и через двуязычие, использование в процессе коммуникации как родного языка участников, так и иностранного при условии владения ими ИЯ на коммуникативно достаточном уровне. При этом было решено самими студентами, что выступающие будут делать доклад на родном языке, снабдив его презентацией и тезисами на ИЯ для снятия возможных трудностей.

Функции и последовательность действий преподавателя по организации франко-российского круглого стола по правовой тематике может быть представлена в виде следующего алгоритма.

1. *Выбор темы*: концепция мероприятия предполагает наличие проблемных тем, направленных на столкновение двух профессиональных культур и правовых систем, выявление не только различий, но и сходств, объединяющих представителей данного профессионального сообщества и служащих базисом для взаимопонимания. Выбор темы или тематического раздела определяется строго в зависимости от интересов и потребностей студентов, тогда как формулировка осуществляется самим преподавателем с учетом концепции межкультурности. Проиллюстрируем данную позицию примерами сформулированных нами тем круглых столов: «*Systèmes judiciaires en France et en Russie: entre principes généraux et spécificités nationales*» (Судебные системы России и Франции: от основополагающих принципов к национальной специфике); «*Culture professionnelle de juriste en France et en Russie: regards croisés*» (Профессиональная культура юриста во Франции и России: перекрестный взгляд).

2. *Мотивационно-подготовительная стадия*: деятельность преподавателя в рамках данного этапа направлена на (а) организационные моменты – определить предельный срок по формулированию тем выступлений, подготовке докладов, составлению программы и ее рассылке участникам мероприятия, выбрать модератора круглого стола, ответственного за соблюдение регламента,

предоставление слов участникам и ведение дискуссии; (б) мотивационные моменты: создать максимально благоприятный мотивационный и аффективный фон, способствующий восприятию иной культуры, а также ориентировать студентов на презентацию своей профессиональной культуры инофонам. Для этого преподавателю необходимо акцентировать внимание студентов на следующем: проявление толерантности и эмпатии к представителям иного лингвосоциума, адаптация своего выступления на основе прогнозируемых лингвистических и культурологических трудностей восприятия студентами-французами русской речи на слух (в отдельных случаях при упоминании терминологии, отсутствующей во французской правовой системе, можно предусмотреть переключение кода с русского на французский для описательного толкования), инициация дискуссии путем обращения к участникам круглого стола с вопросами.

3. Стадия реализации: в случае, если преподаватель не является модератором и эта функция делегирована студентам, он может занимать позицию медиатора, способного в крайнем случае примирить расходящиеся мнения во избежание конфликта или наблюдателя, который, если и вмешивается в процесс дискуссии, то только для того чтобы задать интересующий его вопрос по существу, а не для исправления ошибок или дачи ценных указаний участникам дискуссии. Основываясь на небольшом, но достаточном для осмысления опыте организации круглых столов, заметим, что при условии соблюдения пунктов 1 и 2 настоящего алгоритма и наличия у участников подлинного интереса к проблемам, затронутым в выступлении и их обсуждении, дискуссия обладает эффектом *самодвижимости* и не нуждается в стимуляции извне. При этом трудности лингвистического характера преодолевались студентами путем переключения кода или же априори были сняты за счет принадлежности участников дискуссии к единому (пусть и не монокультурному) профессиональному сообществу, что дает возможность понимать друг друга буквально с полуслова. Важное замечание: для создания максимально доверительной, способствующей самовыражению студентов и преодолению языкового барьера обстановки, количество участников предпочтительно ограничить до 10-15 человек.

4. Стадия рефлексии: необходимость рефлексии по итогам проведенного мероприятия является очевидной и направлена на закрепление в сознании участников многомерного представления культуры как совокупности национального и общечеловеческого, идеи о возможности различных взглядов на действительность и ее интерпретации с позиции разных национальных культур. В этой связи императивом является установление конструктивного научного диалога, объединение усилий для взаимного обогащения и ответа на вызовы современности.

В качестве заключения выскажем предложение относительно того, что межкультурно ориентированный круглый стол или конференция по правовой тематике, объединяющие представителей двух контактирующих профессиональных культур на единой дискуссионной площадке могут стать одной из возможных форм проведения итоговой аттестации студентов-юристов. Как справедливо замечает А.В. Щепилова, рассуждая о недостатках существующих форм итоговой аттестации специалистов по межкультурной коммуникации, «он (студент) демонстрирует знание неких культурных особенностей, оцениваются умения сравнивать, констатировать различия *вне интеракции*» (выделено нами – М.В.) [Щепилова 2017: 196]. Необходим поиск форм и процедур, не только позволяющих убедиться в лингвистической грамотности выпускника, но и оценить его способность к медиаторской функции, способность видеть другого, объяснять непонимание и избегать конфликтов.

Описанный нами круглый стол (в случае итоговой аттестации должен проводиться только на ИЯ) предоставляет возможность сделать выводы не только о языковой и профессиональной подготовке, но и умении осуществлять функцию посредника между двумя профессиональными культурами. Оценивание сформированности соответствующих компетенций может осуществляться как преподавателем, так и специалистами профильных кафедр, приглашенными юристами-носителями языка и самими студентами.

Литература

Примерная программа по дисциплине «Иностранный язык» для подготовки бакалавров (неязыковые вузы). – М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2011.

Прохоров Ю.Е. Дискуссионный монолог о диалоге культур // Диалог культур. Культура диалога: человек и новые социогуманитарные ценности: коллективная монография / Отв. ред. Л.Г. Викулова, Е.Г. Тарева. – М.: НЕОЛИТ, 2017. – С. 7-16.

Тарева Е.Г., Тарев Б.В. Сущность лингводидактических компетенций и их место в структуре профессиональной компетентности преподавателя иностранного языка // Вестник Бурятского государственного университета. – 2007. – № 3. – С. 268-276.

Щепилова А.В. Некоторые проблемы подготовки специалиста по межкультурной коммуникации: отбор учебной литературы и оценивание компетентности // Диалог культур. Культура диалога: человек и новые социогуманитарные ценности: коллективная монография / Отв. ред. Л.Г. Викулова, Е.Г. Тарева. – М.: НЕОЛИТ, 2017. – С. 168-201.

ГЛУХОВА Ю.Н.

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ КУЛЬТУРЫ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Abstract: It is commonly accepted that language is a part of culture and that it plays a very important role in it. However, the priority given to the place of culture as a significant component in language teaching has not been equally the same in different approaches and methods of foreign language teaching. This paper explores the role of culture in language teaching and the importance of the integration of culture into the teaching of language in traditional, innovative and modern approaches to language teaching.

Key-words: intercultural education, intercultural competence, intercultural dialogue.

Известно, что сегодня ориентиром в работе для преподавателя иностранного языка является документ, разработанный департаментом по языковой политике Совета Европы, определяющий общеевропейские компетенции владения иностранным языком. В качестве цели языкового образования разработчики выделяют «развитие такого лингвистического репертуара, где есть место всем лингвистическим умениям» [Общеевропейские компетенции ... 2003: 4], обращая особое внимание на стимулирование мотивации и возможность продолжения изучения иностранного языка на протяжении всей жизни. Безусловно, этот документ может использоваться как для планирования программ изучения языков или языковой аттестации, так и для составления планов самостоятельного изучения языка, включая определение текущего уровня владения языком, определение реальных и актуальных для себя целей, выбор материалов и т.д. В «Общеевропейских компетенциях» рассматриваются дифференцированно различные параметры уровня владения иностранным языком, и выделяется система измерений (уровней и ступеней), с помощью которых возможна проверка и оценка владения языком. Какое же место отведено в этом документе культуре? Так, в частности, в главе, посвященной общим компетенциям учащегося, говорится о том, что успешность коммуникации зависит от совпадения концептуальной и языковой картин мира участников общения, а также обращается внимание на то, что преподаватели, зачастую, исходят из того, что учащиеся уже овладели необходимыми знаниями о мире, что не всегда соответствует действительности [Там же 2003: 103].

Современный мир стал другим. К. Пюрен, анализируя требования, сформулированные в Европейском языковом портфеле, размышляет об изменениях, которые претерпело само понятие «межкультурной компетенции» [Puren 2014]. Конечно, для успешной коммуникации собеседники должны владеть общим для обоих кодом. Язык, представляет один из них, но не он единственный выполняет эту функцию. Существуют определенные «ритуалы взаимодействия»,

участвующие в регулировании социальных отношений, они также вносят свой вклад в построение того, что называют вежливостью или правилами общежития (*savoir-vivre*), термины, которые обычно обозначают принятое «автоматическое» поведение [Picard 1999: 125]. Процессы глобализации последнего времени безусловно оказали влияние и на методику преподавания иностранных языков, поскольку, как справедливо отмечает К. Пюрен, сегодня недостаточно обучить устанавливать контакты или соблюдать речевой этикет, в современном мире возникла необходимость жить в одном пространстве и работать вместе на долговременной основе [Puren 2014: 29]. Таким образом, авторы Европейского языкового портфеля дополняют уже существующие социокультурную и межкультурную компетенции двумя новыми: мультязычной и многокультурной.

Известно, что носитель языка овладевает своей культурой «естественным» путем, изнутри, даже не подозревая о том, что знает ее, и мгновенно замечает лакуны или недостаток этого знания. Иностранная культура является неотъемлемой частью изучаемого языка, и она не дается в готовом виде, ее нужно изучать, а значит следует «проникнуть в нее извне, выстраивая знание по кирпичикам, ошибаясь, узнавая каждый раз новые определения» [Porcher 2004: 51]. Об этом говорит и Г.В. Елизарова, отмечая, что убеждения истинны в силу того, что принимаются таковыми практически всеми носителями определенной культуры. В рамках каждой культуры убеждения группируются в когерентные и внутренне сбалансированные системы. Некоторые из убеждений коренятся в каждодневной практике, являются осознаваемыми и воспринимаются как самоочевидные истины. [Елизарова 2005: 24]. Важной для существования человеческих сообществ является тенденция систематизации убеждений в ходе рационализации опыта, а привнесение в убеждения эмоций создает ценностные ориентации, которые также входят в сферу любой культуры «...события, явления, институты общества, человеческое поведение отсылает к культурным ценностям, связывает посредством единой системы таких ценностей всех носителей конкретной культуры в единое целое – культурное общность. Единство системы ценностей, имплицитно присутствующее в жизнедеятельности культурной общности, обеспечивает общее культурное значение конкретных проявлений культуры на различных уровнях...» [Там же: 42].

Сегодня мы живем в окружении информационного поля, что, как мы уже отмечали, одновременно упрощает и усложняет задачу, как для преподавателя иностранного языка, так и для учащегося. Средства массовой информации интегрируют язык и культуру, это бесспорно: широкий выбор сюжетов позволяет работать над развитием разных компетенций [Глухова 2016]. Как должен действовать преподаватель иностранного языка в сложившихся условиях? Рассуждая об

архитектонике индивидуально ориентированного учебника иностранного языка в вузе, С.А. Герасимова считает, что основной целью такого пособия является подготовка специалиста к межкультурной коммуникации как основной сфере профессиональной деятельности [Герасимова 2016: 96]. С таким мнением сложно не согласиться, однако, на современном этапе речь идет не только о коммуникации, а и о совместной работе, в широком понимании этого слова.

Что есть культура? Это понятие развивается или нет? Есть ли возможность составить 'культурную' карту мира? Какая связь между культурой и реальным поведением групп людей? Существует множество определений понятия *культура*, но первая ассоциация возникает, как правило, с тем, что лежит на поверхности, т.е. выражено эксплицитно, с тем, что нас окружает, а именно с искусством, модой, литературой. Но культура включает и имплицитное содержание, то, что не является очевидным. Именно в этой части находятся и суждения, и система ценностей, которая позволяет наполнять смыслом окружающий мир. Попытаться понять культуру, в том числе и свою собственную, – процесс сложный. Каково восприятие пространства и времени? Что можно считать смешным? Какую роль играет религия? Каковы отношения между мужчинами и женщинами и т.д. Также важно помнить о том, что существуют такие понятия, как субкультура, региональная культура и т.д. Этот факт, безусловно, нужно учитывать преподавателю иностранного языка при подготовке занятия. Так, французский язык может иметь региональные особенности, как на территории Франции, так и в рамках франкофонного сообщества.

Изучая взаимодействие языка и культуры, часто обращаются к гипотезе лингвистической относительности, которая предполагает, что структура языка влияет на мировосприятие и воззрения его носителей, а также на их когнитивные процессы. Нам представляется в этой связи важным изучать язык через культуру, что дает возможность не только осознать отличия, но и лучше понять традиции своей собственной культуры. Сказанное приобретает особое значение на современном этапе, поскольку зачастую преподаватели работают в группах, где студенты не принадлежат к одной культуре или представляют региональные субкультуры. Традиционно преподавание иностранного языка в высших учебных заведениях организуется по аспектам, иначе говоря, есть занятия по грамматике или письменной речи, а также разговорная практика и ливгострановедение. Таким образом, мы видим, что культурная составляющая выделяется в отдельный аспект, само содержание которого является предметом изучения, т.е. не предполагает выполнения никакой коммуникативной задачи. Целью курса, как правило, является знание объектов/предметов культуры изучаемого языка, поскольку считается, что это важно для успешного

овладения иностранным языком. Такой курс может читаться как на иностранном, так и на родном для обучающегося языке.

Возможен и другой подход к содержанию предмета «Лингвострановедение», предполагающий информирование учащихся о культурной составляющей, необходимой для успешной реализации коммуникативной задачи. В этом случае не следует выделять «Лингвострановедение» в отдельный предмет, но организовывать занятия по иностранному языку, базируясь на культурно маркированном корпусе документов. Иными словами, речь идет о том, чтобы улучшить коммуникативную компетенцию учащихся, используя в ходе занятия, культурное и межкультурное содержание отобранных документов. Таким образом, учащийся должен не только обладать определенным знанием, но и уметь применить его на практике.

Конечно, такой подход предполагает большую подготовительную работу преподавателя, что, в свою очередь, заставляет задуматься как о подготовке молодых преподавателей иностранного языка, так и о возможных дистанционных курсах повышения квалификации. Осознание своей собственной культуры, а также механизмов и принципов формирования собственных ценностей, предрассудков, верований, моральных принципов, является, на современном этапе, фундаментальным качеством преподавателя иностранного языка.

Литература

Герасимова С.А. Архитектура индивидуально ориентированного учебника иностранного языка // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филологическое образование. – 2016. – № 4. – С. 95-103.

Глухова Ю.Н. Формирование межкультурной компетенции в эпоху информационных технологий // Диалог культур. Культура диалога: в поисках передовых социогуманитарных практик. Материалы Первой международной конференции. Под общей редакцией Е.Г. Таревой, Л.Г. Викуловой. – М: МГПУ, Языки народов мира. – 2016. – С. 144-148.

Елизарова Г.В. Культура и обучение иностранным языкам – СПб.: Каро, 2005.

Общоевропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, обучение, оценка. Департамент по языковой политике. Под общей редакцией проф. К.М. Ирисхановой. – Страсбург: МГЛУ, 2003.

Puren Ch. La compétence culturelle et ses différentes composantes dans la mise en oeuvre de la perspective actionnelle. / Une problématique didactique Intercâmb. – 2014. – 2^a série. – Vol. 7. – P. 21-38.

Picard D. Communication interculturelle et rituels sociaux interculturels // Guide de l'interculturel en formation. – Paris: Retz, 1999.

Porcher L. L'enseignement des langues étrangères. – Paris : Hachette Livre, 2004.

ГОЛОВЧАНСКАЯ И.И.

**ХОД И РЕЗУЛЬТАТЫ ОПЫТНО-ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ РАБОТЫ ПО
ФОРМИРОВАНИЮ ФОНОСТИЛИСТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ
УЧИТЕЛЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА**

Abstract: The article presents the course and the results of experimental work aimed at the formation of phonostylistics competence of future teachers of French.

Key-words: phonostylistics competence, foreign language professional pedagogical discourse, experiential learning.

Современные образовательные реалии в области высшего иноязычного образования в целом и педагогического в частности требуют от специалистов уровня бакалавриата всех направлений и профилей подготовки реальной возможности и способности решать весь комплекс профессиональных задач на иностранном языке. Как показал анализ экспериментально-фонетических и лингводидактических исследований, одной из самых уязвимых сторон иноязычного образования является формирование произносительного аспекта звучащей речи специалистов, фонетический уровень которых не соответствует уровню профессионального владения языком.

Вопросы обучения различным ракурсам звучащей речи будущих специалистов в области иностранного языка, стали предметом научно-исследовательского интереса отечественных и зарубежных учёных (Л.В. Бондарко, Г.И. Бубнова, Л.А. Вербицкая, М.В. Гордина, Л.Р. Зиндер, К.Я. Литкенс, А. Н. Рапанович, Л.В. Щерба, F. Carton, M. Grammont, P. Léon, A. Martinet и др). На современном этапе методический багаж отечественной науки пополнился рядом работ молодых исследователей (К.Ю. Вартанова, Н.Л. Гончарова, О.А. Лаврова, Л.Л. Присная, Л.В. Рубцова, Т.В. Сказочкина, А.А. Хомутова и др.) предлагающих различные компетентностные модели формирования произносительных качеств иноязычной речи. В качестве основных характеристик, указывающих на качество звучащей речи, выделяются следующие: ясность, выразительность, логичность, обращённость, нормативность, вариативность, доступность, ответственность и т.д., а её важнейшим механизмом – адаптация – упрощение и усложнение [Макеева 2016: 91].

В настоящей статье нам бы хотелось в кратком изложении представить результаты опытно-экспериментального обучения, направленного на формирование фоностилистической компетенции (далее – ФСК) студентов бакалавриата, будущих учителей французского языка. Аргументация и обоснования обращения к фоностилистической организации устной речи специалистов, чья деятельность основана на устной иноязычной коммуникации подробно представлена в двенадцати публикациях и диссертационном исследовании [Головчанская 2016].

Согласно разработанной технологии, обучение проводилось в рамках курса «Фоностилистика профессионального дискурса». В ходе экспериментально-опытного обучения была осуществлена проверка концептуальных положений, как комплекса компонентов когнитивного, прагматического, социокультурного и рефлексивного уровней, обеспечивающих качественную реализацию устного иноязычного профессионального педагогического дискурса (далее – ИППД).

Дидактическая основа проведенного эксперимента носила комплексный характер, что отразилось в сочетании различных видов учебной деятельности, каждый из которых был направлен на формирование определённого компонента или сочетания компонентов, выделенных нами в структуре ФСК. Особое внимание уделялось самостоятельной работе, как в индивидуальном, так и групповом формате, что объясняется количеством часов (32 — на аудиторную работу и 32 — на самостоятельную), отведенных на курс. В этой связи грамотная организация самостоятельной работы, самоконтроля, совершенствование навыка самостоятельного пополнения знаний, работы с научной литературой, аудио- и видеодокументами, ответственное отношение к выполнению тренировочных упражнений, потребовало от участников эксперимента достаточного уровня мотивации и нацеленности на конечный результат.

На первом занятии были сформулированы цели, поставлены задачи курса, проанализирована Технологическая карта дисциплины, согласно которой проходило обучение и осуществлялось текущее оценивание результатов. После каждой лекции проводились письменные мини-опросы, в общей сложности восемь, целью которых было выявление трудностей, степени важности изученного материала и личностного отношения к рассматриваемым проблемам. В целях получения объективных данных студентам предлагалось выбрать форму заполнения опросника — анонимную или с указанием фамилии.

Так, сведения, полученные после двух первых лекционных занятий и по завершению лекционного модуля, зафиксировали снятие ряда трудностей, связанных с восприятием нового материала. Анализ опросных листов обеих групп, участников экспериментального обучения, подтвердил осознание важности изучаемого материала для будущей профессиональной деятельности у 87,5 % студентов ЭГ-1 и 85,5% студентов ЭГ-2 на финальном этапе лекционного модуля. К концу этого модуля у большинства обучаемых в ЭГ-1 -87% и в ЭГ-2 у 73% практически были сняты трудности, связанные с пониманием и осознанием материала. К таким трудностям они отнесли терминологические сложности, большой объем информации, необходимость фиксировать услышанное в виде конспектов, отсутствие знаний в этой области на родном языке.

По каждому пройденному теоретическому разделу студенты получали индивидуальные или групповые задания, которые заключались в анализе разноплановых научных лингвистических и лингводидактических статей, эссе, отрывков диссертационных исследований и монографий на французском языке по теме курса. Задания выполнялись в письменном виде или в виде презентаций.

Важной составляющей самостоятельной работы как в рамках теоретического, так и практического модуля стала исследовательская деятельность. Её основной задачей был поиск и подбор научно-методических источников, раскрывающих теоретические основы фоностилистического ракурса профессионального дискурса, современное положение дел в произносительном аспекте французского языка, основные подходы зарубежных ученых в области формирования произносительных качеств речи педагога. Для модуля практических занятий, этот вид самостоятельной работы носил лингводидактическую направленность и заключался в подборе и создании инвентаря тренировочных и проблемных заданий, основанных на реальных ситуациях институционального общения.

Согласно мини-опросам, этот вид деятельности вызывал наибольшие трудности у большинства студентов (ЭГ-1 — 62,5%, ЭГ-2 — 81 %) обеих групп, как в начале, так и в конце курса. Наиболее часто упоминаемыми являлись сложности поиска, по ключевым словам, отсутствие достаточного количества материала по фоностилистике, устной реализации педагогического дискурса на французском языке, разработок и методичек с практическими рекомендациями. Приведенные трудности полностью соответствуют реальной ситуации. Такое положение дел объясняется тем, что данное направление в науке является достаточно новым, не до конца исследованным, что подтверждает актуальность и подчеркивает научно-практическую значимость собранной коллективной библиографии по проблематике курса.

Модуль практических занятий экспериментального обучения осуществлялся на основе приобретенных теоретических знаний и включил в себя комплекс тренировочных упражнений, каждый из которых имел свое дидактическое назначение:

- комплекс дыхательных и артикуляционных упражнений, направленных на правильное функционирование речевого аппарата;
- рецептивно-продуктивные упражнения, основная цель которых совершенствование и корректировка произносительных качеств речи, улучшение фонематического и интонационного слуха, тренинг и закрепление реализации ритмико-интонационных моделей фоностилем;
- репродуктивно-продуктивные упражнения, направленные на совершенствование произносительно-интонационных качеств

профессиональной речи, развитие творческого и коммуникативного потенциала, на постижение специфики вариативности педагогического регистра речи;

– продуктивно-креативные упражнения, направлены на развитие и совершенствование декламационных навыков, на фоностилистическую гибкость и адекватность.

Большая часть упражнений выполнялась с использованием фоностилистического анализа, алгоритм которого был разработан Н.И. Портновой и В.С. Соколовой. Особая роль в практической части опытного обучения уделялась моделированию и инсценированию различных коммуникативных ситуаций. Мы исходили из того, что «поскольку любая сфера коммуникации обладает определенным набором речевых событий, которые доступны планированию, контролю и т.д., представляется возможным смоделировать коммуникативные события, составляющие речевую практику учителя иностранного языка» [Михайлова 2016: 106]. В рамках нашей работы, мы сделали основной упор на с использование фоностилем фатических жанров, что позволило студентам почувствовать себя в роли педагога, оценить свои устно речевые качества и однокурсников, произвести их самоанализ и самооценку. Этот вид деятельности использовался нами как итоговый и выполнялся в индивидуальном и групповом формате. Проведенный устный опрос студентов после практического модуля выявил, что создание и поддержка благоприятной эмоциональной атмосферы, комфортного рабочего микроклимата, партнёрства и взаимопомощи способствовало росту коммуникативной активности, творческого подхода к выполнению такого рода заданий.

Итоговый констатирующий эксперимент проводился на завершающей стадии обучения. В его основу легли оценочно-диагностические работы, основной целью которых была фиксация изменений, происшедших на когнитивном, прагматическом, рефлексивном и социокультурном уровне за период опытно-экспериментального обучения. Инвентарь этих работ составили специально разработанные тесты, психодиагностическое анкетирование, письменные и устные опросы, презентации индивидуальных и групповых проектов. Полученные результаты позволили выявить все интересующие нас аспекты для определения уровня сформированности ФСК учителя ИЯ-бакалавра.

Следующим шагом стало представление результатов итоговой диагностики, их сопоставление с результатами предваряющего констатирующего эксперимента и формулирование заключительных выводов. Для решения этой задачи было необходимо проанализировать полученные сведения, представить их в процентном эквиваленте и сравнить с данными, полученными перед экспериментом. Конечные

результаты подсчитывались с учетом данных Технологической карты, в которой фиксировалось текущее оценивание студентов.

Диагностика когнитивного компонента так же, как и в предваряющем констатирующем эксперименте проводилась в форме теста. Обращение к тесту, как форме проверки уровня приобретенных знаний, обусловлено тем, что при наличии дефицита аудиторного времени, это оптимальная возможность для концентрации в рамках одной работы фундаментальных положений, базисных понятий, составивших тематическое наполнение лекционного блока. Кроме этого, тестирование способно выявить недостатки обучения, наметить его перспективные направления и стимулировать мотивацию обучаемых.

Для определения уровня постижения гносеологических основ и базисных понятий фоностилистики как лингвистической науки, овладения ключевыми знаниями в области фоностилистического аспекта педагогического диалекта, его сегментных и супraseгментных характеристик, жанровой реализации ИППД студенты ЭГ-1 и ЭГ-2 выполнили тестовую работу, состоящую из 30 вопросов. В их состав вошли вопросы, вызвавшие наибольшее количество затруднений на первичном тестировании. К ним относятся вопросы, раскрывающие сравнительные характеристики фонетических систем русского и французского языков, физиологический аспект звукоизвлечения и современные тенденции произношения. Все эти вопросы были затронуты на лекциях в контексте изучаемых разделов. Обработка результатов производилась путем подсчета количества правильных ответов. Анализ проведенного анкетирования зафиксировал у подавляющего большинства участников эксперимента достижений достаточного уровня сформированности ФСК, в ЭГ-1 у 75% студентов, в ЭГ-2 у 77,5% студентов, высокого уровня достигли 25% в ЭГ-1 и 13,5% в ЭГ-2. На среднем уровне освоения гносеологического пласта фоностилистических знаний зафиксировано 9% от общего числа студентов ЭГ-2. В ЭГ-1 такие студенты отсутствуют.

На наш взгляд, такие результаты указывают на наличие достаточного количества фундаментальных знаний, составивших гносеологическую основу для практической реализации фоностилистического ракурса ИППД, свидетельствуют о расширении лингвистического кругозора, осознания важности такого рода знаний для будущей профессиональной деятельности и межкультурной коммуникации. Подключение ответов на мини-опросники и данных технологических карт подтверждают и подкрепляют корректность подсчетов текущими успехами, степенью заинтересованности и уровнем самооценки студентов. Это свидетельствует о положительных изменениях и благотворных тенденциях в когнитивной и интеллектуальной сферах.

Итоговая диагностика прагматического и социокультурного компонентов основывалась на результатах двух письменных работ, презентации итогового проекта и данных технологической карты. Мы посчитали логически оправданным, оценивание уровня приобретенных знаний социокультурной составляющей профессиональной деятельности учителя в прагматическом, практическом ракурсе.

Первая письменная работа заключалась в представлении фоностилистического анализа фрагмента урока, выделением фоностилем фатических жанров, определением их назначения, указанием коммуникативной роли учителя в рамках институционального общения. Эта работа выполнялась в индивидуальном, самостоятельном режиме. Сюжеты или тексты с фрагментами уроков студенты подбирали сами. Предпочтение отдавалось аудио и видеодокументам. Подбор материалов осуществлялся в рамках модуля самостоятельной работы.

Как упоминалось ранее, поиск практических и теоретических материалов вызвал наибольшие трудности, так как интересовавшие нас материалы очень скудно/ узко представлены в библиотеках и интернет ресурсах. В этой связи, нами было отобрано несколько видео документов, из которых студенты, по желанию, выбирали один для выполнения этой работы. Оценивание прагматического и социокультурного компонента этой работы осуществлялось отдельно, по 4-х балльной шкале, где 1 — низкий уровень, 2 — средний, 3 — достаточный, 4 — высокий. Расчет производился путем подсчета среднеарифметического балла по выделенным показателям.

Для прагматического компонента: корректность выполнения транскрипции; развернутость фоностилистического анализа на сегментном уровне: употребление гласных, согласных и полугласных, опущение звуков, уподобление звуков, реализация связываний и сцеплений, реализация [ə] беглого; развернутость фоностилистического анализа на супрасегментном уровне: распределение ударений, паузизация (синтаксические и hesitation), интонационная вариативность, тембральная насыщенность, скорость высказывания, мелодическая адекватность, выделительное ударение, тональные характеристики.

Для социокультурного компонента: орфографическая и синтаксическая корректность письменного варианта фрагмента; анализ стилистической принадлежности, соответствия используемых средств; выделение фоностилем фатических жанров, определение их коммуникативного назначения, социокультурного соответствия.

Вторая работа была проведена в форме тестирования с добавлением элементов фоностилистического анализа. Основной целью этой работы явилось выявление у студентов умений оперирования

фоностилемами фатических речевых жанров, речевыми клише и устойчивыми выражениями, составляющими основной лексический арсенал учителя ИЯ. Тест состоял из 15 вопросов. Студенты должны были выбрать один из трех предлагаемых вариантов выражений, в соответствии с поставленной коммуникативной задачей и представить его фоностилистический анализ. Результаты тестирования подсчитывались по количеству правильных ответов. За правильный выбор варианта и выполнение фоностилистического анализа каждого выражения начислялось по 1 баллу. Максимальное количество баллов за эту работу — 15 баллов. Расчет производился по следующей шкале: 1- 6 баллов — низкий уровень, 7-9 баллов — средний уровень, 10-12 — достаточный уровень, 13-15 — высокий уровень сформированности ФСК.

Третьим видом работ для определения уровня сформированности прагматического и социокультурного компонента стало представление итогового проекта, основной целью которого было инсценирование фрагментов урока, основанное на максимальном использовании фоностилем фатических речевых жанров, используемых в контексте образовательного процесса — от ежедневных ритуальных выражений до выражений благодарности, поощрений, порицаний, поздравлений, наставлений. Для выполнения этого проекта выступающий привлекал студентов из группы, которые исполняли роль учеников. На выступление одного студента выделялось до 15 минут. Проект реализовывался в аудиторном формате на последнем занятии опытного обучения. Также было необходимо представить в письменном виде глоссарий фоностилем фатических жанров, используемых учителем ИЯ в педагогической деятельности, который составлялся на протяжении всего курса.

Результаты проектной деятельности посчитывались на основе разработанных параметров, аналогичным тем, которые мы использовали в предваряющем констатирующем эксперименте, но уже с учетом пройденного курса и в контексте прагматического и социокультурного компонента. Таким образом, на основании проведенных оценочно-диагностических мероприятий, мы просчитали среднеарифметические показатели по каждому из исследуемых компонентов. Подсчеты показали, что примерно одинаковое количество студентов ЭГ-1 и ЭГ-2, порядка 76%, достигли достаточного уровня сформированности прагматического компонента, а 12,5% студентов ЭГ-1 сумели зафиксировать высокий уровень обоих компонентов. На этом фоне средний уровень прагматического компонента зафиксирован у 12,5 % в ЭГ-1 и 22,5% в ЭГ-2. А социокультурного — у 3% студентов ЭГ-2. Самим высоким в процентном соотношении показателем явился 90%-й, указавший процент студентов, достигших достаточного уровня социокультурного

компонента. Также очень позитивным показателем стало выявление 7 % обучаемых ЭГ-2, на высоком уровне сформированности социокультурного компонента.

Итоговое диагностирование рефлексивного компонента осуществлялось на основе устных опросов, сведений, полученных в письменных миниопросах после пройденных тематических разделов, психодиагностического анкетирования и непрерывного наблюдения, позволивших определить степень удовлетворенности от пройденного обучения, удовлетворенность достигнутыми результатами и самооценку своей включенности в образовательный процесс.

Итак, мы можем констатировать, что полученные итоговые данные оправдали наши ожидания и свидетельствуют об эффективности разработанной нами технологии формирования ФСК, правильности выдвинутой нами гипотезы о том, что достижение студентами достаточного уровня сформированности ФСК станет возможным при условии соблюдения концептуальных положений, принципов, содержательной и процессуальной составляющих разработанной технологии. Мы полагаем, что предлагаемая технология может использоваться в качестве фундаментальной основы для формирования фоностилистической компетенции бакалавров различных направлений и профилей подготовки.

Литература

Головчанская И.И. Формирование фоностилистической компетенции учителя иностранного языка (бакалавриат, французский язык): дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02. – Пенза, 2016.

Ежова Т.В. Проектирование педагогического дискурса в высшем профессиональном образовании будущего учителя: дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.08. – Оренбург, 2008.

Макеева С.Н. Профессионально направленное обучение иностранному языку будущих учителей как условие их подготовки к педагогической практике // Педагогический дискурс: новые стратегии подготовки учителей иностранных языков: Матер. межд. конф. / Под общ. ред. Е.Г. Таревой, Л.Г. Викуловой. – М.: МГПУ; Языки народов мира, 2016. – С. 89-97.

Михайлова С.В. Моделирование профессионально значимых коммуникативных ситуаций в процессе подготовки учителей иностранных языков // Педагогический дискурс: новые стратегии подготовки учителей иностранных языков: Матер. межд. конф. / Под общ. ред. Е.Г. Таревой, Л.Г. Викуловой. – М.: МГПУ; Языки народов мира, 2016. – С. 104-110.

Слободская Ю.В. Технология формирования предметных компетенций студентов языковых вузов в рамках дисциплины «Теория языка» (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02. – Ярославль, 2012.

Соколова В.С. Фонетика французского языка. – М.: Высшая школа, 1983.

КОЗАРЕНКО О.М.

РОЛЬ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ИЗМЕНЕНИИ МИРОВОЗЗРЕНИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Abstract: The widespread implementation of digital technologies is an integral feature of our time. However, a number of analytical studies carried out among specific categories of teachers to determine the nature of their use, pedagogical support and difficulties thus encountered, is not so great and is mainly focused on the description of new techniques for working with digital methods. The aim of this study was to determine the extent of ICT use among foreign language teachers in higher educational institutions of different specialization. In accordance with the obtained results, an attempt was made to understand the impact of information technologies on worldview change of a foreign language teacher.

Key-words: digital technologies, teaching of foreign languages, ICT, scientific outlook.

Стремительный темп жизни все дальше уносит нас в профессиональной деятельности от рассмотрения общих вопросов образования, аспектов философского плана. В повседневной жизни преподаватели все чаще занимаемся решением чисто практических задач, продиктованных реалиями, направленными на решение задач ближней и средней перспективы. Попытаемся тем не менее осмыслить и проанализировать, что же меняется в нашем восприятии как самого процесса обучения / преподавания иностранных языков, так и той роли, которую в этом играют новые цифровые технологии.

Вначале обратимся к содержанию понятия термина *мировоззрение*, который трактуется как «система человеческих знаний о мире и о месте человека в мире, выраженная в аксиологических установках личности и социальной группы, в убеждениях относительно сущности природного и социального мира» [Новая философская энциклопедия 2010]. Видение мира отдельным индивидом находит отражение в его практической и профессиональной деятельности и служит побудительным мотивом и механизмом преобразования действительности [Литвинов 2013].

На этапе всеобщей информатизации общества и массового внедрения информационных технологий в образовательный процесс мы не можем не замечать тех изменений, которые происходят в нашем восприятии и в восприятии учащимися окружающей действительности. Последнее не может не сказываться на процессе преподавания.

Часто в публикациях авторы говорят о позитивном влиянии новейших технологий на развитие познавательной деятельности учащихся «...развивает аналитическое мышление, интеллектуальные и творческие способности, самостоятельность в конструировании собственных знаний, приводит к формированию нового уровня мышления – общепланетарного, глобального» [Беликова 2012: <http>], не

всегда, однако, ссылаясь при этом на фактические данные проведенных исследований.

Новые возможности информационно-коммуникационных технологий в лингвистическом образовании в соответствии с их онтологической природой заключаются в расширении возможностей коммуникации, а также использовании «глобального связанного гипертекста», что делает процесс преподавания иностранных языков интегративным процессом, для которого характерны «актуализация социально-значимых компонентов и операций», которые возникают благодаря применению инновационных методических и педагогических приемов [Назаренко 2009: 89].

Большое внимание общим и философским вопросам информатизации лингвистического образования уделяется на конференции «Информационно-коммуникационные технологии в лингвистике, лингводидактике и межкультурной коммуникации», организуемой Центром дистанционного образования на факультете иностранных языков и регионоведения МГУ имени В.В. Ломоносова [Информационно-коммуникационные технологии ... 2014, 2016], в рамках которой работает секция по общим и философским вопросам информатизации лингвистического образования.

Интересна разработка концепции лингвистического образования в «обществе знания», для которого в отличие от информационного общества характерно изменение типа мышления и возрастание роли «человеческого знания», в отличие от «формальной информации» [Даниэлян 2014: 32]. В этом случае значимым становится знание конкретного человека, которое практически реализуется в повседневной жизни. Автор отмечает, что для специалистов в области лингвистики особую значимость приобретут такие термины, как *самосоздание, самопредприятие, самоэксплуатация*.

Исследовали не обходят вниманием и воспитательную составляющую использования информационно-коммуникационных технологий на занятиях по иностранному языку в условиях многообразия культур [Львова 2014: 51], теоретически обосновывая эту концепцию и предлагая информационно-коммуникационные инструменты в учебном процессе в условиях поликультурного образования.

Для подтверждения факта влияния тенденции информатизации иноязычного образования мы провели диагностическое исследование. В качестве его гипотезы было выдвинуто предположение о том, что ответы практикующих преподавателей помогут отразить те изменения, которые происходят в их восприятии образовательного процесса в результате использования информационно-коммуникационных технологий в преподавании иностранных языков. Для ответа на это вопрос нами было проведено онлайн анкетирование преподавателей

иностранного языка педагогических вузов и лингвистических факультетов университетов. В опросе приняло участие около 40 преподавателей иностранного языка различных возрастных категорий, которым автор выражает большую признательность.

Обратимся к результатам проведенного исследования. Все преподаватели согласны с тем, что с использованием цифровых технологий их взгляды на процесс преподавания / изучения иностранных языков изменились. При этом половина респондентов считают, что у студентов также изменилось их восприятие окружающей действительности, по сравнению с более ранним периодом. Немногим более четверти опрошенных (27,3%) констатируют, что у учащихся цифрового поколения изменился стиль мышления, который сильно отличается от образа мышления более раннего поколения.

Какова же реакция преподавателей на эти изменения? Каждый второй из них убежден, что профессионально необходимо к этому адаптироваться и готов это сделать. Большая часть опрошенных видит необходимость в изменении алгоритма преподавания. При этом около 20% стремятся к сохранению привычных форм восприятия реального мира учащимися и ограничивают их активность в использовании информационно-коммуникационных технологий. Однако около 4% ощущают определенный дискомфорт и признаются в том, что не могут приспособиться к новому стилю мышления учащихся, а 23% преподавателей вообще не задумываются об этой проблеме.

Каким в связи с этим преподаватели видят будущее в преподавании иностранных языков? Более 60%, опрошенных считают, что образование будет носить смешанный характер. Однако по следующим критериям позиции преподавателей иностранного языка диаметрально расходятся, оставаясь одинаковыми по абсолютным значениям (18%). Часть из них полагает, что будущее целиком перейдет в область онлайн образования. Вторая группа респондентов абсолютно убеждена в том, что именно учитель будет занимать ведущее место в процессе преподавания. Около 14% считают, что потребность в изучении иностранных языков вообще отпадет в связи с совершенствованием технологий перевода. 9% убеждены, что в процессе преподавания ничего не изменится. Около 10% не видят оптимистических перспектив для профессии учителя, считая, что она перестанет быть массовой.

Интересно соображение, которое дал наш коллега, используя возможность открытого ответа. Приводим его точку зрения дословно: «Живой учитель и живой ученик – ситуация древняя, как мир. Если этот порядок нарушится, то будет гуманитарная катастрофа».

Проведенное исследование показывает необходимость дальнейшего изучения изменений в мировоззрении преподавателей, в

связи с использованием информационно-коммуникационных технологий. Этот анализ позволит с одной стороны лучше понимать происходящие изменения, в частности в преподавании иностранных языков, а с другой стороны позволит лучше представлять себе перспективы новых образовательных траекторий.

Литература

Беликова Е.О. Роль информационно-коммуникационных технологий в формировании межкультурной компетенции студентов // Вестник ВолГУ. Серия 6: Университетское образование. 2012. – №13. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/rol-informatsionno-kommunikatsionnyh-tehnologiy-v-formirovanii-mezhkulturnoy-kompetentsii-studentov> (дата обращения: 09.04.2017).

Даниэлян Н.В. Концепция лингвистического образования с позиции перехода от информационного общества к «обществу знания» // Информационно-коммуникационные технологии в лингвистике, лингводидактике и межкультурной коммуникации. Выпуск 6 / под ред. А.Л. Назаренко. – М.: Центр дистанц. образ. Факультет иностр. яз. и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; Изд-во «Университетская книга». 2014. – С. 30-38.

Информационно-коммуникационные технологии в лингвистике, лингводидактике и межкультурной коммуникации: Выпуск 6 / под ред. А.Л. Назаренко. – М.: Изд-во «Университетская книга». 2014.

Информационно-коммуникационные технологии в лингвистике, лингводидактике и межкультурной коммуникации; под ред. А.Л. Назаренко. – М.: Университетская книга, 2016.

Литвинов Э.П. Личность и ее мировоззренческие основы // Электронное научное издание. Альманах «Пространство и Время». 2013. №1. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/lichnost-i-eyo-mirovozzrencheskie-osnovy> (дата обращения: – 09.04.2017).

Львова О.В. Системный подход к использованию информационных и телекоммуникационных технологий для образовательных целей в условиях многообразия культур: воспитательная составляющая // Информационно-коммуникационные технологии в лингвистике, лингводидактике и межкультурной коммуникации: Выпуск 6; под ред. А.Л. Назаренко. – М.: Изд-во «Университетская книга». 2014. – С. 51 – 58.

Назаренко А.Л. К вопросу об информатизации лингвистического образования // Язык и культура. – 2009. – №1 (5). – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-informatizatsii-lingvisticheskogo-obrazovaniya> (дата обращения: 09.04.2017).

Новая философская энциклопедия: в 4 т. Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; Предс. научно-ред. совета В.С. Степин. 2-е изд., испр. и допол. М.: Мысль, 2010. // Интернет-портал Института философии РАН. – URL: <http://iph.ras.ru/elib/1910.html>

МУРАТОВА О.А.

**РОЛЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ПРИ ПОДГОТОВКЕ СТУДЕНТОВ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ВУЗА К УЧАСТИЮ В ГЛОБАЛЬНОМ
ВИРТУАЛЬНОМ ИНОЯЗЫЧНОМ ОБЩЕНИИ**

Abstract: The article raises the issues teachers of economic universities encounter in the process of teaching students the foreign language due to the changes brought about by the development of economic relations between countries with the help of social networking sites. It outlines the necessity to select those methods of teaching which help to form cross-cultural professional competence along with critical thinking and build strong and successful relationships with representatives of different cultures. Being part of virtual society teachers should focus attention on the development of students' personal skills, such as tolerance and empathy, inquisitiveness, flexibility and open-mindedness, which enable students to socialize with people of different nationalities and achieve the desirable outcome at any time and in any environment. It describes an electronic interactive practicum aimed at helping students of economic universities to acquire cross-cultural and language skills as well as capability to critical thinking.

Key words: virtual educational environment, cross-cultural communication, critical thinking, electronic interactive practicum, tolerance, empathy.

Сегодняшний этап развития мирового сообщества и торговых связей, доступ к информационным технологиям и популяризация социальных сетей требуют от студентов готовности и способности к межкультурному общению в глобальной виртуальной среде. В условиях смены образовательных парадигм от системно-структурной (знаниевой) на межкультурную парадигму и массового использования коммуникативно-информационных технологий во всех сферах общества преподаватель вуза вынужден адаптироваться к глобальным изменениям, происходящим в образовательном процессе. Желание и готовность к использованию новых способов, методов и средств при обучении иностранному языку, направленных на подготовку будущих экономистов к успешному взаимодействию в новом для любой культуры формате общения – виртуальном, являются одними из главных задач преподавателя экономического вуза.

Особенности современного глобального мира с огромным разнообразием социальных сетей и неограниченной возможностью к мобильности и выстраивания взаимовыгодных экономических отношений ставят студента перед необходимостью вступать в диалог с представителями разных культур и языков в самых разных условиях действительности. Такое общение происходит в реальных ситуациях межличностной коммуникации и составляет основу виртуального коммуникативного пространства [Прохоров 2017: 10].

Такая коммуникация включает три аспекта: действительность, в условиях которой осуществляется реальное общение, текст, как содержательно-языковая основа, и дискурс – содержательно-речевая основа, которые взаимосвязаны между собой [Там же: 11]. Следовательно, с изменением действительности возникает вероятность появления

новых текстов, что, в свою очередь, приводит к вариативности дискурса, новый дискурс требует расширенных знаний участника коммуникации.

Ввиду сказанного перед преподавателем ставится задача помочь студенту определить реальную ситуацию в конкретный момент общения и дать ей оценку, соотнести свои знания об этой действительности со знаниями своего партнера по коммуникации и сделать соответствующий выбор эффективных вербальных и невербальных средств общения. Другими словами, преподавателю необходимо актуализировать весь спектр лингводидактических компетенций, обеспечивающих на межпредметном и межнаучном уровне реализацию образовательных (педагогических, психологических, методических) стратегий в целях формирования у обучающихся (студентов вуза) межкультурной компетенции [Тарева, Тарев 2007: 275]. Он должен найти или выстроить модель обучения, которая будет формировать способность вступать в межкультурный диалог с представителями иных культур с максимальным успешным результатами при реализации поставленных целей как в виртуальной среде, так в условиях реальной коммуникации. Только построение процесса обучения языку через диалог культур способно подготовить студента к межкультурному взаимодействию средствами иностранного языка, взаимодействию, в пределах которого происходит равноправное освоение родной и иной культур. Такая обучающая стратегия, по мнению Е.Г. Таревой, заключается в учете обязательного взаимодействия контактирующих языковых и концептуальных систем участников коммуникации – представителей двух лингвосоциумов [Тарева 2014: 44].

Процесс обучения при межкультурном подходе предполагает ряд последовательных когнитивных действий обучающего: 1) знакомство с фактом иной культуры; 2) перенос его в родную культуру и осознание ее особенностей; 3) переоценка факта родной культуры; 4) постижение с этих позиций явления иной культуры; 5) переоценка факта иной культуры; 6) взгляд на факт родной культуры с позиций носителя языка. «Конечной целью сложной когнитивной и познавательной деятельности является, во-первых, присвоение явления иной культуры, которая многократно (на разных уровнях переосмысления) пропускается через родную культуру обучающегося, и во-вторых, осмысление (переоценка) факта родной культуры, который до момента сопоставления мог не осознаваться как своеобразный» [Там же: 45].

Итак, для достижения данной цели, преподавателю необходимо стремиться создать благоприятные условия и использовать методы и средства обучения иностранному языку, способствующие формированию определенных личностных качеств студентов, важных для переоценки фактов родной и иной культур и обеспечивающих положительный результат в ходе общения.

И.Л. Плужник выделяет следующие универсальные поведенческие образцы, способствующие успешному межкультурному взаимодействию:

- толерантность к неопределенности и эмпатию;
- проявление уважения, дружелюбия, умение управлять взаимодействием в процессе общения;
- ориентированность на установление отношений, а не только на решение задач, интерактивность;
- заинтересованность и центрацию на другого человека;
- умение взаимодействовать, свободную манеру социализации [Плужник 2003: 49].

Перед преподавателем, таким образом, стоит задача формирования таких личностных качеств, как готовность (настрой), ожидания, адаптивность и толерантность общающихся к неоднозначным ситуациям, играющим важную роль и влияющим на характер взаимоотношений как в реальном, так и в виртуальном общении. Позитивные установки играют важную роль при установлении контакта с представителями иной культуры. Н.В. Барышников подчеркивает необходимость установок на: готовность к общению с собеседником, менталитет и образ жизни которых отличается от собственного; толерантность, предполагающая уважительное отношение к культуре страны изучаемого языка, признание достижений, в ситуациях недопонимания избегание агрессии; открытость; взаимное стремление к преодолению трудностей непонимания невербального поведения; обоюдное стремление партнеров к равностатусному общению; осознание языкового барьера, который не может быть полностью исключен [Барышников 2013: 93].

Анализируя данные установки, нельзя не отметить их сходство с параметрами критического мышления, детально представленными американским ученым П. Фасионе (P. Facione). Он подчеркивает, что критически мыслящий человек отличается любознательностью относительно широкого спектра проблем; стремлением быть хорошо осведомленным; готовностью к использованию критического взгляда на мир; уверенностью в собственной способности к рассуждению; непредубежденностью к противоречивым взглядам; гибкостью в рассмотрении альтернатив и мнений; восприимчивостью к мнению других людей; справедливостью в оценке рассуждения, честностью в столкновении с собственными предрассудками, предубеждениями, стереотипами, эгоцентрическими или социцентрическими тенденциями; разумностью в приостановке, создании или изменении умозаключений; готовность к переосмыслению своих взглядов на основе непредвзятого осознания [Facione 2010]. Для этого необходима способность человека к формулированию саморегулируемого, целенаправленного и упорядоченного суждения, результатами которого

являются интерпретация, анализ, заключение, оценка и объяснение факторов, на которых основано суждение [Там же]. Критически мыслящий человек, тем самым, способен к многовариантности, альтернативности суждений, нестандартности, которые являются факторами достижения успеха в межкультурной коммуникации.

Из сказанного следует, что преподавателю необходимо сконструировать такую модель обучения, направленную на синхронное формирование языковых навыков, речевых и межкультурных коммуникативных умений и способности к критическому мышлению. Ученые подчеркивают необходимость создания пособия, ориентированного на обучение студентов деловой коммуникации, на обеспечение готовности обучающихся к различным сферам и формам такой коммуникации, на привитие знаний о культуре делового профессионального общения, на оценку инокультурной действительности с позиций носителя языка и на сопоставление двух профессиональных картин мира [Тарева, Тарев 2014]. Одним из примеров реализации подобных учебных материалов может выступить созданный и апробированный группой преподавателей РЭУ им. Г.В. Плеханова (при личном участии автора статьи) интерактивный *электронный практикум* или *онлайн-курс*, созданный с учетом родной культуры студентов и дающий возможность выявить сходства и различия между родной и изучаемой культурами, сопоставить и интерпретировать эти различия и построить непредвзятое, критичное умозаключение, в котором отразится индивидуальный опыт студента, связанный с его мировосприятием.

Данный практикум в тестовом режиме был внедрен в практику преподавания дисциплины «Деловые и межкультурные коммуникации на иностранном языке». Он представляет кластерный модуль, по окончании изучения которого студент выполняет проект социокультурного развития международной компании. Основу составляют два модуля, первый из которых представлен текстами межкультурной направленности и профессионально ориентированными ситуациями для самостоятельного изучения, второй модуль позволяет как проверить полученные знания, так и пошагово подготовиться к выполнению проекта [Благонравова, Муратова, Тростина 2017: 31]. Преимуществами данного сборника является возможность самостоятельной организации учебного процесса студентами, выстраивание своей собственной траектории обучения, общение в виртуальном образовательном сообществе преподавателей и студентов, внесение корректив в учебный материал в рамках кластерного (вариативного) модуля, выбор ресурсов для автономной индивидуальной работы. Главной задачей практикума является формирование способности к межкультурной коммуникации и способности к критическому мышлению, необходимые для успешного взаимодействия с представителями иных культур [Тростина, Экарева, Пригожина 2017].

Приведенный пример указывает на необходимость использования технологий, направленных на формирование межкультурной компетенции и развития способности к критическому мышлению. В рамках данных технологий применяются задания проблемного характера такие, например, как анализ кейсов, направленный на решение проблемы межнационального делового общения межкультурной направленности и требующий формулирования проблемы, возможные решения с определением их достоинств и недостатков, рекомендации по изучению проблемы с обоснованием своего выбора и стратегии действий для реализации своего плана [Муратова 2015: 68].

В дополнение к перечисленному преподаватель может использовать ситуационные модели, требующие сопоставительного анализа культурных различий, которые являются важным средством формирования когнитивного и в особенности аффективного компонента межкультурной компетенции. Могут быть также использованы индивидуальные или коллективные веб-проекты и вики-проекты по определенной культурной тематике, итогом которых будет эссе, доклад, или презентация. Метод проектов является мощным средством развития критического мышления и таким образом помогает студенту самостоятельно работать с любой информацией, вырабатывать собственное мнение и ясно выразить свои мысли. Использование таких интерактивных сред, как Скайп и Фэйс тайм, дает возможность общения в виртуальной среде за пределами аудитории, тем самым повышая мотивацию студентов.

Итак, в условиях стремительного развития научно-технического прогресса и мировой торговли востребованность социальных сетей, меняющих формат традиционного общения на виртуальный, от выпускника экономического вуза требуется развитая коммуникативная компетенция для эффективного взаимодействия с представителями иных культур. Следовательно, преподавателю необходимо искать новые способы и методы, подходящие для построения процесса обучения языку через диалог культур и способствующие формированию личностных качеств, необходимых для эффективного межкультурного взаимодействия. Использование интерактивных электронных учебников, направленных на синхронное формирование межкультурной коммуникативной компетенции и, в том числе способности к критическому мышлению как компонента последней, делает возможным достижение целей, диктуемых современной действительностью.

Литература

Благонравова М.А., Муратова О.А., Тростина К.В. Электронный практикум для новой модели дистанционного обучения // Научный бюллетень Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. – 2017. – С. 29-34.

Барышников Н.В. Стратегии равноправной межкультурной коммуникации // Вестник МГИМО-Университета. – 2013. – № 6 (33). – С. 90-94.

Муратова О.А. Проблема обучения критическому мышлению студентов экономических вузов на занятиях по иностранному языку // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2015. – № 4 (20). – С. 65-70.

Плужник И.Л. Формирование межкультурной коммуникативной компетенции студентов гуманитарного профиля в процессе профессиональной подготовки: дис. ...д-ра пед. наук: 13.00.01. – Тюмень, 2003.

Прохоров Ю.Е. Дискуссионный монолог о диалоге культур // Диалог культур. Культура диалога: Человек и новые социогуманитарные ценности: коллективная монография / Отв. ред. Л.Г. Викулова, Е.Г. Тарева. – М.: НЕОЛИТ, 2017. – С.7-17.

Тарева Е.Г., Тарев Б.В. Инновационный потенциал образовательных традиций: учебник иностранного языка открытого типа // Вопросы методики преподавания в вузе. – 2014. – № 3. – С. 364-373.

Тарева Е.Г. Межкультурный подход в парадигмальной системе современного социогуманитарного знания // Диалог культур. Культура диалога: Человек и новые социогуманитарные ценности: коллективная монография / Отв. ред. Л.Г. Викулова, Е.Г. Тарева. – М.: НЕОЛИТ, 2017. – С. 17-45.

Тарева Е.Г., Тарев Б.В. Сущность лингводидактических компетенций и их место в структуре профессиональной компетентности преподавателя иностранного языка // Вестник Бурятского государственного университета. – 2007. – № 3. – С. 268-276.

Тростина К. В., Экарева И.Л., Пригожина К.Б. Виртуальная образовательная среда в вузе как способ создания виртуального образовательного сообщества на основе дистанционных образовательных технологий // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – Т. 26. – С. 831-835.

Facione Peter A Critical Thinking: What It Is and Why It Counts. – 2015. – URL: www.insightassessment.com, свободный. – Дата обращения 20.04.2017.

SMIRNOVA M A.

LE METODOLOGIE TRADIZIONALI NELLA FORMAZIONE DI ITALIANISTI: VERSO UN APPRENDIMENTO INTEGRATO DELLE LS

Abstract: The article dwells on the opposition between the two reigning methods in the field of foreign language teaching in the 3rd grade educational institutions: the communicative or affective-humanistic approach versus the traditional grammar-translation method. It aims to demonstrate the necessity of an integrative approach towards the professional training of a future linguist (with the specialization in Romance linguistics).

Key-words: romance linguistics, Italian language, language education, foreign language teaching methodologies, affective-humanistic approach, grammar-translation method.

Ci vediamo spesso confrontati con la domanda quanto importante sia l'insegnamento della grammatica nell'apprendimento dell'italiano come LS. Il comunicativismo accentua l'importanza della dimensione funzionale della lingua, spesso a danno della conoscenza strutturata dei meccanismi di funzionamento che deve però fare parte integrale e inasportabile di qualsiasi curriculum linguistico. E' generalmente noto che oggi nel mondo si assiste ad un «ritorno della grammatica», dopo alcuni decenni di dominio dei principi comunicativi e delle competenze d'uso, la glottodidattica oggi si volge verso le

competenze «sull'uso». Anche quest'ultime però divergono molto a seconda dell'approccio, e se nel sistema italiano prevale quello umanistico-affettivo, noi essendo eredi dell'educazione sovietica, cerchiamo spesso di integrarlo con l'approccio grammaticale-traduttivo che consiste nell'allenamento attraverso numerosi esercizi e nella traduzione di testi letterari e tecnico-scientifici con la seguente analisi morfosintattica. Mi soffermerò su questo metodo più in avanti.

Un secondo chiarimento riguarda il termine stesso «grammatica». In Italia dal 1979 nei Programmi scolastici ministeriali è presente la nozione «riflessione linguistica». Diamo qui una breve distinzione che cocerne il soggetto e l'oggetto di studio, il tempo, il posto e lo scopo. Così abbiamo un sistema centrato sullo studente nel caso della riflessione sulla grammatica contro il ruolo primario dell'insegnante; le regole di funzionamento a scopo comunicativo contro le regole normative morfosintattiche inalterabili; finalmente, abbiamo uno «schema vuoto» da colmare autonomamente nel punto d'arrivo contro gli «schemi pieni» appresi in partenza da acquisire ed applicare attraverso molteplici ripetizioni.

Descritto in questi termini, sembra che la «pura grammatica» sia oggi in grande svantaggio, anzi, presenti una forma di insegnamento obsoleto se non addirittura nocivo. Oggi la didattica propende verso l'induzione. Alla deduzione è riservato un ruolo passivo, noioso e non motivante per gli studenti.

In questa sede non mi pongo l'obiettivo di discutere il valore e i meriti del metodo comunicativo, anni di lavoro hanno dimostrato la sua efficacia. Vorrei invece soffermarmi su alcuni punti deboli che parlano a favore di un metodo integrato che restituisca l'importanza alla grammatica.

A mio avviso, prima di trarre conclusioni definitive a proposito dell'inadeguatezza del metodo grammaticale, va specificato 1) lo studente – destinatario d'insegnamento 2) l'istituzione che presta i servizi d'insegnamento e quindi 3) il risultato d'insegnamento. Diciamo in primo luogo che non è mai possibile condurre tutte le attività di riflessione linguistica in maniera induttiva, fosse solo per ragioni di tempo. Faccio annotare inoltre che non tutti gli argomenti grammaticali sono facilmente inducibili dal materiale didattico comunicativo o metacomunicativo, come, a.e., l'uso del congiuntivo o l'alterazione. Ciò di cui possiamo essere sicuri, in chiave didattica, è l'importanza di rendere coscienti gli studenti della necessità di una scelta «grammaticale» (ad esempio l'alternanza fra condizionale e imperativo per modulare la forza illocutiva di un enunciato) legata a un determinato contesto.

I metodi umanistico-affettivi sono senz'altro efficaci nelle scuole della lingua italiana dirette a persone che vogliono imparare l'italiano per viaggio o per lavoro, ma anche per chi vuole migliorare le proprie capacità comunicative e approfondire le conoscenze culturali. Nelle istituzioni di secondo e di terzo grado (scuola media e superiore, università), la prevalenza della riflessione linguistica sulla grammatica sembra piuttosto postulata che rispettata.

Tornando al titolo della mia relazione, vorrei sottolineare che lo studente di cui principalmente ci occupiamo noi è un futuro italianista, insegnante della lingua italiana e con ciò non può permettersi di avere un'idea approssimativa della struttura della lingua. Il metodo affettivo comporta con sé una serie di conseguenze negative a cui di solito non si presta attenzione, ovvero: lo studente spesso fa ipotesi errate circa i meccanismi ricorrenti della lingua e utilizza strategie di semplificazione, ipergeneralizzazione, transfer, ipercorrettismo ed altri. Tra questi il transfer pone un problema particolare perché riguarda direttamente la L1. È necessario sottolineare che le categorie grammaticali non sono universali e non sempre, per uno studente russo, è possibile individuare la deissi indicata dall'articolo, il «caso nominale» attraverso la reggenza preposizionale o l'espressione di posteriorità nel passato. Tale difficoltà potrebbe essere dovuta sia alla scarsa dimestichezza dello studente con la riflessione sulla lingua nella sua L1, sia al fatto che nella sua L1 queste etichette sono talvolta tutt'altro che trasparenti. Come stimolare quindi lo studente a correlare categorie grammaticali per fornire una griglia strutturale senza incorrere in errori e sviluppare non solo la capacità di riflessione implicita ma anche esplicita mirata al suo futuro ruolo professionale?

È indispensabile quindi introdurre nel programma di studio un ciclo dedicato alla grammatica teorica della lingua italiana, spesso sottovalutato dagli addetti del metodo comunicativista. Generalmente è diviso in 5 parti: fonetica, morfologia, lessicologia e lessicografia, sintassi e stilistica. Ciascuna delle parti è affidata allo specialista in settore e si articola in conferenze integrate da seminari. Lo studente filologo segue parallelamente gli stessi corsi della lingua russa il che permette di aggiornare la sua conoscenza della grammatica della L1 e creare allo stesso tempo un legame con la lingua d'acquisizione. Lo scopo finale di questo ciclo è di abbinare le regole alla struttura (espandibile e applicabile possibilmente allo studio di altre lingue) e al funzionamento della lingua. La grammatica teorica non prevede inizialmente un approccio implicito induttivo. Le competenze acquistate vengono sviluppate attraverso l'analisi stilistica e grammaticale di testi.

Un altro ciclo vitale per completare la formazione metodologica di un futuro italianista o altro specialist nel settore delle lingue romanze comprende la storia della lingua italiana (o altra LS) e l'analisi comparata delle lingue romanze che parte dall'Introduzione nella filologia romanza per terminare poi nella grammatica contrastiva delle lingue romanze. Non serve precisare quanto sia importante studiare la storia della LS non solo per la cultura generale ma anche per la capacità di analizzare strutture, trarre conclusioni e fare ipotesi sullo sviluppo della lingua. Si mira ad inserire la romanistica nel quadro comune degli studi linguistici e di fornire agli studenti gli strumenti necessari per creare una loro propria grammatica eclettica che comprenda la grammatica storica, la grammatica universale, la grammatica generativa ed altre, capace di ricorrere a metodi diversi a seconda del fenomeno considerato.

Finalmente l'ultimo ciclo riguarda la metodologia d'insegnamento dell'italiano. Oltre a conoscere le diverse metodologie e a valutarne i pregi ed i difetti gli studenti sono invitati a riflettere su quanto hanno imparato durante gli anni precedenti. Ed è proprio a questo punto che coincidono le tre competenze acquisite: la competenza funzionale e comunicativa, la competenza grammaticale e la competenza didattica. Solo avendo acquisito le fondamenta linguistiche in modo deduttivo integrato dall'approccio affettivo-comunicativo il futuro italianista deve essere capace di invertire il processo, «azzerando» la propria griglia per riempirla assieme al suo futuro studente. In questo senso ci sembra di seguire molto da vicino quanto scritto da Ciliberti: «La riflessione [...] riveste un ruolo cruciale nei modelli di formazione degli insegnanti. Con la riflessione si individuano connessioni e legami tra aspetti e momenti di un'esperienza e si collegano le cause e le origini delle azioni agli esiti delle stesse. [...] Formare professionalmente gli insegnanti significherebbe dunque aiutarli a distanziarsi dalle proprie pratiche» [Ciliberti 2003: 14-15]. A mio avviso, la capacità stessa di adottare il metodo induttivo ed implicito è una facoltà propria di uno specialista che ha appreso la struttura della lingua in modo fondamentale e non intuitivo. (Questo serve da spiegazione perché molti madrelingua senza preparazione professionale fanno dei pessimi insegnanti).

Nella mia relazione volevo dimostrare l'importanza dei metodi tradizionali d'insegnamento nella formazione di italianisti. Ciò non toglie il primato del metodo umanistico e il suo valore comunicativo, metalinguistico e funzionale. Per concludere vorrei dire che l'istruzione universitaria comporta la necessità di una trasversalità disciplinare e continuità curricolare attraverso l'integrazione dei due approcci in funzione dell'iter studiorum e delle esigenze linguistiche, cognitive e motivazionali dello studente.

Letteratura

- Begotti P. L'insegnamento di italiano ad adulti stranieri – Perugia: Guerra edizioni, 2006.
Ciliberti, A. Introduzione // Ciliberti A., Pugliese R., Anderson L. Le lingue in classe - Roma: Carocci, P. 11 - 20.
Ciliberti A. La grammatica: modelli per l'insegnamento – Roma: Carocci, 2015.
Consiglio d'Europa. Quadro comune di riferimento – La Nuova Italia, 2002.
Marello, C., Mosca, S., Bosc, F. (a cura di). Saperi per insegnare. Formare insegnanti di italiano per stranieri –Torino: Loescher, 2006.
Serianni L. (a cura di). Grammatica italiana. Italiano comune e lingua letteraria – Torino: UTET, 1988.

ТАРЕВА Е.Г.

**ПРЕПОДАВАНИЕ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ
УЧЕНОМУ И ПРЕПОДАВАТЕЛЮ-ПРАКТИКУ**

Abstract. The paper deals with new challenges specific to teaching foreign languages, due to new trends in the development of education, new social requirements, and new alignment of forces on the geopolitical map of the world. Modern conditions determining modernization of foreign language teaching are considered. The author lists the challenges, solution of which may predetermine the future of linguodidactics as a science and the change in the methodological thinking of specialists in the field of foreign language teaching: researchers, teachers, practitioners.

Keywords: teaching foreign languages, discourse teaching, dialogue of cultures, non-dialogue of cultures, LSP, CLIL, EMI.

Современная эпоха по-своему расставляет приоритеты в области освоения иностранных языков как инструментов глобализации, интеграции, аккультурации, информатизации. Актуальные тенденции развития мира неотделимы от качественного оперирования людьми иностранными языками, которые из предмета овладения (язык как самоцель) превратились в средство достижения человечеством ориентиров своего развития (язык как средство познания, интеракции, сохранения наследия, распространения ценностей и пр.). Язык, с одной стороны, способен стать конструктивным элементом развития общества (в этом случае язык и общение выступают как инструменты «мягкой силы» (soft power); об этом подробнее см. [Тарева 2016]). С другой стороны, язык может способствовать искажению информации, ее намерено извращать, приводя к непониманию, дестабилизации устоев, межнациональным и внутринациональным конфликтам. В этом своем свойстве он превращается в инструмент «жесткой силы» (hard power), средство манипулирования сознанием, провозглашения, навязывания чуждых ценностей и приоритетов (об этом см. [Диалог культур. Культура диалога... 2017]). Следует заметить, что на сегодняшний момент в эпоху «постправды» (post-truth) именно последние проявления стали наиболее очевидными, совершенно нескрываемыми и даже порой весьма демонстративными.

Одновременно с глобальными ориентирами иностранный язык (далее – ИЯ) находится и пределах личных интересов каждого человека: язык – способ саморазвития, реализации планов и задач, самопрезентации и позиционирования в окружающем пространстве. Собственно, и в прежние времена ИЯ был непосредственно ‘привязан’ к потребностям личности, но никогда ранее он не был столь жизненно необходим в связи с максимизацией информационных потоков, их открытостью, доступностью, отсюда индивидуальной привязанностью к конкретному человеку. Никогда ранее средства постижения

информации не были столь вариативными как по содержанию, так и по способам их передачи потребителям, столь скоростными в силу их виртуализации. В связи с такими проявлениями происходит отказ от 'обезличенного', нейтрального, обобщенного, единообразного формата ИЯ, который долгое время преподавался в общеобразовательной и высшей школе. Возникла необходимость в смене 'облика' языка на лично ориентированный, прагматически направленный, выраженный в особом индивидуальном стиле иноязычного общения. Антропоцентрическая парадигма, таким образом, обуславливает необходимость изменения стратегий и тактик обучения ИЯ.

В связи с перечисленными социально и лично обусловленными тенденциями перед учеными, изучающими процесс обучения ИЯ, перед преподавателями-практиками возникли новые вызовы. Появились вопросы, на которые пока не найдены ответы. Перечислим некоторые из них и сопроводим перечисление необходимыми для принятия решений комментариями.

Первый вопрос – Какому языку учить?

Отказ от унифицированного образа языка как системы (бытовавшего в эпоху лингвистической, системно-структурной парадигмы) приводит сегодня к необходимости осознать и дидактизировать (представить в образовательном ракурсе) разные варианты языка в его привязке к конкретному дискурсу (юридический дискурс для специалистов в области права, педагогический – для преподавателей, медицинский – для медиков и пр.). Нужна методически грамотная характеристика конкретного дискурса в представлении совокупности компонентов коммуникативных ситуаций, функционирующих в конкретной сфере профессионального общения. Необходимо описание субъектов профессиональной коммуникации, их «портретирование» как языковых личностей. Следует думать о прогнозировании и методической обработке вероятных коммуникативных намерений, определяющих ход профессионально направленной коммуникации. При этом нельзя ориентировать обучающихся исключительно на благоприятный исход межличностного взаимодействия, необходимо их готовить и к конфликтным коммуникативным эффектам.

Сложность ответа на первый вопрос заключается в том, что количество дискурсов как реализаций общения «здесь и сейчас» не подлежит исчислению, и это, безусловно, осложняет задачу ученого-методиста, преподавателя. Тем не менее, именно такой 'образ' ИЯ сегодня востребован практикой преподавания, именно он должен быть описан в научных исследованиях и представлен в учебных материалах различного порядка: образовательных программах, учебных пособиях / учебниках ИЯ, наборах аутентичной информации и пр.

Второй вопрос – Что представляет собой диалог культур в современном обучении ИЯ?

Последние два-три десятилетия лингводидактика совершенствуется в контексте формулирования и решения ключевой проблемы – разработки теории и технологии обучения языку и культуре в целях подготовки субъекта диалога культур. В контексте решения данной проблемы диалог культур выступает в научных исследованиях и как цель, и как средство, и как принцип, и как форма, и как средство обучения. Следствием такого пристального внимания к феномену *диалог культур* являются возникновение и активное распространение социально- и культуросообразных подходов к обучению ИЯ: социокультурного, лингвокультурологического, лингвострановедческого, социолингвистического, этнокультурного и пр. Апогеем развития парадигмы культурно ориентированных подходов явился межкультурный подход, в пределах которого диалог культур представлен как ядро концепции, проявляющееся и при целеполагании, и при отборе содержания обучения, и при формулировании принципов, служащих формированию межкультурной коммуникативной компетенции, и при поиске адекватных данному содержанию технологий обучения. Именно диалогизация (равноправие, «равностатусность», по Н.В. Барышникову) отношений коммуникантов – представителей взаимодействующих культур лежит в основе межкультурного подхода, при реализации которого предусматривается не только погружение посредством изучаемого языка в иную культуру, но и переосмысление своей родной культуры, ее параметров, особенностей, ориентиров и пр. [Межкультурное иноязычно образование... 2014].

Реальности сегодняшнего дня заставляют задуматься над вопросом о том, не происходит ли сегодня смещение акцентов в осознании статуса диалога культур как лингводидактического феномена. В последнее время все чаще об изменении отношения к данному феномену пишут исследователи: В.В. Сафонова, развивая в системе языковой педагогики общеметодологические, философские представления М.С. Когана о «не-диалоге культур» [Диалог культур. Культура диалога... 2017: 100-105], Н.В. Барышников, критически оценивая диалог культур, характеризуя его как мифологему [Там же: 125-145], Ю.Е. Прохоров, демонстрируя возможность «внутрикультурного, ококультурного и внешнекультурного состояния языка», частотность внекультурного бытования языка [Там же: 7-16], С.Г. Тер-Минасова, рассматривая диалог культур как эвфемизм, политкорректное обозначение конфликта культур [Тер-Минасова 2000]. Новый трезвый взгляд на диалог культур (долгое время методика обучения ИЯ находилась как бы под гипнозом данного явления, во многом идеализируя его) служит вызовом для исследователей и преподавателей.

Они должны принять решение, возможно, о смене целеполагающих установок в аспекте смещения акцентов, возможно, об изменении компонентов в содержании и структуре иноязычной коммуникативной компетенции), возможно, о трансформации подходов в их ориентации на подготовку обучающихся к сложным, непредсказуемым, полным неопределенности условиям межкультурных контактов.

Сложность ответа на второй вопрос заключается в том, что традиционная лингводидактика, всегда ориентированная на благоприятные условия взаимодействия с представителем иного лингвосоциума, в своем багаже не содержит соответствующих рекомендаций, приемов, способов снятия конфликтности, непонимания, расшифровки имплицитных истинных намерений собеседника, преодоления явной агрессии со стороны собеседника. Нужны инновационные лингводидактические стратегии и тактики, а значит, нужны ученые новой формации, преподаватели, способны отказаться от стереотипизации в обучении ИЯ. Заметим, что отдельные теории и технологии соответствующей дидактической направленности сегодня опубликованы, они весьма интересны и требуют несомненного внимания и широкого распространения [Барышников 2014].

Третий вопрос – Как относиться к диверсификации новых технологий (методик) обучения ИЯ в профессиональных целях?

Сегодня трудно перечислить все многообразие подходов к обучению ИЯ в профессиональных целях. Их разработкой и распространением по всему миру занимаются зарубежные исследователи, которые именно в такой диверсификации находят пути развития науки об обучении иностранным языкам (Methodology of Foreign Language Teaching & Learning, Méthodologie (Didactique) de l'enseignement du FLE). Первые попытки принятия решений в данной области связаны с обучением языку для специальных целей (Language (English) for Specific Purposes – LSP / ESP; Français sur Objectifs Spécifiques – FOS). Такого рода направленность продиктована тенденцией максимальной прагматизации процесса обучения ИЯ, поиском ответа на возникший запрос о вовлечении в развитие европейской экономики широких масс людей, не владеющих / слабо владеющих языком той страны, где они нашли место работы. Результатом развития соответствующих стратегий обучения явилось создание большого количества курсов обучения ИЯ по туризму, гостиничному делу, медицине, экономике, дипломатии и пр. Позднее данное направление в развитии технологий обучения ИЯ детализировалось. Появилось, например, такое ответвление от генеральной линии, как «язык для академических / образовательных / университетских целей» (English for Academic Purposes; Français sur objectifs universitaires – FOU) в ответ на

потребность в подготовке за ограниченный период широких масс людей к обучению в зарубежных вузах.

В последнее время вопрос о спецификации процесса обучения ИЯ в контексте нелингвистической и непедagogической специализации обучающихся подвергается еще большей нюансировке. В частности, в последнее время (ориентировочно последние пять-шесть лет) возникло и стало интенсивно развиваться так называемое интегрированное обучение языку и профессиональным дисциплинам (Content and Language Integrated Learning – CLIL), при котором обучение языку и обучение предметному содержанию профильной дисциплины как минимум равны по времени изучения и по трудозатратам, а как максимум обучение собственно языку уступает в процентном отношении по сравнению с преподаванием предметных знаний (например, в соотношении 30:70). Одновременно обсуждается метод преподавания академических предметов полностью на английском языке – EMI (English as Medium of Instruction).

Каким может быть ответ на третий из поставленных вопросов с учетом тех направлений, которые сегодня активно развиваются за рубежом и столь же активно предлагаются для воспроизводства в российской образовательной среде? Безусловно, опыт различных практик обучения иностранному языку представляет интерес для осмысления, анализа и принятия взвешенных решений о заимствовании / адаптации соответствующих технологий или об отказе от их внедрения. Действительность же такова, что на данный момент преподаватели российских вузов,отягощенные необходимостью предпринять прорывные действия в области обучения иностранному языкам в неязыковых вузах (особенно в тех университетах, которые участвуют в «Программе повышения конкурентоспособности ведущих российских университетов среди ведущих мировых научно-образовательных центров» – «Программа 5-100»), слепо, без должной рефлексии пытаются воспроизвести зарубежные стратегии. Между тем, следует, как представляется, внимательнейшим образом отнестись к анализу нашего отечественного наследия в области профессионально направленного обучения ИЯ – той концепции, которая длительное время (70-90-е гг. XX в.) находила своих сторонников в среде отечественной лингводидактики. Многие из того, что предлагается за рубежом, давно известно в отечественной теории и методике обучения ИЯ и, возможно, нуждается лишь в определенном переосмыслении. Плюс к этому аргументу в пользу принятия взвешенных и осторожных решений говорит и тот факт, что условия преподавания ИЯ в сфере подготовки профессионалов различного профиля в России и за рубежом не являются симметричными. Принять хотя бы во внимание то, что за рубежом преподавание ИЯ ведется в условиях наличия окружающей

языковой среды, тогда как в России такой социокультурный контекст освоения языка для профессионального общения отсутствует.

Таким образом, ученый, преподаватель-практик, задавшись поставленным вопросом, неизбежно столкнется с необходимостью серьезной, вдумчивой исследовательской, экспериментаторской деятельности, чтобы определить наиболее приемлемые и целесообразные подходы к обучению языку студентов неязыковых вузов. Эти подходы, вне сомнения, нуждаются в корректировке, которая, в частности, может идти по пути учета особых параметров профессионального мышления (и шире, профессиональной языковой личности), способных предопределить своеобразие образовательной практики обучения иноязычному общению. По этому пути идут отдельные отечественные ученые (см., например, [Черкашина 2014]). Результаты их исследований заслуживают пристального внимания.

Четвертый вопрос – *Каковы новые ориентиры в подготовке лингвистов и преподавателей ИЯ?*

Последний из предлагаемых вопросов крайне актуален. Связан он с тем, что подготовка выпускников языковых вузов сегодня нуждается в принципиальной переоценке, особенно в случае подготовки лингвистов. Речь идет о понимании профессионального предназначения лингвиста в новую информационную эпоху, в эпоху Промышленности 4.0 (Industry 4.0). Долгое время полагалось, что лингвист – это специалист в области языка, и его долг – служить экспертом в данной сфере для обеспечения эффективной коммуникативной деятельности. Сегодня лингвист оказывается перед новыми вызовами, требующими от него проявления специфических компетенций. Данные компетенции определяются требованиями максимальной стандартизованности методов обмена и использования текстовой информации об объекте (проекте, производстве). От качества текстов, создаваемых на исходном естественном языке и переводимых на все языки распространения продукции, зависит возможность применения высоких уровней автоматизации при их интерпретации и публикации [Беляева 2016: http]. «Специалистам, работающим с новой формой представления информации соответствует английский термин *language worker*, который можно приблизительно перевести как *специалист в области переработки текстов* <...>. Такой термин используется как объединяющая номинация для терминологов, переводчиков, для всех тех, кто создает техническую документацию (технических писателей – *technical authors, technical writers*), специалистов по передаче технической информации (*technical communicators*)» (выделено автором) [Там же].

Приведен лишь один пример того, каким образом современный выпускник вуза – лингвист может найти для себя сферу для самореализации. Имеются и иные профессиональные среды, требующие

активного участия в их реализации лингвистического потенциала выпускников языкового вуза. К ним можно, в частности, отнести специализацию в области маркетинговой, политической лингвистики, лингвистической экспертизе и пр. Данные сферы требуют сегодня кадрового насыщения как в России, так и за рубежом. Вузовская практика должна, тем самым, отвечать на требования эпохи Информации 4.0, искать и находить пути формирования необходимых компетенций у выпускников-лингвистов.

Что касается подготовки преподавателя ИЯ, то моделирование ее реализации также требует обновления. Во-первых, необходимо совершить переход от классической последовательности *от теории к практике* к инновационной – *от практики к теории*. Подобный «переворот» призван максимально прагматизировать процесс обучения будущих преподавателей ИЯ, убрать излишнюю (для четырехлетней системы бакалавриата) теоретизацию, сконцентрироваться на прикладных аспектах подготовки. Потребность в создании прикладной методики обучения ИЯ становится на настоящий момент поистине насущной. Во-вторых (и это вытекает из первой позиции), необходимо обеспечить погружение студентов в пространство педагогического дискурса с присущими ему законами развития, процедурами, со свойственными ему текстовыми реализациями. Это позволит сконцентрироваться именно на тех коммуникационных моделях применения ИЯ, которые значимы для профессионально-педагогической среды взаимодействия [Тарева 2016б]. Приведенные два аспекта демонстрируют то, каким образом процесс подготовки преподавателей ИЯ может быть изменен в соответствии с требованиями сегодняшнего дня.

В заключение следует сказать, что современное состояние общества требует существенных, поистине кардинальных, перемен в области преподавания иностранных языков. В статье предложены наиболее значимые аспекты, изложенные в формате вопросов, которые встают перед преподавателями и учеными, исследующими процессы лингвообразования. Представленными вызовами современная ситуация, безусловно, не ограничивается. Список проблем может быть продолжен. При их постановке и принятии решения необходимо подключение нового методического сознания ученого, преподавателя-практика, способствующего отказу от догматических представлений, поиску путей реформирования иноязычного образования.

Литература

Барышников Н.В. Основы профессиональной межкультурной коммуникации. Учебник. – М.: Инфра-М, 2014.

Беляева Л.Н. Информация 4.0 – компетенции специалиста в пространстве новых технологий – URL: http://fit-herzen-conf.ru/statii/295_belyaeva.php, свободный. – Дата обращения 10.04.2017.

Диалог культур. Культура диалога: Человек и новые социогуманитарные ценности: коллективная монография / Отв. ред. Л.Г. Викулова, Е.Г. Тарева. – М.: НЕОЛИТ, 2017.

Межкультурное иноязычное образование: Лингводидактические стратегии и тактики / Отв. ред. Е.Г. Тарева. – М.: Логос, 2014.

Тарева Е.Г. Обучение языку и культуре: инструмент «мягкой силы»? // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2016а. - № 3 (23). – С. 94-101.

Тарева Е.Г. Педагогический дискурс как объект лингводидактического рассмотрения (ориентиры обновления процесса подготовки учителей иностранного языка) // Педагогический дискурс: новые стратегии подготовки учителей иностранных языков: Материалы международной конференции / под общ. ред. Е.Г. Таревой, Л.Г. Викуловой, 2016б. – С. 26-33.

Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово, 2000.

Черкашина Е.И. Вариативность языковой подготовки студентов неязыкового вуза // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2014. - № 3 (15). – С. 87-95.

ЧЕРКАШИНА Е.И.

ПОДГОТОВКА БУДУЩИХ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА К ПРОЕКТИРОВАНИЮ ЛИНГВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ

Abstract. The article discusses the main tasks of the foreign language teacher in the system of higher education. The focus is on teacher training concentrating on the ability of students of non-linguistic educational institutions, their way of thinking. The process requires the teacher's willingness and ability to model linguo-educational process in a technical university with reference to the language for specific purposes of future specialists. The article suggests ways of linguodidactic preparation of the foreign language teacher for non-linguistic universities in the two-level system of training.

Key words: foreign language teacher, professional training, linguo-educational process, abilities, mindset.

Образование не имеет права обходить стороной проблему изменчивости мира, старения знаний, стереотипов мышления и действия, устаревания привычных форм и методов, приемов трудовой деятельности, способов ее организации и т.д. Уже сейчас ясно, что степень и скорость изменения предметного и социального окружения человека будут повышаться. Это означает, что недостаточно выработать у человека лишь способы адаптации к изменяющейся среде и достижениям научно-технического прогресса. Дэниел Пинк в своей книге пишет о грандиозном перевороте, происходящем в большинстве развитых цивилизованных обществ, и указывает на то, что мы вступает в новую эпоху. Это будет эпоха, «в основание которой ляжет иной тип мышления и иной подход к жизни – то, что я называю «общей концептуальностью» и «глубоким проникновением». Владение общей

концептуальностью – это умение улавливать закономерности и возможные варианты, умение комбинировать несвязанные на первый взгляд понятия в нечто новое. Глубокое проникновение – это способность к эмпатии, умение чувствовать нюансы человеческого взаимодействия, находить ресурсы для оптимизма внутри себя и заражать им окружающих, а также выходить за пределы повседневного в поисках смысла и предназначения жизни» [Пинк 2014:11].

Как справедливо отмечает Н.И Алмазова, «изменились условия, институциональная организация и статус системы образования, источники финансирования и партнеры-потребители научного и образовательного продукта. Это означает, что давно встали вопросы, от решения которых зависят методы и способы как теоретической, так и практикоориентированной работы в системе вузовской образовательной и научной практики [Алмазова 2015:107]. В свете новых требований к уровню профессиональной подготовки педагогических кадров для высшей школы актуальным является качественное обновление содержания педагогической, психологической и методической подготовки преподавателей вузов.

Встает вопрос о разработке программ лингводидактической подготовки преподавателя иностранного языка для неязыковых вузов. На сегодняшний день можно констатировать, что подготовка будущих преподавателей иностранного языка ориентирована на изучение общей методики преподавания иностранных языков, на формирование у них общих лингводидактических компетенций. Однако, как показывает опыт, большинство преподавателей иностранного языка идут работать в неязыковые вузы, готовящие специалистов для самых разных сфер производства. Количество неязыковых вузов неуклонно растет на фоне сокращения педагогических вузов и факультетов. Также растет спрос на преподавателей, специализирующихся на обучении иностранному языку для специальных целей (деловой, юридический, медицинский, в сфере туризма). Стало очевидно, что основные требования, предъявляемые к личности современного преподавателя иностранного языка, такие как высокий профессиональный уровень владения иностранным языком (теоретический и практический) и сформированные профессиональные лингводидактические компетенции, не удовлетворяют в полной мере запросы общества и рынка труда.

Рыночные условия и требования работодателей диктуют образовательной среде новый уровень подготовки компетентных специалистов, владеющих иностранным языком в своей сфере профессиональной деятельности. Следует подчеркнуть, именно владеющих иностранным языком на уровне Общеввропейских компетенций B1, а не знающих иностранный язык в рамках учебных занятий (чтение и перевод текстов по специальности). На первый план

выступает готовность преподавателя иностранного языка к организации лингвобразовательного процесса в техническом вузе с учетом технологических этапов подготовки специалистов, а также способность разработать курс иностранного языка для подготовки узкопрофильных специалистов по заказу работодателя. Важна также его готовность «быстро адаптироваться к меняющимся условиям социально-культурной среды, креативные способности и степень их развития, мобильность в использовании разнообразных форм и методов обучения с ориентацией на международную коммуникацию» [Губанова 2013: 6]. Таким образом есть профессиональная подготовка преподавателя иностранного языка предполагает наличие у него сформированных специальных лингводидактических компетенций. Согласимся с мнением Л.В. Губановой, что «особый акцент несет на себе проявление такой креативной способности, как способность к преодолению традиционности в процессе обучения иностранным языкам, которая не может быть реализована и развита вне способности самого преподавателя и его способности к проектированию» [там же].

Мы также ставим вопрос о преодолении традиционности в процессе обучения иностранным языкам студентов неязыковых вузов и предлагаем новую модель лингвобразовательного процесса в системе высшего профессионального образования [Cherkashina 2016]. Термин *лингвобразовательный процесс* был введен Н.Л. Уваровой, которая определяет его как «совокупность педагогических действий, направленных на формирование социально-профессиональной личности обучающегося средствами языковой подготовки» [Уварова 2011: 3]. В неязыковом вузе перед преподавателем иностранного языка поставлен ряд задач, которые он должен реализовать в образовательном, в нашем случае лингвобразовательном, процессе в сжатые сроки, интенсивно используя новые технологии и формы организации учебного процесса. Важен конечный результат в виде сформированной лингвопрофессиональной компетенции, позволяющей будущим специалистам осуществлять профессиональную деятельность на иностранном языке. Несомненно, использование интерактивных технологий, интернета и все увеличивающихся возможностей использования новых гаджетов позволяют оптимизировать процесс обучения иностранным языкам, но вот конечный результат так и остается недостижимым большому количеству студентов неязыковых вузов.

Это связано с двумя причинами. Первая причина, как упоминалось выше, это следование традиционной модели построения процесса обучения иностранному языку, при которой не учитывается тип учебного заведения, профиль подготовки будущих специалистов, цель обучения иностранному языку (обучение языку специальности или обучение языку для специальных целей при подготовке

узкопрофильных специалистов). Как справедливо отмечает Л.В. Губанова, «школьные учителя и преподаватели иностранного языка вузов зачастую в своей профессиональной деятельности не могут (и не умеют!) преломить общедидактические и психологические закономерности по отношению к своему предмету и опираются, главным образом, либо на свою интуицию, либо на заимствованные (и не всегда критические) приемы своих наставников» [Губанова 2013: 8]. В своей работе Л.А. Сивицкая, Л.Г. Смышляева, А.В. Смышляев также подчеркивают, что «психологически наиболее сложным в переходе от традиционного к компетентностному обучению оказывается процесс освоения преподавателями нового типа управления – системного управления целостной ситуацией, предполагающей, прежде всего, изменение собственной личностной позиции и роли в учебной ситуации, перестройки внутренней картины этой ситуации» [Сивицкая, Смышляева, Смышляев 2010: 53].

Целесообразно представить результаты исследования, проведенного авторами в Томском политехническом университете с 2006 по 2009 гг. среди преподавателей технических специальностей. Предметом исследования было выявление наиболее развитых компетенций преподавателей в структуре их собственной педагогической деятельности. Как показали результаты анкетирования, «более 50 % испытуемых показали выраженную тенденцию преобладания гностического компонента профессиональной педагогической деятельности. Такие компетенции, как конструктивно-проектные, отмечены вторыми по преобладанию у 38 % испытуемых, а организационные (отмеченные 8 % испытуемых) и коммуникативные (6 %) вынесены респондентами на последнее место» [Сивицкая 2010: 53].

Авторы делают вывод, что «преобладание гностического компонента в педагогической деятельности преподавателей высшей школы может быть объяснено использованием традиционных подходов в образовательных практиках, где преподаватель – «держатель знаний» [там же]. Низкий рейтинг конструктивно-проектного, организационного и коммуникативного компонентов профессиональной деятельности преподавателей высшей школы, по мнению исследователей, свидетельствует о невысокой степени использования педагогических технологий активизации обучения. Авторы указывают на наличие дефицита методической готовности преподавателей высшей школы к реализации компетентностного подхода и связывают это с недостаточной развитостью компетенций преподавателей. Справедливо отмечена недостаточная сформированность профессиональных компетенций. Но стоит подчеркнуть еще раз, что самое трудное для преподавателя – это «изменение собственной личностной позиции и роли в учебной

ситуации, перестройка своей внутренней картины этой ситуации» [там же]. Это очевидно на примере организации лингвообразовательного процесса в техническом вузе. Как правило, преподаватель иностранного языка в неязыковом вузе планирует занятие или выстраивает в целом учебный процесс, исходя из своей модели освоения и овладения иностранным языком. Он опирается на структуру своих исходных способностей, на свой опыт изучения языка или языков в системе лингвистического или педагогического образования. Однако, как показывает практика, данная модель не является универсальной и требует серьезного переосмысления и обновления.

Следует отметить, что способности студентов технических вузов лежат в другой плоскости, и часто не совпадают с тем набором языковых способностей, которые позволяют студентам гуманитарных специальностей овладеть иностранным языком без особых трудностей и в короткие сроки. Это, прежде всего, наличие лингвистических способностей (чувство языка, способность охватить весь текст сразу, связать часто противоречивые данные в единое целое), которыми обладает также и сам преподаватель иностранного языка. И тут выявляется вторая причина неудач в плане организации лингвообразовательного процесса в неязыковом вузе. Это связано с особенностями типа мышления обучающихся нелингвистического профиля подготовки, с психофизиологическими способностями, которыми обладают студенты технических специальностей и которые, как правило, не учитываются преподавателем иностранного языка в процессе обучения.

Анализ научно-методической литературы показывает, что в настоящее время время поиском путей повышения эффективности профессиональной подготовки будущих преподавателей, и в частности, будущих преподавателей иностранного языка занимаются ученые, работающие в сфере общей и специальной психологии, психофизиологии, нейропсихологии. Е.А. Климов по этому поводу пишет: «Программные «столбы» между отраслями науки – продукт ума... Научные положения – тоже запасы (ресурсы) общедоступные. Их надо брать для решения жизненных задач, не смущаясь тем «чьи» они и по какому «удельному княжеству» науки числятся» [Климов 2004: 8]. Действительно, в последнее десятилетие в педагогическом сообществе все чаще звучит мнение о необходимости использовать знания нейропсихологии и дифференциальной психофизиологии в педагогическом процессе не только психологами, но и преподавателями иностранного языка [Смирнова-Бауэр 2007; Степанов 2009; Губанова 2013; Черкашина 2016].

Анализ развития учения о функциональной асимметрии головного мозга и межполушарном взаимодействии позволяет выделить ряд проблем, которые имеют непосредственное отношение к

лингвообразовательному процессу. Справедливо мнение В.А. Москвина и Н.В. Москвиной о том, что актуальной для организации образовательного процесса и его оптимизации является учет индивидуального профиля латеральности обучающихся, так как «индивидуальный профиль латеральности (ИПЛ) влияет на стиль переработки информации: вербально-логической («левополушарный тип») и зрительно-пространственный («правополушарный тип») [Москвин, Москвина 2011: 293]. В работах по лингвоперсонологии отмечается, что преподаватель иностранного языка и студент технического вуза представляют собой языковые личности противоположного мыслительного типа, с разными способами восприятия мира, и, возможно, иной картиной мира [Лингвоперсонология 2006]. Следовательно, стиль усвоения (восприятия) учебной информации студентами технических вузов зависит от их индивидуального профиля латеральности. В то время как стиль подачи учебной информации преподавателем иностранного языка остается таким, каким его самого, будущего лингвиста-преподавателя, учили в педагогическом или лингвистическом вузе.

Преподаватель иностранного языка излагает материал так, как учили его в свое время, например, введение нового грамматического материала проводится в лекционной форме с развернутыми, пространственными объяснениями. При этом, забывая, что у него, будущего преподавателя, была другая цель – научиться приводить развернутые теоретически обоснованные пояснения, сходства и различия в употреблении структур в одном из изучаемых языков и т.д. Цель студента технического вуза – выработать навык употребления данных грамматических явлений в ситуациях реального профессионального значимого общения. И в этом случае наблюдается несовпадение стиля восприятия учебной информации обучающимися со стилем подачи учебной информации преподавателем иностранного языка, т.е. на лицо когнитивный диссонанс.

Полагаем, что если бы будущий преподаватель иностранного языка был готов к работе с обучающимися как с представителями другого типа мышления, то процесс обучения иностранному языку стал бы эффективным. Знание преподавателем иностранного языка психофизиологических особенностей мышления обучающихся, не забывая при этом, что он сам представляет собой иной тип личности, позволит преподавателю моделировать лингвообразовательный процесс и формировать лингвопрофессиональную компетенцию будущих специалистов. При этом, принимая на себя роль не просто организатора процесса обучения, а фасилитатора, важно создавать условия для овладения иностранным языком в той системе координат, в которой студенты технических специальностей легко ориентируются.

Актуальность подготовки преподавателя иностранного языка для системы высшего профессионального образования не вызывает сомнений. Требования государственного стандарта образования и рынка труда заставляют педагогическое сообщество переосмыслить и обновить структуру, содержание, формы и методы подготовки будущих преподавателей иностранного языка. И в системе этой подготовки особое значение придается формированию специальных лингводидактических компетенций преподавателя иностранного языка для неязыковых вузов. Полагаю, что лингводидактические основы обучения иностранному языку специальности могут быть предложены будущим преподавателям иностранного языка в курсе дисциплин по выбору. Такой курс позволит ознакомить их с особенностями мышления студентов неязыковых вузов, с трудностями овладения иностранным языком этой категории студентов и представить общую схему построения процесса обучения иностранному языку специальности. Предлагаемый курс по выбору будет, по сути, вводным курсом по методике преподавания иностранного языка в неязыковом вузе.

Однако более эффективной будет подготовка будущих преподавателей иностранного языка для неязыковых вузов в системе магистратуры. Во-первых, предложенную магистерскую программу смогут выбрать преподаватели, нацеленные на работу в неязыковом вузе, как бакалавры лингвистического или педагогического профиля подготовки, так и преподаватели, уже работающие в системе высшего профессионального образования. Во-вторых, это будут преподаватели, которые были вынуждены сменить работу в педагогическом или лингвистическом вузах, число которых неуклонно сокращается в последние годы, на неязыковой вуз. Подготовка в системе магистратуры позволит преподавателю иностранного языка получить системные знания о нейропсихологии индивидуальных различий и дифференциальной психофизиологии, освоить навыки моделирования лингвообразовательного процесса в зависимости от профиля подготовки специалистов, что в целом будет способствовать оптимизации процесса обучения иностранному языку студентов неязыковых вузов. Освоенная магистерская программа позволит преподавателю иностранного языка в дальнейшем соответствовать уровню подготовки специалиста, заданному государственным стандартом, быстро адаптироваться как к языку профессии, так и к обучаемому контингенту, не оставаясь в своей системе лингвистической подготовки.

Литература

- Алмазова Н.И. Гуманитарная стратегия: от непрофильности к лидерству // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2015. – № 3 (19). – С. 105-112.
- Губанова Л.В. Психолого-педагогические основы подготовки преподавателей иностранных языков (в условиях работы в неязыковых учебных заведениях). – М.: ИНФРА-М, 2013.
- Климов Е.А. Педагогический труд: психологические составляющие. – М.: Академия, 2004.
- Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение: моногр. / Н.Д. Голева, Н.В. Сайковой, Э.П. Хомич. – Барнаул; Кемерово: БГПУ, 2006.
- Москвин В.А., Москвина Н.В. Межполушарные асимметрии и индивидуальные различия человека. – М.: Смысл, 2011.
- Сивицкая Л.А., Смышляева Л.Г., Смышляев А.В. Реализация компетентного подхода в высшей школе: дефициты методической готовности преподавателей // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). – 2010. – Вып. 12 (102). – С. 52-55.
- Смирнова-Бауэр Е.А. Межполушарная асимметрия мозга и технология обучения иностранному языку: моногр. – М.: Изд-во МГОУ, 2007.
- Степанов В.Г. Психологические особенности школьников и взрослых, обусловленные функциональной асимметрией мозга: возраст, обучение, профориентация: моногр. – М.: Изд-во МГОУ, 2009.
- Уварова Н.Л. Профессиональное лингвообразование в высшей школе: моногр. – Нижний Новгород: Изд-во Волго-Вятской академии гос. службы, 2011.
- Черкашина Е.И. Новый подход к преподаванию иностранного языка специальности в неязыковом вузе // Профессиональное образование: модернизационные аспекты: коллективная моногр. / в 9-ти томах. – Том 9. – Ростов-на-Дону: Издательство Международного исследовательского центра «Научное сотрудничество», 2016. – С. 179-210.
- Cherkashina E. Matrix as a model of creating a foreign language teaching process for students of a technical university. London Review of Education and Science, 2016, № 1 (19), (January-June). Volume III. «Imperial College Press», 2016. – P. 464-471.

ШУМЕЙКО Т.Н.

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Abstract: In the article the author reflects of enlightenment and enlightenment activity among foreign language teachers who having linguistic or pedagogical education teach at nonlinguistic higher schools. The author traces the components of foreign language teachers' enlightenment activity and gives its definition.

Key words: foreign language teachers; enlightenment; enlightenment activity; technological awareness.

Одним из требований ФГОС к профессиональной подготовке студентов в неязыковом вузе (в статье рассматривается направление подготовки «Проектирование, производство и эксплуатация ракетно-космических комплексов») является *просветительская деятельность* [ФГОС ВО 2016: 27]. Практика преподавания в неязыковом вузе показывает, что реализация данной направленности в профессиональном образовании сталкивается с многообразными проблемами.

Просветительская деятельность в рамках иноязычного образования (далее – ИО) в высшей школе представляет собой некое взаимодействие, с одной стороны, преподавателя иностранного языка (далее – ИЯ), а с другой – студентов. В этой статье внимание сосредоточено на активности преподавателя, который, часто имея лингвистическое или педагогическое образование, должен выполнять требования ФГОС относительно формирования у студентов способности «к осуществлению просветительской и воспитательной деятельности в сфере публичной и частной жизни» [там же]. Очевидно, что проблема выполнения вышеупомянутого требования является актуальной и требующей решения. Вышеупомянутая компетенция (ОК-7) относится к достижениям научно-технического прогресса в профессиональной сфере будущих инженеров, поэтому его выполнение требует от преподавателя ИЯ особых усилий.

В статье мы раскрываем сущностную характеристику просветительской деятельности преподавателя ИЯ на основе анализа понятий *деятельность, просвещение, личность*. Анализ научной литературы показал, что исследованиями *деятельности* занимаются такие науки как философия, психология и социология, и все они отмечают, что данный процесс – это специфически человеческая сознательная активность, которая направлена на преобразование мира [Социальная философия 2008: 64]. Современная философско-социологическая трактовка делает акцент на общительность, присущую деятельности и ее продуктам как воплощению личностных возможностей и потенциала ее создателя [Современный философский словарь, 2015: 171]. Можно заключить, что деятельность присутствует в жизни каждой «действительной» личности, которая «обнаруживает себя тогда и там, когда и где индивид в своих действиях и продукте своих действий вдруг производит результат, всех других индивидов волнующий, всех других касающийся, всем другим близкий и понятный, короче — *всеобщий результат, всеобщий эффект*» [Ильенков 1972: 10]. Настоящая «действительная» личность «открывает нечто новое для всех, лучше других и полнее других выражая «суть» всех других людей, своими делами раздвигая рамки личных возможностей, открывая для всех то, чего они еще не знают, не умеют, не понимают» [Там же]. Из приведенной цитаты становится очевидно, что «действительная» личность частично находит самовыражение в деятельности, имеющей своей целью передачу знаний, культурных ценностей, что свою очередь расширяет миропонимание и возможности участия в жизни общества других личностей. Деятельность такой направленности без сомнения носит просветительский характер и может быть названа *просветительской деятельностью*.

Понятие *просвещение* понимается как «распространение знаний, образования; система воспитательно-образовательных мероприятий и

учреждений» [Советский Энциклопедический словарь 1986: 1070], что указывает на связь просвещения с образованием, воспитанием и общественной деятельностью, при этом последняя оказывает особое влияние на личность, формируя «потребность активного созидания» [Шаблов 2002: 26], а значит активного участия в жизни общества.

Преподаватель ИЯ в неязыковом вузе, обучая студентов профессиональной иноязычному общению, сталкивается с необходимостью вести просветительскую деятельность, которая находит свое отражение в иноязычном общении диалогического и дискуссионного характера [Бахтин 1979: 298].

В виду вышеизложенного мы полагаем, что просветительская деятельность преподавателя ИЯ заключается

- в самостоятельном целенаправленном поиске информации на ИЯ о инновациях и технологиях с целью формирования у студентов общечеловеческих научных ценностей и профессионально-ориентированной речи;
- в ознакомлении с мнениями зарубежных авторов относительно применения научных достижений в сфере промышленности и социальных последствий с целью развития критического мышления;
- проведении со студентами учебных диалогов, дискуссий и дебатов с тем, чтобы на занятиях ИЯ показать движение в области культурной и духовной жизни, научных и социальных изменений.

Обобщая сказанное выше, мы считаем, что просветительская деятельность преподавателя ИЯ – часть педагогического процесса, которая направлена на формирование просветительской культуры иноязычной речи студентов, расширение их лингвистического и профессионального кругозора, взаимообучения.

Литература

- Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979.
- Ильенков Э.В. Что же такое личность?// Психология личности. Тексты / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, А.А. Пузыря. – М.: Изд-во МГУ, 1982.
- Приказ Минобрнауки России от 01.12.2016 № 1517 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по специальности 24.05.01 Проектирование, производство и эксплуатация ракет и ракетно-космических комплексов (уровень специалитета)» www.minedu.gov.ru
- Советский Энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. – М.: Советская энциклопедия, 1986.
- Современный философский словарь. Кемеров В.Е., Керимов Т.Х. – 4-е изд., испр. и дополн. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2015.
- Социальная философия: Учебный словарь Гобозов И.А. – М.: Академический проект, 2008.
- Шаблов О.Н. Формирование ценностных отношений у подростков в условиях загородного детского центра: дис. ...канд. пед. Наук: 13.00.02. – Кострома, 2002.

Авторская справка

Абакарова Надежда Гаджиевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры романской филологии ИИЯ МГПУ

E-mail: n-abakarova@yandex.ru

Андрух Алина Олеговна – ассистент, Московский Политехнический Университет, аспирант МГПУ ИИЯ

E-mail: alinaandrukh@mail.ru

Бабич Екатерина Вячеславовна – соискатель кафедры романской филологии ИИЯ МГПУ

E-mail: ekaterina-babich@yandex.ru

Бейн Евгения Ивановна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры немецкого и французского языков, Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)

E-mail: evbejn@yandex.ru

Борботько Людмила Александровна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры языкознания и переводоведения, ИИЯ МГПУ

E-mail: ludmilaborbotko@gmail.com

Борисова Елена Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии ИИЯ МГПУ

E-mail: BorisovaE@mgpu.ru

Боровикова Наталья Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры перевода и прикладной лингвистики, Высшая школа социально-гуманитарных наук и международной коммуникации САФУ им. М.В. Ломоносова

E-mail: borna@inbox.ru

Бочкарев Андрей Евгеньевич – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры литературы и межкультурной коммуникации, кафедры прикладной лингвистики, Департамент литературы и межкультурной коммуникации, НИУ ВШЭ (Нижний Новгород)

E-mail: bochkarev.andrey@mail.ru

Бурчинский Владимир Николаевич – кандидат филологических наук, профессор, профессор кафедры теории и практики французского языка, НГЛУ им. Н. А. Добролюбова

E-mail: burchin@lunn.ru

Васильева Екатерина Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, Карельский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

E-mail: libellule_26@mail.ru

Викулова Лариса Георгиевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры романской филологии, ИИЯ МГПУ

E-mail: vikulovalg@mail.ru

Воскресенская Мария Сергеевна – преподаватель кафедры иностранных языков МГЮУ им. О.Е. Кутафина, аспирант кафедры романской филологии ИИЯ МГПУ

E-mail: Voskresenskaya_m@mail.ru

Вострикова Ольга Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии ИИЯ МГПУ

E-mail: o.w.wolke@list.ru

Вышенская Юлия Павловна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры фонетики английского языка РГПУ им. А.И. Герцена

E-mail: clemence_isaure@rambler.ru

Гагарина Людмила Станиславовна – кандидат филологических наук, доцент, директор территориального центра доступа к электронным информационно-образовательным ресурсам РосНОУ

E-mail: gagarina.75@mail.ru

Герасимова Светлана Анатольевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры французского языка и лингводидактики ИИЯ МГПУ

E-mail: gerasvetlana@yandex.ru

Глухова Юлия Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры современных европейских языков ИИЯ РГПУ им А.И.Герцена

E-mail: ygloukhova@yandex.ru

Головчанская Ирина Ильинична – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры французского языка и лингводидактики, ИИЯ МГПУ,

E-mail: golo-irina@bk.ru

Горбунов Юрий Иванович – доктор филологических наук. доцент. профессор кафедры теории и практики перевода, Тольяттинский государственный университет

E-mail: yourigorbounov@tltsu.ru

Григорьева Елена Яковлевна – доктор педагогических наук, профессор кафедры романской филологии, ИИЯ МГПУ

E-mail: egrig@inbox.ru

Гринев Сергей Викторович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры англистики и межкультурной коммуникации, ИИЯ МГПУ

E-mail: svgrinev1@gmail.com

Диасамидзе Виктория Григорьевна – кандидат филологических наук, ассоциированный профессор, Батумский гос. университет им. Шота Руставели

E-mail: victoria.diasamidze777@mail.ru

Диасамидзе Лейла Яковлевна – кандидат филологических наук, преподаватель, PhD, Батумский гос. университет им. Шота Руставели

E-mail: leila.diasamidze82@mail.ru

Дорогайкина Екатерина Михайловна – старший преподаватель кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Сибирский государственный аэрокосмический университет имени академика М.Ф. Решетнева

E-mail: katya.dorogaykina@ya.ru

Дубнякова Оксана Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры романской филологии ИИЯ МГПУ

E-mail: oks_d@mail.ru

Егорова Ольга Сергеевна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой иностранных языков, ЯГПУ им. К.Д. Ушинского

E-mail: inyaz-egorova@yandex.ru

Загряжкина Татьяна Юрьевна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой французского языка и культуры факультет иностранных языков и регионоведения, МГУ имени М.В. Ломоносова

E-mail: tatiana_zagr@mail.ru

Землянская Ирина Сергеевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры учета, анализа и аудита Волгоградский институт управления – Волгоградский филиал РАНХиГС

E-mail: zemlyanskaya-irina@ya.ru

Ильина Татьяна Петровна – кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры фонетики и грамматики французского языка МГЛУ

E-mail: tatna351@yandex.ru

Илинский Кирилл Михайлович – кандидат филологических наук, доктор Сорбонны, Университет Париж-Сорбонна

E-mail: k-ilinski@yandex.ru

Карпова Анна Вадимовна – аспирант кафедры романской филологии ИИЯ МГПУ

E-mail: laanekarpova@gmail.com

Касьянова Наталья Борисовна – ассистент кафедры французского языка и лингводидактики, аспирант кафедра романской филологии ИИЯ ГАОУ МГПУ

E-mail: kassianata@yandex.ru.

Кашлявик Кира Юрьевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры прикладной лингвистики и межкультурной коммуникации, Департамент литературы и межкультурной коммуникации, НИУ ВШЭ (Нижний Новгород)

E-mail: kachlavi@rambler.ru

Кирнозе Зоя Ивановна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры философии и эстетики, Нижегородская государственная консерватория им. М.И. Глинки

E-mail: z-kirnoze@yandex.ru

Клейменова Наталья Михайловна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры романской филологии ИИЯ МГПУ

E-mail: n.kleimenova@mail.ru

Козаренко Ольга Михайловна – кандидат географических наук, доцент, доцент Департамента языковой подготовки, Финансовый университет при Правительстве РФ

E-mail: okozarenko@gmail.com

Колтунова Светлана Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Белгородский государственный институт искусств и культуры

E-mail: rusvkoltunova85@yandex.ru

Короленко Ольга Игоревна – аспирант кафедры романской филологии ИИЯ МГПУ

E-mail: olgakfr@mail.ru

Круговец Вера Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Нижегородская государственная консерватория им. М. И. Глинки

E-mail: Vkrugovets@yandex.ru

Кузнецова Татьяна Яковлевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры перевода и прикладной лингвистики, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова

E-mail: kuz1971@atnet.ru

Кулагина Ольга Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков им. В.Г. Гака, Московский педагогический государственный университет

E-mail: lynxik@yandex.ru

Кулешова Анна Васильевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры французского языка и лингводидактики ИИЯ МГПУ,

E-mail: ksas3@yandex.ru

Лукина Анна Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры романской филологии, РГПУ им. А. И. Герцена

E-mail: anialuk@yandex.ru

Манухина Алла Олеговна – кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии МГЛУ

E-mail: amanuhina@mail.ru

Михайлова Елена Николаевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации, Институт межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета (НИУ БелГУ)

E-mail: emikhailova@yandex

Михайлова Светлана Владиславовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры французского языка и лингводидактики, ИИЯ МГПУ

E-mail: jevouslis@mail.ru

Муратова Ольга Анатольевна – аспирант кафедры романской филологии ИИЯ МГПУ

E-mail: muratovaolga@yandex.ru

Невежина Елизавета Андреевна – кандидат филологических наук, специалист по учебно-методической работе кафедры французского языка и культуры, факультет иностранных языков и регионоведения, МГУ им. М.В. Ломоносова

E-mail: liza031190@gmail.com

Новоселова Наталья Васильевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры французского языка, Омский государственный педагогический университет

E-mail: n-novosselova@yandex.ru

Пескова Елена Анатольевна – старший преподаватель кафедры «Русский как иностранный» Пензенский государственный университет

E-mail: e.blanche@mail.ru

Поликарпова Татьяна Дмитриевна – доктор филологических наук, зав. кафедрой общего образования ГОУДПО «Коми республиканский институт развития образования»

E-mail: tia-pol@mail.ru

Полякова Наталия Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии Московского государственного областного университета

E-mail: movistar_82@hotmail.com

Полянская Людмила Павловна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры французского языка, Новосибирский государственный педагогический университет

E-mail: ludmilapl50@mail.ru

Разумова Лина Васильевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры европейских языков и лингводидактики, факультет филологии и массовых коммуникаций, Забайкальский государственный университет (г. Чита)

E-mail: lina.razumova@mail.ru

Райскина Валерия Александровна – аспирант кафедры романской филологии ИИЯ МГПУ

E-mail: rayskinav@mail.ru

Рянская Эльвира Михайловна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и перевода, Нижневартровский государственный университет

E-mail: elohka2210@yandex.ru

Саликова Ольга Васильевна – аспирант кафедры романской филологии РГПУ им. А.И.Герцена

E-mail: salikovaov857@bk.ru

Семина Ирина Александровна – доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой лексикологии и стилистики французского языка факультета французского языка МГЛУ

E-mail: isemfirs@mail.ru

Серебренникова Евгения Федоровна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры романо-германской филологии Института филологии, медиакоммуникаций и иностранных языков, Иркутский государственный университет

E-mail: serebr_ef_76@mail.ru

Скуратов Игорь Владимирович – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой романской филологии Московского государственного областного университета

E-mail: iv.skuratov@mgou.ru

Сластникова Тамара Васильевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры романской филологии Московского городского педагогического университета

E-mail: tomas59@mail.ru

Смирнова Вера Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, декан факультета филологии, переводоведения и межкультурной коммуникации Тихоокеанский государственный университет (Хабаровск)

E-mail: smirnova-vera@mail.ru

Смирнова Мария Александровна – кандидат филологических наук, доцент, Военный университет Министерства обороны РФ

E-mail: fiveoclocktea@gmail.com

Становая Лидия Анатольевна – доктор филологических наук, профессор, профессор, заведующая кафедрой романской филологии ИИЯ РГПУ им. А.И. Герцена

E-mail: lida_stan@mail.ru

Суслова Ольга Евгеньевна – старший преподаватель кафедра романской филологии РГПУ им А.И. Герцена

E-mail: olga-suslova@mail.ru

Soutet Olivier – PhD., Professeur, Directeur de l'UFR de Langue Française, Université Paris-Sorbonne

E-mail: olivier.soutet@paris-sorbonne.fr

Тарева Елена Генриховна – доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой французского языка и лингводидактики ИИЯ МГПУ

E-mail: elenatareva@mail.ru

Тимашева Оксана Владимировна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры романской филологии ИИЯ МГПУ

E-mail: timacheva@list.ru

Турбина Ольга Александровна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры лингвистики и перевода, директор Лингвистического центра, Южно-Уральский государственный университет

E-mail: turbina371@mail.ru

Тюрина Татьяна Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры латинского и иностранных языков, Красноярский государственный медицинский университет им. проф. В. Ф. Войно-Ясенецкого

E-mail: tyurina12@mail.ru

Хохлова Нина Петровна – кандидат филологических наук, доцент, Белорусский национальный технический университет

E-mail: ninange@yandex.ru

Черкашина Елена Ивановна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры романской филологии, ИИЯ МГПУ

E-mail: elena_chere@inbox.ru

Шелухова Елена Валерьевна – аспирант кафедры романской филологии РГПУ им. А.И. Герцена

E-mail: elena.shelukhova@yandex.ru

Школьникова Ольга Юрьевна – доктор филологических наук, профессор, кафедра романского языкознания филологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова

E-mail: chkolnikova@mail.ru

Шумейко Татьяна Николаевна – аспирант кафедры французского языка и лингводидактики, ИИЯ МГПУ

E-mail: t@shumeyko.com

Яковлева Елена Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры романской филологии, РГПУ им. А.И. Герцена

E-mail: el-vl-yakovleva@yandex.ru

Научное издание

**ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ И АКТУАЛЬНОЕ В РАЗВИТИИ
ЯЗЫКА: КАТЕГОРИИ, ФАКТОРЫ, МЕХАНИЗМЫ**

XVIII Международная конференция
Школы-Семинара имени Л.М. Скрелиной

Сборник статей

Выпускающий редактор *В. А. Гнездилова*
Верстка *И. В. Макарова*

Подписано в печать 15.06.2017. Формат 60×88 ¹/₁₆.
Печать цифровая. Бумага офсетная № 1. Гарнитура Таймс.
24,25 печ. л. Тираж 500 экз. Первый завод 122 экз. Заказ № 11

Научно-исследовательское, информационно-издательское
предприятие «Языки Народов Мира»
113319, Москва, Ленинский пр-т, 95

Отпечатано в типографии издательства «Языки Народов Мира»
E-mail: yaznarmir@mail.ru